

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

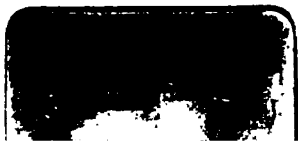
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

EX
SS

Рыбников, Р. Н.

П Ъ С Н И

СОБРАННЫЯ П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ.

ЧАСТЬ II.

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ,

СТАРИНЫ И ПОБЫВАЛЬЩИНЫ.

Изд. Им-т им. А. Н. Герцена

IV БИБЛ. ПУГ. (Собственность Собирателя).

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА

16636

Проз. 50

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА.

1862.

3. 4.

263/13
R9
1861
V2

Одобрено Ценсурю. Москва. Мая 22-го дни, 1862 года.

ВНУТРЕННЯЯ ПЕЧАТНИЦА
1862
1862

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Успѣхъ изданія I-й Части въ литературѣ, въ обществѣ, въ жизни—оправдалъ ожиданія:

Но такое сочувствіе, простирающееся обыкновенно при изданіяхъ этого рода на 400 или 500 человекъ изъ многихъ милліоновъ жителей Руси, не выкупаетъ матеріальныхъ издержекъ: вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему такъ долго не являлась въ свѣтъ II-я Часть Сборника и почему вѣроятно задержится III-я, готовая къ печатанію.

Въ настоящемъ случаѣ Собраніе П. Н. Рыбникова не ограничено, какъ въ I-й Части, одною Оловецкой областью. Еще болѣе разнообразія должно бытъ въ III-й Части; впрочемъ, тамъ мы думали помѣстить однѣ уже пѣсни такъ называемыя Женскія, Обрядныя, Свадьбы, Заплачки, Заговоры и т. п.: недавняя присылка Собирателя подаетъ надежды еще и на продолженіе Былинъ.

Желаемъ, чтобы II-я Часть Сборника поскорѣе вывела за собою и III-ю, безъ тѣхъ замедленій, которыя суждены многими другимъ изданіямъ народныхъ произведеній Русскаго творчества.

П. Безсоновъ.
Д. Хомяковъ.

1862 года,
Мая 13 дня.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИ.

...иже...
...иже...
...иже...

Миклушка Селяниновичъ.

...иже...
...иже...
...иже...

ВРЕМЯ

...иже...
...иже...
...иже...

ВЛАДИМІРОВО

...иже...
...иже...
...иже...

БОГАТЫРИ

...иже...
...иже...
...иже...

КИЕВСКИЕ

...иже...
...иже...
...иже...

...иже...
...иже...
...иже...

И. Введенскій.
Л. Комаровъ.

1865 годъ.
№ 12 кн.

МИКУЛУШКА СЕЛЯНИНОВИЧЪ,

... ..

(Киевское общество)

Ай же ты, Микулушка Селянинович!
Была у тебя нынче Педина-голова; р... ..
Задынула она голову подь оболочку...

Былъ-то онъ во городѣ въ Киевѣ, ...

5. Вывезъ онъ соли два мѣха, ...

А во который мѣхъ воходить ... ..

Пудовъ по сороку ... ..

А тутъ Микулушка, махаль да ораль, ...
Сосенки да елочки въ (бороду) ... ..

10. Ржи напахалъ да домой вывочилъ, ...
Домой вывочилъ, дома вывочилъ ... ..

А я пива наварю да гостей, чазону, ...

Стану пива дить да Микулушку жалить ... ..

Тобѣ было, Микулушка, пахаль да ораль ... ..

15. Тобѣ было, Микулушка, крестьянствовать ... ..

(Отъ крестьянина Терентія Яemelова; 1861, Сентября 23).

*) Подняла.

- И выходятъ на улицу, и онъ въстаетъ и дробитъ И
И говорятъ старички: ..
65. — Богъ ты блжословить, Илья Муромецъ, аютъ И
— Силой своей, ..
— Таки шестой за вѣру Христіанскую ..
— И за домъ Пресвятыя Богородицы; ..
— На бою тебѣ смерть не писана; ..
70. — Бейся же со всею силою невѣрною ..
— И противу всехъ доленны удамы; ..
— А силите себя на бѣлоу свѣтъ ..
— Самсонъ Самойловичъ да Сидогоръ Юсуповичъ;
— Еще силите отъ матушки сырой земли ..
75. — Микула Осетиничъ; ..
— Поди, дуци у бѣсѣда жеребенка одноносена, ..
— И дома не живи—не работай; ..
— А побъжай во столичный Киевъ градъ; ..
И простилися старички и ушли, ..
80. Илья Муромецъ, пашель къ ослу на дожино; ..
Приходить на дожино, ..
Отецъ съ семействомъ отдыхаютъ ситѣ, оны ..
И съ работниками своими, ..
И ѣтъ приходитъ, и взялъ топоры, ..
85. И началъ пожня мѣстять; ..
И столько ѣтъ съ работниками и семействомъ, ..
Не начистили въ три дни, ..
Сколько ѣтъ одново часа, ..
И разнальъ поле великое, ..
90. И топоры великия воткнулъ; ..
И никому не вынать, ..
Тогда возсталъ отецъ, ..
Со своимъ семействомъ и съ работниками, ..
И таковому чуду издивился; ..
95. «Кто этакъ подкамедилъ?» ..
И вышелъ Илья Муромецъ изъ лѣсу, ..
И выналъ у нихъ топоры воо шестъ, ..

*) Напроказилъ.—Изд.

- Отец говорить: «И Славя, Погу...»
 «Сыну, Бодя дади здоревья...»
 100. «Большой будеть работникъ...»
 И тогда Илья Муромецъ...
 Прокладаетъ съ отцемъ въ дощъ своей...
 И говоритъ же Илья Муромецъ, отцу своему...
 «Батюшка, сходи къ сусѣду...»
 105. «И купи жеребенка одноосенна...»
 «И что сусѣдъ проситъ, воздай...»
 «Съ нимъ не радись...»
 И сходилъ отецъ къ сусѣду...
 И купилъ жеребенка одноосенна...
 110. И что сусѣдъ запродасть, те ему и дадь...
 И приводитъ жеребенка домой...
 И заставасть его въ конюшню...
 А Илья Муромецъ, вездъ жеребенка...
 И выкаталъ по три зори и по три росы:
 115. И тутъ сталъ конь почесно сальнѣй и храбрыи.

(Отъ старика калки; Іюль 1861).

онъ же и черниговъ, соловей разбойникъ, привѣдъ
 въ кievъ.

(Тамъ же).

- Сржался Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Обсѣдлагъ-обуздалъ своего добра коня,
 Садился на своего добра коня;
 И поѣхалъ ко городу ко Кіеву—
 150. Отзвонили въ якимъ селѣ Карачевѣ къ заутрени;
 А прѣхалъ Илья Муромецъ въ Черниговъ градъ—
 И выходятъ отъ заутрени.
 И спрашивалъ онъ у гражданъ у Черниговцевъ:
 «Ай же вы, граждане Черниговцы!
 10. «Скажите-тко дорогу прямоѣжую во Кіевъ градъ.»

- Говорят граждане Черниговцы: запрягоут аяго
 — Не проѣхать прямо ую во Киевъ градъ;
 — Есть застава стоять великая;
 — Нѣтъ ни конному проѣзда, ни пѣшему прохода,
 15. — Живеть Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ;
 — Какъ свиснеть съ коня на соловьиному,
 — Тому человеку и коню не бывать. —
 Отвѣчаетъ же Илья Муромецъ:
 « Ай же вы, граждане Черниговцы,
 20. « Для того я ѣду во Киевъ градъ,
 « Что надо расчистить дорожку прямо въ градъ,
 « Прямозъжая дорожка, прямою стезею,
 И показали граждане Черниговцы
 Прямозъжую дорожку во Киевъ градъ.
 25. Исправился старый князь Илья Муромецъ,
 И поѣхалъ прямо во Киевъ градъ.
 И при дубѣ дорожка широкая,
 Стоитъ на дубу Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ.
 И свиснулъ Соловей-разбойникъ по соловьиному,
 30. И крикнулъ воръ по звѣриному,
 И конь у Илья Муромца на копытки палъ,
 Старой казакъ Илья Муромецъ
 « Ахъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
 35. « И по дѣсу ли ты не дѣсывалъ,
 « И по вою ты не воивалъ,
 « И не видала птичка синичка
 « Какъ заищала, птичка синичка въ дѣсу,
 « Такъ же засвисталъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ.
 40. Какъ дозметъ Илья Муромецъ сына Мазовича палицу,
 Стоитъ на дубу Соловей-разбойникъ,
 Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ.
 И ниже также. —
 *) Бѣдръ, Сѣдръ.

Дамакъ ударитъ Соловей-разбойника по обѣмъ груди,
 Да макъ ударитъ Соловей-разбойника по лобу долой.
 И соходилъ Илья Муромецъ ко избраню, 51 »
 Визалъ Соловей-разбойника. Зокрумени у него 52 »

45. Какъ садился Илья да ма дубра, коня, плотъ 53 »
 Да поверъ Соловей-разбойника, у струмени 54 »
 Да ѣдетъ Илья Муромецъ—на конь сидитъ,
 А Соловей-разбойникъ доместея у стругу 55 »
 И какъ полѣзаетъ, онъ къ дому Соловей-у 56 »

50. И увидали дочери дая Соловейныя, то стуг ато 57 »
 Одна-то говоритъ дая Соловейная: инддо ато 58 »
 « Батюшко-то: ѣдетъ, о мужина, везетъ. атифодъ 59 »
 Мать говоритъ:—Нѣтъ, дая моя любезная! —
 — Мужико-тъ ѣдетъ да отца, везеть ко отой —

55. — Пойдемъ-ка, дачери, на улушу, от аби 60 »
 — Не можете ли: у мужика, она отнякъ ато 61 »

~~А Соловей-разбойникъ большая дочь Марья Соловейница »~~
 Заскочила на верстахъ широкихъ, 62 »
 Взяла атифодъ подорожную сто-пушорую, 63 »

60. Хочетъ пройти на Илью-то Муромца, ато 64 »
 Да ирмилъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ:
 Отъ ты оложь моя, да ты любезная ато 65 »

— Ужъ ты Марья Соловейница, атифодъ 66 »
 — Не горятъ, удала-добра молодца: ажъ 67 »

65. — Возмишь-ка даровъ великихъ, дая-бываю 68 »
 Накладила злата и серебра и скачонаго жемчуга,
 Да дарите-тко удала-добра молодца:
 — Не отвяжетъ ли меня, бываетъ, отъ добра коня
 (отъ добра коня отъ струмена **),
 — Не спуститъ ли меня во свои дома.—

70. Говоритъ Илья Муромецъ сыцы Ивановичъ: —
 атифодъ 71 »
 атифодъ 72 »
 атифодъ 73 »

*) Можетъ быть
 **) Опять сыцы Ивановичъ атифодъ 74 »

Накладите злата и серебра атифодъ 75 »
 Злата и серебра, и скачонаго жемчуга....
 Не отвяжетъ ли меня, бываетъ, отъ добра коня,
 Отъ добра коня отъ струмена.—Изд.

- « Не возму ли злата-серебра и драгоценнаго жемчуга,
 « Не оставишу тебе отъ добра коня и отъ струмена,
 « Не оставишу тебе да во свѣдѣннѣхъ, аще зови
 « Покажу и призоу Владиміру: — вѣдомо мнѣ вѣдѣи»
75. Не могли дурости Илью Муромца, коня коня и струмена
 Увезъ Соловей-разбойникъ во Кіевъ градъ;
 Приважаетъ онъ во князе во Владиміру;
 Къ нему же приважаетъ на широкій дворъ;
 Идетъ тутъ отъ обѣдни Владиміръ князь,
 80. Отъ обѣдни идетъ отъ воскресныхъ;
 И говоритъ Ильѣ да укрою слово:
 — Коей земли ты, молодецъ, коей орды,
 — Коего оца да коей матери,
 — И какъ тебѣ именовъ звучу,
 85. — Звеличаютъ тебѣ по отечеству? —
 « Я есть города Муромъ, села-то есть Карачея,
 « Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ;
 « Я не замышляю обѣднѣхъ воскресныхъ,
 « А пропѣтаюся съ Соловьемъ-разбойникомъ воромъ
 Рахмановичемъ:
 90. « Вотъ приваживъ у меня, у добра коня у струмени.»
 И говоритъ Владиміръ князь столецъ-Кіевскій:
 — Не уже ли у тебя тутъ у струменахъ
 — Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ?
 « Да, тотъ самый Соловей-разбойникъ воръ Рахмано-
 вичъ.»
95. « Говоритъ Владиміръ князь столецъ-Кіевскій: —
 « Будеть ты Соловей-разбойникъ воръ Рахмано-
 вичъ,
 — Засищи-ти ты по соловинному,
 Говоритъ Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ:
 « Не твой хлѣбъ я кушаю, не тебя я и слушаю.»
100. Говоритъ Владиміръ князь столецъ-Кіевскій:
 — Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!

*) Проводилася. — *Изд.*

**) Если.

- Прикажи-тко ты засвистать по соловьиному.—
 И говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
 « Засвищи-ко, Соловей, хоть въ полсвиста.»
105. Говорить Соловей-разбойникъ вортъ Рахмановичъ:
 « Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
 « Не могу я теперя свистать и въ полсвиста.»
 « Расколело мнѣ головушку о камень;
 « А дайте выпить чару зелена вина,
110. « Зелена вина да въ полтора ведра,
 « Тожно *) засвищу я вамъ въ полсвиста.»
 Приказалъ Владиміръ князь столень-Кіевскій
 Налить чару зелена вина въ полтора ведра.
 Принимается Соловей единой рукой,
115. Выпиваетъ Соловей на единой здохъ,
 И говоритъ Соловей таково слово:
 « Ну слушайте, Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 « Засвищу я теперича и въ полсвиста.»
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
120. Взялъ князя Владиміра подъ руку,
 А княгиню Апраксию Королевичну подъ другую.
 И свиснулъ Соловей-разбойникъ во весь свистъ по со-
 ловьиному,
 Да крикнулъ онъ по звѣриному,—
 И всѣ князья-бояра на землю припадади,
125. Всѣ старыя дѣмы во Кіевѣ приломалися,
 А новыя дѣмы дошаталыся,
 Оконницы всѣ изъ домовъ припадади.
 Говорить Владиміръ князь столень-Кіевскій;
 — Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
130. — Буде спустишь акого вора по Кіеву,
 — А раззорить у насъ и весь и Кіевъ градъ.—
 Говорить Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
 « Соловей-разбойникъ ты Рахмановичъ!
 « Я велѣлъ тебѣ свистать въ полсвиста.
135. « А ты почто свисталъ во весь свистъ по соловьиному,
 « Да кричалъ почто ты по звѣриному?

*) Тогда, въ такомъ случаѣ (то—ажно, то вотъ).— *Изд.*

- « Осебку за то тѣ буйну голову... »
 И взялъ Илья Муромецъ саблю вострую
 Отрубилъ Соловью буйну голову,
 140. Да разсѣкъ-разрубилъ его на мелки части,
 Отвозилъ тѣ части во чисто поле,
 Огня расклатъ и на огнѣ сожогъ,
 Пепель пончисту помо развѣивалъ,
 Да назадъ во Кіевъ градъ ворочался.
145. Задался въ услуженіе ко князю ко Владиміру,
 Дунай, Дунай,
 Болѣ впередъ сказать не знай.

(Записано отъ того же и тогда же).

ДОБРЫНЯ.

ДОБРЫНЯ И МАРИШКА.

(Тамъ же).

- По три году Добрынюшка стольничалъ,
 По три году Добрынюшка чашничалъ
 И по три году Добрынюшка пословничалъ:
 Прошло того времени девять лѣтъ.
 5. Захотѣлось Добрынь походить-погулять
 По стольному по городу по Кіеву:
 Надоть всѣ улицы повыходить
 И всѣ переулочки повысмотрѣть.
 Матушка Добрынюшкѣ наказывала,
 10. Государыня Никитичу говаривала:
 « Ты ходи-гуляй по городу по Кіеву,
 « По всѣмъ улицамъ ходи и переулочкамъ,
 « Не завертывай во улицу Игнатьевку

(Жилъ въ послахъ. — Изд.

- « Во тѣ во переулочки Маришчатъ; »
15. « Тамъ живеть Маришнѣ страшица *);
 « Стравница, курва, живеть, безбожница;
 « Извела она девяти молодешъ,
 « Изведеть тебя Добрынюшка десятую; »
- Инь Добрыня матушки не слушася,
 20. И ходилъ-гулялъ по порелу по Киеву,
 По всѣмъ улицамъ ходилъ и переулочкамъ;
 Завернулъ во улицу Игнатьевку,
 Во тѣ во переулочки Маришчатъ,
 У той ли у Маришки курва страшицы
 25. Сидитъ голубокъ со голубушкой;
 На тоемъ окошечкѣ косявучетомъ;
 И натягиваль Добрыня свой тугій лукъ,
 И стрѣляеть въ голубя со голубушкой;
 Не попалъ ни въ голубя, ни въ голубушку;
 30. А попалъ въ стеклычатку околечку,
 И расколеть стеклычатку околечку,
 И убилъ у Маришки мила дружка,
 Мила дружка Цугарина Гагаринова **),
 И выходитъ-то Маришка курва стравница,
 35. Сама говоритъ таковы слова:
 « Поди-тко, Добрынюшка, Никитиничъ,
 « Ко мнѣ хлѣба-соли покушати, »
 Плюнулъ Добрыня и продь дошедь,
 И тая Маришка курва стравница,
 40. Нашептала на листочки лазуревы
 И бросала на Добрыню Никитича;
 « Какъ сохнуть листочки лазуревы,
 « Такъ сохни, по Маришкѣ, Добрынюшка,
 « По мнѣ, по Маришкѣ, курвѣ стравницѣ, »
 45. И не можетъ Добрынюшка Никитиничъ,
 Безъ Маришки ни жить ни быть,

*) Иначе «страшица.» Собр. — Слово это, по корню одинаковое со словомъ «стерва», въ настоящемъ случаѣ значить «губительница» и въ такомъ же точно смыслѣ встрѣчается въ пѣсняхъ Болгарскихъ. — Изд.

**) Тутарина. — Изд.

- Ни жить ни быть, и ни есть ни пить: а да ой »
 И приходитъ къ Маришкѣ курвѣ стравницѣ,
 « Ну же, Добрынюшка Никитиничъ! »
 50. « Когда-то была твоя воля, итица, воо влэвн »
 « А теперича моя воля: оннагодо, вдет атэвэвн »
 « Что хочу надъ тобой, то и сдѣлаю.
 « Ищи-тко ты, Добрыня, девяти туровъ,
 « А пусть ты десятый златорогій! »
 55. И побѣжалъ-то Добрыня туромъ во чисто поле!
 И тая ли Добрынина матушка
 Походила къ Маришкѣ курвѣ стравницѣ,
 И нарядилася старухою старою,
 И садилася она на печное-ть столбъ,
 60. Сама говорила таковы слова:
 « Ай же ты, Маришка курва стравница!
 « Поди-тко ты во чисто поле,
 « Приведи-тко ты десять туровъ,
 « Поверни-ко добрыми молодцами;
 65. « А не повернешь добрыми молодцами,
 « Оберну тебя сорокой погуменною,
 « И летай-ко ты вѣкъ да и по вѣку. »
 Тогда-то Маришка курва стравница
 Перепалася старухи старья,
 70. Отыскала Маришка десять туровъ.
 Тая Добрынина матушка
 Повернула добрыми молодцами
 И взяла-то млада Добрынюшку съ собой.
 Говорить сама таковы слова:
 75. « Ай же вы, удалые-добры молодцы!
 « Подите-тко вы по своимъ домамъ,
 « По своимъ женамъ, по отцамъ-матерямъ,
 « А молитѣ Бога за старуху за старую! »

(Записано отъ того же и тогда же).

ОНЪ ЖЕ ЖЕНИТЬСЯ СЪ НЕВЪЖЕЮ.

(Пудожскій уездъ; Врежнудубровскій погостъ, деревня Кузнецова).

Выходитъ Владимиръ на красное крылечушко,

Зреть и глядять во чисто поле:

Летаетъ Невѣжинъ чернымъ ворономъ,

Грозить ему загрозою.

5. Приходитъ Владимиръ во грядню столовую,

Самъ говоритъ таковы слова:

«Князи вы бояра, Русскіе богатыри!

Что бы меня теперича повыручили?»

Всѣ на пиру заумолкнули:

10. Большой хоронится за средняго,

Средній хоронится за меньшаго,

И отъ меньшаго отвѣта нѣтъ.

Вставалъ Илья Муромецъ сынъ Ирановичъ,

Самъ говоритъ таковы слова:

15. «Я Илья недавно изъ похода пришелъ;

«Ходилъ я въ походѣ осымнадцатъ лѣтъ;

«Не попалъ Невѣжинъ на ясны очи;

«Застрѣлилъ бы я Невѣжина изъ туга лука.»

Тутъ солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій

20. Службу-заботу наметывалъ

На племянника Добрынюшка Нинитича:

Вставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,

Походилъ Добрыня на широкій дворъ.

Пришедши Добрынюшка разжалился,

25. Что «Мать несчастливаго спордила,

«Силостью меня не сильнаго,

«Силою меня не сильнаго,

«И красотю меня не красиваго,

«Богатствомъ меня не богатаго,

30. «Кудрямы меня не кудряваго.»

Говорить ему Мамелеа Тимофеевна:

- + Рада бы тебя, молодца, спродити
 + Смѣлостью въ Илью Муромца Ивановича,
 + Силою въ Самсона Колывановича,
 35. + Красотою въ Одина Красиваго,
 + Кудрямы во Царище Кудрянище,
 + Поѣздкою во Дюка Степановича,
 + Бѣгатствомъ во Садко Новгородскаго.

(Отъ колки Латшова).

ТО ЖЕ. ПУШАЦЕ, ВЪ РѢКѢ, ЖЕНА ВЫШЛА ЗА ДРУГАГО.

(Красныя Ляги).

- Повышла, повыкатилась Волга маушка рѣка,
 Мѣстомъ шла она три тысячи,
 Рѣкъ побрала — того смѣты пять,
 А перевозъ дала въ стѣльномъ городѣ во Кіевѣ.
5. У ласковаго князя у Владимира
 Заводился пирваньце — полестный ширь
 На многихъ князей ша бѣпровъ
 И на сильныхъ — могучихъ богатырей,
 На всѣхъ паленицъ на удалыхъ.
10. Пиро-тъ идетъ на веселье,
 Дене-тъ идетъ ко вечеру,
 Красное солнышко ко западу,
 И выходилъ-то Илья Муромецъ
 На красное круто крылечушко.
15. И зрѣлъ-смотрѣлъ вонистоazole:
 Летаетъ Невѣжа чернымъ ворономъ
 И грозитъ-то на со угровою *)
 Ко грозѣ-то Невѣжа приговариваетъ:
 « Дайте изъ Кіева ша поединника! »

*) Вн. « съ наугровою. » Собор. — То же, что, « на фѣтъ, рѣ погн. » 114.

20. И приходит Илья: въ палаты: бѣлокаменны, —
 И говоритъ таково: сарвар! — (10) —
 « Ты Владимиръ: князь: столеса: Киевскій! — (10) —
 « Тимотгадко: было, во: городѣ: въ: Киевѣ, — (10) —
 « А: теперича: ро: Киевѣ: вѣстиковъ: — (10) —
25. « И: гладѣть, дѣ: теперѣ: во: вѣсто: по: — (10) —
 « Летаетъ: Невѣжа: чернымъ: воронкомъ, — (10) —
 « И: грозитъ: то: на: во: угрозою: — (10) —
 « Ко: грозѣ-то: Невѣжа: приго:ариваетъ: — (10) —
 « « Дайте: мнѣ: изъ: Коса: поединщика! — (10) —
30. И: зачали: между: собой: жеребій: метать, — (10) —
 Кому: вѣхатъ: въ: поединщики: — (10) —
 « Супротивъ: Невѣжи: черна: ворона: — (10) —
 И: выпалъ: жеребій: Добрынь: Никитичу, — (10) —
 « Вѣхатъ: ему: въ: поединщики: — (10) —
35. Супротивъ: Невѣжи: черна: ворона: — (10) —
 « — (10) —
 Закручинился: Добрыня, за: вѣчанился: — (10) —
 Той: тоской: — (10) —
 « — (10) —
 И: приходитъ: онъ: въ: свой: палаты: бѣлокаменны, — (10) —
 И: стрѣзаетъ: сво: родна: матушка: — (10) —
40. И: молода: жена: Настасья: Милулична, — (10) —
 « — (10) —
 — Что: же, мое: чадо: милое,
 — Молодой: Добрынюшка: Никитиничъ, — (10) —
 — Что: же: закручинился, за: вѣчанился? — (10) —
45. — Развѣ: ты: въ: шкуру: невѣжа: обесчестила, — (10) —
 — Али: мѣсто: ты: было: не: по: разуму, — (10) —
 — Али: чарою: тебя: обнесли? — (10) —
 « Ай: же: ты, моя: родна: матушка! — (10) —
 « Невѣжа: меня: въ: шкуру: не: обесчестила, — (10) —
50. « И: мѣсто: было: мнѣ: по: разуму, — (10) —
 « И: чарою: меня: не: обнесли, — (10) —
 « А: счастье: меня: спородила: не: счастливаго, — (10) —
 « Красотою: меня: не: красиваго, — (10) —
 « Силою: меня: не: сильнаго, — (10) —
55. — Ай: же: ты, мое: мало: милое!
 — Рада: бы: я: тебя: спородила, — (10) —

- Силою въ Самсона Самойловна, а силою въ Мухоморова
 — Красотою во Осипа Прекраснаго, а силою въ Мухоморова
 — Счастьемъ во отблжнато князя Владиміра!»
60. — А какового тебѣ Богъ дасть, двѣдѣть человекѣтъ.
 «Были мы теперь въ почестномъ пиру,
 «И былъ-то старый казакъ Илья Муромецъ,
 «Есть зрѣлъ-смотрѣлъ во чистомъ поле,
 «Насмотрѣлъ Невѣжу во чистомъ полѣ»
65. «Летаетъ Невѣжа чернымъ воронѣмъ,
 «И грозитъ те на со угрозою,
 «Ко грозѣ-то Невѣжа приговаривается:
 ««Дайте мнѣ изъ Кіева поединщика!»
 «И выпалъ мнѣ-ка жеребій вѣхать въ поединщика»
70. — Дитя ты мое, чадо шилое!
 — Невѣжа-то среди дня летаетъ чернымъ воронѣмъ,
 — По ночамъ ходитъ Звѣнѣ Тугариновымъ,
 — А по зорямъ ходитъ добрымъ молодцемъ.
 — Берегись ты отъ Невѣжи черна ворона!
75. — Когда одолятъ ти жары невошѣрные,
 — И тогда побѣдишь во Почай-рѣку купатися,
 — И за выструю плыви, и за другую плыви,
 — Не плыви, ты, дитя, за третьюю,
 — Чтобы не поѣлъ тебя Невѣжа чернымъ воронѣмъ.
80. — И молодой жены Настасьѣ Никудичной
 Добрынюшка наказываетъ:
 «Молода жена, Настасья Никудична!
 «Пожди-тко меня три года,
 «Еще меня пожди до шести годовъ,
85. «И еще пожди до девяти годовъ,
 «Еще ты пожди до двѣнадцати лѣтъ,
 «Какъ двѣнадцать-то лѣтъ минуется,
 «Хоть вдовой живи, хоть за мужы поди,
 «Хоть за князя поди, хоть за боярина,
90. «Хоть за сильнаго-могучаго богатыря,
 «Отнюдь не ходи за Алешу Поповича:
 «Мнѣ Алеша Поповичъ крестовый братъ,
 «Крестовый братъ паче рѣднаго.»

- Какъ отправился Добрыня во чисто поле,
95. Супротиву Невѣжи черна ворона,
И ѣздилъ-то Добрыня три году,
Не видалъ Невѣжи черна ворона;
И ѣздилъ по чисту полю до шести годовъ,
Не видалъ Невѣжи черна ворона;
100. И ѣздилъ по чисту полю до девяти годовъ,
Не видалъ Невѣжи черна ворона.
И одолѣли жары непожѣрные,
И пошелъ въ Пучай-рѣку купатися;
И спомнилъ родной матушки наказаньице:
105. И беретъ ѣнъ съ собой свой тугій лукъ,
Беретъ еще съ собой калену стрѣлу.
И за выструю пловеть, за другую пловеть,
И заплываегъ ѣнъ за третьюю, —
И налетѣлъ-то Невѣжа чернымъ ворономъ:
110. «И долго я ждалъ,—дождался тебя,
«А Отсѣку тебѣ я буйну голову!»
И охвачъ-то Добрыня ныркомъ нырять,
И нырнулъ-то Добрыня во Почай-рѣку,
И выплылъ Добрыня на крутой брежокъ;
115. И налягивать Добрыня свой тугій лукъ,
И накладывать Добрыня калену стрѣлу,
И зывла тетивушка шелковая,
Полетѣла стрѣла черезъ Почай-рѣку
Во того ли Невѣжу черна ворона:
120. Покатилась у Невѣжи голова, будто пугвица.
И только Невѣжа проговорилъ:
«Хотѣлъ-то Добрыню я показнить,
«А въ тѣ поры Добрыня меня показнил!»
И тутъ Невѣжу ѣнъ рассѣкъ-разрубилъ,
125. Разрубилъ-рассѣкъ на мелки части,
И огня-то расклатъ, на огнѣ его сожогъ.
- Стоячись Добрыня пораздумаетъ:
«Что мнѣ дѣлать во городѣ во Киевѣ?
«И поѣду я въ королевство Замѣрское.
130. «Какія очередь—сбирать дани-прошлыны;

- « Проѣзжу я до двѣнадцати лѣтъ,
 « Такъ меня больше на службу не потребуютъ,
 И уѣхалъ въ королевство Заморское,
 И живетъ онъ тамъ — проклянется,
 135. Собираетъ дань-пошныи»

- А вѣдательномъ водороеѣ во Киевѣ,
 Приходитъ Алеша Поповичъ крѣпкодушко Киевѣ
 « Ты Владимиръ князь, стельно-Киевскій,
 « Я былъ-то теперь во чистомъ полѣ,
 140. « Видѣлъ у Добрынюши головушка отъчича,
 « А туловище лежитъ поредѣ поля,
 « А голова лежитъ во ракитовомъ кусту;
 « Нашель-то я это значень перстень:
 « Пошли-тко, Владимиръ стельно-Киевскій,

145. « Сватовъ сватся
 « На молодой Настасѣ Микулциной
 « За меня за Алешу Поповича.»
 И посылаетъ Владимиръ сватовъ свататься
 За того Алешу за Поповича:

150. « И добра не ѣдетъ, такъ силою возьмешь,
 « А силою не ѣдетъ, такъ за боемъ возьмешь!»
 И пошли — взяли Настасью Микулцину
 За тѣ ли за ручки за бѣлыя,
 И повели ко Возьей церкви, ко святу вѣнцу,
 155. За молода Алешенку Поповича.

- И тая ли Добрынюша катушка
 Посылала кормленого голубя со голубушкой:
 — Полетите-тко, голубь со голубушкой,
 — Ищите-тко своего хозяина. —
 160. И прилетѣли голубь со голубушкой
 Во то ли королевство Заморское;
 И нашли Добрынюшку Никитича,
 И сѣли на кашачето окешечко;
 « Живешь ты, Добрыня, проклянешься,
 165. « И домашней негоды не сѣдоешь:
 « Увели у те, молоду жену Настасью Никулцину»

- « Ко святу вѣду за Алему Поповича... »
 И тутъ-то Добрыня не долго проклажаша:
 Прямо черезъ столъ перескакиваетъ,
 170. И садится ѣнъ на добра комя,
 И вхаль-то охъ скоро на скоро,
 Рѣки-озера перескакиваетъ,
 Синія моря переплавываетъ.

- И прїѣзжаетъ Добрыня во своему дому:
 175. Ворота у Добрыниши заложены;
 Какъ ударилъ ѣнъ въ ворота грудью бѣлою,
 Разлетѣлися ворота на три четверти.
 Вышла его родна матушка,
 Жалобнохонько она расплакалась:
 180. Какъ не стало моего чада милаго,
 Всякъ-то сталъ насмѣхатися!—

- « Не плачь ты, родная моя матушка:
 « Я сдѣлаю ворота тебѣ новыя,
 « Дай-ка мнѣ гусли звончатыя,
 185. « Дай-ка мнѣ шальгу подорожную,
 « Которая шальга во двѣнадцать пудъ,
 « И пойду я ко Адещенькѣ на свадьбу. »
 И дала ему гусли звончатыя,
 И дала ему шальгу подорожную,
 190: И пошелъ ко Адещенькѣ на свадьбу,

- И идетъ во теремъ златоверховатый,
 По ступенчикамъ идетъ, поколачиваетъ,
 Ступенчики гибнутъ, весь теремъ шатается.
 Зачалъ во гусли играть-приговаривать,
 195. И всѣ на пиру прїутихли—сидять,
 Сидять—на скоморошину посматриваютъ.
 Говорить скоморошина таковы слова:
 « Ай же, новобрачная княгина Настасья Никулична!
 « Поднеси-тко скоморошины чару зелена вина,
 200. « Зелена вина въ полтора ведра:
 « Еще повеселѣе стану играть въ гусли звончатыя. »
 И наливаетъ чару зелена вина;

- Принимаетъ ёнъ чару единой рукой,
 Выпиваетъ ёнъ чару на единый здохъ
 205. И отдаваетъ Настасья Никуличной:
 « Новобрачная княгина, Настасья Никулична!
 « Смотри-тко до дна, увидишь добра,
 « А не посмотришь до дна, не увидишь добра. »
 А опустилъ ёнъ въ чару злаченъ перстень.
 210. И посмотрѣла до дна Настасья Никулична,
 И увидѣла на днѣ злаченъ перстень,
 И отошла отъ Алеши Поповича,
 А сѣла подлѣ Добрыни Никитича,
 Сама говорила таковы слова:
 215. — Не тотъ мнѣ-ка мужъ, который подлѣ меня сидитъ,
 — А тотъ мнѣ-ка мужъ, который супротивъ меня си-
 дѣлъ.—
 И взявъ Добрынюшка Никитичичъ
 Того ли Алешеньку Поповича,
 220. И взявъ какъ шалыгой поколачивать,
 Зачалъ какъ Алеша поворочиваться,
 Съ боку на бокъ Алеша перевертываться:
 « Да охъ, добрò, да нѣ ровно!
 « Всякъ-то на семъ свѣтѣ женится,
 225. « А не всякому женидба издаваеся *);
 « А мнѣ-ка Алешенькѣ не издалась!»
 И тотъ ли Добрынюшка Никитичичъ
 Беретъ Настасью Никуличну
 За тѣ ли зарученьки бѣлыя,
 230. Поводить въ свой теремъ златоверховатый:
 Дунай, Дунай, Дунай,
 Болѣ пить **) впередъ не знай!

(Отъ помянутого выше старика, въ Юнѣ 1861 г.).

*) Улаеся. — Изд.

**) Пить. — Изд.

ТО ЖЕ. ЖЕНА ЗА ДРУГАГО.

(Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости).

- Досюль Добрынюшка матушки говариваль:
 « Свѣтъ-государыни матушка,
 « Честна вдова Намельбеа Тимоеевна!
 « На что меня несчастнаго молодца спородила,
 5. « Гребешкомъ мою головку загладила,
 « Копыломъ *) бородку наладила,
 « Спустила добраго молодца во далече-далече во чисто
 поле,
 « Напрасно бить удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
 « Проливать крови горючія,
 10. « Оставлять сиротать малыхъ дѣтушекъ,
 « Скитаться женамъ молодымъ?»
 Она говорить ему таково слово:
 — Ай же, рожоно мое дитятко,
 — Молодой Добрыня Никитиничъ!
 15. — Хотѣла родить тебя добра молодца во смѣлаго Але-
 шу Поповича,
 — Выступкою щапить **) въ молода Чурилу Пленкова,
 — Силой могучею-богатырскою во стараго казака Илью
 Муромца,
 — На добромъ конѣ ѣздить во Потыха Михайлу Ива-
 новича,
 — Красой-басой во Осипа Прекраснаго,
 20. — Имънемъ-богачествомъ въ молода боярина во Дюка
 Степановича,
 — Изъ туга лука стрѣлять во Тугарина во Зміевича во
 Заморскаго.—
 Какъ вставаль Добрыня на рѣзвы ноги,
 Говорилъ онъ матушки таковы слова:
 « Свѣтъ-государыни матушка!

*) Дно, задокъ гребня (кость).—Изд.

**) Щеголять, чтобы ты щемляшь.—Изд.

25. « Благодарю на тѣхъ словахъ на умильныхъ,
 « На рѣчахъ на разумныхъ. »
 Потомъ онъ шелъ на широкой дворъ,
 А со двора онъ шелъ на стойла лошадиныя,
 Бралъ онъ добра коня,
30. Выводилъ онъ добра коня на широкой дворъ,
 Сталъ онъ сѣдлатъ добра коня,
 Кладалъ онъ потнички на потнички,
 Войлочки на войлочки,
 На верехъ кладалъ ковано сѣдло Черкасское,
35. Затягивалъ двѣнадцатю подпругами богатырскими,
 Натягивалъ тринадцату продольную,
 Подпруги тѣ были чистаго серебра,
 Пряжки-шпильки краснаго золота,
 Стремена булата заморскаго,
40. Шелкъ-то былъ да Шемахатный:
 Шелкъ-то не трется да не рвется,
 Булатъ не ржавиеть,
 Красно золото не мидиеть,
 Чисто серебро не зелзиеть
45. Потомъ онъ шелъ въ полаты облокаменны,
 Надѣвалъ онъ платья дорожныя,
 Кладывалъ тѣ луки во налучники,
 Калены стрѣлы во колчана,
 Вязалъ онъ крѣпки палицы на бедро свое,
50. Потомъ молился крестамъ пречуднымъ,
 Отправлялся въ дорожку во дальнюю,
 Во далече-далече во чисто поле.
 Прощался онъ со своей государыней со матушкою,
 Съ молодой женой съ Натальей Микуличной.
55. Потомъ пошелъ на широкой дворъ.
 Какъ говоритъ тутъ честна вдова Намельба Тимоѣевна
 Любезной невестушки молодой Натальи Микуличной:
 — Молода Наталья Микулична!
 — Что ты сидишь да высиживаешь,
60. — А у молодого Добрынюшки не спрашиваешь,

*) Не мѣдветъ, не мѣдветъ, не желѣветъ. — Ито.

- На долго ли Добрыня поймаешь во чисто поле,
 — Долго ли намъ ждать его изъ чиста поля? —
 Тутъ Наталья Минулична скоро бѣжала на широкій
 дворъ,
 Брала Добрыню за бѣлыя руки,
65. Цѣловала во уста во сахарныя:
 « Мужъ ты мой любезный, молодой Добрыня Никити-
 чинъ, —
 « На долго ли поймаешь во чисто поле —
 « И долго ли намъ ждать тебя изъ чиста поля? »
 Онъ говорить: « Ай же ты, молодая жена, любима семья,
 Ты Наталья да Минулична —
 Ты жди меня изъ чиста поля ровно три года,
 « Ежели не буду а черезъ три года изъ чиста поля,
 « Такъ еще жди ровно три года,
 « Всего сна-всѣ буду въ шесть годовъ; »
75. « Ежели не буду черезъ шесть годовъ изъ чиста поля,
 « То тамъ, жила, хоть вдовой жила, а хотъ въ за мужъ!
 « Послухай-ко, жена, наказу да мужняго: —
 « Не ходи-ты за смѣлаго Олешу Поповича,
 « Олеша пустохаать те ести; —
 80. « Вѣкъ Олеша шустрыкъ квисааетъ; —
 « Еще не ходи за молодого Чурилу Шенкова; —
 « Еще не ходи, жена, мой любезный, ни за кунца, ни
 « Ни за Мвендовскаго гостя тѣриваго; —
 « А поеди-ка за Росоушкы могучаго за богатыря; »
85. « Чтобы жены наши богатырскія
 « Доставались Росоушкы могучимъ богатыримъ! »
 Столько видѣла молодая Добрынюшка на добромъ коня
 Убѣхаль тутъ Добрынюшка во чисто поле:
 Тутъ не двѣ тушкы свры-сы, а двѣ лисы —
90. Не двѣ бѣлыя лебедушки слетались:
 Садилася свекровушка да перѣстужка въ одно мѣсто,
 Плачуть-обливаются,

- Да, молодца Добрынюшку изъ чиста поля дожидаются,
 Приѣдучись не начаются)
95. Тутъ-то день-то за день какъ дождь дождитъ,
 Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
 Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжить:
 Прошло тому времечки ровно три года,
 Какъ не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
100. Приходитъ смѣлый душечка Олеша Поповичъ-то
 Къ нимъ въ полаты бѣдокаменны,
 Крестъ сполна клалъ-то по писаному,
 Поклоны велъ по ученому,
 Клонился на всѣ четыре стороны,
105. Честной вдовы Намельѣ Тимеевеной въ особину,
 И молодой Натальи Микуличной въ особину,
 Самъ садился на дивиду,
 Началъ онъ забавать и началъ заговаривать
 Молоду Натальюшну въ за мужъ подсватывать:
110. — Ай же ты, молодца Наталья Микулична!
 — Ты поди-ка за меня добраго молодца во замужество;
 — Не будетъ Добрыня изъ чиста поля;
 — Вчерась прошла круглая недѣлюшка,
 — Какъ я приѣхалъ изъ чиста поля,
115. — Видѣлъ во чистомъ полѣ Добрынюшку убитаго,
 — Головкой онъ дежить во ракизовъ кустъ,
 — Ножками лежитъ опачей рѣку **),
 — Ясныя очи у польскихъ у вороновъ повыклеваны,
 — Сквозь бѣлую грудь травка повыросла.
120. Тутъ говоритъ она: « Ты поди-ка прочь, смѣлый Олеша
 Поповичъ!
 « Не пойду я за тебя въ за мужъ:
 « Надобно мнѣ ждать Добрынюшку
 « Изъ чиста поля еще три года.
 « Всего на все будетъ шесть годовъ. »
125. Тутъ Олешенька да не веселъ сталъ,
 Самъ говорилъ Олеша такovy слова:

*) Ждутъ—не дожидутся, когда приѣдетъ. — Изд.

**) Задомъ къ рѣкѣ. — Изд.

- Ай же, молодца Наталья Микулична! —
- Хоть ты тулешься-видаешься; —
- За иннаго въ замужь не достанешься! —
130. — Какъ будешь за мной да во замужествѣ! —
 Самъ пошелъ-то, въ полатъ-то блокаменныхъ;
 День-то за день какъ дождь дождитъ;
 Недѣля за недѣлей какъ трава: ростетъ; —
 Годъ-то, ая годъ какъ рѣка бѣжитъ; —
135. Прошло тому времени ровно шесть годовъ; —
 Какъ не бываеъ Добрыня изъ чиста поля;
 Опять приходитъ сѣрый Олеша Поповичъ;
 Къ нимъ въ полаты блокаменны;
 Крестъ кладетъ-то по писаному;
140. Поклоны велъ по'уленому;
 Клонился на всѣ четыре стороны;
 Честной вдовы Намельѣ Тимосеевнѣ въ особину,
 И молодой Натальѣ Микуличнѣ въ особину;
 Самъ сядился на завиду;
145. Началъ онъ забавлять и началъ заговаривать;
 Молоду Напальюшку въ замужь водсватывать;
 — Ай жь ты, молодца Наталья Микулична! —
 — Ты поди-ка за мѣя добраго молодца во замужество;
 — Не будеть Добрыня изъ чиста поля; —
150. Она ему говоритъ такыя слова:
 « Ай жь ты, сѣрый Олеша Поповичъ;
 « Ты съ добра поди съ полаты блокаменны;
 « Я прожила заповѣдь мужскую;
 « Я еще кладу заповѣдь да женскую на шесть лѣтъ; —
155. « Всего на все будеть двѣнадцать лѣтъ;
 « Ежели не будеть Добрыня черезъ двѣнадцать лѣтъ,
 « Тогда будеть у меня своя воля вольная;
 « Тогда хошь я вдовой живи, а хошь за мужь поди;
 « Но, мнѣ не велѣно итти за себя, за сѣлаго Олешу
 « Поповича;
160. « Потому что ты пустохвасть то естъ;
 « Пустьми ты, Олеша, квасасось;
 « Мнѣ не велѣно итти за молодого Нурмо Плескова;
 « Еще не велѣно итти ни за купца, ни за барина;

- Ни за Московскаго гостя торговаго, —
 165. Велѣно ити за Россійскаго могучаго богатыря,
 «Чтобы наши жены богатырскія доставились Россій-
 скимъ богатырямъ.»
 Тутъ Олешенька невеселъ сталъ,
 Говорилъ опять да таковыя слова:
 — Хоть ты тулнешься-визаешься,
 170. — Но за иного въ замужь не достанешься.
 — Будешь да мной во замужество!
 Пошелъ вонъ онъ съ полатъ бѣлокаменныхъ.
 Тутъ прошла армячки ровно двѣнадцати лѣтъ,
 Какъ не бывалъ Добрыня изъ чиста поля,
 175. Тутъ опять приходитъ смѣлый Олеша Поповичъ,
 Со солнышкомъ со княземъ со Владимеромъ,
 Крестъ клдалъ онъ по писаному,
 Поклонъ онъ велъ по ученому,
 Кланялся на всѣ четыре стороны,
 180. Честной вдовы Намильѣ Тимофеевой въ особину,
 Молодой Натальи Микуличной въ особину,
 Садясь онъ на лавицу и говорилъ таковыя слова:
 — Ай же ты, молода Наталья Микулична!
 — Поди ты за меня за мужъ!
 185. Она говоритъ: «Не йду я за тебя во замужество.»
 Тутъ говоритъ солнышко Владимерь князь:
 «Ай же ты, молода Наталья Микулична!
 «Ежели не йдешь за смѣлаго Олешу Поповича,
 «Во свой городъ во Кіевъ,
 190. «Тамъ отдадимъ тебя во землю Литовскую,
 «За мурзу-Татарина,
 Она говоритъ таковыя слова:
 «Я не йду за смѣлаго Олешу Поповича,
 Тутъ говорятъ они:
 195. «Ты добромъ не йдешь, мы силомъ возьмемъ!»
 И брали ее за бѣлыя руки,
 Повели во церковь соборную,
 Повѣнчали со смѣлымъ Олешой Поповичемъ.
 Тутъ солнышко князь стобяно-Кіевскій
 200. Брать илъ за бѣлыя руки

- Повелъ во свои палаты бѣлишатерны;
 Тутъ заводилъ для Олеша столованье—почетный пиръ,
 Сбираше для Олеша на почетный пиръ лютейше тутъ,
 Князей бояриновъ, (сенаторовъ) думныхъ, соколовъ,
 205. Вельможъ-купчей богатыхъ, поляницъ удалихъ,
 Росейскихъ могучихъ богатырей;
 Пошло у нихъ столованье—почетный пиръ.

Какъ изъ чиста поля приѣхалъ Добрыня Никити-
 ничь

- Ко рѣки ко Сорочи,
 210. Становилъ добра коня ко сыру дубу,
 Насыпалъ во полость во бѣлую пшеницы бѣлояровой,
 Самъ садился хлѣба кушати-трапезовать.
 Конь не зоблетъ пшеницы бѣлояровой,
 Клонить буйную голову
 215. До матушки сырой земли,
 Копытомъ бьетъ во матушку во сыру землю.
 Какъ говоритъ Добрыня Никитиничъ своему добру
 коню:

- « Ай же ты, добрый конь!
 « Что же ты не зоблешь пшеницы бѣлояровой,
 220. « Клонишь буйную голову до матушки сырой земли
 « И копытомъ бьешь во матушку сыру землю?
 « Каку ты себѣ незгодушку вѣдаешь,
 « Надъ моей надъ буйной головушкой или надъ своей,
 « Аль во чистомъ полѣ рать-силу великую? »
 225. Какъ конь провѣшалъ дзыкомъ человеческимъ:
 — Ай же, любезный хозяинъ Добрыня Никитиничъ!
 — Надъ твоей надъ буйной головушкой есть незгода
 великая:
 — Какъ во славномъ-то во городѣ во Киевѣ,
 — Твоя-то молода жена
 230. — Какъ сегодня пируетъ со емѣлымъ Олешей Попови-
 чемъ;
 — Добромъ она не шла, ей силомъ взяли,
 — Солнышко князь стольно-Киевскій.—
 Онъ тутъ скоро садился на добра коня,

- Билъ копя покрутитъ ребрамъ,
 235. Приѣхалъ во всю пору лошадиную;
 Коня началъ съ горь на гору да перескакивать,
 Скоро приѣхалъ къ славному къ городу къ Киеву.
 Приѣхалъ онъ къ своимъ поселямъ къ дворянскимъ,
 Ко своимъ полатамъ блокаменнымъ.
 240. Заѣхалъ онъ на свой широкій дворъ,
 Увидѣлъ онъ свою матушку сидящую
 Подъ окошечкомъ слезно плачущая:
 « Ай же, свѣтъ-государыни матушка,
 « Честна вдова Намельѣа Тимофеевна!
 245. « Отложи воротечка рѣшетчатые,
 « Встрѣчай молодого Добрыню изъ чиста поля!»
 — Отойди ты, голъ кабацкая,
 — Отъ окошечекъ косивчатыхъ,
 — Не надсмѣхайся надо мной
 250. — Надъ старухой побѣдною *):
 — Кабы было рожою мое дитятко
 Молодой Добрыня Никитиничъ,
 — Такъ недосугъ было голямъ кабацкимъ надсмѣха-
 тися. —
 Онъ и говоритъ: « Ай же ты, свѣтъ-государыни ма-
 тушка,
 255. « Намельѣа Тимофеевна!
 « Отложи воротечка рѣшетчатые,
 « Встрѣчай молодого Добрыню изъ чиста поля!»
 — Отойди ты съ добра, голъ кабацкая,
 — Отъ окошечекъ косивчатыхъ,
 260. — Не надсмѣхайся надо мной,
 — Надъ старухой побѣдною:
 — А то пошатаю **) своей старостью глубокою,
 — Выйду на улицу — я нечестно провожу. —
 « Ай же, свѣтъ-государыни матушка!
 265. « Почему ты не узнала своего сына любимаго,
 « Молодаго Добрыню Никитича?»

*) Бѣдною, несчастною. — *Иго.*

**) Встряхну. — *Иго.*

- Она говорить:—Какъ у молода Добрыни Никитича
 — На ножкахъ вострыя чоботы семи-шелковые; II
 — А у тебя, голь кабацкая, рваные-платочные; II
 270. — Еще у Добрыни Никитича было личико бѣлое-ру-
 — А у тебя, голь кабацкая, зарудилося *); III
 — Очи были ясныя какъ у сокола да заморские;
 — А у тебя, голь кабацкая, очи помутнились; I
 — У молодого Добрыни Никитича были нудры желтыя,
 275. — Въ три-рядъ жудерка колечками сидишь въ кругъ
 — А у тебя, голь кабацкая, по плечамъ висать;
 — На нудрышкахъ была шляпа новья жуховая;
 — А у тебя, голь кабацкая, рваная-платочная.
 « Ай же, свѣтъ-государьин матушка;
 280. « Честна вдова Намомья Тимофеевна
 « Черезъ двѣнадцать черезъ годиковъ
 « Прервались вострыя чоботы
 « Отъ булатныхъ отъ стрелы въ чистомъ полѣ;
 « Зарудилося личико бѣлое
 285. « Отъ поганья крови Татарскія;
 « Помутнились очи ищия
 « Во чистомъ полѣ отъ вѣтровъ отъ буйныхъ; II
 « Отрослись волосы желтыя
 « Черезъ двѣнадцать годиковъ длинныхъ; II
 290. « Прирвался шляпа жуховая
 « Отъ дождичковъ отъ частыхъ во чистомъ полѣ.»
 — Ай же ты, жудалый-добрый молодецъ;
 — Какъ у молода Добрыни Никитича
 — Подъ правой падухой (есть родимая знадебка
 295. Тутъ скидываетъ Добрыня скоро у окопечна
 Показывала матери родимую знадебку
 Тутъ старуха своей старости не услышала
 Бѣдала скоро на улицу
 Брада Добрыню за бѣлыя руки,

*) Замазлось, загрязнилось.—Изд.

**) Прияточка.—Изд.

300. Шёл она во уста во сахарный, — заговорила
 Называла сыномъ любовнымъ;
 Молодымъ Добрыней Никитичемъ,
 Проводила во свои полаты. Блѣклыми
 Онъ молился тѣмъ крестамъ пречуднымъ.
305. Спасу и Пренистой Богородицы,
 Онъ дуть свирюилъ:
 «Гдѣ моя молодая жена, любима, семья?»
 «Наталья Микulichна?»
 «Не встрѣчаешь лио меня изъ жиста поля?»
310. — Твоя молодая жена сегодня пируетъ
 — Со свѣдѣнь до Олешей Поповичемъ.
 «Вчера съ прачка недѣля, какъ мы видѣлись,
 «Съ Олешей во чистомъ полѣ,
 «Крестами мы жобратались.
315. «Онъ назвался крестовымъ меншиимъ братцемъ,
 «А теперъ ужъ меншиій братъ
 «У большаго брата жену уваль.
 «Ахъ ты свѣтъ-государыни матушка!
 «Неси ты мнѣ платье скоморошиное,
320. «Неси гусли яровчаты,
 Она несла ему платье скоморошиное
 И гусли яровчаты,
 Онъ надѣвалъ одежду скоморошную
 И бралъ гусли яровчаты.
325. Пошелъ онъ къ Олещи на почетной вѣрѣ,
 Приходилъ онъ во полаты блѣклыми,
 Крестъ онъ сподня клалъ дѣ во писаному,
 Подломъ ведетъ онъ доушеному,
 Кладся онъ на всѣ четыре стороны.
330. Солнышку князю съ внагиной Апраксией въ особину,
 Свѣлому Олещи Поповичу,
 Съ молодой Натальей Микulichной въ особину;
 Самъ говорилъ таковы слова:
 «Солнышко, князь стольно-Кіевскій!
335. «Нѣтъ ли мѣстечка немножечко
 «Малой скоморошникѣ,

- «Повграть во гусельшка яровчаты?»
- Говорилъ какъ солнышко князь Стрельцо-Нивекиди
 — Ай же ты, малый скоморошина!
340. — Все мѣстечки приаѣзжены:
 — Есть на печки муравлиной
 — Мѣстечка немножечко—
 Тутъ-то Добрыня-ма: возниу легохъ-то Баянъ,
 Подскачилъ онъ на коню муравлену.
345. Какъ началъ онъ гуселокъ наламивати,
 Струну натягивалъ будто отъ Шева,
 Другу отъ Царя-града,
 И третью съ Еросолима,
 Тонцы онъ поведе-то великіе,
350. Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ за синя моря:
 Тутъ все на царю порослушались,
 Говорилъ-то солнышко Владиміръ князь:
 — Ай же, малая скоморошина!
 — Не твое мѣсто сидѣть на печки муравлиной,
355. — Твое мѣсто сидѣть супротивъ князя и княгини,
 — Смѣлаго Олеша Поповича,
 И посадили супротивъ смѣлаго Олеша Поповича
 И молодой княгини Нагалыи Микулиной,
 И говорила тутъ малая скоморошина:
360. «Ай же, солнышко Владимиръ князь!
 «Позовдате мнѣ налить зелена вина,
 «Мѣрою чара въ полтора ведра,
 «Вѣсомъ полтора пуда?»
 Говоритъ солнышко Владимиръ князь:
365. — Ай же, мала скоморошина!
 — За твою игру великую,
 — За утѣхи твои за нѣжныя,
 — Безъ мѣрушки пей зелено вино,
 — Безъ расчегу получай золоту казну!—
370. Онъ какъ налилъ чару зелена вина,
 Мѣрой въ полтора ведра,
 Вѣсомъ только полтора пуда,
 Спустилъ онъ свой перстень обрученный,
 Которымъ перстень обручались

375. Съ Натальей Микуличной,
 Подавать ей чару одной рукой,
 И говорилъ-то ей таковы слова:
 « Ай же, молода княгиня Наталья Микулична! —
 « Ты пей до дна, то увидишь добра,
380. « А не пьешь до дна, не увидишь добра.»
 Она вышма чару до дна: зелена вина,
 Увидала она перстень свой обрученный,
 Которымъ перстнемъ да обручался,
 Какъ тутъ говорила сама да таковы слова:
385. « Ай же, солнышко Владимиръ-князь,
 « Не тотъ мнѣ мужъ, который подъ рукою сидитъ,
 « А тотъ мой мужъ, который супротивъ сидитъ,
 « Который называлъ да зелена вина:
 « Тутъ-то сидитъ не мала, скопорошина,
390. « А тутъ сидитъ Добрыня Никитичъ.»
 Какъ сама-то вставала на рѣзвы ноги,
 Скокнула переставы стоны да дубоные,
 Малакъ молодцу Добрынюшки на бѣлу грудь,
 Цѣловала его во уста во сахарныя,
395. Называла молодца Добрыней Никитичемъ,
 Какъ тутъ поворила Добрыня Никитичъ:
 « А не дивую я женщина!»
 « У женщины волосъ-то дологъ, да умъ-то изворотливъ;
 « А дивую я солнышку князю Владимиру:
400. « А что ежели женщина добромъ не плоть,
 « Онъ силою беретъ;
 « И еще дваюхъ братцу крестовому:
 « Сильному Олеши Поповину:
 « Вчера прошла круглая иваляюшка,
405. « Какъ мы видѣлись съ Олешой во чистомъ полѣ,
 « Крестилися мы, бракалися,
 « Назвался Олешенька меньшимъ крестовымъ братьцемъ;
 « Теперь меньшей братъ у большаго жену, увелъ,
 « Есть ли тотъ законъ на свѣтѣ,
410. « Чтобы отъ живаго мужа жену отобрать?
 « Какъ былъ бы Олеша не крестовый братъ,
 « Взялъ бы я тебя, Олешу, правой рукой,

- « Правой рукой за желтыя кудри,
 « Здынулъ *) бы тебя, Олешу, черезъ ты столбы дубовые.
 415. « И бросилъ ты, Олешу, о кирпичный полъ:
 « Столько бы ты Олеша и живъ бывалъ!
 Взялъ Олешу лѣвой рукой за желтыя кудри,
 Здынулъ черезъ ты столбы дубовые,
 Бросилъ Олешу о кирпичный полъ,
 420. Пинулъ Олешу да подъ лавицу:
 Алешенька съ-подъ лавицы да выговариваетъ:
 — Всякой на свѣтѣ да женится,
 — Не всякому женидба удастся:
 — Удалась женидба Дунаю Дунаевичу,
 425. — Да старому Ставру сыну Годиновичу
 — Да еще молодому Добрыня Никитичу!
 Съ того стыду да со сору
 Пошелъ Олеша на чужую дальнюю сторону:
 Тутъ Добрыня Никитичъ
 430. Взялъ молодую жену за бѣды руки,
 Пошелъ онъ вонъ съ полать бѣлокаменныхъ,
 Повелъ во свои полаты бѣлокаменныя,
 Болѣ Добрынюшка не сталъ да выѣзжать,
 Выѣзжать во чисто поле,
 435. Болѣ онъ сталъ проживать во Кіевѣ.

Дунай, Дунай,
 Болѣ вѣкъ не знай!

(Отъ Сумоферскаго крестьянина Андрея Сорокича, записано 1861 г.),

ОНЪ ЖЕ И СИЛА НЕВѢРНАЯ.

Въ Савинскомъ приходѣ Вытегорскаго уѣзда.

У честной вдовы Нелы Тимбеевны
 Былъ сынъ Добрынюшка Никитичъ.
 Выросталъ онъ во двѣнадцать лѣтъ,

*) Поднялъ.—Изд.

Отдала его матушка въ грамоты учти:

5. Грамота ему дана,
 Выросъ юнъ въ дванадцать лѣтъ,
 Сталъ просить у матушки
 Прощенья-благословенья
 Ъхать во чисто поле далече;
10. Проговорить ему родна матушка:
 « Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ!
 « Позвѣдася ты молодешенекъ,
 « Умомъ-разумомъ глумиленекъ,
 Не послушалъ Добрынюшка Никитичъ
 15. Своей родимой матушки,
 Пошелъ онъ въ стойлу до конскую,
 Взямалъ онъ Самолета коня добраго,
 Сѣдлалъ онъ сѣдельщико Черкасское,
 Садился онъ на добра коня,
20. Кладывалъ онъ стременышки серебрянкія,
 Плеточкой шелковой понашвытыдалъ.
 Садясь есчъ видѣли, а ѣдучи не видѣли,
 Отъ того поѣду богатырскаго
 Звѣри до лѣсу разѣжались,
25. Птицы по горамъ разлетались,

Попадала Добрынюшкѣ первая закопань *),
 Ту закопань перѣскочилъ;
 Попадала Добрынюшкѣ другая закопань,
 Упалъ бурушко косматый на колѣна съ нимъ.

30. Говорить же ему Добрынюшка:
 « Ай же ты, бурушко косматый!
 « Чего ты спотыкаешься?
 « Аль невзгодушку надо мной начебешься?»
 Проговорить ему бурушко косматый:
35. — Попадетъ тебѣ третія великая закопань;
 — Тебѣ этой не перѣскочить,
 — Упадешь съ меня въ эту закопань,
 — И обступитъ тебя сила невѣрная,

*) Застава.—Собир. Ровъ, которымъ переконана дорога.—Изд.

- И попадешь въ плѣтъ нечистыя силы. —
40. Лишь проговорилъ это косматый конь,
Упалъ Добрынюшка со добра коня
Въ эту великую закопань;
Обступила Добрынюшку сила невѣрная,
Силушка поганая!)
45. Связали обѣ ручушки тетивками шелковыми,
Сковали ему ножки рѣзвые
Тыми кандалами Турецкими,
Тыми ль кандалами въ девяносто пудъ.
Туть взимали и повели Добрынюшку
50. Тридцать три богатыря,
Позади—силы числа-смѣты нѣтъ,
Повели его издавеча во чисто поле
Ко тому ко кустышку ко ракитову,
Отрубить ему буйну голову.
55. Проговорить имъ Добрынюшка Никитинъ сынъ:
« Ай же вы, силушка невѣрная,
« Силушка поганая!
« Дайте мнѣ маленько поостопаться,
« Дайте мнѣ немного поодуматься.
60. « Есть ли у васъ отцы-матери,
« Молоды жены, малы дѣтушки?
« Есть ли кому по васъ плакати?
Туть пораздернулъ Добрыня свой бѣлы рученьки,
Сорвались тетивочки шелковыя;
65. Пораздвинулъ ножки рѣзвыя,
Сорвались кандалы тяжелыя,
Кандаламъ девяносто пудъ,
Зачалъ Добрыня кандалами помахивать,
Куды вернется—туда улица,
70. Куды перевернется—переулочекъ;
Прибилъ онъ всю силушку поганую,
Не оставилъ силушку невѣрную на сѣмена,

*) Читай:

Невѣрная силушка, поганая.—Изд.

**) Поутвердиться; поостопаться (на сторону).—Изд.

- Прибиль онъ всѣхъ жидовъ,
 Всѣхъ Татаровъ и невѣрныхъ,
 75. Пролилъ кровь много невѣрной.
 Носъ у него что палица,
 Глаза у него — пильны: пламя *),
 Палица у него въ рукахъ въ девяносто пудъ.
 (Передано собрателю Н. В. Обручевымъ).

ОНЪ ЖЕ И СМЕРТЬ.

(Тамъ же).

- Поѣхалъ Добрынюшка въ домашнюю стеродушку,
 Попадѣлась ему Смерть престрашная.
 Говорить она Добрынюшкѣ:
 « Полно тебѣ ѣздить по бѣлу саблѣ,
 5. « Проливать крови невинныя,
 « Крови напрасныя! »
 — Ты кто еси, царь ли, царевичъ,
 — Аль король, королевичъ,
 — Аль сильный-могучій богатырь? —
 10. Осмиваетъ ея, Добрынюшкѣ:
 « Я не царь и не царевичъ,
 « [Не] король, не королевичъ,
 « Не сильный и не могучій богатырь,
 « Я Смерть престрашная и прегрозная. »
 15. — Ай же ты! Смерть престрашная!
 — Коль возьму я свою саблю престою,
 — Отсѣку тебѣ голову буйную. —
 « А Добрынюшка Никитинъ сынъ!
 « Поспѣй проститься со бѣлыми свѣтомъ:
 20. « Выну я свои пилья невиданныя, престою,
 « Отсѣку я жилочки становыя,

*) Это обычное описание Татаръ, принявшее общепринятое имя Добрыня. — Нзд.

- « Улетишь ты со добра коня.» Дити боянъ бы.
 Тутъ взмолился въ добрыишней: онъ коня да ои
 — Ай же, Смерть, престрашная! —
 25. — Дай мнѣ сроку на два года
 — Прематая за свои грѣхи,
 — Что много силы перебилъ напрасно
 — И крови невинной пролилъ.—
 « Не дамъ я тебѣ воли и на одну часъ.
 30. — Дай же мнѣ сроку на одну часъ.
 « Не дамъ я тебѣ и на одну минуту.»
 Вынула желья жельзныя,
 Подсѣкла жилочки ставовыя,
 Подсѣкла рѣзвыя нестольныя.

35. И упалъ Добрынюшкы съ добра коня,
 И вышла душенька съ Добрынюшки.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ).

(Пудожск. уѣзда, Купецкой волости, деревни Меленгской).

- Изъ-подъ той съ-подъ восточнія сторонюшки,
 Набдетъ Батыга Батыговичъ
 Со сыномъ со Батыгомъ Батыговичемъ,
 Со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
 5. Наѣзжаетъ съ дьячкомъ да выдушничкомъ.
 У Батыги силы сорокъ тысящей,
 У сына силы сорокъ тысящей,
 У зятюшки силы сорокъ тысящей,
 У дьячка-то силы сорокъ тысящей.
 10. Обступили округъ Кіева кругомъ, кругомъ, кругомъ.
 Соколу лѣтъъ на межешній день,

*) Ср. въ 1-й части былинъ подл. 21-ю стр.

50. Наливаетъ ему чару золота вина,
Другую сливаетъ меду пшанаго,
Третью рюму сладкаго меду,
И сливали питье въ одно худю:
Становилось питья полтора ведра.
55. Вѣсомъ его полтора пуда.
Взываетъ Васильюшка единой рукой,
Выпиваетъ Василь на единой дукъ,
Говоритъ Василь такое слово:
« Я могу теперь владеть добрымъ конемъ.
60. « Я могу теперь махать вострой саблей.
« Ужь ты дай-на мнѣ силы сорокъ тысячей!
Далъ ему Батыга скыл сорокъ тысячей.
Узываетъ тутъ Василь во чисто поле,
Зачалъ по полюшку побѣживать,
65. Батыгиной силушки перубливати,
Прирубилъ-пригубилъ онъ до единой головы.
Разгорѣлось у Василья ретиво сердце,
Размахалась у Василья ручка правая,
Ворочался тутъ Василь къ Батыгинымъ шатрамъ,
70. Началъ по полюшку побѣживать,
Батыгиной силушки перубливати;
Прирубилъ-пригубилъ онъ до одной головы,
Бѣжить тутъ Батыга, потыкается,
Потыкается Батыга, замывается:
75. « Не дай, Боже, ни дѣтямъ кони,
« Ни дѣтямъ кони, ни дручатый!»

(Записано на Шугъ, отъ слѣпаго Иванъ).

11.

ТО ЖЕ.

(Каргопольск. уѣздъ, изъ деревни Красный Лугъ).

Изъ подъ той бѣлой березы кудреватая,
Изъ подъ чуднаго креста Еландіена,
Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе,

- И шли они бѣжали мимо славецъ Кіевъ градъ, ||
 5. И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
 И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно,
 И по той стѣнѣ городовья,
 И ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
 Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
 10. Сколько ни читаетъ, анъ въ двое плачетъ.
 Побѣжали туры прочь отъ Кіева,
 И встрѣтили турицу, родну матушку,
 И встрѣтили турицу, поздоровалися:
 «Здравствуй, турица, родна матушка!»
 15. — Здравствуйте, туры, малы дѣточки!
 — Гдѣ вы ходили, гдѣ вы бѣгали?
 «Шли мы бѣжали мимо Кіевъ славецъ градъ,
 «Мимо ту мимо стѣнку городовую,
 «Мимо тѣ башни городовья,
 20. «И видѣли мы надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
 «И видѣли мы надъ Кіевомъ дивнымъ дивно,
 «И по той по стѣнѣ городовья,
 «Ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
 «Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
 25. «Сколько ни читаетъ, въ двое плачетъ,
 Говоритъ тутъ турица, родна матушка:
 — Ужь вы глушыя, туры златорогіе,
 — Ничего вы, дѣточки, не знаете:
 — Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣнѣ,
 30. — А ходила та Мать Пресвита Богородица,
 — А плакала стѣна мать городовая,
 — По той ли по вѣрѣ Христіанскія,
 — Будеть надъ Кіевъ градъ погибель:
 — Подымается Батыга сынъ Сергѣевичъ,
 35. — И съ сыномъ Батыгомъ Батыговичемъ,
 — И съ зятемъ Тараканникомъ и съ Каранниковымъ,
 — И съ думнымъ дьякомъ воромъ-выдумщикомъ.—

*) Изъ послѣдующаго стиха ясно, что и плакала, и ходила стѣна мать городова.

- У Батыги было силы набрано,
 Набрано было силы, дагравлено;
 40. И было силы сорокъ тысячей;
 И у сына Батыги Батыговича:
 Было силы то же сорокъ тысячей;
 И у зятя Тараканника Каремникова
 Было силы то же сорокъ тысячей;
 45. И у думнаго дьяка зора-выдумника
 Было силы то же сорокъ тысячей;
 И не вешняя вода облегла *),
 Обступила кругомъ сила поганая:
 Соколу кругомъ летѣть
 50. Будеть на межескій день.
 И пишетъ Батыга князю со угрозою:
 « Ты старый песь, ты Владимиръ князь!
 « Дай-ко мнѣ изъ Кіева поединника,
 « А не то дай-но мнѣ ты Кіевъ градъ,
 55. « Безъ бою безъ драки великій,
 « Безъ самага большаго кроволитія.»
- Закручинился князь, запечалился
 Той тоской-печалью великою;
 Богатыревъ-то во градѣ не случился:
 60. Илья Муромецъ уѣхалъ на жемчугъ на пески,
 А Добрыня Никитовичъ на Вермановихъ горахъ,
 А Самсонъ былъ богатырь—тотъ во дальнихъ городахъ,
 А Олена Цюновичъ за синимъ моремъ гулялъ;
 Никакого богатыря не пригодилось.
 65. Разказали князю голи кабацкія:
 « Ты солнышко нашъ, Владимиръ князь!
 « У насъ есть-то Василий сынъ Игнатьевичъ,
 « И можетъ со Батыгой поправиться,
 « И прошилъ Васильюшко жатье-бытье,
 70. « Все житье-бытье и богатество,
 « Теперъ не чѣмъ Василью опохмѣлиться,
 « И лежить шивъ Василий въ кабацкѣ на печи.»

*) Облегла, удвоенное изъ «облила.»—Изд.

- И солнышко нашъ Владиміръ князь
 Пошелъ по кружаламъ государевымъ.
75. По тѣмъ ли по царевымъ кабакамъ,
 По кабакамъ, по питейнымъ домамъ,
 И нашель тутъ Василья въ кабакѣ на печѣ,
 И соходитъ Васильюшко со печки долой,
 Съ лица зашелъ, поклонился князю:
80. « Солнышко нашъ, Владиміръ князь!
 « Ты не знаешь кручины моей великія;
 « У тебя есть кручина великая,
 « А у меня горе-печаль еще больше твоей;
 « Что трещить-то болить у меня буйная голова,»
85. « И дрожить у меня жильё подколѣнное,
 « Теперь не чѣмъ мнѣ, Василью, опохмѣлиться;
 « Опохмѣль-ка меня чарою опохмѣльною,
 « Тогда я со Батыгой поправлюся,
 И Владиміръ князь столѣнь-Кіевскій.
90. Наливаетъ ему чару зелена вина,
 Зеленаго вина полтора ведра,
 Другую наливаетъ пива пьянаго,
 Третью рюму меду сладкаго,
 И составили питье въ одно мѣсто,
95. Становилося питья полпята *) ведра,
 И принимаетъ Василій единой рукой,
 И выпиваетъ Василій на единый здохъ,
 И заскочилъ-то Василій на стѣнку городовую,
 И натягиваетъ Василій свой тугій лукъ.
100. И накладываетъ Василій калену стрѣлу,
 И стрѣляетъ Василій ко Батыгѣ во шатерь,
 И убилъ три головки, кои лучшенькія,
 Убилъ сына Батыгу Батыговича,
 Убилъ зятя Тараканника Каранникова.
105. И убилъ думнаго дьяка вора-выдѣмщика,
 И пишетъ Батыга князю со угрозою:
 « Ты старій песь, ты Владиміръ князь!
 « Ты подай-ко мнѣ изъ Кіева виноватаго,

*) Четыре съ половиною.—Изю.

- « У меня кто убилъ ровно три головы. »
110. И тотъ ли Василій сынъ Игнатъевичъ
 Пошелъ по конюшнямъ клеповымъ,
 Выбиралъ себѣ жеребчика небаженнаго,
 И садился на жеребчика небаженнаго,
 И приѣзжаетъ Василій ко Батыгѣ на лицо,
115. И прощается *) Василій во первой большой вишѣ:
 « Прости меня, Батыга, въ первой большой вишѣ:
 « Я убилъ три головки, конь лушченскія.
 « Опохмѣль-ко меня чарою похмѣльною,
 « Пособлю я тебѣ взять славу въ Кіевъ градъ. »
120. На тѣ рѣчи Батыга понадевался,
 Наливаетъ ему чару долгора ведра вина,
 И другую наливаетъ пива пьянаго,
 И третью наливаетъ меду сладкаго,
 И составили тутъ питье въ одно мѣсто,
125. И становилось питье полпята ведра вина.
 И принимается Василій единой рукой,
 Выпиваетъ Василій на единый злохъ,
 И говорить тутъ Батыгѣ таково слово:
 « Ай же ты, Батыга сынъ Сергѣевичъ!
130. « Дай-ко ты мнѣ силы сорокъ тысячей,
 « Я пойду—подступлю подъ славу въ Кіевъ градъ. »
 На тѣ рѣчи Батыга обнадѣлся,
 Давалъ ему силы сорокъ тысячей.
 И отѣхалъ Василій прочь отъ Кіева,
135. И прибилъ-пригубилъ всѣхъ до единаго.
 И размахалась у Василья ручка правая,
 И разгорѣло у Василья ретиво сердце
 И прибилъ-пригубилъ до единаго,
 Не оставилъ Батыгѣ на сѣмена.
140. И уѣзжаетъ Батыга прочь отъ Кіева
 Со тою ли со клятвою великою:
 « Не дай Богъ бывать болѣ подъ Кіевомъ,
 « Ни мнѣ-то бывать, ни дѣтямъ моимъ,
 « Ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ! »

*) Просить прощенія. — *Изд.*

145. Сильные-могуче богатыри во Киевъ;
 Церковное пѣнье въ Москвѣ городѣ;
 Славный звонъ во Новѣ-городѣ;
 Сладкіе поцѣлун Новоладежанци;
 Гладкіе мхи къ синю морю подошши;
 150. Щелье-камень въ Сѣверной сторонѣ;
 Широкіе подола Олонеккіе;
 Дубяны сарафаны по Онегѣ по рѣкѣ;
 Обо..... подола по Мотѣ по рѣкѣ;
 Рипсоватые подола Почезерочки;
 155. Рядныя сарафаны Кенозерочки;
 Пучеглазыя молодки Слобожаночки;
 Толстобрюхія молодки Лексимозерочки;
 Малошальскій пѣпъ до солдатовъ добръ

Дунай. Дунай,
 Болѣ пить впередъ не змай!

(Отъ старика калки; ср. выше).

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЬ.

12.

(Кижское общество).

- Во стольномъ городѣ во Киевѣ,
 У ласкова князя у Владимира
 Былъ хорошъ въ починѣ почестной цирь,
 Всѣ тутъ на пиру были:
 5. Были всѣ князи, всѣ бояра,
 Всѣ сильнии-могучи богатыри,
 Всѣ паленицы удалыи.

*) Онега рѣка въ Каргопольскомъ и Пудожскомъ уѣздѣ; Оша рѣка въ Каргопол. уѣздѣ; Почезеро погостъ въ Пудожск. уѣздѣ; Кенозеро тамъ же; Лексимиозеро въ Каргопол. уѣздѣ; Малошальскій погостъ тамъ же.

- Всѣ быди, да, столы, посажены,
И, всѣмъ были кушанья налажены,
10. Всѣ сидятъ да, дѣять, хлѣба кушаютъ,
Солнышко-то на вечеръ,
Всѣ они стали на веселѣ,
Они тутъ да порахвастались:
Умною хвастаетъ отцемъ-матерью,
15. А безумно-ть хвастаетъ молодой женой,
Молодой женой да неудачливой.
Тутъ, Владимиръ князь, стольно-Кіевскій
Говоритъ-то онъ, да таковы слова:
« Всѣ у меня были поженены
20. « И всѣ у меня были повѣданы,
« Одинъ у васъ князь не женатъ,
« Владимиръ князь да стольно-Кіевскій,
« Знаете ль вы да вѣдаете ль
« Ему да супротивную, —
25. « Чтобъ была бы то жена ему хорошая,
« Она ростомъ-то высокая
« И саномъ-тымъ она саяовитая,
« Станомъ-тымъ она становитая,
« Красой она красовитая,
30. « У ней кровь-то въ лицѣ словно бѣлаго замца?
« Было бы то мнѣ-ка-да жить да быть,
« Жить да быть, долгій вѣкъ коротать,
« Было бы то дамъ кому честь отдать,
« Да было бы кому поклоняться?»
35. Тутъ вси, за столомъ-то призамолкнули,
Вси за столомъ друтихнули,
Никто-то тутъ никакого словечка не вымолвилъ;
Большой тулется за средняго,
Середній тулется за меньшого.
40. А отъ меньшого и отговору вѣтъ,
Тутъ выходилъ Дунай-то Ивановичъ,
Выходилъ Дунаюшко изъ за печи,
Подходилъ онъ ко столу да ко дубовому,
Самъ онъ говоритъ таковы слова:
45. « Ай же ты, Владимиръ князь да стольно-Кіевскій!

- « Какъ подъ далече-далече, подъ сточною *) той стороны,
- « У того ли короля да хоробо-Лицкаго **),
- « Есть-то у него двѣ дочери,
- « Двѣ дочери, обы хороши:
50. « Была бы ти жена да хорошая,
- « Она ростомъ была бы высокая,
- « Саномъ-тымъ она да сановитая,
- « Красотою она красовитая,
- « У ней кровь-то въ лицѣ словно бѣлаго зайца;
55. « Было бы то тебѣ съ кѣмъ жить да быть,
- « Жить да быть и долгій-вѣки коротати,
- « Было бы намъ кому честь водати;
- « Было бы то кому да поклонитися:
- « Но только бѣольшая дочь да мало при доми живеть,
60. « Она бѣдитъ въ поле поляковать;
- « А меньшая дочи-та всегда при доми;
- « Меньша-то дочушка Опраксинья,
- « А большая Настасья королевична.»
- « « Зналъ ты, Дупаюшка, повыхвастать,
65. « « Дакъ умѣй-ко оттуда ю повывести!
- « « Много ли туды ты силы возьмешь,
- « « Много-ли возьмешь да золотой казны?»»
- « Не надобно мнѣ силы княженецкой,
- « Не надобно мнѣ и золотой казны:
70. « Не битися мнѣ тамъ и не ратитися;
- « Только дай-ко мнѣ во товарищахъ,
- « Во товарищахъ Добрынюшку Никитича,
- « Еще дай-ко мнѣ двухъ жеребчиковъ не бѣжаныхъ,
- « Да и два сѣдельшка не держаныхъ,
75. « И двѣ узды—обы не держаны,
- « И двѣ плетички—обы не хлыстаны,
- « Да пиши-тко ерлыки о добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
- « На его дочери Опраксиньи
- « За нашего князя Владимира. »

*) Восточной.

**) Сокращено изъ «хоробра Литва»

80. Тутъ они сѣдлали—удали добрыхъ коней,
 А поѣхали ко матушкѣ [къ наместной Москвы]
 И къ хороброй Литвы,
 Ко тому ли къ королю къ хоробо-Лицкому,
 Да объ добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
85. На его дочери Опраксиньи на королевичной.
 Подѣхали они ко матушки къ хороброй Литвы,
 [Къ хороброй Литвы да къ каменной Москвы].
 Не спрашивалъ тутъ Дунаюшка Ивановичъ
 Ни придверничковъ, ни приворотничковъ.
90. Размахивалъ воротца онъ на пату,
 Ставилъ—то онъ коней да среди двора
 Не привязанныхъ да не приказанныхъ.
 Оставался Добрынюшка среди двора,
 Бралъ онъ коней да во лѣву руку.
95. А во праву дубину Сарачинскую.
 Тутъ говорилъ Дунаюшка Добрынюшкѣ:
 « Стой—ко ты, Добрынюшка Накатинецъ,
 « И гляди—тко ты ма риньгу *) королевскую:
 « Какова пора да каково время.»
100. « Чтобы можно было да приѣхати.»
- Идеть—то Дунаюшко во риньгу *) королевскую.
 Онъ крестъ несетъ по писанному,
 Поклонъ ведетъ да по ученому,
 А онъ королю ведетъ поклонъ въ особину:
105. « Ужь ты здраствуешь, батюшко король да хороброй
 Литвы!»
 — Ты здраствуешь, Дунаюшко Ивановичъ!
 — Куда ты ѣдешь, куда путь держишь,
 — Насъ посмотришь, или себя показать,
 — Показать себя, или намъ послужить?—
110. « А васъ посмотришь, да и себя показать,
 « Еще другое—то есте больши,—
 « О добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
 « На твоей на дочери Опраксиньи

*) Грядню.

« За нашего князя Владимира.»

115. Тутъ онъ вываливалъ ерлыки на дубовъ столъ;
 Тутъ король ерлыки разсматриваетъ,
 Самъ онъ говоритъ таковы слова:
 — Ай жо ты, Дунаюшка Иванович!
 — Ты бился за безумье за великое;
120. — Какъ вашъ тотъ князь не великъ собой
 — И ваши-то парищи уродливы;
 — Возму-то я тебя за желты кудры,
 — Посажу я тебя во глубокъ погребъ,
 — Пусть-ко Дунай въ горобры^{*)} погоститъ,
125. — Тошто **^{*)} Дунай обзумѣется!—
 Тутъ подходилъ Дунаюшко Ивановичъ
 Ко тому столу да ко дубовому,
 Здынулъ-то онъ руки выше головы,
 Допустилъ онъ до того стола до дубоваго;
130. Пиття на столахъ да проливаются,
 Альни столъ въ щелья приломается,
 Альни мать-земля да сколыбается
 . . . . .

Какъ поѣхалъ младый Добрынюшка

Отъ короля отъ Литовскаго со княгинею со Опраксіей.

135. И путемъ-дороженькой была за ними погоня великая.
 « Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка Никитинецъ,
 « Ко стольному городу ко Киеву,
 « А я поѣду за погонею великою:
 « Видно судьба меня ищетъ, крестовый брателко!»
140. Тутъ они простились и поѣхали.

И наѣзжалъ-то младый Дунаюшка на богатыря,
 И тутъ-то оны съѣхались биться и ратися^{****)};
 И однако Дунаю и не къ суду пришлось:

*) Въ хоробры, т. е. Литвы, Литвъ.—Изд.

***) Тошно?—Изд.

****) До сихъ поръ со словъ Терентія [селева, дзгравъ же, подовина] хотя и съ его словъ, но пересказывалъ ее той же волости крестьянинъ Леонтій Богдановъ.

****) Ратиться.—Изд.

- И еронягъ поганого Татарина со бодра коня,
 145. И уперъ въ него копьемъ долгомъ ррныиъ, бо бѣлы
 « Ты скажи-ко, поганый Татаровишь, жд он II »
 « Ты коей земли, ты коей орды? » — от-авише
 И говоритъ Татаровишь не съ упадкою: —
 — Кабы я бѣлъ на твоемъ бѣлыиъ грудяхъ, он II
 150. — И не спрашивалъ бы твоего роду-племени: II 781
 — Бѣлъ бы тебѣ вострымъ мечемъ, —
 — Вынималъ бы сердце со печенью, —
 А увидялъ младый Дунаюшко, — II —
 Что титечки-то женскія:
 155. « И скажи-ко ты, женщина, — II —
 « Какого ты роду-племени? — II — 1001
 « Не принимай смерти напрасныя! » — II —
 — Я есть того короля Литовскаго, — II —
 — Большая дочь на-старшая, — II —
 160. — И не знаю, коли бѣлагу на съ — II — 1017
 — Два дѣтины могущія, — II — 1021
 — Много силушки у насъ перебѣла, — II —
 — Я въ дому на ту пору не случилася, — II —
 Спочилъ младый Дунаюшка со бодра коня, — II —
 165. И взялъ ее за рученьки за бѣлыя, — II —
 Здымалъ со сырой земли, — II — 1022
 Цѣловалъ во уста во сахарныя: — II — 1027
 « Пойдемъ-ко, моя любезная, во Кіевъ градъ! »
 Садилъ ее на добра коня, — II —
 170. Отобралъ тую палицу булатную и саблю вострую,
 И взялъ добра коня за поводъ, — II — 1028
 И вѣрѣхали оны ко городу ко Кіеву,
 Ко солнушку ко Владимиру, — II —
 И вдругъ оны крестилася, и вдругъ оны вѣнчались.
 175. И гудъ-то бѣлъ великій почестный пирь,
 Послѣ вѣнца оны разъважались,
 И на почестень пирь опять собиралися, — II — 1031

*) Наи-старшая. — Вид.

- Тутъ-то влады Дунаюшка порохвасталенъ
 «Нѣтъ-то меня смилнѣ»
180. «И нѣтъ-то меня храбрѣ,
 «И не кому со мной поборотися!»
 За тымъ-то пиромъ за почестыиымъ
 Сидѣла хороша Настасья королевична
 Настасья королевична изъ хороброй Литвы,
185. И сама поворотъ таковы слова:
 — Не пустымъ ли то влады Дунаюшка хвастаетъ?
 — Возьмемъ-ко мы тугой лукъ
 — И кладемъ-ко мы колечушко серебряно во чисто
 — И кладемъ туда ножъ вострый,
 — И стрѣлимъ въ колечко серебряно
 — И по тому нежу вострейному
 — Чтобы стрѣлочки били на половничкахъ,
 — И на взглядъ ровны, и вѣсомъ ровны,
 Тутъ Дунаюшка стрѣлилъ во колечко серебряно
195. Той стрѣлой калѣной,
 И не дострѣлилъ:
 А другой разъ стрѣлилъ,
 Перестрѣлилъ;
 Третій разъ стрѣлилъ.
200. И стрѣлочки найти не могли.
 А Настасья королевична стрѣлила во колечко серебряно,
 И попала во колечко серебряно,
 И колечко стрѣлочку малѣную на половнички:
 На взглядъ ровны и вѣсомъ ровны.
205. — Не угодно ли тебѣ, Дунаюшка, со мной поборотися?
 Тутъ сколыбалось его сердце ретивое,
 Чинувались его очишки ясныя.
 Тутъ говорить Настасья королевична таковы слова:
 — Ты прости меня, Дунаюшка!
210. — Во вины да во великия!
 — Бей меня плеточкой шелковой
 — За мою за вину за великую!

- У меня есть во черевѣ посяно два дѣтища
 — И два сына будетъ любимыихъ:
 215. — Во лбѣ-то будетъ свѣтелъ мѣсяць,
 — Но косицамъ частыя звѣздочки,
 — По локоть рученьки въ золотѣ,
 — По колѣнечко ножки во серебръ.—
 Тутъ-то младъ Дунаюшка
 220. Накладывалъ стрѣлонку на тугой лукъ
 И стрѣлилъ ее во груди во бѣныя,
 Тутъ-то младъ Дунаюшка сколыбался:
 Вынималъ-то дѣтушекъ со перета,
 И увидѣлъ дѣтушекъ во лбу-то свѣтелъ мѣсяць.
 225. По косицамъ частыя звѣздочки,
 По локоть рученьки въ золотѣ,
 По колѣнечко ножки во серебръ,
 Тутъ-то младъ Дунаюшка
 Поставилъ острый ножъ во кирпичный мостъ,
 230. И палъ на него Дунаюшка бѣлыми грудьми,
 Со досадушки со великия:
 Тутъ Дунаю и славу поють.

- Отъ Настасьюшки протекала Настасья рѣка:
 Рѣка быстрая ко королю ко Литовскому,
 235. Отъ Дунаюшки протекала Дунай рѣка
 Ко городу ко Киеву,
 Тутъ-то они въ мѣстечко стекалися,
 Тутъ выростало два деревца кипарисныхъ,
 Два деревца вмѣстѣ сплеталися,
 240. Тутъ на листахъ было подписано:
 « Таково дѣло случалосе,
 « Молодымъ людямъ на удивленіе,
 « А старымъ людямъ на утѣшенье.»

(Отъ крестьянина Терентія Делова, 1861 г., Сентября 25.)

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

13.

(Красная Лага; ср. выше).

- Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
 У ласкова князя Владимира,
 Заводился пированье—почестный пиръ
 На многихъ князей-бояръ,
 5. И на сильныхъ-могучихъ богатырей,
 И на всѣхъ поленицъ удалыхъ,
 И на всѣхъ гостей приходящихъ.
 И всѣ на пиру пьяны-веселы сидятъ,
 А Иванушко Годеновичъ
 10. Не пьетъ, да и не ѣстъ и не кушаетъ,
 И бѣла лебедя Иванушка не рушаетъ.
 И спрашиваетъ у Ивана родной дялюшко
 Владимиръ князь столенъ-Кіевскій:
 — Что же ты, Иванушко,
 15. — Не пьешь, не ѣси и не кушаешь,
 — И бѣлы лебеди, Иванушко, не рушаешь?
 — Мѣсто ли тебѣ не по разуму,
 — Али невѣжа тебя въ пиру обезчестила?—
 Говорить-то Иванушко Годеновичъ:
 20. « Ай ли ты, родитель мой дялюшко,
 « Владимиръ князь столенъ-Кіевскій!
 « Мѣсто-то мнѣ какъ по разуму
 « И невѣжа въ пиру не обезчестила.
 « У насъ-то во городѣ во Кіевѣ
 25. « Всѣ молодцы испоженены,
 « Красныя дѣвушки за мужъ выданы,
 « А я-то, Иванъ, не женать хожу.
 « Кабы мнѣ-ка нажать Богосуженая,
 « Кабы мнѣ-ка нажать супружница! »

*) Родной. — Изд.

30. И говорить Владимиръ князь столень-Кіевскій:
 — Ай же ты, Иванушко Годеновичъ!
 — Да гдѣ тебѣ невѣста по любви, тутъ ли (беря)?
 — Добромъ не отдають, такъ и силой возымать:—
 И говорить-то Иванушко Годеновичъ:
35. « Ай же ты, любезный мой дялюшко,
 « Ты Владимиръ князь столень-Кіевскій!
 « Есть у меня невѣста-то въ городѣ Черниговѣ—
 « У того ли у купца у гостя Дмитрія торговара,
 « Есть же Настасья-та Дмитриевна от-атрочотъ И
40. « Умомъ умна и станомъ статна, да итъ ажъ и А
 « Лице бѣло будто бѣлый снѣгъ, аки ашкетъ онъ
 « Щечки будто маковъ цвѣтъ, да итъ ажъ итъ
 « Походочка у ней такъ павиная, да итъ ажъ итъ
 « Рѣчь-то у ней лебединая.»
45. И говорить-то Владимиръ князь столень-Кіевскій:
 — Ай же ты, Иванушко Годеновичъ!
 — Беря-тко казна колько надобно,
 — Беря-тко ты силы колько требуется
 — И поѣзжай-ко ты за Настасьей Дмитриевной.—
50. И говорить-то Иванушко Годеновичъ:
 « Ай же ты, любезный мой дялюшко,
 « Владимиръ ты князь столень-Кіевскій!
 « Не надобна мнѣ золотая казна
 « И не надобна мнѣ сила твоя (армія),
55. « Только дай-ко мнѣ Ефимка слугу-Паромка,
 « Мы двое съ нимъ да поправимся.»
 И встаетъ Ефимка слуга-Паромокъ:
 « « Благодарствуй, Иванъ да Годеновичъ,
 « « Хоша мною ты да не побрезговаль!»»
60. И видѣли молодцовъ, какъ на коней сажались,
 И не видѣли, куды они уѣхали,
 И пріѣхали ко городу Чернигову,
 И разскачались ко гостю купцу Дмитрию торговому,

*) Екимъ Паробокъ (Екимъ Ивановичъ, Марко Паробокъ), известный мотроу-
 гиль былъ инакъ.—Изд.

- И стали они у него свататься:
65. « Ай же ты, Дмитрій гость торговый! —
« Отдай же Настасью Дмитріевну —
— « За княженецкаго племянника за Иванушка Годено-
говича. »
Говорить-то Дмитрій гость торговый:
— У меня просватана Настасья-то ДмитріевнаТ »
70. — « За царя за Кошея Трапетовича! —
Какъ хватили-то саблю-то острую
И говорятъ-то они таково слово:
« Ай же ты, Дмитрій гость торговый!
« Не отдашь какъ Настасья-то ДмитріевнаТ. »
75. « Отсѣмъ мы тебѣ буйную голову! »
И хватили Настасью-то Дмитріевну
За тѣ ли за ручки за бѣлыя,
За тѣ ли за перстни злаченые,
И выводили-то ей на широкой дворъ
80. И сажали-то ей на дорога коня,
И повезли-то ее да во Кіевъ градъ
И выѣхали они да во чисто поле,
И говорятъ-то Иванушко Годеновичъ:
« Поѣзжай-ко ты, Ефимка слуга-Паромокъ,
85. « Поѣзжай ты во Кіевъ градъ
« И скажи-ко дядюшкѣ вѣсточку радостную,
« Что получили Настасью-то Дмитріевну,
« А я раскину шатеръ бѣлополотненный,
« Отдохну я съ Настасьею Дмитріевной. »
90. Уѣхалъ слуга-Паромокъ во Кіевъ градъ,
Остаются Иванушко Годеновичъ
Съ Настасьею Дмитріевной во чистомъ полѣ.
И раскинули они шатеръ бѣлополотненный
И легли они спать да опочинъ **) держать.
95. И наѣхалъ Кошей да Трапетовичъ,
И кричалъ-то Кошей громкимъ голосомъ:

*) Вѣриче « Трипетовъ, » три-путный. Ср. издание пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ. — Изд.

**) Опочкель. — Изд.

- « Ай же ты, Иванушко Годенович! »
 « Ты поче у меня озадъ Настасью-то Дмитриевну? »
 « У меня три года какъ сосватайся... »
 100. И вышелъ-то Иванушко Годеновичъ
 Супротивъ Кошея Трапетовича,
 И стали о Настасью-то драться,
 Драться да и боротися:
 И одолѣлъ Иванушко Кошея Трапетовича,
 105. И закричалъ-то Кошей громкимъ голосомъ: « То —
 « Ай же ты, Настасья Дмитриевна! »
 « За мной тебѣ жить — такъ паричей слыть, »
 « За Иванушкой жить — портомойницей слыть, »
 И скочила какъ Настасья-то Дмитриевна —
 110. И какъ хватила Ивана за желты кудри,
 И ушибла Ивана о сыру землю,
 И связали у Ивана рунди бѣлы,
 И сковали у Ивана ножки рѣзвыя,
 Привязали-то ко кусту ракивому,
 115. И зашли-то во шатеръ бѣлополетный,
 Кошей-то Трапетовичъ съ Настасью Дмитриевною,
 И стали забавлятся,
 И прилетѣли голубокъ да со голубушкой,
 Садилися на кустечикъ ракиновый,
 120. И воркуютъ-то она да приговариваютъ:
 « Хорошо стоять Иванушки у кустина ракива,
 « Хорошо смотреть на Кошея Трапетовича; »
 « Какъ забавляется съ Настасью-то Дмитриевною! »
 И говорить-то Настасья-то Дмитриевна:
 125. — Ой ты, Кошей Трапетовичъ!
 — Отсъки Ивану буйну голову:
 — Какъ сослетять да голубокъ со голубушкой во
 Киевъ градъ,
 — Да скажутъ князю Владимиру,
 — Наѣдутъ какъ Киевскіе богатыри,
 130. — Такъ не уфхатъ намъ, будетъ во свою землю,
 Такъ тутъ говорить Кошей-то Трапетовичъ:
 « Застрѣлю я голубка со голубушкой. »
 И натягивалъ Кошей свой тугій лукъ

- И накладывалъ Кошей камену стрѣлу,
 135. И стрѣляетъ въ голуби да во голубушку;
 И не попалъ-то Кошей ни въ голубка, ни во голубушку,
 А попалъ во свою бѣгу грудь,
 И разбилъ-то свою бѣгу грудь,
 Разрушилъ свое сердце рѣзаво:
 140. И тугъ-то Кошею слава вся прошла,
 И говорить-то Настасья-то Дмитріевна:
 — Отъ бережку я отначулася,
 — Ко другому бережку не причащудася!
 — Ой же ты, Иванушко Годеновичъ!
 145. — Не станешь меня ни бить, ни бранить,
 — Такъ отвяжу тебя отъ кустичка ракитового;
 — А станешь меня бить да бранить,
 — Отсѣку тебѣ буйну голду.
 Взяла-то она саблю въостру,
 150. И дрожали у ней ручки бѣлыя,
 И выпала сабля по поводку желтовинному,
 И сталъ-то Иванъ на последей фомы от-пуща,
 И говоритъ-то Иванъ таково слово:
 «Я не стану тебя, Настасья, ни бить, ни бранить,
 155. «Только дамъ тебѣ три угрозы, три великія,
 «Эти мнѣ руки не надобны:
 «Почто меня звали за жолты кудри, цыра,
 «Почто ушибали о сыру землю!
 И отсѣкъ-то у ней ручки бѣлыя,
 160. «Эти мнѣ губы не надобны:
 «Почто цѣловали Кошей Трахетовича,
 И отсѣкъ-то у ней губы бѣлыя,
 «Этотъ языкъ мнѣ не надобенъ:
 «Почто говорилъ — отсѣки-тко Ивану буйну голду!»
 165. И вытянулъ языкъ у ней изъ рта,
 «На-тко, Настасья Дмитріевна,
 «Хоть за мужъ пойдя, хоть вдовой живя,
 «А мнѣ ты теперь не надобна!»
 И поѣхалъ Иванъ-то во Кіевъ градъ,

170. Одинъ-то поѣхалъ одинешенекъ.

И встрѣчаетъ его дорогой дядюшка,

Думаетъ, что ѣдетъ Иванъ съ Богосуженой.

И говорить-то Иванъ таково слово:

« Ай ты, родителя мой дядюшка!

175. « Всякъ-то на семь свѣтъ женился,

« А не всякому женидьба издавается!»

(Отъ старика, Калужск. губер. выезда).

« Отъ старика, Калужск. губер. выезда »

« Отъ старика, Калужск. губер. выезда »

« Отъ старика, Калужск. губер. выезда »

« Отъ старика, Калужск. губер. выезда »

« Отъ старика, Калужск. губер. выезда »

« Отъ старика, Калужск. губер. выезда »

(Деревни Борщичи, Калужской волости, Петровского уѣзда).

« Отъ старика, Калужск. губер. выезда »

« Отъ старика, Калужск. губер. выезда »

Жилъ-то Бусланей дѣвнство свѣтъ,

Живучи онъ состарѣлся и преставился.

Оставался у Бусланей милый сынушко во имени

Изъ-по имени: Василій Бусланевичъ.

5. И поѣхалъ-то Василій Бусланевичъ

Съ молодой женой Настасьей Митриѣвичкой.

Во славное раздольице, чисто поле.

Ужъ онъ ѣздилъ-гулялъ по листу, по полю.

Раскинулъ шатеръ бѣлый-полотняный.

10. И дожился на покой съ Настасьей Митриѣвичкой.

И на тую на порушку на то время.

Наѣзжаетъ Кошуй сынъ Трипетовинъ.

Со своею со силою проклятою,

И прогоняетъ-то Василья со бѣла шатра,

15. Отымаетъ-то Настасью Митриѣвичку,

Привязали Василья ко сыру дубу.

И на тую-то на порушку на то время

Налетѣло два сизыихъ голубя,

И голубь со голубушкой ликуется,

*) Хотя въ бѣлыиъ имена и переименованы, но изъ другихъ разговорчій мы хорошо знаемъ, что она относится къ Ивану Годиновичу.

**) Ошибкою у другихъ — « Никулчиной. »

20. Даетъ Василью Бусланенчу
 На его ретливое сердечушко пазоду великую,^{*)}
 Изъ того ли изъ бѣла шатра
 Выходитъ Кошуй сынъ Трипетовичъ,
 И натягивалъ онъ свой дугий лукъ,
 25. И направляетъ стрѣлючку каленую.
 И хочетъ стрѣлать въ сизыихъ два голубя.
 Выходила Настасья Митриевична
 И говоритъ Кошую сыну Трипетовичу:
 « Не стрѣлай-ка сизыихъ два голубя,
 30. « Лучше стрѣль въ Василья Бусланенча. »
 Говорилъ Кошуй сынъ Трипетовичъ:
 — Ужь ты экая баба неразумная!
 — Связанъ человекъ куда не уйдетъ,
 — А улетятъ два сизые голубя. —
 35. Какъ стрѣлялъ-то въ два сизыихъ голубя,
 Высоко стрѣла подымалася,
 И низко она онущалася,
 Она пала на Кошуй сына Трипетовича,
 Расколола у него груди бѣлыя.
 40. И говоритъ Василій Бусланеевичъ:
 « Ужь ты экая баба неразумная!
 « Отвяжи Василья отъ сыра дуба. »
 Она громко слезаны уливалася,
 Бѣлымъ платочкомъ утиралася,
 45. Заболѣла она, застрашилася
 Своего лютаго мужа Василья Бусланенча,
 И отвязала его отъ сыра дуба.

(Записано отъ племянницы престыяника Щеголенкова).

*) Заставляетъ Василья догадывать, думая, что также летуесть въ шатръ Кошуй съ Настасьею. — *Изд.*

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ СЫНЪ ИВАНОВИЧЪ.

13.

(Красныя Леса, ср. выше).

- У ласкова у князя у Владимира
 Заводился цированудце — почестный пирь,
 На многих на князей на бояровъ
 И на сильныхъ-могучихъ богатырей;
5. На всѣхъ падениць на удалихъ,
 Пиро-ть илетъ на весель,
 Дене-ть ддесть ко вечеру,
 Красное солнышко ко западу.
 Владимиръ князь стодеиъ-Кіевскій
10. Наливалъ чары зелена вина,
 Зелена вина въ полтора ведра;
 Подносилъ чары тремъ богатырямъ:
 Старому казаку Ильѣ Муромцу,
 Молодому Добрынь сыну Никитичу
15. И душечкѣ Михайлу Потьку сыну Ивановичу,
 « Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
 « Выкушай чару зелена вина
 « И послужи мнѣ, князю, върой-правдою:
 « Съѣзди-ко ты въ Золоту Орду,
20. « Собери-тко дани за семь лѣтъ,
 « А впередъ бери за двѣнадцать лѣтъ,
 « Молодой Добрыня сынъ, Никитичъ!
 « Выкушай чару зелена вина
 « И послужи мнѣ, князю, върой-правдою;
25. « Съѣзди-ко ты въ Цареградъ,
 « Собери-тко дани за семь лѣтъ,
 « А впередъ бери за двѣнадцать лѣтъ,
 « И ты, душечка Михайла Потькѣ сынъ Ивановичъ!
 « Выкушай чару зелена вина
30. « И послужи мнѣ, князю, върой-правдою:
 « Съѣзди-ко ты во царство Заморское,

« Сѣбери-тко дани за семь лѣтъ,

« А впередь бери за двѣнадцать лѣтъ.»

Сиделись богатыри на добрыхъ коней,

35. Поѣхали въ раздольице—чисто поле,
Промеждѹ собой уговорилися:
Братьямъ дружка дружкѣ сѣждать,
Раскинуть въ полѣ шатерь бѣлополотняный,
И вдругъ ѣхать въ столенъ Кіевъ градъ.
40. Въ первыхъ пріѣхалъ Илья Муромецъ,
Привезъ злата какъ сѣнну кучу,
Раскинулъ въ полѣ шатерь бѣлополотняный
И дожидается своей братіи.
Пріѣхалъ молодой Добрынюшка Никитиничъ,
45. Привезъ злата какъ сѣнну кучу.
И ѣдетъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Не везетъ злата ни одной денежки,
А везетъ душечку Марьюшку,
Душечку Лебедь Бѣлую и полоненую.
50. И говорятъ ему братія:
« Чтò же ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
« Обзарился ты на прелести женскія,
« А не везешь злата ни одной денежки?
« И съ чѣмъ ты теперь во Кіевъ градъ появишься?»
55. И говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же вы, братьица крестовые!
— А не давайте мнѣ красна золота,
— И не троньте душечки Бѣлой Лебеди:
— Я съ ней поѣду въ столенъ Кіевъ градъ.—
60. И пріѣхали братья въ столенъ Кіевъ градъ.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Отвалилъ злата какъ сѣнну кучу;
Молодой Добрынюшка Никитиничъ
Отвалилъ злата какъ сѣнну кучу;
65. Идетъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Не несетъ злата ни одной денежки,
А ведетъ за ручку душечку Марьюшку,

Душечку Лебедь-Бѣлую и положеную.

И говорятъ Владиміръ князь-столень-Кіевскій:

70. « Чѣмъ тебя за эту выслугу будешь жаловать? »

« Селами ли жаловать съ приселками, »

« Городами ли ударить съ пригородками, »

« Али золотой казны несчетною? »

Говоритъ Михайла тановы слезами:

75. — А не надоть сель съ приселками, »

— Городовъ не надоть съ пригородками, »

— И не надоть золотой казны несчетною, »

— Хоть меня чѣмъ пожалуй, и все прошью, »

— Душа дай мнѣ указъ за печатью за красною: »

80. — Ходить Михайлу по царевымъ кабакамъ, »

— И по всѣмъ кружкамъ государевымъ, »

— И пить зелено вино безденежно, »

— Чтобы съ Михайлы денегъ никогда не спрашивали. —

И дастъ Владиміръ князь-столень-Кіевскій:

85. Ему Михайлу указъ за печатью за красною, »

Ходить Михайлу по царевымъ кабакамъ, »

И по всѣмъ кружкамъ государевымъ, »

И пить зелено вино безденежно, »

Что ни напьеть, все казна ащесеть, »

90. Говоритъ Владиміръ тановы слезами: »

« Я и тѣхъ те посдалъ, чтобы женился, »

« А они, молодцы, не догадалися, »

« Обзарились на золото и серебро, »

« Въ нашу державу свято-русскую »

95. « Пойдутъ съмена—кладъ богатырскій: »

« То лучше золота и серебра, »

« И положимъ мы за престолъ Господень, »

« И поведемъ мы за престолъ Господень, »

И говоритъ Михайла Цотыкъ сынъ Ивановичъ:

— Ай же ты, душечка Марьяшкка, Лебедь-Бѣлая! »

— Обвѣчаемся мы съ тобой! —

100. « Не, нѣтъ, Михайла Цотыкъ сынъ Ивановичъ! — »

« Только съ тѣмъ обвѣчаемся, — »

« Сдѣлаемъ записи крѣпкія »

« И положимъ мы за престолъ Господень: »

- « Который изъ ясъь впереди помереть, ... »
105. « А другому живому въ гробъ легчи, »
 И сдѣлали записи крѣпкія,
 И положили за престолъ Господень,
 И повѣнчались въ Божьей церкви,
 Послѣ брака годъ живутъ, другой живутъ,
 110. И живутъ они по третій годъ,
 Четвертое лѣто на приходѣ,
 И ходитъ Михайла все по кабакамъ,
 И по всѣмъ кружаламъ государевымъ,
 Пьетъ зелено вино безденежно,
 115. Съ Михайлы денегъ никогда не спрашиваютъ,
 И пришла къ ѣму въ кабакъ вѣсточка скорая,
 Скорая вѣсточка, не веселая,
 Померла душечка Марья, Лебедь Бѣлая,
 Приходитъ Михайла въ свои палаты бѣлокаменны,
 120. Наймуетъ онъ плотниковъ,
 Состроить колода дубовая,
 Дубовая колода, просторая,
 Чтобы двоимъ леги и сидя сѣсти,
 И построили ему колоду дубовую,
 125. Дубовую колоду, просторую,
 И беретъ Михайла запасу на два мѣсяца,
 И похоронили во матушку сыру землю,
 Михайла Потыка сына Ивановича,
 И душечку Марью, Лебедь Бѣлую,
 130. И тогда подпльваетъ змѣя лютая,
 Лютая змѣя пещерская,
 Пролизала колоду дубовую
 И хочеть съѣсть Марью, Лебедь Бѣлую,
 И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 135. Захвати змѣю за гайноище,
 — Задавлю я тебя, змѣя лютая,
 — И придавлю твоихъ двѣнадцать змѣеньшей!
 Говорить змѣя языкомъ человѣческимъ:

*) Хайлице, пасть. — Изд.

- « Не дави жени и мовхъ двѣнадцать змѣенншай,
 140. « Я тебѣ дамъ змѣеныша порукою,
 « А сама пойду по подземлѣ,
 « Принесу тебѣ живой воды:
 « Оживи-тко Марью, Лебедь Бѣлую,
 И дала ему змѣеныша порукою,
 145. Сама побѣжала по подземлѣ,
 Пришла ему живой воды:
 И оживили Марью, Лебедь Бѣлую, стала жива.
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Закричалъ какъ въ сѣрой землѣ,
 150. Такъ у князя Владиміра палаты зашаталася,
 Тогда сидѣли у князя Владиміра
 Князи-бояра на почестномъ пиру:
 « Видно, тяжко живому съ мертвымъ лежать,
 « Пойдемъ, выкопаемъ Михайла Потыка сына Ива-
 новича!»
 155. И выкопали Михайла Потыка сына Ивановича,
 Идетъ вслѣдъ душечка Марья, Лебедь Бѣлая.

Прошла такова слава великая
 По всѣмъ землямъ и по всѣмъ ордамъ:
 Такова-то есть во городъ во Кіевъ

160. Душечка Марья, Лебедь Бѣлая, безсмертная *).
 На тую на славу на великую
 Наѣзжаетъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
 И сорокъ королей, сорокъ королевичей,
 Стали виноватаго розыскивать **):
 165. « Ай же ты, Владиміръ князь, столенъ-Кіевскій!
 « Отдай душечку Марью, Лебедь Бѣлую,
 « Намъ сорока царямъ въ замужество.»
 И призываетъ Владиміръ князь Михайлу Потыка:
 « Отдадимъ Марью сорока царямъ въ замужество!»

*) По объясненію калики, «другая смерть человеку не бываетъ.»

**) Стихъ, ошибочно вставленный изъ тѣхъ отдаловъ былинны, гдѣ Потыкъ побѣждаетъ враговъ и въ заключеніи женится. — *Люд.*

170. Говорить Михайла Цотыкъ сынъ Ивановичь:
— Отладимъ-ко твою Опраксу королевичну?—
Нарядился Михайла въ платья женскія,
Садился Михайла на добра коня,
И поѣхалъ на Оската-гору высокую.
175. Близь сорока царей, сорока царевичей,
И близь сорока королей, сорока королевичей,
Раскинулъ шатеръ бѣлополотняный,
Надавалъ коню пшены бѣлояровой,
И ложился спать въ бѣломъ шатрѣ.
180. Посылали посла сорокъ царей:
«Кто пріѣхалъ къ намъ близь сорока царей?»
Отвѣчаетъ Михайла Цотыкъ сынъ Ивановичь:
— Пріѣхала Марья, Лебедь Бѣлая,
— Вамъ сорока царямъ въ замужество.—
185. Тогда сорокъ царей и сорокъ царевичей,
Сорокъ королей и сорокъ королевичей,
Ободоклись въ платье самолучшее,
Садись на самолучшихъ коней,
И пріѣхали къ шатру бѣлополотняну.
190. Говорить имъ Михайла таково слово:
— Глупы вы сорокъ царей и сорокъ царевичей,
— Сорокъ королей и сорокъ королевичей!
— Я вѣдь одна, одному и достануся, а всѣмъ не до-
стануся;
— Дай-ко я разстрѣляю сорокъ стрѣлочекъ.
195. — Всякому стрѣлю въ свою сторону:
— Который впередъ прибѣжитъ со стрѣлочкой,
— Тому я и достануся.—
На то цари согласилися,
Разстрѣлялъ Михайла сорокъ стрѣлочекъ.
200. Иная въ кусты, иная въ воду: часомъ ли соберешь?
Который впередъ прибѣжитъ со стрѣлочкой,
Михайла тому голову сѣкетъ,
Сѣкетъ голову и подъ шатеръ складеть,
И прибиль снъ всѣхъ до одного.
205. По одному сорокъ царей и сорокъ царевичей,

- И серокъ кородей, серокъ королевичей,
 Самъ шель въ столенъ: Киевъ градъ,
 Привернулъ въ кружало государено,
 И напился велеца вина бодяежно;
210. Съ Михайла денежекъ не спрашиваютъ,
 И пріѣхалъ король земли Польскія,
 И просить—отыскиваетъ виноватаго,
 Самого ли Михайла Потыка сына Ивановича,
 За ту ли противность великую,
215. Что увезъ ёнь дочь любимую,
 Тую ли Марью, Лебедь Бѣлую,
 И увозилъ Михайла въ свою землю Польскую,
 И садилъ играть его во шахматы;
 «Если я тебя поиграю»), голова съ плечь долой;
220. «Если ты меня поиграешь, такъ въ видѣ тебя Богъ
 простить.»
- Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Разъ ступаетъ—не доступываетъ,
 Во вторыхъ ступаетъ—переступываетъ,
 А во третьихъ королю и мата далъ;
225. Выигралъ Михайла свою голову,
 Во второй разъ прописалъ король свою землю Поль-
 скую;
 Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Разъ ступаетъ—не доступываетъ,
 Во вторыхъ ступаетъ—переступываетъ,
 А во третьихъ королю и мата далъ,
 И выигралъ Михайло державу Польскую,
 Прописалъ король свою будню голову;
 Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Разъ ступаетъ—не доступываетъ,
235. Во вторыхъ ступаетъ—переступываетъ,
 А во третьихъ королю и мата далъ,—
 И надоть королю голова рубить,

*) Обыграю. — Изд.

**) Поставилъ на конь. — Изд.

- Королевство Польское на руки принимать,
 Как пришла-то вѣсточка скорая,
 240. Скорая вѣсточка, не веселая:
 «Пріѣхалъ царь Вахрамей Вахрамеевичь,
 «Увезъ Марью во свою землю Вахрамееву,
 И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
 Королю въ винѣ простилъ,
 245. Королевство на руки возвратилъ,
 И поѣхалъ вслѣдъ сугоною.
 И достигъ въ чистомъ полѣ
 Царя Вахрамея Вахрамеева
 И Марьюшку, Лебедь Бѣлую.
 250. И видитъ царь Вахрамей бѣду неминуемую
 [Загнѣваетъ дѣву бѣучю *],
 Что не состоятъ будетъ съ Михайломъ Потыкомъ Ива-
 новичемъ,
 И самъ и сохутился,
 А Михайла приходитъ къ Марьѣ поблизку,
 255. И беретъ его Марья за ручки бѣлыя,
 И цѣлуетъ въ уста сахарныя,
 И предводитъ прелесть женскія,
 И сама я своимъ умомъ задумала
 Ихать-то во землю Вохрамееву:
 260. «Отдашь меня князь Владиміръ за неволюю,
 И пошла его питиѣмъ пьянымъ,
 И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь напился,
 И въ дубровишну зеленую свалился,
 И Марья брала его на руки бѣлыя,
 265. А кидала черезъ себя,
 Крѣпки приговоры приговаривала:
 «Былъ въ чистомъ полѣ сильный-могучій богатырь:
 «Теперь стави Михайло синимъ камнемъ въ чистомъ
 * Стыжъ и вѣкъ и олоу и азъ и олоу и олоу!»

*) Стихъ этотъ вставкой изъ поговорки.

**) Скрытася.

И обернула она мужа, Михайла каломельца, вно
270. Сама дѣхала въ землю Вахрамееву.

И во стольномъ во городѣ во Киевѣ
Были богатыри, его братья крестовые-названные:
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
Добрыня Никитичь, Алеша Поповичевъ.

275. И схватились они по Михайлѣ Потыкѣ:

«Пойдемъ искать Михайлу Потыка,
«Что его долго нѣтъ изъ земли Вахрамеевой?»
И пошли—нарядились калыками переходжими,
Взяли сумочки перемѣтные.

280. Взяли клюшки во двѣнадцать пудъ,

И пошли они во землю Вахрамееву.
Идутъ они путемъ-дорогою,
Вышелъ со стороны четвертый калыка незнакомый:
«Здравствуйте, калыки Киевскіи!

285. «Возьмите-ко меня въ товарищи?»

—Рады мы товарищу.—
И пошли четверо калыкъ переходжихъ.

Пришли во землю Вахрамееву,

Клюшками поколотили *)

290. И милостыни попросили.

И выглянула Марья, лебедь бѣлая, въ окошечко,

И видитъ, что идутъ калыки Киевскіи,

А четвертый калыка незнакомый,

И бѣжала на широкій дворъ,

295. И брала калыкъ за руки бѣлыя,

А ведеть въ палаты бѣлокаменныя,

И поить-кормить, чествуеть.

Трое калыки пьютъ и ѣдятъ,

А четвертый не ѣсть и не пьеть;

300. Трое калыкъ принапилися,

Принапилися, да на полъ свалилися,

А четвертый калыка не пиля, тотъ и не пьянъ.

*) Калыки въ землю потыкали, или постукали, или вли-ошпа.—Мед.

Она взяла—собрала двѣнадцать богатырей:
«Подьте, богатыри, убейте каликъ Кіевскихъ.»

305. И тогда пришли двѣнадцать богатырей,
Пришли—хочуть убить каликъ Кіевскихъ.
Четвертый калика незнакомый
Бралъ какъ клюшечку въ двѣнадцать пудъ,
Сталъ какъ клюшечкой помахивать,
310. И убилъ всѣхъ двѣнадцать богатырей,
Не оставилъ единого на сѣмена.

И видитъ царь Вахрамей Вахрамеевичъ,
Что не состоятъ всему царству Вахрамееву
Съ одной каликой перехожеей,

315. А какъ тѣ проснутся, что будетъ?
Взялъ—у нихъ котомки всѣ отобралъ,
И сходилъ во терема глубокіе,
Накладъ котомки полнымъ-полнехоньки
Злата и серебра, и скатна жемчуга.
320. По утру калики просыпалися:
«Накормилъ-напоилъ царь Вахрамей Вахрамеевичъ
«И на дорогу животами надѣлил!»
И пошли калики во Кіевъ градъ.

И приходятъ противу этого камня,

325. Гдѣ лежитъ душечка Михайла Потыкъ сынъ Ивано-
вичъ.

И говоритъ четвертый калика незнакомый:

«Давайте, братцы, животь дѣлить?»

Калики начали животь дѣлить.

Четвертый калика незнакомый

330. Животь дѣлить, а на пять частей кладеть.
А Илья Муромецъ не стерпѣлъ своего сердца ретиваго,
Самъ говоритъ таково слово:
—Что же, четвертый калика незнакомый,
—Животь дѣлишь, а на пять частей кладешь?
335. —Кому часть пятая?—
Говоритъ четвертый калика незнакомый:
«Тому же часть пятая,

- « Кто изъ этого камня сдѣлаеть богатыря, »
 И говорить Илья Муромецъ сынъ Ивановичь;
 340. — Батюшко, четвертый калика незнакомый!
 — Буде ты сдѣлаешь изъ этого камня богатыря,
 — Пусть весь животъ тебѣ пойдетъ,
 — Не надоть намъ одна денежка.—
 И четвертый калика незнакомый
345. Бралъ камень на бѣлы руки,
 И кидаль камень черезъ себя,
 И крѣпки приговоры приговариваль:
 « Стань Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь! »
 И высталъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь на ноги.
350. И говорить четвертый калика незнакомый:
 « Обирайте, калики, весь животъ,
 « Не надоть мнѣ моя доля;
 « Молитесь вы Николѣ Святителю:
 « Кабы не онъ, то бы вы убиты были!»
355. Три калки Кіевскія пошли во Кіевъ градъ,
 А четвертый калика незнакомый пошелъ въ свою сто-
 рону.
 А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
 Пошелъ искать Марьюшки душечки,
 Лебедь Бѣлая, полоненая.
360. Приходить онъ въ землю Вахрамеевскую,
 Къ царю Вахрамею Вахрамеевичу;
 Ключкой поколотилъ и мидостыни попросилъ.—
 И выглянула Марьюшка душечка,
 Лебедь Бѣлая, полоненая,
365. И видить, что идетъ Михайла
 Потыкъ сынъ Ивановичь,
 И бѣжала она на широкій дворъ,
 И брала Михайла за руки бѣлыя,
 И ведеть въ палаты бѣлокамениыя,
370. И поить—кормить, и чествуеть.
 И Михайла—то порозсохся,
 Напился и на полъ свалился;

- А она цыла Михайла — поставила оубо стѣну;
 И въ руки въ ноги вбила по гвоздю;
 375. И противъ сердца былъ гвоздь гранчатый;
 Тотъ потерялся гвоздь,
 То она побѣжала въ кувшину;
 А кузнецовъ дома не случилось;
 И той поры Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ про-
380. И была у царя Вахрамея Вахрамеевича
 Дочь Настасья Вахрамеевна.
 Говорить она таковы слова:
 «Пойти было мнѣ посмотрѣть,
 «Русскаго богатыря,
 385. «Какъ жена насмѣхается?»
 И пришла, сама говорить таково слово:
 «Экіе наши глушыя женскіе разумы!
 «Вотъ надъ какимъ молодцомъ жена насмѣхается!
 «Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 390. «Возьмешь ли меня въ замужество?
 «Сей часъ я тебя оубо стѣны сойму»
 — Настасья Вахрамеевна!
 — Сей часъ я тебя въ замужество возьму.—
 Изъ рукъ изъ ногъ выдернула по гвоздю,
 395. И принесла травки муравчатой,
 И зашивла ранъ кровавыя;
 И принесла ружье богатырское;
 — Ну, Настасья Вахрамеевна,
 — Не боюсь я теперь вашего царства Вахрамеев-
400. И взялъ царя Вахрамея Вахрамеевича —
 На воротахъ и рострѣлялъ;
 И Марьюшку душечку,
 Лебедь Бѣлую, полоненую,
 Также на воротахъ рострѣлялъ;
 405. А Настасью Вахрамееву за мужъ взялъ.

*) Гранчатый, что забиваютъ грядку? — *Изд.*

Первая жена **ба Михайлы, неудачна была.**
 А вторая жена **ба челядная.**
 И тутъ какъ оны **объялись да и онделись.**
 Да и въ одно мѣсто **прижались.**

(Отъ старика колки; ср. выше).

16.

Во стольномъ было городѣ во Киевѣ,

У ласкова князи у **Владимера,**
 Было пированіе—почестный пиръ
 На многи князи да на бояра,
 (Киевская волость).

- Во стольномъ было городѣ во Киевѣ,
 У ласкова князи у **Владимера,**
 Было пированіе—почестный пиръ
 На многи князи да на бояра,
 5. На всѣхъ тѣхъ гостей **званныхъ-братыиъ,**
 Званныхъ-браныхъ **гостей, приходишихъ.**
 Всѣ на пиру **набдались,**
 Всѣ на честномъ **напивались,**
 Всѣ на пиру **порасхвастались.**
 10. Иной **хвалится—естъ—добрымъ конемъ,**
 Иной **хвастаетъ полковымъ портомъ,**
 Иной **хвалится—села со приселками,**
 Иной **хвалить города съ пригородками,**
 Умный **хвастаетъ родной матушкой,**
 15. А безумный **хвастаетъ молодой женой.**
 Изъ того стола **изъ за дубова**
 Не золота-звонка **труба вострубила,**
 Испроговорилъ **Владимеръ стольно-Киевскій!**
 « Не чѣмъ **мнѣ, Владимеру, похвастати,**
 20. « Нѣту у меня **золотой казны.**
 « Первой Русскій **славный богатырь,**
 « Старый **казака Ильи Муромецъ!**
 « Съѣди-ко ты въ **Золоту Орду,**
 « **Повыправь—ко тамъ дани выходи,**
 25. « **Выходы—дани за двѣнадцать годъ,**

*) Платить, одержать. — Илья Муромецъ — герой былинъ, один изъ великихъ русскихъ богатырей.

- « За тринадцать лѣтъ съ половиною,
 « Другой Русскій славный богатырь,
 « Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
 « Съѣзди-ко ты во Турецюю,
 30. « Пovýправь-ко тамъ дани-выходы,
 « Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
 « За тринадцать лѣтъ съ половиною,
 « Третій Русскій славный богатырь,
 « Молодой Добрыня сызъ Никитичицъ!
35. « Съѣзди-ко ты да во Швецию,
 « Выправь-ко тамъ дани-выходы,
 « Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
 « За тринадцать лѣтъ съ половиною.»
- Собралися три Русскихъ три, могучихъ три богатыря
40. Ко тому кресту въ Леванидову,
 Тут онѣ крестами пообратилися;
 Который же изъ нихъ былъ большеи братъ?
 Старый казакъ Илья Муромецъ былъ большеи братъ;
 А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь былъ средней
 братъ;
45. Молодой Добрыня сынъ Никитичь былъ меньшеи братъ.
 Говорить старый казакъ Илья Муромецъ:
 « Ай вы ей, мои братьяна крестовые!
 « Который пораньше да повыѣдетъ,
 « Ко стольному городу ко Киеву.»
50. « Ко другому ѣхать на выруку.»
 Отправился перво старый казакъ
 Илья Муромецъ въ Зодогу Орду,
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь въ Турецюю,
 А молодой Добрыня сынъ Никитичь во Швецию.
55. Какъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
 Взыскалъ свои дани-выходы,
 Привезъ ко соднушку Владимиру,
 Говорилъ Владимиръ стольно-Кіевскій,
 Что « Пишетъ мнѣ Бухарь царь Заморскій:
60. « Пришли ты ко мнѣ дани-выходы,

« Выходы-дани за двѣнадцать годъ,

« За тринадцать лѣтъ съ половинною;

« Если не приплещь дани-выходовъ;

« Разорю я весь вашъ Кіевъ градъ.»

65. « Такъ отвезти надо ему дани-выходы.»

Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:

— Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій!

— Напиши-ко окорописчетые ерлыки,

— Что отпущены дани-выходы

70. — За Михайлой Потыкомъ сыномъ Ивановымъ;

— А я поѣду безъ выходовъ.—

Пріѣхалъ ко Бухарю ко царю ко Заморскому.

Спрашивалъ Бухарь царь Заморскій:

« Ты откудашной, удалый-добрый молодець,

75. « Ты коей орды, ты коей земли,

« Какъ тебя именовъ зовуть,

« Нарекають по отечеству? »

Говорить удалый-добрый молодець,

Что—Я есмь изъ града изъ Кіева,

80. — Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ;

— Привезъ тебѣ дани-выходы

— Отъ того отъ солнышка Владимира.—

« Такъ гдѣ жъ у тебя дани-выходы?»

Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,

85. Что—Были у меня дани-выходы

— Навалены монетою иѣлною;

— Все телѣжачки поравсыпались,

— Колесочка разломались;

— Такъ остались мужики тамъ починивать.—

90. Такъ говорилъ Бухарь царь Заморскій:

« Съ эдакихъ съ великихъ со радостей

« У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются? »

Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,

Что—У насъ въ Россіи забавляются,—

95. — [Играють въ карты белиартовы]

— Играють въ шашачки кленовыя

- На тыхъ дощечкахъ сна дубовыихъ — *т. е. на коняхъ* —
 Такъ говоритъ Бухарь царь Заморскій,
 Что « Станемъ играть въ шашки кленовыя,^{*)}
 100. Оны стали играть въ шашки кленовыя,
 Тотъ Бухарь царь Заморскій
 Положилъ на дощечки дани-выходы,
 А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь —
 Положилъ на дощечку добра: коня;
 105. Повыигралъ Бухарь царь Заморскій,
 Со Михайломъ Потыкомъ сына Иванова,
 Наставили дощечку оны другую;
 Тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
 Положилъ на дощечку буйну голову,
 110. А тотъ Бухарь царь Заморскій
 Положилъ свои дани-выходы,
 Да и положилъ Михайлина добра: коня;
 Сыграли дощечку оны другую;
 Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.
 115. Раззадорился Бухарь царь Заморскій,
 Наставили дощечку оны третьюю;
 Положилъ поль-царства поль-имянства,^{**)}
 А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь —
 Положилъ на дощечку дани-выходы;
 120. Сыграли дощечку оны третьюю,
 Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.
 Тутъ дубова дверь да отворилася,
 Появился старый казакъ Илья Муромецъ,
 Самъ говоритъ таково слово:
 125. « Ты ей же, братецъ мой крестованій,
 « Сидишь—играешь—забавляешься,
 « Надъ собой негдушки не вѣдешь,
 « Твоя что Марья, Лебедь Бѣлая,
 « Подоленка, королевична,
 130. « Уѣхала во землю Политовскую
 « Со тымаъ королемаъ Политовскимъ»

*) Т. е. поставилъ на коня. — *Изд.*

**) Половину всего имущества. — *Изд.*

- Разсердился Макриза Потыкъ сынъ Ивановъ, /
Тяпнетъ дощечку дубовую, /
Бросить въ дверь во клеповую, —
135. Что повывлетятъ вонъ двери съ ободвериньями, /
Отправилася во землю Политовскую, /
Самъ говорилъ таково слово: /
— Ай же, ей же, братецъ ты крестовый! /
— Получай поль-царства поль-умянство ихъ
140. — Со Бухара царя со Заморскаго, /
— А я уѣду во землю Политовскую. — /
Онъ уѣхалъ во землю Политовскую, /
- Прѣзжаетъ къ королю Политовскому, /
Завѣщаетъ онъ на широкой дворъ, /
145. Закрычалъ голосомъ богатырскимъ, /
Что всѣ терема дошатились, /
Всѣ ололенки стааи сыцаться, /
Что самъ король пружахнулся, /
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
150. Та Подоленка королевична, /
Выбѣгала на крыльцо на перенос, /
Выносила чару питьева забудущихъ, /
Сама говоритъ таково слово: /
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановъ! »
155. « У насъ волосъ долѣгъ, да ушь коротокъ, /
« Насъ куда вѣдутъ, мы туда идемъ, /
« Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ, /
« Прими-ко сію чару единой рукой, /
« Да выпей-ко сію чару единымъ духомъ, »
160. « Да поѣдемъ мы ко граду ко Чіеву, /
« Ко ласкову князю ко Владивруку, /
Михайла до вина былъ упачливый **, /
Онъ принялъ чару единой рукой, /
Да и выпилъ чару единымъ духомъ: »
165. Гдѣ онъ выпилъ, да и въ сонъ заснулъ, /

*) Которыя кидали въ забытку, въ безпамятство.—Ию.

***) Падкій.—Ию.

- Хватила Михайлу за желты кудри.
 Тащила Михайлу во чисто поле,
 Бросила Михайлу через плечо:
 «Гдѣ былъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 170. «Тутъ стань бѣленькій горячій бѣлый камешокъ!»
 Тутъ Михайла да окаменѣлъ.

- Стосковалися братьяца крестовые,
 Старый казакъ Илья Муромецъ
 Да молодой Добрыня сынъ Никитиничъ:
 175. Накрутились *) онѣ тутъ каликами,
 Пошли искать братца крестоваго.
 Идучись онѣ по широкой дороженьки,
 Сустигли Старчица Пиригриница:
 Кляуха у него сорока пудовъ.
 180. Говорятъ онѣ, калики перехожіи:
 «« Пойдемъ съ нами, Старчицо Пиригриницо!»»
 Пошли онѣ во землю Политовскую.

- Пришли къ королю Политовскому,
 Становилися къ нему подъ окошечко,
 185. Закрычали голосомъ богатырскимъ,
 Попросили онѣ милостыни:
 Что всѣ терема пошатилися,
 Всѣ околенки стали сыпаться.
 Всѣ во-о градѣ **) приужахнулись.
 190. Говоритъ-то Марья, Лебедь Бѣлая:
 « Ай ты ей, король Политовскій!
 « Зови каликъ въ полаты бѣлокаменны,
 « Корми каликъ теперь до сыта,
 « Да и пой каликъ теперь до пьяна,
 195. « Да й дари каликъ теперь до любви:
 « Эго есть не калики перехожіи,
 « А есть Русски могучіи богатыри. »
 Отпустили каликъ перехожіихъ.

*) Накрутились, нарядились.—Изд.

**) Читай: « воо »; вѣроятно о долгое.—Изд.

- Пошли онѣ, калики перехожіи,
200. Ко бѣлому горючему ко каменю;
 Говорить ямъ калика перехожая,
 Тотъ Старчищо Пиригримищо:
 « Станемте-тко, братцы, животовъ дѣлать?»
 Говорить старый казакъ Илья Муромецъ:
205. — Дѣли-ко ты, Старчищо Пиригримищо.—
 Сталъ дѣлать Старчищо Пиригримищо,
 Дѣлитъ онъ на четыре да на четверти.
 Говорятъ калики перехожіи:
 « Что жо ты не такъ дѣлывшь животы?»
210. « Кому изъ насъ теперь четверта часть?»
 Говорить Старчищо Пиригримищо:
 « Кто здыметъ *) маленькій горючій этотъ камешокъ,
 « Да и броситъ этотъ камень черезъ плечо,
 « Тому изъ насъ, братцы, четверта часть.»
215. Прискочилъ какъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Хватилъ этотъ горючій бѣлый камешокъ,
 По колѣнъ Добрынюшка въ землю угрязъ;
 Прискочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
 Здынулъ *) онъ камень по грудямъ себѣ,
220. По грудямъ, казакъ, онъ въ землю угрязъ.
 « Здымай-ко ты, Старчищо Пиригримищо!»
 Какъ прискочилъ Старчищо Пиригримищо,
 Хватилъ онъ камень конечь руки **),
 Бросилъ камень черезъ плечо,
225. Самъ ко каменю приговаривалъ;
 « Гдѣ былъ бѣменькій горючій этотъ камешокъ,
 « Тутъ повыскочи Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!»
 Тутъ повыскочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Самъ говорилъ таково слово:
230. — Фу, фу-фу, братцы, какъ я долго спалъ!—
 Говорилъ Старчищо Пиригримищо:
 « Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ!
 « Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!

*) Подыметъ; подпалъ.—Изд.

**) За конечь руками.—Изд.

« Какъ будешь во градѣ во Киевѣ, »

235. « Ты поставь свѣчу Николы Угоднику. »
Тутъ пошли домой братьяца крестовыи;
А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Пошолъ къ королю Политовскому.

— * —

Приходилъ какъ онъ на широкій дворъ,

240. Закрывалъ голосомъ богатырскимъ;
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Выбѣгала на крылечко переное,
Выносила чару питьевъ забудушихъ,
Говорила Михайлы сыну Иванову:

245. « Прими-ко сию чару единой рукой,
« Да вышей-ко всю чару единымъ духомъ,
« Да побѣдем-ко ко солнышку Владимеру. »
Онъ принялъ какъ чару единой рукой,
Да и выпилъ всю чару единымъ духомъ:

250. Да гдѣ онъ выпилъ, да и въ сонъ заснулъ.
Хватила тутъ Марья, Лебедь Бѣлая,
Тащила Михайлу во глубокъ погребъ,
Прибила Михайлу тутъ на стѣну;
Не хватило гвоздя ему сердечнаго *):

255. Побѣжала она въ торгъ на ярмонку,
Покупать гвоздя ему сердечнаго.

А тоя жь Настасья Королевична

Прибѣжала смотрѣть на богатыря:

Богатырь ей тутъ пондравился.

260. Положилъ онъ заповѣдь великую,
Что отрубить-то Марья буйну голову,

А взять за мужъ Настасью Королевичну.

Тащила Настасья гвоздя съ него нектями **),

А прибила тутъ Татарина мертваго,

265. Мертваго, она, мерзлаго.
А завернула Михайлу въ шубу черныхъ соболей,

*) Въ сердце ему. — Изд.

**) Ногами. — Изд.

- Провела въ шюбенъ въ особе, ...
 Увидаль государь родной батюшко: . . . . .
 — Молода Настасья Королевична! . . . . .
270. — Кого ведешь въ шубы черныхъ соболей? — . . . . .
 « А была со мной маленька служаночка,
 « Увидала Русскаго богатыря,
 « Гдѣ она увидала, испугалася:
 « Такъ веду я ювѣ покои въ особе. » . . . . .
275. Какъ заростилъ эти раночки кровавыя,
 Тоя Настасья Королевична
 Пошла къ королю Подитовскому:
 « Ты ей, государь родной батюшко!
 « Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
 280. « Съѣздить во чисто поле полжковать? »
 Накрутился богатырь въ платье цвѣтное,
 Садидя скоро на добра коня; . . . . .
 Повыѣхаль онъ во чисто поле . . . . .
 Заѣжалъ онъ скоро на широкій дворъ, ...
285. Закрывалъ голосомъ богатырскимъ
 Услыхала Марья Лебедь Бѣлая, ...
 Выбѣгала на крылечко переное, ...
 Выносила чару питья забудущаго, ...
 Подносила Михайлы сыну Ивану; . . . . .
290. « Ты прими сію чару единой рукой, ...
 « Да выпей ко чару единымъ духомъ! » . . . . .
 Онъ принялъ чару единой рукой; . . . . .
 Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ; — . . . . .
 Тоя жь Настасья Королевична . . . . .
295. Отворила косицето окошечко: . . . . .
 « Ты Михайла Цотыкъ сынъ Ивановъ! » . . . . .
 « Ты, знать, корушаль свою заповѣдь? » . . . . .
 Услыхадъ Михайла Цотыкъ сынъ Ивановичъ,
 Смахнулъ своей саблей вострой . . . . .
300. Да отнесъ онъ Марья буйну голову; . . . . .
 А взялъ за мужь Настасью Королевичну; . . . . .
 Повхаль ко граду ко Киеву, ...
 Ко солнышку ко Владимиру . . . . .

Тутъ по три дни было пированіе
 Про того Михайлу Потяка Ивацова,
 Что сказнилъ свою Марью, Лебедь Бѣлую —
 305. Ту Подоленку королевичну.

Тутъ вѣкъ про Михайлу старшу поють,
 Синему морю на тишину,
 А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Записано по порученію Собирателя г. Амурскиа).

17.

ТО ЖЕ.

(Сыноубекая волесть).

- Какъ во стольномъ было въ городѣ во Кіевѣ,
 У ласковаго князя у Владиміра,
 Было пированіе—почестный пиръ
 На многіе князи да на бояры,
 5. На всѣхъ тыхъ гостей званыхъ-бранныхъ,
 Званыхъ-бранныхъ гостей, приходящихъ,
 Всѣ на пиру наѣдалися,
 Всѣ на честномъ напивалися,
 Всѣ на пиру порасхвасталися.
 10. Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій,
 Что «Не чѣмъ мнѣ, Владиміру, похвастати,
 « Нѣтъ у меня золотой казны,
 « Первой Русскій славный богатырь,
 « Старый казакъ Илья Муромецъ!
 15. « Съѣзди-ко ты въ Золоту Орду,
 « Повеяправь-ко тамъ дани-выходы
 « За двѣнадцать годъ, за тринадцать лѣтъ,
 « За тринадцать лѣтъ съ половиною.
 « Другой Русскій славный богатырь,
 20. « Михайла Потякъ сынъ Ивановичь!
 « Съѣзди во Индію во богатую,
 « Выяправь-ко тамъ дани-выходы.

- « Третій Русскій славный богатырь,
 « Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
 25. « Съѣзди-ко-сь ты да во Швецію,
 « Поведай-ко тамъ дани-выходы.»

- Отправились три Русскіе могучіе богатыри,
 Тутъ онѣ крестами побратались:
 Старой казакъ Илья Муромецъ
30. Былъ большой братъ,
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Былъ средней братъ,
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ
 Былъ меньшей братъ.
35. Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
 « Который попрежде у насъ выѣдетъ,
 « Такъ ко другому ѣхать на выруку.»
 И отправился онъ въ Золоту Орду;
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
40. Отправился въ Индію во богатую;
 Третій Русскій славный богатырь,
 Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
 Отправился онъ да во Швецію,
 Взыскивать тамъ дани-выходы.
45. Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Взыскалъ свои дани-выходы,
 Привезъ ко солнышку Владимиру.
 Говорилъ Владимиръ стольно-Кіевскій,
 Что «Пишетъ мнѣ Бухарь царь Заморскій:
50. «« Пришли-ко мнѣ дани-выходы.»»
 Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Что—Отпущены со мной дани-выходы,
 — А я поѣду безъ выходовъ.—
 Отправился къ Бухарю ко царю ко Заморскому.
55. Приѣхалъ къ Бухарю ко царю ко Заморскому,
 Подалъ ему скорописчатыи гѣрлыки:
 — Ай же ты, Бухарь царь Заморскій!
 — Привезъ я тебѣ дани-выходы

- За двѣнадцать годъ, за тринадцать лѣтъ.—
60. Говорилъ Бухарь царь Заморскій,
 Что « Гдѣ у тебя дани-выходы?»
 Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
 Что—Остались онѣ во чистомъ полѣ.—
 Говорилъ Бухарь царь Заморскій:
65. « У васъ чѣмъ въ Росіи забавляются?»
 Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
 Что—Играютъ въ шашечки кленовыя
 — На тыхъ дощечкахъ на дубовыхъхъ.—
 Стали играть въ шашечки кленовыя.
70. Наставили дощечку оны первую;
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
 Положилъ на дощечку онѣ добра коня,
 А Бухарь царь Заморскій
 Положилъ на дощечку дани-выходы;
75. Сыграли дощечку оны первую:
 Проигралъ Михайла онѣ добра коня.
 Наставили дощечку оны другую;
 Тотъ Бухарь царь Заморскій
 Положилъ на дощечку дани-выходы
80. И положилъ Михайлина добра коня,
 А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
 Положилъ свою буйну голову;
 Сыграли дощечку оны другую:
 Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.
85. Наставили дощечку оны третію;
 Тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
 Положилъ на дощечку дани-выходы,
 А Бухарь царь Заморскій
 Положилъ полъ-царства и полъ-имѣнства:
90. Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.
 А на тую пору, во то время
 Дубова дверь отворалася,
 Пріѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ:
 « А ей же, братецъ мой родимый!
95. « Сидишь—играешь-забавляешься,
 « Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:

- « Твоя же Марья, Лебедь Бѣлая,
 « Подоленка королевична.
 « Уѣхала во землю Политовскую
100. « Со тыишь королемъ Политовскимъ,
 « Во тою во землю Политовскую.»
 Тутъ скочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Тяпнетъ дощечку дубовую,
 Трепнетъ въ дверь во кленовую,—
105. Что повылетѣли двери съ ободверницами.
 Говорилъ казаку Ильи Муромцу:
 — Ай же ты, братецъ мой крестовый!
 — Получай полъ-царства, полъ-имѣнства,
 — А я поѣду во землю Политовскую.—
110. Поѣхалъ онъ во землю Политовскую,
 Ко тому королю Политовскому.

*

- Заѣхалъ онъ на широкій дворъ,
 Закрычалъ голосомъ богатырскимъ;
 Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
115. Наливала чару питья забудущаго,
 Выбѣгала на крылечко переное,
 Подносила Михайлы Потыку сыну Иванову:
 « Прими-ко сію чару единой рукой,
 « Да выпей чару единымъ духомъ,
120. « Да поѣдемъ ко-о граду ко Кіеву,
 « Ко ласкову князю ко Владиміру.»
 Михайла до вина былъ упачливый,
 Принялъ чару единой рукою
 И выпилъ чару единымъ духомъ:
125. Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
 Схватила Михайлу за желты кудри,
 Стащила его во чисто поле,
 Бросила Михайлу черезъ плечо:
 Тутъ Михайла окаменѣлъ.

*

130. Его спомнили братья крестовые,
 Старый казакъ Илья Муромецъ

Да молодой Добрыня сынъ Микитиничъ:
 Накрутились они тутъ каликами,
 Пошли они во землю Политовскую.

135. Нашли они сорокъ каликъ со каликою:
 Идетъ съ ними Старчищо Перегримищо,
 Ключа у него сорока пудовъ;
 Пошоль съ ними Старчищо Перегримищо.

И пришли онѣ во землю Политовскую

140. Кó тому королю Политовскому,
 Попросили они тутъ милостины;
 Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
 Та Подоленка королевична,
 Говорила королю Политовскому:
145. «Заведи каликъ въ покои въ особе,
 «Корми каликъ теперь до сыта,
 «Пои каликъ теперь до пьяна,
 «Дари каликъ теперь до любви.»
 Подарилъ имъ злата и серебра.
150. Пошли они, калики переходже.

Дошли они до бѣлаго до камня,
 Стали они тутъ животовъ дѣлить.
 Тутъ дѣлилъ калика переходжий,
 Дѣлилъ на четыре на четверти;

155. Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
 — Чтò же ты не такъ дѣлишь животы,
 — Дѣлишь на четыре на четверти?—
 Говорилъ Старчищо Перегримищо:
 «Тому изъ насъ, братцы, четверта часть,
160. «Кто адынетъ изъ насъ этотъ бѣлъ камень
 «И бросить его да черезъ плечо.»
 Прискочилъ молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
 Здынулъ онъ камень по колѣнъ своихъ,
 По колѣнъ Добрынюшка въ землю угрызъ;
165. Прискочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
 Здынулъ онъ камень по грудямъ своимъ,
 По грудямъ казакъ и въ землю угрызъ.

- Хватилъ Старчищю Пелегримищю,
Бросилъ камень черезъ плечо:
170. Раскочился бѣлый горючій камешокъ.
Тутъ повысочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь:
— Фу-фу, братцы, я какъ долго спалъ!—
Говорилъ Старчищю Пелегримищю:
« Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ! »

*

175. Тутъ пришелъ онъ къ королю Подитовскому,
Закричалъ онъ голосомъ богатырскимъ;
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Выбѣгала на крылечко переное,
Подносила чару нитя забудущаго:
180. « Пей, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
« Прими сію чару единой рукой
« И выпей чару единымъ духомъ,
« Да поѣдемъ мы ко-о граду ко Киеву,
« Ко ласкову князю ко Владимиру. »
185. Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ чару единой рукой,
Да и выпивши эту чару единымъ духомъ:
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Хватила Марья, Лебедь Бѣлая,
190. Его Михайлу за желты кудри,
Стащила его во глубокъ погребъ,
Прибила Михайлу да на стѣну.
Не хватило гвоздя ему сердечнаго:
Побѣжала она въ торгъ на ярмонку,
195. Покупать гвоздя она сердечнаго.

- У того короля Подитовскаго
Была дочь его Настасья Красивая;
Пошла смотрѣть Русскаго богатыря;
Принагнулся Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
200. Смолился Настасьи Королевичной:
— Повытащи гвоззя хотъ нектемпъ,
— Я тепереча Марьи голову срублю,

- А возьму тебя, Настасью Королевичну:—
 Ташила гвоззя она нектеми,
 205. Прибила Татарина тутъ мертваго,
 Мертваго, она, мерзлаго,
 Прибила Татарина она на стѣну;
 А того Михайлу Потыка сына Иванова
 Завернула въ шубу черна соболя,
 210. Провела въ покои во особе.
 Увидалъ король Политовскій:
 — Кого ведешь въ шубы черна соболя?—
 Говорила Настасья Королевична:
 « Была со мной маленька служаночка,
 215. « Увидѣла Русскаго богатыря,
 « Гдѣ она увидла, испугалася:
 « Такъ веду я ея въ покои во особе.»

- Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
 Заростилъ раночки кровавыя;
 220. Тая жь Настасья, Лебедь Бѣлая,
 У того короля Политовскаго
 Просила коня богатырскаго,
 Пovýхатъ во чисто поле;
 Онъ далъ ей коня богатырскаго;
 225. Осѣдлали ей коня богатырскаго;
 Посадили Михайлу Потыка сына Ивановича,
 Пovýхалъ онъ во чисто поле.
 Воротился на дворъ королевскіе,
 Закрычалъ голосомъ богатырскимъ;
 230. Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
 Наливала чару питья забудущаго,
 Выносила на крыльцо на переное,
 Подносила Михайлу Потыку сыну Иванову:
 « Прими-ко сію чару единой рукой,
 235. « Выпей сію чару единымъ духомъ,
 « Да поѣдемъ ко-о граду ко Кіеву,
 « Ко ласкову князю ко Владиміру.»
 Михайла до вина былъ упачливый,
 Принялъ онъ чару единой рукой,

240. Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ;
Услыхала Настасья Королевична,
Отворила косивчето окошечко,
Крычала ему жалкимъ голосомъ:
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь!
245. « Ты, знать, позабылъ свою заповѣдь?»
Услыхалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь,
Смахнулъ своей саблей вострой—
Отнесъ, де, онъ Марьи буйну голову;
Взялъ за мужъ Настасью Королевичну;
250. Возвратился ко-о граду ко Кіеву,
Ко солнышку да ко Владиміру.

Тутъ по три дни было пированьицо
Про того Михайла Потыка сына Иванова.

- Тутъ вѣкъ про Михайлу старину поють,
255. Синему морю на тишину,
А всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

(Записано тѣмъ же по порученію Собирателя).

18.

ОНЪ ЖЕ И СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.

(Той же волости, деревни Логмасы).

- Собиралися сорокъ каликъ со каликою,
Самъ атаманъ Ома сударь Ивановичь *).
Собиралися калики на зеленый лугъ,
Садилися калики во единый кругъ,
5. И думаютъ думушку добрую,
И совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Итти ко городу Еросолиму,
Ко святой святынѣ помолитися,
Ко Господню гробу приложитися.
10. И положили они заповѣдь великую:

*) Подъ этимъ именемъ дѣйствуетъ тотъ же Потыкъ.—Изд.

- « Кто обворует и кто обладует,
 « Бить клюханы каличьима,
 « Тянуть языкъ со теменемъ,
 « И копать очи ясныя косицамы,
 15. « И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.»
 И пошли они,—котомочки бархатны,
 Изъ чернаго бархата заморскаго,
 И повышили краснымъ золотомъ,
 И повысадили скатнымъ жемчугомъ;
 20. У котомочекъ ляпочки семи шелковъ;
 На ножкахъ сапожки—Турецъ-сафьянъ;
 На головушкахъ шляпы земли Греческой;
 И взяли они по камешку Антавенту:
 И скоро калики въ походъ пошли,
 25. День идуть по красному по солнышку,
 Ночь идуть по камешку Антавенту.

- И выходили они на чисто поле,
 И садились они въ единый кругъ,
 Думали думушку добрую,
 30. Совѣтують совѣты хорошіе:
 Зайти ко городу ко Кіеву,
 Пойсть-попить, хлѣба покушати.
 И приходили ко городу ко Кіеву,
 И закричали калики громкимъ голосомъ:
 35. « Свѣтъ ты, надежа, князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Пошли мы ко Еросолиму,
 « А зашли ко городу ко Кіеву
 « Пойсть-попить, хлѣба покушати.»
 И тая побѣда *) учинилася:
 40. Дома князя не случилось.
 Выходила Опракса королевична,
 Бьетъ челою, покланяется:
 « Ай же вы, калики перехожіе!
 « Пойдите въ столовую богатырскую **):
 45. « Поставлю столы дубовые,

*) Бѣда. — Изд.

**) Гривню. — Изд.

- « Постелю скатерти браныя
 « И дамъ вамъ ѣствушекъ сахарныхъ,
 « И дамъ питьецевъ медвяныхъ:
 « Ъшьте до сыта и пейте до любви!»
50. И шли во столовую богатырскую:
 Поставили имъ столы дубовые,
 Постлали скатерти браныя,
 Поставили ѣствушекъ сахарныхъ
 И дали питьецевъ медвяныхъ;
55. Ъли калики до сыта и пили до любви,
 И много они благодарствуютъ:
 «« Благодарствуешь, Опракса королевична,
 «« За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья.»»
 Дарила ихъ Опракса королевична
60. Чистымъ серебромъ и краснымъ золотомъ,
 А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
 И проговорить Опракса королевична:
 « Ай же ты, атаманъ, Оома сударь Ивановичъ!
 « Пожалуй во спальну во теплую:
65. « Есть молвить словечушко тайное.»
 И приходять во спальну во теплую,
 Садилась на кроваточку тесовую,
 На периночку пуховую.
 И проговорить Опракса королевична:
70. « Ай же ты, атаманъ, Оома сударь Ивановичъ!
 « Сдѣлаемъ любовь со мной великую.»
 Проговорить Оома сударь Ивановичъ:
 — Ай же ты, Опракса королевична!
 — Не сдѣлаю съ тобой любви великія,—
75. — Пошли мы ко городу Еросолиму
 — И положили заповѣдь великую:
 — « Кто обворуетъ, кто облядуеть,
 — « Бить клюхамы каличьима,
 — « Тянуть языкъ со теменемъ.
80. — « И копать очи ясныя косицами,
 — « И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ. »—
 Эты ей рѣчи не слюбциса,
 И скорешенько бѣжить въ особливъ покой,

И хватаетъ чашу княженецкую,
85. И положила въ переплеты, каличьи.

И скоро калики въ походъ пошли,
И выходили на чисто поле,
Садилась калики во единый кругъ,
И тутъ калики порасхвастались:

90. « Были во городъ во Кіевъ,
« Кормила насъ Опракса королевична,
« Дарила насъ чистымъ серебромъ,
« Дарила насъ краснымъ золотомъ,
« А самого атамана скатнымъ жемчугомъ.»»

95. И проговорить Опракса королевична:
« Бѣсть да пить,—такъ во Кіевъ,
« А постоять за Кіевъ,—такъ не кому!
Повыскачигъ Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты, Опракса королевична!

100. — Пойду я ко кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
Не бьетъ челошъ, не покланяется,

105. И говоритъ не съ упадкою *):
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городъ во Кіевъ,
— Блещили, много хлѣба стрескали,
— И украли чашу княженецкую:

110. — Сдѣлайте обыски великіе
— И отыщите чашу княженецкую.—
Эты имъ рѣчи не слюбились,
Скочили калики на рѣзвы ноги
И стянули ему штаны бархатны,

115. И ж... ему шюхамы натыкали:
« Пойди ко городу ко Кіеву
« И неси на насъ жалобу великую.»»
И приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты, Опракса королевична!

*) Бѣзь больш. — *Изд.*

120. — А не калики есть, всё воры-грабители. —
 Проговорить Опракса королевична:
 « Ъсть да пить, — такъ во Кіевѣ,
 « А постоять за Кіевъ, — такъ не кому! »
 Повыскочить Алеша Пѣповичъ сынъ Ивановичъ :
125. — Ай же ты, Опракса королевична!
 — Пойду я ко кругу каличьему,
 — Сдѣлаю обыски великіе
 — И отыщу чашу княженецкую. —
 И приходитъ къ кругу каличьему,
130. Не бьетъ челомъ, не покланяется,
 И говоритъ не съ упадкою:
 — Ай же вы, калики перехожіе!
 — Были вы во городѣ во Кіевѣ,
 — Ъли-пили, много хлѣба стрескали,
135. — И украли чашу княженецкую:
 — Сдѣлайте обыски великіе
 — И отыщите чашу княженецкую. —
 Эты имъ рѣчи не слюбилися,
 Скочили калики на рѣзвы ноги
140. И стянули ему штаны бархатны,
 Наклескали ж... долонямы:
 « Пойди ко городу ко Кіеву
 « И неси на насъ жалобу великую. »
 И приходитъ ко Опраксы королевичной :
145. — Ай же ты, Опракса королевична!
 — А не калики есть, всё воры-грабители. —
 Проговорить Опракса королевична:
 « Ъсть да пить, — такъ во Кіевѣ,
 « А постоять за Кіевъ, — такъ не кому! »
150. Повыскочить Дѣбрынюшка Никитиничъ:
 — Ай же ты, Опракса королевична!
 — Пойду я къ кругу каличьему,
 — Сдѣлаю обыски великіе
 — И отыщу чашу княженецкую. —
155. И приходитъ къ кругу каличьему,
 И бьетъ челомъ, покланяется:
 — Ай же вы, калики перехожіе!

- Были вы во городѣ во Кіевѣ,
 — Ъли-пили, хлѣба кушали,
 160. — У насъ чаша княженецкая затерялася:
 — Сдѣлайте обыски великіе,
 — Отыщите чашу княженецкую.—
 Сдѣлали обыски великіе,
 Отыскали чашу княженецкую
165. У того атамана Оомы сударь Ивановича.
 И биѣли его кляухами каличьяма,
 И копали очи ясныя косицама,
 И тлѣли языкъ со теменемъ,
 И копали въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ.
170. И пошли ёны, калики, по чисту полю.
 Напустилъ Господь на ясны очи:
 И пошли они по чисту полю
 Не дорогою, бездорожицею.
 И за его правду великую
175. Послалъ Господь съ небесі двухъ ангеловъ,
 И вложили душеньку въ бѣлы груди,
 И приставили очи ясныя къ бѣлу лицу.
 И пошелъ атаманъ Оома сударь Ивановичъ по чисту
 полю.
- И ходять калики—кричатъ по чисту полю,
180. Не дорогою ходять, бездорожицею.
 Закричалъ Оома сударь Ивановичъ:
 « Ай же вы, калики перехожіе!
 « Чтò же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
 И кричатъ всѣ калики громкимъ голосомъ:
185. «« Ай же ты, Оома сударь Ивановичъ!
 «« За твою за правду за великую
 «« Вложилъ тебѣ Господь душу въ бѣлы груди,
 «« А за нашу за неправду за великую
 «« Напустилъ темень на ясны очи.»»

(Не кончѣно; записано отъ слѣпаго крестьянина Козьмы Романова, 13 Генвара
 1861 г.)

СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЪ П ВАСИЛИСА
МИКУЛИЧНА.

19.

(Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости).

- Во славноемъ во городѣ во Киевѣ,
У солнышка князя у Владимера,
Какъ былъ столованье — почестный пиръ
Для своихъ-то для князей для бояриновъ,
5. [Для сенаторовъ] для думныхъ *),
Для вельможъ и купцовъ богатыхъ,
Для поляницъ-то удалыхъ
И для Росейскихъ могучихъ богатырей.
Тутъ пошло у нихъ столованье — почестный пиръ.
10. Было красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ да на веселіи,
Всѣ на пиву да напивались,
На почестномъ всѣ наѣдались,
Похвальбами всѣ похвалялись.
15. Кто чѣмъ хвастаетъ,
Кто чѣмъ да похваляется:
Иной хвастаетъ несчетной золотой казной,
Иной хвастатъ силой-удачей молодецкою,
Иной хвастатъ добрымъ конемъ,
20. Какъ иной хвастатъ славнымъ отечествомъ,
Иной мзбдымъ молодечествомъ;
Умный-разумный хвастатъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастатъ молодой женой.
25. Какъ похвасталъ старъ Ставеръ сынъ Годиновиъ
Своей да молодой женой,
Молодой женой да Василистой Микуличной:

*) Стихъ долженъ быть таковъ:

Для бояриновъ для думныхъ. — *Изд.*

- Моя какъ молода жена, Василиста Микулична,
 — Вашъ городъ Кіевъ скувить и спродаётъ,
30. — Князей-бояръ всѣхъ обманеть,
 — Тебя, солнышко, обманеть и проведеть.—
 Солнышку князю тѣ рѣчи не прилюбилися :
 За тѣ за рѣчи за неумильныя
 Садилы Ставра въ погреба да глубокіе.
35. Былъ при Ставрѣ тутъ свой человекъ.
 Онъ садился на добра коня,
 Ъхалъ ко городу Чернигову,
 Къ молодой Василисты Микуличной.
 Приѣхалъ къ ней да на широкъ дворъ,
40. Становилъ тутъ да добра коня,
 Самъ шелъ во полаты бѣлокаменны,
 Крестъ-то сполна кладалъ по писаному,
 Поклоны велъ по ученому,
 Клонился на всѣ четыре на стороны,
45. Молодой Василисты Микуличной въ особину.
 А у ей какъ забрано столованье — почестный пиръ,
 Забраны жены купчески,
 Забраны жены вельможески,
 Забраны жены [генеральскія].
50. Говорилъ какъ это свой человекъ :
 « Ай же, молода Василиста Микулична !
 « Пьешь и ѣшь-кушашъ, прохлаждаешься,
 « Надъ собой незгоды не чаешься :
 « Во славномъ какъ во городѣ во Кіевѣ,
55. « У солнышка князя у Владимира на честномъ пиру,
 « Твой-то старъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ
 « Похвасталъ тобой, молодой женой,
 « Молодой женой Василистой Микуличной :
 « — Какъ моя, де, молода жена,
60. « — Василиста Микулична,
 « — Вашъ городъ Кіевъ скувить и спродаётъ,
 « — Князей-бояръ обманеть,
 « — Тебя, солнышко, обманеть и проведеть.—
 « За тыи-то за рѣчи не за умильныя,

65. « Посажень въ погреба да въ глубокіе. »
 Она какъ вставала на рѣзвы ногѣ,
 Говорила таковы слова :
 « Ай же, гости баженые *) !
 « Пора вамъ, гости, разъѣзжаться
70. « По своимъ домамъ, по своимъ мѣстамъ. »
 Тутъ какъ всѣ да пораѣвхалися.
 Какъ она тутъ садилась на ременчатъ стулъ
 И говорила таковы слова :
 « Чѣмъ-то Ставра будетъ новыкупить,
75. « Какъ-то Ставра будетъ повывести ?
 « Не выкупить будетъ Ставра несчетной золотой казной
 « И не вывести будетъ силой могучей-богатырскою :
 « Повывести будетъ Ставра догадками женскими ! »
 Тутъ писала она ерлыки скорописчатые,
80. Писалась **) той земли Веденецкія **),
 Того острова Кодольскаго,
 Грозень посоль да Васильюшко,
 О добромъ о дѣлѣ, де, о сватовствѣ
 Ко солнышку князю Владиміру
85. На любезной на плѣмницѣ,
 На молодой Любавы ****) Путятичной.
 Сама подбрила волоса да по мужичьему,
 Надѣвала платье мужское,
 Кладывала туги луки да во налучники,
90. Калены стрѣлы да во колсана *****),
 Вязала крѣпки палицы да на бедро свое;
 Потомъ шла на широкъ дворъ,
 Со широкаго двора шла на стойлы лошадинныя,
 Брала себѣ да добра коня,
95. Начала сѣллатъ да уздагъ своего добра коня,
 Кладала путики на путики *****),

*) Прошеные, моленные.—Изд.

**) Въ грамотѣ выдавала себя за такого-то.—Изд.

***) Изъ Леденца, откуда пріѣзжалъ и Соловей Будиміровичь.—Изд.

****) Иначе Забавы, Запавы.—Изд.

*****) Колсама, колчаны.—Изд.

*****) Потанки.—Изд.

- Войлоки на войлоки,
 На верехъ кладала ковано сѣдло Черкесское,
 Затягивала двѣнадцатью подпругами богатырскими,
 100. Натягивала тринадцату продольную;
 Подруги-ты были чистаго серебра,
 Пряжи-шиллки краснаго золота,
 Стремены булата заморскаго,
 Шелкъ-то былъ да Шемахатный,
 105. Шелкъ-то нѣ рвется и нѣ трется,
 Булатъ-то не ржавиеть,
 Золото не мѣднеть,
 Серебро не зелѣнеть.
 Тутъ садилась на добра коня,
 110. Вѣхала ко стольному ко городу ко Кіеву,
 Ко солнышку князю Владимеру,
 Ко Владимеру на широкій дворъ.

- Становила добра коня посередь двора широкаго,
 Сама шла въ полаты княженескія,
 115. Крестъ кладала по писаному,
 Поклоны вела по ученому,
 Клонилась на всѣ четыре стороны,
 Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину,
 Молодой Любавы Путятичной въ особину;
 120. Кладывала ерлыки на дубовый столъ.

- Тутъ вставалъ какъ солнышко Владимеръ князь,
 Вставалъ на рѣзвы ноги,
 Бралъ ерлыки да на бѣлы руки,
 Ерлыки да распечатывалъ,
 125. До каждаго словечка да высматривалъ,
 Самъ говорилъ да таковы слова:
 — Ай же ты, любезная племянница!
 — Желаетъ ли итти да во замужество
 — Въ тую землю Веденецкую,
 130. — Въ той ли островъ Кодольскій,
 — За грозна посла да за Васильюшка? —
 Она и говорить: «Родитель *) ты мой дяющка!

*) Родной. — *Изд.*

«А воля твоя то есть.»

— Такъ надо собрать князей [сенаторовъ] все думныхъ [сенаторовъ] да думныхъ [сенаторовъ].—

135. Сбиралъ какъ онъ князей [сенаторовъ] все думныхъ
На думу крѣпкую *):

Всѣ какъ согласились отдать да не саужество.

Говорить молодая Любовь Пуштинна:

«Ай же ты, родитель мой дядюшка,

140. «Солнышко князь (Солнышко-Киевскій)

«Не отдайте вы дичину да за жемчужину.»

«У него походка та частенька,

«Частенька походка жемчужинка,

«Рѣчь проговоритъ все съ проныгоу.»

145. «Самы тѣмъ все привѣтъ да не менскому.»

«На лавку сидеть да огнемъ жечь.»

Онъ говоритъ:— Мы можемъ послать да повѣдать,

— Пошлешь Васильюшка на широкіе дворы,

— Съ вашими бордами да боротися.

150. — Ежели женщина, такъ не пойдетъ она боротися.—

Говорятъ ему да станцы слова:

«Ай же ты, грозенъ король Васильюшка!

«Не угодно ли съ нашими бордами съ княженескими,

«Не угодно ли да боротися»

155. «На томъ дворѣ княженескомъ?»

Она говоритъ да такыя слова:

«У меня за маленька да было хоженю,

«У меня за маленька да было боротюсь,

«Горить душа, шифъ хочется.»

160. «Съ вашими бордами боротися.»

*) Стихи должны быть такыя:

Такъ надо собрать князей-бояриновъ,

Бояриновъ все думныхъ,

Сбиралъ какъ онъ князей-бояриновъ,

Бояриновъ все думныхъ,

На думу сбиралъ на крѣпкую.—Изд.

**) Посла?—Изд.

***) Въ малолѣтствѣ, съ нѣтъ маленька.—Изд.

- Шла она на широкій дворъ,
 Начала съ борцами да боротися,
 Брада во праву руку да три борца
 И во лѣву руку три борца,
 165. Въ мѣсто ихъ столнула *),
 На розно раскинула, —
 Ты борцы да на зени **) дежать,
 Тутъ не могли досла да новыи ъдаты,
 Согласилися отдать да во замужество,
 170. Опять и говорить малодая Любава Пулятишна :
 « Ай же ты, родителъ мой да дѣвица,
 « Не отдай дѣвичну за женщицу,
 « Смотри, у него походна чѣстенька,
 « Чѣстенька пожджа, ж... и рутенька,
 175. « Рѣчь проговоря все съ провижемъ,
 « И дѣи привѣды все во женскому:
 « На дарку сидеть — да стегна змогъ...»
 Онъ говорить : — Мы можемъ посла да новыи ъдаты,
 — Пошлемъ его во чисто поле,
 180. — Стрѣлять да изъ туга лука,
 — Стрѣлкою каленою за триста сажень,
 — Попастъ во ножке острице ***),
 — Чтобы расклядася стрѣлочка на двое,
 — И были половинчки ромыя.
 185. Говорять ему таковыя слова:
 « Ай же ты, грозенъ досолъ Васильишца,
 « Не угодно ли тебѣ, послу,
 « Пострѣдѣть съ нашими стрѣльцами
 « Во чистомъ полѣ изъ туга лука,
 190. « Стрѣлкою каленою за триста сажень,
 « Попастъ во ножнично острице ?»
 Она говорить да таковы слова :
 « У меня съ за мѣленька было хожено,
 « Съ за мѣленька было стрѣляно;

*) Стокнула. — Изд.

**) На зени. — Изд.

***) Въ ножное вострие. — Изд.

195. « Горитъ душа, мнѣ-ка хочется,
« Съ вашими стрѣльцами пострѣляюсь,
« Пострѣлятся во чистомъ полѣ.»
Шла она со стрѣльцами во чистое поле,
Стали стрѣлять стрѣльцы да кляжесескіи;
200. Первой стрѣлецъ стрѣлялъ — да не дѣстрилялъ,
Другой стрѣлецъ стрѣлялъ — да перѣстрѣлялъ,
Третій стрѣлецъ стрѣлялъ, — онъ не показалъ теперь;
Какъ она натянула свой тугій лукъ,
Клала свою каменную стрѣлу,
205. Стрѣляла за триста саженъ,
Попадала во ножнично острине;
Раскололась та стрѣлочка на двое;
Кинули половинки на всѣхъ насъ (каменную), —
Половинки были ровныя.
210. И тутъ не могли посла повывѣдать.
« Мы еще-то можемъ посла да повывѣдать, —
« Положимъ спать во спальню во теплую,
« На тую перину пуховую:»
« Если станетъ яма подѣ плечами, такъ мужчина,
215. « Если станетъ яма подѣ ж...ю, то женщина.»
Дожили его спать во спальню во теплую,
На ту перину пуховую.
Она спала — гдѣ быть плечами, тутъ ж...ю,
И сдѣлала яму подѣ плечами.
220. Вставала по утру по раннему,
До солнышка князя до Владимѣра *)
Какъ приходилъ тутъ солнышко Владимѣръ князь,
Говорилъ какъ самъ да таково слово:
— Ай же, грозень посоль Васильюшка!
225. — Что же ты скоро сталъ? —
Онъ ему отвѣчалъ такovy слова:
« У насъ-то спать не по домашнему,
« Не по домашнему спать, а по дорожному.»
Тутъ не могли посла повывѣдать.

*) Замѣчательное отождествленіе солнышка Владимѣра съ равнымъ утромъ князь солнцемъ. — *Изд.*

265. « Развеселить гробна посла Васильюшка; »
 « Развеселить ми одинъ старъ Ставеръ;
 « Старъ Ставеръ сынъ Годиновичъ;
 « Онъ мастеръ играть во гусли ярбчаты; »
 Тутъ говорилъ солнышко Владимиръ князь:
270. — А какъ выпустить Ставра, —
 — Такъ не видать Ставра;
 — И розгнѣвить посла — да не хочется;
 — А что *) мнѣ розгнѣвить посла,
 — Лучше выпустить Ставра. —
275. Какъ выпустилъ Ставра съ погребовъ да со глубокихъ,
 Сталъ тутъ Ставеръ гуселокъ налаживать,
 Гуселокъ налаживать, струнокъ натягивать;
 Струночку натягивалъ отъ Кіева,
 Другую отъ Царя-града,
280. Третью съ Еросолима;
 Повелъ онъ танцы великіе,
 Прифони-то прифивалъ изъ са синя моря.
 Какъ сталъ тутъ грозенъ посолъ Васильюшка, похаживати,
 Сталъ онъ поплясывать,
285. Какъ сталъ да выговаривать?
 « Ай же, солнышко Владимиръ князь!
 « Да-ко мнѣ Ставра сходить до бѣла шатра;
 « До бѣла шатра сходить да прогуляться!
 Тутъ-то говорилъ солнышко Владимиръ князь: —
290. — Какъ дать Ставра, —
 — Такъ не видать Ставра;
 — И розгнѣвить посла — мнѣ не хочется;
 — А лучше дать мнѣ Ставра,
 — Чѣмъ розгнѣвить посла.
295. — Ступайте во чисто поле да прогуляться! —
- Какъ она пошла со Ставромъ да во чисто поле,
 Какъ выходила во чисто поле,
 Сама такъ говорила таковы слова:

*) Чѣмъ. — Изд.

- « Помнишь ли, Ставеръ, спаматуешь ли, Ставеръ, »
 300. « Когда мы съ тобой были маленькіе,
 « Сваечкой съ тобой мы да поигрывали,
 « У тебя-то была свачка точеная,
 « У меня-то было колечко золоченое? »
 Онъ говорить : — Я во давніе годы не удамачу. —
305. Она говорить : « Ай же, глухой Ставеръ сынъ Годи-
 новичъ!
 « Этакъ ты не узнашь своей молодой жены,
 « Молодой жены Василисты Микуличной? »
 — Я свою молодую жену,
 — Молодую жену Василисту Микуличну.
310. — Узнаю черезъ тридцать лѣтъ. —
 Она говорить : « Ай же ты, глухой Ставеръ сынъ
 Годиновичъ!
 « Не то черезъ тридцать лѣтъ,
 « Не узналъ ты меня черезъ три мѣсяца :
 « Вѣдь я твоя молодая жена, Василиста Микулична! »
315. Брада его за бѣды руки,
 Цѣловала его въ уста во сахарныя,
 Называла его мужемъ лобезныицъ,
 Старымъ Ставромъ сыномъ Годиновичемъ;
 Скидывала платье мужское,
320. Надѣвала платье да женское.
 Говорилъ-то старъ Ставеръ сынъ Годиновичъ :
 — Что-то намъ будетъ отъ солнышка князя Владимира! —
 Она говорить : « Ничего намъ не будетъ,
 « Подѣмъ ко солнышку князю ко Владимиру. »
325. Пошли они ко солнышку князю Владимиру;
 Приходили во полаты княженецкія,
 Говорилъ какъ старъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
 Говорилъ таковыя слова :
 — Ай же, солнышко Владимиръ князь!
330. — Ты просваталъ свою племянницу
 — За мою молодую жену! —
 Солнышку князю стыдно стало;
 Какъ самъ говорилъ да таковыя слова :

- « Правдою хвастай, Старь Отаверъ сынъ Гоудиновичъ,
 335. « Своей да молодой женой Васильстой Микуличной!
 « Въ первой вини тебя Богъ проститъ;
 « Позажай-ка ты по своему по городу къ Чернигову,
 « Больше нигдѣ не хвастай молодой женой!»
 Они тутъ-то сѣли на добрыхъ коней,
 340. Они поѣхали ко славному ко городу Чернигову,
 Ко своимъ поселямъ ко дворянскимъ,
 Ко своимъ богатамъ блокаменнымъ.

Тутъ-то онъ болѣе не сталъ вѣднть по честнымъ
 парамъ,

- Онъ не сталъ болѣе хвастать молодой женой,
 345. Молодой женой Васильстой Микуличной,
 Сталъ онъ болѣе проживать во городѣ Черниговѣ,
 Во своихъ поселяхъ во дворянскихъ.
 Тамъ да дѣло и кончилось

Дунай, Дунай,
 Божѣ вѣкъ не знай!

(Отъ Сумозерскаго крестьянина Андрея Сорокина, записано 1861 г.)

20.

ТО ЖЕ.

(Киевская волесть).

- Во стальномъ было городѣ во Киевѣ,
 У ласкова князя у Владимира,
 Какъ было пированіе—почетный пиръ
 На многіе князи на бояры,
 5. На ісѣхъ-тыхъ гостей званныхъ-бравныхъ,
 Званныхъ-бравныхъ гостей, приходящихъ.
 Всѣ на пиру наждалися,
 Всѣ на честномъ називалися,
 Всѣ на пиру порасхвасталися
 10. Инный хвалится добрымъ конемъ,

- Иный хвалится шелковыми портами,
 Иный хвалится селами со приселками,
 Иный хвалится городами съ пригородками,
 Иный хвалится родной матушкой,
 15. А безумный хвастает молодой женой.
 Изъ ты изъ земли Лиховицкѣй
 Сидѣлъ молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ:
 Онъ сидитъ за столомъ да самъ не хвастаетъ.
 Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 20. — Ай же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ!
 — Ты что сидишь—самъ да не хвастаешь?
 — Аль нѣтъ у тебя села со приселками,
 — Аль нѣтъ городовъ съ пригородками,
 — Аль нѣтъ у тебя добрыхъ комоней,
 25. — Аль не славна твоя родна матушка,
 — Аль не хороша твоя молада жена?
 Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
 «Хотя есть у меня села со приселками,
 «Хотя есть города съ пригородками,
 30. «Да то мнѣ молодцу не похвальба;
 «Хотя есть у меня добрыхъ комоней,
 «Добры комони стоятъ—все не ѣздятся;
 «Да то мнѣ молодцу не похвальба;
 «Хоть славна моя родна матушка:
 35. «Да и то мнѣ молодцу не похвальба;
 «Хоть хороша моя молада жена.—
 «Такъ и то мнѣ молодцу не похвальба:
 «Она всѣхъ князей-бояръ да всѣхъ новшманитѣй,
 «Тебя, солнышка Владиміра, съ ума сведеть»
 40. Всѣ на пиру признадишюи,
 Сами говорятъ таково слово:
 «Ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій,
 «Засадимъ на Ставра въ погреба лаубоніеи,
 «Такъ пушай-ка Ставроду молада жена,
 45. «Насъ князей-бояръ всѣхъ новшманитѣй,
 «Тебя, солнышка Владиміра, съ ума сведеть,
 «А Ставра она нѣтъ погребу повырушати»

- А былъ у Ставра: тутъ свой человекъ Ръ ои! 66
 Садился на Ставра: на добра коня, 67
50. Убъжалъ во землю Дяховицкую
 Ко той Василисты, Милуличей: 68
 — Ахъ ты ей, Васильса дочь Милулична! 69
 — Сидишь ты, — днешь да прождаешься: 70
 — Надъ собой, неугодушка, не вѣдаешь: 71
55. — Какъ твой Ставеръ да сынъ Годиновичъ
 — Посажены въ погребѣ глубоки: 72
 — Похвалялъ оны тобою, молодой женой, 73
 — Что къ Киевъ — бояръ всехъ разыманилъ; 74
 — «А солнышка Владимира съ ума свелъ ты!» 75
60. Говоритъ Васильста дочь Милулична:
 «Мнѣ-ка дѣвкамъ выкупать Ставра — не выкупить;
 «Мнѣ-ка силой вырывать Ставра — не вырвать;
 «Я могу и дѣлать, Ставра повырвать, —
 «Своею догадочкою своею!» 76
65. Скорешенько! Пошла она за [«въ Ставра»] и т.
 Подрубилъ волоса по молодцу, да
 Накрутила въ Васильстѣ Милуличей,
 Брала дружинишки черобры,
 Сорокъ молодыхъ удавиль, стрѣль добль: 77
70. Сорокъ молодыхъ удавиль Бордидождъ и т.
 Поѣхала во градъ ко Киеву — а тяжко въ градъ
 Не доѣдутъ — до градъ до Киева, — 78
 Пораздернула она хорошь-бѣль шатерь,
 Оставила дружину у бѣла шатра, 79
75. Сама поѣхала ко солнышку Владимиру,
 Бытъ челомъ, покланяется:
 «Здравствуй, солнышко Владимиръ, стольно-Киевскій
 «Съ молодой княгиней со Опраксией!»
 Говорилъ Владимиръ, стольно-Киевскій: 80
80. — Ты откудашной, удалий-добрый молодець,
 — Ты коей орды, ты коей земли,
 — Какъ тебя именовъ зовуть,
 — Нарекаютъ тебя по отечеству? —
 Отвѣчалъ удалий-добрый молодець,

85. Что «Я естъ изъ земли Ляховицкія,
« Того короля сынъ Ляховицкаго,
« Молодой Василій Микуличъ, де;
« Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
« На твоей любимыя на дочери.»
90. Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу—со дочерью подумаю.—

Приходитъ онъ ко дочери возлюбленной:

- Ахъ ты ей же, дочь моя возлюбленная
— Пріѣхадъ къ намъ посолъ изъ земли Ляховицкія,
95. — Того короля сынъ Ляховицкаго,
— Молодой Василій Микуличъ, де;
— Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ;
— На тебѣ любимыя на дочери;
— Что же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлать?—
100. Говорила дочь ему возлюбленная:
« Ты ей, государь родной батюшкѣ!
« Что у тебя теперь на разуміи:
« Выдаешь дѣвчину самъ за жемчужину!
« Рѣчь поговоря—все по женскому *);
105. « Перески **) тоненьки—все по женскому;
« Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто звать ***);
« Стегна жметъ—все дѣбра беретъ.»
- Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу посла да поотвѣдаю.—

110. Приходитъ къ послу земли Ляховицкія,
Молоду Василью Микуличу:
— Ужь ты молодой Василій сынъ Микуличъ, де!
— Не угодно ли съ пути со дороженьки
— Сходить тебѣ во парную во баенку?—
115. Говорилъ Василій Микуличъ, де:
« Это съ дороги не худо бы!»
Стопили ему парну баенку.

*) То есть: рѣчь—поговорка у ней—все по женскому.—Изд.

**) Перстки, персты, пальчики.—Изд.

***) Гдѣ были кольца, тутъ и мѣсто звано.—Изд.

- Покуда Владиміръ снаряжается.
 Посоль той перы во баенки испарился.
120. Съ баины идетъ—ему честь отдасть:
 « Благодарстауй на варной на баиний!»
 Говорилъ Владиміръ етольно—Кіевскій:
 — Чтѣ же мена въ баенку не подождать?
 — Я бы въ баину пришель—тебѣ жару поддалъ,
125. — Я бы жару поддалъ и тебя обдалъ?—
 Говорилъ Василій Мишуличъ, де,
 Что « Ваше дѣло домашнее,
 « Домашнее дѣло, княженецкое;
 « А наше дѣло позовьское,—
130. « Недосугъ—то долго намъ чваниться,
 « Во баенкѣ долго намъ париться;
 « Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
 « На твоей любимыя на дочери.»
 Говорилъ Владиміръ етольно—Кіевскій:
135. — Я схожу—съ дочерью подумаю.—
 Приходитъ онъ ко дочери возлюбленной:
 — Ты ей же, дочь моя возлюбленная!
 — Пріѣхалъ естъ посоль земли Ляховицкія
 — Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
140. — На тебѣ, любимыя на дочери;
 — Чтѣ же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
 Говорить какъ дочь ему возлюбленная:
 « Ты ей, государь мой родной батюшко!
 « Чтѣ у тебѣ тамерь на разуми;
145. « Выдаешъ дѣвчину за женщину!
 « Рѣчь поговоря—все по женскому;
 « Царески тоненьки—все по женскому;
 « Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать.»
 Говорилъ Владиміръ етольно—Кіевскій:
150. — Я схожу посла да поотвѣдаю.—
 Приходитъ ко Василію Мишуличу,
 Самъ говорилъ таково слово:
 — Молодой Василій Мишуличъ, де!
 — Не угодно ль послѣ варной тебѣ баенки
155. — Отдохнуть во ложни въ теплыя?—

- « Это послѣ байны: не худо бы и отдохнуть! —
 Какъ шель онъ: възможно во теплу: от аговъ! —
 Ложился на кроватъ на тесовую, —
 Головой-то ложился: гдѣ ногами бавь, —
 160. А ногами ложился: на подушечку. —
 Какъ шель туда: Владимиръ: стольно-Кіевскій, —
 Послатръль: во ложню: во теплу: —
 Есть широкія плеча: богатырскія, —
 Говорить: посоль: земли: Ляховицкія, —
 165. Молодой: Василій: Микуличъ, де: —
 « Я пріѣхалъ: о добромъ: дѣлѣ: — объ: сватовствѣ: —
 « На твоей: любимыя: на дочери: —
 « Что же ты: со мной: будешь: дѣлать? —
 Говорилъ: Владимиръ: стольно-Кіевскій: —
 170. — Я: пойду: съ: дочерью: подумаю. —
 Приходить: ко: дочери: возлюбленной: —
 — Ай же, дочь: моя: возлюбленная: —
 — Пріѣхалъ: посоль: земли: Ляховицкія, —
 — Молодой: Василій: Микуличъ, де: —
 175. — За: добрымъ: дѣломъ: — за: сватовствомъ: —
 — На: тебѣ: любимыя: на: дочери: —
 — Что же ты: мнѣ: послѣ: — будетъ: дѣлать? —
 Говорила: дочь: ему: возлюбленной: —
 « Ты: ей, государь: родной: батюшкѣ: —
 180. « « Что у тебя: теперь: на: разумѣ: —
 « « Выдашь: дѣвичину: самъ: ей: женщину! —
 Говорилъ: Владимиръ: стольно-Кіевскій: —
 — Я: схожу: посла: да: поствѣдою. —
 — Ахъ ты: молодой: Василій: Микуличъ, де: —
 185. — Не: угодно: ли: съ: моими: дворянами: потѣшиться,
 — Сходить: съ: ними: на: широкій: дворъ, —
 — Стрѣлять: въ: колечко: волоочное, —
 — Во: тоя: въ: острія: ножовыя, —
 — Расколоть: то: стрѣлочка: на: двое, —
 190. — Чтобъ: были: мѣрою: равненьки: и: вѣсомъ: равныя? —
 — Сталъ: стрѣлять: стрѣлокъ: жерво: князевый: —
 — Первой: разъ: стрѣлилъ: — онъ: не: дестрѣлялъ, —
 — Другой: разъ: стрѣлилъ: — онъ: перестрѣлялъ, —

- Третій разъ стрѣлять, — онь не попадавъ.
195. Какъ сталъ стрѣлять Василій Микulichъ, де,
Наташчалъ скоренько свой тугій лукъ,
Налагаєть стрѣлочку каленую,
Стрѣляль въ кодечко золоченое,
Во тоя острая во ножевая; —
200. Раскололь онь стрѣлочку на две,
Они мѣрою равненьди и вѣсомъ равны,
Самъ говоритъ таково слово:
« Солнышко Владиміръ отодьно-Кіевскій!
« Я прїѣхалъ объ добромъ дѣлѣ — объ сватовствѣ »
205. « На твоѣй любимыи на дочери;
« Чтò же ты, во мной, будешь дѣлать? »
Говорилъ Владиміръ, сподьно-Кіевскій;
— Я схожу-пойду — съ дочерью подумаю.
Приходить къ дочери возлюбленной:
210. — Ай же ты, дачь моя, возлюбленная,
— Прїѣхалъ естъ посольчъ землай, Ляховщизинъ,
— Молодой Василій Микulichъ, де,
— Объ добромъ дѣлѣ — объ сватовствѣ,
— На тебѣ, любимыи на дочери;
215. — Чтò же мнѣ, онь посломъ будешь дѣлать?
Говорила дочь ему возлюбленца;
« Чтò у тебя, батющю, на разумѣ,
« Выдаваешь ты дѣвчину за женщину!
« Рѣчь поговора — все по женскому;
220. « Перески додечки — все по женскому;
« Гдѣ жуковинья были — тутъ мѣсто знатьио,
— Я схожу, досла поотвѣдаю. —
Онь приходитъ къ Василью Микulichу,
Самъ говоритъ таково слово;
225. — Молодой Василій Микulichъ, де,
— Не угодно ли тебѣ, съ моими боярами потѣ-
— На широкомъ дворѣ поборотися? —
Какъ вышли они на широкій дворъ,
Какъ молодой Василій Микulichъ, де,
Того схватилъ въ руку, того въ другую,

230. Третьего склоснетъ *) въ сердечку,
 По трою за разъ онъ на зень **) дожилъ,
 Которыхъ положить—тыи съ мѣста не станутъ;
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Ты молодой Василій Микуличъ, де:
 235. — Украти-ко свое сердце богатырское,
 — Оставь людей хоть намъ на сѣмена!—
 Говорилъ Василій Микуличъ, де:
 « Я пріѣхалъ о добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
 « На твоей любимыя на дочери;
 240. « Буде съ чести не дашь,—возму не съ чести;
 « А не съ чести возму,—тебѣ боиъ набыю!»
 Не пошелъ больше къ дочери спрашивать,
 Сталъ онъ дочь свою просватывать.

- Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
 245. Сего дни имъ итти къ Божьей церкви:
 Закручинился Василій, запечалился.
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Что же ты, Василій, не весель есть?—
 Говоритъ Василій Микуличъ, де:
 250. « Что буде ***) на разуміи не весело:
 « Либо батюшко мой померъ есть,
 « Либо матушка моя померла.
 « Нѣтъ ли у тебя загусельщичковъ,
 « Поиграть во гусельшка яровчеты?»
 255. Какъ выпустили они загусельщичковъ,
 Всѣ они играютъ,—все не весело.
 « Нѣтъ ли у ты младыхъ затюремщичковъ?»
 Выпустили младыхъ затюремщичковъ,
 Всѣ они играютъ,—все не весело.
 260. Говоритъ Василій Микуличъ, де:
 « Я слышалъ отъ родителя отъ батюшка,
 « Чѣмъ посаженъ нашъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ

*) Славить, сожигать, сжечь.—Изд.

**) На зень.—Изд.

***) Что-то.—Изд.

- « У тебя во погреба глубокіе:
« Онъ гораздъ играть въ гусельники яроуцеты.»
265. Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Миѣ повипустить Ставра.—
— Миѣ не видѣть Ставра:
— А не выпустить, Ставра,—
— Такъ разгнѣвить посла.—
270. А не смѣть посла онъ порагнѣвати,—
Повыпустилъ Ставра онъ изъ погреба.
Онъ сталъ играть въ гусельника яроуцеты.—
Развеселился Василій Микулчъ, де,
Самъ говорилъ таково слово:
275. « Помнишь, Ставеръ, памятуешь ли,
« Какъ мы маленьки на улицу похаживали,
« Мы съ тобой свѣчкой поигрывали:
« Твоя-та была свѣчка серебряная,
« А мое было колечко позолоченое?
280. « Я-то попадывалъ тогда-сѣгды,
« А ты-то попадывалъ всегда-всегда?»
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиковичъ,
Что—Я съ тобой свѣчкой не игривалъ!—
Говоритъ Василій Микулчъ, де:
285. « Ты помнишь ли, Ставеръ, да памятуешь ли,
« Мы вѣдь вмѣстѣ съ тобой въ грамоты училися:
« Моя была чернильница дубовая,
« А твое было перо позолочено?
« А я-то помакивалъ тогда-сѣгды,
290. « А ты-то помакивалъ всегда-всегда?—
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиковичъ,
Что—Я съ тобой въ грамоты не учился!—
Говорилъ Василій Микулчъ, де:
« Сошлицко Владиміръ, стольно-Кіевскій!
295. « Спусти-ко Ставра съѣздить до бѣла шатра,
« Посмотрѣть дружинишки хорообрны?»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Миѣ спустить Ставра,—не видать Ставра,
— Не спустить Ставра,—разгнѣвить посла!—
300. А не смѣть онъ посла да порагнѣвати:

Онъ спустиль Ставра, съѣдять до бѣла шатра,
Посмотрѣвъ дружинишки хоробрый.

- Приѣхали они ко бѣлу шатру,
Зашель Василій въ хоромы бѣль шатерь;
305. Снималъ съ себя платье молодецкое,
Одѣлъ на себя платье женское,
Самъ говорилъ таково слово:
«Тепереча, Ставеръ, меня знаешь ли?»
Говорить Ставеръ сынъ Годиновичъ:
310. — Молода Василиста дочь Микулична
— Уѣдемъ мы во землю Политовскую,
Говорить Василиста дочь Микулична
«Не еси жана добру молодцу,
«Тебѣ ворована въ Киевѣ ухватя;
315. «Поѣдемъ-ко свадьбу доигрывать!»

- Приѣхали ко солнышку Владимиру,
Сѣли за столы за дубовые,
Говориль Василій Микуличъ,
«Солнышко Владимиръ, стольно-Кіевскій?»
320. «За что былъ засажень Ставеръ сынъ Годиновичъ
«У тебя во погреба глубоки?»
Говориль Владимиръ стольно-Кіевскій:
— Похвасталъ онъ своей молодой женой;
— Что князей-бояръ всехъ поывманить,
325. — Меня, солнышка Владимира, съ ума сведеть.
«Ай ты ей, Владимиръ стольно-Кіевскій!
«А нынче что у тебя теперь на разуми;
«Выдашь дѣвчину самъ за женщину,
«За меня Василисту за Микуличну?»
330. Тутъ солнышку Владимиру къ стыду пришло;
Повѣсидъ свою буйну голову,
Самъ говорилъ таково слово:
— Молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!
— За твою великую за похвальбу
335. — Торгуй во нашемъ городѣ во Киевѣ,
— Во Киевѣ во градѣ вѣнъ безпошлинно!

Поѣхали во землю Ляховицкую,
 Ко тому королю Ляховицкому.

Тутъ вѣкъ про Ставра старину поюгъ,
 340. Синему морю на тишину,
 Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Записано по порученію Собирателя, г. Лысановымъ).

21.

ТО ЖЕ.

(Петрозав. уѣзда, Кижскаго погоста, деревни Болъщины).

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
 У ласкова у князя у Владиміра,
 Заводился пированьице—почестонъ пиръ
 На многихъ ¹⁾ князей на боярь,
 5. На Русскіихъ могучіихъ богатырей.
 Всѣ на пиру наѣдались,
 Всѣ на пиру напивались,
 Всѣ на пиру порасхвастались.
 Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
 10. Онъ хвастаетъ ²⁾ городомъ Кіевомъ;
 Русскіе могучіи богатыри,
 Ты ль палевицы удалыя хвастали силою,
 Силушкой своей богатырскою;
 Гости-купцы торговые,
 15. Хвастали оны товаришы заморскима,
 Куницамы, лисицамы Сибирскима ³⁾;
 Добрынюшка похвасталъ добрымъ конемъ;
 Умный хвасталъ отцемъ-матерью,
 Безумный похвасталъ молодой женой,
 20. И всѣ-то на пиру добра молодца безчестили ⁴⁾;

¹⁾ Разнорѣчіе: « на всѣхъ. »

²⁾ « Похвастаетъ. »

³⁾ Прибавлено: « чернымъ соболемъ заморскимъ. »

⁴⁾ « Ты не хвастай-ка, добрый молодецъ, молодой женой. »

Олешенька Поповичъ похвасталъ золотой казной,
Золотой казной бесчѣтной:

« Есть-то у Олешеньки золота казна—не тѣщется,
« Малы денежки не держатся. »

25. И сидить-то младъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ,
Сидить-то онъ—ни чѣмъ не хвастаетъ.

Говорилъ ¹⁾ Владиміръ князь столюно-Кіевскій:

— Чтѣ же ты сидишь, Ставеръ, нѣ весель?

— Али не чѣмъ тебѣ, молодцу, похвастати ²⁾?—

30. Говорилъ Ставеръ таковы слова:

« Солнышко Владиміръ столюно-Кіевскій!

« Есть у Ставра чѣмъ похвастати:

« Есть у Ставра тридцать молодцевъ,

« Тридцать молодцевъ—чеботныхъ мастеровъ,»

35. « Оны шьютъ сапожки съ нова на ново;

« Которы сапоги я день держу,

« День держу, я другой проношу,

« Снесу-то я сапожки на рыночекъ,

« Князьямъ-боярамъ повыпродамъ »

40. « И возьму-то за нихъ цѣну полную.

« Още есть у Ставра чѣмъ похвастати:

« Есть у Ставра тридцать молодцевъ.

« Тридцать молодцевъ—портныхъ мастеровъ,»

« Оны шьютъ-то кафтанцы съ нова на ново;

45. « Который кафтанчикъ я день держу,

« День держу, я другой проношу ³⁾,

« Снесу эти кафтанцы на рыночекъ,

« Князьямъ-боярамъ повыпродамъ

« И возьму за нихъ цѣну полную.

50. « Още есть у Ставра чѣмъ похвастати:

« Была кобылица златогривица ⁴⁾,

¹⁾ « Проговорить. »

²⁾ « Ай же ты, Ставеръ сынъ Гоудиновичъ!

« Чтѣ же ты сидишь—ни чѣмъ не хвастаешь? »

³⁾ « Прохожу. »

⁴⁾ Повторяя эту былинку, пѣвецъ называлъ кобылицу « злато-шерстною. »

- « Дано-то за кобылицу пятьсотъ рублей.
 « Носить жеребчиковъ хорошенькихъ;
 « Которы жеребчики получше,
 55. « На тыхъ самъ ѣзжу;
 « Которы жеребчики похуже,
 « Сгоню на рыночекъ,
 « Князьямъ-боярамъ повыпродамъ,
 « И возьму за нихъ цѣну полную.
 60. « Оттого-то у Ставра золота казна не тощится,
 « Не тощится, малы денежки не держатся.
 « Още есть чѣмъ у Ставра похвастати:
 « Добры молодцы на дворѣ не старятся;
 « Отъ того добры молодцы не старятся,
 65. « Что день придетъ, молодецъ со двора долой,
 « А два да три—на дворѣ домой.
 « Още есть чѣмъ у Ставра похвастати:
 « Есть у Ставра молода жена,
 « Молода жена Василиса ¹⁾ Микулична,—
 70. « Во лбѣ-то у ней свѣтель ²⁾ мѣсяць,
 « На головѣ волосы—звѣзды частыя,
 « Брови у ней черна соболя,
 « Очи у ней ясна сокола;
 « Князей-бояръ съ ума повыведеть,
 75. « А Владиміра-то вонь выведеть ³⁾. »
 Это слово Владиміру князю не казалось ⁴⁾:
 Приказаль-то своимъ слугамъ вѣрнымъ ⁵⁾
 Засадить-то Ставра во эти погреба глубокіе
 Не на много, не на мало, ровно на тридцать лѣтъ.
 80. И написалъ-то младъ Ставеръ Годяновичъ
 На свою родимую сторонушку
 Ко молодой жены къ Василисы Микуличной,

¹⁾ « Василица. »

²⁾ « Младъ-свѣтель. »

³⁾ « Повыведеть. »

⁴⁾ « Это слово князю не показалось. »

⁵⁾ Прибавлено: « приказаль-то своимъ слугамъ поданнымъ. »

Написалъ скорописчату грамотку:

« Ай же, молода жена Василиса Микулична!

85. « Засажѡнъ я у князя у Владиміра
 « Не на много, не на мало, ровно на тридцать лѣтъ,
 « Во ѣтыи во погреба въ глубокіе. »
 Обрубила Василиса волоса по казачьему,
 Съдлала она коня богатырскаго ¹⁾,
 90. Она ѣхала ко городу ко Кіеву,
 Ко тому ли князю ко Владиміру.

Она заходить во покои бѣлодубовы,

Крестъ-то кладеть по писаному,

Поклонъ ведеть по ученому,

95. На всѣ на три, на четыре на сторонки покланяется.
 Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
 Проговорить онъ таково слово:
 — Ай же ты, посолъ земли Гленскія!
 — Садись-ка ты на дубовый стулъ
 100. — И поотдохни съ широкія дороженьки ²⁾. —
 Онъ проговорить, посолъ земли Гленскія:
 « Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Недосугъ сидѣть послу, разсиживать,
 « Не за то ³⁾ посла скоро жадуютъ.
 105. « Я пріѣхалъ, посолъ земли Гленскія,
 « Посватать-то твою любимую племянцу,
 « Племянцу любимую себѣ, послу, въ супружество. »
 Проговорить солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — А спрошу я у племянцы любимыя,
 110. — Идетъ ли она ⁴⁾ за тебя, посла земли Гленскія. —

Онъ приходитъ въ покои бѣлодубовы:

— Ай же ты, моя любимая племянца!

— А пріѣхалъ посолъ земли Гленскія,

¹⁾ « Она съла на добра коня богатырскаго. »

²⁾ « Садись-ка ты съ широкой дороженьки за дубовый столъ,
 За дубовый столъ садись и поотдохни. »

³⁾ « И за то. »

⁴⁾ « Въ супружество. »

— Посватать те за себя, посла, въ супружество.—

115. Говорила она таковы слова:

« Ты дядюшка, Владиміръ стольно-Кіевскій!

« Не давай-ка ты дѣвицы за женщину:

« Походочка-то у ней частенькая,

« Поговорочка у ней частенькая,

120. « На рукахъ-то знать, гдѣ были жуковины ¹⁾. »»

Говоритъ Владиміръ таковы слова:

— Ай же ты, моя племянца любимая!

— Испытаемъ мы посла земли Гленскія

— И не отдадимъ дѣвицы за женщину:

125. — Истопимъ ему съ дороги парную-теплую баянку.—

И вытопили слуги вѣрные

Парную-теплую баянку;

Говорили слуги послу земли Гленскія:

« Ай же ты, посолъ земли Гленскія!

130. « Ступай-ка съ дороги въ парную-теплую баянку. »»

Онъ пошелъ-то, посолъ земли Гленскія,

Во этую во теплую-парную баянку,

И скоро мылся, скоро парился

Во парной-теплой во баянкѣ ²⁾.

135. Проговорятъ слуги-то вѣрные:

« Что же ты, посолъ земли Гленскія,

« Скоро мылся, скоро парился

« Во этой во теплой-парной баянкѣ? »»

Говорилъ посолъ таково слово:

140. « Недосугъ послу долго мыться-париться. »

Проговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Испытаемъ мы посла земли Гленскія

— И не выдадимъ дѣвицы за женщину;

— Положимъ во покои бѣлудобовы

145. — На эту на перину на пуховую:

— Если мужчина спитъ, подъ плечама яма,

— Если женщина спитъ, подъ ж.... яма.—

¹⁾ « На рукахъ-то, гдѣ были жуковины, мѣсто знать. »

²⁾ Прибавлено: « и шелъ въ стрѣту слугамъ вѣрнымъ. »

Повалился посоль на перину на пуховую,
Головой-то на круто-складно зголовнице;

150. Середи-то ночи темныя

Поворотился ногами на зголовнице.

Какъ прошла этая ночь темная.

Проговорить Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Ай же вы, слуги мои вѣрше,

155. — Ай же вы, слуги мои ¹⁾ подданны!

— Если посоль женщина, на перинѣ ²⁾ яма,

— Если посоль мужчина, на подушкѣ яма.—

И тутъ не могли испытать посла земли Гленскія.

Проговорить эта племница любимая:

160. «Ай же ты, дяденька ³⁾ мой родненькій,

«Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!

«Испытаемъ посла земли Гленскія:

«Мы выѣдемъ во поле во чистое,

«Поставимъ мы колечико серебряно;

165. «Противу колечика серебряна

«Положимъ мы ножичекъ булатный

«И станемъ стрѣлять стрѣлочки каленыя

«Изъ этого изъ лука изъ тугаго

«Противу колечика серебряна

170. «По тому по ножичку булатному.

«Пусть ⁴⁾ стрѣлитъ посоль земли Гленскія

«Изъ туга лука калену стрѣлу

«Во это во серебряно колечико

«По этому по ножичку булатному

175. «И разрубить эту стрѣлочку на полы ⁵⁾,

«Ростомъ одна половина не больше

«И вѣсомъ другой не тяжелше.»»

И тутъ не могли испытать посла земли Гленскія:

¹⁾ «Служнички.»

²⁾ «На постели.»

³⁾ «Дядюшка.»

⁴⁾ «Если.»—Т. е., стрѣлять ли.—Изд.

⁵⁾ «На половнички.»

- Онъ стрѣлилъ изъ туга лука калену стрѣлу
 180. Скрозь колечико серебряно по ножичку булатному,
 Разрубилъ-то стрѣлочку на полы ¹⁾,—
 Ростомъ одна половина не больше
 И вѣсомъ другой не тяжелше.
 Испроговорить посолъ земли Гленскія:
 185. « Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Засажонъ у тебя странникъ ²⁾ во погреба глибокіе
 « Не на много, не на мало,—на тридцать лѣтъ:
 « Отпусти-тко странника на волю вольную ³⁾? »

Здѣсь пѣвецъ остановился и досказалъ содержаніе быльныи своими словами: Владиміръ не согласился было выпустить Ставра, но, когда Василиса одолѣла въ руковашномъ бою всѣхъ Кіевскихъ богатырей, Ставра вывели изъ глубокаго погреба и передали женѣ.

(Отъ крестьянина Щеголенкова).

-
- ¹⁾ « Выходили во поле во чистое,
 Поставили кольцо серебряное,
 Противу кольца серебряна
 Положили ножичекъ булатный.
 Онъ стрѣлилъ стрѣлочку каленую
 Изъ этого изъ лука тугаго
 Во это серебряно колечико
 И въ этотъ ножичекъ булатный,
 И разрубилъ стрѣлочку на половиночки. »
- ²⁾ Иноземець, со стороны.—Изд.
- ³⁾ После словъ—« и вѣсомъ другой не тяжелше: »
 И тутъ не могли испытать посла земли Гленскія.
 И проговорить солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
 — Поди-тко за этого посла въ супружество.—
 Говорить посолъ земли Гленскія:
 « Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
 « Выпусти ты всѣхъ странниковъ
 « Со тыхъ со погребовъ глибокихъ,
 « И не надо мнѣ лѣвцы за женщины! »

ХОТЕНЬ БЛУДОВИЧЬ.

22.

(Въ Стѣной Губѣ).

- Было во городѣ во Кіевѣ,
 Было двѣ честныхъ вдовы
 На почетномъ на большомъ пиру:
 Честная вдова Часовая жена
 5. И другая вдова Блудова жена.
 Честная вдова Блудова жена
 Наливала чару меду сладкаго,
 Подносила честной вдовы Часовой жены,
 И за той за чарочкой посваталась
 10. На честной на дѣвицы на Чайной Часовичной.
 И честная вдова Часовая жена,
 Была ѣна баба богатая,
 Богатая баба — занослива,
 Занослива баба — упрямая;
 15. Эты ей рѣчи не слюбилися;
 Взяла ѣна чару въ свои ручи
 И вылила чару во ясны очи
 Честныхъ вдовы Блудовой жены,
 Сама говорила таковы слова:
 20. «Моя ли Чайная Часовична,
 «Сидить-то во теремѣ высокосемъ
 «За трема замочками Нѣмецкими;
 «Ее красное солнышко не оппечеть,
 «Буйные вѣтры не обвѣютъ,
 25. «Частые дожжички не обмочать,
 «Добрыя людюшки не обгалчатъ *).
 «А есть у меня девять сыновей,
 «А у Чайной Часовичной девять братцевъ:
 «Выѣдутъ Часовичи во чисто поле

*) Не обгалчатъ, не озидаютъ, не оговарятъ и не сглазятъ. — Изд.

30. « И полонить Хотѣнку во чистомъ полѣ,
 « И привяжутъ Хотенку къ стремени сѣдальному,
 « И приведутъ Хотенку на свой-то дворъ;
 « Захочу,— его кладу во повары,
 « Захочу,— кладу его во конюхи,
 35. « Захочу,— продамъ на боярскій дворъ. »

Честная вдова Блудова жена

Пошла съ пиру не весела,
 И не весела пошла — не радостна,
 Зажала ручки кругъ сердечушка,

40. Стянула головушку промежъ плечъ :
 — Замарала мою шубоньку дорогую,
 — Не дорогу, не дешеvu, въ нитьсотъ рублей !—
 Приходить ко терему высокому,
 Ко тому крыльцу бѣлодубову,

45. И выходитъ Хотенка на крутой крылецъ,
 И говорить ѣнъ таковы слова :

« Свѣтъ-государыня, моя матушка !
 « Чтѣ же ты идешь съ пиру не весела,
 « И не весела идешь — не радостна ?

50. « Видно, мѣсто было не по любви,
 « Видно, чарой тебя приобнесли,
 « Или пьяница глупая насмѣялася ?»

Говорила вдова таковы слова :

— А мѣсто мнѣ-ка-ва было по любви,

55. — А чарой меня не обнесли
 — И пьяница глупая не насмѣялася.
 — А только честная вдова Часовая жена
 — Замарала мою шубоньку дорогую .
 — Не дорогу, не дешеvu, въ пятьсотъ рублей.

60. — А я посваталася на Чайной Часовичной,
 — А сама *) надъ тобой насмѣялася :
 — « Моя ли Чайная Часовична
 — « Сидить-то во теремѣ высокбемъ
 — « За трема замочками Нѣмецкима ;

*) Т. е. Часовая. — *Изд.*

65. — «Ее красное соннышко не обшечеть,
 — «Буйные вѣтры не обвѣютъ,
 — «Частые дожжички не обмочатъ,
 — «Добрые людюшки не обгалятъ.
 — «А есть у меня девять сыновей,
 70. — «А у Чайной Часовичной девять братцевъ :
 — «Выѣдутъ Часовичи во чисто поле
 — «И полонять Хотѣнку во чистомъ полѣ,
 — «И привяжутъ Хотенку къ стремени сѣдальбому,
 — «И приведутъ Хотенку на свой-то дворъ;
 75. — «Захочу,— его кладу во поварь,
 — «Захочу,— кладу его во конюхи,
 — «Захочу,— продамъ на боярскій дворъ.»
 Проговоритъ Хотенка такovyг слова ;
 «Свѣтъ-государыня, моя матушка !
 80. «Много баба бредитъ, да не будетъ такъ.»

- И скоро Хотенка облатился, обкольчужился,
 И накатывалъ на головушку злаченъ шеломъ,
 Береть себѣ палицу булатною,
 Береть себѣ копьѣ вострое
 85. И поѣхалъ по городу по Киеву.
 И будетъ у того двора у Маршкіна *),
 И ударилъ въ ворота вострымъ копьѣмъ :
 И слетѣли ворота среди двора ;
 И ударилъ палицей булатною
 90. По тому по терему высокому :
 Сшибъ того терема по окнамъ прочь ,
 И слетѣлъ теремъ во зеленый садъ.
 Ходитъ дѣвица Чайная Часовична
 По тому по двору по широкому,
 95. И ходитъ она — дивуется,
 И сама себѣ головушкой качается :
 «« Не было ни вѣтра, ни вѣхоря,
 «« Не было погѣды полуденная,
 «« А слетѣлъ теремъ во зеленый садъ!»»

*) Перенесено изъ былинъ о Добрынь. — Изд.

100. Увидѣла Хотенку на своемъ дворѣ:
 «Ай же ты, Хотенка Блудовичъ!
 «Отца-то у ты звали Блудищемъ:
 «А тебя топерь называемъ уродищемъ.»»
 Проговорить Хотенка Блудовичъ:
 105. «Дѣвка ты б...., б.... Кіевская!
 «А хочю,—тебя я возьму за себя,
 «А захочю,—возьму за служку за Панюточку;
 «А кладу въ [фатеру] во черную,—
 «И будешь ты наша портомойница.
 110. «А есть у тебя девять братцѣвъ,
 «А у Часовой вдовы девять сынѠвъ:
 «Такъ пожалуйте во чисто поле!»

Какъ выѣхали ёны во чисто поле
 Со всею со силой подневольною,—

115. Такъ ёна *) была богатая,
 Погреба были злата и серебра,
 Такъ ёна наняла силу йннюю*
 За злато и за серебро,—
 Силу эту ёнъ въ полонъ побралъ;
 120. А наемныхъ всѣхъ прирубилъ-пригубилъ,
 А девять сыновей подъ мечъ склонилъ.

(Отъ слѣдого крестьянина Козьмы Иванова Романова, записано 13 Января 1861 г.).

Ч У Р И Л О П Л Е Н К О В И Ч Ъ .

23.

(Волости Бережной Дубровы, деревни Кузнецовой).

Не бѣлый заюшка проскакиваетъ,
 Не мелки слѣдочки прометываетъ:
 Гвоздички серебряны выраниваетъ **).
 Маленьки ребятки по слѣдочкамъ прохаживали,
 5. Гвоздички серебряны нахаживали.

*) Часовая.—Изд.

**) Т. е. Чурило изъ подошвъ.—Изд.

Загуляяъ Чурила во Бермятинъ высокъ теремъ,
А старый Бермята былъ у обѣдни Христосьскія.
Говорить Чурила таковы слова:

« Ай же ты, Катерина Микулична!

10. « Давай-ка играть во шахматы:
« Первый разъ матъ дашь, выиграешь сто рублей,
« Другой разъ матъ дашь, выиграешь двѣсти рублей,
« Третій разъ матъ дашь, выиграешь триста рублей.»
Говорить ему Катерина Микулична:
15. — Полно, Чурилушка, въ шахматы играть,
— Пойдемъ, Чурила, опочивъ держать!—

А старая служанка ходить—ворчить—бранить:
« Я Бермятъ накучу—вамучу! ».

Приходить ко церкви соборныя,

20. Сама говорить таковы слова:
« Ай же ты, Бермята Васильевичъ!
« У тебя въ дому есть гость незваный,
« Незваный гость, непрошенный,
« Молодой Чурила сынъ Пленковичъ.»
25. « Ты правду говоришь,—стану жаловать,
« Неправду говоришь,—голову срублю!»

Приходить на красное крылечушко,

Бралъ за кольцо золоченое,
Какъ ударилъ въ первый разъ,

30. Терема пошатался:
Она, того не пытаючись, съ Чурилой забавляется.
Какъ ударилъ въ другой разъ,
Маковки въ теремахъ повалилися:
Выходить Катерина Микулична,
35. И пускала Бермяту Васильевича.
« Чтò же ты, Катеринушка, не убрана?
« У насъ сегодня праздничекъ честна Благовѣщенья.»
— У меня сегодня голова болить,
— Голова болить, ретиво сердце шемить.—
40. « Чтò же ты идешь безъ чоботовъ?»
Заходилъ Бермята во высокъ теремъ,

- Увидѣлъ сапожки Чурилены,
 Увидѣлъ шапочку Чурилинну,
 Увидѣлъ кафтанъ Чурилинъ:
45. « Это я на Чурилушкѣ видалъ!»
 — Ты старый Бермята Васильевичъ!
 — У моего-то брата съ Чурилушкой
 — Платьемъ помѣнялося,
 — А добрымъ конямъ побраталося. —
50. Заходилъ во комнату спальную,
 Увидѣлъ Чурилушку: лежить на кровати тесовыя;
 Онъ схватилъ саблю со стопочки.
 Не свѣтъ-зорюшка просвѣтилась:
 Востра сабля промахнулася;
55. Не скатная жемчужинка катается:
 А Чурилова головка катается
 По той-то середи кирпичныя;
 Не бѣлый горохъ разсыпается:
 Чурилина-то кровь разливается.

(Отъ казки Латышова).

24.

ТО ЖЕ.

(Тихвинборскій погостъ, Каргопольскаго уѣзда¹).

- На канунъ было праздника Христова дня,
 Честнова Христова Благовѣщенья,
 Выпадала пороша снѣга бѣлаго.
 Не ясенъ соколъ по порошѣ вылетывалъ,
 5. Не бѣлый горносталя по порошѣ проскакивалъ:
 Ъздилъ-гулялъ купавъ *) молодець,
 Премладой Чурила Пленковичъ.
 Загулялъ онъ во улицу Ильинскую.
 Ко тому Бермятину высоко терему:
 10. Бермяты въ терему не случилось,

*) См. неоднократныя объясненія этого слова въ 1-й части и въ изданіи пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ. — Изд.

- Одна прилучилась Катерина Мишулична.
 Выходила на крылечко череное,
 Сама говорила таковы слова:
 — Пожалуй-ко, премладый Чурила Пленковичь,
 15. — Ко мнѣ Катеринкѣ во высокъ теремъ?—
 Приходилъ-то Чурила во высокъ теремъ,
 Садился Чурила за дубовый столъ.
 — Давай-ко, Чурила, поиграемъ во шахматы:
 — Ты поиграешь, такъ я тебѣ денегъ дамъ,
 20. — А я поиграю, такъ тебѣ и Богъ проститъ.—
 Играли они во шашки-шахматы.
 Первый разъ игралъ Чурила,—ей мать давалъ,
 Бралъ съ ей денегъ пятьсотъ рублей;
 А другой разъ игралъ,—ей поддаивалъ,
 25. Бралъ съ ей денегъ цѣлу тысячу;
 А третій разъ ужъ и поваливалъ,
 Тогда ужъ бралъ двѣ тысячи.
 Тогда Катеринка говорить таковы слова:
 — Ай же ты, Чурилушка Пленковичь!
 30. — Не могу болѣ играть со тобою во шахматы:
 — Пойдемъ-ко мы во спальну во теплую,
 — Ляжемъ на кровать на тесовую,
 — На кровать на тесовую, на перинку пуховую,
 — Тамъ ты со мной съ Катеринкой позабавишься.—
 35. Легли на кровать на тесовую, на перинку пуховую.

- Маленька дѣвушка Черनावушка,
 Черनावушка вѣрна служаночка
 На Катеринку журчить-ворчить,
 Хотитъ Бермяты вѣсть подать.
 40. Приходила она во Божью церкву,
 Говорила Бермяты таковы слова:
 «Ай же ты, Бермята Васильевичь!
 «Послѣ твоего отъѣзда
 «Минуло пѣсколька поры-времячка,
 45. «Пріѣзжалъ Чурилушка Пленковичь,
 «И съ твоей молодой женой
 «Игралъ онъ во шахматы,

«А послѣ того легли на кроватку тесовую,
«Легли они, позабавидись,

50. «Легли, да и заспали.»»

Послѣ обѣдни Благовѣщенской

Приходить Бермята во высокъ теремъ:

Всѣ ворота были крѣпко заперты,

Заперты ворота, заложены.

55. Застучалъ онъ въ колечко золоченое:

Всѣ палаты заколыбалися;

Пробуждалася Катеринка ото сну великаго,

Тогда не умывалась, не убиралася,

Приходила въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,

60. Въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чеботовъ.

«Что же ты, Катеринка, не въ спаредѣ, не въ обредѣ?

«Сегодня-то у насъ праздничекъ,

«Честное Христово Благовѣщенье.»

Катеринка Бермяты отвѣтъ держать:

65. — Послѣ твоего отъѣзда заболѣла буйна головушка.

— Опустилася болѣзнь ниже пояса

— Во тѣ ли во нижни во черева.—

Онъ тому Бермята не пытаючи,

Во высокъ теремъ пробирается,

70. Приходить во спальню во теплую:

На гвоздѣ виситъ Чурилова шапочка,

На другомъ виситъ Чурилова сабля вострая,

На третьемъ гвоздичкѣ виситъ шуба соболиная.

Бермята спрашиваетъ: «Чьи это вещи висятъ на гвоздяхъ,
ужь не Чурилины ли?» Катеринка спѣшитъ отвѣчать:— Не
Чурилины, мого то братца родимаго,—

Приходить ко кровати тесовыя:

75. Спать Чурила забудущимъ сномъ.

Тутъ Бермята бралъ саблю вострую,

Вырубилъ-то головушку Чурилупкѣ.

Не два яблочка свалилося:

Двѣ головушки скатилоса.

80. Только Чурила и живъ бывалъ.

**ПАГУВА МОЛОДАГО ДЪТИНУШКИ ГУСИНО ПЛѢНКОВИЧА
БУСУРЬМАНЩИМЪ ШАРКОМЪ-ВЕЛИКАНОМЪ.**

(Лодѣнопольскій уѣздъ).

- Ой ты мать сыра земля, розступися,
Небѣса вы синіи, роздайтеся,
Облока-тучи, во едину не скопляйтеся!
Тощнѣхонько богатырьской силѣ приходится,
5. Круто ему люто горе приключается:
Горемычно стало Шарку-великану свою жизнь коро-
тати,
Свою буйну голову по сырой землѣ таскати.
А вотъ первое-то горе,—паль его могучій конь;
А второе того горе *),—изломался его тяжелый мечь;
10. А третье-то горе,—обуяла имъ страсть побѣдная,
Приглянулася ему Марья, Лебедь Бѣлая.

- Ужь иде бусурьманскій сынъ, Шаркъ-великанъ при-
кручинившись,
Про свою горемычную жизнь-горе пороздумавшись,
Про каранье Бога Руссійскаго, Христїанскаго.
15. Какъ во стрѣчу ему молодой дѣтинушка,
Молодой дѣтинушка самъ ѣнъ Гусинко Плѣнковичъ.
Содружилися ѣны, побраталися,
Во свои терема бусурьманщину созывае,
Во большемъ углу чевствуеть-гостить.
20. Началъ тутъ его Шаркъ-великанъ выпрашивати:
« Ты скажи-ко мнѣ, молодой дѣтинушка Гусинко Плѣн-
ковичъ:
« Кабы мнѣ мудрёно коня могучаго достати,
« Своему прежнему коню богатырьскому во смѣну по-
ложити?»

*) Т. е. горѣ, горше.—Изд.

- А иди-ко ты, бусурманскій сынъ, ко вольному граду
ко Новгороду:
25. — У того ли у князя у Новгородскаго
— За запорамъ желѣнымъ, за заслонамъ мѣднымъ
— Жеребенокъ е *) необъѣзженный,
— А твоей ли богатырской силушкѣ какъ е подѣ
стать.—
« А и спасибо тѣ, молодой дѣтнушко Гусинко Плен-
ковичь!
30. « Ужъ повѣдай-ко ты мнѣ правду-истину:
« Кабы мнѣ богатырскій мечъ во рукахъ моихъ мощ-
ныхъ держати
« По силѣ моей богатырской, непомѣрною?»
— А иди-ко ты, бусурманскій сынъ,
— Ко святому граду ко Киеву, ко славному князю ко
Владимиру:
35. — У того ли князя у Владимира, во полатахъ его осу-
даревыхъ
— Разнаго орудья е, мощи богатырскія;
— Да по силушкѣ ли твоей, бусурманскій сынъ,
— Тыимъ ли мечемъ-кладенцомъ размахивати,
— Размахивати, перевѣртывати?—
40. « Ой ты неразумный дѣтнушко, Гусинко Пленковичь!
« Темному уму твоему разуму не судити
« Про силу богатырскую не гадати.
« А скажи-ко ты мнѣ, Гусинко Пленковичь, правдивѣе:
« Кабы мнѣ Марью, Бѣлую Лебедь, сыскать,
45. « Кабы мнѣ ее, Бѣлую Лебедь, поломати?
« Приглянулася ѣна мнѣ нешуточно.»
— Ой ты бусурманскій сынъ, Шаркъ-великанъ!
— Твоимъ ли устамъ рѣчи таки вымолвливать,
— За Руссійскую Марью, Лебедь Бѣлую, ухвататися?
50. — А и вѣру вѣруешь ты бусурманскую,
— Бусурманскую вѣру, Нѣмецкую:
— А то Марьѣ, Бѣлой Лебеди, не по сердцу,
— А то ей, пригожей, не по умыслу.—

*) Есть — Над.

- Осерчалъ тутъ бусурьманище нешуточно.
55. Какъ вперя ёнъ свои глазиши-лупы *) бусурьманскін,
 Да и возиме ёнъ, буеурьманинецъ, что ни ё,
 Во вси стороны помахивать:
 По стороны махне,—стѣны проломъ,
 По другой перехватить,—розсыпаются.
60. А ужъ и пошутилъ тутъ бусурьманскій сынъ:
 Понатужился Шаркъ-великанъ крѣпко: на крѣпко,
 Правой рукой хватать Гусинко Плѣнковича за его бѣ-
 лую грудъ,
 Во розмахъ Гусинко Плѣнковичъ за тридесать земель
 улѣтывать,
 За частыя ясныя звѣзды зацѣплять.
65. А ёнъ-то самъ бусурьманище ухмыляется:
 «А скажи-ко-сь ты мнѣ, усмѣшище;
 «Во дальнихъ ли странахъ бусурьманскихъ
 «Душу свою схоронилъ не отвѣтую?»

(Записано и доставлено Собирателю А. А. Шрамидицъ.)

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

25.

**ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ ДА ГУСИНКО ПЛѢНКОВИЧЪ ВО ГРАДЪ
 ВО КІЕВЪ БОГОМОДНОЕМЪ.**

(Тамъ же).

- Отъ краснаго града отъ Волыница,
 По привольной рѣкѣ по Дунаеву,
 Иде удалъ-добрый молодець,
 Боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ,
 5. Со своей ли со дружиной боярскою,
 Ко святому граду ко Кіеву,
 Ко крѣстамъ его хрѣстіанскимъ.

*) Ср. «лупо-глазый», «лупить», «вылупывать» — «вытаращивать глаза». — Изд.

А иде ёнъ, добрый молодець, Богу молитися,
Со честнымъ народомъ вольно-Кіевскимъ гоститися.

10. Ужь какъ слышитъ ёнъ молву неправдливую,
Неправдливую молву, неутѣшную,
Что во тоемъ ли во градѣ во Кіевѣ.
Ужь давно сидитъ—богатыствомъ прохваляется
Гусинко Плѣнковичъ со товарищами.
15. Не задумавши, Дюкъ Степановичъ,
Призываетъ ёнъ своего слугу вѣрнаго,
Такое приназанье наставляетъ:
« Ой ты мой вѣрный слуга,
« Никита Полица, розудалая голова!
20. « Ты иди-ступай ко молодой Царевнѣ во терема во
« Темныи,
« Не трожь ты ее, а честиомъ проди
« Угостить-принять боярського сына Дюка Степаныча
« Для-роди его прихождения богомольнаго.»
- Туть тесовы ворота отворяются,
25. Сама Царевна ко Дюку Степанычу во стрѣчу иде.
Береть ёна его за руку его бѣлую,
Веде его во терема свои во темныи,
Всяко чествованье ему, добру молодцу, дѣлаетъ,
А сама ёна Царевна хитро стала выпращивати:
30. — Ты скажи мнѣ, добрый молодець, Дюкъ Степановичъ,
— Отногѣва топеречу путь-дорогу держишь?—
« А держу я путь-дорогу отъ красна града со Волы-
« Ница,
« Отъ своего терема отъ отцевскаго.»
— А скажи-ко ты мнѣ, Дюкъ Степановичъ,
35. — Много ль силы съ собой ведешь?—
« Сила-то моя—мой вѣрный слуга,
« А богатство все мое—могучій конь.»
— А скажи-ко ты мнѣ, добрый молодець, Дюкъ Сте-
« пановичъ,
— Много ль у ты силы богатырскія,
40. — У твоего коня моща могуша?—

« А е у меня сила не малая:

« Все царствіе ваше верхъ дномъ верну.

« А и е у моего коня мощъ могучая:

« Не гнаться за мной самой кобылѣ Бѣлой Лебеди.»

45. А тутъ Царевна себѣ на умѣ:

Почпи ёна Дюка Степаныча подзадоривать,

Чтобъ въ конецъ ёнѣ рѣшилъ удалого Гусинко Плён-
ковича;

Супротивъ ее таки рѣчи Дюкъ Степановичъ выдержи-
вать:

« Ой ты ой, молодая Царевна прекрасная!

50. « Много у меня грѣха чернаго на сердцѣ,

« А и не по твоей причинѣ я сюда пришелъ,

« Не губить пришелъ я душу христіанскую,

« Пришелъ я для-родн бѣгомольствія,

« А не по мнѣ грѣхъ на душу поиде.»

55. Въ утро ранѣшенько колоколъ Божій гудомъ гудить,

А Дюкъ Степановичъ со вѣрнымъ своимъ слугой въ
церковь Божью собирается,

Тако наставленье дѣлать:

« Какъ пойду я въ церковь Божію молитися,

« Ко святымъ Божьимъ Угодникамъ приклонятися,

60. « А во этой ли церкви Божіей

« Розокрученный-рознаряженный супротивникъ мой;

« Ужь какъ буде ёнѣ, супротивникъ, выхвалятися,

« При честныхъ людяхъ надъ боярскимъ сыномъ на-
смѣхатися:

« Не утерпитъ твое лютое сердце, горячее,

65. « Во такой обидѣ своего господина, сына боярскаго.»

Во церковь Божью тутъ ёны сокопляются:

Первѣй всего Гусинко Плёнковичъ надуваючись,

Своимъ длиннымъ поламъ размахиваясь,

Шапкой-мурманкой прихлопывая.

70. А за нимъ иде слѣдомъ Дюкъ Степановичъ,

Боярскій сынъ, роду княжьяго.

А иде ёнѣ, Дюкъ Степановичъ, смирёхопко,

- Во синіємъ кофтанѣ—золотымъ шиуромъ.
 Ужь стонтъ ёнъ, Дюкъ Степановичъ, примѣхонько,
 75. Лишь часты-часты поклоны земныи отсчитывать.
 Тутъ весь людъ христіанскій, князья-бояре,
 Гусинко Плѣнковича—что могутъ,
 А на Дюка Степаныча не посматриваютъ.
 А и ёнъ-то, Гусинко Плѣнковичъ, пуще того сталъ
 гордится,
80. Пугвицамъ златымъ побрякивае,
 Шапкой-мурманкой помахивае.
 А почни тутъ Дюкъ Степановичъ своимъ пугвицамъ
 поваживать,—
 Во повалъ тутъ всѣ повалилися, ужаснулися:
 Что во всякой во златой пугвицѣ
85. Сорокъ сороковъ змѣй пещёрскихъ шипить,
 И во всякой того пугвицѣ
 Сорокъ сороковъ звѣрей лютыхихъ рѣвомъ рѣвнть.
 А почни тутъ въ другу сторону пугвицамъ поваживать:
 Что во всякой-то златой пугвицѣ
90. Сорокъ сороковъ птицъ Божьихъ пѣсни затягиваютъ.
 Весь людъ Божій тутъ удивленье взяло.
 Все ёны ко Дюку Степанычу честно приближаются,
 Ко его мудрецкому кафтану старъ-младъ приклоняются,
 Такія рѣчи пользительны вымолвливають:
95. «А Гой ты гой, добрый молодець, Дюкъ Степановичъ!
 «А Почто ты насмѣхавъе Гусино Плѣнковича при-
 маешь?
 «Али ему жизнь горемычную тянутъ,
 «Али смерѣтушку ему нещадную понести?»
 Ополдохался тутъ Гусино Плѣнковичъ до смерѣтушки,
100. Кофтанъ богатырскимъ рукамъ разлетыватся,
 Шапку-мурманку свою въ клочья рвѣтъ,
 Самъ осерчавшись изъ церкви вонъ.

- А повстрѣчи ему Никита Полица, боярскій слуга:
 За ноги его горемычного захватывать,
 105. До темного лѣсу-бору дотаскивать,
 Ко вѣдмы Кіевской во темну яму забрасывать;

Самъ ёнъ, Никита Полица, приговаривати:

« По дѣломъ тебѣ, вражій сынъ, а тую участъ-горе
 держати!»

« Посиживай себѣ, вражій сынъ, зубамъ пощёлкивай!»

110. Тутъ ко своему боярину, Дюку Степановичу, возвратъ
 держати.

Царевна прекрасная часту-горючую слёзу ронить,

Удалъ боярскій сынъ почаше того.

Призадумался тутъ вѣрный слуга:

Про печаль-думу своего боярина съ Царевною пре-
 красною.

115. Сталъ ёнъ своего боярина, Дюка свѣтъ Степановича
 выспрашивати,

Выспрашивати, уговаривати:

« Ой ты еси, удалъ боярскій сынъ, Дюкъ Степа-
 новичъ!

« Почто ты, добрый молодець, закручинился,

« Свою будущую-розудалую голову поѣсиши?»

120. « А за тымъ я, вѣрный слуга, запечалился,

« Что по сердцу пришла мнѣ Царевна прекрасная;

« А и жаль-то мнѣ больно ее, прекрасную, во темномъ
 теремѣ оставити,

« А и у отца-матери рѣдной благословеньице мнѣ не
 просити:

« Грозной отецъ моихъ прозѣбъ не слушать,

125. « Свою волюдку не выкаже.»

« Гой ты еси, розудалый молодець, боярскій сынъ,
 Дюкъ Степановичъ!

« Не вручинься ты, не печалуйся, боярскій сынъ,

« А воземъ мы коня, чернаго-могучаго,

« Да и понесе ёнъ, конь могучій, своего боярина съ
 Царевною

130. « По бѣлому люду христіанскому Русійскому таска-
 тся,

« Прекрасной Царевной выхвалятися.»

« А и спасибо тѣ, Никита Полица, вѣрный слуга,

« На твоихъ на рѣчахъ разумныхъ;

« На твоихъ на сувѣтахъ утѣшныхъ!»

135. Тууъ ёны, цювч чернаго-могучаго сѣдлаючи,
 Со градомъ со Киевомъ богомольнымъ розставаючися,
 Увозили тую-то Царевну прекрасную изъ града, вонъ.
 Усмокивали ёны со Царевной прекрасною не дико ждъ,
 А снакали ёны, въ одинъ-то-часъ по сто верстъ,
 140. Чтобъ погони за нимъ во слѣдъ не было.

(Отъ того же).

27.

О ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ *).

(Келозере).

- Изъ тоя Индѣи богатыя,
 Со тоя Корелы упрямая,
 Не ясенъ-то соколъ вылетывалъ,
 Не бѣлой то кречень перенуркивалъ :
 5. Выѣзжалъ удалый-добрый молодець,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 На своемъ на бурушкѣ косматенькомъ,
 На косматенькомъ бурушкѣ крылатомъ.
 Хороша его управа богатырская,
 10. Хороши доспѣхи молодецкіе.

Богатырь просится у матушки посмотрѣть на славень
 Кіевъ градъ и на ласковаго князя на Владимира, святымъ
 мощамъ поклониться, Пресвятой Богородицѣ помолиться. А
 мать говорить ему: — Дитятко, захочешь ты спробовать силы,
 удачи молодецкія,

- А много въ Кіевѣ богатырей,
 — Какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ.
 — Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія :
 — Первая застава — сѣры волки,
 15. — Другая застава — змѣи лютыя,
 — Третья застава — стоитъ двѣнадцать богатырей. —

*) Ср. № 47-й въ 1-й части.

Не послушался Дюкь наказу матерня и поѣхалъ ко городу ко Кіеву.

Когда ѣздилъ Дюкь по тихимъ по заводямъ, стрѣлялъ онъ стрѣлочки каленыя, на гряночкѣ стрѣлочки точеныя; въ нихъ втерано *) было по камешку самоцвѣтному,

Вплетено по перышку орлиному,
Орла орловича Сибирскаго :
Садился орелъ на синій на камешекъ,

20. Щипаль-ронилъ перыцо орлиное;
Пріѣзжали гости-корабельщики,
Подбирали это перыцо орлиное,
Возили-развозили перыцо по всѣмъ странамъ,
Дарили-то царей-царевячей,

25. Дарили королей-королевичей.

На пути къ Кіеву побиваетъ Дюкь Соловья-розбойника, проѣзжаетъ первую заставу крѣпкую и другую заставу крѣпкую; какъ доѣхалъ до третьей заставы,

Не по Дюковой пало участи :
Напалъ туманъ со маревомъ, —
Не видно пути-дороженьки.
Стоячись-то Дюкь, самъ дивуется.

Доѣхалъ онъ до третьей до заставы,

30. У третьей заставы пораздумался :
Стоитъ двѣнадцать богатырей могучіихъ,
Стоитъ Самсонъ Колывановичъ,
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Сухманъ богатырь сынъ Одихмантьевичъ,

35. Старый казакъ Илья Муромецъ.

Дюкь видитъ, что силой проѣхать нельзя: живому не бывать; сошелъ со добра коня

И поклонился могучимъ богатырямъ :
« Здравствуйте, Русскіе могучіе богатыри ! »
— Здравствуй, заѣзжій добрый молодець !
— Ты коей орды, ты коей Литвы,

40. — Коего отца, коей матери ?—

*) Вогиато, вѣлано. — Изд.

- « Я есть бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 « Изъ тоя Индѣи богатя,
 « Изъ тоя Корелы упрямыя;
 « У меня терема — златоверхія маковки;
 45. « Поберегите меня во Кіевѣ! »

Богатыри, называя его « ученымъ-добрымъ молодцемъ, »
 общають исполнить его просьбу. Остальная часть побы-
 вальщины не представляеть ничего новаго.

(Записано прѣздомъ отъ крестьянина).

28.

ТО ЖЕ.

(Каргопольск. уѣзда, Бережно-Дубровскій погостъ).

- Изъ Волынь-города изъ Галича,
 Изъ той Сорочины изъ широкія,
 Изъ тоя Корелы упрямыя,
 Изъ тоя Индѣи богатя,
 5. Молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ
 Обсѣдывалъ своего мала бурушка косматаго.
 У его, у мала бурушка косматаго,
 У его грива до сырой земли,
 Во трехъ мѣстахъ грива была изукрашена,
 10. Краснымъ золотомъ была повита,
 Цѣлка у него была до ноздрей,
 Хвостъ покрывать слѣды кониные,
 Кониные слѣды, лошадиные.
 Садился на мала бурушка косматаго,
 15. Выѣхалъ во славное чисто поле,
 Натягивалъ свой тугій лукъ.
 Закладывалъ онъ триста тридцать три стрѣлы,
 Эти стрѣлочки разстрѣливалъ :
 На дубахъ орлы воскрѣжеталя,
 20. Во лѣсахъ звѣри засвѣсталя,
 Лѣсъ улицы попадагъ.
 Раздумался Дюкъ. распечалился,

- Сидячись на маломъ бурушиѣ косматоешь :
- « Не жалко мнѣ триста тридцать стрѣлъ,
 25. « Только жалко мнѣ три стрѣлы каленныя :
 « Каленныя были — черенныя.
 « Перенныя были — орденныя,
 « Не того орла, который летать по темну лѣсу,
 « Не того орла, который летать по чисту полю,
 30. « А того орла, который летать по синю морю ;
 « Онъ сидитъ, орелъ, на синенькомъ на камешкѣ,
 « Ужъ онъ ронитъ перыца въ сине море:
 « Ъздили гости-корабельщики,
 « Подбирали эти перыца орлиныя.
 35. « Привозили моей матушкѣ въ подарочки;
 « Да я ихъ днемъ разстрѣливалъ,
 « Ночью осеннею сбирывалъ;
 « Отъ стрѣлы къ стрѣлы—будто отъ звѣзды къ звѣзды,
 « Врѣзано по камешку драгоцѣнному. »
40. Назадъ онъ, Дюкъ, ворочался къ своей матушкѣ,
 Честныя вдовы Мамелѣы Тимошеевны;
 Заѣзжалъ на широкій дворъ,
 Сходилъ съ мала бурушка косматаго,
 Зашелъ въ гридню во столовую.
45. Бьетъ челомъ о сыру землю,
 Проситъ прощеньца-благословеньца,
 Съѣздитъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову ко князю ко Владиміру.
 Говоритъ ему Мамелѣа Тимошеевна :
50. — Прямѣзжая дорога заколodiла :
 — Стоитъ три заставы великія.
 — Первая застава — люты звѣри,
 — Другая застава — люты зѣби,
 — Третья застава — стоятъ Донской козакъ,
55. — Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 — Во вторыхъ стоитъ Добрыня Никитиничъ,
 — Во третьихъ Михаила Потыкъ сынъ Ивановичъ.
 — А кругомъ ѣхать буде на три мѣсяца.—
 Онъ бьетъ челомъ, поклапается :

60. « Ай же ты, свѣтъ-гооударыня матушка,
 « Честная вдова Мамелѣа Тимоѣевна!
 « Дашь прощеньице-благословеньице, — поѣду,
 « И не дашь прощеньица-благословеньца, — поѣду.»
 Выходилъ со гридни со столовая,
65. Заходилъ въ конюшенку стоялую,
 Выводилъ мала бурушка косматаго,
 Обсѣдывалъ бурушка, обуздывалъ,
 Потнички клалъ на потнички,
 Войлочки клалъ на войлочки,
70. Застегивалъ двѣнадцаты подпруговъ желковныхъ,
 Тринадцатый подпругъ между ноги,
 Накладывалъ на сѣделко Черкасское пепеночку;
 Кружочекъ съ денежку стѣбитъ рубль серебромъ.
 Отходить отъ своего добра коня.
75. И глядитъ на нарядъ онъ кониный:
 Подъ нарядомъ стоитъ конь будто лютой звѣрь.
 Садился Дюкъ на мала бурушка косматаго,
 Только видѣли молодца сядучись,
 А не видѣли — куды поѣдучись:
80. Только куревко въ полѣ воскурилось,
 Туманъ въ полѣ затуманился.
 Поѣхалъ молодецъ по верхъ травы,
 Поѣхалъ молодецъ ниже лѣса столчаго,
 Выше облака ходячаго.
85. Доѣзжаетъ до первыя заставы крѣпкія,
 Сталъ своего мала бурушка приправливать,
 А бурушка молодца отъ смерти утаскивать:
 И стали люты звѣри обрыскивать,
 Не могли схватить удала-добра молодца;
90. Проѣхалъ первую заставу крѣпкую,
 Доѣзжалъ до другой заставы крѣпкія,
 Сталъ своего мала бурушка приправливать,
 А бурушка молодца отъ смерти утаскивать:
 И стали люты змѣи облетывать,
95. Не могли схватить удала-добра молодца;
 Проѣхалъ другую заставу крѣпкую.

- И доѣзжаетъ до третьей заставы крѣпкія,
 Одержалъ своего мала бурушка косматаго,
 Самъ раздумался и распечалился :
100. « Не честь мнѣ-ка хвала молодецкая :
 « Проѣду третью заставу крѣпкую,
 « По мнѣ нѣтъ заступщиковъ, попеченьщиковъ въ Кіевѣ!»
 И соходилъ молодець со добра коня,
 Зашелъ въ шатеръ бѣлополотняный ,
105. Крестъ кладеть по писаному,
 Поклонъ ведеть по ученому,
 На всѣ стороны покланяется,
 Донскому казаку въ особину :
 « Ты здравствуешь, Донской казакъ,
110. « Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ ! »
 И говоритъ Илья таковы слова :
 — Здравствуешь, удалый-добрый молодець !
 — Ты откудѣшний, добрый молодець ?—
 « Есть я изъ Волынъ-города изъ Галича,
115. « Изъ той Сорочкины изъ широкия,
 « Изъ той Корелы упрямыя,
 « Изъ той Индѣи богатая,
 « Молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ. »
 — А давно ль ты выѣхалъ изъ Волынъ-города изъ
 Галича?—
120. « Я поѣхалъ въ полдень Страстныя субботы
 « И надо поснѣвать къ заутрени Христосьскія.»
 — Не угодно ли выѣхать въ чисто поле,
 — Поратися со мной, поборотися ?—
 « Ай же ты, Донской казакъ,
125. « Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ !
 « Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяць :
 « Одинъ Донской казакъ на святой Руси,
 « Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.»
 Эти рѣчи Ильѣ показались;
130. Вставалъ Илья на рѣзвы ноги
 И бралъ его за бѣлы руки,
 За его за перстни за злаченые :
 — Ну, молодой боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ !

- Поѣзжай въ столичный Кіевъ градъ,
 135. — Буду я за тебя печаль держать
 — И буду я за тебя заступатися.—
 И провожалъ его изъ бѣла шатра.
 И сядилъ Дюкъ на добра коня,—
 Только видѣли молодца случись,
 140. А не видѣли—куды поѣдучись :
 Только куревко въ полѣ воскурилось,
 Туманъ въ полѣ затуманился.
 И говорилъ Илья таковы слова
 Своимъ сильнымъ-могучимъ богатырямъ :
 145. — По его поѣздкѣ молодецкія
 — Можно посидѣть изъ Волинъ-города изъ Галича
 — Во Кіевъ градъ къ заутренѣ Христосьскія !—

- Подѣхалъ ко городу ко Кіеву,
 Прямо черезъ стѣну перескакиваетъ.
 150. Башни наугольцы перемативаетъ ;
 Подѣхалъ къ церкви соборныя,
 Ко тому подѣваду государеву,
 Соходилъ со мала бурушка косматаго,
 Оставилъ коня неприказана и непривязава,
 155. Заходилъ въ церкву соборную,
 Становился на мѣсто посольное,
 На посольное мѣсто — на лѣвое крылосо.
 Пріѣхалъ солнышко Владиміръ князь,
 Пріѣхалъ Чурилушка Оепенковичъ,
 160. Пріѣхалъ Алеша Поповичевъ.
 Посылаетъ Владиміръ князь Алешу Поповича;
 Говоритъ Алеша таковы слова :
 « Ты откудѣшный, удалый-добрый молодецъ ? »
 « Алеша Поповичъ, до меня тебѣ дѣла нѣтъ. »
 165. « А спрашиваетъ тебя солнышко Владиміръ князь,
 « Поди-тко на крылосо на правое. »
 Подошелъ Дюкъ ко князю Владиміру,
 Поклонился ему до сырой земли :
 « Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь ! »
 170. Сталъ его Владиміръ спрашивать :

- Ты откульшый, удалый-добрый молодець? —
 « Есть я изъ Волинъ-города изъ Галича;
 « Изъ той Сорочины изъ широкія,
 « Изъ той Индѣи богатыя,
 175. « Изъ той Корелы упрямья.»
 — Давно ли выѣхалъ изъ Волинъ-города изъ Галича? —
 « Я поѣхалъ въ полдень Страстная субботы;
 « А поспѣлъ сюда къ заутренѣ Христовьскія.»
 — А дороги ль у васъ такіе кони? —
 180. « У насъ есть кони по три рубля и по шести рублей,
 « А моему-то коню и смѣты нѣтъ.»

- Отстояли заутреню Христовьскую,
 Отстояли обѣдню пресвященную, —
 Сталъ Владиміръ въ свой княженецкій домъ
 185. Звать молодого боярина.
 Вышли они изъ церкви соборная,
 Обтолпился народъ кругомъ его добра коня
 И глядитъ на нарядъ на коня свой
 И пошелъ солнышко Владиміръ князь,
 190. А за княземъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 А его конь вслѣдъ за хозяиномъ.
 У молодого боярина Дюка Степановича
 Были сапожки — зеленъ сафьянъ,
 Подъ пята-пята воробей пролетѣ,
 195. О' пята-пята яцо прокати:
 На свои сапожки Дюкъ поглядываетъ,
 На Владиміра князя посматриваетъ.
 Приходили ко двору княженецкому:
 Онъ по тыну поглядываетъ,
 200. На себя посматриваетъ,
 Головою покачиваетъ.
 Зашли на гридию на столовую,
 Садилась за столы за дубовые,
 Садилась за скатерти бранья;
 205. Принесли напитоковъ стоялыхъ:
 Такъ онъ рюмочку — половину пьетъ,
 Другую половину подъ столъ льетъ.

- Принесли колачиковъ крушвчатыхъ:
 Онъ верхнюю корочку ѣстъ,
 210. Исподню откладываетъ.
 Ставалъ Алеша Поновичъ на рѣзвы ноги,
 Самъ говорилъ таковы слова:
 «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
 «Какой за невѣжа пріѣхалъ....»
215. «Онъ жилъ въ слугахъ у боярина,
 «Укралъ порты у боярина,
 «Коня угналъ у боярина;
 «Напитковъ стоялыхъ не пивалъ
 «И колачиковъ, видно, вѣкъ не ѣдалъ,
220. «Не знаетъ княженецкаго обхожденія,
 «Надъ тобой смѣется-ругается.»
 Говорилъ солнышко Владиміръ князь:
 — Молодой боярскій сынъ, Дюкъ Степановичъ!
 — Что же ты надо мной смѣешься-ругаешься?—
225. И ставалъ молодой бояринъ на рѣзвы ноги:
 «Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
 «Я не смѣюсь и не ругаюсь.
 «Какъ у моей государыни-матушки,
 «Честной вдовы Мамелы Тимошеевны,
230. «Пойдетъ она отъ церкви отъ соборнія,
 «Впереди идутъ лопатники,
 «За лопатниками идутъ метельщики,
 «За метельщиками идутъ суконщики,
 «Разстилаютъ сукна одинцовыя;
235. «Мою матушку, честну вдову Мамелу Тимошеевну
 «Ведутъ подъ руки тридцать дѣвиць со дѣвицею,
 «Вся она обѣшана бархатомъ,
 «Чтобы не запекало ее солнце красное,
 «Не напала роса утренняя.
240. «А у ти просто за просто, пусто за пусто.
 «Какъ у моей государыни-матушки,
 «Честной вдовы Мамелы Тимошеевны,
 «Кругомъ нашего двора булатній тытъ,
 «Наведено мѣдью Яровицкою,
245. «Столбики были точеные,

- « А маковки были золоченыя,
 « Двери-то были рѣшатчатыя,
 « Подворотенки были серебряныя.
 « А у тя просто за просто, пусто за пусто.
250. « Какъ у моей государыни-матушки,
 « Честной вдовы Мамелѣы Тимоѣевны,
 « Взойдешь на нашъ широкіи дворъ,
 « По нашему широку двору
 « Разостланы сукна одинцовыя ;
255. « Наши любимые конюхи
 « По этимъ по сукнамъ катаются,
 « Въ кости, въ зернь, въ шашечки поигрываютъ.
 « Зайдешь во грядню во столовую,
 « Всѣ окошечки скутаны,
260. « Вклады въ стѣны камни драгоценныя,
 « Видно молодца станомъ, лицомъ, возрастомъ.
 « Посадятъ за столы за дубовыя,
 « За скатерти браныя,
 « Понесутъ напитки стояльничъ,
265. « Такъ рюмочку пьешь,—по другой душа горитъ,
 « Горитъ душа, а третьей хочется.
 « Понесутъ колачиковъ крупивчатыхъ,
 « Колачикъ ѣшь,—по другомъ душа горитъ,
 « Горитъ душа, а третьяго хочется.
270. « А у тя просто за просто, пусто за пусто.»
 Ставалъ Алеша Поповичъ на рѣзвы ноги,
 Самъ говорилъ таковы слова:
 «« Дай-ка, я съѣзжу въ его посельце:
 «« Такъ ли онъ хвастаетъ своимъ посельцемъ,
275. «« Такъ ли у него въ домѣ дѣется?»»
 Говорилъ ему Дюкъ таковы слова:
 « У тебя ль глазинки поповскіе, завидливы:
 « Не выѣхать отъ моей государыни-матушки,
 « Честной вдовы Мамелѣы Тимоѣевны!»
280. Выходилъ Дюкъ на широкій дворъ.
 И садился на ременчатъ стулъ,
 И писалъ ярлыки скорописчаты;

- Натягивалъ свой тугій душъ,
 Самъ къ стрѣлочкѣ-арлякѣ припечатывалъ,
 285. Припечатывалъ, самъ приговаривалъ:
 «Лети ты, стрѣлочка-арлякѣ, ко двору моему!»
 «Не пади ты, арлякѣ, въ воду, въ яму, въ колодезь!»
 «А пади ты ко блудному шатру моему, окъ ототъ!»
 «Ильи Муромца сына, Илья Муромца сына!»
 290. Прилетѣла стрѣлочка-арлякѣ, садилъ онъ коня
 И пала ко блудному шатру моему, вездѣ видѣла
 Ильи Муромца сына, Илья Муромца сына,
 И выходилъ Донской кавалеръ, вездѣ видѣла,
 Илья Муромецъ сынъ, Илья Муромецъ сынъ,
 295. Поднималъ арлякѣ, распечатывалъ, распечатывалъ
 Просматривалъ и самъ прочитывалъ, вездѣ видѣла
 И посылалъ Добрыню Никитича, вездѣ видѣла
 — Поѣзжай, Добрыню Никитича, вездѣ видѣла,
 — Въ Киевѣ распечатывалъ, распечатывалъ,
 300. И скоро Добрыню Никитича, вездѣ видѣла,
 И поѣхалъ ко городишко Киеву, вездѣ видѣла,
 Прямо черезъ стѣну перескакивалъ,
 Башни наугольны перемахивалъ,
 Заскочилъ на широкій дворъ,
 305. И соходилъ со добра коня,
 Вошелъ во грядню во столовую,
 Крестъ кладеть по писаному,
 Поклонъ ведеть по ученому,
 На всѣ стороны покланяется,
 310. Дюку Степановичу въ особину,
 — Здравствуешь, Дюкъ Степановичъ!
 — Ты почто насъ требуешь изъ чиста поля?
 Говоритъ Дюкъ такыя слова:
 «Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!»
 315. «Поѣзжай въ городъ Киевъ,
 «Посмотри, такъ ли у хвастаю,
 «Такъ ли у меня въ домѣ дается?»
 Онъ ему низземно покланяется,
 И выходилъ на широкій дворъ,

- Разстѣляютъ сунны одиночныя.
345. Честную вдову Мамелю Тимошевну
Ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею,
Вся она обвѣшана бархатомъ,
Чтобы не запенало ее солнце красное,
Не капала роса утренняя.
350. — Здравствуешь, Дюкова матушка!
«Здравствуешь, удаленвкй-добрый молодецъ?»
«Ты откульшныи, добрый молодецъ?»
— Есть я изъ города изъ Кіева,
— Отъ твоего отъ сына отъ любимаго.
355. — Захвасталъ онъ своимъ поселенцемъ,
«Ступай въ мною, добрый молодецъ.»
Пришла во грядню столовую,
Пологали скатерти бранныя,
Посадили за столки дубовыя,
360. Поставляли напитки стоялыя:
Такъ рюмочку пьешь, — по другой душа горитъ,
Горитъ душа, а третьяго хочется.
Понесли колачичковъ крупичатыхъ:
Такъ колачичкъ ѣшь, — а по другой душа горитъ.
365. Горитъ душа, а третьяго хочется.
Напился-набася добрый молодецъ;
Отводили его въ ложню на кроваточку — рыбіи зубъ.
Спалъ молодецъ три сутки безъ просыпа,
На четверты встаетъ на рѣзвы нбры.
370. Пойдетъ смотрѣть Дюкова поселенце.
Привели его въ конюшенки стоялыя:
Не знаетъ коня и цѣны-то дать,
Въ челкахъ и хвостахъ вполетано по камню драгоцѣн-
ному:

Привели его въ кладовыя: въ кладовыкъ висятъ на стѣпочкахъ платья драгоцѣнныя; усажены камнями самопѣвными. Стоитъ семьдесятъ столовъ: у каждаго стола по три человекъ; каждый человекъ на свою руку на щѣтахъ ходить, казну принимаетъ. Семьсотъ человекъ на красномъ золотѣ иконы пишутъ. Говоритъ Добрыня Мамелѣ Тимошевнѣ: — Честная вдова, Мамелю Тимошевна! Ты спусти

меня во Кіевъ градъ; ты съ добра спусти, съ добра уйдь. —
Спускала его во Кіевъ градъ, на прощеньищѣ поларша. съ у
двѣ пары платя мѣтшагъ.

Садился Добрыня да добра коня

375. И поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Пріѣзжалъ ко городу ко Кіеву,
Заспохилъ на княженецкій дворъ,
Соходилъ съ добра коня,

Зашелъ во гридню во столовую,

380. Крестъ кладеть до писаному,
Поклонъ ведеть по ученому,

На всѣ на лядыре на сторонки покланяется,

Князю Владимиру въ особину:

— Здравствуешь, молодой, добрейшій, сыноу Дюю Степа-
новичу!

385. — Приказала матушка тебѣ кланяться,

Говоритъ ему, Владимиръ, стодню Кіевскій,

« Ыздилъ ты въ Дюково поселище:

« Такъ ли онъ хвастаетъ своимъ поселищемъ?»

— Онъ не столько хвастаетъ.

390. — Вдвое, втрое въ домъ дается.

— Станешь его поселище одисывать,

— Продать на бумагу весь Кіевъ градъ,

— На чернила, продать Черниговъ градъ!

Говоритъ Чурилушка Пленцовица:

395. « Ударимъ съ тобой, о ведикъ зацѣль »

« Щепомъ щепить *) не три бола »

« На каждый день носить длатица перемѣнныя »

« Ударимся не о сотцахъ, не о тысячахъ »

« Ударимъ о своей буйной головы? »

400. По земь до Чуриды Кіевомъ ручается,

По земь до Дюкѣ никто не ручается,

Только голъ кабацкая ручается,

Выходилъ Дюкъ на широкій дворъ,

Обсѣдывалъ бурушка, обуздывалъ,

*) Щеповать (ушлепавать). — Ив.

405. Самъ говорилъ таковы слова:
 « Выручай хозяина изъ цевели изъ чашки!»
 Выводилъ коня съ широка двора,
 Спустилъ коня изъ бѣлыхъ рукъ;
 Самъ коню приговаривалъ:
410. Побѣжалъ конь ниже тѣся стоячаго,
 Выше облака ходячаго,
 Прибѣжалъ въ Индью богатыю,
 Заскочилъ на широкій дворъ,
 Копытомъ бьетъ да ржетъ:
415. Выходитъ честна дворянства Тимофеевна —
 И брала за поводы шелковые,
 Уливалася слезами горючими:
 « Прибѣжалъ ко мнѣ злодѣи п. . . . .
 « Убилъ моего сына любимого!»
420. Снимала сѣделко Черкасское,
 Находила ящички потайные,
 Ярлыку скорей печатые:
 « Ай же, любимые мои конюхи!
 « Кормите коня скоро на скоро,
425. « Скоро на скоро, сыто на сыто!»
 Заводили коня въ конюшню стоящую,
 Насыпали пшеницы Овлярровой,
 Наливали меду сладкаго.

Призывала она своихъ счетчиковъ и велѣла имъ сосчитать, сколько на три года на каждый день платья переменить носить. Сколько сосчитали, столько платья вынули и положили на бурушка косматаго. Все уложили, а Мамелеа Тимофеевна говоритъ: « Постой-ка и вынесу родителя-батюшки свитку поношену и брошену, вынесу лапотники шелковые изъ семи шелковъ Шамаханскихъ, въ пятахъ и въ носахъ вплетано по камню драгоцѣнному, вынесу шапку мурмалку.» Выносила и полагала на бурушка косматаго, выпустила его изъ бѣлыхъ рукъ. Побѣжалъ бурушка къ городу Кіеву и прибѣжалъ на третій день. Дядь Степановичъ снималъ съ него сѣделко Черкасское, обираетъ платье, а коня завелъ въ конюшню стоящую,

Посыдалъ ему пшеницы Овлярровой,

430. Самъ раздумался и распеналъ:
 « Завтра ночь темная, осенняя,
 « Дай-ка надѣну родительску одежищу,
 « Надѣну лапотки шелковые
 « И наложу шапочку мурмадку:
 435. « Будетъ видно молодца за три поприща.

И приходитъ къ церкви соборная,
 Становится на мѣсто послѣднее,
 Говорить Владимиръ стально-Кіевскій:
 — Сходи-ка, Алеша, попродвай-ка.

440. — Какой прѣхалъ посоль, или скорый, сватальщикъ,
 — Али сильный-могучій богатырь,
 — Али паленица удалая?
 Говорить Алешъ Дюкъ Степановичъ:
 « До меня тебѣ, Алеша, дѣла нѣтъ.
 445. Узнавалъ его Алеша по голосу:
 « Поди къ намъ на крылоса да правое.

- Съ того стали шепотъ шепеть,
 Годъ гуляютъ, и другой гуляютъ,
 И стали гулять третій годъ.
 450. Молодой Чурилушка Пледковичъ
 Сносилъ платье со всего съ Кіева,
 И сталъ одно платье три дня носить,
 Разгорячилось у Дюда ретиво сердце,
 Разгорѣлась рука правая,
 455. Выдернулъ саблю острую,
 Воюлился тутъ князь-бодръ,
 Дѣвки и бабы Кіевскія,
 Чтобы не сѣкъ ему буйной головой,
 Достали Илью Муромца изъ чиста поля,
 460. Прѣхалъ Илья Муромецъ изъ чиста поля:
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — На сѣки Чурилы буйной головой,
 — Не честь-хвада молодецкая:
 — Не знаютъ его сильные-могучіи богатыри,
 465. — Только знаютъ его дѣвки да бабы въ Кіевѣ. —

- Говорить Дюкь какоюсь слово
 « Ну, Илья Муромецъ сынъ Ильяшъ
 « Ежелибъ не ты, сѣкъ, бѣзъ ему буйну травоюу,
 Сѣли на добрыхъ коней,
 470. Поѣхали во чисто поле: пошкватили, пошкватили
 Князя-боѣра,
 Сильные Русскіе могутъ бѣзъ боя
 Дюкь ѣдетъ съзади ступой бродушею,
 Ѣдетъ ступой, коня обдерживаетъ,
 475. А тѣ ѣдутъ во всю конскую рысь.
 Говорить ему бурушко косматенькій:
 — Ты бейся съ князьми о великъ закладъ,
 — Только не бейся съ Ильєю Муромцемъ;
 — А въ задоръ войду,
 480. — У Ильина коня уйдѣтъ
 — Ни какому коню не удержати.
 Алеша Поповичъ объѣживаеъ его, обскакиваеъ:
 « Что ты свои коня похваляешъ,
 « Ударимъ съ тобой о великъ закладъ,
 485. « Черезъ Днѣпру рѣку скачати за три версты,
 « За три версты за три версты,
 « Ударимся о буйной годовыи,
 Записали задѣсь доуничья,
 Алеша Поповичъ гоняетъ тарихъ добра бѣла,
 490. И приправливаеъ черезъ Днѣпру рѣку,
 И упала въ Днѣпру рѣку,
 Дюкь Стенановичъ не гоняетъ тарихъ добра бѣла,
 Приправливаеъ черезъ Днѣпру рѣку,
 И скочилъ черезъ Днѣпру рѣку,
 495. Схватилъ Алешу за желты кудри,
 А сразу ногу свою коню подложилъ,
 И конь коня обѣхъ на ту сторону.
 И повернулъ назадъ добра бѣла,
 Взялъ Алешу на пазуху,
 500. И перескочилъ на ту сторону,
 И соходилъ со добра бѣла,
 И выдернулъ саблю остроую

И ладить отрубить ему буйную голову,
 Возмолился князь боярство помоги,
 505. Русские могуте богатыри, а кто лет он добрый
 Не съкъ бы Алешъ буйной головы.

Пнулъ онъ Алешу подышля: а гудетъ онъ
 « Ты хвастунишка, пшесский сынокъ!
 « А живи во Киевѣ со бабамы,

510. « А не ѣди съ мамашою и сеструшкою!
 Послѣ этого Дюкъ раздавалъ по монастырямъ цвѣтное
 платье, сълъ на добра коня и повзжалъ въ Индѣю бо-
 гатую.

(Отъ кавки Латышова).
 « Ты хвастунишка, пшесский сынокъ!
 « А живи во Киевѣ со бабамы,
 « А не ѣди съ мамашою и сеструшкою!

ТО ЖЕ

(Красная Яга; ср. выше).

- Въ Волинѣ и въ городѣ Галичѣ,
 И въ той Сорочинѣ широкѣ, подотъ а гудетъ онъ
 Изъ той Индѣи богатыря улакъ урпандъ а гудетъ онъ
 Повзжалъ боярский сынъ Дюкъ Степановичъ,
 5. И сѣдлалъ себѣ маленькаго коня
 Сивушка-бурушка и вѣщнаго конурюшка,
 И маленькаго домагачка,
 И накладывалъ уздцу семи шелковъ,
 И потнички на потнички,
 10. И вѣдочки на вѣдочки,
 И сѣдельшко себѣ Черниское,
 И возжикъ съ нацѣтани,

И прѣзжадъ оже до стоныи оу городу Киевъ
 а гудетъ онъ а гудетъ онъ а гудетъ онъ

- И приходитъ въ соборушкѣ Велозъ сарышъ
 15. Къ обѣдни воскресной, а гудетъ онъ а гудетъ онъ
 И столько Богу не моливъ а гудетъ онъ а гудетъ онъ
 Сколько по церкви посматриваетъ а гудетъ онъ а гудетъ онъ
 И посматриваетъ, и самъ шмакидаетъ а гудетъ онъ а гудетъ онъ

- А на князи Владимиръ великий, — сави зира П .
20. Только того соф и ослышеть, блзкуе коу и он » 53
 На Авраамію перекрестну берчаты, у авра »
 И рукой заиметь и олад от-авраиен за авра 4 »
 . И отошла обѣдн воскресная, адон би авра 7 »
 И такъ зазываи Дюка Степановича, 7 » 50
25. Ко князю ко Владимиру во честной цире, би 5
 Садни за столы-тѣ за дубовые итшени авра 7 »
 И за тѣ ли скатертки берчаты, итшени авра 7 »
 И за питья за ѣства за сахарныя, по авра он Ав »
 И понесли хмѣльные напитокки, тороу итшени Ав » 50
30. И оуъ, по трюмонки чѣсть, итшени нис итшени Ав »
 Другую черезъ край, чѣсть, итшени авра 7 »
 Принесли калачиковъ на закуску крапичатыя **)
 Да оуъ верхнюю корочку ѣсть, итшени авра 7 »
 А нижнюю откладываетъ, итшени авра 7 »
35. Спросилъ Владимиръ князь столень-Кіевскій, 51 »
 — Да что же ты, гость, любимый, итшени авра 51 »
 — Да ты, коей земли, да ты, коей оуа, итшени авра 51 »
 — Коего отца, коей матери, итшени авра 51 »
 — Какъ тебя именемъ зовутъ, итшени авра 51 »
40. — Звеличаютъ тебя по отечеству? итшени авра 51 »
 И говорить боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ, 51 »
 « Я естъ изъ Волища изъ города изъ Галича, 51 »
 « Изъ той Сорочины изъ широкія, итшени авра 51 »
 « Изъ той ли Индіи изъ богатія, итшени авра 51 »
45. И спросилъ Владимиръ князь столень-Кіевскій:
 — Что же ты, боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ,
 — Былъ ты сегодня у обѣдни у воскресныя, итшени авра 51 »
 — Но только Богу не молился, итшени авра 51 »
 — Только по церкви посматривалъ? итшени авра 51 »
50. « То я посматривалъ, итшени авра 51 »
 « Что у васъ противъ нашей церкви, итшени авра 51 »
 « Десятой доли итѣ, итшени авра 51 »
 « И у тебя, Владимиръ князь столень-Кіевскій, итшени авра 51 »

*) Берчаты, бранья. — Изд.

**) Круничатыя — Изд.

- « Платье какъ у насъ, у самого бѣлагогоши въ А.
 55. « Но и у тебя супруга, Андрей, королевина, а не Т.
 « Такъ у насъ, у самой бѣлой, королева, а не Т.
 « У васъ въ палатахъ-то бѣлокаменные полы, а не Т.
 « Противъ нашего—последній домъ.
 « У насъ на небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
 60. « На небѣ мисецъ, и въ теремѣ мисецъ,
 « На небѣ луна, и въ теремѣ луна.
 « У васъ напитки пахнутъ на дерево сосновое:
 « Да у насъ напитки рюмочку пьешь,—
 « А по другой душа горитъ,
 65. « А третьей хочется;
 « А колачки эти называются крапивчатые у васъ:
 « Да пахнутъ на кору сосновую,
 « Да столько у насъ колачки одного вида,
 « По другому душа горитъ,
 70. « А третьяго хочется;
 « Печни-то у насъ муравьиныя,
 « А помельца-то шелковыя:
 « Такъ и не пахнутъ на кору сосновую!»
 И за тѣмъ столонъ дубовый
 75. Сидитъ Чурила Пленковичъ,
 И самъ говоритъ такое слово:
 « Ахъ, боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ!
 « Не пустыль ли ты хвастаешь?
 « Да ударимся-ко мы съ тобой во великъ закладъ:
 80. « А зачнемъ-ко мы съ тобой щепомъ щепить на три
 года,
 « У котораго платья больше есть,
 « Да что день, то платье перемѣнное.»
 И говорить боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ:
 « Давай-ко, Чурила Пленковичъ,
 85. « Кто кого перещепить;
 « Да не то у меня на три года,
 « Будетъ платья на семь лѣтъ.»
 И ударимся они во великъ закладъ
 Щеголять на три года,
 90. Что день, то платье перемѣнное.

- Ну и говоритъ: Владимиръ князь до Володы дѣтскій:
 — Да кого послать во Индію богатую
 — Да за платьемъ на Дюкову?
 И говоритъ Олеша Подосиновъ:
 95. « Да пошлите меня,
 « Владимиръ князь степенъ-Кіевскій
 « Да за Дюковымъ на платье
 Говоритъ боярскій сынъ Дюковъ Степановичъ:
 « Да не спущу тебя, Олеша Подосиновъ
 100. « Во свою Индію богатую
 « Да твои глаза поповскіе
 « Заѣдешь туды иъ намъ, такъ иъ парадъ не рѣднень.
 « Да пошлемъ лучше Добрынюшку Никитовича
 И говоритъ Владимиръ князь до Володы-Кіевскій:
 105. — Поѣзжай-ко, Добрынюшка Никитовичъ
 — Вези-ка Дюкову платье на три года
 И справился Добрынюшка Никитовичъ
 И скоро спадаетъ, а до ушки убо не правдятся.
 110. И пріѣзжаетъ иъ Володы на городъ Галицкій
 Въ ту Сорочину, широкую
 И въ ту ли Индію въ богатую
 И доспросился Дюковымъ на платье
 И идетъ въ его теремъ алатоверковатый
 115. И точно, прелезу, клацать Дюкъ Степановичъ
 На небъ солнце, и въ теремъ солнце
 На небъ мѣсяцъ, и въ теремъ мѣсяцъ
 И слытъ женщина, тѣло ато атори шилои
 Шелку не много, а вся иъ серебрѣ
 120. И приходитъ онъ и докладывается
 « Здравствуешь, Дюкова матушка!
 Она отвѣчаетъ ему:
 — Я не Дюкова матушка,
 — Я Дюкова работница;
 125. — Ступай туды во второй цокѣй,
 Приходите до второй цокѣй,
 Сидитъ женщина,

- Шелку не много, а все въ золотѣ;
 Онъ опять и поклоняется:
130. «Здравствуй, Дюкова матушка!»
 И женщина отвѣчаетъ ему:
 — Я не Дюкова матушка,
 — Я Дюкова портемейница,
 — Ступай впередъ въ третій покой.
135. Приходитъ онъ въ третій покой,
 Сидитъ женщина,
 Шелку не много, а все въ жемчугѣ;
 Онъ опять и поклоняется:
140. «Здравствуй, Дюкова матушка!»
 Женщины ему отвѣчаютъ:
 — Я не Дюкова матушка,
 — А я Дюкова нянюшка,
 — Да есть этихъ жемчужинъ, какъ я, въ нашей городѣ,
 — Да все въ тебѣ же поклониться!
145. — А Дюкова матушка къ обѣдни ушла,
 — Подъ руку ездятъ воскресныя,
 — Да сморятъ да всякой у насъ кланяются,
 — Когда пройдутъ ятланники навъ мерки,
 — Да пройдутъ лопатники навъ черки,
150. — Тогда Дюкову матушку
 — Ведутъ дѣвицы подъ руки,
 — Она вся въ качельныхъ драгодьяхъ,
 И тогда пошелъ Добрыня Никитичъ,
 Къ обѣдни воскресныя,
155. И стоитъ онъ у церкви у соборная,
 И пошли народъ отъ обѣдни отъ воскресныя,
 И народъ идетъ кто въ шелку,
 Кто въ золотѣ, кто въ серебрі,
 Кто въ серебрі, кто въ жемчугѣ,
160. Да пошли и мятельники,
 Да пошли и лопатники,
 Позадъ Дюкову матушку
 Ведутъ дѣвицы подъ руки,
 И поклоняется Добрыня Дюковой матушкѣ:
165. «Здравствуй, Дюкова матушка!»

- Здравствуй, ну давай добрый молодецъ,
 — Ты коей земли, ты коей орды,
 — Коего отца, коей матери,
 — Какъ тебя именемъ зовутъ,
 170. — Знаемъ яють, какъ по отчеству,
 « Я изъ стольнаго города Кіева,
 « По имени Добрыня Никитъевичъ,
 « И привесъ тебѣ видна дѣлота сына,
 « Да отъ Дюка Степановича,
 175. И подаваетъ ей писемцико
 И прочитала писмо Дюкова матушка,
 Сама говоритъ таково слово,
 — Ой ты, сыно мой возлюбленный,
 — Изъ-по имени боярскій сыно идетъ мнѣ,
 180. — Боярскій сыно давидойъ, Блудановичъ,
 Да вѣдо, на потерять тебѣ,
 — Своей буйной головы,
 И зачала Добрыня звать-салъ, кушанья,
 185. Бѣлой лебеди рунзати;
 И поднесла ему напитокъ, и почитъ правда,
 Рюмочку пьешь, — по другой душа горить,
 Душа горить, а третьей хочется,
 Всякого кушанья довольно,
 190. И не бѣдалъ Добрыня Никитъевичъ,
 Во городъ Кіевъ экого кушанья,
 И посылаетъ Дюкова матушка
 Сыну платьеца на три года,
 Что день, то платье переменное.
 195. И поѣхалъ Добрыня Никитъевичъ во Кіевъ градъ,
 И прѣзжаетъ онъ ко князю ко Владимиру,
 И спрашиваетъ князь Владимиръ
 У Добрыни Никитъевича:
 — Чтò, правда ли хвасталъ боярскій сыно,
 200. — Боярскій сыно да Дюкъ Степановичъ?—

*) Больно, сильно. — Изд.

- И говоритъ Добрыня да Иванъ сынъ Чуркичъ: —
 « Да не окупить сыну А Мороду Кіеву? —
 « Одного Дюкова доху? —
 И отдаваетъ Дюку платица: —
205. И стали щеголять съ Чуриломъ Пленковичемъ: —
 Боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ
 И у Чурила платица перо
 Хватило только на три мѣсяца
 И сталъ опять платицу же держати: —
210. Платица то же держати
 И ухватилъ боярскій сынъ да Дюкъ Степановичъ
 Того ли Чурила Пленковича
 И съ конемъ въ карманъ посадилъ
 И стали тутъ покластися: —
215. Боярскому сыну Дюку Степановичу
 « Выпусти изъ кармана хвостуна Чурилу Пленковича? »
 И спустилъ Дюкъ Степановичъ Чурилу Пленковича:
 « Поди, хвостуна Чурилу Пленковича? —
 « Впередъ бѣгнута: —
220. И прстидся боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ
 Со стольнымъ со княземъ Владиміромъ
 И со всіми Кіевскими богатырями
 И уѣхалъ во свой Волинецъ городъ Галичій
 Во ту Сорочину широкую: —
225. Во ту ли Индію богатую
 Ко своей-то родителю ко матушкѣ:
 (Отъ старика калвы, златисма) —
 30.
- то же.
 (Филмоновской радости, Пустыни) —
 Во славномъ во городѣ во Галичѣ,
 Во той Корелѣ богатыи,
 Не кувиль-трава шатается,

*) Всеми? — Изд.

- Не бѣла, бѣреси, щербатого, ано ашповай
5. Сынъ со матушкой прощайся, ано алето .01
 А молодой бояринъ Дюка Степановича алевый
 Со честной вдовой Акимеей Александровной
 « Ай же, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 лине Честная вдова, Акимей Александровна, ахоро аП
10. « Долго ли мнѣ жить, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 « Ходить мнѣ до маи, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 « Съ ребятами асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 « Пора мнѣ асвѣдаться, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 « Поразломать мнѣ свѣтъ, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП .05
15. « Спробовать силы, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 « Разгонять мнѣ, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 Она ему говорить такovy, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 — Ай же ты, молодой бояринъ Дюка Степановичъ!
 — Не бывалъ ты, молодецъ, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП .05
20. — Не слыхалъ ты, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 — Дѣла ратнаго, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 — Можешь ли, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 — Лучше бы ты, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 — Колышкучю князю Владычюру, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
25. — Солнышке асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 — На приѣздъ заводитъ, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 — Дѣла асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 — На асвѣтъ, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП .05
 — Многую, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
30. « Ай же, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП —
 Куда мнѣ, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП —
 Лучше я поѣду во дѣлече-далече во чисто поле;
 Давай мнѣ, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП
 « На вѣки не рушесъ, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП .01
35. « Благоплодий, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП —
 « Петухъ, асвѣтъ государини-матушки, ахоро аП —
 Ишь широка двора шель на стойлу лошадиную,
 Бралъ онъ бурушка косматаго,

- Выводилъ онъ буршиа на мостокъ-добрый. — 011
40. Сталь онъ сдлатъ уздани добра юныя. — 011
 Кладаль онъ патники на шитники, — 011
 Войлокъ млада да войлокъ, повода полторъ — 011
 На верехъ клалали жованъ сдлао Нормансею. — 011
 Подтягивалъ дришлатанъ атыфубамъ богатырскимъ,
 45. Подтягивалъ тришлатану проделану. — 011
 На дряля-ради красы-басы,
 А дряля-ради кривы богатырскы. — 011
 Подруги-тѣ были чистаго серебра младаго — 011
 Пряжки и шавыше краснаго золота, дришлатанъ — 011
50. Странна буршиа замарская дришлатанъ — 011
 Шелкъ-то былъ Шемакский дришлатанъ — 011
 Шелкъ-то на рибтасе не ширеши дришлатанъ — 011
 Булатъ-то не ржашикъ дришлатанъ — 011
 Завопъ-то младаго дришлатанъ — 011
55. Серебро на зелезы дришлатанъ — 011
 Онъ овалъ слово шесты шолата бляканы дришлатанъ — 011
 Надъвалъ: шесты шолата дришлатанъ — 011
 Кладывалъ дришлатанъ на калушникъ дришлатанъ — 011
 Каденыя стрѣлы во косама дришлатанъ — 011
60. Вавалъ крѣпки палицы на бедро свое,
 Отправлялся во дилече-далече во место поле, —
 Молился тѣмъ крестамъ прочуднымъ, — 011
 Спасу и Прочудной Богородицы дришлатанъ — 011
 Прощался свѣтъ съ посударыней матушкой. — 011
65. Со честной вдовой Аюмьей Александровою. — 011
 На повздѣ-то молодца матушка называли. — 011
 — Какъ будеть-то молодець во честномъ полѣ. — 011
 — Такъ будеть-ты на иругую дришлатану горю колонъ
 — Тутъ дришлатану будеть дришлатану дришлатану,
 70. — А оттуда мало возвращалъ дришлатану — 011
 — А будешь какъ во славною во городѣ во Киевѣ,
 — У солнышка князя у Владимера на честномъ пиру,
 — Такъ будеть хвастайка тш дришлатану богаче-
 — Тутъ дришлатану будеть дришлатану дришлатану — 011

*) Колчанъ. — Изд.

— Не хвастай своей многою безсчётной золотой каз-
ной.—

75. Тутъ онъ простился со своей родителью-матушкой,
Садился молодець на добра коня,
Поѣхалъ во дѣлечо-далечо во чисто поле.

Ѣхалъ онъ по чисту полю,

Случилось ѣхать мимо славную гору шеломчатую,

80. Захотѣлося ему заѣхать на гору шеломчатую.

— Началъ онъ по горы поѣзживати,

Началъ онъ своей силы пробовати,

Туги луки натягивати,

Началъ онъ каленыхъ стрѣлъ пострѣливати:

85. Стрѣлялъ онъ первую стрѣлочку во сто рублей,

Стрѣлялъ другую во тысячу,

Стрѣлялъ третью стрѣлочку—и цѣны-то нѣтъ.

Потому стрѣлочкѣ цѣны-то нѣтъ:

Во вострой конецъ былъ вращенъ гвоздочекъ шелом-
чатый,

90. А во середочку былъ вращенъ камешечикъ самоцвет-
ный,

А во тупой конецъ было вращено золото перо орлиное,
Того было орла заморскаго.

Самъ себѣ призадумался:

«Стать мнѣ этихъ стрѣлокъ пострѣливати,

95. « То не наполнить мнѣ ищѣнья во чисто поле.»

Тутъ онъ на той горы шеломчатая

Не могъ найти себѣ поединщика;

И спустился съ той горы шеломчатая,

Увидалъ на сыромъ дубу ворона чернаго-граючаго,

100. Говорилъ онъ ворону таковы слова:

« Ай же ты, воронъ, птица вѣщая!

« Натяну я свой тугой лукъ;

« Кладу свою калену стрѣлу,

« Спущу твою я тушу о сыру землю,

105. « И распущу твою перье по чисту полю,

« И пролью твою кровь по сыру дубу,

« Предамъ тебѣ я смерть да скорую:

- « Не попадай впереди сидьнаго-могучаго богатыря!»
 Какъ воронъ провѣщалъ голосомъ человѣческимъ:
 110. — Ай же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Ты не бей-ка ворона на сыромъ дубу,
 — Не давай-ка смерти напрасныя:
 — Поѣзжай ты впередъ по чисту полю,
 — Найдешь себѣ поедищика,
 115. — По плечу себѣ супротивника:
 — Столько не будетъ съ тебя съ молодца дѣло попра-
 виться *) .—

- На той на радости на великія,
 Какъ поѣхалъ онъ впередъ по чисту полю,
 Какъ наѣхалъ онъ на ступь лошадиную:
 120. Проѣхано впереди его у богатыря,
 У лошади-то скакано,
 Вывертывана копытами мать сыра земля,
 Какъ сильными рѣшатами.
 Онъ поѣхалъ вслѣдъ по слѣду лошадиному,
 125. Засталъ богатыря во чистомъ полѣ.
 Раздернуть у богатыря шатеръ бѣль-полотняный,
 Поставлена лошадь бѣлая
 Къ тому шатру полотняному,
 Насыпано въ полость бѣлую пшеницы бѣлояровой.
 130. Такъ онъ поглядѣлъ какъ на того коня богатырскаго, —
 Еще не такъ обѣдланъ его добрый конь,
 Еще покрѣпче подтянуты подпруги богатырскія:
 Онъ тутъ-то сталъ да пораздумался:
 « Теперь-то мнѣ на уздѣ какъ поѣхати—не уѣхати.
 135. « Какъ въ шатеръ итти—такъ убѣетъ меня богатырь:
 « Да-ко я поставлю своего бурушка косматаго
 « Ко одной ко долости ко бѣлымъ
 « Ко одной пшеницы бѣлояровой:
 « Ежели кони стануть смирно ѣсть ту пшеницу бѣлоя-
 рову,
 140. « То пойду въ шатеръ,—меня не тронетъ богатырь;

*) Только не доставеть у тебя силы поправиться съ супротивникомъ.—Изд.

- « Ежели кони драгъся стануть у той пшеницы бѣлоя-
ровой, —
- « Я поѣду на уѣздъ, ежели могу *) уѣхати.»
- И становилъ добра коня къ одной ко полости-то бѣ-
лой,
- Къ одной пшеницы бѣлояровой:
145. Кони смирно стали ѣсть ту пшеницу бѣлоярову:
Онъ пошелъ въ шатеръ бѣлополотняный,
Кресты онъ тамъ сполна кладетъ по писаному,
Какъ поклоны вель-то по ученому,
— Намъ клонился на всё четыре стороны;
150. Поглядить какъ—въ углу спить богатырь,
Спить-то храпѣть—какъ порогъ шумить;
Какъ порогъ шумить, какъ сильвый;
Поглядѣлъ богатырю въ очи лсныя
На его на надпись богатырскую, —
155. Ажно спить казакъ Илья Муромецъ.
Онъ сталъ будить какъ богатыри,
Срычалъ онъ громкимъ голосомъ:
« Вставай-ка ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Пора вамъ ѣхать ко славному ко городу ко Киеву,
160. « Ко славному князю ко Владимиру,
« Ко ранней обѣденки воскресенскія.»
- Онъ спить да не пробудится.
Онъ второй разъ срычалъ громкимъ голосомъ, —
Спить богатырь да не пробудится.
165. Срычалъ онъ въ третій наконъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ, во всю голову:
« Вставай-ка ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Намъ пора ѣхать ко славному ко городу ко Киеву,
« Ко славному князю ко Владимиру,
170. « Ко ранней обѣдни воскресенскія.»
Онъ отъ крѣпкаго сну пробуждается,
Какъ самъ говорить таковы слова:
— Ты скажи-ка, добрый молодець,
— Ты съ коей земли, ты съ коей орды,

*) Не могу ли. — Изд.

175. — Какъ ты, молодца, именемъ зовуть,
 — Ты какого отца, какой матери,
 — Ты на что меня будишь отъ крѣпкаго сну бога-
 тырскаго,
 — Аль тебя бьютъ во чистомъ полѣ мурзы-Татара по-
 ганые,
 — Аль самому тебѣ хочется со мной съѣздить во чисто
 поле,
180. — На дѣло на ратное, на побойще смертное;
 — Кто изъ насъ повывесетъ изъ чиста поля буйны
 головѣ?—
 Онъ тутъ какъ порасплакался:
 « Ай же, старой казакъ Илья Муромецъ.
 « Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
185. « Я изъ той земли, изъ богатой орды,
 « Изъ Корелы богатая,
 « Есть молодой бояринъ Дюжъ Степановичъ.
 « А я не на то тебя будить,
 « Чтобы ѣхать на дѣло на ратное:
190. « Чтѣ мнѣ ѣхать въ чисто поле,
 « Когда у тебя на бою смерть не написана?
 « Мнѣ ѣхать—только положить своя буйная головушка!
 « А я на то будить тебя,
 « Что мнѣ будетъ надежный товарищъ во чистомъ
 полѣ,
195. « Повыучить ко всей поѣздкѣ богатырскай.»
 Старому казаку Ильѣ Муромцу
 Его рѣчь прилюбилася;
 Вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
 Какъ бралъ молодаго боярина за бѣлыя руки;
200. Цѣловалъ во уста во сахарныи,
 Называлъ меньшимъ крестовымъ братцемъ.
 Тутъ какъ два удалыхъ два молодца
 Садилась за столики дубовыи,
 Начали пить зелено вино,
205. Запивать медами стоялыми,
 Закусывать колачиками крупичатыми.
 На тую на пору на времячко

- Наѣхалъ изъ чиста поля поганое Идолище;
 Становилъ какъ добра коня ко ихъ шатру,
210. Ко ихъ шатру бѣлополотняному,
 Самъ пошелъ въ нихъ шатеръ бѣлополотняный;
 Какъ приходилъ въ шатеръ бѣлополотняный,
 Русскому Богу не молится,
 Имъ молодца не клонится,
215. Не клонить буйныя головы;
 Какъ говорить старый казакъ Илья Муромецъ
 Поганому Идолищу:
 — Ай же ты, поганый Идолище!
 — Ты садись-ка съ нами хлѣба кушати,
220. — Пить водочекъ сладкихъ,
 — Медовъ стоядыхъ. —
 Какъ говорить поганый Идолище:
 « Что мнѣ садиться съ вами кушати?
 « Какъ у васъ одна малая булочка:
225. « Я ѣмъ по быку семилѣтнему къ выти *),
 « По бѣлой лебеди на разъ закусываю.»
 Такъ тутъ и говорить старый казакъ Илья Муромецъ:
 — Очень же ты силенъ есть! —
 Говоритъ поганое Идолище:
230. « Я силенъ-то есть;
 « Проѣхалъ я Турецію и Швецію,
 « Казань, и Рязань, и Вострахань,
 « Не могъ себѣ найти я по плечу поединщика.»
 И говорить старый казакъ Илья Муромецъ:
235. — Теперь-то ты наѣхалъ себѣ по плечу поединщиковъ;
 — Ежели повѣдешъ съ нашего шатра бѣлополотня-
 наго,
 — Тогда не найдется тебѣ больше поединщика.
 — Ай же, поганый Идолище!
 — Послушай-ка, что я тебѣ скажу:
240. — Какъ во славномъ во городѣ во Муромѣ,
 — Въ томъ селѣ Карачаевѣ,
 — У родителя у батюшка

*) За одинъ разъ, на одинъ кормъ. — Изд.

- Какъ была добыта—та обжорлива:
 — Жрада до возу сѣна къ выти,
 245. — По лохани пила варенины;
 — Жрала-жрада, такъ ее и треснуло;
 — Такъ тебя, удалого молодца, какъ не треснетъ!—
 Ему рѣчи не прилюбился, поганому Идолищу;
 Схватилъ вострой ножнице—кинжалнице,
 250. Бросилъ во стараго казака Илью Муромца.
 Онъ зналъ увертки богатырскія;
 Увернулся отъ раза великаго,
 Скоро скочилъ онъ на рѣзвы ноги,
 Хватилъ онъ шляпу пуховую,
 255. Честнулъ его шляпой пуховою,—
 Поганый Идолище палъ о матушку сыру землю,—
 И столько онъ и живъ бываеъ.
 Тутъ два братца, два крестовые,
 Выходили на улушку широкою;
 260. То старый казакъ Илья Муромецъ
 Бралъ коня поганаро Идолища,
 Честнулъ межъ очи ясныя своей палицей желѣзною,—
 Тотъ конь—то палъ на матушку сыру землю,
 И мертвой лежитъ.
- *
265. Тутъ два братца, два крестовые,
 Какъ сажился на добрыхъ коней,
 Поѣхали ко славному ко городу ко Киеву.
 Старой казакъ Илья Муромецъ
 Припускаетъ на добромъ конѣ во всю пору лошадиную,
 270. А молодой бояринъ на бурушкѣ своемъ косматомъ
 Обскакивалъ Илью Муромца.
 Не доѣхали до города за три поприща,
 Становилъ старый казакъ Илья Муромецъ во чистомъ
 Самъ говоритъ братцу крестовому:
 275. — Поѣзжай-ка ты, братецъ, во славный во городъ во
 Киевъ,
 — Посиѣшь ко ранней обѣденки воскресенскія.

- Дядя тебя солнышко князь стольно-Кіевскій
 Станеть звать тебя отъ обѣдни на почестной пирѣ,
 — Тебя будетъ на поѣздѣ жаловать
280. — Многой безсчетной золотой казной;
 — А станутъ ли тебя обижать во городѣ во Кіевѣ,
 — Держи-ко ты ко мнѣ вѣсточку во чисто поле,
 — Къ моему шатру белополюваному,—
 — Такъ тогда не обидятъ, больше во городѣ во Кіевѣ.—
285. Тутъ поѣхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Ко славному ко городу ко Кіеву.
 Онъ поспѣлъ къ ранней обѣденки воскресекіи;
 Пріѣзжалъ ко церкви ко соборній,
 Спускался онъ со добра коня;
290. Становилъ какъ отъ добра коня
 Ко столбику ко точеному, ко колечку волоченому,
 Куда ставить коней сильные-могучіе богатыри;
 Шель во церковь въ соборньюю;
 Кресть-то сполна кладеть по писаному,
295. Поклонъ ведетъ по ученому,
 Клонилъ на всѣ четыре стороны,
 Солнышку князю съ княгиней Авраксией въ особину.
 Тутъ его не узналъ солнышко Владимиръ князь,
 Не бывалъ онъ во городѣ во Кіевѣ,—
300. Самъ говорилъ таковы слова:
 — Скажись-ка ты, добрый молодець,
 — Съ коей земли, съ коей орды,
 — Коего отца и какой матушки,
 — Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?—
305. Онъ отвѣчалъ ему таковы слова:
 « Я изъ той земли, изъ богатой орды,
 « Изъ той Корелы богатія,
 « Изъ славнаго города изъ Галича,
 « Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.»
310. Тутъ-то у солнышка князя у Владимера
 Стоялъ подъ рукою подъ правую
 Молодой Чурила сынъ Пленковичъ;
 Говорилъ Чурила таковы слова:

- « Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій! —
 315. « Это есть не молодой бояринъ Дюкъ Степановичь,
 « А это есть пастушина деревенская,
 « Либо халуина господская:
 « Уѣхалъ онъ отъ купца, либо отъ барина,
 « Угналъ онъ добра коня;
 320. « А для того онъ называется добрымъ бояриномъ,
 « Чтобы ты для его забралъ столованье — почетный
 пиръ,
 « На поѣздѣ нажаловалъ многою безсчетной золотой
 казной.»

Онъ спросилъ его и въ другой разокъ:

- Ты скажись, добрый молодець,
 325. — Ты скажи да правду истинну,
 — Ты какой земли, ты какой орды,
 — Какъ ты, молодца, именемъ зовутъ?—
 « Ай же ты, солнышко князь стольно-Кіевскій!
 « Я изъ той земли, изъ богатой орды,
 330. « Изъ той Кореды богатыя,
 « Изъ славнаго города изъ Галича,
 « Какъ есть молодой бояринъ Дюкъ Степановичь.»
 Опять и говоритъ Чурла такovy слова:

- « Ай же, солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій!
 335. « [Дѣйствительно] не молодой бояринъ Дюкъ Степа-
 новичь,
 « Пастушина деревенская, или халуина господская:
 « Уѣхалъ онъ отъ купца, или отъ барина,
 « Угналъ онъ добра коня;
 « И для того онъ называется молодымъ бояриномъ,
 340. « Чтобы ты для его забралъ столованье — почетный
 пиръ,
 « На поѣздѣ нажаловалъ многою бессчетной, золотой
 казной.»

Онъ спросилъ его во третій разокъ:

- Ты скажись, доброй молодець,
 — Ты какой земли, ты какой орды,
 345. — Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?—
 Онъ опять отвѣчаетъ ему такovy слова:

- « Ай же ты, солнышко князь, стольно-Кіевскій! »
 « Что ты сталъ у меня спрашивать? »
 « Вѣдь я пріѣхалъ къ вамъ не для хлѣба не для соли,
 350. « Да не для безсметной зодотой казны
 « И не для честныхъ пировъ:
 « А для того пріѣхалъ, — посмотрѣть вашего города
 Кіева,
 « Потому что про васъ про городъ про Кіевъ
 « Идетъ слава великая
 355. « По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ;
 « И еще пріѣхалъ изъ чиста поля
 « И поспѣлъ ко ранней обѣднѣ воскресенскія,
 « Господу Богу помолитися,
 « Тѣмъ крестамъ пречуднымъ,
 360. « Спасу, Пречистой Богородицѣ.
 « Прослужу я модебецъ тѣмъ крестамъ пречуднымъ,
 « И побѣду вонъ изъ города изъ Кіева,
 « Послалъ меня изъ чиста поля старой казакъ Илья
 Муромецъ,
 « То бы я не былъ и во Кіевѣ. »
 365. Тутъ-то солнышко князь, стольно-Кіевскій
 Бралъ его за бѣлы руки,
 Цѣловалъ во уста, во сахарныя,
 Называлъ молодымъ да боярниномъ Дюкомъ Степано-
 вичемъ.

- Столько отошла обѣднѣ воскресенскія,
 370. Какъ бралъ его, солнышко князь, стольно-Кіевскій за
 бѣлы руки,
 Повелъ въ свои податы княжевецкія,
 Приказалъ добра коня привязать на стойла лошадинныя;
 Идутъ-то они по городу по Кіеву
 Къ тѣмъ полатамъ княжевецкімъ,
 375. Молодой бояринъ идетъ — на сапожки поглядываетъ.
 Тутъ-то говоритъ Чурла таковы слова:
 « [Дѣйствительно] есть не молодой бояринъ Дюкъ
 Степановичъ:
 « Онъ идетъ и на сапожки поглядываетъ. »

Тутъ-то говорить молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

380. « Какъ у васъ во Кіевъ всё не по нашему:
 « Нѣтъ мостовъ-то каменныхъ »),
 « Мараются мои сапожки сафьяные во грязь да во чер-
 ную.
 « Во той земли, въ богатой орды,
 « Во той Корелы богатыя,
 385. « Во славномъ во городѣ во Галичѣ;
 « У свѣтъ государыни-матушки,
 « У честной вдовы Афиѣи Александровной;
 « Отъ Божьихъ церквей до своихъ полатъ бѣлокамен-
 ныхъ
 « Вымощены мосты каменны,
 390. « Настланы сукна одинцовыя.»
 Тутъ они прошли въ полаты княженецкія,
 Тутъ солнышко Владимиръ князь
 Забиралъ для удалаго молодца столованье—почестный
 пирь,
 Многихъ князей и бояриновъ думныхъ,
 395. И вельможъ, купцовъ богатыхъ,
 И поляницъ удалыхъ; и Русейскихъ могучихъ бога-
 тырей.
 Пошло у нихъ столованье—почестный пирь:
 Какъ тутъ всё на пиру нашивались,
 Какъ всё на пиру нахвалялись,
 400. Похвальбами всё похвалялись;
 Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ похваляется:
 Иной хвастаетъ безсчетной золотой казной,
 Иной хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
 Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
 405. Иной хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
 Иной молодымъ молодечествомъ,
 Умной и разумной хвастаетъ
 Старымъ батюшкой и старой матушкой,
 А безумной дуракъ хвастаетъ молодой женой.
 410. Молодой бояринъ сидитъ — да ни чѣмъ онъ не хва-
 стаетъ;

*) Кашиновыкъ. — Изд.

- Потому онъ не хвастаетъ,
 Что чару пьеть,—а другу за окошко льеть,
 Колачикъ ѣсть,—а другой подъ столъ мечеть,
 А съ инаго верхнюю корочку вырѣжетъ,— на столъ
 кладеть,
415. Середочку самъ онъ съѣстъ,
 А нижнюю корочку подъ столъ кинеть,
 И увидѣлъ его солнышко Владимерь князь:
 Что же ты, молодой Дюкъ Степановичъ,
 Нару пьешь,—другу за окошко льешь,
420. — И колачикъ ѣшь,—другой подъ столъ мечешь,
 — Съ инаго верхнюю корочку вырѣжешь — на столъ
 кладешь,
 — Середочку самъ ты съѣшь,
 — А нижнюю корочку подъ столъ кинешь?
 Опять и говоритъ молодой бояринъ такими слова:
425. « Не могу я ѣсть вашихъ колачиковъ,
 « Не могу я пить вашихъ напитокочекъ сладкихъ,
 « Потому что ваши напитокочки сладки, недм да стояме
 « Повѣдены въ погреба глубокіе,
 « Туда не ходятъ вольные воздуи,—
430. « Они тамъ заткнулися *):
 « Потому, и не могу я пить вашихъ сладкихъ напитокоч-
 ковъ.
 « А у васъ еще печки кирпичныя, помилыца сосновыя,
 « Пашуть печки кирпичныя,
 « Пекутъ колачки крупичаты,—
435. « Они пахнутъ на фомъ **) сосновую:
 « Для того я не могу ѣсть и колачиковъ.
 « Въ той-то земли, во богатой орды,
 « Во той Корееы богатая,
 « Во славномъ городѣ во Галичѣ,
440. « У свѣтъ государыни-матушки,
 « У честной вдовы Аѳимьи Александровной,
 « Есть у насъ печки муравлены,

*) Сдѣлалися заткными, злозисис.—Изд.

**) На хвою.

- « Помяльчика шелковыя,
 « Купаютъ въ росу медовую.—
445. « Пашутъ печки муравлены,
 « Пекутъ полатыи крупчатые:
 « Колачикъ съѣшь,—другаго хочется,
 « Другой-то съѣшь,—по третей душа горитъ.
 « Эта хвальба да не похвальба:
450. « Какъ водонки сладкія, меды столыя
 « Повѣшены въ погреба, глубоки въ бочкахъ сороков-
 кахъ,
 « Бочки вьслетъ на шѣняхъ на желѣзныхъ,
 « Туда подведены вѣтры буйныя;
 « Повѣютъ вѣтры буйныя въ чистомъ полѣ,
455. « Пойдутъ какъ воздушныя погребамъ,—
 « И заговетъ бочки какъ лебеди,
 « Какъ лебеди на тихикъ на заводихъ:
 « Такъ отъ того же заткнутся водочки сладкія
 « И меды столыя;
460. « Какъ мару пьешь,—другой хочется,
 « Другую пьешь,—по третей душа горитъ.»
 Тутъ какъ говоритъ солнышко Владимиръ князь:
 — Ай какъ бы на это на перу на времячно
 Быгыбы молодой Чурило сынъ Пленковичъ,
465. — Онъ бы зналъ, что съ тобою поговорить!—
 « Скоро-на-скоро двери на пяты отворятся,
 Чурило въ покои появляется;
 Крестъ-то онъ кладаль по писаному,
 Поклонъ онъ ведегъ по ученому,
470. Кланяется на всѣ четыре на стороны,
 Князю съ княгиней Апраксией въ особину.
 Протчимъ всѣмъ князьямъ и боярамъ душнымъ,
 Вельможамъ и купцамъ богатымъ,
 И полянцамъ удачнымъ,
475. И сильнымъ-мощнымъ богатырямъ всѣмъ въ особину;
 А ему не клонитъ буйныя головы.
 Тутъ говорилъ бояринъ Дюкъ Степановичъ таковы
 слова:
 « Аи же, солнышко Владимиръ князь, стольно-Кіевскій!

- « Это кто пришель къ вамъ съ полаты бѣнокаменны, —
 480. « Настоящая пастушина деревенская,
 « Аль будте цень залоский *)?
 « Онъ зналъ-то Господу Богу поклоняться
 « И тебѣ князю поклонится,
 « А миѣ, удалому забъжему доброму молодцу,
 485. « Не клонитъ буйвыя головы!
 Тутъ съ Чурилой вошло слово за слово,
 Тутъ съ Чурилой пороссорились.
 Говоритъ молодой бояринъ Дюнь Степановичъ таковыя
 слова:
 « Ай же ты, молодой Чурило сынъ Пленковичъ!
 490. « Можешь ли ты со мною споровать?
 « Ты передо мною пастушина деревенская,
 « Въ той-то землѣ, въ богатой орды,
 « Во той Корелы богатая,
 « Во славномъ городѣ во Галичѣ,
 495. « У свѣтъ государыни-матушки,
 « У честной вдовы Афины Александровной,
 « У насъ какъ цвѣтны платья не держатся:
 « Потому жъ оны не держатся,
 « Что швецы у насъ не выводятся;
 500. « Та толпа швецовъ со двора сошла,
 « А другая толпа швецовъ да на дворъ пришла!
 « Это хвальба да не похвальба:
 « Ездъ нѣсколько лошадей — стоятъ на стойлахъ лоша-
 динныхъ,
 « Всѣ зоблютъ пшеницу бѣлоярову,
 505. « Только выскочать на чисто поле прогулятися.
 « Это хвальба да не похвальба:
 « Ездъ насыщало двѣнадцать погребовъ, всё глубокихъ,
 « Краснаго золота, чистаго серебра, мелкаго скачнаго
 жемчуга;
 « На одинъ я на погребъ — на красное на золото —
 510. « Скуцаю и спродамъ вашу городъ Кіевъ.»
 Тутъ солнышку князю рѣчи не прілюблился:

*) Вспомини при этойъ грубаго Злашчанина. — Ид.

- Какого намъ послать общѣнника,
 — Общѣнить животы всѣ Дюковы?
 — Ежели послать смѣлаго Алѣшу Поповича,—
 515. — У его глаза завидные-поповскіе,
 — Заглядятся у него глаза на Дюково имѣнье-богачество,
 — Такъ не общѣнить живота Дюкова;
 — А ежели послать молода Чурилу сына Пленкова,—
 — Такъ тотъ щापляетъ межъ бабами да межъ дѣвками,—
 520. — Такъ не общѣнить Дюкова живота.
 — Надо послать грамотой востраго,
 — На рѣляхъ разумнаго, съ гостями почестливаго:
 — Послать иваго некого,—
 — Послать молода Добрыню Никитича!—
 525. И записали молодаго Добрыню Никитича общѣнникомъ,
 Общѣнвать Дюковыхъ животовъ.
 Какъ тутъ навалили три тельги ордынскія бумаги гербовыя,
 И отпускали во городъ во Галицу молодаго Добрыню Никитича.

Скоро скажется, а по спѣху дѣло дѣется.

530. Какъ скоро будетъ Добрыня Никитичъ
 Во славномъ во городѣ во Галичѣ,
 И не знаетъ, гдѣ найти Дюковой матушки.
 — Поглядеть какъ — народъ идетъ отъ обѣдни воскресенскія;
 Онъ спросилъ у нѣкоторыхъ людей про Дюкову матушку,
 535. Говорили ему таковы слова:
 «А не найти тебѣ Дюковыхъ полаты бѣлокаменныхъ
 скоро,
 «А дожидай, — идетъ Дюкова матушка отъ обѣдни воскресенскія,
 «То она сама покажетъ полаты бѣлокаменныя.»
 Онъ и поглядить: ведутъ стару старуху, старо-матеру.
 540. Подъ руку пять дѣвицъ и подъ другую пять дѣвицъ.
 Онъ зашелъ спереду и поздравствовался:

- «Здраствуйте, Дюкова матушка!»
 Она говорить:—Я не Дюкова матушка,
 —А я Дюкова халуиница;
545. — Дюкова матушка назади идетъ.—
 Поглядить: а ижно ведутъ вторую,
 Старую старуху, старо-матеру,
 Подъ руку десять дѣвиць
 И подъ другую десять дѣвиць.
550. Онъ зашелъ спереду—поздраствовалъ:
 «Здравствуй, Дюкова матушка!»
 Она говорить:—Я не Дюкова матушка,
 —Дюкова я рукомойница.—
 Третью ведутъ старуху, старо-матеру;
555. Подъ руку ведетъ пятнадцать дѣвиць,
 И подъ другую ведутъ пятнадцать дѣвиць.
 Онъ зашелъ спереду и поздраствовалъ:
 «Здраствуйте, Дюкова матушка!»
 Она говорить:—Я не Дюкова матушка,
560. —А Дюкова постельница;
 —Дюкова матушка позади идетъ.—
 Поглядить: а ижно четвертую ведутъ
 Старую старуху, старо-матеру,
 Подъ руку двадцать дѣвиць
565. И по другую руку двадцать дѣвиць.
 Онъ зашелъ спереду и поздраствовалъ;
 «Здраствуйте, Дюковая матушка!»
 —Я не Дюкова матушка,
 —А я Дюкова колашница;
570. —Дюкова матушка позади идетъ,—
 Поглядить: а ижно пятую ведутъ,
 Старую старуху, старо-матеру,
 Подъ руку ведутъ тридцать дѣвиць
 И по другую тридцать дѣвиць;
575. Надъ ней несутъ подсолнечникъ,
 Чтобы отъ краснаго солнца не запеклось ея лицо бѣлое;
 Впереди стелютъ сукна одинцовыя,
 Сзади сукна убирають;
 У ней надѣто платье цвѣтное,

580. На платьѣ подведена луна поднебесная,
 Пекеть красное солнышко
 И свѣтитъ свѣтель мѣсяць,
 Разсыпаются частыя-мелкія звѣздочки.
 Онъ зашелъ тутъ спереди и поздравлялъ:
585. « Ты, здравствуй, Дюковая матушка!»
 Она брала его за бѣлыя руки,
 Цѣловала во уста во сахарныя,
 Называла его удалымъ-добрымъ молодцемъ:
 — Здравствуй, удалый-добрый молодецъ!
590. — Съ коей земли, съ коей орды,
 — Коего отца, какой матушки.
 — Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?—
 Онъ говорить: « Я изъ той земли, изъ богатой орды,
 « Изъ славнаго города изъ Кіева,
595. « Молодой Добрыня Никитиничъ.
 « Я видѣлъ твоего сына любезнаго во городѣ во Кіевѣ,
 « У солнышка князя у Владимера на честномъ пиру:
 « Онъ хвасталъ тобою, матушкою,
 « И несчетной золотой казной;
600. « Такъ я прѣхалъ опасывать вашихъ животовъ.»
 Она говорить ему таково слово:
 — Ай же, молодой Добрыня Никитиничъ!
 — нашихъ животовъ тебѣ не описать и не оцѣнять.—
 Брала за бѣлыя руки,
605. Повела въ полаты бѣлокаменны,
 Садла за тѣ столы дубовыя, за яства сахарныя,
 Подносила ему колачики крупичаты,
 Водочки сладкія, меды стоялыя.
 Онъ какъ чару пьетъ,—другой хочется,
610. Другую пьетъ,—по третьей душа горить;
 Колачикъ ѣсть,—другой хочется,
 Другой ѣсть,—по третьемъ душа горить.
 Она и говорить ему таковы слова:
 — Ай же, Добрыня Никитиничъ!
615. — Пора тебѣ итти мои животы описывать.—
 Вела она ко первому погребу—къ красному золоту;
 Приказала золото выкатывать:

Онъ сдержалъ *) три телѣги ордынскія бумаги гербовыя,

Но не хватило одного погреба описать.

620. Она повела по другимъ по остатнимъ по погребамъ:

Онъ столько головой пошатываетъ.

Повела, гдѣ висятъ платья цвѣтныя:

Онъ столько головкой пошатываетъ

И не можетъ принять ума-разума.

625. Повела, гдѣ стоятъ добры кони:

Онъ столько головкой пошатываетъ.

Какъ тутъ онъ скорымъ-скоро сѣдился на добра коня,

Въхалъ ко славному ко городу ко Киеву,

Ко славному солнышку князю ко Владимиру.

630. Прѣзжалъ къ солнышку князю ко Владимиру

И говоритъ ему таковы слова:

«Ай же ты, солнышко князь столько-Кіевскій!

«Гдѣ намъ оцѣнить Дюковы животы?!

«Какъ я сдержалъ три телѣги ордынскія бумаги гербовыя,

635. «Но не могъ оцѣнить одного погреба;

«А всѣхъ насыпано двѣнадцать погребовъ глубокіихъ;

«Сколько виситъ платья цвѣтнаго,

«Сколько стоятъ добрыхъ коней на стойлахъ кони-
внихъ,—

«Не найти намъ оцѣнщиковъ во славномъ городѣ во
Кіевѣ;

640. «И не наполнить бумаги гербовыя

«На ивънице на Дюково.»

И говоритъ молодой Чурила сынъ Пленковичъ:

«Ай же, солнышко Владимиръ князь!

«Подкупилъ Добрынюшку молодой Дюкъ Степано-
вичъ.»»

645. Говоритъ молодой Чурила сынъ Пленковичъ:

««Когда много у него ивъня-богачества,

««Ударить съ ивъ о великъ закладъ,

*) Издержалъ, потратилъ. — Изд.

Обуваль Чурила сынъ Пленковичъ сапожки — зеленъ
сафьянъ,

Пряжечки серебряны на тыхъ гвоздочкахъ позолоче-
ныхъ,

Надѣвалъ шубу черныхъ соболей заморскіихъ;

Во пуговики-то было влито по доброму молодцу,

685. А въ петелки-то было вплетено по красной дѣвушкѣ:

По петелкамъ какъ поведеть,—

Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина

И подносятъ добрымъ молодцамъ;

А по пуговкамъ поведеть,—

690. Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты,

Розвеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.

А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Обуваль лапотцы семи шелковъ;

Въ носы-то вплетено по золотому дорогому гвоздочку
шеломчатому,

695. А въ пяты-тѣ вплетено по камешечку самоцвѣтному:

Днемъ итти—какъ по красному солвышку,

Ночью итти—какъ по свѣтлому мѣсяцу;

Надѣвалъ онъ шапочку со рогавками:

У шапочки висятъ камешечки самоцвѣтные,

700. Отъ камешечковъ печеть какъ отъ краснаго отъ сол-
нышка;

Надѣвалъ какъ шубу черныхъ соболей,

Черныхъ соболей заморскіихъ,

Подъ дорогимъ подъ самитомъ *),

Во петелки-то было вплетено по лютой змѣи,

705. Во пуговики-то было влито по лютому звѣрю:

По петелкамъ какъ поведеть,—

Такъ всѣ змѣи засвищутъ во всю голову;

По пуговкамъ какъ поведеть,—

Тутъ всѣ люты звѣрья закрываютъ во всю голову;

710. Отъ ихъ свисту змѣинаго и крику звѣринаго,

Хоть сколько будь народу около Дюка Степановича,

Такъ всѣ будутъ на земли лежать.

*) Аksamитомъ, бархатомъ.— *Пад.*

- Какъ прѣзжали они ко церкви соборній,
 Спускалися съ добрыхъ коней,
 715. Стамовили добрыхъ коней ко столбику ко точеному,
 Ко столбику ко точеному и къ колечку золоченому,
 Куда ставятъ добрыхъ коней сильныя-могучіе бога-
 тыри;
- Шли они во церковь соборную,
 Крестъ-то кладали по писаному,
 720. Поклонъ вели по ученому,
 Клонились на всѣ четыре стороны,
 Солнышку князю съ княгиней въ особину,
 Становилися противъ Божьей Матери,
 Простояли обѣдню воскресенскую,
 725. Пошли они вонъ изъ церкви изъ соборній,
 Выходили на улицу широкую;
 Солнышко князь стально-Кіевскій
 Бралъ во праву руку молодого боярина Дюка Степа-
 новича,
 Во лѣвую руку Чурилу сына Пленкова;
 730. Пошли они шадить по городу по Кіеву.
 Молодой Чурила сынъ Пленковичъ
 Повелъ какъ по петелкамъ,—
 Красныя дѣвушки начали наливать зелена вина,
 Подносить добрымъ молодцамъ;
 735. Повелъ какъ по пуговкамъ,—
 Добрыя молодцы начали играть во гусли яровчаты,
 Начали свеселять красныхъ дѣвушекъ.
 Говорилъ какъ солнышко Владимиръ князь:
 — Ай же, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 740. — Хоть хороша у тебя шуба черныхъ соболой,
 — Только шѣту у тебя такихъ хитростей:
 — Пробилъ ты денегъ тридцать тысячей!
 Говорилъ бояринъ таковы слова:
 «А не дороги мнѣ деньги тридцать тысячей,
 45. «А дорога мнѣ слава великая:
 «Не поддамся я вашему городу Кіеву!»
 Повелъ какъ онъ по пуговкамъ,—
 Всѣ люты звѣрья закрычали во всю голову;

Какъ повелѣ' онѣ по петелкамъ,—

750. Всѣ люты змѣи засвистали во всю голову;
Отъ свисту да змѣянаго и отъ крыку звѣринаго,—
Много было народа около Дюка Степановича,—
Всѣ на зени лежать;
Молодой Чурила на земли лежитъ,
755. Князь окаракою стоитъ,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
На ногахъ стоитъ.
Вставалъ какъ солнышко князь на рѣзвы ночи,
Говорилъ онѣ таковы слова:
760. — Ай же, молодой Чурило сынъ Пленковичъ!
— Мы пробили денегъ тридцать тысячей:
— У насъ нѣту хитростей такихъ великихъ!—
Тутъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
И молодой Чурила сынъ Пленковичъ порозпорили;
765. И говоритъ молодой Чурило сынъ Пленковичъ:
« Ай же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
« Ударимъ мы о великъ закладъ,
« О великъ закладъ — о буйныхъ головахъ:
« Котораго конь изъ насъ
770. « Перескочить матушку Нѣпру рѣку,—
« А матушка Нѣпра рѣка ровно три версты,—
« А котораго конь не перескочить,
« Тому отрубить буйная голова;
« А самымъ сидѣть верхомъ на добрыхъ коняхъ,
775. « Ъхать черезъ матушку Нѣпру рѣку. »
Взяли они — ударили о великъ закладъ,
О великъ закладъ—о буйныхъ головахъ.
На завтрашній имъ день съѣзжатися.

Такъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

780. Шелъ къ добру коню на стойла конныя,
Самъ да поросплакался;
« Ай же, мой бурушко косматый!
« Не знаешь ты про мою незгуду великую:
« Ежели ты не перескочишь чрезъ матушку Нѣпру
рѣку,

785. « Такъ мнѣ отсѣкутъ-то буйну голову,
 « А матушка Нѣпру рѣка въ ширину-то ровно три версты;
 « Ежели не перескочишь черезъ матушку Нѣпру рѣку,
 « То поѣду я искать своего брата крестоваго,
 « Старога казака Илью Муромца. »
790. Конь провѣщаль азыкомъ человѣческимъ:
 — Не плачь ты, любезный хозяинъ мой,
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Не то, что черезъ матушку Нѣпру рѣку, —
 — И что *) отъ рѣки впередъ скочу ровно три версты;
795. — Полно плакать молодому-то боярину! —
 На другой день какъ прѣзжалъ онъ ко матушкѣ Нѣпру рѣкѣ.
 И много тутъ соѣзжалось сильныхъ-могучихъ богатырей,
 И много иннаго-прочаго народу,
 Смотрѣть, какъ будутъ скакать
800. Черезъ матушку Нѣпру рѣку
 Два удалыхъ-добрыхъ молодца.
 И прѣзжалъ старый казакъ
 Илья Муромецъ изъ чиста поля,
 И здоровкался съ молодымъ бояриномъ,
805. Молодымъ бояриномъ, братцемъ крестовымъ,
 Здоровкался и самъ спросилъ его:
 — Ай же, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Ты всё время проживаешь во Кіевѣ,
 — Проживаешь за какими-то случаями? —
810. « За тѣмъ я проживаю,
 « Что спорю съ молодымъ Чурилой сыномъ Пленковичемъ:
 « Котораго нынѣ конь не перескочитъ
 « Черезъ матушку Нѣпру рѣку,
 « То тому отсѣчь буйну голову. »
815. И говорилъ старой казакъ да Илья Муромецъ
 Молодому Чурилы сыну Пленкову:

*) Ишто, еще. — *Изд.*

850. — Пускай шатается межъ бабами, межъ дѣвками! —
 То молодой бояриць Дюкъ Степановичъ
 Пулъ его подъ ж...:
 « Поди—шляйся межъ бабами, межъ дѣвками,
 « Не вяжись между насъ, между русскими могучицъ
 богатырями:
855. « Пусть ты бабій умоленникъ
 « И старушій упрощивальникъ!»
 Тутъ какъ говоритъ солнышко князь стольно-Кіевскій:
 — Видно, дѣлать намъ нечего
 — Съ молодымъ да съ бояриномъ съ Дюкомъ Степановичемъ! —
860. Тутъ со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ,
 Со братцемъ крестовымъ,
 Садилась на добрыхъ коней,
 Поѣхали ко солнышку ко князю Владимиру,
 Во его податы княжецецкія.
865. Тутъ-то узнали молодого боярина
 По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ;
 Тутъ-то сталъ вездѣ повѣживать
 Со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ,
 Со братцемъ крестовымъ.
870. Дунай, Дунай,
 Да болѣ вѣкъ не знай!
 (Отъ Сумозерскаго крестьянина Андрея Сорочина, записано 1861 г.)

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЬ.

31.

(Кижская волость).

Лѣсы темные, подходили лѣса ко городу Смоленскому;
 Горы-ты высокія Сорочинскія;
 Чисты поля подходили ко городу ко Обскому *);
 Мхи да болота по Бѣлу-озеру;

*) Ко Опскову.

5. Рѣки-озера по Синю морю.
 Была какъ тутъ матушка Волга рѣка,—
 Широка и долга она,—
 Прошла она мимо Казань, Рязань и мимо Астрахань,
 Выпадала она устьемъ во Сине море.
10. Въ море Синее, во Турецкое.

- За *) того ли моря, моря за Турецкаго,
 Съ-подъ того ли то дуба, дуба сыраго.
 Изъ подъ того ли то вяза, вяза чернаго **),
 Изъ подъ той-то было березы кудреватия,
 15. Изъ подъ того креста Леванидова,
 Изъ за того ли было острова Кодольскаго,
 Той-то земли Веденецкія ***) ,
 Плыло-выплывало три карабля,
 Три карабля да три черные.
20. Всѣмъ карабля изокрашены:
 Носъ да корма по звѣриному была,
 А бока-тѣ были по туривому;
 Якори-кодолы все серебряные,
 Тонкіе даруса дорогой камки;
 25. Дорогой камочки кручатая ****);
 Еще было на карабляхъ черненыхъ,
 Въсто рукъ было бѣлое повѣшено;
 По дороге по зайчику заморскому;
 Въсто личика повѣшено
30. По дорогой лисицы по заморскія;
 Въсто оцей было вращено
 По дороге по соколу заморскому пролѣтному;
 Въсто бровь было повѣшено
 По дороге по соболю заморскому;
35. Въсто лба было вращено
 По дороге камешечку самоцвѣтному;
 Въсто кудрей было повѣшено

*) Изъ за.—Изд.

**) Чернаго, черленаго.

***) Изъ Леленца (по другимъ).—Изд.

****) Хручатая.

По дорогу бобру по заморскому.
Еще было на караблѣ черненыемъ—

40. Подѣланы чердачки помуравлены,
Въ чердачкахъ были бесѣдочки сидѣльныя,
Обиты были лисицами-куницами заморскими
И черными соболями заморскими.

- На этихъ бесѣдочкахъ сидѣльныхихъ,
45. Сидѣлъ тутъ младъ Соловей,
Младъ Соловей сынъ Будиміровичъ *);
По правую по рученьку сидѣла
Свѣтъ его государыни-матушка,
Честна вдова Ульяна Григорьевна;
50. А по лѣвую по рученьку сидѣла
Дружина его хоробрая,
Триста молодцевъ со единымъ,
Молодецъ да молодца лучше,
Молодцы все переборные.
55. У всей дружины хоробрыя
На ножкахъ сапожки—зелень сафьянъ,
Пряжечки серебряны на тѣхъ гвоздочкахъ позолоче-
мыхъ,

Около пяты да воробей летить,
Около носа лицомъ катить;

60. У всѣхъ надѣто платье скурлатъ-сукна,
На головкахъ шапочки черно-мурманки.

Идутъ-бѣжать эти караблечки
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко солнышку князю Владимиру.

65. Говорилъ какъ младъ удалой Соловей
Своей дружинѣ хоробрыя:
« Ай же вы, дружина хоробрая!
« Вы дѣлайте дѣло повелѣное,
« Вы слушайте большого атамана:
70. « Берите-ка щупалы желѣзныя,
« Вы желѣзныя да долгомѣрныя,

*) Пѣвецъ пѣлъ — « Будимировичъ. »

- « Щупайте во славномъ во Синемъ морѣ,
 « Во морѣ да во Турецкомъ,
 « Нѣтъ ли злата, либо серебра,
75. « Либо мелкаго-скачнаго жемчуга.»
 Тутъ поскочила дружина хоробрая,
 Поскочила на рѣзвы ноги,
 Какъ брали они щупала желѣзныя,
 Желѣзныя да долгомѣрныя,
80. Щупали во славномъ во Синемъ морѣ.
 Во морѣ во Турецкомъ:
 Не могли они нащупать ни золота, ни серебра,
 Ни мелкаго-скачнаго жемчуга.
 Опять какъ говорилъ младъ Соловей
85. Своей дружинѣ хоробрыя:
 « Ай же вы, дружина хоробрая!
 « Вы дѣлайте дѣло повелѣное,
 « Вы слушайтесь большаго атамана:
 « Вы берите трубочки подзорныя,
90. « Выставляйте на реи да на верхныя.
 « Глядите-тко на славный на городъ на Кіевъ,—
 « Далеко ли стоитъ славный городъ Кіевъ?»
 Тутъ дружина хоробрая
 Брали трубочки подзорныя,
95. Выставали на реи да верхныя,
 Глядѣли на славный на стольный на городъ на Кіевъ.
 Говорятъ сами таковы слова:
 «« Ай же ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
 «« Не далеко стоитъ славный городъ Кіевъ.»»
100. Какъ подъѣхали ко городу ко Кіеву,
 Становили свои черныя кѣрабли
 Во пристань во купеческу.
 Говорилъ какъ младъ Соловей
 Своей дружинишкѣ хоробрыя:
105. « Ай же вы, дружина хоробрая!
 « Дѣлайте дѣло повелѣное,
 « Слушайте большаго атамана:
 « Берите-тко злотыя ключи,

- « Отмыкайте кованы лачи »),
110. « Насыпайте-тко первую мису красного золота,
« Насыпайте другую чистаго серебра,
« Насыпайте третью мелкаго и крупнаго
« Скачнаго жемчуга,
« Берите-ка сорокъ сороковъ—сорокъ черныхъ соболей,
115. « Куницъ да лисицъ—да и счету нѣтъ,
« Гусей-лебедей—да и смѣты нѣтъ,
« Мечите-ко три сходенки на круть крещонъ **),
« Первую сходенку красного золота,
« Другую сходенку чистаго серебра,
120. « Третью сходенку мѣдную.»
По той какъ по сходенкѣ красного золота
Выходилъ какъ младъ да удалъ Соловей,
Удалъ Соловей сынъ Будиміровичъ;
По той какъ по сходенкѣ чистаго серебра
125. Выходила его свѣтъ государыни-матушка,
Честна вдова Ульяна Григорьевна;
По той какъ по сходенкѣ по мѣдныя
Выходила его вся дружина хоробрая.

Пошли они по славному по городу во Кіеву.

130. Идутъ они къ солнышку князю Владимѣру на широкъ
дворъ.
На широкъ дворъ да княженецкій.
Какъ оставилъ одну половину на томъ дворѣ княже-
недкоемъ,
Со другою пошелъ въ его полаты бѣлокаменны.
Приходилъ какъ въ полаты бѣлокаменны,
135. Крестъ-то сполна кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Какъ клонится на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину,
Молодой Любавы Путятичной въ особину,
140. Протчимъ всѣмъ князямъ [генераламъ] въ особину.

*) Ларчи?

**) Отъ крижъ. — Бережжъ. — Изв.

Дарилъ какъ онъ солнышку князю мису краснаго золота.

Дарилъ княгиню Апраксию мису чистаго серебра,

Дарилъ молодой Любавы Путятичной

Мелкаго и крупнаго скачнаго жемчуга,

145. Дарилъ онъ виѣстяхъ камочку кручатую,

Которая камочка въ красномъ золотѣ не гнется.

Въ чистомъ серебрѣ не ломится;

Не дорого на ней красное золото да чистое серебро,

Столько дорого на ней—[маперы] узоры заморскіе:

150. Нѣтъ таковыхъ во Кіевѣ и не водится.

Дарилъ протчихъ князей да бояриновъ

Онъ лисицами да куницами заморскими,

Черными соболями да заморскими,

Гусями-лебедями заморскими.

155. Говорилъ какъ солнышко Владимиръ князь:

— Ай же ты, удалый-добрый молодецъ!

— Не знаю я, ты съ коей земли, ты съ коей орды,

— Коего отца, какой матушки,

— Какъ тебя молодца ижемень зовуть?

160. — За твои-то за дороги подарочки

— Чѣмъ—не знаю—тебя жаловать?—

Тутъ говорилъ младъ Соловей таковы слова:

« Ай же ты, солнышко Владимиръ князь,

« Владимиръ князь стольно-Кіевскій!

165. « Я изъ той земли, изъ богатой орды,

« Я изъ за славнаго изъ за Синя моря,

« Того ли я острова Кодольскаго.

« Той земли Веденецкія,

« Есть младъ Соловей сынъ Будиміровичъ.

170. « Приѣхалъ я къ вашему ко городу ко Кіеву.

« Ай же ты, солнышко Владимиръ князь!

« Дай-ка ты мнѣ мѣстечка немножечко,

« Состроить три терема златоверхіе?»

Говорилъ какъ солнышко Владимиръ князь:

175. — Ай же ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!

— За твои за дороги подарочки

— Одно мѣсто—позади меня,

- Друго мѣсто—впереди меня,
- Третье мѣсто—возлѣ меня,
- 180. — А четвертое мѣсто—гдѣ тебѣ хочеться;
- Что ты знаешь, то и выстраивай.—
- Какъ тутъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
- Пошелъ вонъ съ полатъ бѣлокаменныхъ.

- Приходилъ какъ онъ на широкъ дворъ,
- 185. Потомъ шелъ на тѣ черныя на карабли;
  - Самъ говорилъ таковы слова
  - Своей дружинѣ хороброй-то:
  - « Ай же вы, дружина хоробрая!
  - « Дѣлай дѣло повелѣнное,
  - 190. « Слушайте большого атамана:
  - « Розувайте сапожки—зеленъ сафьянъ,
  - « Обувайте сапожки рабочіе,
  - « Скидывайте платья скурлатъ-сукна,
  - « Надѣвайте кожаны-лосиныя,
  - 195. « Вы снимайте шапки черно-мурманки,
  - « Надѣвайте шапки рабочія,
  - « Берите топорики булатные,
  - « Бѣжите на тую на горку на Конную.
  - « Во тотъ ли садъ во Путятичной,
  - 200. « Гдѣ пироги пекутъ, блины продають,
  - « Гдѣ маленьки ребятки барышнячаютъ.
  - « Колоды-пенье вы повырубите,
  - « На всѣ стороны вы повыбросайте,
  - « Къ утру къ свѣту сдѣлайте
  - 205. « Три терема златоверчатые.
  - « Состройте со сѣнями со нарядными,
  - « Первыя сѣнички рѣшетчатыя,
  - « Другія сѣнички стекольчатыя,
  - « Третьи сѣнички краснаго золота;
  - 210. « Около сдѣлайте булатный тынъ,
  - « По середочкѣ сдѣлайте гостинный дворъ:
  - « Чтобы къ утру къ свѣту намъ жить перейтить.»

Тутъ они скидывали сапожки—зеленъ сафьянъ,

- Одѣвали сапожки рабочіе,
 215. Скидывали платья скурлатъ-сукна,
 Надѣвали кожаны-лосиные,
 Вынимали они шапки черно-мурманки,
 Надѣвали шапки рабочія,
 Брали топорики булатные.
220. Бѣжали на ту на гору на Конную,
 Во тотъ ли садъ во Путятичной,
 Гдѣ пироги пекутъ, блины продаютъ,
 Гдѣ маленьки ребятишки барышничаютъ.
 Они колоды-пенье все повырубали,
225. На всѣ они стороны повыбросали.
 Къ утру-свѣту сдѣлали три терема злотоверхіе,
 Состроили со сѣнами со нарядами,
 Первыя сѣнички рѣшетчатыя,
 Другія сѣнички стекольные,
230. Третья сѣнички краснаго золота;
 Около сдѣлали булатный тынъ,
 По середочкѣ сдѣлали гостиный дворъ.

- По утру по раннему вставала молодая Путятична,
 Глядѣла въ окошко косивчатое
235. На свою на горку на Конную,
 Сама такъ тому чуду счудовалася:
 — Что вечёръ было на горкѣ пустымъ пусто,
 — Нынѣ на горкѣ густымъ густо!—
 Какъ одѣвала однѣ тоненьки чулочки безъ чоботовъ,
240. Надѣвала одинъ дорогой накидничокъ,
 Подвязалася она платкомъ шелковымъ,
 Брава она свою любезную подручницу,
 Бѣжала она на тую на горку на Конную,
 Въ свой ли во садъ во любезный.
245. Какъ у перваго терема послухала,
 У тѣхъ сѣничекъ рѣшетчатыхъ,—
 Тамъ шепоткомъ говорятъ, Богу молятся:
 Богу молится Соловьина да матушка;
 У другаго у терема послухала,
250. У тѣхъ сѣничекъ у стекольчатыхъ,—

Тамъ съ конца бренчать золоту казну:
 Считываютъ золоту казну Соловьиную;
 У третьяго терема послухала,
 У тѣхъ-то сѣничекъ позолоченыхъ,—

255. Тамъ идутъ забавы-утѣхи все великія.
 Какъ она заходила въ тотъ теремъ златоверхіе.—
 Ай же, тутъ въ углу говорятъ, въ другомъ гомотять,
 На середкѣ идутъ утѣхи-забавы великія.
 Такъ она не мѣтала *) Господу Богу помолитися,
260. На всѣ стороны поклонитися:
 У ней какъ съ ж... прошло и въ голянищю протекло.
 Какъ тутъ увидѣлъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
 Увидѣлъ Любаву Путятичну,
 Поддергивалъ какъ ей золотъ стулъ:
265. « Садись-ка, молода Любава Путятична,
 « Садись-ка на золотъ стулъ!»
 Какъ она садилась на золотъ стулъ,
 Какъ сама говорить таковы слова:
 — Ай же, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
270. — Женатъ ли ты или холосгъ есть?
 — Возьми ты меня во замужество!—
 Какъ тутъ говорилъ младъ Соловей таковы слова:
 « Ай же, молодая Любава Путятична!
 « Взять бы тебя, Любава, во замужество,
 275. « Всѣмъ ты, Любава, во любовь пришла;
 « Одиѣмъ ты, Любава, не въ любовь пришла:
 « Сама себя, Любавушка, просватываешь!»
 Тутъ-то Любавушкѣ стыдно стало;
 Вставала она да на рѣзвы ноги,
280. Господу Богу не молилась,
 Имъ, молодцамъ, не клонилась,
 Взадъ съ терема поворотилась,
 Пошла какъ въ свои полаты бѣлокаменныя.

Тутъ какъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
 285. Пошелъ какъ ко солнышку князю Владимиру,

*) Не пошла, не разувѣла, не достало у ней смыслу.—Изд.

- Приходилъ кою князю Владимиру, а гвѣривъ кони
 Крестъ клалъ до писаному, а гвѣривъ кони
 Поклоны велико гвѣривому, а гвѣривъ кони
 Кланялся на всѣ четыре стороны, а гвѣривъ кони
290. Князю съ княгиней Апраксией въ сѣрбинцѣхъ,
 Молодой Любавы Путятичной въ особину,
 Самъ гвѣривъ кони ременитъ стулъ,
 Самъ гвѣривъ кони ременитъ стулъ,
 Самъ гвѣривъ кони ременитъ стулъ,
 « Ай же ты, солнышко Владимиръ князь,
 « Я прѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ — о сватовствѣ
 « На молодой Любавы Путятичной,
 Гвѣривъ кони солнышко Владимиръ князь,
 — Ай же, молодой Соловей сынъ Будимировичъ!
 — Всѣмъ ли тебѣ Любава во любовь пришла?—
300. Говорилъ младъ Соловей гвѣривъ кони:
 « Всѣмъ мнѣ Любава во любовь пришла;
 « А однимъ-то Любава не въ любовь пришла,
 « Что сама себя Любавушка просватывала.»
 Столько у нихъ было и сватовства.
305. Тутъ честнымъ пиркомъ да свадебку,
 Пошелъ у нихъ столованье—почестный пиръ.
 Тутъ какъ солнышко Владимиръ князь
 Ради любезныя племянницы,
 Молодой Любавы Путятичной,
310. Забиралъ столованье—почестный пиръ,
 Многихъ князей да бояриновъ [сенаторовъ] думныхъ,
 Вельможъ-купцовъ богатыхъ, поляницъ удалихъ,
 Росейскихъ могучихъ богатырей,
 Какъ тутъ собиралъ да почестный пиръ,
315. Какъ пошелъ столованье—почестный пиръ.
 Всѣ на пиру напивались,
 Всѣ на почестномъ наѣдались,
 Всѣ похвальбами похвалялись,
 Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ да похваляется:
320. Инный хвастаетъ несчетной золотой казной,
 Иной хвастатъ силой-удачей молодецкою,
 Иной хвастатъ добрымъ конемъ,

Иной хвастать славнымъ отечествомъ,
 Иной хвастать молодымъ молодецествомъ,
 325. Умный-разумный старымъ батюшкомъ,
 Старымъ батюшкомъ и старой матушкой,
 Безумный дуракъ хвастать молодой женой.

Туть-то младъ Соловей сынъ Будиміровичъ.
 Не вѣнчался во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
 330. Поѣхалъ въ свою землю Веденецкую,
 На тѣхъ-то на черныхъ на карабляхъ:
 Провожалъ его солнышко Владимиръ князь,
 Надарилъ его краснымъ золотомъ, чистымъ серебромъ,
 Мелкимъ-сладкимъ жемчугомъ.

Дунай, Дунай,

Бодѣ вѣкъ не анай!

(Записано по порученію Собирателя г. Лисавовичъ.)

НОВГОРОДЪ.

13'

NO. 10967. OH

11

Вашу думу ои помысливъ бояръ оу
 зироваи, убо оубоудуи ли кривуи .52
 убо ои оубоудуи аки алчюваи!!
 ширюи върли нолу акиМ
 лтлоу ласныи ои кинор про аки акии .54
 Вашу думу вшиюу убои аки акии оу

ВАСИЛИЙ БУСЛАВЕВИЧЪ. .03

— (Каждое Общество) —
 Вашу думу вшиюу аки акии оу аки .5
 (Каждое Общество) .5

А в жилъ да былъ Буславей девяносто лѣтъ, .56

Девяносто лѣтъ, да и зуба во рти нѣтъ;
 Со городомъ со Киевымъ спору не было,
 Со матушкой каменной Москвой во вѣкъ не брани-
 вался.

5. Оставалося у него чадо милое,
 Чадо милое, дите любимое,
 Молодой Василий сынъ Буславевичъ.

Да и деть-то Василий во почестный пиръ,
 Во почестный пиръ ко князю ко Владимиру. .58

10. У ласкова у князя у Владимира
 Былъ почестный пиръ да пированнице:
 Пыкатилъ князь зелена вина девяносто пудъ,
 Пива пьянаго девять бочечекъ,
 Девять бочечекъ сороковочекъ. .06

15. Были на пиру воры-мужики городо-Кемские,
 Ъли они до сыта и пили они до пьяна,
 До пьяна пили да и порасхвастались.
 Да и тутъ повыхвасталь молодой Василий сынъ Бу-
 славевичъ, —

Со своей дружиной со хороброей .58
 20. Побороть ему весь Киевъ градъ, аки акии оуи
 Побороть Васильюшку каменна Москва, аки акии оуи
 Со всеми пригородками и со малыма аки акии оуи

Тутъ и деть Василийшко во свой покой любимый,

- Ко своей родимой ко матушки,
 25. Садился на брусовую бѣлу лавочку,
 Повѣсилъ онъ буйную голову
 Межь свои плеча могучи,
 Утупилъ онъ очи ясныя во калиновъ мость.
 Подходить къ нему родная матушка,
 30. Говорить ему да такыя слова:
 — Что же, мое дитетко,
 — Сидишь—закручинился да запечалился?—
 « Какъ же мнѣ-ка, родная матушка,
 « Не кручиниться да не печалиться?
 35. « Были мы на почетномъ пиру у князя у Владимира,
 « Сдѣлали мы записи крѣпкія
 « Съ мужиками городо-Кемскама,—
 « Чтобъ поборотъ мнѣ весь Киевъ градъ,
 « Вся матушка каменна Москва,
 40. « Со всеми пригородками и со малыма.
 « Завтро итти мнѣ, матушка, на побоище короткое *),
 « Биться и ратиться,
 « На конѣ придется дыбомъ ставиться.»
 Тутъ напоила Василья родна матушка,
 45. Питиемъ его забудущимъ,
 Свела Василья въ теплу ложню спать,
 Спать Василій ровно по три дни да й по три ночи.
 Тутъ былъ у Васильюшка добрый конь:
 Упустила его родна матушка во чисто поле;
 50. Были у него червленый вязъ въ сорокъ пудъ,
 Были у него сабля и тесакъ темлячныя;
 То все его матушка спрятала:
 А также что было у него у Васильюшка одежды бо-
 гатырскрей,—
 Все въ погребъ она спрятала.
55. А тамъ воры-мужики городо-Кемскама,
 Всю ночь они да не спали,
 Лили шалаши свинцовыя,
 Что завтро итти на побоище на смертное:

*) На ретиво, на ративо?—Иде.

- А Васидій снить да и про то дѣло не вѣдасть.
60. А тамъ уже не записи дѣло дѣлають,
Его вся дружина-та въ крови стонуть,
А онъ снить да и про то дѣло не вѣдасть.
Туть была у Васидьюшка дѣвушка дворяная:
Были у ней ведерочки дубовыи,
65. Коромысельцо было у ней кленовое,
Носила она ему воду свѣжую.
Туть зашла она въ ложню Васидьеву подпахивать*),
Говорить она да такыя слова:
— Хороше-то было добру молодцу на шире хвастати,
70. — А нынѣ-де добра молодца и въ пору не знати:
— Теперь вся твоя дружинишка прибитая!
- Туть отъ сна Васидюшко пробудился,
Повыскочилъ Васидій со сну на широкій дворъ
Во своихъ башмачикахъ шелковыхъ;
75. Туть схватился Васидюшко,
Гдѣ стоялъ его добрый конь,
Гдѣ были червленый вязъ,
Тесакъ и сабля темлячныи:
Но всё уже было у родной матушки спрятано.
80. Туть повыскочилъ Васидюшко на широкій дворъ,
Да повыхватилъ Васидюшко съ телѣги ось.
Пошолъ Васидюшко поскакивать,
Телѣжной осью-то помахивать:
Въ сторону махнетъ,—падетъ улица,
85. Въ другую махнетъ,—падетъ переулочекъ.
Скакалъ Васидюшко, поскакивалъ,
Махалъ Васидюшко, помахивалъ:
Туть силушки мужиковъ городо-Кемскихъ
Мало стало ставиться.
90. Туть былъ у него дядька, крестный батюшко:
Идетъ онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки,
Говорить ей таково слово,
Что «Силушка мужиковъ городо-Кемскихъ поразбита,

*) Подпахивать. — Изд.

- И чтобы она приучила своего сына Васильюшка.»
95. Тутъ скочилъ онъ на баню колокольную,
Его дядька, крестный батюшко,
Тутъ сарвалъ онъ колоколъ дряхлостю вудъ,
Надълъ онъ себѣ на головушну,
Идетъ-то онъ да на Обуховъ мость,
100. Языкомъ-то онъ подтираетъ,
Обуховъ мость да нагибается;
Самъ онъ говорить да таковы словы:
« Какъ пурхаль-те ясный соколъ да и допурхаль:
« Ходишь-то добрый молодецъ да и доходишь!»
105. Тутъ былъ Васильюшко быстеръ собой:
Подпалъ онъ пидчкомъ пращнымъ,
Спихнулъ онъ дядьку подъ Обуховъ мость;
Вернулся потомъ Васильюшко подъ Обуховъ мость,—
Тамъ ужъ дядьки и живаго нѣтъ:
110. Задавило-то его языкомъ колокольнымъ.
Повыхватилъ тутъ Васильюшко языкъ тотъ колоколь-
ный.
Онъ бьетъ-то дядьку промежду уши:
« Вотъ ти, вотъ ти яичко, крестный батюшко!
« Не дано тебѣ яичко о Христова-дни,—
115. « Такъ прима-тко яичко о Петрова-дни!»
Тутъ повыскочилъ Василій на Обуховъ-мость
Съ языкомъ съ колокольнымъ,
Самъ онъ говорить да таковы слова:
« Тутъ-то Васильюшку червленый вязъ,
120. « Червленый вязъ, коше долгомѣрное,
« Тутъ-то и сабля острая, и палица военная!»
Пошоль-то тутъ Васильюшко поскакивать,
На все стороны языкомъ колокольнымъ помакивать:
А тутъ скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
125. Махалъ Васильюшко, помакивалъ,
И побивалъ силу мужиковъ города-Кемскихъ,
Тутъ приходитъ къ Васильюшку родна матушка,

*) Волковъ.

- И пала къ нему на плечка на **могучи**,
 Сама говоритъ Василью **таковы слова:**
130. — Ай же ты, сынъ мой **любезный!**
 — Укрѣпи свое сердечко **рѣтвое,**
 — Уходи свои плечка **могучи!**—
- Тутъ говоритъ **Василій родной матушкѣ:**
 « Спасибо тебѣ, матушка, что ты сюда пришла!
135. « А спереди пришла,
 « Тамъ же бы и ты была:
 « Разгорѣлось сердечко **рѣтвое,**
 « Разходились плечка **могучи,**
 « Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да **помятушася.**»
140. И тутъ беретъ **Василья родна матушка за ручки за**
обѣя,
 Ведеть его во свой покой во **любимый,**
 И стала тутъ **Васильюшка корнить-поить,**
 Въ покояхъ хоронить и **весело съ нимъ жить.**

(Отъ крестьянина Тарентія Языкова, свидѣнн. Сент. 25, 1861 г.)

33.

ОНЪ ЖЕ, СМЕРТЬ ЕГО.

(Красная Ляга; ср. выше).

- Во славномъ во **Новѣ-городѣ**
 Жилъ **Буслаевъ** девяносто **лѣтъ;**
 Живучись **Буславьюшко** не старился,
 Поперекъ дорожки не ставился,
 5. Съ каменной **Москвой** не перечился,
 Съ **Новымъ-городомъ** спору не было;
 Живучись **Буславьюшко** преставился.
 Оставалось чадо **милое,**
 Молодой **Василій** сынъ **Буславьевичъ.**
10. И сталъ **Васильюшко** по **Нову-граду** похаживать,
 И не легкія **шуточки** пошучивать:
 Кого хватить за **руку,**
 Рветъ **руку** изъ **плеча** **вонъ;**

- Кого хватить за ногу,
 15. Рветь ногу изъ ходиловъ дощъ;
 Кого хватить за головушку,
 Головой вертить, будто пугвицей,

И стали жалобы происходить къ родной, его ма-
 тушкѣ,

Ко честной вдовѣ Емельѣ Тимоѣевнѣ:

20. « Ты честна вдова, Емельѣа Тимоѣевна!
 « Унимай-ка своего чада милаго,
 « Молодаго Василья Буслаева:
 « Что онъ ходитъ по Нову-граду—уродуетъ,
 « Шутки шутить не маленькія;
 25. « Кого хватить за руку,
 « Руку рветь, даъ плеча дощъ;
 « Кого хватить, за ногу,
 « Ногу рветь изъ ходиловъ дощъ;
 « Кого хватить за голову,—

30. « Головой вертить, будто пугвицей,
 « А ты не уймешь, такъ мы уйдемъ!»
 И дождалась честна вдова Емельѣа Тимоѣевна
 Своего чадо милаго,
 Молодаго Василья Буслаева,

35. И сама жалобнешенько расплакалась:
 — Ты мое дитя, чадо милое,
 — Молодой Василій сынъ Буславъевичъ!
 — Чтò по Нову-граду ходишь ты—уродуешь?
 — Въ твой-то годы отецъ безъ портокъ ходилъ,
 40. — Не имѣлъ въ карманѣ оцъ вѣдь ста рублей,
 — А имѣлъ дружину хоробрую;
 — А у тебя нѣту братій и дружины хоробрыя,
 — Не съ кѣмъ тебѣ будетъ поправлятися!

За эти рѣчи Василій принимается;

45. Взялъ какъ перо да со чернилами,
 И взялъ листъ бумаги гербовыя,

*) Пословица: « не имѣй въ карманѣ ста рублей, а имѣй сто друзей » — Изв.

- И написал онъ писемышко, да посылаетъ тотъ П. 107
 Что «Тати-воры-разбойники ко мнѣ, да двору»
 «Плуть-мошенникъ изъ моему двору» П. 108
50. « Не роботы робить деревенскія, а сады родить »
 « Пить зелена вина безденежно! » П. 109
 И бросалъ писемышко на Волховъ мосты П. 110
 И пошлн мужики Новгородчане, да пошлн П. 111
 И нашли это писемышко, да пошлн П. 112
55. И молодой Василий сынъ Буслаевичъ П. 113
 Выкатилъ бочку зелена вина, да пошлн П. 114
 Зелена вина да сорока ведеръ; П. 115
 Наливаетъ чару зелена вина, да пошлн П. 116
 Зелена вина полтора ведра, да пошлн П. 117
60. И беретъ себѣ въ руки черныиъ вязъ; П. 118
 « Хто подойметъ чару зелена вина, чару едину П. 119
 « Въ полтора ведра единой рукой, да пошлн П. 120
 « И кто выпьетъ чару на единой здохъ; да пошлн П. 121
 « И стерпитъ черныиъ вязъ въ буйну голову; П. 122
65. « Попадетъ ко мнѣ въ дружину хоробрую, да пошлн П. 123
 И пришли мужики Новгородчане, да пошлн П. 124
 И никто не могъ поднять чару единой рукой; П. 125
 Идетъ Иваныще Сильное, да пошлн П. 126
 И поднимаетъ чару единой рукой, да пошлн П. 127
70. И выдываетъ чару на единой здохъ; да пошлн П. 128
 И ударилъ Василий его, Иваныща, да пошлн П. 129
 Черныиъ вдаромъ въ буйну голову; да пошлн П. 130
 И стоитъ Иваныще—не трѣхнется, да пошлн П. 131
 И не трѣхнется, и не ворѣхнется, П. 132
75. И со буйной головы коцакъ не воротится. П. 133
 И тотъ прошелъ, такъ идой пришесть, да пошлн П. 134
 Пришесть Потанюшко Хромнонькой, да пошлн П. 135
 И принимается за чару единой рукой; да пошлн П. 136
 И выдываетъ чару на единой здохъ; да пошлн П. 137
80. И ударилъ Василий Потанюшку да пошлн П. 138
 Черныиъ вдаромъ въ буйну голову; да пошлн П. 139
 И стоитъ Потанюшка—не трѣхнется, да пошлн П. 140
 И не трѣхнется, да не ворѣхнется, да пошлн П. 141
 И со буйной головы коцакъ не воротится. П. 142

85. И тотъ прошелъ, да шной пришелъ, да шной пришелъ II
 И идетъ-то Васишка Маленькой, да шной пришелъ II
 И принимается ва чару единой рукой, да шной пришелъ II
 И говорить-то Василий сынъ Буславевичъ: «Ой же ты, Васишка Маленькой!» II
90. « Не подвять тебѣ чары единой рукой, да шной пришелъ II
 « И не выпить тебѣ чары на единой ладоху II
 « И не стерпѣть тебѣ черняной вязи, да шной пришелъ II
 « Черяна вяза да въ буйну голову, да шной пришелъ II
 Этотъ Васишка Маленькой, да шной пришелъ II
95. Плюнулъ да и прочь пошелъ; да шной пришелъ II
 — Ты молодой Василий сынъ Буславевичъ, да шной пришелъ II
 — Не узналъ ты меня да обезчестилъ, да шной пришелъ II
 И тотъ молодой Василий сынъ Буславевичъ: «Какъ ударить Ваську чернянымъ вязомъ, да шной пришелъ II
100. Чернянымъ вязомъ да въ буйну голову, да шной пришелъ II
 Идетъ-то Васишка—не трѣхнется, да шной пришелъ II
 Не трѣхнется да и не ворохнется, да шной пришелъ II
 Со буйной головы колпакъ не воротится, да шной пришелъ II
 Говоритъ Василий сынъ Буславевичъ: «Развѣ сила у меня да не по старому, да шной пришелъ II
105. « Либо черяной вязъ олужить не по прежнему? да шной пришелъ II
 Увидѣлъ тутъ былъ горючій камешекъ, да шной пришелъ II
 Какъ ударить въ камешекъ черянымъ вязомъ, да шной пришелъ II
 Камень тотъ рассыпался, да шной пришелъ II
110. И тогда зазываетъ Ваську хлѣба соли жужать, да шной пришелъ II
 И набрался тридцать удалыхъ добрыхъ молодець, да шной пришелъ II
 И тогда мужики Новгородчана заводили свой почестный пирь, да шной пришелъ II
 У того Викулы у Окулова, да шной пришелъ II
115. И говорить молодой Василий сынъ Буславевичъ: да шной пришелъ II
 « Пойдемъ-те-тка, брати, въ почестный пирь, да шной пришелъ II
 « Ко тому къ Викулы къ Окулову, да шной пришелъ II
 И пошли-то они въ почестный пирь, да шной пришелъ II
 Къ Викулы ко Окулову, да шной пришелъ II
120. И увидѣли мужики Новгородчана, да шной пришелъ II
 Что идетъ Василий сынъ Буславевичъ, да шной пришелъ II

- И заперли ворота и ртцо-ца-крѣсно. — 107
 И говоритъ Василій сынъ Буславевичъ. — 107
 « Ай же ты, Васинька Маленькой! — 107
 125. « Вскочи-тко ты въ широкій дворъ, — 107
 « Найди-тко вѣтранку маненьку, — 107
 « И подними-тко ты широкій двора, — 107
 « Отвори-тко ворота-тко въ широкій дворъ, — 107
 « И зазови-тко меня хлѣба-соли кушати. — 107
 130. И Васинька Маленькой вскочилъ-тко въ широкій дворъ,
 И нашель вѣтранку маненьку, — 107
 И подынулъ онъ широкій двора, — 107
 И заскочилъ онъ на широкій дворъ, — 107
 И отворялъ ворота на широкій дворъ, — 107
 135. И зазывалъ хлѣба-соли кушати,
 И заходилъ Василій сынъ Буславевичъ
 « Къ тому Вкушъ къ Окулому, — 107
 И садился во большомъ углу, — 107
 И пьютъ-бдять да проклакаются. — 107
 140. Пьяными глазами *) Василій сынъ Буславевичъ рас-
 хвастался,
 Биться-драгся на весь Новгородъ, — 107
 И ударилъ онъ объ великъ закладъ. — 107
 Тогда пошли они со честного пиру,
 И приходять они къ своей матушки, — 107
 145. И спрашиваетъ у нихъ родна матушка:
 — Каково же васъ, дѣточки,
 — Во честномъ пиру чествовали? — 107
 Говорять они таково слово:
 « Родитель *) ты наша матушка!
 150. « Большой братъ нашъ атаманище
 « Василій сынъ Буславевичъ
 « Пьяными глазами ударилъ объ великъ закладъ. »
 Взяла его родна матушка,
 Заложила въ погреба глубокіе. — 107
 155. Потомъ за утра собралися Новгородчана, — 107

*) Пьяный, въ пьяномъ видѣ. — Изд.

*) Родная, родимая. — Изд.

- И его-то дружинну хоробрую: мушанками шеревязали,
 И веревками залутали,
 А спить молодой Василий сынъ Буславевича,
 Той невзгоды не сѣдаеть.
160. И ходила его служительница
 Платье мыть на рѣчищу на Волхову;
 И приходит она къ погребу,
 И кричитъ она: громкимъ голосомъ:
 Молодой Василий сынъ Буславевича!
165. — Чтѣ ты спишь да проклажаешься,
 — А невзгоды-то, ты своея: не вѣдаешь?
 — Твоя-то дружина хоробрая,
 — Кушаками головы: перевязаны,
 — Веревками перепутаны!
170. И выскочилъ молодой Василий сынъ Буславевичъ
 Изъ того ли погреба глубокаго;
 Ухватилъ какъ ось-то: пельжиною,
 Да зачалъ по Новграду: похаживать,
 Да зачали той осью помахивать,—
175. И много прибилъ мужиковъ Новгородчановъ,
 Развязалъ свою братю, дружинну хоробрую;
 Тогда мужики Новгородчана
 Достали старца со монастыря преугрюмова
 Старецъ идетъ да на головѣ колоколь несетъ,
180. Несетъ колоколь въ девяносто пудъ,
 И говоритъ онъ таково слово:
 — Я иду—Василью смерть несу!—
 Ударить Василий по колоколу,—
 Колоколь на три четверти разсыпался;
185. Молодой Василий Буславевичъ хватилъ старца преугрю-
 мина,
 Сшибъ его подъ вышиночку;
 Стоячись-то онъ и раздумался:
 « Старца убить—не спасенья залѣсь *),
 « А грѣха: себѣ на душу!»

*) Пирогримова, Пирогримина.

**) Залѣсть—найти.

190. И подхватилъ старца на руки;
 « Поди-тко ты, старецъ преугрюмица, на евре мѣсто;
 « А въ наше дѣло ты не суйся!
 И ходитъ Василій Буславъевичъ по Нову-граду,
 И ходитъ да народъ поплачиваетъ.
195. И городничій Омада Родіоновичъ,
 Наклалъ злата-серебра, скатного жемчуга подарками,
 И приноситъ къ ея къ родной матушкѣ:
 « « Честна вдова Емельеа Тимоосевна!
 « « Уговори-тка свою чада милаго,
 200. « « Василя сына Буславъевича;
 « « Не приѣдетъ-то онъ да весь Новгородъ,
 И пошла его родна матушка
 Уговаривать свою чада милаго,
 Взяла его за ручки за бѣлыя:
 205. — Покинь-ко ты, чадо мое милбе;
 — Молодой Васиій Буславъевичъ;
 — Украти-тко свое сердце богатырское!
- Тогда приходитъ молодой Васиій сынъ Буславъевичъ
 И говоритъ онъ таковы слова:
 210. « Ай же вы, мои братица!
 « Складемся мы на дочку,
 « И поѣдемъ мы ко граду Іерусалиму,
 « Ко святой гробницѣ Христовой приложитися,
 « Святой святыи помолитися.»
215. И сложились молодцы-тѣ на дочку,
 И поѣхали ко граду къ Іерусалиму,
 Ко святой гробницѣ Христовой приложитися.
 Тогда ни какая погода молодцовъ не здерживаетъ,
 Противъ вѣтра блуть, какъ соколъ летитъ.
220. И приѣзжали они ко граду къ Іерусалиму,
 Пошли во Іордань-рѣку купатися;
 И всѣ купаются братія въ рубашечкахъ,
 А молодой Васиіи Буславъевичъ гѣломъ пагимъ.

- Идетъ тутъ женщина престарѣлая,
 225. И проговорить она таково слово:
 — Ай же, молодой Василий сынъ Буславъевичъ!
 — Что же ты дупаешься нагимъ тѣломъ?
 Говорить Василий таково слово:
 « Ай же ты, женщина престарѣлая!
230. « Кабы ты была на сей сторонѣ,
 « Я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ,
 « Двухъ мальчиковъ — двухъ богатырей!
 Эта женщина плюнула, да и прочь пошла.
 И сходили ко святой святынь, Богу помолилися;
235. Ко Христовой гробницѣ приложилися,
 И поѣхали они ко своимъ домамъ.
 Прѣзжаютъ они ко Фаворъ-горѣ,
 И увидѣлъ Василий бѣль-горючій камешекъ,
 И скочилъ онъ чрезъ камешекъ,
240. И о камень головушкою ударился;
 И тутъ-то Василий Буславъевичъ помирать зачалъ.
 И наказываетъ своей брати:
 « Скажите-ко, братія, родной матушкѣ,
 « Что сосватался Василий на Фаворъ-горѣ.
245. « И женился Василий на бѣломъ-горючемъ камешкѣ. »
 Тутъ-то Василий и преставился,
 И похоронили Василья Буславъевича,
 И поѣхали братія къ его матушкѣ.
 И встрѣчаетъ-то ихъ родна матушка:
250. — А гдѣ у васъ, братія, больший братъ, отоманище,
 — Молодой Василий сынъ Буславъевичъ? —
 « Сосватался, матушка, Василий на Фаворъ-горѣ,
 « Женился Василий на бѣломъ-горючемъ на камешкѣ. »
 Тутъ-то его матушка расплакалась,
255. И собрала она все свое имѣнье-богачество,
 И роздала она по Божьимъ церквамъ,
 По Божьимъ церквамъ, по монастырямъ,

(Отъ камня, сер. выше)

МОСКВА.

1000000

длинныя парубки въ вѣсѣхъ и вѣсѣхъ дѣла...
 дѣла... дѣла... дѣла... дѣла... дѣла...
 дѣла... дѣла... дѣла... дѣла... дѣла...
 дѣла... дѣла... дѣла... дѣла... дѣла...
 дѣла... дѣла... дѣла... дѣла... дѣла...

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

36.
 (Нижняя волость).
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Когда возсіяло на небѣ красное солнышко,
 Когда становилася звезда подвосточная,
 Тогда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

5. Тутъ забиралъ столованье — почестный пиръ,
 Сбиралъ онъ всѣхъ князей, всѣхъ бояриновъ [сена-
 — торовъ] думныхъ,
 Вельможъ, купцовъ богатыхъ, цѣляницъ да удалихъ,
 Сильныхъ — могучихъ богатырей.
 Пошло у него столованье — почестный пиръ:
10. Всѣ на пирѣ хвалилися,
 Всѣ на почестномъ хвалилися,
 Всѣ похвалибами похвалилися.
 Кто чѣмъ хвастаетъ,
 Кто чѣмъ да похваляется:
15. Иный хвастаетъ несчетной золотой казной,
 Иный хвастаетъ силой — удачей молодецкою,
 Иный хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Иный хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
 Иный молодымъ молодецествомъ,
20. Умный — разумный хвастаетъ старымъ батюшкою,
 Старымъ батюшкою да старой матушкой,
 Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женою.
 Какъ царь по полатушки похаживать,
 Царь да выговаривать:

95. « Отрубите ему буйну голову,
 « Предайте ему смерти да скорую! »
 Все палачи да разбѣжались,
 Другъ за друга тупятели и окучаютъ,
 Большой за средняго, средній за меньшаго,
100. Съ меньшаго отвѣту
 Потому что за парскіе роды принятые не осѣблятся.
 Скрычалъ какъ царь нановъ третій:
 « Гдѣ мои палачи нежалостивы! »
 « Берите вы Федора за бѣлы руки,
 105. « Ведите на то белого на Житное,
 « На ту на плаху дубовую,
 « Отрубите ему буйну голову,
 « Предайте ему смерти да скорую! »
 Какъ во томъ ряду во гостиньномъ,
110. Во той во лавкѣ во уголенномъ,
 Стоялъ малая-Малюта Стенька *) воръ Скурлатовъ
 сынъ,
 Торговалъ онъ товарини заморскица,
 Услышалъ голосъ Грознаго царя Ивана Васильева,
 Онъ на Федора Ивановича сердитъ-то былъ,
 115. Запиралъ онъ двѣ свои ключа,
 Шоль и бралъ Федора за бѣлы руки,
 За бѣлы руки да за златы персы,
 Выводилъ онъ Федора на крутой крылецъ,
 Скидывалъ онъ платя цвѣтныи,
 120. Надѣвалъ платя опальныи,
 Садилъ во [корету] во тепную,
 Повезъ его на то белого на Житное,
 Ко той ко плахи дубовой,
 Была служанка, дѣвка вѣрная,
 125. Бѣжала во спальну во тепную
 Къ царицѣ благоулюбивой,
 Ко Настасьи Романовой,

*) Примѣнено имя Стеньки Разина.—Изд.

- Скрычала громкимъ голосомъ: —
 « Ай же, царица-благовѣрная, Настасья Романовна!
 130. « Спишь—усыпаешься, надъ тобой незгоды не чаешься:
 « Померкло наше красное салнышко,
 « Покухла звезда подвосточная!
 « Воспаялся Грозный царь Иванъ Васильевичъ —
 « На свои на царскія за ормена,
 135. « На своего на сына любезнаго,
 « На Федора Ивановича,
 « Приказалъ его отвезти на то болото на Житное,
 « На ту на плаху дубовую,
 « Какъ повезъ его малая-Малюта Стенька воръ Скар-
 140. Она вставала на рѣзвы ноги,
 Какъ надѣвала на ноги
 « Однѣ тоненьки чулочки безъ чеботевъ,
 « На плеча надѣвала одинъ дорогой накинчикъ,
 Подвизалася платкомъ она шелковымъ;
 145. Побѣжала она по матушки каменной Москвы,
 « Юб старому братцу Никитѣ Романовичу,
 Бѣжить она по матушки каменной Москвы,
 Крычить да громкимъ голосомъ:
 « Розодвинься, народъ православный,
 150. « Дайте мѣстечка немножечко царицы-благовѣрной!
 А народъ—то волнуется и дивуется:
 « Куда бѣжить царица-благовѣрная?
 « Какъ приближала она къ братцу родному,
 Никитѣ Романовичу,
 155. Приходила въ его жолды бѣлокаменные,
 « Господу Богу не молилася,
 « На всѣ стороны да не клонилася,
 Сама говорила такое слово
 Братцу родному Никитѣ Романовичу:
 160. « Ай же ты, старая зурва, съдатой пшь!
 « Пшь—внѣ—чушала и прѣкладаешься,
 « Надъ собой незгоды не чаешься!
 — Ай же, сестрица родимая,
 — Благовѣрная царица Настасья Романовна!

- Увидѣлъ какъ поглядѣтъ дядькинекъ да крестичекъ
 На эту плаху на дубовую;
 У малаго Малюта Стеньки воръ сына Скурлатова
 200. Заздынута рука правая, здынута сабля кровавая
 Спрашивалъ ду Федора Ивановича
 « На кого ты оставишь молодую жену,
 « Кому оставишь несвятую золоту казну?»
 Какъ тутъ закрычалъ старый Никита Романовичъ,
 205. Громкимъ голосомъ во всю голову:
 « Сажу въ огонь пса, такъ и выгладнешь!
 Какъ увидѣлъ тутъ малаго Малюта
 Стенька воръ Скурлатовъ сынъ
 Увидѣлъ блудись стараго Никиту Романовича на доб-
 ромъ конѣ,
 210. Не смѣлъ спустить руки правыя, сабля кровавая,
 Отсѣчь буйныя головы.
 Тутъ нахалъ старый Никита Романовичъ,
 Соскочилъ онъ со добра коня
 Какъ взимахъ онъ дядькинекъ да крестичекъ
 215. Взимахъ со плахи со дубовая
 Кидалъ немилгаго постельничка
 На плаху на дубовую:
 И отсѣкли ему буйную голову—
 Окровавили саблю кровавую.
 220. Тутъ говорилъ Федора Ивановичъ
 Говорилъ крестному батюшкѣ:
 « Ай же ты, крестный мой батюшка
 « Никита Романовичъ!
 Что же намъ будетъ отъ батюшка
 225. « Грознаго царя Ивана Васильевича?»
 Говорить тутъ Никита Романовичъ
 — Ай же ты, любезный мой крестичекъ!
 — Что будетъ—надъ моею-то головкой надъ старою,
 — Моя головка при старости,
 230. — А двоя головка при младости!
 Тутъ поѣхали въ матушку во славу каменну Москву.

*) Выгляднешь, выблюешь. — М. 10)

- Какъ тутъ малая Малота Стенька воръ Смурлатовъ
сынь,
Представилъ онъ переди царскими окошками
Свою-то саблю кровавую;
235. Какъ увидѣлъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Повѣшану саблю кровавую,
Самъ какъ говорилъ да такъвы слова:
«По ворахъ по разбойникахъ есть заступники,
«Есть заступники-помошники крѣпкіе,
240. «А по насъ, по сѣменахъ царскихъ, не находится!»
[Побликовалъ] онъ указы строгіе
По матушкѣ каменной Москвы,
Приказалъ завѣсить окна сукномъ черными,
«А по перквамъ велѣлъ служить онъ,
245. Служить обѣдни по печальному.
У собора Успенскаго, у Ивана Великаго,
Зазвонили обѣдни воскреснскія.
Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Всѣмъ велѣлъ надѣть онъ платья черныя,
250. Платья черныя, все печальныя.
Старый Никита Романовичъ
Надѣвалъ шубу—которой лучше нѣтъ;
Племничку и кресничку тоже надѣвалъ
Платья—которыхъ лучше нѣтъ;
255. Пошли они къ обѣдни воскреснскія.
Приходили во соборъ да во Успенскій.
Тутъ старый Никита Романовичъ
Становился онъ подлѣ Грознаго царя Ивана Василье-
вича,
Племничка-кресничка бралъ подлѣ полу подлѣ правую,
260. Самъ крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведеть по ученому,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину
Съ царицей Настасьею Романовной:
265. — Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своей царицей благовѣрною,

- Со своими со царскими со сьменами! —
- Какъ тутъ говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Говорить таковы слова:
270. « Ай же ты, старая курва, обдатыи песь!
« Развѣ ты про негуду не знаешь и не вѣдаешь,
« Развѣ тебѣ да неизвѣстно было,
« Аль ты надо мною да надсмѣхаешься?
« Выду отъ обѣдни воскресенскія,
275. « [Публикую] я указы да строгіе,
« Съ господь со всѣхъ и князей
« Со живыхъ скуры сдеру,
« А съ тебя, старая курва,
« Скуру сдеру и на сътъ не вышущу!»
280. Второй наконь онъ опять поздравствовалъ:
— Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ —
— Со своей царицей благовѣрною,
— Со всѣми со царскими со сьменами!
Какъ тутъ говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
285. Говорить таковы слова:
« Ай же ты, старая курва, сьдатыи песь!
« Развѣ ты про негуду не знаешь и не вѣдаешь,
« Развѣ тебѣ да неизвѣстно было,
« Аль ты надо мною надсмѣхаешься?
290. « Выйду отъ обѣдни воскресенскія,
« [Публикую] я указы все строгіе,
« Что со всѣхъ господь, со всѣхъ князей
« Со живыхъ скуры сдеру,
« А съ тебя, старая курва,
295. « Скуру сдеру и въ волчью зашью!»
Опять поздравствовалъ онъ и въ третій наконь:
— Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своей царицей благовѣрною,
— Со всѣми со царскими со сьменами
300. — И съ Ѳедоромъ Ивановичемъ! —
Тутъ онъ выпускалъ изъ подъ лѣвъ подъ правыя,
Становилъ передъ Грознаго царя Ивана Васильевича.

Тутъ говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

- « Ай же, шурины мой любезный! —
 305. « Старый Никита Романовичъ ты отъ а тут аяяй
 « Не знаю я, чѣмъ тебя пожаловать? —
 « Аль тебя жаловать селы съ приселами, —
 « Города съ пригородками, —
 « Улицы съ переулками, —
 310. « Аль тебя вестетной водотой казной? —
 Говоритъ Никита Романовичъ: —
 — Мнѣ не надобно селъ съ приселами —
 — Городовъ съ пригородками —
 — Улицъ съ переулками —
 315. — И мнѣ не надо несметной водотой казной —
 — А дай ты мнѣ Никитину вотчину и тулуну: —
 — Кто голову убьетъ да коня уведетъ —
 — Но той улицѣ уведетъ —
 — Того и Богъ проститъ —
 320. « Вотъ тебѣ, Никита, слушай: —
 « Своя тебѣ отчина пожалована —
 « А Федора Ивановича вмѣсто себя отъ а ты отъ —
 « Вмѣсто себя я царемъ поставилъ —
 Тутъ простоялъ онъ обѣдню воскресенскую —
 325. Бралъ Федора Ивановича за бѣлы руки,
 Повелъ въ свои полаты во царскія,
 А также вслѣдъ себя велъ
 Старого Никиту Романовича, шурина любезнаго,
 Пришелъ онъ въ свои полаты во царскія —
 330. Тутъ забиралъ для нихъ столованье — почестный пирь,
 Многихъ собиралъ онъ князей-боярь,
 Вельможъ, купцовъ богатыхъ, поляницъ удалыхъ
 И Росейскихъ могучихъ богатырей,
 Для-ради своего сына любезнаго —
 335. Федора Ивановича,
 *И старого Никиты Романовича.
 Дунай, Дунай,
 Волѣ вѣкъ не знай!

(Записано по порученію Собирателя, г. Лысановъ).

Произволя онъ жениться, да атоматнъ R —
 Произволя онъ обручаться, да атоматнъ R — .01
 Не у насъ на святой Руси, да атоматнъ R —
 5. И не у насъ въ намерной Москвѣ, да атоматнъ R —
 А въ землѣ въ Черкасскѣ, да атоматнъ R —
 Въ землѣ въ Черкасскѣ, да атоматнъ R —
 На той ли на Марьѣ Кастрюковской, да атоматнъ R — .01
 — И на той ли на Марьѣ Демьяковской, да атоматнъ R —

- Грозный царь Иванъ Васильевичъ, да атоматнъ R —
 Произволя онъ жениться, да атоматнъ R —
 Произволя онъ обручаться, да атоматнъ R — .01
 Не у насъ на святой Руси, да атоматнъ R —
 5. И не у насъ въ намерной Москвѣ, да атоматнъ R —
 А въ землѣ въ Черкасскѣ, да атоматнъ R —
 Въ землѣ въ Черкасскѣ, да атоматнъ R —
 На той ли на Марьѣ Кастрюковской, да атоматнъ R — .01
 — И на той ли на Марьѣ Демьяковской, да атоматнъ R —
 10. Еще много онъ бралъ въ приданое,
 Триста Татаринцовъ, да атоматнъ R —
 Затылки ушныя были шивые, да атоматнъ R —
 Гузнѣ подхилыя, толстошты, да атоматнъ R — .05

- Грозный царь Иванъ Васильевичъ, да атоматнъ R —
 15. На великихъ былъ онъ на радостяхъ, да атоматнъ R —
 И заводилъ пиროванье — почтень пиру, да атоматнъ R —
 На своихъ на князей на бояръ, да атоматнъ R —
 На всѣхъ на могучихъ богатырей, да атоматнъ R — .05
 На всѣ паленицы удалыя, да атоматнъ R —
 20. Всѣ на пиру наждалися, да атоматнъ R —
 Всѣ на пиру напивалися, да атоматнъ R —
 И всѣ на пиру обрახвастались, да атоматнъ R —
 Одинъ сидеть молодець — призадумался, да атоматнъ R — .05
 Не ѣсть не пьеть и не кушаетъ, да атоматнъ R —
 25. И ни чѣмъ онъ, молодець, не хватаетъ, да атоматнъ R —
 Вышелъ андюшка князь Никита Романовичъ, да атоматнъ R —
 И ходить онъ по своей по свѣтлой по обшувальцѣ,
 По той ли по гридни по столовымъ, да атоматнъ R — .05
 Самъ говоритъ тановы слова! да атоматнъ R —
 30. «Что же ты, больше-дарскій шурить, да атоматнъ R —
 « Не ѣшь не пьешь и не кушаетъ, да атоматнъ R —

- « И ни чѣмъ, молодець, не хвастаешь?
 « Какую ты думу думаешь?
 « Развѣ мѣсто тебѣ не по разуму.
35. « Али чара не радомъ дошла,
 « Али невѣжа въ пиру обезчестила?
 — А я думаю думушку крѣпкую:
 — Есть ли у васъ въ Москвѣ борцы?
 — Съ Кастрюкомъ поборотися,
 40. — Съ Демьякомъ подоматися,
 — Силы отвѣдати и царя приотфганити?
 — Я пятьсотъ борцовъ поборолъ,
 — Пятьсотъ городовъ за себя побралъ,
 — Еще какъ Московскихъ борцовъ поберу,
 45. — Всю Москву за себя возьму,
 — А царя Ивана Васильевича въ вельнѣ погоню. —
- И выходилъ дядюшка Никита Романовичъ
 На свое на крутое, на красно крылечко,
 Крикнулъ онымъ во всю голову,
 50. Свиснулъ онъ во всю Москву:
 « Есть ли у васъ въ Москвѣ борцы,
 « Съ Кастрюкомъ поборотися,
 « Съ Демьякомъ подоматися,
 « Силы отвѣдати и царя приотфганити?»
55. По грѣхамъ учинилося,
 Въ Москвѣ борцовъ не случилось,
 Только случилось два брата Андреевича,
 Одинъ Васенька Маленькій,
 А другой Обросенька Хроменькій, —
 60. На ножку припадываетъ,
 Изъ подъ ручки высматриваетъ.
 Возговорилъ еще Васенька Маленькій:
 « Ай же ты, князь Никита Романовичъ!
 « Донеси Грояному царю Ивану Васильевичу:
 65. « Не хочу я съ нимъ боротися,
 « Со тѣмъ съ больше-царскимъ шуриномъ,
 « А возьму его за праву руку,
 « И возьму его за лѣву ногу,

- « И кину его за Двѣришку... »
 70. Говоритъ Обросникъ Хроменьицъ:
 « Какъ пособить мнѣ Богъ поборотися,
 « Такъ смѣть мнѣ его изъ платья вытряхнуть... »
 « Нагого по двору спустить,
 « По тому ли двору государеву... »
 75. « По тому ли крылечику красному? »

Приходитъ Никита Романовичъ:

- « Ой же вы, князья-бояра!
 « У насъ хлѣбъ и соль на столѣ,
 « У насъ есть и борцы на дворѣ. »
 80. И скочилъ больше-царскій шурина,
 На тѣхъ на великихъ на радостяхъ
 Дубовую скамеечку подложилъ,
 Онъ много князей-бберъ придавилъ.

Не два ясные сокола слетались:

85. Два добрые молодца схватилися;
 Какъ сталъ Кастрюкъ на ногахъ,
 А очутился Кастрюкъ на буйной головы.
 Платице у него треснула,
 Кожа у него вереснула;
 90. Три ребра онъ въ боку сломилъ,
 И сломилъ онъ у него *) ручку правую,
 И сломилъ у него ножку лѣвую;
 Взялъ его за праву руку,
 Изъ платья его вонъ повытряхнулъ,
 95. Нагого по двору спустилъ,
 По тому ли двору государеву,
 По тому ли крылечику красному.

И не пошелъ **) по двору государеву,
 А ушелъ подъ крылечико красное,

*) Абросикъ у Кастрюка.—Изд.

**) Кастрюкъ.—Изд.

100. И самъ говоритъ таковыя слова:
 — Не дай-ко мнѣ отъ Московскаго боярства бо-
 — Свѣтъ съ молодыма, съ ученыма

(Отъ Кенозерскаго дьячка въ Псковскую губернію)
 «...умоюва уаиволяра нѣ умог ои» .07

36.

арипономсч. стинаи атнозпнн
 ТО ЖЕ
 Ёргод-вогни дая жк йО

(Песня о воеводѣ, Псковская губернія, г. Гдовъ)
 «...вояв ви воявд и аго воявн»

При нынѣшнихъ дри царяхъ

При досюльшихъ короляхъ

При блаженныя памяти

Царяца-то Крымская

5. Поленица удалая,

Татарка упала

Съ Кастрюкомъ сговорила

Съ молодымъ полъ-уми дася

Бхать въ землю Россійскую

10. Къ царю ли то Грозному

Ко Ивану Васильевичу,

Выкликать поединника

Съ Кастрюкомъ поборотися

Съ молодымъ подоматися

15. Его силы отвѣдати

И плеча богатырскаго.

Они бхали-нобхали

До Москвы не добхали

Среди поля прѣбхали,

20. Среди поля чистаго,

*) Богъ?—Изд.
 **) Изъ другихъ разнорѣчій этой былинны видно, что Кастрюкъ-Демьякъ женщина.
 ***) Ср. № 68 въ I-й части сборника.
 ****) Царь Иванъ Вас.—Изд.

- Среди луга зеленого,
 Да шатры-то раздернули,
 Шатры полотняные,
 Да ковры-то шелковые.
25. Привязали добрых коней,
 Ко столбу ко точеному,
 Ко кольцу золоченому,
 Надавали добрым коням,
 Пшены б'бляровой.
30. Да послали скоро посла,
 Скоро посла скоморошину,
 Какъ скорой посоль скоморошина,
 По версты-то онъ шель по стюку,
 По полторы онъ по маху.
35. Какъ приходитъ онъ къ царю Грозному,
 Ко царю Грозному, ко Ивану Васильевичу,
 Какъ проговорить онъ дакое слово:
 «Ай ты, Грозной царь Иванъ Васильевичъ!
 «Ты конюшни-то испрастывай».
40. «Дворы-то испораживай:
 «Къ тебѣ ѣдетъ Татарка, упала,
 «Поленица удалая,
 «Выкликать поединщика,
 «Съ Кастрюкомъ поборотися».
45. «Съ молодымъ поломатися,
 «Его силы отвѣдати,
 «И плеча богатырскаго».
- Отвѣчаетъ ему Грозный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
50. — Конюшни-то у меня испростаны,
 — Дворы-то испорожнены,
 Кастрюкъ сидитъ—самъ печалится,
 Онъ сидитъ—самъ кручинится,
 Хлѣба-соли не кушаетъ,
55. Б'блы лебеди не рушаетъ,
 Говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:

- Чтò же ты, Кастрюкъ-Дебрюкъ,
 — А что же, Черкашанинъ,
 — Сидишь—самъ печалишься,
 60. — Сидишь—самъ кручиннишься,
 — Хлѣба—соли не кушаешь,
 — Бѣлы лебеди не рушаешь?
 — А хлѣбъ да соль на столѣ,
 — А Богъ тебѣ на стѣны,
 65. — А борець—то тебѣ на дворѣ!

- Скочилъ Кастрюкъ за стола,
 Зацѣпилъ ногой за скамью,
 Убилъ тридцать Татаровѣй,
 Убилъ сорокъ богатырей,
 70. Достальныхъ раскарякало.
 Выходилъ на широкій дворъ,
 Онъ кричалъ—то во весь голосъ,
 Чтобы слышно во всю Москву,
 И во всю землю Россійскую,
 75. И государство Московское:
 « Още есть ли у васъ борцы,
 « Борцы—добрые молодцы,
 « Съ Кастрюкомъ поборотися,
 « Още силы отвѣдати
 80. « И плеча богатырскаго?»

- Какъ изъ—подъ восточныя стороны
 Выходили два брата родимыи,
 Одного звали Оедькою,
 А другаго звали Мишкою:
 85. Такъ Оедька борець похваляется,
 Оедька борець нарывается,
 Съ Кастрюкомъ поборотися,
 Съ молодымъ полѣматися,
 Его силы отвѣдати
 90. И плеча богатырскаго.
 Какъ завидѣлъ Кастрюкъ-Дебрюкъ;
 Кастрюкъ-Дебрюкъ, Дебрюковъ сынъ,

- Опъ схватилъ Оедьку за жёлтыя курчавыя волосы
 А у Оедюшки на головушке
 95. Волосуски не трянутса. Тутъ зговорить Оедюшка таковы слова
 « Ой же ты, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 « Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 « Еще смѣть ли мнѣ
 100. « Съ Кастрюкомъ поборючися,
 « Съ молодымъ подеманимъ
 « Его силы отвѣдати
 « И плеча богатырסקаго
 Отвѣчаетъ ему Грозный царь
 105. Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 — Помоги тебѣ Господи
 — Да пособи тебѣ Господи

(Сообщено Н. В. Обручевымъ)

ТО ЖЕ.

(Князь дождь)

- Царица Крымская,
 Дочь царя Турскаго,
 Красно свардилася, хупаво,
 Поѣхала во земли во Рускія,
 5. Съ Кострукомъ съ Церкашенинымъ,
 Кострукъ Церкашенинъ
 Тридцать лѣтъ воевалъ,
 Пятьдесятъ борцовъ побородъ,
 Не могъ своей силы узнать,
 10. Плеча богатырסקаго
 Дѣвица Крымская
 Приѣжала въ чистое поле,

*) То же, что «красно», древнее слово; см. его объясненіе въ I-й части и въ изд. пѣс. Кирѣвскаго. — Изд.

- Шатры розенцвѣтала,
 Коней добрыхъ роспускивала,
 15. Посылала прежде себя
 Скорого гонца,
 Чтобы царь Иванъ Васильевичъ
 Улицы опахивать,
 Двора очищивать,
 20. Срѣталь бы дѣвицу Крымскую
 Съ Кострукомъ Черкашенинымъ,
 Прѣзжала дѣвица Крымская
 Съ Кострукомъ съ Черкашениномъ,
 На царскій дворъ,
 25. Закрычала своимъ голосомъ
 «Есть ли борцы, удалые молодцы,
 «Съ Кострукомъ поборотися?»
 По грѣху учинился:
 Тутъ борцовъ не случилось;
 30. Всѣ разумные розѣхались,
 Удалые домой ушли.

- А только тогда случилось
 Съ Пядинской земли,
 Съ Важинской стороны,
 35. Два брата родимыхъ:
 Одного звали Федоромъ,
 А другаго Михайломъ.
 Федоръ не хвастаетъ,
 А Михайла похваляется:
 40. «Я съ Татариниомъ боротися иду,
 «Я поганого отвѣдати хочу.»
 Татаринъ въ глаза виженъ былъ,
 Его сила запримѣчена.
 Мошникъ голову поднялъ
 45. И глаза вытарашилъ;
 Посмотрѣлъ около стола дубоваго,—

*) Выметать. — Изд.

Далече вттить;
 Спочилъ черезъ ясты сахарныя,
 Черезъ питья медвяныя.

50. По грѣху учившися,
 За скамью зацѣпился;
 Онъ скамью къ порогу сволокъ,
 Тридцать Татаръ убилъ,
 Пятьдесятъ головней покотилъ.

55. Выходили на широкій дворъ
 Михайла Ивановичъ
 Съ Кострукомъ Черкашенинымъ.
 Кострукъ Михайла разъ поткнетъ,
 Кострукъ Михайла второй поткнетъ,
 60. Михайла реходился,
 Михайла розсердился:
 Коструку ноги выломалъ,
 Коструку глаза выкопалъ,
 Изъ платьевъ вонъ вытрехнулъ.

65. Дивница Крышная,
 Дочь царя Турскаго
 Выходила на краснѣ крыльцо,
 Говорила тикое слово:
 «Ай въ глупые, Рускіе борщы!
 70. «На что было рука чюга ломить,
 «За чѣмъ было глаза выкопалъ
 «И изъ платьевъ вонъ вытрехнуть?»

Дивница Крышная
 Не красна снарадилася,
 75. Не хулаво похвала
 Въземлю во Крышную

Съ Кострукомъ Черкашениномъ.

(Отъ крестьянъ Григорія Васильева записано 22 Іюня 1861 г. крестьяниномъ той же волости, Свяногубскаго общества, деревни Конды, Андреємъ Ивановичемъ Соколовымъ).

ЕРМАКЪ ТИМОЕВИЧЪ.

(Периск. губ., Екатеринбургскій уезд.)

У Ермака Тимоеича, самаго наибольшаго изъ всѣхъ станишниковъ, было много удалыхъ товарищей, вѣрныхъ помощничковъ; правою рукою у него былъ Стенька Разинъ, а за Стенькою Разинымъ Ванька Каинъ, Иванъ Мазепа, Гришка Отрепьевъ. Жили сотоварищи долгое время въ ладу, да Стенька-то Разинъ началъ дѣлать дѣла неподобныя: безчинствуетъ безъ пути, рубить головы немилостиво; коней въ церкву ставитъ, надъ святынею дугается, не хочетъ звать никого выше себя, самому Ермаку грубитъ. Не закатъль Ермакъ сносить отъ Стеньки эдакия грубости и отказалъ ему.

Видитъ Стенька, что дѣло плохо и приходитъ къ Ермаку Тимоеичу; низко-низко поклонился ему и проговорилъ: «Многолѣтняго здравія, Ермакъ Тимоеевичъ! расположись-ка на совѣтъ ко мнѣ. Мы подѣлаемъ людей, додомашныхъ, разсадимъ ихъ по лодочкамъ, по лодочкамъ по дубовенькимъ, и дадимъ имъ по весельику, дадимъ имъ въ платя черна соболя; первое-то лодочку напередъ спустимъ по Дунай-рѣкѣ по широкой, а сами додемъ по Иртыш-рѣкѣ, по Иртыш-рѣкѣ ко Теплымъ станкамъ, у Теплыхъ станковъ станемъ во кругъ, да подумаемъ, какъ бы намъ поставить себѣ памятникъ».

Какъ поѣхали станишники по Иртыш-рѣкѣ, собралось противъ нихъ царское войско *) и дохотать назло Ермака Тимоеича; увидѣли, что по Дунай-рѣкѣ плыветъ лодочка дубовенькая, а въ ней сидятъ добрые молодцы, удалые маѣки; стали царскіе люди считать соломеницѣхъ людей, снѣтъ счету нѣтъ. Тутъ на Татаръ началъ вѣдръ сражать, что они и не видѣли, какъ подошелъ Ермакъ Тимоеевичъ.

Переловилъ ихъ Ермакъ Тимоеичъ до пятисотъ человекъ,

*) Царское войско—Татарское, царя Кучума, посланнаго разсаживать.

засадилъ въ избу, поставилъ стражу къ избѣ, а самъ съ Ванькою Каинномъ поѣхалъ къ царю Ивану Васильевичу *).

Грозный царь Иванъ Васильевичъ

Наказывалъ своимъ слугамъ,

Своимъ слугамъ невзыбщикамъ:

« Что за посолъ ко мнѣ пришелъ? »

5. — Пришелъ ли къ тебѣ Ермакъ Тимофеевичъ. —

« Приведете-ка ко мнѣ посланника: »

Проговорить Ермакъ свѣтъ Тимофеевичъ:

— Я пришелъ къ тебѣ, Грозный царь,

— Со товарищемъ съ Ванькой Каинномъ:

10. — Всѣхъ я сѣверныхъ странъ запечатальникъ,

— Заполонили мы цѣлую Сибирь,

— Да пришли къ тебѣ съ повинной головой.

— Хоть прости меня, хоть казнить вели! —

Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

15. Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:

« Обо вы, князья мои бояра,

« Вы великіе совѣтники!

« Подите-ка къ намъ крѣпку думушку —

« Крѣпку думушку подумати:

20. « Появился къ намъ Сибирскій царь,

« Сибирскій царь Ермакъ Тимофеевичъ,

« Ермакъ Тимофеевичъ Бургомировъ. »

Выносили Ермаку злата-серебра.

— Мнѣ не надо злата-серебра

25. — И камней не надо многоцѣнныхъ:

— А принесть я вамъ куницъ-соболей;

— Вы примите-ка, вы почтите-ка

— Отъ насъ великую наградушку! —

Какъ богатый нашъ царь Иванъ Васильевичъ,

30. Не брасть онъ ни злата ни серебра,

А польстился же, взялъ куницъ-соболей.

Проговорилъ намъ Иванъ Мазепа,

*) Отсюда рассказаныхъ пѣль, но часто обивался и напрасно старался припомнить слова пѣсни.

Протоборь, гнѣвъ сотоварищамъ: и дѣла дѣлаемъ.

« Мы пойдѣте, братцы, по частымъ кустамъ, »

35. « По частымъ кустамъ, по ракитовымъ, »

« Да пымаемъ по звѣрику, »

« По сурочку мнорачиному. »

Тогда дарили Ермакъ свѣтъ Тимошевичя, »

Подаривши, всея разсказывали: »

40. « Намъ не лучше ль, Ермакъ Тимошевичя, »

« Да пойдѣте, братцы, по частымъ кустамъ, »

« Да пымаемъ по звѣрику, »

« По сурочку мнорачиному. »

Тогда дарили Ермакъ свѣтъ Тимошевичя, »

Подаривши, всея разсказывали: »

« Намъ не лучше ль, Ермакъ Тимошевичя, »

« Да пойдѣте, братцы, по частымъ кустамъ, »

« Да пымаемъ по звѣрику, »

« По сурочку мнорачиному. »

ОТЧЕГО НАУЧИСИ ЗАВЕЛИСЯ ДѢТЬМА *).

Царь Іоаннъ Васильевичъ былъ царь строгій и суровый, и страшный завоеватель другихъ земель, отъ того-то и названъ Грознымъ. Въ одно время задумалось ему послать пословъ въ иныя государства и требовать отъ королей и князей ежегодную дань Россіи. Послы объявили всѣмъ инодержавнымъ королямъ и князьямъ, кони было приказано, о царскомъ повелѣніи. Короли и князья все собрались въ одно мѣсто и стали совѣтъ совѣтовати, събудеть ли дань давати царю Русскому. Наконецъ и придумали царю Русскому загадку три загадки, съ тѣмъ, если онъ ихъ отгонеть, то короли и князья тутъ же дадутъ ему двѣнадцать бочекъ золота и будутъ платить ежегодную дань; а ежели не отгонеть, то не только не будутъ платить ему дань, но и совѣтъ откажутъ отъ царства. Всѣ короли и князья на се согласились, и послали царю Іоанну Васильевичу отъ себя пословъ съ грамотою, въ которой написали: « Ваше царское величество! По требованію вашему дань давати Россіи мы согласны, и сверхъ сего первоначально дадимъ тебѣ двѣнадцать бочекъ

*.) Разсказъ этотъ, въ родѣ Старины, но видимою свѣдѣтельно подправленъ записавшимъ. — Изд.

золота, но съидишь тонкой условией, если отгонишь дитя въ три загадки (и именно первая загадка, — что удале всего на свѣтѣ? вторая — что ближе всего на свѣтѣ? третья — что еще ближе всего на свѣтѣ? Если же сдѣлаешь загадки не отгадываешь, то не только дитя не получишь, но и отъ царства будешь отгнана; для отгадыванія должны прѣехать замѣкъ назначенному мѣсту на Востокъ, къ блонному камню; и къ тому-то времени, тѣмъ королямъ и князьямъ будутъ повелены собраться)». Царь, Юмъ (В. Грозный) получивши отъ грамоты отъ королей и князей, и прочитавши ее, приказавшая: пойти собирать къ себѣ всѣхъ своихъ бояръ и князей и чумныхъ людей, объявляетъ имъ свою грамоту отъ неподержавшихъ королей и князей, и совѣтуютъ, какъ отвѣтъ держави, какъ загадки отгнать. Это что говорить, но царю мало нравится; наконецъ обидеть еривкомъ придумали отвѣтъ держави имъ такой: первое, удале вѣтра малое дитя на свѣтѣ; второе, у царя Ивана Васильевича въ то время тонкого родился сынокъ, и всѣ придумали — что ближе есть сына царю? и царю тому былъ согласенъ; третья — слаще меда нѣтъ есть на свѣтѣ. Приходитъ срочное время, царь собирается ѣхать на Востокъ къ блонному камню, со всею царскою свитою, для отгадыванія загадокъ и для полученія даян ежгодной. Выходитъ царь Е. В., долго не, коротко, близко ли, далеко, видитъ царь — на одномъ пустомъ мѣстѣ музичекъ строятъ церкви: и церкви уже вся построена, только обитаетъ главу щепой, — въ досюльнѣ время вездѣ вообще на церквяхъ и на часовняхъ главы оббивались щепой, — и на каждой щепиною и гвоздомъ съ самаго верку музичекъ опускался на землю и поднималъ вверхъ по одной щепинѣ дитя въду. Царь подъѣзжаетъ къ стровнию и говоритъ маперу: «Богъ въ помощь, старичекъ!» — Прошу позаловать, добрый человекъ, — отвѣчаетъ старичокъ: «Что, братъ старичокъ, церкви строишь?» — Точно такъ, ваша милость, — а царемъ его не называетъ, какъ будто не знаетъ. Царь говоритъ: «Что же ты, старичокъ, какъ я вижу, за каждой дощечкой и гвоздомъ: опускаешься внизъ и по одной дощечкѣ и гвозду поднимаешь вверхъ? ты бы взглянь до досчекъ и гвоздѣвъ, и разомъ бы поднялъ выходящая

тебя бы это было полезнее.»—Волкое дѣло знаетъ мастеръ, — отвѣчаетъ старичокъ.—А я же тебя спрошу, царь ты Русскій Иванъ В. Грозный: куда ты ѣдешь и за чѣмъ? вѣдь ты ѣдешь на Востокъ къ бѣлому камню, растолковать загадки, данныя тебѣ? тамъ ужь тебя короли и князья инодержавные ожидаютъ; но загадокъ тѣхъ тебѣ не растолковать, да и царства ты лишнись.—Царь І. В. сильно призадумался и спрашиваетъ старичка: «Какъ же тому быть, не знаешь ли ты: чего тутъ и не можешь ли ты мнѣ помочь?» Старичокъ отвѣчаетъ:—Изволь, Иванъ В. царь Русскій, я тебѣ помогу; только съ условіемъ: тебѣ обѣщано по отгаданіи двѣнадцать бочекъ золота и ежегодная дань; ты получишь золото и получать будешь ежегодную дань; только изъ двѣнадцати бочекъ, если отдашь одну мнѣ, то изволь я растолкую тебѣ загадки и будешь впередъ царствовать; а нѣтъ, то царство твое кончится.—Изволь, старичокъ, говоритъ царь, любую беру изъ двѣнадцати бочекъ,—а только расскажи мнѣ загадки.»—А вотъ что,—старичокъ начинаетъ,—тебѣ загадую: первая, что удалѣе на свѣтѣ? такъ ли?—спрашиваетъ царь. «Точно такъ,» отвѣчаетъ царь.—Ты отвѣчай мнѣ,—удалѣе собственныхъ своихъ глазъ ничего нѣтъ: куда ни взгляну, въ одно мгновеніе все вижу. Вторая, что милѣе на свѣтѣ? Что у насъ милѣе краснаго солнца на свѣтѣ? оно запечетъ,—и всякая тварь веселится. Третья, что слаще всего на свѣтѣ? Слаще воды, есть ли что на свѣтѣ? безъ ней совершенно никому и жить нельзя. Поѣзжай, скажи имъ сіе, все получишь.—Царь Іоаннъ Васильевичъ поблагодарилъ старичка и отправился на Востокъ къ бѣлому камню. Приѣзжаетъ къ назначенному мѣсту, тамъ уже его ожидаютъ всѣ инодержавные короли и князья; сдѣлали царю подобающую встрѣчу, а потомъ стали проевтъ его растолковать загонутыя имъ загадки. Царь І. В. начинаетъ такъ: «Первая вапа загадка: что удалѣе на свѣтѣ? Удалѣе собственныхъ своихъ глазъ есть ли что на свѣтѣ? куда ни взгляну, — все вижу.» «Истинная правда,» отвѣчаютъ короли и князья. «Вторая: что милѣе всего на свѣтѣ? Можетъ ли что быть милѣе на свѣтѣ краснаго солнца? оно запечетъ, — то вся тварь веселится.» «И это правда,» говорятъ короли и князья. «Третья:

:иде: слышу: всего: на: свѣтъ? Можетъ: ли: быть: что: князе
 :воды: на: свѣтъ? Возмите: себѣ: въ: пригвѣръ: жидкому: ни
 :будь: ни: насъ: придетъ: жажда: попить, а: веди: бы: намъ
 :сказама: —: итъ, а: потому: узнали: бы: что: у: такого: —: то: есть
 :въ: запарѣ: и: намъ: пить: нестерпиво: хочется, то: кажется: въ
 :то: время: са: одну: ложку: дадите: Бога: въсть: что, только: бы
 :дали: попить, и: пили: бы: съ: какою: сладостию: и: прїятностию»
 :и: Истинная, истинная: правда, И: В., даръ: ты: Русскій,»
 :встрѣчала: въ: королѣ: и: князя, и: потому: вручили: ему: двѣ:
 :надцать: бочекъ: золота: и: обязались: платить: требуемую: имъ
 :ежегодную: дань. И: такъ, распростившись: Иванъ: Васильевич:
 :Грозный: съ: внодержавными: королями: и: князьями, отправился:
 :обратно: на: свое: царство. Приближаются: къ: мѣсту, гдѣ:
 :старичокъ: строитъ: церковь. Царь: говоритъ: своей: свѣтъ:
 :«Что, грешода, какъ: ви: думаете: отдать: бочку: старикку: зо:
 :лота: будетъ: очень: много? У: насъ: есть: армія: и: другія: войска,
 :нужно: ихъ: содержать: а: у: старика: что: есть, и: куда: ему:
 :золото: класть? Лучше: же: мы: сдѣлаемъ: такъ: изъ: бочки: вы:
 :немъ: двѣ: части: золота, а: одну: оставимъ, и: вмѣсто: двухъ:
 :долей: вынятыхъ: всыпемъ: песку, дабы: не: такъ: было: при:
 :мѣтно, и: отдадимъ: ему.» Всѣ: на: сіе: согласились. По: ска:
 :занному, какъ: по: писанному, такъ: и: сдѣлали: золото: выняли,
 :а: песку: насыпали, а: сверхъ: песку: одну: долю: золота: поло:
 :жили, и: поѣхали: впередъ. Приѣзжаютъ: къ: тому: мѣсту, гдѣ:
 :старичокъ: строитъ: церковь; царь, подѣхалъ: къ: старичку,
 :говоритъ: «Помогай: тебѣ: Господи, старичокъ. Покорнѣй:
 :ше: благодарю: тебя: за: наставленіе: я: все: подучилъ: обѣщан:
 :ное; теперь: же: поди: и: ты, старичокъ, получиай: и: отъ: меня:
 :обѣщанную: тебѣ: бочку: золота.» Старичокъ: говоритъ:—Ну,
 :царь: Русскій: Иванъ: ты: Васильевич: и: Грозный! Сдѣлъ: ты:
 :ввелъ: измѣну: въ: Русь: православную, и: никогда, ты: ей: съ:
 :сего: времени: не: искоренишь, и: ни: другой: кто: либо: при:
 :чиною: всего: этого: зла: ты: самъ, царь. За: чѣмъ: тебѣ: обма:
 :пывать: меня? Я: спасъ: тебя: и: жизнь: твою, ты: обѣщаль: мнѣ:
 :за: сіе: бочку: золота, а: вмѣсто: золота: плотишь: доскомъ. —
 :Царь: видитъ, что: это: человекъ: не: простой, и: слезно: проситъ:
 :взять: любую: бочку: кромѣ: той; старичокъ: отвѣчаетъ:—Зо:
 :лотомъ: твоимъ: я: не: нуждаюсь, и: жить: буду: безъ: твоего

— А себѣ возьмемъ Химскую землю! —
 Государю тыя рѣчи прилюбилъся.

Говорилъ асу надежа государь-царь:

55. « Ай же вы, малые дѣтушки, солдаты!
 « Пособите государю дума-дудаки.
 « Надо думать крѣпка дума, не продумати —
 « Мнѣ-напашетъ конь король земли Шведскія —
 « Онъ ужь проситъ у насъ города Смоленска; —
 60. « А даваетъ мнѣ намъ Химскую землю.
 « Такъ отдадимъ намъ Смоленскъ, или не отдадимъ.
 « Али намъ за Смоленскъ построи,
 « Али намъ на Смоленскъ нанимати?
 Выходилъ прейіи князь Данила Милоставской,
 65. Онъ по близку государю становился,
 Онъ по низку государю поклонился:
 — Ай ты, ай асу, надежа государь-царь!
 — Благослова намъ, государь, слово смоленца:
 — Что Смоленскъ есть строенье на Лизовско;
 70. — А Смоленскъ есть строенье Московско;
 — Во Смоленскѣ стрѣльцовъ есть дорожъ (тысячей);
 — Во Смоленскѣ казны есть ошѣты живу;
 — Ужь мы станемъ за Смоленскъ стоять;
 — Ужь мы станемъ на Смоленскѣ нанимати.
 75. — Не дадимъ мы гуду города Смоленска,
 — Не возьмемъ себѣ Химскія земли —
 Государю тыя рѣчи прилюбилъся.
 Говорилъ асу надежа государь-царь:
 « Ай ты, ай асу, князь Данила Милоставской!
 80. « Мнѣ-ка чѣмъ же быти на скеро пожаловати?
 « Я пожалую во Смоленскѣ воеводою.

Астраханскаго-то князя взялъ — повѣсилъ,
 А Букарскому-то князю голову срубилъ.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

41.

(Периск. губ., Екатериноб. уезда).

- Вы лѣса ль мой, лѣсочки, лѣса темные,
 Вы станы ль мой, станочки, станы Тецдые!
 Ужь какъ вы ль, мой станочки, поразломлены,
 Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразломлены,
 5. По злодѣйкамъ по тюрьмамъ поразсужены.
 Только я то ли, добрый молодецъ, не пойманъ
 былъ.
 По прозваніицу меня звали Стенька Разинъ сынъ.

- Я не годъ гулялъ, я не два года,
 Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
 10. Какъ пошелъ-то я ко синю морю,
 Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;
 У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
 «Перевезите-ка меня, добра молодца,
 «На ту сторону, на бѣлый камешекъ!»
 15. На бѣломъ камешкѣ сталъ скончатися,
 При кончинушкѣ сталъ наказывать,
 Сталъ наказывать и выговаривать:
 «Ахъ вы милые сотоварищи!
 «Похороните меня, добра молодца,
 20. «Промежду трехъ дорогъ, первой [Питерской],
 «Другой Владимірской, третьей Кіевской.
 «Вовъ правую ручку дайте саблю вострую,
 «Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,
 «Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
 25. «Вовъ ногахъ поставьте воронѣ коня.
 «Кто ни идетъ, кто ни ѣдетъ мимо молодца,
 «Мимо молодца, всякъ помолится:
 «—Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
 «—Тутъ лежитъ-то Стенька Разинъ сынъ!—

Взялъ удалый-добрый молодецъ золоту казну
И понесъ въ каменну Москву. А II

- Приходить въ каменну Москву на царевъ кабакъ,
И купилъ-бралъ зелена вина,
30. ~~Сказалъ~~ ~~говорилъ~~ ~~таковы~~ ~~слова~~:
« А пейте, братцы, зелена вина!
« Не пропить моей золотой казны:
« Есть у меня золотой казны сорокъ тысячей.»
И пригодился служки монастырскія,
35. И доносили его царскому ведичеству.
И приводять этого удалаго-добра молодца,
И сталъ царь его допрашивать:
— Скажи, скажи, удалый-дородный-добрый молодецъ:
— Былъ ли ты красть монастыря Румянцева
40. — И былъ ли ты нести золотой казны?—
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:
« Ай же ты, царь Петръ Алексеевичь!
« А не былъ я красть монастыря Румянцева
« И не былъ я нести золотой казны,
45. « А ходилъ-гулялъ по чисту полю
« И находилъ во чистомъ полѣ
« Шестьдесятъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
« И подъяютъ ёны золоту казну,
« И золотой казны сорокъ тысячей;
50. « И просилъ я у нихъ золотой казны
« Хотя малаго жеребеечка.
« А ёны говорятъ, удалые молодцы:
« — Голечёкъ ты, удаленькй молодецъ!
« — Не можешь нажить себѣ золотой казны!
55. « — А не дадимъ тебѣ малаго жеребеечка,
« — А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,
« — А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ!—
« Показалось мнѣ это слово
« За досаду за обиду за великую;
60. « Ухватилъ я черленый вязъ
« И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ:
« Отъ того удара богатыйрского

Мать сыра земля склыбалася, а старикъ и старуха
 «А добры молодцы испугались, — на старуху
 «Ну, почему жь вы разбѣгались? — старуха
 «И оставили сына зовоу: казну, казну, казну
 «Проговорить его царское величество: казну, казну, казну
 «Ай, жемъ ты, удалый-дородный-добрый молодецъ! —
 «Ходи-гуляй по чисту, по молодому, по светому, по
 «И стой за вѣру христіанскую! —
 «Отъ Козьмы Рокитова, писателя 18 Янв. 1861 г.)

О ЦАРЬ ПЕТРЪ.

(Пудож. уездъ, Шальская волость).

Наѣхалъ царь Петръ на мужика; мужикъ дрова
 сѣкетъ. И говоритъ ему царь: «Божья ти помочь крестьян-
 ствовати!» — Мнѣ-ка надо Бога на помощь! — «А велико ли
 у тебя, старичокъ, семейство?» — А семейство у меня двѣ
 дочери да два сына. — «Не велико жь твое семейство. Куда
 же ты дѣньги кладешь?» — Кладу я дѣньги на три статьи:
 во первыхъ долгъ плачу, а въ другихъ дѣ долгъ даю, а въ
 третьихъ въ воду мечу. — Царь призадумался, что, съ это зна-
 чило, что старикъ и въ долгъ даетъ, и долгъ платитъ, и
 въ воду мечетъ? И говоритъ ему старикъ: — Въ долгъ даю,
 двухъ сыновей кормлю; долгъ плачу, — старика отдаю, а мать
 кормлю; а въ воду мечу, — двухъ дочерей кручу. —
 «Ну, — говоритъ ему царь, — умная ты голова, старичокъ.
 Будутъ со святой Руси бѣлые гуси, умѣй-ка шипать. А
 теперь сведи меня въ степь, а дорожку не знаю. — Почто я
 тебя поведу? Найдешь самъ дорожку, или прямо сверни
 вправо, тутъ повороты влѣво, а тамъ опять вправо. — Этой
 я грамоты, — говоритъ царь, — не знаю. Тамъ меня сведи.»
 — А мнѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого стоитъ. —

*) Т. е. снаряжаю къ замужеству.

« Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу. А выддагишь, такъ поѣдемъ! —

Сѣли они на одноколку и поѣхали. Дорогой старъ царь мужичка выспрашивать: « Далече ль мужичокъ бывалъ? » — Кое-куда бывалъ, судары. — А видаль ли царя? — Царя не видать, а набь? — посмотреть: согласиса бы и помереть. — « Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ. — А какъ я царя узнаю? — « Всѣ будутъ безъ шапоцъ бѣгаты: одинъ царь въ шапкѣ. » Какъ приѣхали въ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширить глаза: двое стоятъ въ шапкахъ; и спрашиваетъ: — Кто же царь? — Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: « Видно, кто ни будь изъ насъ царь! »

(Отъ Царскаго додочника).

ГРАФЪ РУМЯНЦЕВЪ — **ЧЕРНИГОВСІЯ СЛОБОДА**
 46. **Купцы съ вечера торговали,**
 (Черниговскія Слободы).

Купцы съ вечера торговали,
 Свинцу-пороху покупали,
 Мѣдны пушечки зажимали,
 Короля въ глаза не видали,
 5. Въ каменну Москву не стрѣляли,
 Красну дѣвочку вызывали,
 Красну дѣвочку въ пологъ взяли,
 Къ графъ-Румянцеву приводили.
 Графъ Румянцевъ дивовался,
 10. Красотѣ ея любовался,
 Хороша дѣвица, румяна,
 По Штормову приубрана,

*) Вадобъ.

***) Стѣну? — Н.д.

- На ней шубочка парчевая,
 Душегрѣчка золотая,
 15. Въ косѣ ленточка голубая,
 « Ты поди, поди въ Россію за мужа,
 « За любимаго мого сына за Ивана,
 « За Ивановича свѣтъ Ивана,
 « За Россійскаго за енарала.»
20. — Я не йду, не йду въ Россію за мужа,
 — За любимаго твоего сына за Ивана,
 — За Ивановича свѣтъ Ивана,
 — За Россійскаго за енарала.
 Графъ Румянцевъ рассердился,
25. Онъ безъ милости распалился,
 Востру шабельку вынимаетъ,
 Красотѣ ея угрожаетъ,
 « Ты поди, поди въ Россію за мужа,
 « За любимаго мого сына за Ивана,
 « За Ивановича свѣтъ Ивана,
 « За Россійскаго за енарала.»
30. Красна дѣвица испужалась:
 — Я йду, йду въ Россію за мужа,
 — За любимаго твоего сына за Ивана,
 — За Ивановича свѣтъ Ивана,
 — За Россійскаго за енарала.»
35. — Я йду, йду въ Россію за мужа,
 — За любимаго твоего сына за Ивана,
 — За Ивановича свѣтъ Ивана,
 — За Россійскаго за енарала.»

ЧЕРНЫШЕВЪ ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

(Тамъ же).

- Ты звѣзда ль моя, ты звѣздочка,
 Ты звѣзда ль моя восхожая,
 Ты звѣзда ль моя золотая!
 Высокó ты, звѣзда, восходила,
 5. Выше солнца, выше мѣсяца,
 Выше облака ходячаго,

- Выше лѣсу ли стоячаго,
 Выше лѣсу выше темнаго,
 Выше садка зеленога,
 10. Освѣтила весь Кистринскъ-то градъ.
 Подъ Кистринскими воротами
 Какъ стояла темна тѣмница;
 Какъ во той ли темной тѣмницѣ
 Засажонъ сидитъ Россійскій графъ.
 15. Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ
 Онъ по тѣмницѣ похаживаетъ
 Да бородушку поглаживаетъ
 Отростилъ себѣ бородушку
 Ниже пояса шелковенцаго.
 20. Отростилъ себѣ русы кудри
 По самыя могучыя плечики
 Случилось тамъ Пруссу фхату
 Мимо той ли темной тѣмницы
 « Ужь и кто здѣсь засажонъ сидитъ? »
 25. — Засажонъ сидитъ Россійскій графъ
 — Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ
 — Прикажи, сударь, нонтъ-борнитъ
 — Аль на волю веди выгустить
 — Послужилъ онъ царю бѣлому
 30. — Послужилъ онъ правдой-вѣрою,
 — Помахалъ онъ саблей вострою
 — Надъ своею *) шеей толстою. —

*) Гусю? — Ид.

БЫЛИНЫ, СТАРИНЫ,

ПОВЫВАЛЬЩИНЫ:

КНЯЖЕСКИЯ,

МОЛОДЕЦКИЯ,

ВЕЗЪИМАННЫЯ.

30. Князь Михайло вовъ чистомъ полѣ,
Задумалъ онъ крѣпку думушку
Про великую кручинушку.
Его ретивое сердце зашумѣло,
Ретивое ему не сказало
35. Про великую его досадушку.
Возговоритъ князе-тъ Михайло тутъ
Слова ласковыя, знакомыя:
« Ай бо вы, князья мои бояра,
« Вы совѣтнички потайныи!
40. « Раскажите-ка кручинушку:
« Мой-то добрый копь споткнулся здѣсь,
« Повѣсилъ онъ буйную голову;
« Знать печаль-то мнѣ кручинушка,
« Мнѣ великая невзгодушка!
45. « Молода жена съ ума сошла,
« Она бросилась вовъ синѣ море,
« Вовъ Кивачь-рѣку быструю,
« А Иртышъ-рѣка поперекъ бѣжить.
« Воротитесь-ко, князья-бояра,
50. « Вы причетнички богатые!»
Воротился князь Михайло тутъ,
Онъ къ себѣ-то вовъ высокъ теренъ,
Какъ встрѣчали его домашніе,
Они бросились на широкій дворъ,
55. На широкомъ двору крѣпко плакали,
Всѣ кричали грожекнѣ голосомъ:
«« Обо еси, великій князь!
«« Ужь мы скажемъ тѣ, проговоритъ;
«« Какъ случилася невзгодушка.
60. «« Книгина-то наша шатушка
«« Ума-разума лишилася,
«« Она бросилась вовъ синѣ море,
«« Вовъ синѣ море, къ желтымъ пескамъ.»
(Отъ крестьянина)

ТО ЖЕ

(Петрозав. уезда, погость Деревянский).

- Поѣхалъ князь Михайло молиться.
 Женился—у матушки родимой не спросился,
 Обвѣнчался онъ—ей не скадался.
 Его матушка родима.
5. Была гнѣвна и сердита.
 Онъ поѣзжалъ¹⁾, Михайло, до врат,
 Своей онъ матушкѣ молился²⁾,
 « Ай же ты³⁾, матушка родима!
 « Береги мою⁴⁾ княгиню»
10. « Ты корми мою княгиню,
 « Ёствушкой сахарной,
 « Ужь ты дай мою княгиню
 « Питвицемъ медвянымъ,
 « Ты води мою княгиню
15. « Въ соборъ Богу молиться
 « Ты ложи мою княгиню
 « Въ маленькую спальню
 « А сама ложись съ княгиней
 « На тисовую кроватку»
20. Его матушка родима
 Скоро съ дому спроводила⁶⁾
 Парну баенку топилъ»

^{*)} Сюда присоединяемъ разморъчя изъ Старины, записанной Каргопольскаго уезда въ Леленскомъ приходѣ и доставленной Собрателемъ Н. В. Обручевымъ. — Изд.

¹⁾ Поѣхалъ.

²⁾ Матушкѣ молился.

³⁾ Ужь ты.

⁴⁾ Молодую.

⁵⁾ Келью.

⁶⁾ Проводила.

- Парну байну ¹⁾, не угарну,
 Созвала мать ²⁾ княгиню³⁾
25. Въ парну баенку помыться,
 Нажигала ёна ⁴⁾ горючь камень
 До калины ⁵⁾,
 Положила горючь камень
 Мать княгини на утробу;
30. Княгини въ первой разъ вскричала ⁶⁾,
 Все граждана ⁷⁾ услышали;
 Во второй-ть разъ вскричала ⁸⁾,
 Вся палата задрожала;
 А и въ третей разъ скричала ⁹⁾,
35. Земля-мать задрожала;
 Выжигала у княгини
 Мать младеня изъ утробы,
 Завернула мать младеня
 Въ бѣлотравчату рубашку,
40. Положила мать княгини
 Въ бѣлудобову колоду,
 Набивала на колоду
 Три обруча желѣзныхъ,
 Опустила мать колоду
45. Въ синѣ морѣ Волынеко,
 У него, князя Михайлы,
 Вороной конь его споткнулся,
 Востра сабелька сломилась,
 Изъ глазъ слезы покатались;
50. Испроговорить князь Михайло:

¹⁾ Баанку.

²⁾ Мати.

³⁾ Мать.

⁴⁾ До красна.—Изд.

⁵⁾ Первой разъ скричала.

⁶⁾ Граждане.

⁷⁾ Другой разъ скричала.

⁸⁾ Она третій разъ скричала.

- « Вы постойте-ка, ребята, [Молодые офицеры]!
 « Развѣ дома у меня дядьки-дедушки?
 « Родна матушка неможесть!
 55. « Молода жена хвораетъ.»

- Пріѣзжалъ ¹⁾ тутъ Михайло,
 Ко своей бѣлокаменной полаты,
 Его матушка встрѣчала,
 Со пріѣздомъ проздравляла ²⁾,
 60. Со пріѣздомъ проздравляла,
 Со добра коня снимала,
 Испроговорить князь Михайло:
 « Ахъ ты матушка родима!
 « Не тебѣ бѣ меня встрѣчати,
 65. « Со пріѣздомъ проздравляти ³⁾,
 « Со добра коня снимати,
 « А молодой моей княгиня;
 « Ахъ ты матушка родима!
 « Гдѣ моя княгиня?»
 70. — Твоя-та, князь, княгиня
 — Горда и сиѣсива,
 — Всѣ въ горникѣ просидѣла,
 — Въ окошко просмотрѣла,
 — На кровати ⁴⁾ пролежала,
 75. — На кроваткѣ на тесовой,
 — На перинкѣ на пуховой.
 — Не пила и не ѣла,
 — Никуда не выходила.—
 Его слуги вѣрныи встрѣчали,
 80. Со пріѣздомъ проздравляли.
 « Слуги вѣрныи-любимы!
 « Гдѣ моя княгиня?»

¹⁾ Пріѣзжалъ.

²⁾ Стрѣчала; проздравляла.

³⁾ Стрѣчати; проздравляти; и также такъ же.

⁴⁾ На кроватки.

- Слуги вѣрны говорили:
- « Твоя-та, князь, княгиня »
85. « Въ синѣмъ морѣ Волинско, »
 « Въ бѣлодубовой колодѣ »
 « Тебя мать *) родима »
 « Скоро съ дому спроводила, »
 « Парну баенку томила, »
90. « Парну байну, не стварну, »
 « Нажигала мать горючь, »
 « До калины, »
 « Созвала мати княгиню »
 « Въ парну баенку помыла, »
95. « Положила *) горючь, »
 « Мать княгини на утробу, »
 « Выжигала у княгини »
 « Мать младеня изъ утробы, »
 « Завернула мать младеня »
100. « Въ бѣлотравчату рубашку, »
 « Положила княгиню *) »
 « Въ бѣлодубову колоду *) »
 « Поди-тка къ рыболовамъ, »
 « Князь Михайло *) »
105. « Пускай они *) закинутъ »
 Онъ пошелъ, князь Михайло,
 Къ рыболовамъ *) »

*) Колоды.

*) Матушка.

*) Мать.

*) Положила мать княгиню!

*) Набивала на колоду
 Три обруча желѣзныхъ,
 Опустила мать колоду
 Въ сине море Волинско.

*) Ты поди-тка, князь Михайло,
 Къ рыболовамъ.

*) Пусть.

*) Онъ пошелъ, князь, къ рыболовамъ.

- Велѣлъ онъ рыболовамъ
 Закинуть шелковъ неводъ
 110. Шелковъ неводъ
 Колоду вытгали,
 Тутъ колоду разбивали,
 Увидаль тутъ князь Макайлъ
 Книжину со младенемъ,
 115. На колоду ушибался,
 Со бѣлымъ свѣтомъ прощался,
 Со своей душой расстался.

Его маминька, вояина

Вдоль по берегу ходила

120. По берегу ходила
 Причѣты говорила:
 — Тяжко, тяжко сопришила
 — Три души я погубила:
 — Перву душу безъмянцу
 125. — Другу душу безъидану,
 — Третью душенику сердечну.

(Записано 7 мая 1881 г.)

ОНИКА ВОИНЪ.

(Витгорскаго поэта, Олосомиттесерантисе (примеч.) 1881 г.)

- Жилъ-былъ Оника Воинъ,
 Жилъ-былъ не долго,
 Жилъ триста тридцать единое лѣто,
 И сколько онъ земель прождялъ,
 5. И много онъ земель разорялъ,
 Божьи дома на дымъ спущалъ,
 Божество-иконы на ладанъ.

*) Это заключеніе переходитъ уже къ Стихамъ — Ид.

- И говорить онъ Господу Богу,
 И говорить онъ рѣчь похвальную,
 10. Похвальную рѣчь, Господу Богу,
 « Кабы даль да мнѣ-ка Господи,
 « Съ небеси во столбѣ колесницъ: **булатно**,
 « Повернулъ бы я всю землю на спие небо,
 « А спие небо на сыру землю,
 15. « На міру бы смерти не было,
 « И народъ бы былъ все живъ,
 Да не полюбились эти рѣчи Господу Богу,
 Посылалъ онъ двѣ сумоцьки переметны:
 Одну сумоцьку онъ клалъ противъ неба,
 20. А другу сумоцьку клалъ противъ земли,
 И послалъ онъ своихъ скорыхъ Апостоловъ,
 И куды итти Оника ѣхати
 И вотъ поѣхалъ Оника Воинъ,
 Поѣхалъ чистымъ полемъ,
 25. Да широкимъ раздольемъ,
 И на той пути да на дороженькѣ
 Лежать-то двѣ сумоцьки переметны,
 И стоять тутъ люди добры,
 « Оберите-тко вы, люди добры,
 30. « Оберите-тко свои сумоцьки переметны:
 « Если я задѣну ножкой лѣвою,
 « То негдѣ сумоцекъ будетъ искати;
 « И если я задѣну дожкой правою,
 « То негдѣ будетъ сумоцекъ искати.»
 35. — Ахъ ты, Оника, пустохвастишко,
 — Ахъ ты, Оника, пустохвалишко!
 — Ты ѣдишь, Оника, похваляешься,
 — А тебя съ дѣло не выхватывать.
 Разсердился Оника Воинъ,
 40. Задѣлъ онъ за сумоцьку ножкой лѣвою,
 И не могъ онъ сумоцьки повыздыбнуть,
 Задѣлъ Оника ноженъкой правою,

*) Ср. рѣчи Святгора и Ильи Муромца.—Изд.

**) Въ разпорѣчїи Оника ѣдетъ «Ересолицъ Градъ Морозитъ».

- И не могъ онъ сумодецъ **повыздынуть**,
 Соскоцилъ Оника со добра коня
 45. И принимался во всю силу **Богатырскою**:
 И по колъвъ ушелъ во матушку во сыру землю,
 И не могъ онъ сумодецъ **повыздынуть**:
 Разсердился Оника по **сердиному**,
 И разозлился Оника по **звирному**:
 50. И принимался всюю силой **Богатырскою**:
 И по поясъ ушелъ во матушку во сыру землю,
 И не могъ онъ сумодецъ **повыздынуть**:
 И принимался Оника же на **путьню**:
 И по груди ушелъ онъ во матушку во сыру землю,
 55. И не могъ онъ сумодецъ **повыздынуть**:
 И надорвалъ онъ свое **ретливое сердешко**,
 И со стыдомъ сядилъ на добра коня,
 На добра коня на **Обахмата**:
 И похалъ Оника **Воинъ цастый полемъ**:
 60. **Широкимъ раздолемъ**:
 А на той пути на **дорженьки**
 Лежить тутъ **Цюдо цюдное**,
 Лежить тутъ **Диво дивное**:
 Руки-ноги лошадины,
 65. А голова **лежить звирная**,
 И туша **целовщетка**:
 «Что же ты лежишь, **Цюдо цюдное**?
 «Али ты **Цюдилиця** есть **прецюдная**,
 «Али ты **полякъ** есть, **поленской сынъ**?
 70. «Али ты **полениця удалая**?
 — А не **Цюдо** есть я **цюдное**,
 — Не **Цюдилиця** есть **прецюдная**,
 — Не **полякъ**, не **поленской сынъ**,
 — Не **полениця** я есть **удалая**:
 75. — Оника **Воинъ**, я есть **Смерть скорая**,
 — **Скорая** есть **Смерть**, **скоропостижная**. —
 «Ай же ты, **душегубка!**

*) То же, что «полянница», только въ «формѣ мужскаго рода. — *Изд.*

- « У меня есть сабля вострая:
 « Отмахну же буйну голову!»
80. — А не хвастай, Оника Воишь:
 — У меня есте *) шидья вострыя,
 — И подщю я у та жилюцьки. —
 Замахнулся Оника вострой саблею:
 Во плечи рука застоюлася.
85. Ни куды рука не сгибалася,
 Востра сабля съ руки выпала
 И цють добра коня не изрѣзала.
 « Ай же ты, Смертка скорая!
 « Дай мнѣ строку, **) хоть на три годы.
90. « Свой животь по церквамъ рознести
 « И золоту казну по нищей братии.
 « Мнѣ своя душенька набѣ покаяти, ***). »
 — Не дамъ я тебѣ строку и на три часы;
 — Твой животь есть неправедной.
95. — Золота казна не заработана,
 — И твоей души не будетъ помощи. —
 « И дай ты строку хоть на три часы.
 « Мнѣ-ка свой животь по церквамъ рознести,
 « Золота казна по нищей братии.
100. « И свою душу набѣ покаяти. »
 — Не дамъ я ти строку ни три минуты:
 — Твой животь есть неправедной,
 — Золота казна не заработана,
 — И твоей души не будетъ помощи. —
105. Зашатамся Оника Воишь на добри кони
 И упалъ онъ на сыру землю;
 И быдто вѣкъ души не было.

(Доставлено Собрателю Н. В. Обручевымъ).

*) Есть тѣ? — *Изд.*

**) Строку.

***) Надобь покаяти. — *Изд.*

Легенку въ ладошкой похлопаетъ и аборакъ //

49.

Легенку въ ладошкой похлопаетъ и аборакъ //

О ДОБРОМЪ МОЛОДЦѢ И ЖЕНѢ НЕВДАСЛОВОЙ //

Легенку въ ладошкой похлопаетъ аборакъ //

(Кижскій погостъ, деревня Кооскини).

Жилъ-былъ молодецъ Единешенекъ,

Охвочъ-то былъ молодецъ //

Гулять-загуливать,

Долгіе вѣчеры прохаживать,

5. Темныя ноченьки провѣживать //

И по зеленымъ по затресьямъ погуливать:

Стрѣлялъ онъ гусей, лебедей,

Стрѣлялъ онъ сѣроплавныхъ утешекъ //

Женилъ добра молодца батюшка неволею,

10. Неволею женилъ, неохотю:

Приданого много, человекъ худой;

Приданое большое на грядкѣ виситъ,

Худая жена на кровати лежитъ,

Куды пошлешь, все жену не дождешься //

15. И отвѣтъ-то подастъ,

Въ стѣну головой отдастъ,

И по мосту покатиться,

За порогъ-то руки захватиться:

« Дунай, Дунай, Дунай » — на столъ сбирай //

20. И любимая пѣсня: « Вѣтъ хочется » //

Разборъ: Легенку въ ладошкой похлопаетъ аборакъ //

1) Удалыхъ-добрыхъ селезевъ //

2) И дождешься, — не доспросишься //

*) По полу //

**) Изъ этого ясно, что былина относится къ Дунаю, а не къ Василию Буслевичу, который заслонилъ его въ народоу памяти тою же Удалюю. — *Сбор.* — Правда, имя Василы Буслевича явѣе вѣдѣно; обратившись въ писмо безымянную, былина начала дѣлать имена произвольно, Изъ отрывковъ же бывшихъ видно, что дѣло съ королемъ Литовскимъ и его дочерью, въ тоцъ видѣ, какъ передается, принадлежитъ одинаково и Дунаю, и Потыку (позднѣе сюда прихвѣшавъ еще и Ваньку-млошанцевъ); труднѣе рѣшить кому кой штъ принадлежить старше, по происхожденію. Въ настоящемъ же случаѣ это чѣсто одинъ припѣвъ, столь употребительный на Сѣверѣ Руси, и смыслъ таковъ: только и дѣла въ семьѣ, только и отрады, и бѣды, одна пѣсня — « вѣтъ хочется », одинъ припѣвъ — « на столъ сбирай » — *Изд.*

- И вѣчоръ я, добренькій молодець, не ужиналь,
 И утромъ всталъ, — не позавтракаль,
 Схотѣлся обѣдять, нѣтъ багача.
 И пошелъ молодець изъ земли въ землю,
 25. И попалъ молодець къ королю въ Литву,
 Нанялся молодець къ королю на двѣнадцать лѣтъ.
 И первый годъ жилъ во конюхахъ;
 И вина-то горькаго молодець не пиваль,^{*)}
 Сладкимъ медомъ не закусываль;
 30. Господь Богъ меня миловаль,
 И король Литовскій много жаловаль,
 И другой годъ жилъ во поварахъ;
 И вина-то горькаго молодець не пиваль,
 Сладкимъ медомъ не закусываль;
 35. Господь Богъ меня миловаль,
 И король Литовскій много жаловаль,
 И третій годъ жилъ во ключникахъ;
 И вина-то горькаго молодець не пиваль,
 Сладкимъ медомъ не закусываль;
 40. Господь Богъ меня миловаль,
 И король Литовскій много жаловаль,
 Девять лѣтъ жилъ со дочерью,
 Со дочерью жилъ королевскою,
 Спаль-то у ней на правой рукѣ,
 45. На правой рукѣ у бѣдой груди.

- И проходитъ тому времени двѣнадцать лѣтъ,
 Стосковалоя Василью Буслаевичу
 По той ему по худой жены;
 И пошелъ онъ, молодець, отъ дочери королевскій,
 50. Отъ этого короля Литовскаго,
 И зашелъ-то добрый молодець
 Василии Буслаевичъ на царевъ кабакъ,
 И выпилъ-то добрый молодець
 Василий Буслаевичъ чару зелена вина
 55. И другую выпилъ чару похмѣльную;
 *) Не пивываль.

- И похвасталъ *) ей, красною дѣвучкой,
 Услыхали то, слуги вѣрные *)
 Связали-то ему ручки бѣлыя,
 Сковали-то ему ножки рѣзвыя,
 60. Завѣсили ему очи ясныя,
 Повели-то добра молодца,
 На поле на чистое,
 На тую на плаху бѣлодубову, *)
 Отрубить ему буйнаго голова
 65. И придать-то ему смерть напрасная,
 Вынуть ему сердце со печенюю,
 Испроговорить добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ Василий Буслаевичъ:
 « Ай же вы, королевскіе слуги вѣрные *)
 70. « Вы ведите меня мимо королевниинъ домъ,
 « Последне *) мнѣ-ка съ ней проститися,
 « Последне мнѣ-ка съ ней разстаратися,
 Повели удаляти молодца мимо королевниинъ домъ,
 Становили противу оконъ косячветыхъ.
 75. Говорилъ Василий о такомъ слова:
 « Ты прощай, на дочку королевскую,
 « Меня, добра молодца, Василья Буслаевича,
 « Повели слуги вѣрные на поле на чистое,
 « На тую на плаху бѣлодубову,
 80. « Отрубить мнѣ-ка буйнаго голова,
 « И придать мнѣ-ка смерть напрасная,
 « Вынимать-то сердце со печенюю,
 *) Похваляется.
 *) « Ты не хвастай, добрый молодецъ,
 *) « Этой дочерью королевскою
 *) На дубовую
 *) Слуги вѣрные короля Литовскаго
 *) Последний.
 *) За снѣгъ:
 Увидала дочь королевская
 Этого удаля-добра молодца.

Говорила донь королевская

— Ай же вы, королевские слуги вѣрные!

85. — Вы возьмите съ мени денежекъ пятьсотъ руб-

— Отпустите удала-добра молодца

— На волю на вольную

— Откройте ему очи ясныя,

— Развяжите ему ручки бѣлыя

90. — И раскуйте ему ножки рѣзвыя.

Она взяла, дочь королевская,

Этого удала-добра молодца

Во этие покои блудубовы,

На словахъ ему выговаривала:

95. — Ты удаленькій-добрый молодець!

— Не зайдя-тко ты больше на царевъ кабаць,

— Не выпей-ка ты больше чары зелена вина,

— Не выпей-ка другой похмѣльныя

— И не похвастаня мной, красной дѣвушкой!

100. И пошелъ молодець, отъ короля съ Литвы

И шель-то путемъ широкою дороженькой,

И пришло дутьъ три розстаня,

Три розстаня пришло любимыхъ:

Первая розстань къ отцу-матери,

105. Другая розстань къ роду-племени,

Третья розстань къ молодой худой жемчужини

И раздумался судалый-добрый молодець:

« А пойти Василью Буслаевичу къ отцу-матери, —

« Отца-матери живыхъ не застать;

110. « Пойти добру молодцу къ роду-племени,

« Роду-племени меня не спознать;

« Пойду-ка я къ молодой худой жемчужини

И шель добрый молодець, Василій Буслаевич,

Широкимъ путемъ-дороженькой,

20) Вы спустите молодца.

115. Изъ орды въ орду, изъ земли въ землю,
И пришел молодецъ въ свое оторну¹¹.

И на улицы два вьюнчика свиваются,
И стоять-то палата богатырская.
И спросилъ Василий Буслаевичъ:

120. « Вы чьи, два вьюнчика малые,
« Чьего вы роду-племен¹²?

« Гдѣ у васъ родный батюшка?»

Отвѣчали два вьюнчика малые:

« Ай же ты, нашъ родный дяюшка!

125. « « Нѣтъ у насъ роднаго батюшки¹³ »).

« « Есть у насъ одна родна маменька;

« « Ушелъ-то нашъ батюшка къ королю въ Литву,¹⁴»

Отвѣчалъ же Василий Буслаевичъ:

« Ай же вы, два вьюнчика малые!

130. « Подите—скажите—тко родной матушкѣ¹⁵;

« Пришелъ-то вашъ родный батюшка¹⁶ ».

Она вышла, молодца худя жена¹⁴),

Увидѣла добра молодца Василя Буслаевича.

Стоить-то на широкой на улицы;

135. Опустилася по ступенямъ по крутымъ,

Захватила удала-добра молодца.

За этия за рученьки за бѣлыя,

За этия за перстни за алчаныя,

Цѣловала въ уста во сахарныя,

140. Сама говорила таковы слова:

¹¹) « Вьюнчикъ, вьюношъ, » — юноша или юноша (съ придыханіемъ е); такъ какъ, посредствомъ приставки «, привлекъ въ себя корень «ить», то народъ воспользовался образомъ вьюна, свивающа, глѣзости, дѣтской игры. — *Изд.*

¹²) Тятеньки.

¹³) Маменькѣ.

¹⁴) За сивъ:

Они шли—сказали родной матушкѣ:

« Пришелъ-то нашъ родный батюшка! »

¹⁵) Молода жена несчастная.

—Находился, нагулялся удалый-добрый молодец! —
Туть оны стали жить да быть,
Жить да быть, долго здравствовать.

(Отъ крестьянина Щеголенкова).

ТО ЖЕ.

(Деревни Середки, Кижского погоста, Петрозаводского уезда).

- Закручинился добрый молодец, запечалился,
Повѣсилъ головушку ниже могучихъ плечь,
Утупилъ очи ясныя во сыру землю:
«Какъ мнѣ-ка, добру молодцу, не кручиниться,
5. « Не кручиниться удалому, не печалиться!
« Вечоръ-то я легъ,—не поужиналъ,
« По утру всталъ,—не позавтракалъ,
« Хватился обѣдать,—и хлѣба нѣтъ.
« Еще-то меня, добра молодца,
10. « Поневолили родители жениться,
« Неволело женили, нехотою!
« Они взяли во мѣсть во богатоешь,
« Хоть приданого много,—человѣкъ худой,
« Цвѣтное платьице на грядочкѣ висить,
15. « Худая-то жена на ручкѣ спить,
« Не съ кѣмъ добру молодцу поглядиться,
« Не съ кѣмъ добру молодцу полестися!»

Отъ того добрый молодецъ въ гульбу пошелъ.

- День за день, какъ дождь дождить,
20. А недѣля за недѣлей, какъ трава расстѣтъ,
Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,

15) За смѣть:

Проводила эга жена несчастная

Во зтые покои блѣдубовы,

Сама радостью наублилася.

*) Поластиться, поласкаться.—Изд.

- Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву, а не такъ?
Онъ задался къ королю къ услуженію; а что доволяю?
Служилъ не много, не мало, — двѣнадцать лѣтъ.
25. Служилъ онъ королю вѣрою-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ невѣщьюею? — Ишь, что!
Его Богъ, добра-малодца, миловалъ, а не такъ?
А король удалиго-маловалъ; а что доволяю?
Онъ былъ сладко-носилъ красю, а не такъ?
30. Спалъ на кровати въ тесовыя, а не такъ?
Спалъ на периночкѣ духовныя, а не такъ?
Со временъ — ишь онъ спалъ на бѣльяхъ гудалъ;
Принашилъ золотой казны, несмѣтныя, а не такъ?
— Ишь, что! — Ишь, что! — Ишь, что!
Стоквалосся, молодецъ по свою, родимую сторону,
Ишь, что! — Ишь, что! — Ишь, что!
35. Посмотрѣлъ, догнѣлъ отцовскаго, помѣстьяца, —
Хоть «ростетъ тутъ» велемая красавишка-онои! —
«Ай же ты, жоромъ Литовскій!» —
«Отпусти-на-меня-на-родимую-сторонушку» —
«Посмотрѣлъ, догнѣлъ отцовскаго, помѣстьяца» —
40. Говорить ему жоромъ Литовскій —
— Ай же ты, удаленный-добрый молодецъ,
— Ай же ты, слуга моя вѣрная, невѣщьюа!
— Поѣжай-на-родимую-сторонушку,
— На отцовское-родительское-помѣстье!
45. Какъ король ему жалуетъ добра-коня,
Королевна его жалуетъ золотой казной.
— Ишь, что! — Ишь, что! — Ишь, что!
- Какъ поѣхали удаленный-добрый молодецъ
На свою родимую-на-сторонушку,
Не пѣшомъ идѣтъ, на конѣ идѣтъ.
— Ишь, что! — Ишь, что! — Ишь, что!
50. Скоро скажетъ, что же и дѣлается,
Пріѣзжаютъ на родимую-сторонушку,
Какъ стоитъ-то, катенка-неумудрая,
Неумудрая-катенка-безумная;

*) Не невѣщью? — Ид.

**) По временамъ. — Съ черешенью? — Ид.

- Ужь какъ бѣгаютъ два малыхъ вьюношей.
55. Говорить удалый-добрый молодець:
 « Ужь вы здравствуйте, малые вьюноши!
 « Вы какой семьи; роду-племена?
 « Вы какого отца-матери?
 « Ай же ты, нашъ дяденька-незнамый!
60. « У насъ нѣтъ семьи, роду-племена!
 Говорить удалый-добрый молодець:
 « Ай же вы, глупые-малые вьюноши!
 « Гдѣ же у васъ родной-батюшка?
 « Ай же ты, нашъ дяденька-незнамый!
65. « Не запомнѣвъ мы своего роднаго-батюшки,
 « Только слышали мы отъ родной матушки,—
 « Слезно плакала, причитала намъ:
 «— Ай же вы, родимыя дѣтушки!
 «— Ужь какъ я васъ повиращу, повиборяю,
70. «— Вашо-тъ батюшка въ гульбу-ушмѣльцу!
 Какъ закипѣло рѣтвое сердечушко у добраго-молодца,
 Полились слезы рѣкой изъ левыхъ-очей:
 « Вѣдь это мои-родимыя-малыя-дѣтушки!—
 « Ай же вы, глупые-малые вьюноши!
75. « Гдѣ же у васъ родная-матушка?
 Отвѣчаютъ малые вьюноши:
 « Наша матушка ушла на-крестьянскую-работушку.»
 Какъ сожидаетъ удалый-добрый молодець,
 Сожидаетъ до-воздьяго-вечера.
80. Какъ поздно по-вечеру идетъ его худая жена,
 Со-крестьянской идетъ со-работушки,
 На-правой-рукѣ несетъ косу-зострую,
 Во-лѣвой-рукѣ частыя грабли,
 На-плечахъ несетъ дрова-печи-топить.
85. Какъ стрѣгаетъ удалый-добрый молодець:
 « Ужь ты здравствуешь, вдова-ли, жена-ль-мужня!»
 — Ай же ты, незнамый-добрый-молодець!
 — Не-вдова я и не-жена-мужня,
 — Сирота я есть-прегорькая.—
90. Говорить удалый-добрый молодець:

« Не зловаздесь, и не жейте мужика, а вы сами не знаете, что вы?»

« Сирота, сирота, прегорьсади вы, а вы сами не знаете, что вы?»

« Уж ты развѣ не знаешь, быжмаво сродника?»

« Премало, мѣ въ одномъ мѣстѣ, а вы сами не знаете, что вы?»

95. « Играти настолово шахматы Турецкія, а вы сами не знаете, что вы?»

« Я донь тебѣ часто вадит брава, а вы сами не знаете, что вы?»

« Говорить сему худая жена, а вы сами не знаете, что вы?»

« Ходи худая жена, жена разумная, а вы сами не знаете, что вы?»

« Умная жена, разумная, а вы сами не знаете, что вы?»

100. « Ах, жалко, незнамый добрый молодецъ!»

« Вѣкъ я прожилъ въ бѣдѣ, въ сиротѣ, а вы сами не знаете, что вы?»

« Я же знаю шахматы Турецкія, а вы сами не знаете, что вы?»

« Я не знала игоры молодецкія, а вы сами не знаете, что вы?»

« Уже ты несишь жена мужика, разумная!»

105. « Поди-тко, во яраво карманъ, а вы сами не знаете, что вы?»

« Во карманъ ести цюлькѣ шитокъ, а вы сами не знаете, что вы?»

« Во платкѣ ести ланчанъ шерстенъ, а вы сами не знаете, что вы?»

« Казеримъ съ тобомъ обрвадися, а вы сами не знаете, что вы?»

« Говорить жена мужика, разумная, а вы сами не знаете, что вы?»

110. « Я, которымъ святителямъ молчался, а вы сами не знаете, что вы?»

« Я, которымъ чудотворцамъ общался, а вы сами не знаете, что вы?»

« Что пришло до мнѣ, законный мужъ!»

« Что пришло до мнѣ, законный мужъ!»

(Отъ крестьянина, записано въ Январѣ 1861 г.)

« Я же знаю шахматы Турецкія, а вы сами не знаете, что вы?»

« Я не знала игоры молодецкія, а вы сами не знаете, что вы?»

« Уже ты несишь жена мужика, разумная!»

« Поди-тко, во яраво карманъ, а вы сами не знаете, что вы?»

« Во карманъ ести цюлькѣ шитокъ, а вы сами не знаете, что вы?»

« Во платкѣ ести ланчанъ шерстенъ, а вы сами не знаете, что вы?»

« Казеримъ съ тобомъ обрвадися, а вы сами не знаете, что вы?»

« Говорить жена мужика, разумная, а вы сами не знаете, что вы?»

« Я, которымъ святителямъ молчался, а вы сами не знаете, что вы?»

« Я, которымъ чудотворцамъ общался, а вы сами не знаете, что вы?»

« Что пришло до мнѣ, законный мужъ!»

« Что пришло до мнѣ, законный мужъ!»

(Деревня: Чудополье, Березно-Афросского погоста).

« Я же знаю шахматы Турецкія, а вы сами не знаете, что вы?»

« Я не знала игоры молодецкія, а вы сами не знаете, что вы?»

« Уже ты несишь жена мужика, разумная!»

« Поди-тко, во яраво карманъ, а вы сами не знаете, что вы?»

« Во карманъ ести цюлькѣ шитокъ, а вы сами не знаете, что вы?»

« Во платкѣ ести ланчанъ шерстенъ, а вы сами не знаете, что вы?»

« Казеримъ съ тобомъ обрвадися, а вы сами не знаете, что вы?»

« Говорить жена мужика, разумная, а вы сами не знаете, что вы?»

(*) Побывавши дома, смирно разложился, лица большею частью потеряли имя, ит. п. — Изд.

рилъ таковы слова: «Служу я Владиміру двадцать пять годовъ, не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перинъ мягкія, ни какого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья.» Убыхалъ Владиміръ стольно-Кіевскій, призываетъ Дворянина Безсчастнаго, говоритъ Владиміръ таковы слова: «Что ты говоришь себѣ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! — Солявишко Владиміръ князь, стольно-Кіевскій! Я служу тебѣ двадцать пять годовъ, а не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перинъ мягкія, ни какого чина, ни повышенія, ни себѣ жалованья; а другихъ жалуешь: чиновъ, повышеніемъ, жалованьемъ.» Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій сталъ его жаловать, даетъ ему двѣнадцать соболей подбланныхъ, и даетъ красного золота невила невилаута, величьею собой подблатъ, и двѣнадцать пуговицъ вылицъ, и двѣнадцать петель вытянуть, сошить шубу соболиную къ Христовьской заутрени.

И Дворянинъ Безсчастный Молодецъ получилъ двѣнадцать соболей недбланныхъ, красного золота невила невилаута, и пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, понизилъ буйну голову ниже могучихъ плечъ, пришесть къ собольщикамъ, самъ говорилъ таковы слова: «Ай же вы, господа собольщики! подблайте мнѣ двѣнадцать соболей.» Отвѣтали ему собольщики: «А скоро тебѣ надо подблатъ двѣнадцать соболей? — Мнѣ чтобы поспѣла шуба къ Христовьской заутрени.» — Что ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Теперь половина субботня дня, а мы съ четверга шабашъ сдѣлали, и ни за какія деньги работать не примемся. — И пошелъ онъ къ золотарямъ: «Ай же вы, господа золотари! вылейте мнѣ двѣнадцать пуговицъ и двѣнадцать петель вытяните.» — А скоро тебѣ надо вылить и вытянуть? — Мнѣ, чтобы поспѣли къ Христовьской заутрени.» — Что ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Теперь половина субботня дня, а мы съ четверга шабашъ сдѣлали, и ни за какое дѣло работать не примемся.

И пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, понизилъ буйну голову ниже могучихъ плечъ. Идетъ ему встрѣту Женщина Престарѣлая, низешенько ему покланяется, сама говоритъ таковы слова: «Что ты идешь кручиненъ-печаленъ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ? — Говорилъ Дворянинъ

—Ай же ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ! Лежишь на кровати тесовую. — Дожился Дворянинъ Безсчастный Молодецъ. Пошла Престарѣлая Женщина за собою дверь заперла. Думаетъ самъ съ собою добрый молодецъ: «Видно, мнѣ изъ сего дома не бывать на бѣломъ свѣтѣ!» Какъ ударилъ первый часъ, и слышать: замокъ отмыкается и двери отворяются. Приходитъ Женица Престарѣлая въ правой рукѣ несетъ фонарь со свѣчею, а во лѣвой рукѣ держитъ шубу соболоную, тросточку камышевую, а на шею серебряной, набалдачникъ красна зобта, шапочку черна собран.

— Вставай, одѣвайся, добрый молодецъ, пора идетъ къ Христовскія заутреня. — Обувалъ онъ сапожки солодныя Турецкаго, шитья было Нѣмецкаго, а надѣваетъ на себя одежду драгоцѣнную, попахнулъ на шнечъ шубу соболоную, шапочку наглядывалъ на головушку, бралъ въ руки тросточку камышевую. Говоритъ ему Престарѣлая Женщина: — Что, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, каково тебѣ кажется? — «Каково тебѣ со стороны кажется: мнѣ — какъ весело, хорошо!» Даваетъ она ему три ключа золоченныя: — Поди тихо къ Христовскій заутреня, а какъ отстоишь заутреню, съ княземъ Владиміромъ явись во христовскія, дружить съ княгиней Опраксою, а третья ключа неси.

И пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ къ заутреню, приходитъ въ церковь соборную, становится на мѣсто заперсыльное, на лѣвое, на крылоса. Отходить Христовская заутреня, пошли христоваться со княземъ Владиміромъ. И Дворянинъ Безсчастный Молодецъ сталъ христоваться съ княземъ Владиміромъ, съ княгиней Опраксою, а вышедши изъ церкви соборныя на церковный рундукъ, самъ съ собою проздумался: «Ежели я пойду къ Престарѣлой Женщинѣ, она отонметъ шубу соболоную, мнѣ же бѣда будетъ. Однако пойду къ Престарѣлой Женщинѣ.»

И пришедши къ престарелому дому, захватилъ замолоцо золоченое и ударилъ: двери отворилися. Какъ зашелъ въ палаты бѣлокаменные, сталъ съ Престарѣлою Женщиной христоваться. Говоритъ она такими слова: — Нѣтъ, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, не со мной тебѣ христоваться, а на-тко тебѣ двѣнадцать ключей, и двѣнадцать

замковъ отложи, и двѣнадцать ключей потреби, и двѣнадцать дверей отвори, и тамъ христосуйся, а только долго не разговаривайся. — Вадъ добрый молодецъ двѣнадцать ключей, отложилъ двѣнадцать замковъ, отворилъ двѣнадцать дверей и заходилъ въ покой особые. И сидитъ дѣвица на стулѣ черномомъ: такой красавицы на свѣтѣ не видано, не видаемо на блгоумъ и не слышано. И сталъ съ ей христосоваться; онъ ей даетъ лицо золоченое, а она ему ширинку золотую, сама говоритъ такими слова: — Постои-ка, Дворянничъ Безсчастный Молодецъ, постои-ка, со мной поговори. — Онъ того добрый молодецъ не слушался, выходилъ за двери дубовыя за собою двери заложилъ и приходитъ къ Престарѣлой Женицины. — Что себѣ видѣлъ, добрый молодецъ? — «Видѣлъ дѣвицу-красавицу: такой на свѣтѣ не видано, не видаемо на блгоумъ и не слышано.» — А хочешь взять за себя въ супружество? — «Охъ, Престарѣлая Женицина, гдѣ мнѣ на взять, за себя въ супружество? — Посылай-ка князя Владиміра свататься, княгиню Опраксу въ поѣздъ поведи: то тебѣ и невѣста; а если не поведешь князя Владиміра и княгиню Опраксу, по тебѣ до невѣсты дѣла нѣтъ!»

Приходитъ къ князю Владиміру, Сталъ его Владиміръ князь чинитъ жадовать. И сталъ Дворянничъ Безсчастный Молодецъ, посылатъ Владиміра князя свататься, княгиню Опраксу во поѣздъ вратъ. Князь-то Владиміръ не ладитъ итти свататься, и говоритъ княгиня Опракса: «У насъ онъ служить вѣрой, правдою, ради же — посватайся.» И поцелъ князь Владиміръ, посватался. Выводитъ дѣвицу Престарѣлая Женицина; то Владиміръ князь вадрогнулъ на нея красоту; и посватали за Дворянничъ Безсчастнаго Молодца. Тутъ веселимъ ширинъ и за свадебку, принимали они золоты дѣшцы, стали жить да быть, вѣкъ коротати.

У столярнаго князя у Владиміра былъ хороши-почестенъ паръ на многихъ князей на бяръ, чтобы жены при нихъ были. *)

Всѣ на царю наѣдался, всѣ на поестномъ наѣдался и

*) Не была?

всѣ на пирѣ порасхвастались. Который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казною, который хвалится отцомъ-матерью, который хвалится женой. Дворянинъ Безсчастный Молодецъ ничѣмъ не хвастаетъ, не похваляется. Говоритъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій: — Что же ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, ничѣмъ не хвастаешь, не похваляешься? — А чѣмъ мнѣ ка? похваляться? Доволенъ я конемъ, доволенъ я женой, доволенъ я и молодой-женой: нѣтъ супротивъ ея красавицы въ Кіевѣ. Изъ за того за століка заднѣмъ выкопачать Оедька Насмѣшникъ, самъ говоритъ таковыя слова: «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій! Я съ его хозяйкою три года живу, а про то нѣкто не знаетъ.» Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій: — Когда ты съ его хозяйкою живешь три года, такъ принеси подлинный знаніе: монеты золотыя съ крестами, тожню повѣрю тебѣ и буду тебѣ княжить, а его шобаску за століка за заднѣмъ выветъ съ мужиками-деревенщиной. — Побѣждалъ Оедька, бѣгалъ по Кіеву, не знаетъ и дома Дворянина Безсчастнаго Молодца. Идетъ Престарѣлая Женищина: — Что ты, Оедька, бѣгаешь-кружешься, чего ищешь по городу по Кіеву? — Охъ, Престарѣлая Женищина! Былъ я у князя Владиміра на почестномъ пирѣ и ударилъ головою о великъ закладъ, достати монеты золотыя съ крестами отъ жены Дворянина Безсчастнаго Молодца; а я и дома то его не знаю.» — Пойдемъ, Оедька Насмѣшникъ, покажу я тебѣ домъ его. — Подошли къ дому Дворянина Безсчастнаго Молодца, вилъ Оедька за кольцо позолоченое и бить въ блестя позолоченую. Выходила служаночка съ свѣчю: — Куда же хозяйка дома нѣтъ, а дома одна хозяйка? — Говоритъ Оедька Насмѣшникъ, до сырой земли поклоняется: — Ахъ не ты, дѣвушка сѣнная! Выручи изъ бѣды великія: былъ я у князя Владиміра на почестномъ пирѣ и ударилъ головою о великъ закладъ, достати золотыя монеты со крестами отъ жены Дворянина Безсчастнаго Молодца. Какъ добычу монеты, буду я на его мѣстѣ, а онъ будетъ на моемъ мѣстѣ (дворъ пахать*), куръ кормить и баня топить.» — Ты, Оедька,

*) Местн. — Иод.

женать ли есть?—«Нѣтъ, я не женать.»—Возьмешь ли ты меня за мужъ?—«Возьму.» И принесла она ему золотыя монисты со крестамы.

Прибѣжалъ Оедька на княженецкїй дворъ, зашелъ въ палаты бѣлокаменные и бросилъ монисты на дубовый столъ. Тутъ Владиміръ стольно-Кіевскій обралъ у Дворянина Безсчастнаго Молодца всѣ чины, повышенія, жалованье, посадилъ его за задній столъ.

Какъ отошелъ почестевъ пиръ, развѣзжался князя-бояра думныи, пошелъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ въ свои палаты бѣлокаменные, пошелъ — самъ съ собой пораздумался: «Приду я домой,—биться и драться—ее не перебить; приду,—ласковыми словами позову, и созову на иностранныя корабли, купить ей матеріи на платье.» Какъ пришелъ домой, созвалъ ея гулять; пошли—ручка за ручку захватились: духъ радуется, глядячись на молодыхъ.

И пришедши къ кораблямъ, пошли по сходнямъ корабельнымъ. Идетъ хозяинъ впередъ, а Дворянинъ Безсчастный Молодецъ вслѣдъ идетъ, самъ думу думаетъ: «Спехнуть ее въ воду, — она сильнѣ меня, и скорѣ меня спехнетъ!» Зашли на корабли и стали матеріи спрашивать. Купецъ продаетъ, а самъ зрить и глядить на нее, и глазъ не скидываетъ. Говоритъ Дворянинъ Безсчастный Молодецъ: «Что же ты зришь и глядишь на жену мою, глазъ не скидываешь?»—Ай же ты, добрый молодецъ! не знаю тебѣ ни имени, ни отчины: экой красавицы ни въ какой землѣ не видалъ.—«А что, господинъ купецъ, купи мою хозяйку, я ее тебѣ продамъ?»—Пустыя рѣчи говоришь, балабошишь, добрый молодецъ! Гдѣ мнѣ-ка эту красавицу купить!—«Давай мнѣ тысячу рублевъ, я ее продамъ.» Купецъ вынулъ тысячу рублевъ и отдаваетъ ему. Взялъ деньги Дворянинъ Безсчастный Молодецъ и пошелъ съ корабля долой. — И пришедши ко князю Владиміру на дворъ, сталъ дворъ пахать, дрова носить и баня топить.

Прошло тому поры-времени двои сутки, схватилася Престарѣлая Женщина о своей дочери, о своемъ зятѣ, пришла ко князю Владиміру провѣдывать. А Владиміръ князь стольно-Кіевскій стопталъ ногамы, скричалъ на нее:—Возьмите же

старую сужу: она у меня добраго Молодца обезчестила, отдала дочь безчестную за Дворянина Безсчастнаго Молодца!—И прогнали ее мужики метлами.

Купецъ поѣхалъ за море въ королевство Португальское, и ладить эту женщину на тесовую кровать, блудъ творить. И сказала она ему: «Купилъ ты меня въ услуженіе, а не спросилъ про то, что спать со мной.» А купецъ, того не пытаючись, наступаетъ. Какъ схватила его на косу бедра, и бросила его во сине море. И говорить она таковы слова: «Ай же вы, людюшки рабочіе! Если гдѣ будете разсказывать, такъ я васъ всѣхъ въ море срюю *); идите въ королевство Португальское.»

Поѣхали корабельщики въ королевство Португальское, приставали во пристань корабельную. И брала она даровья драгоцѣнныи, подносила королю Португальскому. Королю даровья полюбилися, и далъ льготу торговать безданно-безпошлинно, и торговала она три года. А тамъ король преставился. И стали тамошніе люди избирать короля: у кого въ царскихъ вратахъ, противъ Преображенія Христова, загорится свѣча, золотомъ повитая, тотъ король. И стали ходить князья-бояра думные, воеводы, и стали ходить купцы изъ своего града: ни у кого не загорѣлась свѣча, золотомъ повитая. И стали ходить купцы страннныи **). Пошла и жена Дворянина Безсчастнаго Молодца, подрѣзала волосы по мужески, одѣвала мужеское платье, и пошла къ царскимъ вратамъ: у ней загорѣлась свѣча, золотомъ повитая. И всѣ люди взрадовалися, всѣ ей крестъ цѣловали и королемъ нарекали.

Жилъ новый король еще три году, до народа государь былъ добрый, бѣднымъ добро сотворить, а служилымъ людямъ жалованье выдаетъ. Пожилъ три году и сталъ у народа проситься въ Кіевъ градъ: «Спустите меня ко городу ко Кіеву, ко ласкову ко князю ко Владиміру: славенъ Кіевъ градъ на красы стоитъ, на красы-басы на великія.» Гото-

*) Сброшу; *рыть*—кидать.

**) Странныи, переходящіе, гости.—*Изд.*

вили кораблики черленые, бралъ онъ съ собой дружинишку хоробрую и поѣхалъ по славному синю морю, ко стольному ко городу ко Кіеву.

Какъ пріѣхалъ во пристань корабельную, и выкинулъ флаки заморской камки. Увидалъ Владиміръ стольно-Кіевскій, приказалъ на пристани настлать сукна одинцовыя. Садилъ его въ карету княженецкую и привозили на широкой дворъ, заводили въ палаты бѣлокаменны и садилъ за столы дубовыя, стали ѣсть-пить, проклажатыся. Говорилъ онъ таковы слова: «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій! Гдѣ бы мнѣ постоять и квартира имѣть съ мѣсяць времени?» — А гдѣ угодно. — «Есть престарый домъ и живетъ въ немъ Престарѣлая Женщина, — я хочу въ томъ домѣ стоять.» Приказалъ Владиміръ стольно-Кіевскій нахватать дѣвокъ похожаекъ, домъ вымыть-вычистить, сукна настлать и духовъ подпустить. И какъ сталъ домъ готовъ, садился король въ карету княженецкую и поѣхалъ.

Завели его въ покои, садилъ на стулики кленовыя. Говорить онъ посольщику: «Позови потихоньку Престарѣлую Женщину на пару словъ.» Позвали ее: рядилась она во платье самолучшя, взяла подарочки драгоцѣнные и падала на колѣни. Говорить король: «Садись, Престарѣлая Женщина, со мной, поговоримъ. Ты какого роду-племени?» — Я была Португальскаго короля жена, и пришли непріатели на землю Португальскую, сдѣлалось гоненіе, всю силушку прибили. Я въ тѣ поры увезла дочь въ Кіевъ градъ и воспитывала ее до восемнадцати лѣтъ. А есть Дворянинъ Безсчастный Молодецъ: я его выручила, онъ меня выучилъ. Да даетъ ему князь Владиміръ двѣнадцать соболей и велить шить шуба соболиная въ Страстную субботу къ Христовской заутрени: я ему помогла. Вижу: онъ добровидецъ и у князя въ чести, — я выдала за него, за мужа, дочь. Сначала жила она хорошо, да вдругъ дочь у него моя пропала. Ежели выпускать дѣло на бѣлый свѣтъ, стануть добрыя люди зариться. Вотъ я прожываю одна и не знаю, гдѣ дочь. — Ступай, опочивай, Престарѣлая Женщина: я у твоего зятя спрошу про дочь.»

Пошелъ спать король и проспалъ ночь. На утро пріѣз-

жизель ко князю Владиміру и спрашиваетъ: «Кто бы умѣлъ для меня истопить баню парная?» Говоритъ князь Владиміръ: — А позвать Дворянина Безсчастнаго Молодца! Онъ весьма хорошъ баню терить. — Какъ позвали Дворянина Безсчастнаго Молодца, пришелъ онъ, правую ногу откинулъ, руки подъ бока. Началъ король его выспрашивать: «Хорошъ ли ты, молодецъ, топить парная баня?» — Я топлю пре- князя Владиміра, а про васъ могу ли, нѣтъ, истопить! —

Побѣжалъ король домой, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ смочилъ на запятки кареты и захватился за кнѣти. Какъ прѣѣхали къ престарому дому, истопилъ баню и докладываетъ: — Баня, де, готова. — Говоритъ король: «Неси сундукъ за мной вслѣдъ,» а посмльщиковъ выгналъ: «Ты, Дворянинъ Безсчастный Молодецъ, раздѣвайся.» — Какъ шѣлъ переды тобой тѣло обнажать? — Раздѣвайся, и я раздѣнусь. — Раздѣлся король, а самъ стоялъ къ нему, задомъ, какъ обернулся передомъ, спрашиваетъ: «Кто я естъ?» — Ты, мнѣ холяйка досельная! —

Тутъ она одѣлась королевной, а онъ королемъ. Вышли и часовые отдають имъ честь. Спросили они лошадей, сбѣѣвъ в карету и побѣжали ко князю Владиміру. Дивится князь Владиміръ, а какъ услышалъ отъ нихъ, какъ было дѣло, заводилъ ихъ за столы дубовые и сталъ спрашивать: «Гдѣ тотъ Оедка Насибшникъ? — Идетъ Оедка Насибшникъ, аки мертвый! Говоритъ королевна: «Что же, тцц, Оедка Насибшникъ, мною похваляешься?» — «Съ глупости я похвалялъ вашей милостию; а ваша служанка, моляховійка, принесла мнѣ ваше монисто.» Приказалъ князь Владиміръ отвести его на казень смертную. Отрубили ему голову и принесли къ королевны.

Послѣ того король и королевна погостили у князя Владиміра, и побѣжали домой. И жилъ король сто десять лѣтъ; себя вѣчную жизнь уготовалъ, сталъ Богу угождать, на чотъ свѣтъ отходень, и понынѣ онъ отчивается. Ему слава во вѣки не минуетъ.

(Отъ калки Латышова, а его плучилъ калка Герруна въ Вбездра).

*) Опочиваетъ, поконилъ — Идѣ.

О ЦАРЬ САЛАМАНЪ, ЦАРИЦЪ САЛАМАНИИ И ПРЕКРАСНОМЪ
ЦАРЬ ВАСИЛЬЪ ОКУЛЬЕВИЧЪ.

Жилъ-былъ прекрасный царь Васильи Окульевичъ.

И набиралъ-то силушку великую

Великую силушку, могучую

И ставили столы дубовые

5. Стали ¹⁾ скатерочки бранныя

Подгадали ²⁾ бства сахарныя

И носили пятаща медвячныя

И дорнилъ сюю силушку до сына

И напоилъ ее до пьяна

10. И говорятъ себѣ силы могучныя

« Ужъ вы всѣ у меня накормлены

« И всѣ у меня напоены

« И всѣ у меня поженены

« И во скорыхъ часахъ во минуточкахъ

15. « Приберите мнѣ княгиню по разуму

« Чтобы станомъ была ставещенька

« И ростомъ была высокошенька

« И на лицо была красовитая ³⁾

« Очи была бы яснаго сокола

20. « Брови были бы чернаго соболя

« Походка павлиная, рысь ⁴⁾ и чебедница

Богатыри ⁴⁾ другъ на друга подглядываютъ

Отвѣта царю не слышатъ

Изъ за того стола за дубоваго,

Разпорѣчя:

1) Ставилъ; сталъ.

2) Носилъ.

3) Прекрасная.

4) Конечно—архья.—Изд.

4) Князи-бояра.

25. Изъ за того мѣста за высокаго
 Назвался царю *) Ивашка Повареный *):
 — Ай же ты, прекрасный царь Василій Окульевичь!
 — Какъ за этимъ за славнымъ за синимъ моремъ,
 — У премудраго царя у Саламана
30. — Е прекрасная царица Саламанія:
 — Она станомъ станешенька,
 — И ростомъ она высокошенька,
 — И на лицо она красовитая,
 — У ней очи яснаго сокоза,
35. — У ней брови чернаго соболя,
 — Походка павлиная; рысь лебединая.—
 Говоритъ прекрасный царь Василій Окульевичь:
 « Ты безумный воръ, Ивашка Повареный!
 « Какъ же можешь отъ жива мужа жена отнять?»
40. Говоритъ Ивашка Повареный:
 — Ты прекрасный царь, Василій Окульевичь!
 — И съ хитрой возьмемъ ео хитростью,
 — Со великою увеземъ со мудростью;
 — Исполадимъ-ка насадъ *) черленый,
45. — На тые-тъ насадъ на черленый
 — Поставимъ кроватку тебовую,
 — И на тую кроватку тесовую
 — Покладемъ *) перину пуховую,
 — И наволочки кладемъ шелковыя,
50. — Занавѣски кругомъ крупчатой **) камки,
 — И грядочку ***) проладемъ орленую,
 — И на тую на грядочку орленую
 — Посадимъ птичьинку райскую,
 — Чтобы пѣла бы пѣсенки царскія;
55. — И пива возьмемъ бочекъ сорокъ сороковъ,

*) Воръ.

*) Тарашка, купецъ заморскій.

*) Судно.

*) Кладемъ.

**) Хрустатой.—Изд.

***) Перекладную, жердочку, насѣсть.—Изд.

- Пивну чашу! воземъ полтера вадра,
 — И много ѣствъ ^{*)} воземъ сахаринкъ;
 — И премудрому царю Саламану
 — Кунью шубу воземъ соболиную,
 60. — А прекрасной царицы Саламаніи
 — Черны ^{*)} чоботы козловые. —
 И во скорынхъ часахъ во минуточкахъ ¹⁰⁾
 Во дороженьку они справлялися,
 Отъ дому они отлучалися.
65. И поѣхали черезъ славное синё море,
 Подтянули тонки-бѣлы парусочки,
 И Богъ далъ имъ тихую повѣтеръ:
 Переѣхали славное синее море,
 И подѣзжаютъ ко крутому ко берегу.
70. И догадливый Ивашка Повареный
 Бралъ въ руки подарочки царскіе,
 И походить на крутый на бережокъ.
 Приходилъ-то къ палатамъ блокаменнымъ,
 Ко прекрасной царицы Саламаніи.
75. Ужь онъ крестъ кладетъ по писаному,
 Поклонъ ведетъ по ученому,
 На всѣ на стороны покланяется,
 Прекрасной царицы Саламаніи
 Поклонъ ведетъ въ особину.
80. И спросилъ про царя про Саламана;
 Отвѣчала царица Саламанія:
 « При домѣ царя не случилось.»
 И догадливый Ивашка Повареный
 Отдавалъ царицы подарочки
85. И спросилъ у царицы Саламаніи:
 — Ты прекрасная царица Саламанія!
 — Позволь здѣ-ка-ва намъ торгъ держать,

*) Ёствовъ.

*) Новы черны.

10) Назадилъ насадъ черленый.

- А мы поцлину: рыплатимъ по надѣбьюнѣ! —
 Какъ подарочки ей прилюбилъся, той вѣсти! —
 90. Отвѣчала царица Саламанія:
 « Ты торгуй-ка, Иващка Повареный,
 « Здѣ-ка-ва хоть по два года; по три года:
 « Намъ не надобно съ тебя пошанны,» —
 Говорилъ Иващка Повареный:
 95. — Ты прекрасная царица Саламанія!
 — Приходи-тко на крутой на бережокъ,
 — Поглядѣть нашихъ товаровъ заморскіихъ? —

- Умывалася царица бѣдеицею,
 И надѣвалася она хорошохонокъ,
 100. Приходила на крутой на бережокъ,
 И заходила на суда на черенныя,
 И увидала кроватку тесовую,
 И увидала перину пуховую,
 И наволочки она увидла шелковыя,
 105. И занавѣски увидла кружевной камки,
 И грядочку увидла орденую,
 На той на орденной на грядочкѣ
 Сидить-то птицынька райская,
 Поеть-то пѣсенки ¹²⁾ царскія,
 110. И пива увидла бочекъ орокъ орокать,
 И пивную чашу полтора ведра,
 И много ѣстувшекъ ¹³⁾ сахарныхъ,
 И больше питьицевъ медвяныхъ,
 И догадливый Иващка Повареный,
 115. Наливаетъ пивную чашу ¹⁴⁾ полтора ведра,
 И подноситъ царицы Саламанія,
 Выпивала царица чашу полтора ведра,

¹²⁾ Позволь здѣ-ка-ва намъ поторговати:
 Сколько надобно вамъ пошанны,
 Мы будемъ платить.

¹³⁾ Воспѣваетъ пѣсни-то.

¹⁴⁾ Ёстувъ.

¹⁵⁾ Чашу.

- И тутъ она принапичилася,
Со рѣзвыхъ ногъ она свалилася,
120. И догадливый Ивашка Поваренный,
Отъѣзжаетъ отъ крутого отъ бережка,
И завѣяли вѣтрышки дуйныя,
И тутъ-то царица пробудилася,
Пробудилася и прохмѣлилася,
125. Прохмѣлилася царица,
« Эдака горька горюха несчастная! »
« Я несчастная царица неталанная!
« Я отъ бережка нонь отшатнулася!
« И къ другому теперь не прикичусь!
130. Догадливый Ивашка Поваренный,
Наливаетъ пивную чару, доктори ведри,
И говорить царицу Саламанія:
— Ты не плачь по царю, но Саламанія!
— Буде Богъ спасеть за славное оное море!
135. — Ко прекрасному царю Василью Окульевичу,
— Такъ и будешь ты царицу,
— И сытешенька, и пьянешенька,
И подносить царицы Саламанія,
Этую пивную чару, докторамъ ведра,
140. И тутъ царица прикичалася,
Со рѣзвыхъ ногъ она свалилася,
И до крутого бережка она не прохмѣлилася,
И отъѣзжаютъ до крутому отъ бережку,
Догадливый Ивашка Поваренный,
145. Снимаетъ онъ тонки бѣлы шарусонны,
И какъ прекрасный царь Василью Окульевичу,
Взглянулъ въ косичето:
И увидѣлъ свои суды черленны,
Умывается онъ бѣлешенько,
150. И одѣвается онъ хорошохоныко,
И выходитъ на крутой на бережокъ,

¹⁵⁾ Ты не плачь-ко, царица Саламанія.

¹⁶⁾ Косичето.

- Встрѣчаетъ царицу Саламаню,
 И взялъ ю за ручки за бѣдыя,
 Цѣлуетъ во уста во сахарія.
155. И ведеть ю въ палату бѣлокаменну,
 И съ тоя поры съ того времяка
 Живуть времячка съ годъ перы,
 И живутъ времени два году,
 И живутъ времени три году;
160. Одного они бодеться—царя Саламана.
- А премудрый царь Саламанъ
 Собиралъ силушки съ годъ перы,
 И собиралъ по два году,
 И собиралъ по три году,
165. И коней—людей *) крылатыхъ,
 Всѣхъ паленицъ удалыхъ;
 И наказывалъ своей силы сильныхъ:
 « Ай же ты, свая моя сильная,
 « Великая сила, могучая,
170. « Коня—люди крылатые,
 « Всѣ паленицы удалыя!
 « Ужь вы слушайте мой зыченъ голось:
 « Ужь какъ первый разъ я затрублю въ турій рогъ,
 « Такъ сѣдайте—уздайте добрыхъ коней;
175. « Какъ другой разъ затрублю въ турій рогъ,
 « Такъ садитесь вы на добрыхъ коней;
 « Какъ во третій разъ я затрублю въ турій рогъ,
 « Такъ приѣзжайте за славное сине море,
 « Поспѣшайте на мою скорую смерѣтушку.»
180. И надѣвается онъ во платица во нищія,
 Обувалъ лапотки семи шелковъ ¹⁷⁾,
 За плеча клалъ сумочку бархатну,
 И походить за славное сине море.
- И приходитъ за славное сине море.

*) Полкановъ, Кентавровъ.—Изд.

¹⁷⁾ Обувъ лапотки на ноги шелковые.

185. Ко прекрасному царю Василью Окулевичу,
 На уличкѣ оны останѣвися,
 Самъ говорить такое слово:
 « Ай же ты, прекрасный царь Василій Окулевичъ!
 « Подай-ка милостину каликѣ нищера!»
190. Увидала его царша въ окошечко,
 И спознала его да бѣдоу лице,
 И кличетъ калыкушка нищюю:
 — Заходи-ка, калыкушка нищя,
 — Во мою палату бѣлокаменну. —
195. И заходитъ калыкушка нищя
 Во тую палату бѣлокаменну.
 Ужь оны крестъ кладеть по писаному,
 Шеклонъ ведеть по ученому,
 На всѣ стороны покланяется,
200. Самой-то царицы въ особину.
 Тутъ прекрасная царша Саламаня,
 Она ставила столики дубовые,
 Стлала скатерочки шелковыя,
 И кормила она царя до сыта,
205. И напоила она его до пьяна,
 И наливала пивную чару ¹⁸⁾ полтера ведра,
 Подносила царю Саламану.
 Принапился царь Саламанъ, охмѣлился,
 И свалился на кирничень мостъ ¹⁹⁾,
210. Притянула она царя Саламана,
 И замкнула она въ окошкѣ ларець,
 На верѣхъ садилась ж... бабью.
- И приводитъ прекрасный царь Василій Окулевичъ,
 И заходитъ въ палату бѣлокаменну;
215. Говорить царица Саламаня:
 — Ты прекрасный царь Василій Окулевичъ!
 — Кого мы боялись съ годъ поры,

¹⁸⁾ Чашу.

¹⁹⁾ Принапился премудрый царь Саламанъ,
 Охмѣлился и съ ртзвыхъ ногъ свалился.

- И кого мы боялись по два года,
 — И кого мы боялись по три года
 220. — Тот замкнуть нощь в окознь ларець,
 — И на верху сажу на бабаю
 — Ты прекрасный царь, Василий Окульевич!
 — Ты поди-тка во славное чистое поле,
 — Поставь-ка два столбика точенных,
 225. — И кладь-тка ступеньшкы кленовыя,
 — И кладь-тка грядочку орленую,
 — Наладь-ка петелку шелковую,
 — И мы повѣсимъ на царя Саламана
 — Во эту во петелку шелковую
 230. И тутъ пошелъ прекрасный царь Василий Окульевич
 Со своей со силой со великою,
 И пошелъ онъ во славное чистое поле,
 И приказалъ своей силой великою
 Поставить два столбика точенных,
 235. Кладь-то ступеньшкы кленовыя,
 И кладь грядочку орленую,
 И наладить петелку шелковую,
 И возвратно назадъ ворочается,
 Заходить въ палаты белокаменныя
 240. Со своей со силой со великою,
 И говорить прекрасной царицы Саламанн:
 « Ты прекрасная царица Саламанн!
 « Отмыкай-ка нощь окознь ларець,
 Отмыкала царица окознь ларець,
 245. И выходилъ премудрый царь Саламанн;
 И приказалъ прекрасный царь Василий Окульевич
 Взять премудраго царя Саламана
 И вести его во славное чистое поле
 Ко тымъ двумъ столбикамъ точеннымъ,
 250. Ко тымъ ступеньшкамъ кленовымъ,
 Ко той ко грядочкѣ орленой,

²⁰) Кладь-то грядочка орленая
 И наладить петелка шелковая.

- Ко той петелкѣ шелковой ²¹⁾ Подхватила сила великая
 Премудраго царя Саламана ²²⁾ И повела его во чисто ²³⁾
 255 И повела его во чисто ²³⁾ И привели его къ двумъ столбикамъ точенымъ,
 Къ тымъ ступенышкамъ кленовымъ,
 Ко той ко грядочкѣ орленой,
 Ко той ко петелкѣ шелковой.
260. Говорить тутъ царь ²⁴⁾ Саламанъ: « Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
 « Ужь дай ты мнѣ-ка-ва турій рогъ,
 « Поиграть предъ скорою смерѣтушкой,
 « Я съ малости бывъ охочъ моровъ паста.»
265. И говорила ²⁴⁾ царица Саламанъ: — Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
 — Уйдетъ онъ отъ тебя съ хитростью,
 — И съ великою уйдетъ мудростью.
 Говорилъ премудрый царь, Саламанъ:
270. « Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
 « Ты не слухай-ка бабы неумныя,
 « Ужь дай ты мнѣ-ка-ва турій рогъ,
 « Поиграть передъ скорой смерѣтушкой.»
 Говорить прекрасный царь, Василій Окульевичъ:
275. « Ай же ты, силушка моя великая!
 » Ступайте, принесите турій рогъ,
 « Пусть стѣшитъ свою охвотушку,
 « Предъ скорой смерѣтушкой.»
 И принесли ему турій рогъ.
280. И подали во рученьки во бѣлыя.
 Онъ на первую ступилъ ступенечку,
 И первый разъ затрубилъ во турій рогъ.

²¹⁾ Ко той ко петелочки шелковыя.

²²⁾ Во славное чисто.

²³⁾ Премудрый царь.

²⁴⁾ И говорить.

²⁵⁾ Своей онъ силы великія.

- Всѣ звѣри сбѣжались,
 Всѣ птицы слетались
285. На его на скорую смерѣтушку.
 Такъ спросилъ прекрасный царь Василій Окульевичъ:
 « Ты премудрый царь Саламанъ?
 « Что это случилось,
 « Что всѣ звѣри сбѣжались,
 « Всѣ птицы слетались ?»
290. « Всѣ птицы слетались ?»
 Говорилъ премудрый царь Саламанъ:
 « Я какъ съ малости былъ охочъ погѣсодати,
 « Такъ всѣ птицы слетались,
 « Всѣ звѣри сбѣжались
295. « Смотришь ?) мою скорую смерѣтушку»
 На вторую ступилъ ступеньку
 И второй разъ затрубилъ во турій рогъ,—
 И всѣ горы, всѣ лѣвы сшатались,
 И всѣ синія моря еколыбались,
300. И у моря пошелъ великій шумъ.
 На третью ступилъ ступеньку.
 И третій разъ заигралъ ?) въ турій рогъ,—
 Наѣзжала сила великая ?),
 Люди-кони крылатые.
305. И всѣ паленицы удалыя ?):
 И растрепали у Василя Окульевича
 Его силу великую-могучую.
 И эта сила великая ?),
 Кони-люди крылатые,
310. Всѣ паленицы удалыя
 Наладили три петли шелковыдхъ:

*) Что это нонь случилось,

Что всѣ звѣри, всѣ птицы сбѣжались,

Сбѣжались звѣри-птицы, слетались?

*) Смотрять, сморѣть?—И.о.

?) Затрубилъ.

?) Сила сильная, великая.

?) И вся поленица удалая.

?) Сильная-великая.

- И во первую петелку шелковую
 Повѣсили Ивашка Поварената,
 И во другу петелку шелковую
315. Повѣсили прекраснаго царя Василья Окудѣвича,
 И во третью во петелку шелковую
 Хотуть повѣсить прекрасную царицу Саламанію.
 И тутъ царица прослезилася,
 Прослезилася, царю змолилася:
320. — Есть ли грѣшному прощеньице
 — И есть ли грѣшному благословеньице?
 — И ты прости-тко меня, царь Саламанъ!
 Говорить мудрый царь Саламанъ:
 « Какъ бы ты была баба умная,
 325. « Ты не шла бы на суда на черленья,
 « Ты не пила бы питья забудушаго:
 « И во этой вины тебя Богъ прости! —
 « Какъ бы ты была баба умная,
 « Не замкнула бы царя въ оковы ларьцы:
330. « И во той во вины тебя Богъ прости!
 « И какъ бы ты была баба умная,
 « Не ладила бы петли шелковыя
 « И не вѣсила бы царя Саламана:
 « И въ той вины тебя не прощу!»
335. И повѣсили царицу Саламанію
 Въ тую во петелку шелковую.

(Отъ племянницы крестьянина Щеголенкова).

33.

ТО ЖЕ.

(Филимоновской вѣлости, Пудожскаго уѣзда).

- Было поганое царство Кудряжское,
 Жилъ прекрасный король Василь Окудѣвичъ,
 Не женатъ-то онъ, холостъ былъ.
 Набиралъ къ себѣ почестный шуръ,
 5. Всѣхъ своихъ пановъ-улановъ, буровъ — поганыхъ Тотаровъ.

- Всѣхъ своихъ князей-бояриновъ [сенаторовъ] и думныхъ,
 Вельможъ своихъ, купцовъ-богатыхъ.
 Какъ тутъ пошелъ у нихъ столованье—почетный пирь.
 Было красно солнце на вечерѣ.
10. Почетенъ пирь былъ на веселы, са отпиръ отъ Г.
 Всѣмъ шашкиру нахвалялся,
 Всѣ на пиру наѣдались,
 Всѣ на пиру порохъ хвастались.
 Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ похваляется:
15. Иной хвастать несчетной золотой казной,
 Иной хвастать силой и удачей молодецкою,
 Иной хвастать добрымъ конемъ,
 Иной хвастать славнымъ отечествомъ,
 Иной хвастать молодымъ молодецествомъ.
20. Умный-разумный старымъ батюшкѣ,
 Старымъ батюшкѣ и старой макушкой,
 Безумный-дуракъ хвастать молодой женой.
 Король по макушкѣ похаживаетъ,
 Король выговариваетъ:
25. « Ай же вы, князя-бояра [сенаторы] думные,
 « Вельможи, купцы-богатые,
 « Всѣ мои бурзы-поганы, Тогары!
 « Всѣ у меня на чистомъ пиру,
 « Всѣ вы у меня стали веселы.
30. « Знаете ли вы по моему плечу и по шее драбности
 « Мнѣ-ка царицу благовѣрную,
 « Въ которой ни будь сторонущки,
 « Или за славнымъ синимъ моремъ,
 « Чтобы она была на лицо бѣла и румена,
35. « Ягодицы какъ маковицы,
 « Поскокъ былъ бы заюшки,
 « Поворотъ горностаюшки,
 « Походка ланя бѣдой златорогія,
 « Очи ясныя яснаго сокола,
40. « Пролѣтнаго сокола, заморскаго,
 « Брови черныя какъ чернаго соболя заморскаго;
 « Какъ будто колесомъ брови прелѣдетъ,
 « Чтобы было вамъ кому клониться,

- « Въ инной орды хвалитися? »
45. Какъ они другъ за друга туляются и окучаются,
 Большой за средняго,
 Средній за меньшаго,
 Отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
 Говоритъ король второй наконъ;
50. « Ай же, князя-бояра,
 « Всѣ бурзы—поганы Тотара!
 « Что же вы мнѣ отвѣту не держите?
 « Знаете либо не знаете,
 « Держите мнѣ такой отвѣтъ;
55. « Знаете ли царицу благовѣрную
 « По моему плечу да по храброму,
 « Въ которой ни будь сторонушки,
 « Хоть за славнымъ синимъ моремъ,
 « Чтобы она была на лицо бѣла и румена.
60. « Ягодицы какъ маковицы,
 « Поскокъ былъ бы заюшка,
 « Поворотъ горностаюшка,
 « Походка лани бѣлой златорогія,
 « Очи ясныя яснаго сокола,
65. « Пролетнаго сокола, заморскаго,
 « Брови черныя какъ чернаго соболя заморскаго,
 « Какъ будто колесомъ брови проведены,
 « Чтобы было бы вамъ кому клонитися,
 « Въ инной орды хвалитися? »
70. Какъ они другъ за друга туляются—окучаются,
 Большой за средняго,
 Средній за меньшаго,
 Отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
 За тѣми столами дубовыми,
 За скамейками окольными,
 На томъ концѣ на нижнеемъ,
 Сидѣлъ дѣтина черныи весь,
 Какъ будто дѣтина поваренный,
 Поваренный, помаранный,
80. Сидѣлъ бурза—погана Тотарина,
 Говорилъ самъ таковы слова:

- Ай же ты, нашъ батюшка,
 — Прекрасныйъ король Василій Окульевичъ!
 — Знаю я тебѣ царицу благовѣрную.
85. — Что на лице она бѣла и румена,
 — Ягодницы какъ маковицы,
 — Поскокъ у ея заюшка,
 — Поворотъ у ней горностаюшка,
 — Походка лани бѣлой элаторогя,
90. — Очи ясныя яснаго сокола,
 — Пролетнаго сокола, заморскаго.
 — Брови черныя чернаго соболя заморскаго,
 — Какъ будто колесомъ брови проведаны,
 — Есть кому намъ да клонитися,
95. — Въ инной орды есть кѣмъ хвалитися:
 — За тѣмъ какъ за славнымъ синемъ моремъ,
 — Во томъ во градѣ Ерусалимѣ,
 — У премудраго царя у Соломана,
 — Есть прекрасная царица Соломонида.
100. Какъ говорилъ тутъ прекрасный король,
 Говорилъ Василій Окульевичъ:
 « Ай же ты, дѣтина повареный,
 « Повареный и поваленый!
 « Глупу ты рѣчь, дѣтина, говоришь:
105. « Какъ можно отъ жива мужа да жена увести,
 « Не безъ чего отъ премудраго царя да отъ Соломана?»
 Какъ говоритъ дѣтина повареный таковы слова:
 — Ай же ты, нашъ батюшка,
 — Прекрасный король Василій Окульевичъ!
110. — Наложитка ты мнѣ имячко другое,
 — Наложитка ты мнѣ имя Ивашко,
 — Ивашко-Торокашке гость заморскій;
 — Построй-ка три карабли три черныя,
 — Исправные карабли, снаряженные,
115. — Опуши-ка эти карабли лисицами,
 — Лисицами-кунницами заморскими,
 — Нагружай-ка эти карабли товарами,
 — Неоцѣнными камешками драгоцѣнными:
 — Поѣду я за славное сине море,

120. — Привезу тебѣ царицу Соломанію. —
 Какъ онъ наложилъ ему другое имячко —
 Ивашко-Торокашко Заморянинъ,
 Построилъ три карабля три черные,
 Исправные всемъ карабли, снарядные.
125. Опустилъ эти карабли лисицами,
 Лисицами-куницами заморскими,
 Нагружалъ эти карабли товарами,
 Неоцѣнными камешками драгоценными,
 Отпущалъ Ивашка-Торокашка за сине море,
130. За сине море во градъ во Ерѣсолимъ.
 Скоро скажется, да по успѣху его дѣлается.
 Будетъ Ивашко-Торокашко за синемъ моремъ,
 За синемъ моремъ во градъ Ерѣсолимъ,
 Становилъ свои черные карабли
135. Во пристань во купеческу,
 Бралъ онъ дороги подарочки заморскіе,
 Онъ докладъ держалъ ко царю ко Соломану.
 Царя да Соломана дома не случилось:
 Уѣхано за охотой во чисто поле.
140. Онъ докладъ держалъ царицѣ благовѣрныя,
 Дарилъ ей дороги подарочки,
 Самъ говорилъ да таковы слова:
 — Ай же ты, благовѣрная царица Соломанья!
 — Прими-ко ты мои дороги подарочки,
145. — Дороги подарочки заморскіе,
 — Позволь поторговать во градъ Ерѣсолимъ
 — Товарами заморскими,
 — Посылай-ка ты оцѣнить общѣнщиковъ,
 — Общѣнщиковъ ребятъ да молодыхъ,
150. — Оцѣнить мои черные карабли,
 — Черные карабли и товары заморскіе. —
 Она посылала ребятъ да молодыхъ
 Оцѣнить карабли черные
 И товары заморскіе.
155. Какъ приходили оцѣнщики на черные на карабли,
 Они карабль цѣнили, они другой цѣнили,

- На третій карабль да пивни дружини, —
 Какъ онъ сталъ убавать,
 Онъ сталъ уговаривать.
160. Уговаривать, оцѣню обхаживать,
 — Ай же вы ребята молоды общинники,
 — Выпейте-ка напихъ напитокковъ заморскихъ,
 — Непьяныхъ; сладкихъ;
 — Во вашемъ Ересомнѣ
165. — Нѣтъ таковыкъ и не водятся,
 Имъ какъ захотѣлось напитокковъ откумажи,
 Какъ поднесъ онъ по чарочкѣ напитокковъ сонныхъ,
 И поднесъ имъ по другія,
 И поднесъ имъ по третія,
170. Только, едва, уедѣли, выйдя со караблей,
 На крутомъ дрежу сонны лежать,
 Онъ опять докладъ держать, царицѣ Содомаицѣ,
 — Ай же ты, царица благотѣрная Содомаицѣ,
 — Послала ты ребятъ все молодыхъ:
175. — Ондѣ не могли оцѣнить моихъ караблей,
 — Напилиса зелена вина,
 — И на крутомъ дрежу сонны лежать,
 — Послала-ка ты молодыхъ ребятъ,
 — Которые не пьютъ да зелена вина,
180. — Не играютъ костью-картами,
 Она выбирала такихъ да общинниковъ,
 Ребятъ да молодыхъ,
 Которые не пьютъ да зелена вина,
 Не играютъ костью-картами,
185. Посылала такихъ да общинниковъ,
 Оцѣнивать ево карабли черныя,
 Черныя карабли, товары заморскіе,
 Какъ пришли ребята да эти на черныя карабли,
 Начали товары да карабли оцѣнивать,
190. Какъ карабль цѣнили и другой цѣнили,
 И на третій пришли оцѣнивать,
 Какъ онъ сталъ ихъ убавать,
 Сталъ да уговаривать,
 Вокругъ ихъ да обхаживать

195. — Ай же, ребята молодые обѣщники!
 — Выпейте-ка вы нашихъ напитокочковъ заморскихъ,
 — Сладкихъ, непьяныхъ:
 — Во вашемъ Еросолимѣ и не водится.
 — Нѣтъ таковыхъ и не водится.
200. Какъ имъ захотѣлося откушати,
 Онъ поднесъ-то имъ напитокочковъ сонныхъ по чарочкѣ,
 Онъ поднесъ-то имъ по другой,
 И онъ поднесъ-то имъ по третей чарочкѣ,
 Опять едва вышли со караблей.
205. И на крутомъ крежу сонны лежать,
 Онъ опять докладъ держалъ царицѣ благовѣрной:
 — Ай же ты, царица благовѣрная Соломанья!
 — Не посылай больше обѣщниковъ,
 — Ребятъ да молодыхъ.
210. — Не могутъ оцѣнить моихъ караблей,
 — Напьются зелена вина,
 — И сонны лежать на крутомъ крежу.
 — Ты сама поди—оцѣни мои черные караблей.
 — Она сама да поднималася,
215. Приходила на черные на карабли,
 Стала товаровъ оцѣнивать,
 Товаровъ и черныхъ караблей;
 Каравль цѣнила она, другой цѣнила,
 На третій каравль оцѣнить пришла.
220. Какъ онъ сталъ убавать,
 И сталъ онъ уговаривать,
 И около обхаживать:
 — Ай же ты, царица благовѣрная Соломанья!
 — Выпей-ка нашихъ напитокочковъ сладкихъ,
225. — Сладкихъ заморскихъ непьяныхъ,
 — За ту за выслугу великую,
 — Что оцѣнила мои черные караблей.
 Поддерживалъ ей столикъ дубовый,
 Ко столику поддерживалъ золотой онъ стулъ.
230. Садилася она на золотъ стулъ,
 Садилася ко столику дубовому;

- Какъ становилась, одна машиночкою,
Сладкихъ заморскихъ на дубовый столъ,
Все напитки сонные,—
235. Какъ начала пить она надпочкою заморскихъ,
Чарочку пить за чарочкой,
И напилась она до палла,
- Обвалилася на черноемъ на караблѣ,
Обвалилася, сонна, лежать.
240. Онъ приказалъ отвалить черные караблѣ
Отъ береговъ да во синее море,
Поѣхалъ онъ славнымъ синемъ моремъ,
Она да синемъ морѣ просыпалася,
Сама говоритъ да чужовы слова:
245. « Ай же ты, Иваншко-Торонашко, гости заморский!
« Про себя везешь или про друга? »
Онъ отвѣчалъ ей таквы слова:
— Ай же ты, царица благоверная!
— Какъ можно намъ держать роды царския!
250. — А отъ дара къ королю везу,
— Къ королю везу ко прекрасному
— Василью Окульевичу,—

- Какъ привозилъ онъ во царство Кудринское,
Какъ тутъ прекрасный король Василій Окульевичъ
255. Какъ встрѣчалъ Иваншко-Торонашко,
Гостя изъ за синя моря,
Встрѣчалъ съ честью великою,
Самъ радовался радостью великою,
Что «Теперь у меня жена да прекрасная!»
260. Тутъ какъ прекрасный король Василій Окульевичъ,
Повѣдчалея онъ во своему;
Тутъ какъ поделъ у нихъ столованье — почетный
Пиръ,
Теперь какъ пиръ на радости,
На веселій пиръ на великій,
265. Радуются всѣ князи и бояря [сенаторы] думные;
Вельможи, купцы богатые,
Бурны—поганы Тотара.

- А какъ во градѣ во Бресолнѣ,
Наѣхалъ Соломанъ царь да изъ чиста поля.
270. Докладъ держали ему да слуги вѣрные:
« Ай же, батюшка, премудрый Соломанъ царь!
« Какъ наѣхалъ яки за сына моря,
« Съ того ли со царства Кудрянскаго,
« Иванко-Торокашко гостъ замеряиниъ.
275. « Увезъ твою нарицу Соломанъ
« За славное, за сине море,
« Во то ли царство Кудрянское.»
Туть Соломанъ царь да пераадумался:
« Какъ можно отъ жива мужа да жена увезть,
280. « Не безъ чего отъ меня отъ премудраго царя отъ Со-
ломана!
« Ежели мнѣ поддаться,
« Такъ будутъ надо мной смѣяться
« За славное сине море,
« Во царствѣ Кудрянскомъ.»
285. Какъ самъ туть зазвучалъ пастушей рогъ,
Выходилъ какъ самъ на крухой крылецъ,
Заигралъ какъ онъ да во пастушесъ рогъ:
Самъ въ рожку да выговаривалъ:
« Ай же, сила моя—войско сорокъ тысячей!
290. « Всѣ сѣдлайте—уздайте добрыхъ коней,
« Поѣдемъ ны сугоню во славное сине море,
« Подъ то да царство Кудрянское!»
Сила услышала, начала сѣдлатъ,
Сѣдлатъ да уздаты добрыхъ коней.
295. Онъ опять заигралъ во второй наконъ,
Заигралъ во пастушей рогъ,
Самъ въ рожку да выговаривалъ:
« Ай же вы, князи—боляре!
« Всѣ уздайте—сѣдлайте добрыхъ коней!»
300. Они да услышали, начали сѣдлатъ,
Сѣдлатъ да уздаты добрыхъ коней,
Какъ всѣ они приготавлиются,
Какъ туть—то царь да приговорился,
Опять заигралъ во пастушей рогъ,

305. Въ рожку ли самъ да выговаривать: « Ай же, князь-бояра все
 « И все войско сорокъ тысячей!
 « Отправляйтесь-ка во сине море,
 « Во поганое царство Кудрянское»
310. « Ко поганому царству Кудрянскому»
 Все они отправились-поѣхали,
 И поѣхалъ Соломанъ царь,
 Все съѣло войско на добрыхъ коняхъ,
 И отправился Соломанъ царь,
315. Какъ поѣхали все во славное сине море,
 « Скоро скажете, по успѣху дѣло дѣлается,
 « Какъ будутъ подъ тѣмъ царствомъ Кудрянскимъ,
 Не доѣхалъ онъ до царства за три поприща,
 Становилъ онъ свою силушку въ чистомъ полѣ»
320. Самъ да своей силушкой наказывать
 « Ай же, моя сила любезная,
 « Сила-войско сорокъ тысячей?
 « Вы кормите-те добрыхъ коней,
 « Вы кормите, и сами слушайте:
325. « А заиграю я во первой наковчѣ во пастушей рогъ,
 « Такъ вы сдѣлайте-уздайте добрыхъ коней,
 « Какъ заиграю я во второй наковчѣ во пастушей рогъ,
 « Такъ вы садитесь на добрыхъ коней,
 « Садитесь, приготовляйтесь-ко!»
330. « Какъ заиграю я въ третій наковчѣ во пастушей рогъ,
 « Такъ вы идите скорымъ скоро,
 « Скорымъ скоро, скоро на скоро,
 « Заставайте-тко меня во живности»
 Какъ самъ-то бралъ подъ полу подѣ правую,
335. Бралъ онъ пастушей рогъ,
 А въ руку бралъ дубину подорожную,
 Пошелъ пѣшо во царство Кудрянское,
 Сталъ подходить ко полатамъ королевскимъ,
 Какъ подошелъ ко полатамъ королевскимъ,
340. Увидала царица Соломанья
 Идучи царя Соломана,

- Сама скоро бѣжала въ широкъ дворъ,
 Брала царя Соломана за бѣлыя руки,
 Цѣловала во уста во сахарный,
 345. Называла мужемъ любезнымъ,
 Любезнымъ мужемъ, царемъ Соломаномъ,
 Проводила въ полаты бѣлокаменныя,
 Садила за тѣ столы за дубовыя,
 Подносила ѣства сахарныя,
 350. Напитокъ медвяныхъ:
 — Ай же, батюшко Соломанъ царь!
 — Ивашко-Торокашко заморянинъ,
 — Увезъ онъ меня съ обману великаго.
 — Прекрасна короля Василья Окульевича,
 355. — Дома его не случилось,
 — Уѣхано за охотою во чисто поле,
 — Ай же ты, батюшко Соломанъ царь!
 — Дай ты мнѣ проспать остатнюю ночь
 — Съ королемъ Васильемъ Окульевичемъ,
 360. — Онъ охотникъ ѣздитъ во чисто поле,
 — Во чисто поле за охотою,
 — Онъ завтра опять уѣдетъ во чисто поле,
 — Мы съ тобой сядемъ на добрыхъ коней,
 — Да уѣдемъ во свой градъ Еросолимъ.
 365. Такъ онъ говорить: «Я куда пойду?»
 Она говорить: — Ты зайди-ка въ сундукъ да въ око-
 ванный.
 Какъ онъ зашелъ въ сундукъ да въ окованный,
 Она зымыкала его въ сундукъ окованный,
 По вечеру да по позднему,
 370. Какъ наѣзжалъ прекрасный король изъ чисто поля,
 Приходилъ въ свои полаты бѣлокаменныя,
 Какъ сталъ разговаривать со своей женой съ любезной,
 Она сидитъ на томъ сундукѣ,
 На царѣ да на Соломанѣ,
 375. Сама говорить таковыя слова
 — Ай же, батюшка, и прекрасный король Василій
 Окульевичъ!

- Я на царѣ сижу да съ королею говорю.—
 Онъ же говоритъ: « На какомъ ты сидишь царѣ ? »
 — А сижу я на царѣ на Соломанѣ.—
380. Какъ взяла—выпустила царя да Соломана;
 Какъ говорить прекрасный король таковы слова:
 « Ай же ты, названъ Премудрый Соломанъ царѣ!
 « Ты зашелъ подъ ж... подъ бабыню!»
 Говорить царица Соломанъи:
385. — Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
 — Надо казнить царя Соломана скорымъ на скоро. —
 Говорить царь Соломанъ таковы слова:
 « Ай же, батюшка, прекрасный король Василій
 Окульевичъ!
 « Ты казни-тко меня не по калячюму.
390. « Ты казни меня по царскому:
 « Какъ у насъ на святой Руси
 « Царей казнить да вѣшаютъ;
 « Вѣдь я теперь да вѣкуда не уйду;
 « А прикажи-ка ты въ чистомъ полѣ
395. « Вкопать два столбика дубовые,
 « Класть грядочку кленовую,
 « Ко грядочкѣ привязать три петелки шелковыя,
 « Первую петелку красную шелковую—
 « Класть буйная головушка;
400. « Другую петелку шелку да бѣлаго—
 « Класть бѣлыя рученьки;
 « Третью петелку шелку да чернаго—
 « Класть рѣзвыя ноженьки.»
 Королю да рѣчи прилюбилися;
405. Посылалъ какъ слугъ да вѣрныхъ во чисто поле,
 Вкопать два столбика дубовые,
 Во столбика дубовые класть грядочка кленовая,
 Ко грядочкѣ привязать три петелки шелковыя,
 Первую петелку шелку да краснаго,
410. Вторую петелку шелку да бѣлаго,
 Третью да петелку шелку да чернаго;
 На петелкамъ сдѣлали три ступенчика розкрашены.
 Какъ повели туды царя Соломана,

Казнить да вѣшать.

415. Во первую карету сѣдѣли
 Прекрасный король Василій Окулевичъ,
 Во вторую карету царя Соломанія,
 Во третью карету Ивашко-Торокашко,
 Ивашко-Торокашко гдѣсь замораничь.
420. Тутъ-то говоритъ прекрасный король Василій Окуле-
 вичъ :
 « Ай ты, премудрый Соломанъ царь!
 « Знашь ли, кто ѣдетъ въ трехъ каретахъ опальныхъ?»
 Онъ какъ говоритъ таковы слова:
 « Ай же ты, батюшка, прекрасный король Василій
 Окулевичъ!
425. « Первую карету кони везутъ,
 « Другая карета сама ѣдетъ,
 « Третью карету чертъ несетъ.
 « На казель на смертную.»
 Тому того хотѣлось.
430. Какъ привѣжали къ тѣмъ цетѣжкамъ недоконимъ,
 Какъ выходили всѣ съ каретъ да съ опальныхъ,
 Какъ становился Соломанъ царь на первой ступень,
 Говоритъ царь Соломанъ таковы слова:
 « Ай же ты, батюшка, прекрасный король Василій
 Окулевичъ!
435. « Какъ былъ-то вѣдь маленкой,
 « Какъ коровъ-то я подпасывалъ,
 « Я окая въ рожка поигрывать:
 « Позволь-ко мнѣ сыграть въ остальнихъ,
 « Въ остальнихъ, до послѣднихъ?»
440. Говоритъ царя таковы слова:
 — Ай же ты, прекрасный король Василій Окулевичъ!
 — Ты казни царя Соломана скорымъ скоро,
 — Скорымъ скоро, сверымъ на скоро;
 — Царь Соломанъ хитеръ-то есть.
445. Какъ онъ говоритъ таковы слова:
 « Ай же ты, жена моя любезная!
 « Одно ли дерево въ лѣсѣ, не темный лѣсъ,

- « Не темный дѣсь, не шумячий... »
 « Одинъ человекъ да не рать въ нощи... »
450. « Играй-ка ты, иррей ты, Соломанъ царь... »
 Какъ заиграли-то онъ въ иррей нитомъ во пастушей
 Самъ въ рожку имъ выговаривать... »
 « Приходить казенъ смертная царю, Соломану... »
 « Во томъ во городъ да Кудрянскоемъ... »
455. « А казнить его прекрасный король Василий Окулье-
 « Казнить не по капиществу, а по праву... » цар-
 « Какъ на святой Руси казнятъ царей да вѣшаютъ! »
 Игра ему да прилюбилъ... »
460. Начали сдѣлать-уздаты да добрытъ коней... »
 Только начала дрожать мать сыра земля... »
 Говорить какъ тутъ прекрасный морозъ... »
 Прекрасный король Василий Окулевичъ:
 « Ай же ты, Соломанъ царь... »
465. « Мнѣ какъ будто чудится... »
 « Что ирреять мать сыра земля? »
 Говорить какъ Соломанъ царь... »
 « Прекрасный король Василий Окулевичъ! »
 « Отъ моего отъ рожка пастушьего... »
470. « Идетъ отзывъ за казавное ея море... »
 « Во градъ да во Вросовишь-то... »
 « У меня тамъ гусей-лебедей сороятъ гусочей, »
 « Были морские ученые, »
 « Языкамъ человѣчскимъ приучены... »
475. « Услышали мою игру изъ за синя моря... »
 « Онъ вылетѣли на синее море... »
 « Они говорятъ сами-промеждь... »
 « — Не стало у насъ старика царя Соломана, — »
 « — Приходить ему казенъ смертная... »
480. « — Во той земля Кудрянския, »
 « — Казнить его король не по капиществу, »
 « — А казнить его король все по царскому... »

- « Бьютъ они крыльями обь воду; »
 « Волну они сдѣлали да на синемъ морѣ, »
 485. « Волна сходилась во береги: »
 « Отъ того дрожить мать сыра земля. »
 Какъ вступилъ-то онъ на другой ступень,
 Говорилъ опять да таковы слова:
 « Ай же ты, прекрасный король Василий Окульевичъ!
 490. « Позволь-ко ты сыграть да мнѣ второй накричь:
 — « Ужь какъ былъ-то я маленькой,
 « Охвочь въ рожка поигрывать,
 « Тошнешенько еще сыграть мнѣ хочется. »
 Говорить царица таковы слова:
 495. — Ай же ты, прекрасный король Василий Окульевичъ!
 Казни скорѣй царя Соломана,
 — Скорымъ скоро, скорымъ на скоро:
 — Царь Соломанъ хитѣрь-мудѣрь. —
 Онъ говоритъ таковы слова:
 500. « Ай же ты, жена моя любезная!
 « Одно ли дерево не темень лѣсъ;
 « Одинъ человекъ съ нами не рать въ полѣ,
 « Играй-ка ты, играй, Соломанъ царь! »
 Какъ заигралъ-то онъ во второй наконць,
 505. Въ рожку ли самъ да выговаривать:
 « Приходить казень смертная царю Соломану —
 « Во томъ во царствѣ Кудрийскоемъ,
 « Казнить его прекрасный король,
 « Не по каличьему казнить его, по царскому! »
 510. Сила его да услышала,
 Какъ начали садиться на добрыхъ коней,
 Начала дрожать да мать сыра земля,
 Говорить прекрасный король да таковы слова:
 « Ай же ты, премудрый Соломанъ царь!
 515. « Мнѣ какъ будто чудится,
 « Что дрожить мать сыра земля? »
 Говорить опять Соломанъ царь да таковы слова:
 « Ай же ты, прекрасный король Василий Окульевичъ!
 « Отъ моего рожка отъ пастушьего
 520. « Идетъ гуль по синю морю

- « Во градъ во Еросолимо-ть! »
- « У меня какъ во градъ Еросолимо-ть! »
- « Добрыхъ коней сорокъ тысячъ, »
- « Были кормленые-ученые, »
525. « Къ языкамъ челоѣческихъ приученые! »
- « Услышали тую игру изъ за сини моря, »
- « Выскочили во ддалече-далече во чистое поле, »
- « Говорить они промежь собой: »
- « — Что не стало у насъ стараго царя Соломана! — »
530. « Бьютъ они копытами о матушку сыру землю: »
- « Отъ того дрожатъ да мать сыра земля. » »
- Ступилъ да онъ ступень на остатнѣй-то, »
- Говорилъ какъ самъ да такыя слова: »
- « Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ! »
535. « Какъ былъ-то я маленькой, »
- « Коровушекъ попасывалъ, »
- « Охочь въ рожка поигрывать: »
- « Позволь-ко ты мнѣ сыграть да въ послѣднѣихъ, »
- « Ты позволь мнѣ сыграть въ остатнѣихъ? »
540. « Мнѣ-ка больше да не игрывать! »
- Говорить царица такыя слова:
- Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ!
- Казни царя Соломана скорымъ скоро, »
- Скорымъ скоро, скорымъ на скоро: »
545. — Царь Соломанъ, смотри, хитѣрь-мудѣрь! — »
- Какъ онъ говоритъ такыя слова: »
- « Ай же ты, жена моя любезная! »
- « Одно лишь дерево не темно въ лѣсу, »
- « Не темно въ лѣсу, не шумящее: »
550. « Одинъ челоѣкъ не рать въ полѣ. »
- « Играй-на ты, играй, Соломанъ царь! »
- Какъ заигралъ тутъ Соломанъ царь во настушей рогъ, »
- Какъ сила тутъ услышала, сейчасъ сила навхала... »
- Говорить какъ тутъ Соломанъ царь да такыя слова:
555. « Ай же ты, прекрасный король Василій Окульевичъ! »
- « Гляди-ка ты на всѣ четыре стороны: »
- « Почто ты посѣялъ пшеницу бѣлояровую, »
- « Посѣялъ по чисту полю? »

— Налетѣли мои гуси-лебеди,

560. «Гуси-лебеди да черные вороны,

«Клюютъ твою пшеницу бѣлоярову!»» и удыи твѣ

Инны наскакали ко петелкамъ шелковымъ,

Во петелку во красную клали

Прекраснаго короля Василья Окулевича;

565. Во петелку во бѣлую клали

Царицу Соломанью;

Во петелку во черную клали

Ивашка-Торокашка, гостя заморскаго;

Остальную силу всю присѣкли на чистомъ полѣ.

570. Тутъ-то во царствѣ Кудринскомъ

Любое имѣнцо свалили на черные на карабли,

Добрыхъ коней погнали объ сине море

Стады-стадами въ Еросолимъ градъ,

Любое имѣнцо отпустили прямо на карабляхъ

575. Чрезъ сине море въ Еросолимъ градъ,

Тое царство огнемъ сожгли:

Тому лишь царству славы поютъ

Дунай, Дунай,

Болѣ вѣкъ не знай!

(Отъ Сухозерскаго крестьянина Андрея Сорокина).

Принимать въ службу — промонетировавъ

54. ЦАРЬ САЛАМАНЪ.

О ЦАРЬ САЛАМАНЪ.

(Деревни Логаса; ср. выше).

Царица, мать Саламанова, понеслася отъ мужа своего.

Сидитъ она разъ у себя въ ложнѣ и разговариваетъ съ сво-

ими прислужницами; говорятъ онѣ келейныя рѣчи: «У одной

женщины мужъ-то очень старъ, такъ она и держитъ себѣ

полюбовника.» Царица молвила:—И я на ея мѣстѣ то же

сдѣлала бы.—А дѣтище во чревѣ провѣщилось: «Б.... по б.....

и судъ судить.» Говорила царица таковы слова:—Ахъ ты

злое дѣтище во чревѣ моемъ; я тебя и на свѣтъ не выпущу! — А сынъ на мѣсто отвѣчаетъ: «Ты бы не выпустила, да я самъ выду и ребро выставлю.» — Ахъ ты злое дѣтище! не будешь ты счастлива!

Прошла пора-время срѣчное, и породила она сына, и жилъ онъ до пяти годовъ. Вотъ царица, и говоритъ дядкѣ: — Возьми сына моего позаочь *); своди его на взморье, заколи и принеси его сердце мнѣ-ка-ва. — Дядька не можетъ послушаться царицы, и привелъ Саламана на взморье. Какъ пришли на взморье, говоритъ Саламанъ: «А что дѣбъ, дядька, говорила моя родительница? — Велѣла заколотъ тебя и сердце твое ей принести, да жаль мнѣ-ка-ва тебя. — А тутъ ю море по берегу бѣжитъ собака. — Дядька, говоритъ Саламанъ, кличь собаку.» — Сталъ дядька свистать-посвистывать; собака не идетъ. Сталъ Саламанъ свистать-посвистывать; на зовъ собака пришла и хвостомъ вертитъ. «Дядька, говоритъ Саламанъ, заколи собаку, вынь сердце и своди моею родительницѣ.»

Пришелъ дядька къ царицѣ съ собачинымъ сердцемъ и говорить ей: — Твое царское величество! исполнено твое желаніе: сердце вынато. — Сварили сердце и подали царицѣ. Какъ положила въ ротъ, такъ и закричала: «Ахъ, какое злое дѣтище: и сердце смердитъ на собачину!»

А царь Саламанъ простился съ дядькой и пошелъ о взморье. Пришелъ въ село полномочное, зашелъ въ гумно, а на гумнѣ крестьяне молотятъ хлѣбъ. Возшелъ Саламанъ на ометъ, сѣлъ о стѣну и слышитъ, говоритъ крестьянинъ съ сыновьями: «Что, дѣти мои, сына! я вамъ загадку загоню. Если загадку отгадаете, мои мѣшечки повладеете.» И загонулъ загадку: «Что скорѣе всѣхъ по землѣ ходитъ, кой хлѣбъ чище всѣхъ на землѣ, съ коимъ скотомъ крестьянинъ говоритъ?»

Вышелъ старшій сынъ и кручнится, какъ ему загадку отгнать. Говоритъ ему Саламанъ: — Что ты, человекъ, строишь, думу думаешь? — Видитъ старшій сынъ, царень сидитъ на соломѣ, и спрашиваетъ: «Какой ты человекъ?»

*) См. главу 10-ю.

— Да ты скажи прежде, что думаешь? — «А думаю я, какъ бы отцовская загадка отгнута: что скорѣе всѣхъ по землѣ ходить, и кой хлѣбъ чище всѣхъ на землѣ и съ кони скотомъ крестьянинъ говорить?» — Если возьмете меня четвертымъ братомъ и дадите четвертую часть имѣнія, я, пожалуй, отгону загадку. —

Пришелъ старшій сынъ къ отцу и говорить: «Имеется эдакой человекъ, беретъ загадку отгнута, да за это просится четвертымъ братомъ.» Говоритъ отецъ: «А возьмите его четвертымъ братомъ: будетъ моего имѣнія про васъ.» Взяли четвертымъ братомъ.

Пришелъ Саламанъ, здравствуетъ: — Божья помочь, крестьянинъ! — «Надоть Божья помочь!» — Мудрена твоя загадка, а я отгону: солнце скорѣе всѣхъ ходить по землѣ, — вокругъ вселенной обойдетъ въ сутки; чище хлѣба нѣтъ, которая просвира живетъ на престолѣ; а съ тымъ скотомъ крестьянинъ говорить, съ лошадыю. —

И сталъ Саламанъ жить въ томъ селеніи и нанялся въ пастухи.....

(Отъ Козьмы Романова, записано въ январѣ 1861 г.).

55.

О ЦАРЬ САЛАМАНЪ И КУПЦЪ ТЕМНОМЪ.

(Нижская волость).

Во твоемъ во градѣ въ Ерусалимѣ

Стояли у обѣди у долгиа.

Близъ того храму великаго

Стоялъ тутъ садъ купца темнаго.

5. Пришелъ въ тотъ садъ купецъ темный

Со своего женою законною,

(6) Сказка.

Говорилъ жена ему возлюбленца: жено некое глго. —
Ты сей женомухъ мой возлюбленнаго твоего каю
«Въ нашемъ саду то прекрасныи дѣла пои и даюте

10. Теперь вѣности объявилси: глго работ ама глго а глго
гдг: Выростали на древиу насть яблоки мѣла и аюко гдг
Подавала съ кармана ему яблоко. — Уаго не дѣно

Кадъ съѣдъ купецъ дѣно яблоку: глго глго а глго глго
Самъ говоритъ: таково слово: глго глго глго глго глго
15. Ты гдг жена, даваа эти яблоки? — а глго глго глго

Говорилъ жена ему возлюбленца: глго глго глго глго глго
Что «Есть еще этихъ яблоковъ, глго глго глго глго глго
«Только висать онѣ высоко естѣ: глго глго глго глго глго

«Захватисъ-ко за дубъ ты руками да
20. А я выстану въ дубъ тотъ высокаи, глго глго глго глго глго
«Достану тебѣ эти яблоки.»

У самой въ дубу была люлька тамъ,
Въ этой люлечкѣ былъ полюбовничокъ, глго глго глго глго глго
Дожила она къ ему въ люлечку.

25. Во тую пору во то время
Царь Давидъ случился на [балкони] бытъ,
Со своей прекрасной царицею;
Увидали слѣпаго—за дубъ держится,
Говорилъ царь Давидъ со царицею:

30. «Если бы на сей часъ слѣпому Богъ прозрѣнiе
далъ,
«Что бы онъ могъ сдѣлать со своей женой?»
Говоритъ царица прекрасная:
— На то бы были у моей сестры отверточки.—

А сынъ во чревѣ заговорилъ: «Баба по бабѣ и судъ
судитъ!»
35. Мать говоритъ, что—Я чего ни будь выпью,
— И тебя во чревѣ употребляю.—
А сынъ сказалъ, что «Я выдохну боку твоему
«Ребро прѣдохую и дуть вонъ вѣду!»

То сотворилъ Богъ слѣпому глаза; то увидѣлъ онъ жену
свою съ полюбовникомъ въ люлкѣ, и закрычалъ:—Ахъ ты,
жена, эдакая дура! какъ ты могла надъ моей главои со-

творить блудъ.— То указавъ ему жена! «Допустимъ я (только) до вечера, то я вся твоя! хотѣть ты меня: бей; хотѣть ложи, только выслушай; что я тебѣ скажу: я жечерь сказала: поидѣла, рои снѣ сонъ: если бы мнѣ надъ твоею главою сотворить блудъ, то бы тебѣ Богъ далъ бы глаза.» То взявъ свой мужъ свою жену за правую руку, поцѣловалъ и пошли домой.

Сказалъ на то царь: «Что сей мужъ ничего со своей женой не сдѣлалъ? такъ не что ему и съ глазами дѣлать!» Два раза ступилъ—и больше же видить.

Какъ скоро пришла домой царица, родила сына и приказала лакею «его вынести на кухню и заколоть его, и вынять изъ него сердце, и жарить, и принести ко мнѣ, что онъ будетъ мудрый и истребитъ меня.» То сей часъ вынесъ лакей на кухню; и онъ сказалъ лакею, что «Не истребляй меня; черезъ меня и ты счастливъ будешь. А сей часъ иди въ спальню: сука принесла шесть псовъ; то любаго ты заколи, вынь изъ него сердце, изжарь и отнеси ей.—То сей часъ лакей изжарилъ и принесъ къ ней псуное сердце. То взяла на вилку: «Ахъ, какъ оно на псину пахнетъ.» То сказалъ лакей, что «Я несъ и противъ спальни сронидь на полъ, и сука схватила зубами.» А онъ себя ведъ отнести лакею въ солому. А царица послала лакея къ кузнецу на мѣсто купить мальчика; и кузнецъ продалъ. По утру отправился къ овину за соломою и нашель тамъ мальчика; и сталъ растить за сына. Когда уже ему сполнилось семь лѣтъ, то онъ началъ говорить своему отцу: — Скажи-ко ты мнѣ, тятенька: ходишь ли ты къ царю?—Отвѣчалъ ему отецъ, что «Хожу.»—А что же ты къ нему ходишь, а къ себѣ не зовешь?—То кузнецъ къ царю шелъ и попросилъ къ себѣ откушать. Спрашивалъ у отца сынъ, что—Спросилъ ли ты у царя, что, большой ли онъ свитой будетъ?—То царь сказалъ, что «Я буду всей свитой.»—То съ какого приходу вамъ кушанья становить? съ большого или съ малаго?—Отвѣчалъ ему царь, что «Ставь съ полного приходу.» То приходилъ кузнецъ домой и закручинился. То спросилъ его сынъ, что—Для чего онъ такъ кручиненъ?—Отвѣчалъ ему отецъ, что «Дутчи бы было не спрошано: приказавъ царь, ставить кушанья, а

полнаго приходу. » Отвѣчалъ ему сынъ, что — Даваяе
этого кушанья и нѣту: поди и вози дѣмой, рѣпу, мацары,
пару. — То сейчасъ пришелъ царь, подали на столѣ одну
пару и печенки.....

(Записано по порученію собирателя г. Лисаковичъ).

36.

О СТАРЦѢ.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника).

Былъ нѣкто остроумный человѣкъ и говорилъ: « Не съ
кимъ мнѣ побесѣдовать, » и пошелъ ко старцу. Оный ста-
рецъ отозвался бесѣдовать, а указалъ ему дорожку итти къ
другому старцу. И пришелъ къ дверямъ, и сотворилъ мо-
литву, а старецъ отдалъ ему аминь и спросилъ: — Что и
за чѣмъ ходишь? — Онъ ему сказалъ: « Ищу человѣка, съ
кимъ бы о писаніи поговорить. » — Приди чрезъ недѣлю. —
Онъ пришелъ, и старецъ сказалъ: — Помѣшкой недѣлю,
тогда приходи. — И пришелъ чрезъ недѣлю, и сказалъ ему
старецъ: — Поди къ морю и гляди на море. — И пошелъ къ
морю и два часа стоялъ. И сдѣлался подъ небомъ шумъ и
громъ, летитъ вороновъ страшная туча, чрезъ часъ летитъ
вторая туча ниже, таки же вороны, и чрезъ часъ летитъ и
третья туча, летитъ вороновъ, о самую землю. И зглянулъ
на море: бѣжитъ человѣкъ по морю, и за нимъ бѣжитъ
звѣрь; человѣкъ убѣжать не можетъ, а звѣрь настичи не
можетъ. Прилетѣла птичка синка, испила воды изъ моря
три раза.

37.

ТО ЖЕ.

(Оттуда же).

Единъ человѣкъ всю свою жизнь жидъ, у послѣдней дво
обидѣ, и приходитъ къ нему старецъ, и онъ тому старцу

жалуется о обидѣ. И оный старецъ поволяющего съ собой итти, и пошли въ церковь. И у церкви стоитъ человекъ, весь гноемъ отекъ. И мы сказали ему: «Благодарючній вамъ день!» Онъ же сказалъ: «Завсегда благополученъ.» И подумали мы, что онъ глупъ. И пришли къ нему второй разъ и сказали: «Здравія вамъ желаемъ!» Онъ сказалъ: «Завсегда здоровъ.» И третій разъ пришли и сказали ему: «Будь здоровъ!» Онъ сказалъ: «Никогда не бываю нездоровъ, завсегда здоровъ.» И еще къ Бога издѣлишь: еслибы тебя Богъ бросилъ бы во адъ, сталъ бы его хвалить?» Онъ сказалъ: «Я тремя ремнями привязался за Бога: если меня бросить во адъ, тамъ и самъ со мною будетъ.» И спросили мы у него: «Какіе три ремня?» Онъ сказалъ: «Первый ремень—вѣра, другой—надежда, третій—любовь.» Тогда разсудилъ оный человекъ: «Въ какой болѣзни, а Бога хвалить! А я, малыхъ обидъ не могу терпѣть!»»

*

**.

вой.

(Оттуда же).

Нѣкто Діонисъ

Написалъ листъ,

Поеть—не знаетъ,

А кто прочтетъ—не разумѣетъ.

5. Римъ въ себѣ Козла имѣетъ:

Стоитъ Козель сухъ,

Связалъ его царевъ внукъ.

Не вѣмъ откуда

Приде къ нему дьяволъ другъ,

10. Сатанинъ внукъ,

Пусти Козла къ Овцамъ въ лугъ,

И обыде Козель ниву вокругъ,

Наѣся травы въ тукъ.

Тогда яде навоге і диво гы другы
 15. **Въ вѣдесную руку утѣой Мукри** на пѣном и дѣти
 Цѣль сѣо меткаго шельска вы II дѣто авроні авр
 16. **Тѣтва бѣга шръіка,** шельска аж ан( ) «Шѣод, авр
 17. **И шръіла шгонортры,** шельска авр отъ дѣм шельска II
 18. **И одѣда «намень шостра, шельска»** шельска и авр
 19. **Въ шельска шръіка прѣста,** шельска II «шельска шельска»
 20. **И шельска шельска шельска авр( )** «шельска шельска»
 21. **Козловъ Юва шельска шельска шельска шельска**
 22. **Въ луду Овѣць, шельска шельска шельска шельска шельска**
 23. **Волну и шельска шельска шельска, R»** шельска авр( ) «шельска
 24. **И шельска шельска шельска шельска шельска шельска шельска**
 25. **И шельска шельска шельска шельска шельска шельска шельска**
 26. **И шельска шельска шельска шельска шельска шельска шельска**
 27. **На чѣтыре шельска шельска шельска шельска шельска шельска**
 28. **И шельска шельска шельска шельска шельска шельска шельска**
 29. **И шельска шельска шельска шельска шельска шельска шельска**
 30. **Солнце и луну повреждати.**

И умысли паки второе
 Въ Римѣ папою быти,⁹
 Пьяному богу служить,
 И на вѣрныхъ печать наложить.

35. Не могли жь сего сотворити,—
 Великаго Агнца убити,
 Отъ котораго самому связану быти.

Кто можетъ рѣчь сію разсудити,
 И у дѣвола внука убити,

40. И отъ прелести міръ свободити?
 Каково птицамъ жить на Руси
 (Деревни Болрицны; ср. выше)

КАКОВО ПТИЦАМЪ ЖИТЬ НА РУСИ

Отчего, братцы, зима становилась?
 Становилась зима отъ морозовъ,
 Отчего, братцы, становилась весна красна?

⁹) Ср. въ I-й части № 87.

Весна красна становилась отъ зимы комодной.

5. Отчего, братцы, становилосьъ лѣто тепло?
 Становилосьъ лѣто тепло отъ весны отъ красной.
 Отчего, братцы, становиласьъ осень богата?
 Осень богата становиласьъ отъ лѣта отъ тепла.

Ползла дуть вѣстряне стени.

10. Имъ жить хорошо,
 Хорошо, и прохладно, и весело.

Цари живутъ по царствамъ,
 Бояре живутъ по мѣстамъ,
 Мелкіе судьи живутъ по деревнямъ.

15. Попы-дьяки живутъ по погостамъ,
 Мелкіе люди живутъ по подворьямъ.

Что бы, братцы, было вѣсто
 Старой бабы на печи было мѣсто,
 Лежала бы она—не ворчала.

20. Была бы подь носомъ крынка съ вѣстомъ.

Стары старики лежатъ по печамъ,
 Стары старушки по прилавкамъ,
 Молоды молодицы съ мужьями по чуланамъ,
 Красны дѣвицы спятъ по ошесткамъ.

25. Малыя ребята спятъ по зелькамъ.

Прилетала малая птичка-пташка
 Изъ заморья, изъ тихого мукоторья,
 И спрашивала у Русскихъ птицъ:

«Какое вамъ жить на Руси?»

30. Отвѣчали Русскія птицы:

— Хорошо намъ жить на Руси;
 — Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
 — Всѣ птицы у насъ при работѣ,
 — И всѣ птицы у насъ при каравулѣ.

*) Сравни «повѣстье»
 **) Вѣдомо.
 ***) Зелька—люлька, колыбель.

35. — Пѣтуки поютъ по сараямъ,
— Курицы гогочутъ по [фатерамъ].
Налетали Воробьи цитцы,
Садилась оны по коламъ,
Садилась оны по изгородамъ,
40. Садилась оны по малыимъ ракирвыимъ кустѣкамъ,
Садилась оны вдоль зеленой дубравы.
Живутъ оны *) въ домахъ по рагузамъ.
Губанъ птица на морѣ плотникъ,
Зуй **) птица на морѣ поварь.
45. Ястребъ на морѣ стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по полушкѣ
Со вдовы съ сироты беретъ по двѣ и по три,—
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ бояра.
50. Гусь на морѣ морской ходатай.
Ластушки косатыя на морѣ красны дѣвушки,
Тетерка на морѣ молодая жоцка.
Утка на морѣ, она—сѣроплавка.
Селезень на морѣ—удалый-добрый молодець.
55. Соловей на морѣ птица
Хорошо поетъ, любо и слушать.
Жавроленочекъ, онъ по поднебесью летаетъ,
Жалобнехонько онъ щекотаетъ.
Ветлюкъ ****) на морѣ травникъ, самъ ябедникъ.
60. Куликъ на морѣ долгоногий,
Самъ-то онъ курносый.
Чайка на морѣ, она пошадѣйка.
Галки на морѣ, оны поощаны,
Гагара на морѣ, изъ озера въ озеро она летаетъ.

*) Воробьи.

**) Зуйкъ называется также мальчикъ, приготовляющій кушавья для промышленниковъ.

***) Разнорѣчіе: «по куренку.»

****) Родъ кулика.

65. Побѣднымъ голосомъ тридцать три года, онъ онъ онъ II .50
 Много рыбы добывается, а морю она вѣчна II
 На тую рыбу вѣкъ призоветъ она, а морю она вѣчна II
 Сойка **) на морѣ, она перелетаетъ, а морю она вѣчна II
 На морѣ зять Дегтары, а морю она вѣчна II
70. На морѣ теща, а морю она вѣчна II
 У зятя ноги коротки, а морю она вѣчна II
 У тещи пороги высоки, а морю она вѣчна II
 Маляголь III) на морѣ, а морю она вѣчна II
 Волкъ на морѣ овчинникъ.
75. Медвѣдь на морѣ, а морю она вѣчна II
 Много межъ, а морю она вѣчна II
 На ногахъ котовъ не видать, а морю она вѣчна II
 Лисица на морѣ—молодая, а морю она вѣчна II
 Много винъ сдѣлаетъ
80. И про себя вина не скажетъ, а морю она вѣчна II
 Заяць на морѣ сошки не дѣлаетъ
 И рѣпки не пашетъ,
 И во вѣки сытымъ пребываетъ,
 И все крестьянина разоряетъ.
85. Охъ тошненько, охъ тяжеленько,—
 Кошки на морѣ вдовицы,
 И то бобыли-сироты,
 И день оны по печамъ,
 И день оны по ошѣткамъ,
90. И ночь переходятъ по молочнымъ кринкамъ.

Сорока на морѣ—кабацкая жонка:
 Съ ножки на ножку пляшетъ,
 Молодыхъ молодець она прибираетъ.
 И Курица на морѣ побѣдна *****) птица:

*) Ее сглазить нельзя.

**) Лѣсная сорока.

***) Кукушка.

****) Родъ ястребовъ, взоветъ передъ дождемъ: «звать, дескать, уже пить просить.»

*****) Бѣлая, несчастная.—Идеи

35. — Пѣтуки поютъ по сараямъ,
— Курицы гогочутъ по [фатерамъ]
- Налетали Воробьи цитцы,
Садилась оны по фоламъ,
Садилась оны по изгородамъ,
40. Садилась оны по маленькимъ ракирвынъ кутубкамъ,
Садилась оны вдоль зеленой дубравы.
- Живутъ оны *) въ домахъ по рагузамъ.
Губанъ птица на морѣ плотникъ,
Зуй **) птица на морѣ поварь.
45. Ястребъ на морѣ стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по полушкѣ
Со вдовы съ сироты беретъ по двѣ и по три, —
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ бояра.
50. Гусь на морѣ морской ходатай.
Ластушки косатыя на морѣ красны дѣвушки,
Тетерка на морѣ молодая жоцка.
Утка на морѣ, она—сѣроплавка.
Селезень на морѣ—удалый—добрый молодець.
55. Соловей на морѣ птица
Хорошо поетъ, любо и слушать.
Жавроленочекъ, онъ по поднебесью летаетъ,
Жалобнехонько онъ щекотаетъ,
Ветлюкъ ****) на морѣ травникъ, самъ ябедникъ.
60. Куликъ на морѣ долгоногій,
Самъ-то онъ курносый,
Чайка на морѣ, она попадейка,
Галки на морѣ, оны поощаны,
Гагара на морѣ, наъ озера, въ озерона летаетъ.

*) Воробьи.

**) Зуемъ называется также мальчикъ, приготовляющій кушанья для промышленниковъ.

***) Разнорѣчіе: «по куренку.»

****) Родъ кулика.

65. Побѣднымъ голосомъ ридаетъ, дрожа, она она она II .59
 Много рыбы добываетъ бѣды, а морюкъ бѣды II
 На тую рыбу въкъ призоветъ она бѣдасеть II .510
 Сойка **) на морѣ, она перещала II .510
 На морѣ зять Дегтары II .510
 70. На морѣ теща. Записка: ***) II .510
 У зятя ноги коротки, II .510
 У тещи пороги высоки. II .510
 Манюшь II .510
 Волкъ на морѣ овчинникъ.
 75. Медвѣдь на морѣ II .510
 Много жель II .510
 На ногахъ котовъ не видаетъ II .510
 Лисица на морѣ—молодецъ, молодница II .510
 Много винъ сдѣлаеть
 80. И про себя вины не скажетъ II .510
 Заяцъ на морѣ сошки не дѣлаеть II .510
 И рѣпки не пашеть,
 И во вѣки сытымъ пребываетъ,
 И все крестьянина разоряеть.
 85. Охъ тошненько, охъ тяжеленько,—
 Кошки на морѣ вдовицы,
 И то бобыли-сироты,
 И день оны по печамъ II .510
 И день оны по ошѣткамъ,
 90. И ночь переходять по молочнымъ крывкамъ.

Сорока на морѣ—кабацкая жонка:
 Съ ножки на ножку пляшетъ,
 Молодыхъ молодцевъ она прибираеть.
 И Курица на морѣ побѣдна ****) птица:

*) Ее сглазить нельзя.

**) Лѣсная сорока.

***) Кукушка.

****) Родъ ястребовъ, заносеть переть дождемъ: «вотъ, дескать, уже пять просить.»

*****) Бѣлая, касчатая.—Иде

95. И кто ню во дворѣ **попнасть**,
 И всякій перстомъ дырѣ **попопасты**,
 Оттуль ящю **добывасты**,
 И зятю-свѣту **запасасты**,
 Отъ того теща и честь **заурасты**.

100. Вороница на морѣ **бабкѣ** **пумарѣ** **на**,
 Головице у ней толстое,
 Платице у ней грязное;
 Будеть весна, **будеть она** **по** **радваркѣ** **пескаги**,
 Русскимъ птицамъ **голосъ** **подавать**.

105. Какъ будутъ люди-ты **обидаты**,
 Какъ стануть нищи по **недоконнымъ** **бѣсаты**,
 Холодныхъ щей не **алебали**,
 И горячихъ **вѣтъ** **не** **задали**.

И мы, братны, **про** **то** **не** **знали** **и** **не** **вѣдали**,
 110. Что **знали**, **то** **и** **сказали**.

(Отъ крестьянина **Щеголенкова**).
 — **Щеголенковъ** **азо** **домашног** **азо**.
Конецъ II-й части.

**) О значеніи этихъ отрывковъ см. въ Приложенияхъ къ II-й части. — Изд.

ПРИЛОЖЕНІЯ КО II-Й ЧАСТИ.

METHODS OF PALAEOLOGY

и широкъ ли стеноу при отъ-амеи 11
 — и медведя въ аквонид 11
 — и широкъ ли стеноу при отъ-амеи 11
 — и медведя въ аквонид 11
 — и широкъ ли стеноу при отъ-амеи 11
 — и медведя въ аквонид 11

ОРАТАЙ *).

(Кижская волость)

- Оратай-то ореть, да посвистываетъ,
 У оратаго сошка поскрыпываетъ;
 У оратаго сошка красна дерева,
 А омѣшки серебряные,
 5. А присошачекъ красна золота;
 У оратаго сапожки на ножкахъ—зелень сафьянъ;
 Шиломъ пяты, носы остры,
 Подъ пята-пята воробей пролетитъ,
 Около носа-носа яйцо прокатить;
 10. Кудри у молодца качаются,—
 Не скаченъ жемчугъ розсыпается;
 Бровы чернаго соболя;
 Глаза я-яснаго сокола.

НАСТАСЬЯ МЯКУЛИЧНА.

МЯКУЛИЧНА

НА СОКОЛѢ КОРВАЛѢ.

(Тамъ же).

Было-то у молодца похожено,
 Было-то у добраго похажено

*) Слѣдующія за симъ былины должны бы занять настоящее мѣсто въ началѣ II й части: но мы получили ихъ отъ Собирателя слишкомъ поздно, и потому, не желая лишить читателей этого новаго драгоценнаго приобретенія, рѣшились по крайности припечатать въ Приложеніяхъ.—Изд.

- На томъ-то на Соколѣ на Батюшки
 На болшоемъ на кораблѣ, —
5. Носъ, корма по звѣриному,
 Бока-ты были по змѣиному;
 На томъ-то на Соколѣ на Батюшки
 На болшоемъ на кораблѣ
 Снасти-канаты были шелкъвые,
10. Паруса были полотняныя,
 [Флюгара] была дорогой камки,
 Якори были булатныя,
 Булата-желѣза заморскаго;
 У того у Сокола у Батюшки
15. У болшаго корабля
 Въсто глазъ было вставляно
 По славному по каменю по яхонту,
 Въсто бровъ было вдергивано
 По черныя лисичи по заморскія.
20. На томъ-то на Соколѣ на Батюшки
 На болшоемъ на кораблѣ
 Бадилъ удалой-доброй молодець,
 Поленица удалая, —
 Ж..ка крутенка по женскому,
25. Походочка частенка по женскому,
 Поговорочка гладенка по женскому:
 Быть ли не быть—Настасья Микуличной!

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

О ТРЕХЪ ПОЪЗДКАХЪ ИЛЬИ МУРОМЦА.

(Филимоновской волости, Пудожскаго уѣзда).

Старой казакъ вѣжшвалъ

Отъ младости и до старости,

Но такова чуда не видывалъ

*) Два эти стиха относятся даннаково и къ началу былины, и къ продолженію. — Изд.

- И на горах оудаломъ възвннгалъ, 104
9. Прїѣхалъ онъ ко камешку, 105
 Отъ камешка три розстани, 106
 Три розстани, три дороженьки, 107
 Три дороженьки путиславу 108
 А на камешки какъ было машираносиоу 109
10. «Что въ одну дорожку ѣхать—убиѣгу быти?» 110
 «Въ другую ѣхать—женату быти, онъ дагни вѣн 111
 «А въ третью ѣхать—богату быти, онъ дагни вѣн 112
 Сталъ да пораздумался: 113
 «Въ которую богатомѣ дороженьку? 114
15. «Что мнѣ на старость богату—быти?» 115
 «И что мнѣ на старость женату быти? 116
 «А поѣду въ ту дорожку, 117
 Тѣхалъ онъ тринаса, 118
 Проѣхалъ ревомъ, 119
 Приѣхалъ какъ онъ, 120
 Къ тѣмъ горамъ да въ высонимъ, 121
 Начали разбойничемъ съ горъ выскакивати, 122
 Наскакало разбойничковъ сорокъ тысячей, 123
 Начали старого пощипкивать, 124
25. Началъ старой казакъ выговаривать, 125
 «Ай же, сорокъ тысячъ разбойничковъ! 126
 «Что вамъ взять у меня у старого? 127
 «Нѣтъ у меня многой несчанной-золотой жазны, 128
 «Нѣтъ у меня прекрасной молодой жены, 129
30. «Нѣтъ у меня платья цвѣтнаго; 130
 «Только у меня добрый конь, 131
 «Добрый конь въ триста рублей, 132
 «На конь приправа во двѣдѣсти рублей, 133
 «У себя приправа богатарская въ двѣдѣсти тысячъ, 134
35. Какъ выдергивалъ онъ палицу жездыну, 135
 Во сто двѣдѣдѣстѣ мудъ, 136
 Какъ началъ разбойничковъ пощипкивать, 137
 Прибилъ онъ разбойничковъ сорокъ тысячей, 138
 Тутъ удалый поворотъ держалъ, 139

40. Приѣзжалъ какъ лемтыка, камешку, по дороженьку, II
Тую запись подпашивалъ, прокъ онъ ино атезѣи II .06
Что «Въ ту дорожку ѣздила—убить не была» II
«Поѣду въ тую, гдѣ женату быть!» II .07
Ѣхалъ онъ ровно три часа, ни въ вѣнцѣ корѣ, ни II
45. Проѣхалъ ровно триста версты, аки ѣхалъ въ II
Выѣзжалъ какъ, они на ты нацѣло на чисты II .01
На чистыя поля, аки аки на зеленые, II .02
На тѣхъ-то поляхъ чистыихъ, II .03
На лугахъ на зеленыхъ, II .04
50. Стоитъ какъ чудотворное, диво дивное, цѣло II
Городомъ называть,—такъ онъ мѣсто стоятъ II .01
А селомъ называть,—такъ онъ великъ стоятъ II
Стоять, путь, полаты, бѣлокаменны II .02
Приѣзжалъ какъ онъ ко полатамъ на широкъ дворъ, II
55. Какъ съ тѣхъ полатъ бѣлокаменныкъ, II
Выходила премлада Прекрасна Королевична, II
Брала стараро, ваобѣи, руки, II .02
Цѣловала во уста во сажарныя, II .03
Проводила въ полаты бѣлокаменны II .04
60. Садила застѣ, столы дубовыя, II
Наносила ему ѣствъ, сажарныкъ, II
Сама говоритъ да таково слово, II .02
— Ай же, удалый, добрый молодецъ, II
— Не набѣдайся пылко сыла, II .03
65. — На, напавшаяся—кашпа до вѣнцѣ, II
— Чтобы тебѣ, о преймладой, Королевичной, II
Онъ какъ говорилъ, таковы слова, II
« Я проѣхалъ какъ ровно триста версты, II
« Мнѣ ѣствъ, дамотъ, II
70. Онъ нахло, какъ до сыла, II
Напился онъ, луть до пѣна, II .02
Какъ выходилъ за столы, за дубовыи, II
Молилъ Господу Богу, II
Она брала его, за бѣлыя руки, II
75. Повела во спальню во теплую,
На ту кроватку, атисоую, II

- Кроватька была тесова—олоновыхъ костей,
Перина была пуховая.
- Она какъ говорить таковы слова:
80. — Ай же ты, удамый-добрый молодець!
— Ложись-ка спать на стѣлочкѣ.—
Онъ какъ говорить таковы слова:
« Ай же ты, премлада Королевична!
« Ты сама ложись-ка спать на стѣлочкѣ:
85. « У меня у стараго ночь не держится,
« Надо часто ходить мнѣ до вѣтра,
Какъ бралъ онъ ее за бѣлыя руки,
Бросалъ на ту кроватьку тесовую,
Кроватька была волшебная,
90. Провалилася она въ тѣ погреба глубокіе.
Онъ тутъ бралъ золотыя ключи,
Шель—отмыкалъ погреба онъ глубокие,
Какъ выпускалъ много удамыхъ-добрыхъ молодець,
Много сильныхъ-могучихъ богатырей.
95. Какъ оттолъ выходила сзади премлада Королевична,
Онъ бралъ какъ Королевичну за бѣлыя руки,
Привязывалъ къ тремъ жеребцамъ онъ невѣженныкъ,
Раздернулъ ее по чисту полю.
« Какъ тутъ все имѣнье-богачество
100. Раздалъ удамымъ-добрымъ молодецамъ,
Сильнымъ-могучимъ богатырямъ,
А тѣ полаты бѣлокаменныя огню предалъ.
- Тутъ-то удамый поворотъ держать,
Привязалъ какъ удамый къ тому же коню конешку,
105. Тую опять записъ поднавливаль:
« Въ ту дорожку ѣдиль—женать не былъ.»
« Поѣду во третью дорожку, гдѣ богату быть!»
Ѣхалъ онъ три часа,
Проѣхалъ триста версть.
110. Опять какъ выѣзжалъ на поля на чистыя,
На поля на чистыя, на луга на зеленые,
Какъ тутъ копаны погреба все глубокие,
Насыпаны всѣ краснаго золота,

- Краснаго волота, чистаго серебра,
 115. И мелкаго-скачнаго жемчуга,
 Онъ говоритъ: «куда мнѣ на старость дѣлѣныя
 « Со мноюй несчетной золотой казней?
 Сталъ да пораздумался:
 Взялъ какъ—на это на ивѣнищю,
 120. На тѣхъ на поляхъ на чистыяхъ,
 Построилъ монастыри богомальные,
 Построилъ церкви леоберныя,
 Повелъ тутъ прѣше церковное,
 Пѣше церковное, звысы колокольныя.
 125. « Чье было ивѣныя, за того друкай и дѣлѣныя
 Тутъ-то удалый поворотъ держалъ,
 Опять прѣзжалъ ко тому же каменику ко гористому,
 Опять ту вацисъ поднаивалъ:
 « Какъ въ тую дорожку ѣздить—богаты на бѣдѣ.»
 130. Ъхалъ онъ ко славному городу ко Киеву,
 Ко солнышку князю Владимиру,
 Спросилъ у него солнышко князь-стольчо-Кіевскій:
 — А гдѣ же ты долго ѣздить, удалый-добрый, моло-
 — Старой казакъ Илья Муромецъ?
 135. Онъ розказалъ свои три (происшествія),
 Какъ былъ въ трехъ дороженькахъ,
 Чтò дѣлалъ онъ въ тѣхъ дороженькахъ,
 Все розказалъ солнышку князю Владимиру,
 Дунай, Дунай,
 140. Богѣ вѣкъ не знай!
 (Отъ Сумозерскаго крестьянина Андрея Сброкина).

30. (Книга бы...)

63.

ТО ЖЕ, И ССОРА СЪ ВЛАДИМИРОМЪ.

(Тамъ же).

- Съ той-то земли, съ богатой оуды,
 Со славнаго города со Мурома,
 Со того ли сема съ Карачаева,
 Какъ снаряжается да собирается
5. Удаленькой-упаленькой, дородный-добрый молодець,
 Старый казакъ Илья Муромецъ,
 Не въ дальнюю дороженьку, не въ ближнюю,
 Ко славному ко городу ко Киеву,
 Ко солнышку князю Владимиру.
- 10.** А далъ себѣ заповѣдь великую,
 Простоять дома заутреню воскресенскую,
 Поспѣть къ обѣдни воскресенскія,
 Ко славному ко столюму ко городу ко Киеву,
 Не брать туга лука со налучниками.
- 15.** Каленой стрѣлы со колчанамъ,
 Не вязать крѣпкихъ палицъ на бедро свое;
 Не кровавить своей руки богатырскія,
 « Проѣхать мнѣ дорожкой прямо ѣзженой,
 « Что которою дорожкой
- 20.** « Тридцать лѣтъ было не ѣзжено. »
 Шель онъ къ заутреню ко рання воскресенскія,
 Простоялъ заутреню воскресенскую,
 Потомъ онъ шель на свой на широкъ дворъ;
 Со широкаго двора шель на стойлы коницыя.
- 25.** Бралъ онъ своего добра коня,
 Не уздана, не съдлана,
 Выводилъ добра коня на широкъ дворъ,
 Сталъ на широкомъ дворѣ
 Съдлатъ и уздать своего добра коня.

*) Колчанамъ.

30. Кидалъ потички *) на потички,
 Войлочки на войлочки,
 На верехъ клалъ новое сѣдло Черкацкое,
 Натягивалъ двѣнадцатю подпругами богатырскими,
 Натягивалъ тринадцату продольную,
35. Не для-ради красы-басы,
 А ради укрѣны (богатырскія);
 Подпруги тѣ были днстаю серебра,
 Пряжечки-шпальки были ярснаго золота,
 Стремена булата заморснаго,
40. Шелкъ-то былъ да Шемахатинскій;
 Шелкъ-то не рвется и не треска,
 Булатъ-то не ржавѣеть,
 Красное золото не мидѣеть,
 Чисто серебро не задыбѣеть,
45. Потомъ пошелъ онъ въ свои помѣстья (Булокменна);
 Надѣвалъ онъ платье дорожничья,
 Молился тѣмъ крестамъ пречуднымъ,
 Спасу и Пречистой Богородицы,
 Прощался съ свѣтомъ-государемъ батюшкой,
50. Говорилъ ему свѣтъ-государь свой-то батюшка;
 — Ай же, старой кавакъ Илья Муромецъ,
 — Поѣзжай ты въ дорожку во дальнюю,
 — Не берешь ни какой приправы богатырскія,
 Какъ онъ говорилъ ему таковы слова:
55. « Ай же, свѣтъ-государь мой батюшка,
 « Вѣдь кладена у меня заповѣдь великая:
 « Простоять дома заутреня воскресенская,
 « Поспѣть къ обѣдине воскресенскія,
 « Ко славному ко городу ко Киеву,
 60. « Не брать ни туга лука со налучивками,
 « Каленой стрѣлы со колсанами,
 « Не вязать крѣпкихъ палицъ на бедро свое,
 « Не кровавить своей руки богатырскія;

*) Потички. — Изд.

**) Въ Пудожскомъ говорѣ и вообще въ Олонецкой губ., въ глаголахъ настоящего времени, 2-я и 3-я лицъ ед. числа, е послѣ а большею частію не произносятся.

- « Прѣхать мнѣ дорожкой прямою конной, » .001
65. « Что, которое дорожкою » .001
 « Тридцать пять было: не взяло, » .001
 Только онъ вазмалъ съ собой .001
 Одинъ тугой лукъ цосрывчатой, .001
 Одну стрѣлочку каленую, .001
70. Для опасу, великаго да богатырнаго, .001
 Тутъ пошелъ да на широкъ дворъ, .001
 Сидѣлся: туку да на добра конд-вазени .001
 Видѣли молодца на коня да сядуче, .001
 А не видѣли добра молодца: похдуче, .001
75. Одна куревка прокурила, .001
 Куда похгалъ удалый-добрый молодецъ: .001
 Конь-то озера и рѣки перескакивать, .001
 Малыя источины между ногъ пустить, .001
- Онъ какъ выхалъ во далече-далече: во чисто поле, .001
80. Какъ прохгалъ онъ да по чисту долу, .001
 Самъ глѣса срывалъ; да стружки строгилъ, .001
 По стружкамъ во орды да кресты клалъ, .001
 Кресты клалъ: богомолныи, .001
 На крестахъ да подпосивалъ, .001
85. « Видѣть старой: каракъ да Шля Муроме, » .001
 « Ко славному ко стольному городу Киеву, » .001
 « Во первую похздку: богатырскую, » .001
 Самъ услышалъ: каракъ той стороны: .001
 Шущи: « Гамъ идуть: то- великии! » .001
90. Сталъ какъ онъ да порозсужталъ, .001
 Самъ да пораздумалъ, .001
 « Ежели не съзидитъ мнѣ, » .001
 « На шуми и гамы на великии, » .001
 « Съѣду я ко славному городу, стольному Киеву, » .001
95. « Ко славному князю ко Владиеру, » .001
 « Солвышко князь: стольно-Кіевскій, » .001
 « На прѣздѣ удалыхъ-добрыхъ молодецвъ, » .001
 « Онъ заводитъ-то, для нихъ: столованье — почестѣи
 пиръ,
 « На похздѣ онъ жалуетъ удалыхъ-добрыхъ молодецвъ

100. « Несчетною добою фекеней, дѣла дѣла бѣдѣ
 « На честномъ пиру не сѣлъ оидѣ окартати. о. 1'
 Взялъ какъ—вороталъ онъ добротѣнъ, а. 10'
 Какъ поѣхалъ на тотъ на шумъ а. 10'
 Во ту сторонку долу дѣла дѣла бѣдѣ
105. Приѣхалъ какъ подь городы. Смоленскѣ. 10'
 Какъ тутъ, стоитъ мо. сѣлушка. 10'
 Стоитъ какъ сяды многѣ. тысячей, а. 10'
 Стоять пановья—улашовья, бурсы—поганья. 10'
 Во пару—дыму дѣла дѣла бѣдѣ
110. Днемъ не видю краснаго. 10'
 А ночью свѣтлаго мѣсяца. 10'
 Около сѣрону заюшнѣ. не. абсважата. 10'
 Ясному соколу ше. обзвѣтѣ. 10'
 Онъ какъ, стагъ да. 10'
115. Отъ силушки отѣхать не хочется,
 И на силушку приукнувшись. 10'
 Не взята приправа. богатырская. 10'
 Не хочется кровавить. своей. руны. богатырской. 10'
 Самъ какъ опущался. 10'
120. Рвалъ лѣвой рукой сырый. дубъ. 10'
 Сырый дубъ крякнолистый. 10'
 Привязывалъ ко. дѣло. къ. булатной. 10'
 Тутъ опять рвалъ. правой. рукой. 10'
 Сырый дубъ крякнолистый. 10'
125. Брелъ какъ онъ. да. во. праву. 10'
 Напустился на бурсы—поганья. 10'
 Куда ѣдетъ и. маметь. 10'
 Перевернетъ—перемахнетъ. 10'
 Не сколько самъ билъ. 10'
130. Ни одинъ бурза—Татаринъ. 10'
 Не могутъ ни. уйти. 10'
 Не оставилъ ни. единато. 10'
 Тутъ отвязывалъ сырый. дубъ. 10'
 Сырый дубъ да. крякнолистый. 10'
135. Онъ отъ дѣла. 10'

100) Непорочно и др. Чортановъ, Чортановъ, Чортановъ, Чортановъ

- Конь скакаль какъ прямо чрезъ стѣны городова,
 Заѣхаль онъ во городъ Смолягинскъ,
 Какъ тамъ мужики да Смолягински
 Всѣ ходять во церковь соборную
140. Отъ перваго до единаго,
 Они каются-причащаются,
 Со бѣлымъ свѣтомъ прощаются,
 Во чисто поле на войну снаряжаются
 Онъ какъ прѣзжалъ ко церкви соборной
145. Спускался онъ какъ съ добра коня,
 Привязываль онъ добра коня
 Ко столбичку ко точенному,
 Ко колечку золоченному,
 Самъ шель во церковь соборную
150. Крестъ-то кладаль по писаному,
 Поклоны вель онъ по ученому,
 Клонился онъ на всѣ четыре стороны,
 Самъ да говорилъ таковы слова:
 « Ай же, мужики да Смолягински!
155. « На что вы каетесь-причащаетесь,
 « Со бѣлымъ свѣтомъ прощаетесь,
 « Куда, мужики, собираетесь?»
 Они говорятъ таковы слова:
 « Ай же ты, удаленькой да упаленькой,
160. « « Добрый молодець завзжій-дальний!
 « Мы не знаемъ, ты съ коей земли,
 « Ты съ коей земли, ты съ коей орды,
 « Какого отца, какой матушки,
 « Какъ тебя именовъ зовуть?
165. « « Подъ нашимъ городомъ Смолягинымъ
 « « Стоитъ сила несмѣтная,
 « « Стоять пановья-уацовья,
 « « Стоять мурзы—Тотары поганые,
 « « Какъ сърому заюшку не обскакать,
170. « « Яспому соколу не облететь;
 « « Хотуть нашъ городъ рубить-палить,
 « « Рубить-палить, готовою катить,
 « « Хотуть насъ, мужиковъ, въ пролопъ забрать. »

- Они говорить таковы слова:
175. « Ай же вы, мужики Смоленщин!
 « Вы выстаньте на стѣну городовую,
 « Посмотрите въ чистое поле
 « На бурзовъ—поганыхъ Тотариновъ,
 « Стоять или лежать, и что они дѣлають?»
180. Какъ они скорымъ скоро, скоро на скоро,
 Вставали на стѣну городовую,
 Глядѣли во далече-далече во чисто поле,
 На бурзовъ—поганыхъ Тотаровъ,—
 Тамъ лежать прокляты всѣ убитые.
185. Какъ тутъ спускались скорымъ скоро,
 Скорымъ скоро, скоро на скоро,
 Со стѣны они съ городовыя,
 Шли къ удалому молодцу,
 Старому казаку Ильи Муромцу.
190. Говорили сами таковы слова:
 « Скажись-ко ты, удалый-добрый молодець,
 « Ты съ коей земли, ты съ коей орды,
 « Какого отца, какой матушки,
 « Какъ тебя, молодца, именовъ зовутъ?»
195. « Живи во нашемъ Смоленщинъ воеводу,
 « Суды суди все правильно,
 « Мы всѣ будемъ тебя слушати.»
 « Не дай Господи дѣлати съ барина холода,
 « Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
200. « Дворянина съ холопа, изъ пона палача,
 « А также изъ богатыря воеводу!
 « Я изъ той земли, богатой орды,
 « Изъ того города изъ Муромъ,
 « Изъ села Карачаева,
205. « Старой казакъ Илья Муромецъ:
 « Не хочу я жить у васъ воеводу!
 « Покажите-тко дорожку прямоѣзженую
 « Ко славному ко городу ко Киеву.»
 Они говорятъ таковы слова:
210. « Ай же, старой казакъ Илья Муромецъ!
 « Окольная дорожка—двѣ тысячи,

- « Прямоѣзжая дорожка—одна тысяча;
 « Лучше ѣхать окольной дорожкой—два тысячи,
 « Что той прямой дорожкой одна тысяча:
 215. « Какъ вѣдь той дорожкой
 « Тридцать лѣтъ было не ѣжено,
 « Какъ на той на дорожкѣ прямоѣзженой
 « Есть три заставы великія;
 « Первая застава—болота зыбучія,
 220. « Болота зыбучія, корбы *) дремучія;
 « Друга застава—рѣка матушка Смородина,
 « Въ ширину рѣка ровно три версты,
 « Въ глубину глубока очень;
 « Есть-то за той рѣкой за Смородиной
 225. « Третья застава великая:
 « Сидитъ Соловей-разбойникъ, птица рохманная,
 « На трехъ дубахъ на крахновыхъ,
 « На двухъ берегахъ на покляпныхъ,
 « Свито гнѣздо соловьиное;
 230. « Мимо этого проклятаго да Соловья
 « Нѣту пѣшему проходу, конному проѣзду,
 « Нѣту конному проѣзду, звѣрю прорыску,
 « Нѣту проѣзду сильнымъ-могучимъ богатырямъ:
 « Все побиваетъ вздохомъ единымъ;
 235. « Отъ свисту его зѣбинаго, отъ крыку звѣринаго
 « Помираютъ всѣ уалы-добры молодцы.
 « Ты не ѣдь, удалый-добрый молодець:
 « Падеть твоя головка буйная подъ Соловьемъ!»
 Онъ опять говоритъ таковы слова:
 240. « Ай же вы, мужики Смолягински!
 « Послѣ моего быванья
 « Не случится ли вамъ путь
 « Ко славному ко городу ко Кіеву?
 « Такъ поѣзжай прямой дорожкой самоѣзженой:
 245. « Не бойтесь вы болотъ зыбучихъ,
 « Болотъ зыбучихъ, лѣсовъ дремучихъ,

*) Чаши великаго лѣса.—Собр. — Ср. корбуза, между Тромска и Дикантай, порасли частаго лѣса.—Изд.

« Не бойтесъ вы проклятаго Соловья,
 « Столжко бойтесъ въ одной рѣки Смородины *) »

Самъ поѣхалъ какъ той дорожкой прямоѣзженой,

250. Лѣвой рукой коня ведетъ,
 Правой рукой дубья рветъ,
 Дубья рветъ, все криковисто,
 Мосты мостить каденые
 Роботать дорожку прямоѣзжену.
255. Какъ доѣхалъ до той рѣки до Смородины,
 Какъ сядилъ на добра коня,
 Конь скочилъ черезъ ту рѣку Смородину,
 Какъ засвисталъ Соловей по змѣиному,
 Закричалъ Соловей по звѣриному,—
260. Подъ нимъ ли добрый конь да на колѣника цалъ.
 Онъ скорѣ скакалъ да съ добра коня,
 Пинулъ коня онъ подъ брюхо:
 « Ай же ты, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
 « Неужто ты не слышалъ посвисту змѣинаго,
265. « Крѣкву звѣринаго, писку-визгу Тотарскаго,
 « Какъ тутъ всякъ человекъ на свѣтѣ завѣтъ завичалъ,
 « Но не каждый человекъ завѣтъ сиравлялъ;
 « Также и миръ быть своя заповѣдь нарушатъ,
 « Быть натянуть свой тугій лукъ,
270. « Класть своя каденя стрѣла.»
 Какъ тугой лукъ натягивалъ,
 Калену стрѣлу накладывалъ,
 Самъ стрѣлочкѣ да приговаривалъ:
 « Лети, моя стрѣлочка каденая,
 275. « Выше лѣсу стоячаго, ниже облачка ходячаго,
 « Розлетись—пади Соловью въ правый глазъ,
 « Вылети, стрѣла, въ лѣвое ухо!»

*) Страхъ передъ этой магушкой-рѣкой замѣчательнъ. Другой удалый-добрый молодецъ не побоялся близко приставиться падъ рѣкой и сложилъ въ ней буйную голову. И добрымъ Магушкамъ магушка: лучше всего наладываетъ не плавать черезъ третью струю Смородины. — Собр. — О значеніи этой рѣки сказано будетъ пространно въ слѣдующихъ, послѣ 4-го, выпускахъ Пѣсенъ, со-браникъ П. В. Кир. — Изд.

**) Калишковые. — Изд.

- Какъ вылетѣла стрѣлка выше лѣсу стоячаго,
 Выше лѣсу стоячаго, ниже облакаходячаго,
 280. Какъ попала стрѣлка Соловью во правый глазъ,
 Вылетала стрѣлка во лѣвоухо: охъ охъ охъ охъ
 Покатился Соловюшко со гнѣздышкомъ,
 Будто сѣнная куча неподъемная,
 Онъ бралъ Соловья за желты кудри,
 285. Привязывалъ онъ желтыми кудерками
 Ко лѣвья булатныя стремена,
 Самъ опять лѣвой рукой коня ведетъ,
 Правой рукой дубья рветъ,
 Дубья рветъ, все крякновисты,
 290. Мосты мостить да каменные,
 Самъ Соловю да приговаривать,
 « Сидѣль ты, птица-разбойникъ, на гнѣздышкѣ,
 « Сидѣль ты ровно тридцать лѣтъ,
 « Видаль экого молодца пройлучисили пробдучись?»
 295. Соловюшка на молодца поглядывать:
 — Видно, я попалъ да во крѣпки руки,
 — Теперь уйти да мнѣ некуда!

Какъ стали подѣзжать ко посельямъ Соловьинымъ,
 Глядят малы выюнши да въ окошечко:

300. « Родитель наша матушка!
 « Какъ батюшка-то ѣдетъ да мужика везеть!
 Какъ глядѣла большая дочь да въ окошечко:
 « Ай же, сестрицы родимья,
 « И родитель моя матушка!
 305. « Мужикъ какъ ѣдетъ — везетъ нашего батюшку,
 « Прикована желтыми кудерками,
 « Ко лѣвья булатныя ко стремена!
 Какъ онъ подѣхалъ ко поселью къ Соловьиному,
 Какъ больша дочь Олена выскочила на широкъ дворъ,
 310. Хватила она подворотню чигунную въ девяносто пудъ,
 « Держала замахъ она великий,
 Хотѣла честнуть старата казана Илью Муремца,

*) Со гнѣздышка? — Изд.

- Чеснуть межъ очи ясныя; —
 Онъ какъ зналъ увертки богатырскія, —
 315. Увернулся отъ разу великаго, —
 Столько попало ему по руки да по правыи; —
 Онъ тутъ нуль ее подъя, —
 Она ижно улетѣла черезъ цѣлый дворъ; —
 У Соловья былъ дворъ на семи верстахъ; —
 320. На семи верстахъ и на семи столбахъ, —
 Она у задней стѣны на ж... поглазывать; —
 Говорить она таковы слова: —
 « Меня чортъ бросилъ, а водяной кинулъ; —
 « Съ сильными богатырями биться-ратиться! —
 325. Былъ дворъ на семи столбахъ, —
 На семи столбахъ, на семи верстахъ, —
 Около былъ булатный тынь, —
 Въ середочкѣ былъ сдѣланъ гостиный дворъ; —
 Было сдѣлано три терема златоверхіе; —
 330. Вершечки съ вершечками свивались, —
 Потоки съ потоками срастались; —
 Крылечка съ крылечками спавывались, —
 Росажены были сады да зеленые,
 Цѣль да цѣль все мѣсты лазурныя; —
 335. Подведена вся усадьба красовитая, —
 Тутъ они стали давать да за батюшка; —
 « Много мѣсечкой золотой казны; —
 Сталъ давать денегъ три тысячи, —
 Не беретъ какъ онъ трехъ тысячей; —
 340. Стали давать да тридцать тысячей, —
 Не беретъ онъ какъ да тридцати тысячей; —
 « Ай же ты, удалый-добрый молодецъ! —
 « Ты бери-ка за батюшка —
 « Хошь краснаго золота, хошь чистаго серебра,
 345. « А хошь мелкаго-скачнаго жемчугу, —
 « Сколько можъ увести ты на добромъ конѣ; —
 « Унести на плечахъ могучихъ-богатырскіхъ! —
 Какъ онъ говорилъ таковы слова:
 « Ай же, малы вьюныши Соловьины!

*) Потолки? — Изд.

350. « Не отдамъ я вамъ здѣсь кормильца да батюшка,
 « Черезъ трои черезъ сучочки,
 « Складите все имѣнье-богачество,
 « Всю несчетну золоту казну,
 « На тыи телъги ордынскія,
355. « Катите ко славному ко стольному
 « Ко городу ко Киеву,
 « Ко солнышку князю ко Владимиру:
 « Можетъ, тамъ я вамъ отдамъ кормильца-батюшка.»
 Самъ поѣхаль ко славному ко стольному
360. Ко городу ко Киеву.
 Какъ прїѣзжалъ-то онъ во славный во городъ
 Киевъ-то,
 Столько отошла обѣдня ранняя да воскресенская,
 Прїѣзжалъ онъ ко солнышку князю на широкъ дворъ,
 Становилъ какъ онъ да добра коня осередь двора,
365. Осередь двора княженескаго,
 Какъ самъ Соловью да наказывалъ:
 « Смотри, Соловей, не уходи отъ добра коня,
 « Береги, Соловей, ты добра коня:
 « Отъ меня, Соловей, никуда не уйдешь!»
370. А самъ добру коню наказывалъ:
 « Ай же, мой добрый конь богатырскій!
 « Ужь ты паче всего береги проклятаго Соловья,
 « Чтобы Соловей не ушелъ отъ стремянъ, отъ булат-
 ныхъ!»
- Самъ какъ онъ пошелъ во полаты княженецкія,
375. Со полатъ проходилъ во гривны *) столовыя,
 Крестъ-то онъ клadalъ по писаному,
 Поклонъ онъ велъ по ученому,
 Клонится-то онъ на всѣ четыре стороны,
 Солнышку князю съ княгиней Апраксией въ особину.
380. Какъ не узналъ его солнышко Владимиръ князь,
 Самъ да говорилъ ему таковы слова:
 — Ай же, маленькой-удаленькой да упаленькой,—

*) Грмлив. — Изд.

- Я же знаю, какъ себя вести, дадутъ что ои » 071
 — Садись съ нами хлѣба кушати-трапезовать; ои »
 385. — На нижномъ концѣ есть мѣстечко, неможащо;
 — Други мѣстечка вси, призабылены; ои » 071
 — Мѣстечка вси позаяты; ои » 071
 — Сидить у меня малюстномъ пиру; ои » 071
 — Что князей, что бояриновъ; ои » 071
 390. — Что [сенаторовъ] да думныхъ, думныхъ ои »
 — Что великожа, кушновъ да богатыхъ; ои »
 — Что поляницъ да кладаныхъ; ои »
 — И шестдесятъ Росейскихъ мочучихъ богатырей; ои »
 Какъ старому казаку тѣ рѣчи не прилюбилися,
 395. Что на нижней коней сядати хлѣба кушати;
 Какъ говорилъ старой казакъ таковы слова:
 « Ай же ты, солнышко Владимѣръ князь; ои »
 « Самъ ѣшь-кушашъ съ воронами; ои »
 « Меня сядишь съ воронятами; ои »
 400. « Не хочу я хлѣба кушати съ воронятами; ои »
 Какъ солнышку князю тѣ рѣчи не прилюбилися;
 Самъ вставалъ да на рѣзвы ноги; ои »
 Какъ самъ стемнѣлъ какъ темна ночь; ои »
 Средѣлъ какъ будто левъ-то зѣбрь; ои »
 405. — Ай же вы, Росейскіе мочучіе богатыря; ои »
 — Чтобы онъ цогъ бы жасъ шаздаты; ои »
 — Воронами да воронятами; ои »
 — Верите подъ руку три богатыря; ои »
 — И подъ другую три богатыря,
 410. — Ведите его на широкъ дворъ,
 — Отрубите ему буйну голову!—
 Какъ богатыри да принималися,
 Подъ руку три богатыря;
 И подъ другую три богатыря;
 415. Онъ правой рукой махнулъ,—
 Тѣ мертвы лежатъ,
 Онъ лъвой махнулъ,—
 Тѣ тоже мертвы лежатъ.

*) То же, что « заняты. » — Изд.

- Тутъ сказавъ оныи иванъ дольшишо, Владимиръ, князь:
420. — Берите подь руку шесть богатырей, 1001
 — И подь другу руку шесть богатырей, 1001
 — Ведите его на широкъ дворъ, 1001
 — Срубите ему буйну голову! 1001
 Какъ подь руку беруть шесть богатырей, 1001
425. Онъ правой рукой махнулъ, 1001
 Ты мертвы лежать, 1001
 Онъ лъвой рукой махнулъ, 1001
 И ть мертвы лежать, 1001
 Опять говорилъ соловьишко, Владимиръ князь: 1001
430. — Берите подь руки что видутшики шесть богатырей
 — И подь другу, тоже шесть что нилучшій князь
 — Позади подьте шесть богатырей,
 — Ведите его на широкъ дворъ,
 — Срубите ему тамъ буйну голову! 1001
435. Сдался вывести онъ, на широкъ дворъ;
 Какъ тамъ разорфлось сердце богатырское,
 Воспыляла кровь богатырская,
 Не могъ сдержать онъ руки бьльшики,
 Какъ правой рукой махнулъ,
 Ты мертвы лежать,
 Онъ лъвой рукой махнулъ,
 Ты мертвы лежать,
 Какъ тутъ тугой лукъ натягивалъ,
445. Калену стрѣлу онъ направлявалъ,
 Самъ своей стрѣлы приговаривалъ:
 «Ты лети, стрѣла, объ окошко ипъшешчія,
 «У окошечъ охстрѣли дѣсь маковки изолочены!»
 Какъ обирадъ онъ эти маковки,
450. Пошелъ на царевъ кабаць,
 Пропивать дѣ маковки царскія,
 Набиралъ онъ голей кабацкнхъ,
 Которые бы могли пить да зелено вино,
 Какъ пошелъ-то онъ со всима на царевъ кабаць,
455. Приходилъ-то онъ во царевъ кабаць,

- Стажь иахъ опъ съ голями пить зеленовино, — 1021
 Стажь пропваать княженецкія маковки, — 1021
 Голи тутъ да засумлялися: — 1021
 «Что-то намъ отъ князя да будетъ, — 1021
 460. «Что-то намъ отъ князя достанется: — 1021
 «Пропиваемъ: вы ещо да маковки!» — 1021
 Увидѣль онъ, что голи засумлялися, — 1021
 Ужь какъ самъ говоритъ таковы слова: — 1021
 «Пейте вы, голи, не сумляйтеся: — 1021
 465. «Я завтра буду во Кіевѣ княземъ служить, — 1021
 «А у меня вы будете предводителями!» — 1021
 Стали пить и не стали боги сумлятися, — 1021
 Стали Боги молить за удалаго зачюдоидиоу II — 1021
 Какъ тамъ солнышко князь стольно-Кіевскій — 1021
 470. Видитъ бѣду немнвучю, — 1021
 Потыкаеть юрю ж... рнучю, — 1021
 Не знаетъ, кто пріѣхаль ко городу ко Кіевуахъ II
 — Ежели невѣжа поганая, — 1021
 — Рускому Богу не молился бы, — 1021
 475. — И намъ онъ не клонился бы; — 1021
 — Какой ни будь Рускій богатырь! — 1021
 Какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Никитичъ:
 «Ай же, солнышко Владимиръ князь! — 1021
 «Всѣхъ я знаю Рускихъ могучихъ богатырей, — 1021
 480. «Одного не знаю, — стараго казана Илью Мурбца:
 «Я слыхалъ наслышкой человѣческой, — 1021
 «Что у него на бою смерть не писана.» — 1021
 — Дѣлать намъ нечего всѣмъ городомъ Кіевомъ!
 — Видишь, у насъ на широкомъ дворѣ — 1021
 485. — Стоитъ добрый конь богатырскій, — 1021
 — Ни къ чему конь да не привязаный; — 1021
 — У коня стоитъ чудо чудное, диво дивное:
 — Какъ стоитъ тутъ у правыя у стремены,
 — Стоитъ проклятый Соловей,
 490. — Онъ прикованъ къ богатырскимъ булатнымъ ко стре-
 менамъ:
 — Такъ кого послать позвать его,

- Позвать его да на почестный пирь? »
 — Иль послать смѣлаго Алешу Поповича?— »
 — Тотъ не умѣеть какъ позвать его, »
 495. — То того посла не дожждать будеть; »
 — Послать молода Чурилу сына Пленкова?— »
 — Того посла не дожждаться, будеть, »
 — Онъ не умѣеть какъ позвать его, »
 — Съ того только дѣло щавить межъ бабами, »
 500. — Межъ бабами и межъ дѣвками; »
 — А надо послать грамотой востраго, »
 — На рѣчахъ да разумнаго, »
 — Съ гостями почестливаго; »
 — Послать тебя, Добрыня Никитиничъ! »
 505. — Поди-ка, скажи ему таковы слова: »
 — « Ай же, старой казакъ Илья Муромецъ! »
 — « Послалъ меня солнышко Владимиръ князи, »
 — « Владимиръ князь стольно-Кіевскій, »
 — « Какъ просилъ тебя да на почестный пирь; »
 510. — « Не узналъ тебя, добра молодца, »
 — « Потому садилъ на нижней конецъ хлѣба »
 — « А нынѣ просилъ тебя съ усердія со радости ве- »
 — « Не ведѣлъ на старо да гнѣваться. »— »
 Какъ тутъ пошелъ молодой Добрыня Никитиничъ,
 515. Пошелъ, самъ онъ и думаетъ: »
 « Не по смерть ли я иду да по скорую? »
 « А ежели не послухать солнышка князя Владимера, »
 « То не хорошо мнѣ будетъ отъ солнышка князя Вла- »
 « А вѣдь пошелъ да во царевъ кабакъ, »
 520. Приходилъ-то онъ на царевъ кабакъ: »
 Сидитъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ, »
 Съ голями кабацкими пьетъ-прохлаждается »
 Онъ не знаетъ, отколь зайти: »
 « Съ переду зайти, — хорошо ль ему прилюбится? »
 525. « Да-ко и съзади зайду! »

- Какъ съзади зашелъ, захватилъ его,
 Захватилъ за плеча за могучія,
 Самъ говорилъ да таковы слова:
 «А Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ!»
530. «Сдержи ты свои руки бѣлыя,
 «Какъ скрѣпи сердце ретивое:
 «Какъ посла ни куютъ, ни вѣшаютъ!
 «А послалъ меня солнышко Владимиръ князь,
 «Онъ тебя не зналъ, добра молодца,
535. «А потому садилъ тебя на нижней конецъ,
 «На нижней ковецъ, хлѣба кушати;
 «А просилъ теперь съ усердія со радости великія,
 «Не велѣлъ тебѣ на старо да гнѣваться.»
 Какъ онъ обернулся, сказалъ ему:
540. «Ай же ты, молодой Добрыня Никитиничъ!
 «Ты тѣмъ счастливъ, что съ заду зашелъ!
 «А ежели бы, Добрыня, съ переду зашелъ,
 «Столько бы съ тебя, Добрыня, пецель сталъ!
 «Поди, скажи солнышку князю таковы слова:
545. «Пусть-ко для меня, для молодца,
 «Розошлетъ указы строгіе,
 «По всему по городу по Кіеву
 «И по городу по Чернигову,
 «Чтобы отворены были всѣ [конторы].
550. «Кабаки всѣ и пивоварнія,
 «На трои на сутки отворены,
 «Чтобы весь народъ пилъ да зелено вино;
 «Кто не пьетъ зелена вина,
 «Тотъ пилъ бы пива пьяныя;
555. «Кто не пьетъ пивъ пьяныхъ,
 «Тотъ пилъ бы сладки меды;
 «Чтобы знали, что наѣхалъ старой казакъ,
 «Старой казакъ Илья Муромецъ,
 «Ко славному ко городу Кіеву;
560. «Пусть для меня, для молодца,
 «Заведетъ столованье—почестный пиръ.
 «Ежели не сдѣлаетъ князь по моему,
 «То онъ процарствуетъ только до утра!»

- Какъ тотъ бѣжалъ скорымъ на скоро.
565. Ко солнышку князю ко Владимиру,
Сказалъ ему да таковы слова:
«Ай же, солнышко князь стольно-Кіевскій!
«Что [дѣйствительно] старый казакъ да Илья Муромецъ!
«Тебѣ было приказано [публиковать] указы строгіе,
570. «По городу по Кіеву, по горду Чернигову,
«Растворить кабаки [конторы], пивоварни,
«Растворить на трои на сутки,
«Чтобы весь народъ пилъ да зелено вино;
«Кто не пьетъ да зелена вина,
575. «Тотъ бы пилъ пиво пьяное;
«Кто не пьетъ пива пьянаго,
«Тотъ бы пилъ меды сладкіе;
«Чтобы знали, что наѣхалъ старой казакъ,
«Старой казакъ да Илья Муромецъ.
580. «А ежели князь не сдѣлаетъ по моему,
«То процарствуетъ царь до утра!»
Овъ скорымъ скоро, скоро на скоро
Послалъ указы строгіе
По городу по Кіеву и по городу Чернигову,
585. Чтобы отворены были всѣ кабаки [конторы] и пивоварни,
На трои на сутки отворены,
Чтобы весь народъ пилъ зелено вино,
Безданно, безпоминно,
Знали бы, что наѣхалъ старой казакъ,
590. Старой казакъ да Илья Муромецъ,
Ко славному городу Кіеву.
Какъ тутъ забиралъ столованье—почестный пиръ,
Много князей, много бояриновъ,
Много [сенаторовъ] думныхъ,
595. И вельможъ, купцовъ богатыхъ,
Поляницъ много удалыхъ
И Росейскихъ многихъ могучихъ богатырей.
Какъ тутъ въ кабакахъ никто не пьетъ не кушаетъ,
Всѣ ѣдутъ ко солнышку князю Владимиру,

600. Не для соли, не для хлѣба, не для бесцѣнной золотой
 А ѣдутъ-то посмотрѣть удалаго молодца,
 Старога казака Илья Муромца,
 Какъ на княженецкій дворъ събираются,
 Тихонько да пробираются во полаты княженецкія.
605. Такъ тутъ и приходитъ старой казакъ,
 Старой казакъ Илья Муромецъ,
 Съ голями съ кабацкими,
 Какъ идетъ онъ во полаты княженецкія,
 Проходитъ туды во кривныя столовыя.
610. Крестъ-то кладетъ онъ по плечоному,
 Поклоны ведетъ по уженому,
 Кланяется на всѣ четыре стороны,
 Солншину князю съ княгиней: Априсіею да Исобину.
 Тутъ какъ солдышки Владимиръ князь
615. Вставалъ да маоръзаны ноги,
 Бралъ старога казака за бѣлыя рунцыя ноги,
 Цѣловалъ во уста во сахарныя,
 Называлъ старымъ казакомъ да Ильей Муромцемъ.
 Какъ стали садиться за гѣбистыя дубовыя
620. За скамейки оковыя, за гѣбистыя сахарныя,
 Садятъ его на мѣсто на большее:
 Не садился онъ на мѣсто на большее, ни по чей
 Садился на мѣсто на середнее,
 Возлѣ себя садилъ голей да кабацкіихъ
625. Какъ начали ѣсть-кушать, врѣхладатроу,
 Какъ всѣ на пиру напивались,
 На почестномъ всѣ наѣдались,
 Похвалыбами они всѣ да похвалялись,
 Кто чѣмъ хвастаетъ.
630. Кто чѣмъ да похваляется,
 Инный хвастать несчетной золотой казною,
 Иной хвастать силой-удачей молодникова,
 Иной хвастать добрымъ конемъ,
 Иной хвастать славнымъ отчествомъ
635. Иной молодымъ молодецтвомъ,

- Умный-разумный хвастать старымъ батюшкою,
 Старымъ батюшкою и старой матушкой,
 Безумный дуракъ хвастать молодой женой,
 Какъ говоритъ да оудрой казакъ Илья Муромецъ:
640. « Ай вы, всѣ князи-бояра, [сенаторы] все думныя,
 « Вельможи, купцы богатые,
 « Поляницы всѣ удалые,
 « Сильные-могуче богатыри!
 « Какъ вы всѣ похвальбами похвалитесь,
645. « Кто былшей, вѣрный хвастать небылицю;
 « А я какъ, старой казакъ, похвастаю:
 « Какъ я простоялъ дома заутреню воскресенскую;
 « Приѣхалъ сюда—только отошла обѣдия воскресенская;»
 « Какъ я убили подъ Смолягинымъ
650. « Силы тысячи нѣсколько,
 « Было силушки—какъ сброду заюшку не обескаты,
 « Бѣлому соколу не облетѣть,
 « Во пару-дыму лошадиноемъ
 « Днемъ не видно было красного совышка,
655. « Ночью не видно свѣтлаго вѣсяка;
 « Да отъ Смолягина промостилъ тысячу веревку;
 « Промостилъ мосты все каменные,
 « Болотами зыбучими да корбами дремучими;
 « Какъ на трехъ дубахъ на крякновистыхъ,
660. « На двухъ березахъ покляпистыхъ,
 « Сидѣлъ Соловей-птица рохманная,
 « Какъ было свито гнѣздо Соловьиное;
 « Я не долго опушалъ его съ гнѣздышка,
 « Я прикуивалъ желтыми кудрями
665. « Ко булатнымъ ко стременамъ,
 « Привезъ оюды ко славному ко городу Киеву;
 « Ежели на безсчастну золоту казну,—
 « Онъ скупить васъ и сподаѣтъ;
 « Ежели на борьбу-удачу молодецкую,—
670. « Во чистомъ полѣ убьетъ онъ васъ до единого;
 « Отъ свисту змѣинаго, отъ врыку звѣринаго
 « Помираютъ удалые-добрые молодцы!»
 Такъ они говорятъ таковы слова.

- « Ай же, удамый-добрый молодець,
 675. « Старой казакъ Илья Муромецъ!
 « Ты самъ небылицею хвастаешь:
 « Ты хвастай собою, а не другимъ!
 « Какой у тебя привезенъ Соловей,
 « Соловей-птица рохманная?»»
680. Тутъ старой казакъ Илья Муромецъ
 Вставалъ да на рѣзвы ноги,
 Какъ бѣжалъ онъ на широкъ дворъ,
 Онъ отвязывалъ отъ будатныя
 Отъ богатырскія отъ стремени,
 685. Какъ велъ его въ полаты княжескыя.
 Какъ тутъ говорилъ солнышко Владимиръ князь:
 — Ну-ко, засвищи, Соловей, по зыфиному,
 Закрычи, Соловей, по зыриному!—
 Говорилъ Соловей таковы слова:
 690. « Ай же, солнышко Владимиръ князь!
 « Не у тебя я бѣлъ да кушалъ,
 « Не хочу тебя и слушати!»»
 Говорилъ старой казакъ да таковы слова:
 « Ай же, солнышко Владимиръ князь!
 695. « Всѣ мы у тебя на честномъ пиру
 « И всѣ мы у тебя пьяны-веселы,
 « А у насъ Соловей не пьянъ и не веселъ:
 « Налей-ко Соловью чару зелена вина,—
 « Мѣра полтора ведра,
 700. « Вѣсомъ полтора пуда,—
 « Налей другую пива пѣнаго,
 « Налей третью меду сладкаго,
 « Ты дай закусить колачикъ крупчатый,
 « Крупчатый колачикъ будто турей рогъ!»
 705. Онъ налилъ чару зелена вина,—
 Мѣрой полтора ведра,
 Вѣсомъ полтора пуда,—
 Подавалъ единой рукой:
 Онъ принималъ единой рукой,
 710. Выпивалъ онъ чару единымъ духомъ:

- Надывалъ онъ пива пьянаго,
 Всего мѣрой полтора ведра,
 Подавалъ онъ единой рукой:
 Онъ принималъ тоже единой рукой,
715. Выпивалъ единымъ духомъ;
 Наливалъ третью меду сладкаго,
 Всего мѣрой полтора ведра,
 Подавалъ онъ чару единой рукой:
 Принималъ онъ чару единой рукой,
720. Выпивалъ онъ чару единымъ духомъ:
 Далъ закусить колачицъ крупичатый,
 Крупичатый колачицъ будто турей рогъ:
 Сталъ Соловешко похаживать,—
 Стали полатушки да побрякивать.
725. Какъ тутъ говорилъ старой казакъ,
 Старой казакъ Илья Муромецъ:
 « Засвищи ты, Соловей, по звѣрному въ полъ-свиста,
 « Закрычи, Соловей, по звѣрному въ подъ-крыку:
 « Какъ отъ меня, Соловей, смотри—никуда не уйдешь!»
730. Какъ тутъ засвисталъ Соловешко въ полъ-свисту,
 Закрычалъ Соловей въ подъ-крыку!—
 По всему по городу по Кіеву
 Стары терема повалялися,
 Новы терема пошаталися,
735. Околенки съ окошечекъ посыналися;
 У солнышка князя у Владимира
 Во полатахъ ни одна окошница
 Въ окошкахъ не минуется,—
 Всѣ повылетѣли на улицу;
740. По всему еще по городу по Кіеву
 Бережи *) кобылы жеребились,
 Поносы бабы розрѣдился;
 На честномъ пиру князя-бояра [сенатора] думы,
 Вельможи, купцы богаты,
745. Поляницы удалы,
 Росейски могучи богатыри,

---

*) Жеребыя, сужеребыя.—Изд.

- Всѣ они на зени лежатъ,
 Самъ князь плавать окаракею,
 Старой казакъ смѣется во всю голову,
 750. Какъ всѣ порославались,
 Какъ всѣ они да порозагтались,
 Всѣ по стульямъ по скамейнамъ покарабанились,
 Сами говорятъ да таковы слова:
 «Ай же ты, старой казакъ,
 755. «Старой казакъ Илья Муромецъ!
 «Не спускай-ка Соловья болѣ на свою волю!
 Говорилъ Соловей да таковы слова:
 — Ай же, солнышко Владимиръ князь!
 — И старой казакъ да Илья Муромецъ!
 760. — Спустите меня да на свою волю,
 — Я повыстрою вкругъ города:
 — Села со приселечками,
 — Улицы съ переулками,
 — Города съ пригородками,
 765. — Монастыри все богомольные.
 Тутъ говорилъ старой казакъ,
 Старой казакъ Илья Муромецъ:
 «Ты солнышко, Владимиръ князь!
 «Не строитель онъ въковой, а разоритель!
 770. «Розоришь ты остатніи села съ приселами,
 «Города съ пригородами!»
 Тутъ говорятъ инные богатыря:
 «Ай же, солнышко Владимиръ князь!
 «И старой казакъ Илья Муромецъ!
 775. «Если спустите его на свою волю,
 «Убьетъ-то насъ до одинаго!»
 Какъ брали Соловья за бѣлы руки,
 Повели Соловья во чисто поле,
 Копаля погребѣ глубокіе,
 780. Глубокіе, сто-саженные,
 Бросили его во погребъ глубокий,
 Глубокий, сто-саженный,

*) Опомнились, хватились за умъ.— *Изд.*

Рѣшетками желѣзными задержали,
 Песками засыпали,
 785. Травкой—муравкой замуравили.

Какъ, тутъ черезъ три сутюки,
 Накатили малы вьюныщи Соловьиныи,
 Накатили многи тельги ордынскія,
 790. Обзарился на имѣнье на богатество.

Солнышко Владимиръ князь,
 Говорилъ старой казакъ Илья Муромецъ;
 « Ай же, солнышко Владимиръ князь!
 « Не тобой они приказаны,
 « И не тобой назадъ отпустятся!—

795. « Ай же, малы вьюныщи Соловьиныи!
 « Катите все имѣнье-богатество,
 « Всю несчетну золоту казну:
 « Оставлена вамъ отъ батюшка,
 « Будеть пропитатися до смерти,

800. « Не надо вамъ по міру ходить да скитатися!»
 Они покатили имѣнье—заплакали.
 Теперь-то Соловью славы поють,

Тутъ-то узнали старого казака,
 Старого казака Илью Муромца,
 805. По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
 По всѣмъ чужимъ-дальнимъ сторонамъ.

Теперь Дунай, Дунай,
 Болѣ вѣкъ не знай!

(Записано отъ того же)

84.

ИЛЬЯ И СОКОЛЬНИЧЕВЪ!

(Кижскія волость).

Ко тому ко стольному ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
 На той ли на дорогѣ на широкій,

- Была застава великая,
 5. Крѣпость была крѣпкая,
 Семь было богатырей,
 Поленицъ было удалыхъ:
 Въ первыхъ нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ,
 Второй Добрынюшка Никитьевичъ,
 10. Третій былъ Алѣшенька Поповичъ,
 Четвертый Чурилушка Щепленковичъ,
 Пятый былъ Михайло Долгомеровичъ *),
 Шестой и семой два брата Агрикановы.
 Эта застава великая,
 15. Крѣпость была крѣпкая:
 Ни конный не проѣзживалъ,
 Ни пѣшь не прохаживалъ,
 Ни звѣрь не прорыскивалъ,
 Ни птица не пролетывала;
 20. А хотъ птица полетить,
 Да и та перо сринить.

- Тутъ по вечеру позднешенько
 Проѣхалъ тутъ молоденькій Сокольникъ:
 Онъ на заставы не спрашивалъ,
 25. А по чистому-то полю разгуливалъ.
 Какъ по утру ранѣшенько
 Выходить прокладиться на бѣлой дворъ
 Нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ:
 И видить ископытъ лошадиную,
 30. Поѣзду богатырскую.
 И приходитъ тутъ Илья во бѣль шатерьъ,
 Самъ говорить таково слово:
 « Братцы вы товарищи,
 « Сильными-могучими богатыри!
 35. « Чтò наша за застава,
 « Чтò за крѣпость наша крѣпкая?
 « Теперь я видѣлъ лошадиный скокъ

---

*) Это Михайло Потыкъ, потомъ Василій Долгополый Казимировичъ, изъ котораго сдѣланъ Долгомеровичъ. — И. д.

- « И поѣздку богатырскую;
 « Снаряжайтесь-ко, друзья,
 40. « Въ чисто поле погулять,
 « Тамъ невѣжи поискать.»
 « « Ъхать ли не ѣхать, — Добрынюшкѣ Никитичу!»»

- Сѣдлаеть онъ себѣ коня богатырскаго
 И беретъ онъ саблю острую,
 45. И садится на коня добраго:
 Видли молодца сядучи,
 Да не видли поѣдучи,
 Только видать въ чистомъ полѣ куделба *) стоять.
 И наѣхалъ тутъ Добрынюшка
 50. На молодого Сокольника;
 Какъ увидѣлъ тутъ молодой Сокольникъ
 Добрынюшку Никитича,
 Крикнулъ богатырскимъ голосомъ:
 У Добрынюшки конь споткнулся,
 55. И палъ тутъ Добрыня о сыру землю,
 И лежалъ тутъ Добрыня ровно три часу;
 И ставаеть тутъ Добрыня
 Отъ сырой земли будто сонный,
 А садился на коня будто пьяный,
 60. И поѣхалъ онъ ко бѣлу шатру, —
 Ъдетъ — самъ качается.
 Видли молодца поѣдучи веселаго,
 А прѣдучи печальнаго.
 И сиросить нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ:
 65. « Чтѣ Добрынюшка не весель,
 « Чтѣ головушку повѣсилъ?
 « Ужь ты въ полѣ погулялъ,
 « Знать, невѣжу повидалъ!»

- Снаряжался тутъ нашъ Донской казакъ,
 70. Донской казакъ Илья Муромецъ,
 Выбиралъ коня себѣ по разуму,

*) То же, что «курзан», или занятая столбомъ. — Илѣ.

- Кладываль сѣделушко Черкасское,
 Бралъ себѣ онъ саблю острую,
 И копье долгомѣрное, и мечъ булатный.
75. И садится тутъ онъ на добра коня,
 Въ стрелену потюю на ступающа,
 Видли молодца сядучи,
 А не видли добраго побдучи:
 Только видать во чистомъ полѣ кудеба стонѣтъ. ||
80. И ѣздилъ тутъ Илья по чисту полю,
 Искаль себѣ сопротивника,
 И увидѣлъ Илья молодого Сокольника,
 И крикнулъ богатырскимъ голосомъ:
 «Что ты за неvěжа провѣхалъ,
 85. «Мимо заставу,—не спрашивалъ,
 «Вѣрно есть у тебя сила непобѣдная,
 «И ухватка богатырская?»
 И не два ясныхъ сокола по полю летаютъ,
 А два сильныхъ-мощныхъ богатыря развѣзжаютъ,
90. И другъ на друга какъ стрѣлы летятъ,
 Мечъ съ мечомъ да ударяются,
 А мечи въ мелкія части разсыпаются,
 Другой разъ да развѣзжаются,
 У нихъ копыя пригибаются;
 95. Третій разъ да развѣзжаются,
 И сабли въ сабли ударяются,
 У нихъ сабли-ты ломаются.
 И тутъ сходили со добрыхъ коней,
 И схватилися береметкомъ.
100. Часа три другъ съ другомъ водились,
 У Илья-то права ножешка свернулася,
 Льва ручка отмахнулася,
 Паль Илья о сыру землю.
 И садился тутъ Сокольникъ на бѣлы груди,
105. И вынималъ онъ ножиче-то кнѣжаиче,
 И хочеть пластать онъ бѣлы груди,
 Самъ онъ надъ Ильей падсѣхается:
 — Ужъ ты старая собака, сѣдатый пѣсь!
 — Не тебѣ бы ѣздить во чистомъ полѣ, на добромъ коні:

110. Жили бы братья близъ города Кіева въ деревнѣ —
 — И пасъ бы гусей, лебедей, и пернастынхъ утишекъ;
 Тутъ-то у Ильи богатырское сердце разгорѣлось,
 Ударилъ Илья Сокольника кулакомъ во бѣду груди,
 И подынулъ его дынде дѣла стоячего.
115. Пониже облаки ходячи:
 И палъ-то Сокольникъ въ дробь,*) о сырѣ землю осѣ
 И лежитъ — гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ буйна голова.
 Тутъ ставалъ-то Илья отъ сырой земли,
 Садился Илья на добра коня.
120. И поѣхалъ тутъ Илья ко бѣлу шатру.
 Такъ и думаетъ Илья, что Сокольнику смерть пришла.
 И подвѣзжаетъ Илья ко бѣлу шатру,
 И бьетъ челомъ о сырѣ землю.
 Онъ сходилъ-то со добра коня.
125. Идетъ-то онъ да въдъ во бѣлы шатеръ,
 И сажился за столы-ты за дубовые,
 Ъли-пили, веселилися,
 А послѣ ѣсть повалилися.
 А тамъ Сокольникъ: ѣсть-ѣтъ она пробуждается,
130. Садится онъ на добра коня,
 И поѣхалъ онъ срѣнста поля,
 Сидишь въ сѣдлѣ онъ — качается,
 И приѣхалъ онъ ко своему козерему высокому
 И увидалъ его матушка.
135. Семи-горка баба Владымерка
 И говоритъ таково слово
 «Ахъ ты молодой Сокольникъ!»
 «Поѣхала ты — какъ стрѣла летитъ,
 «А приѣхала будто пьяный,
140. «Въ сѣдлѣ сидишь ты — шатаешься!»
 И возговоритъ молоденькой Сокольникъ
 — Ъздилъ я во чистомъ поил,
 — И ѣздилъ я на добромъ конѣ.

*) Тонкое мѣсто съ пораслами; но здѣсь могъ быть и старшій другой смыслъ — въ дробь, въ розсыпь. — Изб.

**) Латыгорка, Латымерка. — Изб.

- И наѣхалъ я на старую собаку, на сѣдатаго пса.
145. — Первой разъ мы сѣзжались,
— И мечъ съ мечомъ ударилися,
— Мечи въ мелки части раскрошилася;
— Другой разъ мы сѣзжались,
— И копя пригибались:
150. — Третій разъ разѣзжались,
— У насъ сабли приломались.
— Мы сходили со добрыхъ коней,
— И схватилися беремечкомъ,
— И водились ровно три часу:
155. — И права ножка у него свернулася,
— Лѣва ручка отмахнулася,
— И палъ-то онъ о сыру землю.
— Сѣлъ я на бѣлы груди
— И вынулъ я ножище-то кинжалнице,
160. — И сталъ я надъ собакой надсмѣхатися:
— Его сердце разгорѣлося,
И ударилъ онъ меня во бѣлы груди,
— И поднялъ онъ меня выше лѣсу стоячего,
— Пониже облаки ходячи;
165. — Палъ я о сыру землю
— И лежалъ я ровно три часу,
— И не зналъ, гдѣ рука гдѣ нога, гдѣ буйна голова.—
И говорить-то ему матушка таково слово :
« Это есть не старая собака, не сѣдатый песъ,
170. « А это есть нашъ Донской казакъ
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичь.»

- Тутъ у Сокольничка сердце разгорѣлося,
И схватилъ-то онъ ножище-кинжалнице,
Садился на добра коня,
175. И поѣхалъ ко бѣлу шатру;
Становилъ коня ко пшеницы бѣлояровой;
Входитъ онъ во бѣлъ шатеръ,
Всѣ богатыри спать крѣпкимъ сномъ.
И увидѣлъ онъ Илью,
180. И схватилъ-то онъ ножище-то кинжалнице,

- И ударилъ онъ Илью во бѣлы груди
Противъ сердца ретиваго :
И попало ножомъ-то во золотъ крестъ:
Туть Илья отъ сна пробуждается,
185. Богатырское сердце разгорается,
И схватилъ-то онъ Сокольника за ноги,
И ударилъ онъ его о сыру землю,—
Туть-то ему и смерть пришла.
Выходить Илья со бѣла шатра,
190. И ступилъ Илья Сокольникову на ногу,
Рукой хватилъ за другую,
И половину кинулъ матери на погребеніе,
А другую собакамъ на съѣденіе.
- Выходили туть богатыри со бѣла шатра,
195. Садилась они на добрыхъ коней,
Поѣхали они во чисто поле:
Туть они распростились
И туть поѣхали всякъ своей дорогой.
А Илья Муромецъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
200. Ко ласкову ко князю ко Владимеру.
Бьетъ челомъ, покланяется:
« Ужь ты солнушко, Владимеръ князь, стольно-Кіевскіи!
« Ты прими меня во служеніе,
« Граду Кіеву на стереженіе.»
205. И туть князь Владимеръ
Береть Илью за бѣлы руки,
И ведетъ Илью во полаты бѣлокаменны,
И садить Илью за столы-ты за дубовые,
И ѣдятъ и пьютъ и кушаютъ,
210. Бѣлу лебедь рушаютъ.
Туть поѣли да покушали да Богу помолились,
Съ княземъ жить опредѣлились.

Эта старина кончается,
А другая начинается.

(Записано по порученію Собирателя).

изъ видѣна оубо снѣи три ангелы и
ВАСИЛІЙ: БѢЯНИЦА. а вѣстѣи
 гдѣ рече: гдѣ снѣи стѣмкою оубо и
 гдѣ оубо **68.** гдѣ стѣмкою оубо и

(Тамъ же):

Начнемъ-ко мы старину стародавнюю.

Близъ города Кіева,

При князь при Владимірь,

Изъ подь бѣлыя березки мудренастанови,

5. Изъ подь чуднаго креста Левандова,

Выходила тутъ турица златорогая,

Со молодыми турами, съ малыми дѣтушками.

Случилось ити турамъ мимо славный Кіевъ градъ,

Мимо тую-ту стѣну горбодовую:

10. Оны видѣли дѣвицу, держитъ книгу-ту евангеліе,

И не столько читаетъ, все она плачетъ,

Она видѣла надъ городомъ чуднымъ чудно,

А надъ Кіевомъ дивнымъ дивно:

Наѣхалъ тутъ Батыгушка Батыговичъ

15. Со зятемъ Тараканчикомъ Крѣпачиковымъ

И съ дѣлкомъ-то выдумщикомъ;

У Батыги-то силы сорокъ тысячей,

И у зятя-то силы сорокъ тысячей,

У дьячка силы сорокъ тысячей.

20. Тутъ-то князь закручинился,

Владимірь заочалился,

Говорить да таково слово:

« По голямъ голи шатаются,

« По-паревымъ кабакамъ столыпаются.

25. А Василій въ кабаки

Безъ портокъ на печи.

Говорить-то Василій таково слово:

— Наливайте-ко Василью-то чару зелена вина,

*) Слоняются.—Изд.

- А другую пива шьянаго, . . .
30. — А третью меду сладкаго,
— Сливайте то: вино въ одно мѣсто!—
Становилося: того: питья да полтора ведра.
И выпиваетъ тутъ Василій на единый духъ,
Говорить-то Василій таково слово:
35. — Я топерь могу добрымъ конемъ владать,
— Я топерь могу вострой саблей махать!—
Тутъ-то Василій садился на добра коня:
Видли-то добраго молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
40. Поѣхалъ тутъ Василій на воротамы,
А чрезъ тую-ту стѣну городовую:
Только видать въ чистомъ полѣ куделба стоитъ.

- Наѣхалъ тутъ Василій
На Батыгушку Батыговича,
45. На зятя Тараканчика Корабликова
И на дьячка-то выдумщика.
Разъѣхался Василій со Батыгою по чисту полю,
И ударилсь съ Батыгой въ остры мечи,
Ударилъ тутъ Василій Батыгу по буйной головы:
50. Палъ тутъ Батыга о сыру землю,
Тутъ-то Батыгѣ и смерть пришла.
Еще разъѣхался Василій со зятемъ Тараканчикомъ
Корабликовымъ,
И ударилъ тутъ Василій Тараканчика острымъ копьемъ,
Палъ тутъ Тараканушко о сыру землю:
55. Тутъ-то ему и смерть пришла.
Еще наѣхалъ тутъ дьячекъ-выдумщикекъ
И ударилъ тутъ Василья саблей по буйной головѣ:
Тутъ-то сабля преломилася;
Васильево сердце разгорѣлося,
60. Ударилъ тутъ Василій дьячка саблей по буйной головѣ,
И разсѣкъ его до самаго сѣдла.
Тутъ-то Василій Батыгино войско мечемъ порубилъ,
А Тараканчика-Корабликово войско конемъ потопталъ,
А дьячка-то выдумщика войско въ полонъ побралъ.

65. Поѣхалъ тутъ Василій ко городу ко Кіеву,
 И стрѣчаетъ тутъ Василья
 Владиміръ князь у Златыхъ воротъ,
 Береть-то князь Василья за бѣлыя руки,
 Ведеть-то Василья во палаты бѣлокаменные,
70. Во гридни во' столовыя,
 Садлись за столы за дубовые:
 Ъдятъ-пьютъ, кушаютъ,
 Бѣлую лебедь рушаютъ.

- Тутъ-то Василью слава и честь пошла,
 75. И тая старина до конца дошла.

(То же).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ ПИСЕМЪ П. Н. РЫБНИКОВА ПО ПОВОДУ
ИЗДАНІЯ ЕГО СБОРНИКА *).

1.

КЪ К. С. АКСАНОВУ.

ЛѢТОМЪ 1860 ГОДА.

Пользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобы сказать Вамъ нѣсколько словъ, Константинъ Сергѣевичъ. Не жалею на Ваше молчаніе, потому что еще не знаю, здоровы ли Вы и доходны ли до Васъ мои письма....

Древніе языческіе боги раздвоились и разстроились, атрибуты ихъ стали самостоятельными существами, дѣтьми и внуками боговъ. Еще въ язычествѣ началась локалізація мифовъ, и они были приурочиваемы къ разнымъ мѣстностямъ, историческимъ событіямъ и лицамъ. Со введеніемъ христіанства локалізація эта стала еще сильнѣе и предметы древняго обожанія частію превратились въ богатырей, частію въ домовыхъ и волшебныхъ, пали до значенія злыхъ духовъ, или слились съ новыми святами. Такое видоизмѣненіе мифической основы легко прослѣдить въ Германской мифологіи, при богатствѣ собраннаго тамъ матеріала. У насъ это гораздо труднѣе. Кто повѣритъ, что эпическая наша поэзія сохранила еще отзвуки язычества, а между тѣмъ наши былины не были обрабатываемы поэтами изъ образованнаго сословія, а потому сохранили слѣды вѣковѣчной (по выраженію народа) старицы.

Точку отправленія мифологіи у всѣхъ Аріевъ надобно искать въ представленіяхъ о явленіяхъ природы. А между этими явленіями для

---

*) Мы печатаемъ это извлеченіе для того, что въ письмахъ встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя частности и обстоятельства, сопровождавшія и собраніе, и самое изданіе писемъ. — *Изд.*

II

первобытнаго челоѣка всего поразительнѣе и грознѣе явленія небесныя и особенно воздушныя. Оттого атмосферическіе феномены, особенно буря, громъ, молнія, вихрь играютъ первую роль въ этомъ воображаемомъ мірѣ, который по словамъ Тютчева и до сихъ поръ еще носится у челоѣка идея дѣйствительнымъ міромъ. Этотъ воображаемый міръ впрочемъ только сколокъ съ того, что дѣлается на землѣ. Молнія извивается по небу какъ змѣя,—и передъ нами рядъ боговъ-змѣй; буря рвется впередъ какъ бѣшеная лошадь, — и вотъ являются боги-кони; громъ порождаетъ боговъ-быковъ; облака, увлекаемая вѣтромъ, боговъ-птицъ, и т. д. Эти боги облагородились въ послѣдствіи, но у кого остался рогъ, у кого копыто, у кого крыло, отмѣтны происхожденія. Они неравнодушны другъ къ другу, а борятся или состоятъ въ дружбѣ. Параллель между богами Аріевъ Индійскихъ и Аріевъ Германскихъ уже сдѣлана и Кунемъ, и Шварцомъ. У насъ культъ огня сохранился въ заклинаніяхъ, а нѣсколько общихъ Индо-европейскихъ мѣзовъ въ былинахъ.

Нечего смущаться тѣмъ, что каждый рассказъ приуроченъ ко времени князя Владимира и къ Киеву, и что слышны историческія имена Татаръ, Литвы. Это хоть и не вѣщность, а только форма. Я самъ былъ бы радъ принять Вольгу исполнѣ за князя Олега *); но кромѣ Вѣшаго Олега есть прототипъ—вѣщій Волохъ, Волхъ Новгородскій: онъ рождается отъ богини и змѣя, и въ послѣдствіи мститъ змѣю-насилънику матери. Змѣй Горыничъ, Тугаринъ Змѣевичъ, Идолище Поганое стали олицетвореніемъ кочевниковъ: но они прежде соответствовали Вритрѣ и Агни, а постоянные соперники ихъ Добрыня и Илья—богамъ освободителямъ облаковъ. Отсюда извѣстный рассказъ о дѣвушкѣ-облакѣ, похищаемой дракономъ и освобождаемой богатыремъ: у насъ Змѣище, Завава и Добрыня. У Скандинавовъ Торъ борется съ Мидгардомъ: у насъ уцѣлѣла змѣя подземельная, которая плаваешь ко гробамъ, а постояннымъ соперникомъ ея воинственный Михайло Потыкъ. Борьба дракона и богатыря за дѣвушку-облако отгласъ и въ формѣ духовнаго Стиха о Георгіѣ и Змѣѣ печерской: богъ добра на время уступаетъ богу зла у Аріевъ, тепло холоду, Егорія мучитъ Кудріянище; но за то Егорій одолеваетъ его подъ конецъ. И Михайло Потыкъ попадаетъ въ неволю къ Федору Иванову.

*) См. былинны о Вольгѣ въ I-й части.—Изд.

III

Оставившаяся на полурѣчи, надобно нести письмо. Прощайте, дорогой Константинъ Сергѣевичъ; нѣкоторыя подробности обо мнѣ Вамъ передадутъ, и Вамъ станетъ понятно....

—

2.

Къ Дм. А. Хомякову.

Осенью того же года *).

Уже язычники съ сакраментальными формулами соединяли различное значеніе. «*Sit tibi terra levis*» для философа звучало иначе, чѣмъ для суевѣрнаго крестьянина. Прочитайте, Дм. А., последнюю главу Агриколы Тацита (кажется она начинается такъ: «*si quis piogum manibus locus*»): въ ней Вы найдете утѣшеніе для себя и помаритесь съ словами: «*placide quiescas.*»

И для нашего времени «миръ твоему врагу» можетъ означать не пр. окончаніе борьбы. Но я, расходясь съ А. С. въ убѣжденіяхъ, сходился съ нимъ въ вѣротерпимости и выдѣлъ въ немъ благороднаго представителя одного изъ извѣстныхъ міросозерцаній, на которыя люди раздѣлены по необходимости, а потому мнѣ не нужна эта формула.

Я иначе понимаю Вашего отца. По просьбѣ Ю. О. С., я записываю смыслъ его бесѣдъ со мною. Такимъ образомъ личность А. С. постоянно присутствуетъ въ моей мысли, еще вліяетъ на нее, и я невольно повторяю слова Тацита: *Quicquid ex A. S. amavimus, quicquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporum, fama rerum.*

Отъ всей души благодарю за Ваше намѣреніе напечатать мой Сборникъ....

Мнѣ хотѣлось бы написать обстоятельную статью о быльницахъ; но здѣсь я лишенъ всѣхъ пособій: у меня нѣтъ ни Гримма, ни Лакманна, ни К. Данилова; новыхъ сочиненій по этой части я не знаю. Между тѣмъ въ статьѣ своей мнѣ слѣдовало бы показать: сущность

*) Въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти А. С. Хомякова и предложеніе, по мысли покойнаго, о печатаніи Сборника.—*Изд.*

IV

народной эпической поэзии, постепенный переходъ изъ короткихъ эпическихъ стиховъ съ одной стороны въ былины, и образованіе поэмъ при участіи личности поэта, съ другой стороны переходъ былины въ побывальщину, сказку и лирическую пѣсню. Обще-Арійское значеніе мифовъ, сохранившихся въ нашихъ былинахъ. — Теперь я принужденъ ограничиться рассказомъ о томъ, какъ передаются и сохраняются былины, и замѣчаніями о значеніи личности въ передачѣ былины.

Напишите мнѣ пожалуйста, Д. А., получили ли Вы все, что я посылалъ. А посылалъ я: Черниговскія пѣсни, Пермскія пѣсни, Олонекскія пѣсни, Бесѣды Петрозаводскаго и Повѣнецкаго уѣзда, Обрядъ свадебъ, Побывальщины, Заблочки, Заговоры, Сборникъ Стиховъ (12 нум.) и 44 Былины Петрозаводскаго уѣзда. Изъ этихъ послѣднихъ, 6 первыхъ съ 1 до 6 были напечатаны въ Олонекскихъ Вѣдом. прошлаго года.... У меня есть тѣ же 6 стихотвореній изъ другаго сборника, записаннаго со словъ Бутылки, крестьянина Пудожгорскаго погоста: но эти 6 былинь можно просто оставить въ сторонѣ; я Вамъ пришлю другіе варианты ихъ же, и кромѣ того переписываю для васъ 36 былинь Каргопольскаго и Пудожскаго уѣзда. Всѣ №№ былинь, начиная съ 7 до 80 включительно, *записаны мною лично*. Кромѣ того у меня есть еще нѣсколько лирическихъ стихотвореній, заговоровъ, Стиховъ и проч. Только напишите пожалуйста, что уже у Васъ есть, не потерялось ли чего ни будь?

А вотъ между тѣмъ перечень *всѣхъ* былинь *).....

3.

Къ П. А. Безсонову.

Въ слѣдъ за предыдущимъ.

Позвольте еще разъ поблагодарить Васъ за то участіе, которое Вы приняли въ изданіи моего Сборника.... №№ 35, 36, 37, 38, 39 и 40 были мною выѣты съ письмомъ, гдѣ я высказывалъ свой личный взглядъ на Русскую эпическую народную поэзію, отданы г. В.,

*) Слѣдуетъ перечень Былинь, которыя всѣ почти вошли въ 1-ю часть.—Изд.

для перѣдачи Вашимъ друзьямъ. Жаль, если эта посылка затерялась, а въ ней была любопытная былина сатирическаго содержанія « Каково птицамъ жить на Руси » и другая не менѣ замѣчательная о Саламантѣ. Черновыя бумаги я забросалъ, но во всякомъ случаѣ постараюсь отыскать и переписать ихъ *). Остальные №№ съ 45 по 80 Вы получите въ началѣ Декабря. Четыре побывальщины и Стихъ о Юасаѣ записаны мною и составляютъ часть сборника. Первая тетрадка стиховъ о Егоріѣ Храбромъ, о Борисѣ и Глѣбѣ, о Книгѣ Голубиной была послана къ Вамъ еще зимою. Но я съ будущей почтою вышлю ее Вамъ вторично потому, что варіантъ о Книгѣ Голубиной очень хорошъ.

Позвольте попросить Васъ присоединить мои тетрадки Стиховъ къ Вашему сборнику **)....

—

4.

То же.

14 ДЕКАБРЯ 1860 г.

Прежде всего посылаю Вамъ реестръ былинъ, записанныхъ мною лично..... ***)

Былины, напечатанныя въ Олонецкихъ Вѣдомостяхъ прошлаго года: 1) о Добрынѣ, 2) о Добрынѣ, 3) о трехъ богатыряхъ, 4) о Дюкѣ и 5) о Настасѣ.... Вмѣсто ихъ вышлю Вамъ на будущей недѣлѣ варіанты, записанные со словъ Бутылки, Пудожгорскаго погоста. А вмѣсто № 5 вышлю былину о Дюкѣ и Шаркѣ, записанную г. Шкалиннымъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, гдѣ я еще не былъ. Г. Шкалинъ уступилъ ее для моего сборника, какъ усмотрите изъ прилагаемаго письма его ко мнѣ.

Не всегда я выставялъ ния крестьянина, отъ котораго записывалъ: да иногда забывалъ это сдѣлать, а иногда опасался спросить крестьянина, чтобы онъ не пересталъ пѣть. — Шальскія былины напр. записаны отъ лодочника, который везъ меня къ Пудожу. № 46—57 записаны отъ Никифора Прохорова.

* Эта посылка позднѣ нашлась и поступила во II-ю часть.—Изд.

**) « Калѣки Переходіе. »—Изд.

***) Означенное въ реестрѣ почти все вошло въ I-ю часть.—Изд.

№ №, подчеркнутые въ ресептѣ, еще не высланы въ Мрску; вмѣстѣ съ этими получите № № 65—75. Остальные, т. е. 76—81 вышлю на дняхъ: дѣла у меня много, а писать вечеромъ не могу, утромъ хожу въ канцелярію: вотъ и причина замедленія. Посылаю сверхъ этого черновой экземпляръ Голубиной Книжки для Вашего сборника: кажется вариантъ этотъ очень хорошъ? Если не разберете его, отошлите назадъ, я въ свободное время перепису его. Кроме того для Васъ быть можетъ пригодятся два другіе Стиха: послѣдній-то содержитъ любопытныя подробности о мѣстныхъ занятіяхъ. Да напишите, П. А., не нуженъ ли Вамъ Стихъ о Алексѣ Божіемъ чело-вѣкъ?

Не поставитъ ли Словенъ Вудштровича прежде Ильи Муромца? Въдь Соловей прѣзжаетъ по морю на кораблѣ за Забавою и утѣ-жаетъ опять тѣмъ же путемъ, а это на мнѣическомъ языкѣ значить: богатырь или богъ съ того свѣта прѣзжаетъ за богиню. Да и Добрыня съ Потыкомъ не моложе Ильи. Добрыня, специальный противникъ Змѣищъ Горынчищъ и Туррина Змѣевича—ни что иное, какъ Индра, поражающій драконовъ: отсюда объясняется и похищеніе Забавы змѣемъ. — Михайла Потыкъ — убиваетъ змѣю подземельную.

Замѣтите еще связь между Вольгою и змѣемъ. Вольга родится отъ змѣя и цѣлю своей жизни поставляетъ отмстить змѣю за мать. Олегъ умираетъ отъ змѣя. Волховъ, сынъ Словена, превращается въ змѣя и *садится въ бога*. Мѣсто погребенія Волхова *Перымъ*, самъ онъ выдаетъ себя за *Перуна* и погибаетъ отъ бѣсовъ, т. е. тоже отъ змѣя. Быть можетъ Волховъ или Вольга — одна изъ и-постасей Перуна. Позднѣйшее преданіе пріурочило его свойства къ Вѣщему Олегу, а народная поэзія сохранила о немъ память, какъ о богатырѣ Вольгѣ.

—
Б.

Января 18, 1861 г.

Простите, дорогой П. А., что я такъ поздно отвѣчаю на Ваше письмо отъ 23 Декабря. Но я недавно воротился изъ командировки, изъ уѣзда, потому была у насъ въ канцеляріи ревизія, и я теперь только урываю минуту.

VII

Посылаю Вамъ при этомъ 2 Стиха объ Алексіѣ, записанные мною. Первый вариантъ записанъ мною вновь на Шунгской ярмаркѣ, потому что черновая тетрадка моя куда-то затерялась. Тутъ же прилагаю 2 Стиха, переданные мнѣ Повѣнецкимъ чиновникомъ.

Но сверхъ того посылаю Вамъ цѣлый сборникъ Стиховъ, записанный семинаристомъ Мирозлюбовымъ *) въ Петрозаводскомъ уѣздѣ (какъ видите, мой примѣръ сталъ находить подражателей). Въ концѣ тетради есть 2 пѣсни, которыя я приобрѣлъ для своего сборника. Первая *о Горѣ*: ее можно помѣстить за тѣю, которую я самъ записалъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Вторая пѣсня *объ Огородниковой жани и Садовниковой* есть явно паденіе былины о Хотентѣ и Любовытнѣ какъ моментъ перехода народнаго эпоса въ пѣсню. Былина о Васильѣ, напечатанная когда-то въ Олон. Вѣдомостяхъ, есть ничто иное, какъ дурно записанный отрывокъ старины о Васильѣ Игнатьевичѣ (№ 45 моего сборника). Прилагаю кстатѣ варианты № 45, записанные мною на Шунгѣ отъ слѣпаго Ивана, дер. Мелентьевской, Купецкой волости, Пудожскаго уѣзда..... **)

Во время своей поѣздки, я успѣлъ соблюсти для себя одинъ день и записалъ вновь 5 былинь, изъ нихъ четыре со словъ Козьмы Иванова Романова изъ Стинной Губы, одного изъ первыхъ сказателей въ Олонецкой губерніи. Эти былины виѣсть со старыми ведованьями и превосходною старинною о Ставрѣ, присланною мнѣ въ подарокъ изъ Кижской волости ***), пошлю къ Вамъ въ субботу. Теперь только воротился изъ новой поѣздки по губерніи... Усталъ, измученъ, и теперь только 12 Февраля могу кончить письмо, начатое въ Январѣ. Простите, дорогой П. А., за невольную медленность: я самъ переписываю записанное, а тутъ не было свободной минуточки. Въ субботу пошлю Вамъ небольшой сборникъ Бѣлорусскихъ Стиховъ, записанныхъ въ Архангельской губерніи.

---

*) Этотъ почтенный дѣтель доселѣ трудится съ большою ревностью, собирая народныя памятники.—Изд.

**) Приведенное здѣсь разиорѣчье вошло во II-ю Ч. Сборника.—Изд.

***) Она вошла во II-ю Часть.—Изд.

4 МАРТА.

Долговѣе же идутъ наши письма... Ваше я получилъ 4 Марта и сегодня же отвѣчаю. Послѣ письма я послалъ Вамъ былины и сегодня посылаю послѣднія.—Двѣ былины о Чурилѣ (Гусино-Пленковичѣ), полученныя отъ г. Шкалева,..... предлагаю отнести къ разряду Побывальщинъ, т. е. такихъ былинь, у которыхъ стихъ разрушенъ. В. не присылаетъ никакого отвѣта, по этому я принялся отыскивать разбросанныя и полустершіяся черновыя тетрадки и списалъ вновь какъ могъ.

Вотъ реестръ былинь предпоследней посылки.

1. Вариантъ о Васильѣ Игнатьевичѣ (въ письмѣ).
2. о Хотевѣ.
3. о покражѣ 40000 въ монастырѣ Румянцовомъ.
4. о 2-хъ королевичахъ Литовскихъ.
5. о 40 калкахъ.—Четыре эти былины записаны мною въ Январѣ 61 г. въ Кижзахъ.
6. о Ставрѣ—(получена отъ Кижскаго Волостнаго писаря Дысанова).

Последняя посылка состоитъ изъ былинь:

7. о Дюкѣ Степановичѣ	} со словъ Латышова.
8. о Чурилѣ	
9. отрывокъ о Добрынѣ.	
10. о Чурилѣ—записано въ Тихвиноборскомъ догостѣ, Карсон. уѣзда.
  11. о Кастрюкѣ,—тоже.
  12. о Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой (въ Январѣ 61 г. записано въ Кижзахъ).
  13. о Дюкѣ Степановичѣ отъ Бутылки.
  14. Побывальщина о Дворянинѣ несчастномъ молодцѣ.
- Дубликаты тѣхъ, которыя были у В. *):
36. Какоро птицамъ жить на Руси.
  37. о Ставрѣ.

*) Поздѣе нашелся подлинникъ.—Изд.

IX

38. о Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой.

39. о Иванѣ Годимовичѣ (о Васильѣ Бусланевичѣ и Космѣ Тристовичѣ).

40. о Царѣ Саламанѣ.

41. о Кастрюкѣ....

А между тѣмъ посылаю Вамъ вмѣстѣ съ быльями небольшой сборникъ Бѣлорусскихъ Стиховъ (собственно говоря Стиховъ, записанныхъ въ Архангельской губерніи отъ Бѣлоруса-кальки), и отдаю для Васъ списывать Стихи съ рукописнаго стариннаго сборника.

Интю въ виду приобрести сборникъ быльи, записанный еще въ прошломъ столѣтіи въ Вологодской губерніи: но пока идетъ переписка, а потому не хочу ничего говорить невѣрнаго.

Теперь я много работаю для канцеляріи, да на первой недѣлѣ или на второй предстоить командировка, потому не надѣюсь кончить въ время статьи своей *): впрочемъ сдѣлаю все, что могу.

Съ одной изъ будущихъ почтъ пришлю Вамъ описаніе Олонечникъ свадебъ, заговоровъ, отпуски и проч. Распорядитесь, какъ знаете.

—
7.

11 А пр ѣ л я .

.....

Перечитывая послѣднюю страницу Вашего письма **), чувствовалъ сильную тоску. Вы въ Москвѣ полагаете, что я по крайній мѣрѣ здѣсь свободенъ и разгуливаю, гдѣ хочу и какъ хочу. Между тѣмъ до послѣдняго времени всякое мое путешествіе было соединено съ большими препятствіями, а три первыхъ и даже отчасти пятое оставилъ за собою неприятности... Въ первыя два путешествія выдалась у меня пять свободныхъ дней: въ это время я записалъ бытовныя пѣсни, заплачки, свадебныя пѣсни и духовныя Стихи, собралъ разныя рукописныя матеріалы. — Въ третью поѣздку въ два съ небольшимъ мѣсяца записалъ болѣе осьмидесяти быльи, а долженъ былъ между

*) Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ собраніе, о самихъ пѣсняхъ, и т. п. — *Изд.*

**) Въ которомъ говорилось о необходимости записать отъ пѣвцовъ все, что они знаютъ изъ творчества, подробности объ нихъ самихъ, и т. п. — *Изд.*

Х

тѣмъ возитъ въ сельскихъ, волостныхъ правленіяхъ, со станowymi и исправниками. И наконецъ въ четвертую поѣздку въ одинъ день записалъ послѣднія былины. Отъ Козьмы Романова записано все, что онъ знаетъ и помнитъ, отъ Рябинина тоже. Въ Шалахъ, Колодозерѣ и другихъ мѣстахъ не могъ оставаться долѣе, чѣмъ оставался, и записывалъ днемъ и ночью. Возмите въ соображеніе, что здѣсь любителей бывало много, и начальниковъ горныхъ заводовъ, и губернаторовъ : все они собирали, а что явилось въ свѣтъ? одна старина въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь къ народу и отвѣтное расположеніе съ его стороны, чтобы въ короткій срокъ, узнавая чутьемъ мѣстность и людей, собрать такія рѣдкости. Я самъ пѣлъ и рассказывалъ крестьянамъ, что зналъ. Бѣдный Рябининъ, не встрѣчавшій уваженія (не къ себѣ : онъ сдѣлалъ нравственная и серьезная личность) къ своимъ любимымъ былинамъ, послѣ разговоровъ со мною ободрился и самъ сталъ цѣпить поэтическіе обломки, сохранившіеся въ его памяти : для меня онъ нарушилъ Петровскій постъ, въ который ѣлъ только хлѣбъ и коренья, чтобы рассказывать «мирскія вещи.» Въ Каргополѣ въ ту же поѣздку я собралъ бы многое, да меня *воротили*... Вновь у меня заготовлено много былинъ, которыя записаны большею частію въ Петрозаводскомъ уѣздѣ : какъ переищу, отошлю къ Вамъ. Къ В. писалъ еще разъ, но отвѣта не получалъ.

8.

22 Апрѣля.

... Посылаю Вамъ *перечень* опечатокъ, пропусковъ и проч. *). Я просмотрѣлъ все печатное по своимъ рукописнымъ тетрадамъ, отмѣтилъ нѣкоторыя разнорѣчія, а также и добавки, которыя сдѣлалъ Козьма Романовъ у меня на квартирѣ. — Статью Вашу читалъ съ наслажденіемъ, и хотя не могу отказаться отъ мнѣологическаго значенія богатырей, но я и самъ больше обращалъ вниманія на то, что они значили для народа въ эпоху историческую. Лучшее доказательство найдете въ моей статьѣ. Она начинается картиной труда крестьян-

*) Въ 1-й части: онъ помѣщенъ при II-й.—Изд.

скаго по былинѣ о Птицахъ *). Гулящая часть земщины отдѣляется отъ ратаевъ и съ топоромъ въ одной рукѣ, съ сохою позади себя, какъ и теперь Американскіе пионеры, идетъ на украинцы. Судьба этой вольницы различна: одна возвращается на свою на сторонушку (какъ въ «Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой»), другая ходитъ сказателями—скоморошинами и калыками переходжими, поддерживая единство языка и преданій; третья гибнетъ отъ избытка своей удали молодежкія, какъ богатырь въ рѣчкѣ Смородникѣ и Василій Буслаевичъ: они въ тѣгость былъ бы земщиятъ, ибо не признаютъ уже ни какихъ законовъ, не только извѣстной, условной формы. Дружина съ своими настоятелями—дѣло другое: они содержатъ земщину при дѣлѣ, при работѣ и при караулѣ. Микулунку (не смотря на его тожество съ Миколоаеиъ въ Садкѣ и Потыкѣ) я объяснилъ за полгода своимъ знакомымъ какъ олицетвореніе Земщины, въ противо-положность аристократу и вѣдуну, патрицію Вольгѣ.

Вамъ я набѣру Стиховъ, сколько смогу: сейчасъ посылаю Бѣло-русскіе и полученные отъ судьи, и отдалъ для Васъ списывать съ рукописей.

Посылаю еще заговоръ Поморскаго охотника и отиуекъ смоту. Напишите, что у Васъ есть для втораго тома: по моему мнѣнію, помимо заплачекъ и бытовыхъ пѣсенъ должны бы быть:

1) *Козьмы Романова Хотень*, 2) монастырь Румянцевъ, 3) сорокъ калыкъ — *записаны мною* въ 1861 г. 4) *Кижской волости, о Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой, записанъ мною* въ 1861. 5) *Ставерь*, записанный для меня у Лысанова, Вологдскаго писаря, 1861. 6) *Латышова Дюкъ Степановичъ, Чурдла, записаны мною* 1860. 7) *Каргопольскіе Чурдла и Кастриукъ, записаны мною* 1860. 8) *Повилецкій Василій Игнатьевичъ, записанъ мною* 1861. Сейчасъ посылаю Вамъ: челобитную Полозова и договорную грамоту Сатина, сказаніе о городѣ Еросолимѣ, *повѣсть о Басаргѣ*, старинный Травникъ и проч. — Повѣсть годится и для сборника. Изъ былинъ посылаю: Щеголенкова, *записанные мною*, 9) (36) *Каково птицамъ жить на Руси*, 10) (37) *Ставра* и 11) (38) *Василья Буслаевича, неудачливаго молодца*. Отъ В. *еще не получалъ* своей тетрадки и долженъ былъ *возстановлять* по тетрадкаиъ, гдѣ было записано съ *разказа* Щеголенкова и поправлено съ

*) См. ниже, въ прибавленіи къ письму.—Изд.

льная его : тетрадки чмараны до бесконечности, и какъ ни надѣюсь я на свою память, а въ Ставро не увѣренъ, — поэтому кое-что отиѣтилъ точками. Если получите тетрадки отъ В., печатайте, какъ выписано тамъ *). Посылаю еще 4 былины: 12) о *Михайль*, 13) о *Омиль*, 14) о *Добрынь* и 15) о *Кастрюкъ*, записанныя мѣстными священниками и переданныя въ мое распоряженіе Н. В. Обручевымъ, составителемъ Военно-Топографическаго описанія. Еще 16) о *Потыкъ* и 17) о *Саламанъ* записаны для меня въ Кижской волости сельскимъ писаремъ. У меня еще остались : 2 былины отъ Шкадина, 18 и 19; 20) о *Саламанъ* и 21) о *Коцефъ*, записанныя мною отъ племянницы Щеголенкова, 22) *Дворянинъ бѣдосчастный молодецъ*, мною отъ *Латышова*, 23) *Дюкъ мною* отъ *Бутылки*, 24) *побывальщина* о *Добрынь мною* въ *Песчаныхъ*, 25 и 26 — *Дюкъ и Гусицо Пленковичъ*, записанныя г. Шкалинскимъ... Я постараюсь сначала изучитъ Лодейнопольскіе варианты. И въ *Выдугрѣ*, и въ *Лодейномъ Полѣ* у былины особый характеръ и складъ, какъ это Вы замѣтите сами изъ переданныхъ мнѣ г. Обручевымъ. Жду десятковъ былинь изъ *Заонежья*, да самъ въ *Маѣ* изъ путешествія привезу былинь тридцать или сорокъ. — Вотъ вамъ и второй томъ сборника, не уступитъ первому. Буду, разумеется, записывать и для Васъ Стихи. Пришлю еще описаніе *Петрозаводскихъ* свадебъ...

Еще разъ жму Вамъ крѣпко руку и въ отвѣтъ на Вашъ призывъ служить вѣрой—правдою, еще разъ повторяю : лишь бы не мѣшали.

О рукописномъ сборникѣ былинь пока не получаю отвѣта...

Еще посылаю для сборника три любопытныхъ вещи, списанныя мною изъ рукописнаго сборника : послѣдняя *буй знаковь Зодіака*,

Каково птицамъ жить за моремъ и на Руси **).

Эта былина въ разныхъ мѣстностяхъ поется различно : вполне я ее не слышалъ нигдѣ. — Изъ сравненія нѣсколькихъ вариантовъ, содержаніе ея можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Слѣна время года приводитъ къ богатой осени. Крестьяне поклали стога, имъ жить хорошо, и прохладно, и весело. Имъ жить хорошо, — вотъ

*) Какъ сказано выше, эти тетрадки послѣ найдены.—*Изд.*

**) См. въ 1-й Ч. № 87-й и во II-й № 59.—*Изд.*

ХІІІ

живуть и цари по царствамъ, бояре по мѣстамъ, мелкіе судьи по деревнямъ, попы-дьяки по погостамъ и прочіе мелкіе люди по подворьямъ. Поклали: крестьяне стога, и старики спокойно спять на печахъ, старухи по прилавкамъ, молодицы по чуланамъ, малыя ребята по зенькамъ. Благословеніе природы, обиліе хлѣба и трудъ мужчины-крестьянина обеспечили жизнь другихъ слоевъ и возрастовъ (см. стихи 1—25, № 59).

Отъ синяго Дунайскаго моря, изъ тихаго лукоморья прилетаетъ малая птица-пѣвица, садилась на дерево калину и зачала пѣть-жупѣть, хорошо воспѣвати, и стала она на Русь голось подавати. Услышали Русскія птицы, слетались птицы все стадами, садилась около рядами, въ одну сторону головами, садилась онѣ по коламъ, садилась онѣ по изгородамъ, садилась онѣ по малыимъ ракивающимъ кусточкамъ, садилась онѣ вдоль зеленой дубравы, и стали они пѣть-воспѣвати, и стали къ той ли птицѣ прилегати (см. № 59, ст. 26, 27; № 87, ст. 6—20; въ 59 № ст. 37—42 явно испорчены, и ихъ слѣдуетъ читать такъ: « Налетали русскія птицы, садилась оны по боламъ, » и проч.; 42-й: « Воробьи живутъ въ дѣмахъ по рагузамъ; » 42-й стихъ въ этомъ видѣ слѣдуетъ помѣстить между 36 и 43).

— Ты скажи, заморская птица, скажи намъ, не утай же, скажи Божію правду: кто у васъ на морѣ большій, кто на Дунайскомъ меньшій?— Возговоритъ заморская птица: « Глупыя вы, Русскія птицы, за чѣмъ вы къ намъ прилетали, за чѣмъ про сине море спросили? все у насъ на морѣ большіе, и нѣтъ на Дунайскомъ меньшихъ (см. № 87, ст. 20—31)! »

За тѣмъ заморская птица спрашиваетъ у Русскихъ птицъ: « Каково вамъ жить на Руси? » Отвѣчали Русскія птицы: — Хорошо намъ жить на Руси: все у насъ птицы при дѣлѣ, все птицы при работѣ и все птицы при караулѣ (см. № 59, ст. 28—34).—

Далѣе, по моему мнѣнію, слѣдуетъ описаніе этой жизни птицъ на Руси при дѣлѣ, при работѣ и при караулѣ. Былина рассказываетъ ее вносказательно, закрываясь словами « на морѣ. » Многие стихи утратили первоначальный видъ и рѣзкость характеристики, по понятнымъ впрочемъ причинамъ. Насмѣшливое отношеніе къ предмету только проглядываетъ кое-гдѣ и совершенно ясно лишь въ слѣдующихъ стихахъ № 59, ст. 45—48:

XIV

Истребъ на морѣ стражій :

Съ богатаго двора беретъ по куренку ,

Со вдовы-сироты беретъ по два и по три ;

То есть великая въ немъ неправда.

Въ концѣ былинны пѣведъ прибавляетъ отрывки изъ другой былинны : « Каково зѣряиъ жить за моремъ *). »

9.

24 Мая.

Я и самъ знаю, что для втораго тома еще много нужно матеріаловъ, нужно ихъ интересныхъ, потому что и самое дѣло этого требуетъ, и успѣхъ перваго тома обязываетъ. Я на все, посланное уже къ Вамъ, смотрю не иначе, какъ на закладку, а жду самъ съ нетерпѣніемъ лѣтней поѣздки.

При этомъ прилагаю двѣ побывальщины : въ «*Дворяннѣ Безсчастномъ Молодцѣ*» строчки въ скобкахъ можно пожалуй выпустить. Вписалъ ихъ потому, что въ нѣкоторыхъ журналахъ критики требуютъ непременно дословнаго пересказыванья, находя какой-то особенный интересъ въ наивно-циническихъ подробностяхъ **). Замѣтите впрочемъ, какъ мало такихъ мѣстъ въ былинахъ, записанныхъ у сказателей.

Читали вы чревоуѣщаніе въ ..... по поводу 2-го выпуска пѣсонь Карѣвскаго? Какъ милы эти самодѣльные разглагодѣствія о эпосѣ, о значеніи поэмы вообще. И это не стыдятся люди писать, послѣ того какъ уже на Русскомъ языкѣ есть труды...

—Посылаю Вамъ еще нѣсколько сказаній отъ Миролюбова и Пѣлова, и тетрадку съ заговорами, списокъ которыхъ былъ Вамъ посланъ уже прежде. Но теперь я вмѣсто «*Мусала лѣсъ*» прочелъ «*Мусайла лѣсъ*».

Посылаю Вамъ еще варіантъ былинны о Михайлѣ Потыкѣ: запи-

*) Мнѣніе Издателей о той же былинѣ см. ниже въ «*Замѣткѣ*». — Изд.

**) Для удовлетворенія подобныхъ требованій, строчки, здѣсь поманутыя, отпечатаны въ во II-й части. — Изд.

ХМ

санъ для меня сельскимъ писаремъ Стнногубскаго правленія: новаго въ этомъ варіантѣ нѣтъ ничего; дополнены лишь нѣкоторыя пропуски. За то изъ него видно, какъ нѣкоторыя былины почти дословно сохранялись въ памяти народной. У Васъ теперь три варианта этой былины: одинъ печатный, два другихъ рукописные, и всѣ очень близки между собой.

10.

10 Июля.

Псылаю Вамъ 10 былинь, 9 записаны мною, 10-я по моему порученію въ Кижакъ, да еще прибавляю двѣ сомнительныя Старины. Свои былины я отдалъ было переписать съ черновой тетрадки, да шпецъ много набралъ и вездѣ проставилъ «да», которое пѣвцомъ прибавляется ради красы-басы. А переписывать все нѣкогда...

При этомъ прилагаю описаніе свадебъ, составленное для меня Миролюбовымъ.

11.

17 Октября.

Съ этой почтой или со слѣдующей Вы получите небольшое собраніе былинь, записанныхъ мною отъ Терентія Левлева, внука перваго сказателя въ Олонецкой губерніи Ильи Елустаѣева (т. е. Евстаѣева). Тутъ нѣсколько былинь и Стиховъ, записанныхъ Миролюбовымъ.

Псылаю Вамъ при этомъ и нѣсколько *Заповѣдей*, Заповѣдныхъ тетрадокъ, которыхъ Вы такъ добивались; только отошлите ихъ ко мнѣ назадъ по минованіи надобности: я ихъ съ этимъ условіемъ взялъ у знакомаго чювинила.

На дняхъ иду собирать былины въ Колодозера отъ старика, у котораго я уже прежде записалъ былины, и отъ Сумозерскаго сказателя.

Къ Дм. А. Хомякову.

3 Ноября.

Къ П. А. я писалъ два раза, послѣ письма его ко мнѣ, и нѣсколько разъ посылалъ былины. Получены ли онѣ? Вотъ вопросъ. Въ последнее время были къ нему отправлены былины, записанныя отъ Терентія Іевлева и тѣ, которыя были мнѣ переданы г. Обручевымъ. Вообще мнѣ хотѣлось бы знать составъ 2-го тома, и именно реестръ былинь, которыя войдутъ въ него. Если бы можно увѣдомить меня объ этомъ, я былъ бы Вамъ очень благодаренъ.

Былины сохранились въ Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ уѣздѣ и Пудожгорскомъ приходѣ Повѣтнецаго. Настоящихъ сказателей этихъ древнихъ пѣсень не много, а ихъ знаю на перечетъ: 1) Рябининъ, 2) Козьма Романовъ, 3) Андрей Сорокинъ, 4) Колодозерскій старикъ и 5) Бутылка. Кромѣ ихъ есть еще 6) Терентій Іевлевъ, внукъ знаменитаго Ильи Елустаева, 7) Калыка изъ Лягъ, 8) Поромскій старикъ, 9) Никифоръ Прохоровъ и 10) Щеголенковъ. Вторая категорія, за исключеніемъ 8-го, котораго не знаю, ниже первой. Остальные, какъ калыки, такъ и пѣвцы, не заслуживаютъ имени сказателей и знаютъ по двѣ, по три былины.—Отъ 1, 2, 7, 9, 10-го записано рѣшительно все; отъ 5-го, 3, 4, 6, очень многое; на 8-го я не попалъ ни разу. А искалъ я этихъ пѣвцовъ на разстояніи тысячи верстъ; два раза переплывалъ на лодченкѣ черезъ Онегу на сорокъ верстъ, чтобы захватить 5-го сказателя, и не могъ лично записать многого отъ Бутылки, а долженъ былъ поручить другимъ. Записать остальное отъ 3 и 4-го поручилъ я тоже другимъ и жду — не дожлусь присылки изъ уѣздовъ.

Много я роздалъ денегъ и Семинаристамъ, и Волостнымъ, и Сельскимъ Писарямъ, а отъ нихъ получаю или мало, или дрянъ. На дняхъ одинъ писарь надулъ меня, приславши шесть старинъ, которыя онъ отъ слова до слова списалъ у Кириша Данилова.—Вообще можно положиться только на то, что записалъ самъ или что запи-

XVII

само на глазахъ. Но, какъ я Вамъ объясню, пѣвцы разстаны другъ отъ друга на сотняхъ верстъ и за ними не угоняешься.

Посылаю Вамъ въ настоящее время 3 былины, записанныя мною со словъ Андрея Сорокина; двѣ изъ нихъ переписаны очень плохо, да въ деревнѣ не нашлось лучшаго писца, а я тороплюсь отправить посылку къ Вамъ. — О Дюкѣ Степановичѣ начало почти до слова сходно съ № 47 моего 1-го тома, который тоже записанъ со словъ Сумозерскаго крестьянина. Кромѣ того на особомъ листочкѣ прилагаю варианты о Дюкѣ.

Какъ получу 15 былинъ изъ Пудожа, перешлю къ Вамъ. Решите сами, нужно ихъ дожидаться или нѣтъ? Черезъ недѣлю получите описаніе свадебъ.

Пишу къ Вамъ рѣдко, потому что я все еще.....

—

13.

Къ П. А. Вессонову.

2 Д Е К А Б Р Я .

Я всегда былъ убѣжденъ, что Русскій народъ отзывался въ своихъ произведеніяхъ на все, что ему было дорого, на всякое замѣчательное событіе въ области своего развитія. И чѣмъ болѣе узнаю народное творчество, тѣмъ убѣжденіе это болѣе и болѣе подтверждается.

Здѣсь Вы найдете рассказъ о томъ, отчего нѣмѣна завелась на Руси со времени Іоанна Грознаго и рассказъ о Петрѣ. Этими вещами я не придаю особенной цѣны, потому что первый изукрашенъ записывателемъ. Но я надѣюсь, Вы оцѣните по достоинству былину о Алексѣѣ Михайловичѣ. Вѣдь дѣло, по моему мнѣнію, идетъ о *Земскомъ Соборѣ*. Царь спрашиваетъ народъ, отдать ему Смоленскъ или нѣтъ?

Добиваюсь я теперь былины, рассказывающей о борьбѣ Король и Чуди съ Русскими: на дняхъ достану ее.

—

То же.

31 ФЕВРАЛЯ 1862 г.

Прежде посланные былины записаны были со словъ Андрея Сорокина—изъ Пудожскаго уѣзда писаремъ по моей просьбѣ. Я сталъ было ихъ перечитывать и поправлять, т. е. не слова пѣвца, а грубыя ошибки записывающаго: но пришлось ѣхать, и я просилъ отравить Вамъ рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она была мною оставлена. Теперь посылаю Вамъ еще 2 былины и 3 отрывка, записанные въ Кижской волости: имя-отчество пѣвца вышлю въ слѣдующемъ письмѣ.

Собраніе идетъ очень туго.... Хорошо еще, что въ первый поѣздъ я успѣлъ познакомиться съ пѣвцами и могъ поручить другимъ лицамъ записать отъ нихъ.

Козьма Романовъ былъ здѣсь и придетъ еще разъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ: если же поѣздъ его не удастся, я сниму съ него фотографическій портретъ здѣсь и попрошу знакомаго записать мотивы.

ЗАМѢТКА.

Точка зрѣнія, однажды установленная нами на предметъ, на Бывшее народное творчество Руси (см. «Замѣтки» къ 1-й Частн и къ 4-мъ выпускамъ Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ), такова, что даетъ намъ возможность, при каждомъ появленіи новыхъ отысканныхъ памятниковъ творчества, только лишь извлекать изъ нихъ важнѣйшее и доводить прежде сказанное, держась одной нити, не теряясь въ частности, а возводя всѣ подробности къ единичному цѣльному воззрѣнію, которое, надѣмся, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе выясняется для внимательнаго читателя.

Такъ поступимъ мы и въ настоящемъ случаѣ. Во 1-хъ, мы сообщимъ по порядку тѣ новыя данныя, которыя открываются нашему взору изъ произведеній творчества, помѣщенныхъ во II-й части Рыбниковскаго Сборника, во сколько ими дополняются наши прежде изданные памятники, подтверждаются прежнія воззрѣнія, раздвигается кругозоръ или вызываются новыя выводы. О пѣсняхъ Новгородскихъ, Княжескихъ и Безъмянцыхъ мы скажемъ здѣсь немного, ибо для этого предлежитъ еще намъ пространное поле изслѣдованій въ изданіи дальнѣйшихъ, послѣ 4-го, выпусковъ собранія Кирѣевскаго: мы болѣе сосредоточимся на времени такъ называемомъ Владиміровомъ. — Во 2-хъ, по поводу нѣкоторыхъ пѣсень и сообщаемыхъ ими данныхъ, мы коснемся вопроса, который не былъ еще затронутъ въ литературѣ ни другими, ни нами, — о томъ, какъ передача именъ и названій, совершавшаяся при передачѣ пѣсни отъ лица къ лицу, отъ поколѣнія къ поколѣнію, или же при переходѣ ея въ рукопись и обратно, порождала въ народномъ творествѣ совершенно особыя образы, расплочала ихъ и оставила намъ слѣды любопытной связи произведеній устныхъ между собою и потомъ съ произведеніями письменными. — Наконецъ въ 3-хъ, мы дополнимъ известныя доселѣ данныя выдержками изъ Сказокъ, появившихся въ свѣтъ послѣ предыдущей бѣды нашей съ читателями, послѣ Замѣтки при 4-мъ выпускѣ Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.

Пѣсна, помѣщенная у насъ подъ № 1-мъ, Микулушка Селяниновичъ, по видимому есть гимнъ, созданіе лирическое: но въ самомъ дѣлѣ это только отрывки изъ былины, на сколько удавалась она въ памяти пѣвца, внука знаменитому сказателю Ильѣ Блаустаѣву. Возстановить былинну можно по образцамъ, отпечатаннымъ въ 1-й части. Тамъ, въ № 3, 4 и 5-мъ, описывается кобыла Микулы, Соловая, Обнеси-голова: изъ этого описанія Терентій сдѣлалъ первую строфу, съ обращеніемъ къ лицу Микулы. Тамъ же, № 3, стр. 19, Микула самъ рассказываетъ о поѣздѣ своей въ Кіевъ и вывезенной оттуда соли: изъ этого сдѣлана строфа вторая. Далѣе, въ двухъ стихахъ, 8-мъ и 9-мъ, Терентій описываетъ пашню Микулы: отрывокъ изъ тѣхъ же былинь. Когда же Олегъ спросилъ Микулу объ имени, 1-й части № 3, стр. 21, 22, Микула отвѣчаетъ такимъ образомъ:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
 Во скирды складу, домой выволочу,
 Домой выволочу, да дома вымолочу,
 Драни надеру, да и пива наварю,
 Пива наварю, да и мужичковъ напою,—
 Станутъ мужички меня покликавати:
 «Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Изъ этого въ концѣ 3-й и въ 4-й строфѣ Терентій опять сдѣлалъ обращеніе къ Микулѣ отъ своего лица.—№ 60-й также отрывокъ изъ былины, описаніе Микулы и его работъ: она замѣчательна въ томъ отношеніи, что народъ не знаетъ какъ только лучше разукрасить своего любимого, главнаго представителя Земщины.—Но замѣчательнѣе этихъ отрывковъ черта въ № 2-мъ, стр. 4, ст. 72—75; Калѣки Перехожіе, отпоявши Илью и пуская его въ свѣтъ, подтверждаютъ ему на память заповѣдь: «А сильнѣе тебя на бѣдомъ свѣтъ Самсонъ Самойловичъ да Святогоръ Колывановичъ (богатыри Старшіе); еще сильнѣе Микула Селяниновичъ,»—отчего?—«отъ матушки сырой земли,» какъ представитель Земщины, тѣснѣе всѣхъ связанный съ Землею,

Въ № 64-мъ, который по настоящему, еслибы полученъ былъ нами во время, долженъ бы помѣститься въ началѣ II-й части, въ слѣдъ за Миколою. Настасья Микулишна является на Соколъ корабль: что это значитъ? Теперь уже достаточно набралось данныхъ, чтобы опредѣлить въ точности значеніе этого преданія и уяснить смыслъ самого корабля. Судя по многимъ указаніямъ, мы убѣждаемся, что древнѣйшій бытъ Руси, когда еще жила она въ обще-Славянской семьѣ, представлялся позднѣйшему народному творчеству между прочимъ подъ образомъ плаванія, по какому-то морю. Это было конечно первое море, съ какимъ только сблизялся Славяне: смотря по дальнѣйшему мѣсту жительства, по разнымъ переходамъ, это было—для Славянъ Южныхъ море Бълокъ—Средиземное (Мраморное), Синекъ—Адриатика (филологи согласны, что названіе Адриатики, *Hadria*, отъ Славянскаго *ядро, ядро, hadro*, т. е. пауза, заливъ, *sinus*, дано жившими по берегу Венецами), в общее вѣкъ Славянамъ Черное, Теплое; у Русскихъ Славянъ опять общее—Черное, иначе въ частности Русское, мѣсто прибрежнаго ихъ жительства въ связи съ Греческими поселеніями, далье Сурожское (Азовское, связанное по имени съ древнѣйшимъ божествомъ—Сварожичемъ и первобытными мореходами—Сурани), потомъ Синекъ—Хвалынское (Каспійское), наконецъ, позднѣе, новое Бълокъ море, иначе Студеное (противуположно Черному—Теплому). Въ періодъ слагавшейся Руси, когда, временно оттиснутая отъ Чернаго моря и Дуная, она не успѣла еще снова вернуться къ этимъ краямъ въ походахъ и подвигахъ князей своихъ, старшимъ моремъ, самымъ рѣзкимъ для памяти образомъ, представлялось творчеству Балтійское, последнее, на которомъ совершались знаменитые подвиги, называвшееся Латырь-моремъ, по янтарному промыслу, «отцемъ вѣхъ морей», Оклянь-моремъ, Ледвѣцкимъ, съ городомъ Ледвѣцемъ, Волынскимъ—съ Волыномъ, съ островомъ Буяномъ, съ камнемъ Латыремъ, и проч. (см. Замѣтку къ 4-му выд. Пѣс. Кир.). Въ произведеніяхъ народнаго творчества, по вѣкъ этимъ морямъ, преимущественно по Балтійскому, гуляетъ Соколъ корабль. Это отецъ кораблей, первый, старшій и главный корабль, такъ что когда приходится назвать корабль по преимуществу, то его называетъ творчество Соколомъ, съ прозвищемъ «батьюшки»: также точно какъ главное море—Латырь-море, глав-

ный конь — Сивка-бурка, и т. п. Однимъ словомъ — это образъ самой древнѣйшей Руси, посвященной по волнамъ: по морю, это полусъ, отвѣчающей другому — кочевью на сушѣ. Потому все, что только есть въ лицѣ старшаго въ былевомъ творествѣ, почивается на этомъ кораблѣ: Старшіе богатыри Полканъ, Самсоуъ, Святогоръ, наконецъ Илья, тою стороною, которою сближался со Старшими. Но мало по малу, съ уходомъ отъ Латырь-моря, съ утверженіемъ на матерой землѣ, съ шагами слагавшейся Руси, съ окръпленіемъ Земли, представленіа обь морѣ, а вѣстѣ и обь Соколѣ-кораблѣ переша также на сушу, придвинулись къ Киеву: связь между отдаленнымъ, пройденнымъ періодомъ и Киевскою Русью, временемъ Владиміровича, выражена въ творествѣ, знаемъ мы, знаменитымъ пріѣздомъ въ Киевъ Сокола Блудмѣровича, на томъ же Соколѣ, женибой его на княжеской племянницѣ, и т. д. Здѣсь отъ Латырь-моря корабль перешелъ по сушѣ до Киева также точно, какъ на другомъ концѣ, ползавши по Черному морю, корабли Олеговы подоша на колесахъ къ Царю-граду. Соколъ даже остался въ Киевѣ, какъ памятникъ миноваго, образчикъ былаго, знакъ прожитаго: Илья, собиравшя въ Киевѣ, просится у отца «сѣзидитъ да посмотрѣтъ чернаго владѣла, а снаго Сокола (вып. 1 Кир., стр. 77)». Такъ точно шитъ Олегъ остался на вратахъ Царя-града; такъ, знаемъ изъ Были и Стиховъ, Ногъ, Нога или Страшил-птица, вынесшая Русскаго челоука на свѣтъ Божій, поидитѣ помѣстплась въ Киевѣ на вратахъ Корсунскихъ; такъ остался поидитѣ въ Киевѣ Девапродовскій, Корсунскій крестъ, знамя христіанскаго торжества; окаменѣли подъ Киевомъ сами богатыри, окаменѣлъ или перешелъ въ пещеры цѣлымъ Ильа Муромецъ. Эта же самая связь Моря и Корабля съ Землею выражена творческимъ образомъ, когда дочь представителя Земщины, Микулы, пошрена на кораблѣ Соколѣ. Съ другой стороны — повое доказательство, какъ древенъ этотъ женскій образъ, когда-то единый, потомъ, при началѣ былеваго Владимірова творчества, раздѣлившійся на двухъ сестеръ, Настасью и Васнаису. Образъ женщины замужней, преданной мужу до самопожертвованія, отъ любви дошедшей до самыхъ драматическихъ положеній, женщины Грозной, остался за Васнаисой; образъ дѣвицы, дѣвицы-поляницы, богатырь- или царь-дѣвицы, въ дѣвчестѣ ползавшей по полю, гулявшей по морю на Соколѣ, и поидитѣ уже полюбившей Добрыню, усвоенъ Настасью. Повторяемъ, она примы-

насть къ отдаленнѣйшей древности, когда помѣщается на Соколѣ рядомъ со Старшими богатырями: и не кому, говорить творчество, быть здѣсь другому, «быть ли не быть—Настась Микуличной!»

Ниже мы еще вернемся къ этому предмету, сопоставляя Соловья Будиміровича съ Соловьемъ-разбойникомъ, и тамъ же остановимся на замѣчательнѣйшемъ прозвищѣ, данномъ сему послѣднему въ № 3-мъ и 63-мъ — Рахмановичъ, птица Рохманная.

Подъ № 62-мъ былина, очень хорошая по формѣ, весьма извѣстна по содержанію. Прекрасная Королевична, въ ней упоминаемая, также извѣстна: это та же Баба Горынычка, Латыгорка, въ сказкахъ Яга и проч. На несмѣтныя сокровища, найденныя послѣ ея смерти, Илья строитъ Церкви: мотивъ уже болѣе поздній, заключающій эпоху Кіевского творчества и Владимірова круга, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно исчезаетъ Илья или самъ ложится въ Пещеры.

Былина подъ № 63-мъ, объ Ильѣ Муромцѣ, огромная по объему, въ то же время есть одна изъ самыхъ лучшихъ былинъ, какія только уцѣлѣли въ устахъ народа, и по отдѣлкѣ внѣшней, и по особенному развитію содержанія. Многія частности, брошенныя въ другіяхъ однородныхъ пѣсняхъ объ Ильѣ только вскользь и мимоходомъ, развиты здѣсь съ особенной подробностью: таковы описанія — битвы съ невѣрной силой подъ Черниговомъ и его освобожденія; мощенія мостовъ, т. е. устройства прамозжикъ дорогъ среди лѣсныхъ пущей и непроходимыхъ мѣстъ, — одинъ изъ подвиговъ Ильи Муромца. Здѣсь же совершенно новое, неизвѣстное по прежнимъ былинамъ: своеобразное описаніе Соловьева двора; выкупъ, который привезли за него дѣти въ Кіевъ; предложеніе Соловья быть на Руси Строителемъ, на что склонялся было Владиміръ, обольщенный выкупомъ, и чего не допустилъ Илья, и т. д. Вообще, былина изъ того разряда, образцы коего приведены нами въ 1-мъ вып. Пѣсень Кирѣевского, въ отдѣлѣ VI-мъ: она обнимаетъ всѣ главные подвиги Ильи до пріѣзда во Кіевъ, самый пріѣздъ, потомъ отсюда круто поворачиваетъ къ ссорѣ его съ Владиміромъ, здѣсь сосредоточивается и здѣсь кончается рѣшительнымъ разрывомъ или примиреніемъ (маша былина избрала послѣднее). Какъ всѣ былины этого разряда, она несетъ на себѣ нѣкоторые явные слѣды отдѣлки

позднѣйшей, воззрѣній, выработанныхъ уже къ концу періода Московскаго и рисующихъ угрюмое положеніе Землины. Здѣсь сложились уже понятія не только о различіи слоевъ общества, а даже отчасти и сословій: барина, холопа, дворянина, попа (ст. 108 и дал.); вокругъ Владиміра— бояре, вельможи, даже сенаторы. Древнее, а вмѣстѣ народное и земское воззрѣніе, олицетворенное въ Ильѣ, даетъ себя знать лишь по мѣстамъ: такъ, на примѣръ, въ словахъ Ильи— « не дай Господи дѣлати изъ богатыря воеводу, » заключается весьма рѣзкое различеніе между понятіемъ *Богатыря*, какъ служителя Земли, и *Воеводы*, обыкновенно Княжескаго. Илья здѣсь постоянно, въ спорѣ съ Владиміромъ, отстаиваетъ оскорбленные права народа. Владиміръ уже не историческій князь, не герой Кіевскихъ былинъ и даже не изъ первыхъ Московскихъ властителей: онъ *царствуетъ*, не хочетъ узнать Илью, не даетъ ему почетнаго мѣста, выгоняетъ. Разсерженный Илья и самъ не беретъ мѣста; онъ передаетъ распрю на судъ всего народа, собираетъ вокругъ себя толпы *голей* (до которыхъ дошелъ народъ объединившій). Онъ грозитъ властителю: по первымъ спѣшаетъ у теремовъ золоченныя шаковки и пропьянваетъ ихъ, намекая тѣмъ, что можетъ случиться еще дальше; потомъ, перепуганнымъ голямъ говорить: « Я завтра буду во Кіевѣ княземъ служить, а у меня вы будете предводителями, » — это уже *majestas roruli* въ противодѣйствіи государю; посланнымъ отъ Владиміра объявляетъ еще рѣшительнѣе: « Если не сдѣлаетъ князь по моему, то онъ процарствуетъ только до утра. » Провирается Илья подъ однимъ условіемъ — свободы и полной льготы всему народу, до послѣднихъ голей. Но, когда властитель исполнилъ его желаніе, Илья выражаетъ всю умѣренность великодушнаго народа: онъ не беретъ мѣста бѣльшаго, выбираетъ только *среднее* (за то садитъ съ собою рядомъ и всѣхъ голей, безъ всякаго *ценза*). Когда дана льгота пять всѣмъ безденежно на царскій счетъ, народъ также отказывается отъ этого права и собирается толпами на завоеванное Ильєю мѣсто вокругъ властителя, не для хлѣба, не для соли, не для казны, а только полюбоваться своимъ представителемъ. Разрушены преграды между государемъ и народомъ, забыты споры: но народъ не наваливается алчно на добытое, онъ только *обстоитъ*, а все дѣло за себя поручаетъ своему представителю, а представитель беретъ только мѣсто среднее. Глубже этого смысла подъ художественными образами, народнѣе этихъ Русскихъ воззрѣній ничего нельзя себѣ пред-

стоять. — Къ некоторымъ подробностямъ былинъ мы вернемся еще ниже, сравнивая двухъ Соловьевъ.

Пѣсня подъ № 64-ю, о битвѣ Ильи съ Соколыничкомъ, но представляетъ ничего особеннаго, доселѣ неизвѣстнаго, кромѣ замѣчательнѣйшаго имени: на богатырской Киевской заставѣ стоитъ между прочимъ «два брата Агррикановы.» Обыкновенно въ другихъ былинахъ ставятся на этомъ мѣстѣ «братья Збродовичи» или же рядомъ «Залѣшане:» но совершенное несходство имени и звуковъ не даетъ права предположить, чтобы Агррикановы втерлись за мѣсто другихъ, невзначай, по ошибкѣ пѣвца или по ослышанью. Можно даже замѣтить некоторое соотвѣтствіе между тѣми и другими лицами; какъ Збродовичи, такъ и Залѣшане — представители особенно грубой и дикой силы: имя Агррика, съ греческаго, значить дикаго, дикую поляницу (*ἀγρός* или *ἀγρικός*, дикій, буйный, полевой, поляница, отъ *ἀγρός*, *ager*, *Acker*, поле). Но это заставляетъ уже предполагать вліяніе письменности и книжной начитанности, подобно какъ тѣмъ же путемъ, мы говорили въ прежнихъ «Замѣткахъ,» проникло въ былинны греческое имя Аники, «непобѣдимаго.» И действительно, въ нашей письменности, особенно по житію Петра и Февроніи, извѣстенъ знаменитый «Агриковъ мечь,» принадлежавшій какому-то древнѣйшему герою, потомъ завѣщанный отъ него потомству и заложенный между кирпичами въ стѣнѣ храма (не замѣшанъ ли сюда еще новозавѣтный Агрикъ, упоминаемый въ нашихъ Стихахъ по дѣлу съ св. Николаемъ?): мечемъ этимъ, доставши изъ стѣны храма, князь Петръ убилъ крылатаго Змѣя, летавшаго къ сноту его на ложе. Хотя въ первоначальномъ происхожденіи сказанія объ Агрикѣ и мечѣ его нужно, судя по всему, видѣть слѣды письменности и заимствованія изъ греческихъ легендъ, откуда послѣ развились уже и наши народные рассказы: но, читая исторію Петра и Февроніи, съ подробностями, гдѣ лежалъ заложенный мечь, какъ его добыли и къ какому дѣлу применили, невольно приходишь къ заключенію, что подобное обстоятельство зашло въ русскія легенды уже обратно, изъ народныхъ сказаній. Потому, предположить можно на вѣрное, что этому эпизоду (какъ и другимъ некоторымъ подробностямъ) изъ житія Петра отвѣчало какое либо болѣе древнее сказаніе устное и народное. И какъ многія новыя открытія въ народной словесности

доказали несомненно, что въ сказки Чулкова при всемъ неизреченномъ искаженіи ихъ на языкъ рыцарскихъ романсовъ, проникло какъ слѣдъ или какъ основа, много образовъ и подробностей чисто-народныхъ, изъ устнаго русскаго творчества: такъ точно и въ настоящемъ случаѣ приходимъ къ тому же выводу. Именно: у Чулкова известна сказка о Добрынь, вошедшая и во всея любочныя издаціи; гдѣ, между множествомъ безобразнѣйшихъ искаженій и вымысловъ, находимъ слѣдующія любопытныя подробности: Добрыня для убійства своихъ долженъ былъ сыскать роковой мечъ, всепобѣждающій; между прочими подвигами, натхалъ онъ на поле, убитое костью побитыхъ богатырей, а между ними на огромную богатыредую голову; подъ ней нашелъ ключъ, ключемъ отперъ въ горахъ дверь; тамъ хранилось множество оружія; тамъ сидѣлъ запертымъ знаменитый Торопъ, носѣдующій типическій слуга Добрыни. Торопъ разсказалъ, что это была кладовая древняго богатыря Агрикана и передалъ тутъ же о сиротѣ Агриканѣ: «откуда родомъ былъ славный и сильный богатырь Агриканъ, почти никто не знаетъ, а мазельство онъ по великимъ дѣламъ своимъ; не мѣжъ узнать, откуда Агриканъ родомъ былъ и какъ величали его до отечеству (слова эти, вложенныя въ уста Торопу, выражаютъ положеніе самого передѣлывателя сказки: онъ, какъ и мы сами, не мѣжъ отыскать происхожденія Агрикана въ народныхъ сказаніяхъ, зашедшаго сюда изъ письменныхъ древнихъ источниковъ). » Собравши оружіе отъ разныхъ славныхъ богатырей, Агриканъ завѣшалъ свою кладовую ратоборцу, который побѣдять прочихъ на его посмертной тризѣ. Побѣдилъ богатырь, которому принадлежала огромная, важняшая въ полѣ, голова, но умеръ отъ раны, заперши Торопа въ кладовую и прорекши, что ключемъ одладѣетъ тотъ, кто найдетъ и покоропитъ его голову. Такимъ наследникомъ и оказался Добрыня: здѣсь-то и получилъ онъ Агрикановъ мечъ, хотя усердный сочинитель, путающій сказку, заставлялъ его взять здѣсь только роковое копье, а мечъ — въ слѣдующей по разсказу другой кладовой. Какъ бы то ни было, только этимъ мечемъ убилъ Добрыня Тугарина Змѣевича, а вышетъ конечно и самаго исконнаго врага своего, Змѣя. Замѣчательно, что сказка приписываетъ валяющуюся голову Еруслави Лазаревичу: это указываетъ намъ на другой источникъ, на сказку объ Ерусланѣ, изъ рукописей, съ прибавкою многихъ народныхъ Русскихъ подробностей, перешедшую и въ любочныя издаціи. Дѣйстви-

тельно, здесь повторяется та же история въ отечественном богатырском головом. Еруслаиъ, отправляясь претить царя Огненнаго Змиа, и мити, Иламениаго коопя (того же Огненнаго Змиа; онъ выше выводится въ сказкѣ подъ именемъ Оводула царя Змиа, котораго рать была также побита въ полѣ, а среди нея остался живъ человекъ Ивачъ Русскои богатырь), находитъ въ полѣ побитую рать этого царя и среди костей ту же огромную голову, принадлежавшую богатырю Реслаику (иначе Рохлею; Росерленъ — Руской богатырь). Отъ самого царя узнаеть Еруслаиъ, что подъ этою головою царева врага скрытъ роковой мечъ, единственный, какииъ только можно убить его. Возвращается на поле, пресить голову сдвинуться и выдать мечъ; получаетъ его и вмѣстѣ съ вѣтъю о предстоящей битвѣ; потому мечемъ убиваетъ царя, а желчью его испьяляетъ Реслаику. Это совершенно то же, что ириведенное выше дѣло Добрыни, и съ другой стороны, чрезъ посредство народныхъ уже сказаній, переведено въ житіе Петра, который также точно Агриновымъ мечемъ убиваетъ Змиа. Замѣтная путаница во всемъ этомъ эпизодѣ бызсваго творчества произошла естественно отъ сличеніи многихъ народныхъ здѣсь словесъ: 1.) древнѣйшій слогъ, какъ думаемъ, греческихъ сказаній, занесенныхъ въ насъ по письменнымъ источникамъ ина Агрива въ какой амбо сзавъ съ особеннымъ мечемъ; потомъ 2.) не менѣе древніе, мѣстные и чисторусскіе народные образы: такъ мы знаемъ важную роль, которую играютъ въ быльяхъ, а еще больше въ сказкахъ мечь-кладенецъ, о которомъ когда ни будь при случаѣ стоить поговорить подробно; въ сказкахъ его отыскавають съ тѣми же препятствіями, въ кладовыхъ, въ подземельяхъ; по указанію богатыря Дашны, сынъ его Михайло роетъ сыру землю и находитъ тамъ всю збрую (броню, оружіе на брань) богатырскую (Кир., вып. 3); Святоторъ завѣщаетъ Ильѣ тотъ же мечь-кладенецъ (Рыбник., я. 1), и т. д. Но этихъ мотивовъ, развитыхъ въ полныи образъ и цѣлое творческое созаданіе, не находитъ мы въ собраныхъ доселѣ памятникахъ народной словесности. Въ развитомъ и полномъ видѣ своемъ они дошли до насъ — уи — въ памятникахъ наиѣренно или бессознательно искаженныхъ, какова сказка Чулова и рукописная (она же любечная) объ Еруслаиѣ. Это (Ф.) слогъ еще новый, въ которомъ народная основа перебита вставками въ дѣйствиіиимъ совсемъ другаго свойства. Такъ и въ сказкѣ объ Еруслаиѣ мы видимъ не мало наростовъ: въ основѣ

многіе мотивы и образы чисто-русскіе, какъ на примѣръ подвиги **Ивана Русскаго** богатыря, побивающаго Царя-Змія и оставагося единственнымъ живымъ человѣкомъ среди поля, устланнаго костями; но эти подвиги, это лицо, занесены въ сказку восточную, съ примѣсью образовъ и красокъ восточныхъ. Потому въ ней же самой вторично пересказывается тотъ же подвигъ Русскаго Ивана, только подъ именемъ уже **Рослана** и побивающаго рать царя **Огненнаго** и **Пламеннаго**, и валяющагося по полю огромною головою. Далѣе, и опять въ той же сказкѣ, третій разъ твердится то же событіе, гдѣ врагомъ царя-Змія является уже **Еруслянь**, по происхожденію имени одинаковый съ **Росланомъ** или **Росланомъ**, Русскимъ богатыремъ, но съ восточной окраской, еще болѣе цвѣтис-тою, и съ передѣлкою въ **Арслана** (левъ); въ сказкѣ Чулкова мертвая голова принадлежитъ также **Ерусляну**. Еще шагъ, и 4.) сказка въ восточной формѣ занята, перешедши въ рукописи, а отсюда на лубки, снова и обратнo окрашивается красками Русскихъ подробностей. Наконецъ 5.) народныя сказанія русскія, на сколько въ старину было еще въ нихъ чистоты и самобытности, входятъ въ житіе Петра, но непременно здѣсь искажаются, подъ вліяніемъ общаго тона, примѣняясь къ жмтлю, рассказывая о храненіи **Агрикова** меча въ христіанскомъ храмѣ, и т. п. **Геніальнѣйшій** изъ нашихъ поэтовъ, **Пушкинъ**, также не миновалъ этого эпизода былевыхъ созданій: всѣ существенныя мотивы и главные лица **Еруслана** и **Людмилы**, не исключая мертвой головы и лежаваго подъ нею меча, могутъ быть подысканы въ упомянутой сказкѣ Чулкова и особенно въ вариантахъ сказокъ объ **Еруслянѣ**. И конечно не столько первая попытка и молодость, сколько путаница основнаго мотива, представлявшаяся Пушкину въ извѣстныхъ ему источникахъ, виною того, что произведеніе его не прониклось такъ живо и глубоко народными чертами, какъ послѣдующія другія, воспроизведенныя имъ, сказки. — Какъ бы то ни было, мы убѣждаемся отсюда, что «**братья Агрикановы**,» остановившіе наше вниманіе въ былинѣ, стоятъ среди нашего творчества не одиноко. И мы не теряемъ надежды, что счастливый случай въ будущемъ когда ни будь выведетъ еще передъ наши взоры былъ объ **Агрикѣ** или **Агриканѣ** съ мечемъ-кладенцомъ во всей чистотѣ народныхъ возрѣній и въ полнотѣ созданія творческаго.

Появляющийся въ 6-мъ № Невъжа, въ борьбѣ съ Добрыней, есть извѣстный «нахвальщикъ, воль-нахвальщина,» драмшійся съ Кіевскими богатырями на ихъ заставѣ: обыкновенно или Борисъ Звуть Козловъ королевичъ, сынъ Ильи Муромца, или богатырь Жидовинъ изъ Козаръ. Въ настоящемъ случаѣ это Жидовинъ: отсюда-то передвѣлено имя Невъжинъ въ № 5-мъ. Онъ олицетворяетъ, говорили мы не разъ, цѣлую силу, Жидовскую, Козарскую: отъ того въ № 8-мъ вѣтъ «отдѣльнаго» лица, а въ той же битвѣ съ Добрыней обрисована «сила невѣрная» и въ стихѣ 73-мъ называется именно Жидами («приблизъ онъ вѣтъхъ Жидовъ»). Извѣстно, что Жидовинъ убить Ильею: а прежде пыталъ съ нимъ вѣряться Добрыня, и вотъ смыслъ борьбы, описанной въ №№ 5, 6 и 8-мъ. Но Добрыня заклятой и постоянный, по преимуществу врагъ Змѣя и Тугарина: вотъ почему Невъжа, Невъжинъ или Жидовинъ, поставленный въ связи съ Добрыней, является и Змѣемъ, и Тугариномъ, — «Невъжа-то среди дня летаетъ чернымъ ворономъ (летаетъ какъ Змѣй), по ночамъ ходитъ Змѣемъ Тугариновымъ, а по зорямъ ходитъ добрымъ молодецъ (таковъ онъ въ Кіевѣ, въ дѣлѣ съ Апраксіей и Мариною).»

Въ № 5, 6-мъ и т. д. останавливается насъ слѣдующій приемъ народнаго творчества. Обыкновенно оно рисуетъ образъ совершенно непосредственно, оставляя намъ самимъ отвлекать черты, собирать ихъ вмѣстѣ по однородности и отсюда уже дѣлать выводы о типѣ или возводить его въ понятіе. Но, съ развитіемъ творчества, въ позднѣйшія эпохи его, въ немъ самою самосознаніе стремится выразиться опредѣленнѣе, обрисовать Типы, по которымъ идетъ творчество, или же отвлечь отъ образовъ одно сжатое понятіе и назвать его однимъ словомъ. Таковы, во первыхъ, запыты и припыты былины, гдѣ пѣвецъ, становясь какъ бы въ сторонѣ отъ содержанія былины, намѣчаетъ пути, по которымъ идетъ она, обозначаетъ рамы, въ которыхъ развернулась творящая сила: природа вѣшняя, мѣстность, послужившая поприщемъ дѣйствій, предметы ея, возведенные въ типы, и, такъ сказать, вѣхи, въ которыхъ совершается теченіе разсказа. На примѣръ:

Высока ли высота—поднѣвесная;

Глубока глубота—Океанъ-море;

Широко раздолье—по всей землѣ;
 Глубоки омуты—Дивьяновскіе;
 Чудный крестъ—Леванидовскій;
 Долги плеса—Чевылецкія;
 Высокія горы—Сорочинскія;
 Темны лѣса—Брынскіе;
 Черны грязи—Смоленскія;
 А в быстринѣ рѣки—Понизовскія.
 (Кир., вып. 3.)

Или:

Высота ли—высота поднебесная;
 Глубота—глубота Океанъ-море;
 Широко раздолье—по всей землѣ;
 Глубоки омуты—Дивьяновскіе.
 (Вып. 4.)

Это уже типы, и даже понятія; ихъ можно на нашѣмъ письменномъ языкѣ выразить такъ: самая высшая высота—Поднебесье; самая глубокая глубина—Океанъ-море; самое широкое раздолье—Вся земля, и т. п.; или: настоящий крестъ, собственный типъ креста—крестъ Леванидовскій, типъ темнаго лѣса—лѣса Брынскіе, и т. п.; или: Чевылецкія плеса—самыя долги (сказуемое подлежащаго), Поднебесье—высочайшая высота, Понизовскія рѣки—величайшая быстрина, и т. п.; или: Дибирь отличается глубокими омутами, Смоленская сторона—черными грязями, и т. д., и т. д. Отсюда можемъ заключать мы, что было типовъ для творчества; и въѣсть видимъ, въ какихъ рамкахъ оно двигалось. Тѣмъ же приемомъ пѣвцы намѣчаютъ мѣстность, въ которой совершались разсказанныя событія; такъ, приступая къ описанію плаванія лодокъ и кораблей, они начинаютъ опредѣленіемъ Волги:

А вы, старички, вы послушайте,
 Что про матушку про широку про Волгу рѣку:
 Широка рѣка подъ Казань подошла,
 А пошире-подаля подъ Астрахань,
 Великъ перевозъ подъ Новымъ-Городомъ.
 (Кир., вып. 3.)

Еще яснѣе переходъ по ступенямъ въ опредѣленіи мѣстности:

Лѣсы темные,—подходили лѣса ко городу Смоленскому;
 Горы-то высокія—Сорочинскія;

XXXI

Чисты поля—подходяща ко городу ко **Овбскому**;
 Мхи да болота—ко **Бялу-озеру**;
 Рѣки-озера—ко **Синю морю**;
 Была какъ тутъ матушка **Волга рѣка**,—
 Широка и долга она,—
 Прошла она мимо **Казань, Рязань** и мимо **Астра-**
хань,
 Выпадала она устьемъ во **Синю море**,
 Въ море Синее, во **Турецкое**:
 За того ли моря, моря за **Турецкаго**... и проч.

(Въ издаваемой II ч., № 31.)

Также, заговя о прохожденіи **Добрыни** изъ **Рязани**:

Доселѣва **Рязань**—она селомъ слыла,
 А нынѣ **Рязань** слыветъ городомъ.

(Кар., вып. 2.)

Въ древнѣйшихъ заговяхъ и приговяхъ такого рода мы видимъ обыкновенно тѣмъ, принадлежащія *всему, цѣлому* міросозрѣнію творчества, *всей Руси* или же *всей тогдашней Руси*, *Кіевской стороны*, и т. п. Съ теченіемъ времени въ былинахъ выступаютъ уже частности мѣстныя, смотря потому, гдѣ нынѣ поется пѣсня: пѣвецъ, передавая событіе, какъ бы ориентируется, указываетъ намъ точку, гдѣ стоитъ онъ самъ и откуда вокругъ смотреть. Потому въ Олонецкихъ былинахъ находимъ:

Щелья-камень—въ **Сѣверной** стороны;
Самсонъ-богатырь—на **Святыхъ** на горахъ;
Мелодой Алема—въ **богомольной** стороны;
Колокольному звону—въ **Новъ-градѣ**;
Сладкіе вапетки—въ **Целердурга** городкѣ;
Сладкіе колачки—**Неволдожскіе**;
Дешевы поцѣлу—**Балозерскіе**;
А мхи были болота—въ **Поморской** стороны;
А тая эта забель—въ **Поль-сѣверной** стороны;
Гольныя щелья—въ **Бялу-озеру**;
А темныя лѣса *)—**Смоленскіе**;

*) Ошибка вместо -градей..

Широкі ворота—Чигиринскіе;
Не хороши сарафаны—по Мощь по рѣкѣ!

(Часть I.)

Или въ настоящей, издаваемой Части:

Сильные-могучіе богатыри—во Кіевѣ;
Церковное пѣнье—въ Москвѣ городѣ;
Славный звонъ—во Новѣ-городѣ;
Сладкіе поцѣлуи—Новоладжанки;
Гладкіе мхи—къ Синю-морю *) подошди;
Щельё-каменьё—въ Сѣверной сторонѣ;
Широкіе подошы—Олонецкіе;
Дубныя сарафаны—по Оверѣ по рѣкѣ;
Обо..... подошы—по Мощь по рѣкѣ;
Рипсоватыя подошы—Почезерочки;
Рядныя сарафаны—Кенозерочки;
Пучеглазыя молодки—Словожаночки;
Толстобрюшя молодки—Лексимозерочки;
Малюшальскій поць—до солдатова добрыя

(Ч. II, № 11, стр. 44.)

Здѣсь уже не только внѣшняя природа и ея мѣстные типы, но и мѣстные типы въ человѣческомъ образѣ, и одежда, и обычаи; не только одна рамка съ натянутымъ полотномъ, но и подготовленный краски. И этого мало, выдѣляются типы самихъ дѣйствующихъ лицъ: «сильные-могучіе богатыри во Кіевѣ», т. е. самые сильные и могучіе, богатыри въ собственномъ смыслѣ—богатыри Кіевомѣ, типъ богатыря — въ Кіевѣ, въ Кіевскомъ, Владиміромѣ, творчествѣ. Выступает и описаніе самихъ богатырей, сначала вышше, по мѣстности, къ которой принадлежать они или откуда происходятъ въ Кіевѣ, признакъ, отличіе богатыря типическое, но вышше: «Святогоръ (такъ слѣдуетъ исправить вышше «Самоона») на Святыхъ на горахъ, Алеша въ богомошной сторонѣ (въ Роставѣ, Ростовецѣ).» Остается ступить еще шагъ, и мы получаемъ личнаго типа самого богатыря, то представленіе и понятіе, которое въ немъ олицетворяется, ту силу, которой служить онъ представителемъ въ творчествѣ. Здѣсь пѣвецъ самъ большею частію уже устранился и вла-

*) Балтійскому?

гаетъ опредѣленія богатырей въ уста дѣйствующихъ лицъ, кого признаетъ способнымъ къ этому сужденію. Это 1., самъ народъ, составляющій себѣ такую же хорь, какъ въ греческой драмѣ. Идетъ Дунай съ товарищемъ по городу Киеву:

Дѣвки, жонки по плечь въ окно металася:
« Ише гдѣ эдаки молодцы да спброжались?»

(Кер., вып. 3.)

Или: «Взмолились за Чурилу бабы Киевскія: «Остань Чурилу хоть на сѣяна: такого, де, столыника уже не будетъ (Ч. I)!» На этотъ народный приговоръ часто ссылаются сами богатыри; на примѣръ Добрыня говоритъ объ Ильѣ (въ издаваемой Частн. № 63):

«Всѣхъ я знаю, Рукину, могоунку богатырей,

«Одного не знаю,—старога казана Илью Муромца:

«Я слыхалъ наслышкой человѣческой,

«Что у него на бою смерть не писана.»

Не чаще это слышала лица народной толпы, именно 2., Катери Перехожіе, Старцы, по самой старости опытнѣйшіе въ сужденіяхъ, лица, на которыхъ опредѣленіе можно положиться. Относивши Илью, они говорятъ ему:

«Будешь ты, Илья, великій богатырь

«И смерть твою на бою не писана:

«Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ

«И со всею паленицею удаюю;

«А столько не выходи драться

«Съ Святогоромъ богатыремъ:

«Его и земля не снесетъ черезъ силу носить;

«Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ;

«У него на головѣ семь волосъ ангельскихъ;

«Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:

«Его любитъ матушка сыра земля;

«Не ходи оше на Вольгу Сеславича;

«Онъ не силою возметъ,—

«Такъ хитростью-иудростью.»

(Ч. I, № 8.)

То же:

«Богъ тя благословитъ, Илья Муромецъ,

«Силой своей...

« Ни за что ихъ головушки въ чистоту проки... П.
 « Послать Алешеньку Поповича? — ... П.
 « Алеша Поповичъ зарывчатъ былъ, да попарилъ... П.
 « И зорветъ силу до вороты... П.
 (Ч. I, стр. 76.)

Тутъ солнышко Владиміръ, стольно-Кіевскій,
 Онъ сталъ отиравать туда*) общищиковъ,
 Его Дюковыхъ животовъ описывать:
 Онъ стараго казака Илью Муромца,
 Въ другихъ молода Добрынюшку Никитича,
 А во третьяхъ Олешу Нововича.
 « Не посылайте-ка Олешеньки Поповича, — П.
 « А его глазешечки поповскіе, — П.
 « Поповскіе глазешечки, заглядывающіе, — П.
 « А ему оттоль да видъ не вылезать, — П.
 (Ч. I, стр. 306.)

« Какого намъ послать общищика, — П.
 « Общивить животы всѣ Дюковы? — П.
 « Ежели послать сѣлаго Алешу Поповича, —
 « У его глаза за виданы въ нововиде... П.
 « Заглядятся у него глаза на Дюковы... П.
 « А ежели послать молода Чурману сына Пленкова, — П.
 « Такъ тотъ щавлевъ, не жь вавашно да имъ жь... П.
 « Надо послать грамотой востраго,
 « Нарѣчахъ разумнаго, съ гостями, почест-
 « Послать днаго некого, — П.
 « Послать молода Добрыню Никитича, — П.
 (Ч. II, стр. 174.)

Или:

« Такъ кого послать позвать его (Илью), — П.
 « Позвать его да на почестный пиръ? — П.
 « Иль послать сѣлаго Алешу Поповича? —
 « Тотъ не умъветъ, какъ позвать его, — П.

*) Въ Индію, къ Дюку.

- « То того посла не дожидать будетъ »;
 « Послать молода Чурилу сына Пленкова? »
 « Того посла не дожидаться будетъ »;
 « Онъ не умъветъ какъ позвать его »;
 « Съ того только дѣло шлацить межъ бабами »;
 « Межъ бабами и межъ дѣвками »;
 « А надо послать грамотой востраго »;
 « На рѣчахъ да разумнаго »;
 « Съ гостями почестливаго »;
 « Послать тебя, Добрыня Никитичи! »

(Тамъ же. № 63.)

(Замѣтимъ, между прочимъ, что подобныя противоположеніемъ весьма часто обрисовывается тѣмъ отрицательно, и такъ: описанъ часто Добрыня и Дунай). Все это приговоры, общіе голоса; сходки. Рѣже Б., лица отзываются такъ одно объ другомъ или говорятъ другъ другу въ глаза; во II-й, издаваемой, Части, приведенный выше отзывъ говорить Алешѣ въ глаза самъ Дюкъ или Владимиръ; извѣстны отзывы Добрыни объ Алешѣ по дѣлу съ женою, названіи сивльмъ, на сивльшникомъ женскимъ; отзывы Василья Казимировича о Добрынѣ, когда онъ бралъ его въ товарищи себѣ, и т. п. Но тѣмъ иногда замѣчательнѣе подобныя отзывы; такъ говорить Владимиръ (Ч. I, стр. 228):

- « Ты, первый Русской сильный богатырь,
 « Старый казакъ Илья Муромецъ!
 « Съзиди на ти въ Золоту Орду... »

Во II-й Части (стр. 71):

- « П е р в о й Р у с с к и й с л а в н ы й б о г а т ы р ь ,
 « Старый казакъ Илья Муромецъ!
 « Съзиди ко ты въ Золоту Орду... »

(Тамъ же стр. 80; в ъ т о р о й з д е с ь о б ы к н о в е н н о П о т ы н ь , т р е т ь и Д о б р ы н я). Или говорить Илья Дюкъ:

- « Чтò мнѣ съ тобой вхать въ чисто поле?
 « Тебѣ смерть на бою не написана. »

(Ч. I, стр. 276.)

- « Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяць:
 « Одинъ Донской казакъ на святой Руси,

«Илья Муромецъ сынъ Ивановичь?...»
 «Что мнѣ хвать въ чисто поле,
 «Когда у тебя на вою смерть не написана?»
 (Ч. II, № 28 и 30.)

Еще рѣже 6., богатыри говорятъ такъ сами о себѣ. Впрочемъ случается; Илья говоритъ о себѣ въ 3-мъ лицѣ:

«Въ Кіевѣ, государь, тридцать два богатыря:
 «Да удалъ добръ необычно есть.
 «Славенъ богатырь Илья Муромецъ.»
 (Кир., вып. 4.)

Или:

«А на вою-то мнѣ-ка смерть не писана:
 «Побѣду я въ раздольище чисто поле,
 «Поотвѣдаю я силы у цыганаго!»
 (Ч. I, стр. 68.)

Иногда и хвастаются:

Богатыри прирасхвастались
 Молодецкою удалю:
 Алешенька Поповичъ—что бороться гораздъ,
 А Добрыня Никитичъ—гораздъ его,
 А Дунай сынъ Ивановичъ—изъ лука стрѣлять.
 По той, было, и вточкѣ—во золотъ перстень.
 (Кир., вып. 3.)

Впрочемъ такое хвастовство обыкновенно дѣло лишь Дуная, и то когда онъ пьянъ (Кир. вып. 3, Рыбник. ч. I и II). Алеша, который каковъ былъ пьянъ, таковъ и трезвъ. Но замѣчательно въ высшей степени, что произносить подобныя сужденія, рѣшающія типъ лица, наше творчество считаетъ 7., преимущественно удѣломъ женщинъ и ихъ высокимъ призваніемъ. Мы видѣли выше отзывы Кіевскихъ женщинъ о Дунаѣ и Чурилѣ. Особенно же между ними отличается жена Дуная и мать Добрыни. Касательно первой прибо- дится и причина:

«Вить не долго я во Кіевѣ пожила,
 «А все я во Кіевѣ повизнала.»
 (Кир., вып. 3.)
 «А и не долго я въ городѣ побывала,
 «А много въ городѣ признала.»
 (Ч. I, стр. 184.)

Вотъ ея приговоры:

- « Нѣтъ на свѣтѣ меня стрѣльнѣе,
- « А Ильи Муромца сильнѣе...»
- « Вѣтъ Алѣша-Поповича смѣльнѣе во Кіевѣ,
- « А Добрынюша въ живѣ нѣтъ во всемъ Кіевѣ...»
- (Кир., вып. 3.)
- « Нѣтъ такого молодца на щепленьице—Добрыни Никитича *),
- « А нѣтъ на смѣлость—Алѣши Поповича...»
- « А нѣтъ-то стрѣльцовъ добрыхъ молодцевъ
- « Противъ меня...;
- « А силою, молодцевъ, ухваткою
- « Противъ стараго казака Ильи Муромца;
- « А красотою, молодцевъ, угожествомъ
- « Противъ Михайлы Потяка Иванова;
- « А богачествомъ противъ Дюка Степанова;
- « А тишиною, уговоромъ, смиреннѣе
- « Противъ молода Добрыни Никитича:
- « У него ли рѣчи привѣтливы,
- « У него ли рѣчи умильныя,
- « Онъ прельститъ и уговоритъ;
- « Нѣтъ молодцевъ походкою и-пощипкою
- « Противъ Чурилица Оспенковича:
- « Идетъ-то Чурилице по Кіеву,—
- « Дѣвки-бабы въ окошко по поясу бросаются.»

(Ч. I, стр. 184 и 193.)

Всего же болѣе отличается въ этомъ отношеніи мать Добрыни: ея приговоры — законъ для всагднй творчества. Нѣтъ ли здѣсь слѣдовъ общеславянскихъ древнихъ взглядовъ на женщину, какъ прорицательницу, вѣщую, рѣшительницу судебныхъ споровъ? Вотъ разговоръ Добрыни съ матерью:

- « Для чего, скажи, меня несчастнаго спородила,
- « Несчастнаго и незалавянаго?
- « Спородила бы ты меня, матушка,
- « Счасками въ столярно-Кіевскаго князя Владимира,

*) Ошибка вместо « Чурилицы ».

« Силою бы спородила въ старого казака Илью Муромца, »

« Снѣзостью во снѣлаго Алешу во Поповича!... »

— Чудо ты мое много!...

— Я рада бы тебя спородити

— Счастьями въ стодню-Кіевскаго князя Владимира;

— А то знаю, что есть силы

— Супротивъ старого казака Илья Муромца,

— А снѣзости есть супротивъ Алешу Поповича;

— А ты, вѣдь, Добрынюшка, во послахъ бывалъ,

— Ты, Добрынюшка, говорить гораздъ,

— Ты, Добрыня, разговаривать.... —

— Я бы рзда тебя, дятяко, спородити

— Таланомъ-участью въ Илью Муромца,

— Силою въ Святогора богатыря.

— Снѣзостью въ снѣлаго въ Алешку во Поповича,

— Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,

— Я походкою бы тебя щепливую

— Во того Чурилу во Плецковича;

— Я бы въ жествомъ въ Добрынюшку Никитича;

— Сколько ты статьи есть, а другихъ Богъ не далъ,

— Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.... —

— Есть бы знала надъ тобою невзгодушку,

— Тебя возрастомъ бы, Добрынюшку, спородила

— Во старого казака въ Илью Муромца;

— А силушкой Добрынюшку спородила

— Во славнаго Самсона во богатыря;

— Тебя бы снѣзостью, Добрынюшку, спородила

— Во снѣлаго богатыря Алешеньку Поповича;

— Красотой бы спородила Добрынюшку

— Во славнаго во князя во Владимира. —

(Ч. I. стр. 120, 120, 150.)

Теперь возвращаемся къ 5, 6 и 7-му № издаваемой II-й Части,
по поводу которыхъ мы заговорили:

— Рада бы тебя, молодецъ, спородити

— Снѣзостью въ Илью Муромца Ивановича *),

— Силою въ Самсона Колывановича,

*) Вместо « Алешу Поповича? »

— Кудрямишко Царюше Кудрямишце, да поше у днаГ
 — Повзакю во Дюка Степановича,
 — Богатствомъ во Садко Новгородскаго,
 — Рада бы я тебя спородити
 — Силою въ Самсона Самойловича,
 — Красотою во Осипа Прекраснаго,
 — Счастьемъ во стольнаго князя Владимира... —
 — Хотѣла родить тебя, добра молодца,
 — Во смѣлаго Алешу Поповича,
 — Выступкою щашить
 — Въ молада Чурилу Пленкова,
 — Силою могучеи-богатырскою
 — Во стараго казака Илью Муромца,
 — Иля дѣвьемъ конь взятъ
 — Во Псыха Михайлу Назюмича,
 — Красей-васой во Осипа Прекраснаго,
 — Имямъ емъ-богачествомъ
 — Въ моладабярину во Дюка Степановича,
 — Въ туга-лукастрѣлеть
 — Во Тугарина во Змиевича во Заморскаго... —

Правда, въ этихъ типахъ иногда какъ будто противрѣчивыя
 потери одного и того же при равныхъ лицахъ: но въ чарѣ
 дѣлать очевидна или явная ошибка пѣвца, когда на привѣрь онъ
 дѣлать принимается не Алеша, а кому либо другому; или за-
 ное соединеніе равныхъ свойствъ въ одномъ лицѣ, въ родѣ Илья,
 который, вѣроятно, совѣщаль и въ возрастѣ, и имѣл оубъ, и
 счѣтубе-таланъ, и силу. При всемъ томъ некоторые типы
 утверждаются крайне устойчиво и определенно, на привѣрь сѣла у
 Старшихъ богатырей, сила съ другими свойствами у Илья, смѣ-
 лость у Алеша, въжливость у Добрыни, щерольство
 у Чурилы, и т. п. А сколько любопытнѣйшихъ определеній, под-
 тверждающихъ сдѣланныя нами характеристика богатырей! Таки
 замѣтимъ и въ богатыи Дюкѣ отличенъ здѣсь повзакю и
 богатствомъ; Псыхъ, переходимъ, вродяга—вздѣю
 на конь; Тугаринъ сопоставленъ съ тугимъ лукомъ
 (см. «Замѣтку» при 4-мъ вын. Кирвскаго) и т. д. Одинако
 творчество влеть еще далѣе: оно обозначаетъ поладетно шѣтлькѣ

типы лицъ, но даже самихъ событий, передаваемыхъ въ былинахъ. Такъ у насъ въ № 7-мъ читаемъ слова Алеши:

- «Всякой на свѣтѣ да женится,
 «Не всякому женидба удавается;
 «Удалась женидба Дунайю Дунаевичу,
 «Да старому Ставрѣ сыну Годиновичу,
 «Да еще молодому Добрыни Никитичу!»

Это уже типъ *былины*, это чертежи и указаніе, что должна воспѣвать былина о такомъ-то лицѣ: известно, что Дунай былъ счастливъ находкой жены и, хотя не уберечь ее, но получить отъ нея дивнаго ребенка; Ставръ прославился Василисой, Добрыня Настасьей Микуличной.

Нечего и говорить, до какой степени драгоценны подобныя указанія самого творчества на его типы: это то же (и даже болѣе), что для письменной литературы *Алфавиты*, *Азбуковники*, *Перечни* (*Списки*), и т. п., для древняго права — *Кормчѣи*, для древней нашей живописи — такъ называемыя *Подлинники*. Выводы, отсюда для насъ получаемыя, безчисленны. Во первыхъ, безъ отношенія къ практической, прикладной сторонѣ науки, мы получаемъ чистый и живѣйшій интересъ къ путямъ самого народнаго искусства, къ его самосознанію внутри его самого, къ этимъ любознательнѣйшимъ признакамъ, по которымъ намъ бываетъ дорого узнать, на прищѣркъ, на лотю, доску, составъ красокъ, раму, мастерскую живописца, или у поэта узнать складъ его натуры, воспитаніе его возрастнѣй, внѣшній способъ его творчества, окружающія обстоятельства, типы, имъ изученные или руководившіе, и т. д., и т. д. — Во вторыхъ, въ сужденіяхъ о народномъ творествѣ, въ разборѣ содержанія былины, въ характеристикѣ лицъ и событий мы должны выходить постепенно изъ этого, а не какого либо другаго источника. Это то же, что *прозеище*, *эпитетъ* для Былеваго или Эпического творчества, не только въ развитіи дальнѣйшемъ, болѣе широкомъ и сознательномъ, но пути отъ творчества безсознательнаго и непосредственнаго къ посредственному, сознательному художеству, уже совершенно владѣющему самимъ собою (сравните въ приведенныхъ выше мѣстахъ сопоставленія выработанаго типа и понятія съ представленіемъ и эпитетомъ; «смѣлостью въ смѣлаго Алешу, красотой въ Осни крѣпавгаго», и т. п.). Потому, когда, на примѣръ,

ХІІІ

на основаніи мнѣнческѣхъ блужданій, намъ пастейчиво рекомендуемъ отнхія язычества и потому естественнѣе выставлять впередъ Соловья, Петьма, Дубрыню и т. п. (въ сказаніе объ нихъ преимущественно проскользають мѣтъ древности черты мнѣнческія), кто же послѣдуетъ этимъ убѣжденіямъ, — когда само творчество, самъ народъ твердитъ въ немъ, что первый Русскій богатырь времени Владимірова и періода Кіевскаго есть Илья Муромецъ, что нѣтъ выше его, что онъ являть на этой высотѣ, какъ одно солнце и одинъ мѣсяць на небѣ? И гдѣ, скажите по совѣсти, во всѣхъ этихъ тѣлахъ, неречисленнѣхъ нами въ такомъ замѣчательномъ количествѣ, можно усмотрѣть гоголево язычество, нагую мифологию, а не плоть и кровь хотя древней, хотя отдаленной, но тѣмъ не менѣе дѣйствительной жизни, со всѣми удовольствіи ея мѣста, времени и вообще исторіи, во сколько вовлечена она въ образъ творческій и въ немъ сдѣлалась высшей художественной дѣйствительностью? Мы предлагаемъ и всегда предлагаемъ послѣдователямъ здраваго смысла, во всѣхъ выволочъ держаться воардіи самого народа, отпечатлѣвшейся въ его творчествѣ: идите до самаго четвѣрнаго міра идей, но идите отсюда, съ этой грани. И мы считаемъ себя счастливыми, что съ самаго начала нашего ображенія съ народными памятниками держались неуклонно этого единственно-вѣрнаго и надежнаго пути, который съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе облегчаетъ наша дальнѣйшія изслѣдованія. — Въ третью, добросовѣстное изученіе этихъ типовъ, самихъ творчествъ названныхъ и указанныхъ, должно много способствовать ясному пониманію творчества и снимать съ него множество насаслужденныхъ невѣжественныхъ наценокъ и обличеній: сколько ихъ обличайте и ихъ резонируйте въ этомъ дѣлѣ, обличенія и резоны падаютъ на нашу же голову, и намъ же скажутъ метомни, что по безтолковости мы не поняли того и другаго въ искусствѣ, само же творчество всегда будетъ выше нашихъ глубокомысленныхъ резонерствъ, и переживетъ насъ еще вѣки вѣковъ во всей своей цвѣтущей свѣжести. Такъ, на прѣмѣръ, въ нольку мнѣнческаго воарѣнія или въ обличеніе неяснаго народнаго взгляда на оружавшую дѣйствительность, не отчетаваго различія историческихъ моментовъ, приволятъ, въ нашемъ народномъ творчествѣ мѣста, гдѣ по видимому сдѣшаны событія разнаго времени, лица Татарскаго періода живутъ вокругъ Владиміра, богатыри перекрѣшаютъ изъ мѣста въ мѣсто не какой-то картъ, неупотребительной въ нѣвѣншихъ гимназіяхъ: до

какой степени эти разсуждения старчески-туши и робочески-илуцы, судить можно только взглянуть на народные типы, и ясно можно сказать: Так на примеръ историческое лицо XII, XIII-го вѣка потому въ эпоху Владимира и въ Киевской известности, что онъ богатырь, т. е. лицо народного эпоса, а «сильные-могучие богатыри» мы видели — по народному типу «во Киевъ». Илья отъ того на дорогахъ между Муромомъ и Киевомъ перевозится черезъ Дунай или Смородану, что онъ перевозится черезъ рѣку широкую и глубокую, одолеваетъ на пути трудности, а типъ широкой-глубокой рѣки и рѣки-губительницы — въ народномъ творчествѣ Дунай, Смородана. Мы дивимся, за чѣмъ на этомъ же пути негражданность народная упоминаетъ Сибирскія Украинки: а забываемъ; что Илья, по его типу, есть богатырь-украинка, где стояла застава богатырская; а типомъ самой Дунайской Украины для известной эпохи творчества была Украина Сибирская. Мы ослухительно прощаемъ Гомеру, когда у него герой, убитый въ одной битвѣ, воскресаетъ въ другой, и, безъ отношеній къ языческой религии, ищемъ простого тому объясненія въ самомъ гомеровскомъ творчествѣ: а сохрани Боже, если воскресеть у насъ Александръ Лиховидовича, — мы въ наступленіи кричимъ: «жизнечество, жизнечество, жельтійшій мнѣ!» Отъ всего этого избавился мы тогда ильшъ; когда научился различать содержание творчества; волею въ него ильшъ действительную, отъ жизни самого творчества въ себя самомъ; отъ приемы въ немъ самомъ выработанныхъ, отъ типовъ въ немъ установленныхъ, и начинаю съ этой вышней точки «визначнаго» себя искусства различить обратнъ и въ глубь «бѣды» ступеней жизненныхъ, отъ жизни обыденной въ ея вышности до жизни ильшъ, отъ безсмысленности положительной исторіи до действительности жизни внутренней, не только личной, но и народной, и общечеловѣческой, творившейся постепенно въ доисторическое время.

Ильшъ № 9-мъ Добрыня находитъ совершенно въ томъ же полеміи, какъ Аникъ Вонякъ: та же прерѣчка Смородану и та же смерть. Это не значить однако, что едва ли Сибирскія Украинки или Добрыня занималъ мѣсто, подобающее Аникъ; каждый изъ Киевскихъ Владиміровыхъ богатырей, за исключеніемъ развѣ Ильи, необязательнаго, и потому исчезнушаго или окаменѣшаго, могъ занять это мѣсто, а во всемъ изъ постигнутой равной участію полюбилъ,

новали Кіевского періода. Великі прикраси ще і зображаєтесь як: булави і рясні, смотря по лицамъ: утѣ: Следи шестрної, оги Волжана или Чудища, и т. п., то: виною — перебытная сила и снискости творчества; это лишь разнообразіе творчества, разный образъ: божественности сущности. Тотъ же образъ, въ дѣлѣтійшомъ своемъ развитіи, теряя свои разнообразіе оттѣнки и при переходѣ въ божественному мѣстности, является Смертью: искусство удержало права свои лишь въ томъ, что образъ жизни, Смерть: является сущностью жизни; не улетучиваясь въ понятие овлеченное, не сходя до предельнаго явленія природы. Поэтому повторимъ, все богатство: Кіевское Владиміровы; а следовательно и Добрыни, при концѣ ихъ періода, ищутъ правы на одинаковъ мѣсто въ быліи о встрече съ Смертью и не удивимся, если найдемъ подобнаго еще быліи о: Потыль; Динилъ, Чуриль и т. п. На оборотъ, если разобраемъ этой быліи бытъ лица или или подставное, то это А и К и при концѣ: Украинского періода творчества: онъ собралъ въ себя черты: всехъ богатствъ, принадлежавшихъ туда, въ себя соединилъ: въ, и въ: всю жизнь пошелъ: дѣло Смерти и собою однимъ выразилъ, что: можно было сказать о: каждомъ порознь и обо: всехъ вместе. Только съ этой абсолютней точки зрѣнія творчество: закрывало, быліи: принадлежавши на лицомъ и именомъ А и К и. Однимъ словомъ: когда въ этой быліи является Добрыня или какой либо: другой: однородный: богатствъ, то это для творчества: лица, истории: могутъ: снискаться: въ: творчество: но когда здесь Аника, то это уже: жизнь: шестрніи: бѣтавшійся въ творчество: и: несколько: помысла, при: выключеніи: одного: и: его: періодовъ: тнѣ: съ: чертами, овлеченными: ею, вслѣдствіи: лица. Новую: напечатанной: быліи: подтверждаетъ: воззрѣніи: о: снисканія: имени въ «Заняткѣ» при 4-мъ выпускѣ Пѣсень Кирвеевскаго.

Рѣшати: скажемъ: здесь о № 48-мъ, где: въ: тойже: самой: быліи: является: тнѣтское: лицо: ей — А и К и. Она: распадается: на: две: равныя: и: совершенно: одинаковыя: половины; такъ: точно: откакъ: къ: раздѣлаю: М. П. Погодинъ; который: привелъ: къ: «Заняткѣ»: къ: 4-му: выпускѣ: Пѣсень: Кирвеевскаго: одна: —: встреча: съ: С. Л. М. К. (а: въ: ней: съ: Землею); другая: —: со: С. И. К. Р. Г. Ю. Но: это: означеніе: одинаково: лишь: для: нашего, народнѣйшаго: и: отиличеннаго: взгляда; для: нашего: изученія, съ: научной: точки: зрѣнія. Въ: творчество: эти: два: образа: разнятся, и: различіе: не: даромъ: Сума, видѣвшая: землю:

выражавшая Зензю и Земщину, принесла гибель богатырям: Сгнати и вѣдѣтѣ, которые предшествовали сложившемуся Русскому народу и при наступлении нового порядка вещей нашли себя въ немъ смертью; образъ этотъ нѣсколько предшествуетъ въ творчествѣ, и былъ бы, съ ними соединенные, или же частіи были бы, непременно первобытные по своему происхожденію. На оборотъ, онъ уже не годился для богатырей Кіевскихъ и Владиміровыхъ, ибо они сами пошли отъ Зензи и въ ней почерпнули себѣ жизнь и силу дѣятельности: нѣтъ губить силы другого вида и образа, нѣсколько позднее наступившаго въ творчествѣ, именно Сила позитивная, какою либо Чудище, наконецъ Смерть въ собственномъ своемъ видѣ. Занятье здѣсь противоположеніе, весьма тонко проведенное въ творчествѣ: тамъ Сумя, или Земля въ творческомъ образѣ, приводятъ Старшихъ богатырей въ смерти, къ умиранию, какъ дальнѣйшую природу и дѣятельности, концу дѣйствіи жизни: здѣсь, на оборотъ, Смерть въ творческомъ образѣ, какъ существо живое, изъ запятой сумы своей вынимаетъ на богатырей пламя и сводитъ ихъ въ землю, въ могилу, въ прахъ и пепелъ дѣйствительный, матеріальный, природный. Ясно, что первый образъ старше по своему началу и происхожденію въ творчествѣ, положительнѣе, свѣжѣе, образнѣе, послѣдній отрицательнѣе, ибо выработана уже изъ отвлеченнаго и отрицательнаго понятія смерти. Но Анника, лицо и видъ, говоритъ мы, подставное, сводное, типическое, совмѣстять въ своей исторіи и судьбу Старшихъ богатырей, и Кіевскихъ—Владиміровыхъ: потому онъ гибнетъ дважды; и отъ Сумы—Земли и отъ Чудища—Смерти. Весьма вѣрно, что Смерть сама ему рассказываетъ, какъ погубила прежде него многихъ Старшихъ богатырей, Святогора, Самодѣя, Соловья, и т. д.: она погубила ихъ—въ творчествѣ—подъ образомъ Сумы или Земли. Другихъ, Кіевскихъ и Владиміровыхъ, погубила она подъ образами другими и подъ образомъ собственнымъ, Аннику же погубила она подъ образами того и другого вида. Мы очень рады, что при этомъ случаѣ нѣсколько разъяснили весьма важное различіе въ творчествѣ между лицомъ (иногда и предметомъ, который въ творчествѣ обыкновенно явленъ) и тѣмъ, что съ греческаго названо тминомъ: и лицо въ творчествѣ имѣетъ образъ, но то образъ личный и частный; образъ тмическій, какъ въ себѣ, есть ступень дальнѣйшая, ибо ему соответствуетъ лицо или ина типическое, всеобщее, на всегда существующее въ додоказательной

дѣйствительности, всегда возможное въ творчествѣ и дѣйствительности творческой. Такъ мы справедливо заподозрили дѣйствительное существованіе Аники, но признаемъ его дѣйствительность въ творчествѣ, какъ типа, какъ совмѣщенія образовъ и чертъ богатырей предшествовавшихъ; Сума — творческій образъ Земли (земля обыкновенно представляется вложенною въ суму) и частное прииѣненіе ея къ смерти Старшихъ богатырей: настоящій типическій образъ, позднѣе выработавшійся въ творчествѣ, есть Смерть, совмѣстившая въ себѣ и суму (она за плечами), и землю (могилу), и «силу нездѣшную», и черты «Чуда», и т. д., а въ своей дѣятельности, послужившей содержаніемъ былеваго разсказа, погубившая равно всѣхъ, и Старшихъ, и Кіевскихъ богатырей, и само типическое лицо Аники.

Въ № 40, 41 и 65-мъ намъ нужно бы объяснить Тараканчика Корабликова, Тараканника Каранцигова: но такъ какъ здѣсь необходимо объясненіе самого имени и приемовъ былеваго языка, то это сдѣлаемъ мы ниже, во 2-мъ отдѣлѣ Заѣтки.

Превосходныя и пространныя былины о Потыкѣ и Ставрѣ съ Василіемъ не заключаютъ однако какихъ либо особенныхъ данныхъ, требующихъ нашего объясненія послѣ того, что было уже говорено нами прежде о значеніи этихъ образовъ въ творчествѣ.

Въ былинахъ о Чурилѣ, въ дополненіе прежнихъ нашихъ соображеній, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія подробности: Чурило изъ подошвъ «гвоздики» серебряны вырываетъ, самыя подошвы или сандалинъ были конечно золотыя; потому, какъ съ Катериною игралъ онъ, какъ она не могла выдерживать его присутствія съ глазу на глазъ и какъ неодолимая сила размаривала ее на кровать. Историческое или, лучше, бытовое значеніе Чурилы, какъ героя Кіевского, мы можемъ еще дополнить свѣдѣніемъ, которое, не знаемъ впрочемъ — откуда, сообщаетъ К. С. Аксаковъ въ «Сочиненіяхъ», т. I, стр. 336): «мѣсто близъ Кіева, и въ позднѣйшія времена, называлось Чуриловщиною (не это ли «Малый Кіевецъ?»).» — Что

касается до его ипостаскаго происхожденія или, прикляните: до значенія дѣда его—*Чура*, то здѣсь очень важны слѣдующія данныя. Въ показаніяхъ о древнихъ божествахъ у Западныхъ Славянъ, преимущественно Балтійскихъ, въ памятникахъ писанныхъ по Латини, не разъ упоминается *Сатурнъ*, *Saturnus*, равняющійся, какъ извѣстно, Кроносу и нашему Сварожичу—Дажбогу. Между ижесть Славянскихъ, соответствующихъ этому названію, извѣстно слово *Крътъ*, *Къртъ*, *Krt*, весьма распространенное; это то же, что извѣстный намъ *Чуръ*, только въ его древнѣйшемъ, еще божескомъ значеніи, въ тождествѣ со Сварожичемъ, каковъ былъ ижегда и Гермесъ, Меркурій. На второй ступени, въ переходѣ къ значенію демоническому, является Чешское *Плевнѣль*, *Пливнѣль* (*Plevník, Plivník*), которое Славянскіе филологи совершенно справедливо сравниваютъ со словами *пльнь*, *пѣлонъ* и *полѣнь*, польск. *plon*, и проч., и которымъ означается существо нѣсколько низшее, демоническое (напр. огненный Змѣй). Память объ этой ступени сохранилась у насъ въ томъ, что Чурилатѣ творчество даетъ отцемъ *Пльна*, *Пльнка* или *Пленка Суроженина* (по происхожденію отъ *Сурожа*, *Сварожа*). Ступенью третьею, въ значеніи божескомъ и мнѣологическомъ, является уже в н у к ѣ *Кръта* или Сварожича: по Латини его называли *Mercurius*, Меркурій, по Славянски *Радигастъ* или *Радигость*. Особенно важны здѣсь глоссы Чеха В д а ц е р а д а, который говоритъ прямо: «Mercurius—Radibost *шнукъ* Къртовъ,» «Меркурій—Радигость, *шнукъ* Къртовъ.» Радигастъ или Радигость, *радіющій гостямъ*, въ всякаго сомнѣнія былъ богъ гостей, гостьбы или торговли, каковъ былъ позднѣе и Гермесъ, внукъ Кроноса, и Меркурій (конечно—*merc*, товаръ, *mercari*, торговать, и т. д.), внукъ Сатурновъ. У Балтійскихъ Славянъ, преданныхъ обширной торговлѣ, этотъ богъ былъ въ большомъ почтеніи, со всякъ богослуженіемъ: по Гельмольду въ землѣ Бодричей, по Адаму Бременскому глава божествъ въ Ретрѣ, гдѣ былъ у него большой храмъ. Съ такой высоты *Чурило*, какъ потомокъ *Чура*, какъ богатырь Кіевскаго періода, спустился конечно очень низко: но мы замѣчали уже, какъ даже въ богатырскомъ его образѣ просвѣчиваютъ многіе слѣды значенія древнѣйшаго. Потому—то въ былинахъ является онъ сыномъ *гостя* и самъ *гость*, радушно принимаетъ у себя многочисленныхъ *гостей* изъ Кіева, *угощаетъ* ихъ на диво, въ Кіевѣ служитъ позовщикомъ *гостей*, и т. д., и т. д. Фактическія подробности о *Крътѣ*,

еще не исчерпавший; манить своею дьяволом, суметь иного побить, неизведанных преледей: пьян говорит. Не наговорится объ этомъ Дюковомъ ильнѣ богатствѣ, объ этихъ запасныхъ силахъ, сокровищахъ; они кажутся и лучше, и обильнѣе, и надежнѣе тѣхъ, къ которымъ въ Киевѣ привыкъ уже глазъ, присмотрѣясь творчеству эпохи Владиміровой. Такъ и ждешь былинны, когда Чурлако, артыкомъ плодомъ Киевской жизни, отпадетъ отъ нея, отодѣнется какими либо чудовищныи или смертно: да такую былинну мы и знаемъ уже, да Чурлако убить Ермаку, поглотивъ Паркѣ-великадомъ. А дѣлать еще за этимъ другой половины, когда былина расскажетъ, какъ Чурлаку отыскалъ Дюкъ во Киевѣ, обновилъ старыи образъ новыи обрѣжками. Чертами: Дюкъ и прибылъ въ Киевъ, пришло население, образованное Малую Русь. Но былинны не дождалась мы: Русь, занимавшая Киевскую область, ушла изъ нея съ своимъ творчествомъ въ другіе края и не нашла возможности передать того, что совершалось безъ нея на прежнемъ ея почвѣ; а преемница ея, съ первыхъ минутъ новой жизни вынужденная къ казачеству, отдалась вслѣдъ тѣмъ, среди тревогъ ея не имѣя силъ въ времени поддерживать въ своемъ творчествѣ типы жизни вышедшей или подтагивать старую пѣсню, уходившую съ поля Киевскихъ въ лоно Великой Руси и толькѣ отбывавшуюся въ постепенномъ отдаленіи смутнымъ гуломъ.

Въ № 31-мъ замѣчательно, какъ Соловей и Будиміровъ чреватѣ корабельщинами шупать на днѣ моря, искать шупалами золота и другихъ сокровищъ: творческій образъ богатствъ, добываемыхъ шоркою торговлей и вѣроятно бытъ намеку на янтарь, камень-Алатырь, на Алатырь-море—Балтійскомъ.

Побывальщина подъ № 54-мъ, о Дворяниинѣ. Въ описанномъ Молодцѣ, находить себѣ дополненія въ изданномъ недавно VI-мъ выпускѣ Сказокъ г. Афанасьева, гдѣ подъ № 60-мъ, въ Сказкѣ или, вѣрнѣе, танкѣ въ Побывальщинѣ, встрѣчаешь тотъ же самый рассказъ, и дѣйствующее лицо носитъ имя Данило. Безсмысленны и Дворяниинѣ. Нѣкогда въ Москвитинѣ въ 1856 году (№ 7 и 8), въ статьѣ о Слободѣ Давида Заточника, объясняя первоначальный составъ приречения въ XII вѣкѣ, перну въ XIII-мъ и наконецъ совершенное искаженіе послѣдующими вставками; мы для объясненія сегого вида, столь замѣчательнаго въ

древности, воспользовался найденною въ бумагах покойнаго К. О. Калайдовича старинною поговоркою: «какъ Данило Безсчастный не заслужилъ ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго;» а нужно замѣтить, что слово *Безсчастный* совершенно соответствуетъ слову *Заточникъ* или *Заточеникъ*, какъ народъ нашъ и доселѣ называетъ заключенниковъ, арестантовъ, «несчастливыми» и «безсчастливыми.» Данило же Заточникъ, по смыслу его посланія къ князю, жалуется именно на то, что не выслужилъ хлѣба мягкаго и слова гладкаго. Въ нашей Побывальщинѣ та же жалоба князю: «Я служу тебѣ двадцать пять годовъ, а не выслужилъ ни слова гладкаго, ни перины мягкия, ни какого чина, ни новышенія, ни себѣ жалованья;» въ сказкѣ г. Аванасьева, подъ № 60-мъ, читаемъ, что князь Данилъ все «въ горбъ да въ горбъ; придетъ большой праздникъ, кому награда, а ему все ничего;» подъ № 61-мъ: «ни въ чемъ ему счастья не было; самый царь на него распрогнѣвался и выгналъ изъ своего дому; съ той поры и прозвали его Несчастливымъ;» наконецъ дошелъ онъ до такой бѣдности, что не имѣлъ у себя даже новой одежды.» Ясно, что какъ имя Данилы Безсчастнаго, такъ и поговорка о немъ, равно пристойны и равно относятся къ герою Владиміровой эпохи, въ Побывальщинѣ, и къ знаменитому герою Слова; прозвище *Дворянина*, принятое въ Побывальщинѣ, также точно принадлежитъ, и даже еще болѣе, послѣднему; положеніе обрухъ относительно князя, именно лишенія и изгнанія, совершенно одинаковы; наконецъ певинныя страданія изъ за женщины, описанныя въ Побывальщинѣ, даютъ себя замѣтить и въ Словѣ, какъ давно замѣтилъ С. П. Шевыревъ, нападеніями на женщину вообще, подавшими поводъ къ позднѣйшимъ многочисленнымъ вставкамъ въ Слово изъ сочиненій «О злыхъ женахъ.» Даже языкъ Побывальщинѣ, разложившійся изъ Былеваго стиха и обратившійся въ прозу, близокъ къ языку Слова (тамъ, гдѣ древнѣйшая основа Слова и данныя о самомъ Данилѣ). Воспользовался ли писатель позднѣйшей эпохи творческими разсказами о лобопытной и—по страданіямъ—сочувственной судьбѣ давяго героя изъ времени былаго, чтобы сочинить посланіе отъ лица Данила, примѣнительное къ дѣйствительности окружающей, къ позднѣйшей эпохѣ и современному для писателя князю; или, скорѣе, здѣсь повторилось въ дѣйствительности и *конкретно* лицо, положеніе лица и событіе, имѣвшее прежде того мѣсто не столько въ дѣйствительности положительной, сколько въ *творческой*, въ *идеалѣ*,

народъ же нашъ, въ остаткахъ творчества, до нншъ уцѣлѣвшихъ, соединяетъ въ той и другой области черты въ одинъ типъ Даниила Безсчастнаго: какъ бы то ни было, но при имени Даниила Безсчастнаго мы выигрываемъ, если не для действительности исторической, то для области творчества, сравнительно съ XII-мъ и XIII-мъ вѣкомъ ступень высшую, и переходимъ въ Кіевъ, во Владиміру. Въ нашей Побывальщинѣ мы имѣемъ только двѣ данныя для этой эпохи, Кіевъ и Владиміра; въ одной изъ пѣсень, помѣщенныхъ во 2-мъ выпускѣ Кирѣевскаго, мы отмѣтили еще особенность, что Добрыня, постигнутый несчастіемъ изъ за жены, принимаетъ имя скomorоха (сказателя) Д а н и л а З а м о р ѣ н н а , т. е., можно объяснить, «заморѣнаго,» загнаннаго, заточника; и шлоя, описывая его службу у дяди Владиміра, вставляетъ знакомое намъ выраженіе: «былъ-жилъ Добрыня у дядюшки, не выжилъ Добрыня слова гладкаго, не выжилъ Добрыня хлѣба мягкаго;» Сказки же в Побывальщинѣ у г. Аванасьева, подл № № 56, 60 и 61-мъ, дополняютъ еще эпоху Владимірову некоторыми подробностями, какъ на примѣръ именемъ А л е ш и П о ц о в и ч а , известнаго «часитинника женскаго,» который здѣсь занимаетъ мѣсто нашего Ф е д ѣ к и Н а с м ѣ ш н и к а . Прочтемъ у г. Аванасьева (№ 60): «Во геродѣ Кіевѣ, у нашего князя Владиміра, много слугъ и крестьянъ, да былъ при немъ Д а н и л о Б е з с ч а с т н ы й Д в о р я н и н ѣ (слѣдуетъ описаніе его лишеній)... Наканунъ было Свѣтлаго Воскресенія, во Страстную субботу, зоветъ Владиміръ князь Даниила Безсчастнаго, отдастъ ему на руки сорокъ сороковъ соболей, велитъ къ празнику шубу сшить; соболей не дѣлать, пуговицы не лѣпить, петли не вить; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ вѣтрѣй зашивать, въ петляхъ заморскихъ птицъ зашивать *). Опустился Данилъ Безсчастному работа, бросилъ, пошелъ за ворота, пошелъ на путемъ на дорогю, и слезно плачетъ. Идетъ ему на встрѣчу старая старуха: «Мотри, Данило, не распороть бы тѣ брюха **)! О чѣмъ ты,

*) Издатель исправляетъ ошибочно: «сшивать, смшивать.» Конечно, такъ по нашему современному понятію; но у народа выработалось воззрѣніе, что лѣвы, вѣтри, искусно вышитыя, залиты въ пуговицы, могутъ выскакивать оттуда и резать; птички, вышитыя, зашиты, остаются лѣвы, могутъ встрепенуться и запыть. Такъ и объясняется дѣло въ известнахъ былинахъ о Дикѣ Степановичѣ: такъ и ниже, въ самой этой сказкѣ или побывальщинѣ.

**) Здѣсь конечно пропущена строчка, въ родѣ такой: «Здравствуй, Данило Б! — Отойда прочь, старуха, зашатаю брюхо! — Ср. ниже такую же встрѣчу съ Алейей.

Безсчастный, плачешь?» — Ахъ ты старая пузырьница, пузырьрёмъ заплачена, лихорадкой подхвачена! Поди прочь, мнѣ не до тебя! — Отошелъ немного и думаетъ: — За чѣмъ я ее разобралъ! — Сталъ къ ней подходить и такія рѣчи говорить: — Бабушка голубушка! Прости меня. Вотъ мое горе: далъ мнѣ Владиміръ князь сорокъ сороковъ недѣланныхъ соболей, чтобъ завтра шуба посѣла, были бы часты пуговицы литыя, шелковыя петли витыя, въ пуговицахъ были бы лвы золотыя, а въ петляхъ были бы птицы заморскія завитыя, тѣ бы распѣвали. А гдѣ мнѣ того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать! — Говорить ему старуха, заплатано брюхо, — и прочее: доселѣ близко сходно съ нашей Побывальщиной. Но далѣе разнища. По наученію старухи, Данило на берегу сина моря, у сыра дуба, выждалъ Чудо-Юдо, схватилъ его за бороду, принудилъ дать Лебедь-птицу, красную дѣвицу. За обѣщаніе взять за мужъ, она строитъ ему домъ, двѣнадцатью молодцами изготовляетъ шубу «и будитъ Данилу Безсчастнаго: «Вставай, милой другъ! Шуба готова, а въ городѣ Кіевѣ у князя Владиміра слышенъ благовѣсть: время тебѣ подняться, къ заутренѣ убраться.» Данило всталъ, надѣлъ шубу и пошелъ. Она глянула въ окошечко, остановила, дала ему серебряную трость и наказываетъ: «Какъ выйдешь отъ заутрени, ударь ею въ грудь: весело птицы запоютъ (разнорѣчіе: «Стань на правомъ крылосѣ; на отходѣ заутрени свои руки подыми, по соболей шубѣ поведи: весело птицы запоютъ...»), грозно лвы заревутъ. Ты сымай шубу съ своихъ плечъ да уряди князя Владиміра въ тотъ часъ, не забывай бы онъ насъ. Станетъ онъ тебя въ гости звать, станетъ чару вина подавать, — не пей чару до дна; а выпьешь до дна, не увидишь добра. Да не хвались ты мною.... Данило взял трость и отправился; она опять его воротила, подаетъ ему три яичка, два серебряныя, одно золотое, и говоритъ: «Серебряными похристосуйся со княземъ, со княгинею, а золотымъ — съ кѣмъ тебѣ вѣкъ прожить.» Распростился съ ней Данило Безсчастный и пошелъ къ заутренѣ. Все люди удивляются: «Вотъ Данило Безсчастный какъ въ шубу посѣла у него къ празднику!» После заутрени подходитъ онъ ко князю со княгинею, началъ христосоваться, и вынулъ нечаянно золотое яйцо. Увидалъ это Алѣша Поповичъ, бабій перемѣшникъ. Стали расходиться изъ церкви, Данило Безсчастный

(*) Конечно: «и тѣмъ бы.»

ударилъ себя въ грудь серебряной флютой, — стащи запыль, звыи заревѣли, все удивляются, на Данилу глядятъ.» Алеша, перерядившись «нищимъ каменномъ», выпросилъ у него золотое яйцо. Позвали ко Владимиру. «Данило вьянъ напивасуря, съ вьяну женой похваляется; Алѣша Поповичъ, бабѣй пересемѣиникъ; оталь на пару явастався, что онъ знаеть Данилину жену! А Данило говоритъ: «—Кощи ты знаешь мою жену, — май рубить голову, а коли не знаешь, — тебе рубить голову! — Пошелъ Алѣша куда глаза глядятъ, идеть да выичеть. Попадается ему на встрѣчу старая старуха: «О чѣмъ ты плачешь, Алѣша Поповичъ? — Отобди!» старуха-пузырица! Мидъ нече тебе. — «Ладно же, пригожусь и н тебе!» Вотъ онъ началъ ее спрашивать...» Старуха научила, какъ чучести у Лебеди-птичку! Алѣша прилѣсь ее и показалъ Данилу. «—Ну, Владимиръ! князь, говоритъ Данило Б.: вижу теперь, что надо рубить мою голову. Неволя мнѣ домой сходить да съ женой простаться. —» Отсюда совершенно другое, чѣмъ въ нашей Побывальщинѣ. «Вотъ приходитъ домой: — Ахъ, Лебедь-птица, красная-дѣвица! Чтѣ и надьярль съ вьяну, тобой похвалялся, овоай жизни ливилъ!» — «Все знаю, Данило Бес-счастный! Подя зови къ себѣ въ гости и князя со княгинюю, и всехъ горожанъ. А станетъ князь отъзваться на пыль да на грядъ, — нынъ, де, пути недобрые, сивѣ море некомыхалъся, топи зыблии отырлией, — ты скажи ему: — Не бойся, Владимиръ князь: черезъ топи черезъ рѣки строены мосты жалиновые, переводны дубовыя; устланы мосты сукнами багровыми, а убиты все звездами полужомаири; у добра молодца сапогъ не запылятся, у того коня копыта не замароются! —» Такъ и съзлалъ Данило, а Лебедь устроила путь, прельстала повѣздъ, какъ прельщала Васялиса Премудраа Морского Царя съ его слугами, — рѣкою пива, меда, вина, и т. п.; большая часть повѣзда свалилась на дорогѣ. Прибхавше въ домъ князь со княгинюю, Алѣша и Данило; ждуть — не дождутся выхода Лебеди къ гостямъ; а Алѣша прачовариваетъ: «Еслибы это сдѣлала моя жена, и бы ее научилъ мужа слушаться!» Лебедь и сдѣлала: «остаимся тобти въ болотѣ на кочкахъ, по одну сторону море, по другую море, по третью нехъ, по четвертую охъ!» Въ этой Побывальщинѣ еще болѣе подробностей, чѣмъ въ нашей, изъ эпохи Владиміровой: сравняе описаніе одежды и устроеннаго пути какъ у Дюка Стевановича; самая рѣчь во многихъ мѣстахъ явно — разложившійся стихъ Былины. Но съ другой стороны кругозоръ Былины, Кіевскаго творчества и Владиміровой эпохи зна-

чительно раздвинуть: является Лебедь—известная намъ Василиса Премудрая, Чудо-Юдо—отецъ ея Морской царь, Престарѣлая Женщина—Бабка (отсюда и объясняется двойственный характеръ старухи: она помогаетъ Даниль, выставлена у насъ матерью дѣвцы), и дѣйствуетъ противъ — научая Алешу или Оедьку Насмѣшника, подобно какъ Яга-баба то помогаетъ Ивану-богатырю, то вредить); и дѣйствія Лебеди, исполненіе уроковъ за жениха, постройка дома, оболышенія приманками пути для преслѣдующихъ, наконецъ знаменитое явленіе, сдѣлавшееся здѣсь воскресенскимъ, для христосованья, а по давнему воззрѣнію заключающее тайну любви и связи съ Василисою, — все это восходитъ далеко за предѣлы Владимірова времени, историческаго начала народа и первыхъ шаговъ зачатойся Былины, вводя насъ въ эпоху доисторическую, въ міръ Сказки, въ отношенія Василисы къ представителю Русскаго челоѵка. — Другая Сказка у г. Аонасьева, № 64, или, скорѣе, тоже Побывальщина, по некоторымъ подробностямъ еще ближе къ нашей, по другимъ еще рѣшительнѣе вступаетъ въ область доисторическую: вѣтъ еще ни Владиміра, ни Кіева; вмѣсто Лебеди — Елѣя Прекрасная, известная намъ старшая (энергическая, грозная) половина Василисы Премудрой; вмѣсто Данилы — Василій царевичъ, у брата царя въ угнетеніи, забытый, какъ обычный въ сказкахъ Царевичъ Иванъ. Его несчастное положеніе и изгнаніе изъ дому переданы выше словами самой Побывальщины. Она продолжаетъ: «Приходитъ праздникъ—Христовъ день. Наканунѣ того дня ходитъ весь народъ царя поздравлять, а царь для того праздника даритъ кого деньгами, кого чѣмъ. Вотъ въ самую таки Страстную субботу шелъ Василій царевичъ куда-то по улицѣ, и попадаетъ ему на встрѣчу Бабка Голубая Шапка и говоритъ: «Здравствуй, Василій царевичъ! Чѣмъ ходишь не весель, чѣмъ головушку повѣсилъ?» А онъ ей въ отвѣтъ:—Ахъ, Бабка Голубая Шапка! Какъ мнѣ быть радостному? Приходитъ эдакой праздникъ, все имѣють хорошую одежду, а я, царской братья, не имѣю ничего, даже разговѣться нечѣмъ. —» Бабка научила его попросить подарка у брата: тотъ подарилъ известную шубу съ урокомъ; царевичъ горюетъ, встрѣчаетъ опять Бабку и пересказываетъ: «—Ой, Бабка Голубая Шапка! Подарилъ мнѣ братъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей, чистаго золота на пуговицы и зеленого шелку на петелки, велѣлъ сшить къ Христовской заутренѣ

шубу, и чтобы въ каждой пуговицѣ райскія птички: павлин и коты земорскіе: журавли! — Баба отводитъ его во дворецъ Елены Прекрасной (этотъ объясняется торжественность и таинственность, съ какою у насъ вводитъ Престарѣлая Желшнина Дворянина въ повѣсть: еслибы то была ея дочь, не нужно бы ничего такого). Власть ея исправилась; она почитала его женихомъ своимъ (она соответствуетъ истинной боярыньѣ, Богатырь—Дѣвцѣ, Настасья, сестрѣ Василисы и ея полюбившій: та, вспомните, вынимаетъ Добрыню изъ кармана, выбрасываетъ себя женихомъ). Начинается исполненіе уроковъ: шуба сшита благодаря брату Елены, Я сном у Сѣколу. «Она тотчасъ приказала заложить въ повозку лошадей, чтобы ѣхать къ завтрашнему. Передъ отъездомъ отдала ему три яичка: «Первыя яичкомъ похристовоюся съ протопопомъ, второе отдай брату, а третье тому, кто тебѣ больше милъ; а въ церкву войдешь,—становись впереди своего брата роднаго.» Такъ и сдѣлалъ царевичъ съ двумя первыми яичками. «Выходитъ онъ изъ церкви, попадается ему Алѣша Поповичъ (черта эпохи Владиміровой): «Христосъ воскресъ, Василій царевичь!» — Во истину воскресъ! — Пристасть Алѣша Поповичъ: «Давай яичко?» — Нѣтъ у меня, — отвѣчаетъ Василій царевичъ. Пришелъ домой, похристовоюся съ Еленой Прекрасной и отдалъ ей третье яичко. Она говоритъ: «Ну, Василій царевичь! А я не думала, чтобы ты мнѣ оставилъ яичко: теперь я согласна выйти за тебя за мужъ.» Здѣсь, какъ въ нашей Побывальщинѣ, горой себя выдержалъ, а за то не наказанъ, какъ въ предыдущемъ разсказѣ. Но, послѣ свадьбы, онъ расхвастался на пару у моря. — Идетъ къ нему братъ и спрашиваетъ: «Ты, братецъ, что сидишь — ничѣмъ не похваляешься?» — Да чѣмъ похваляюсь я? — говоритъ Василій царевичъ. «Ну хоть тѣмъ похвалясь, что жена у тебя хорошая?» — Да, правда твоя, братецъ: жена у меня хорошая! — Вдругъ подбѣгаетъ къ Василью царевичу Алѣша Поповичъ и говоритъ: «Ну, ужъ хороша: я съ нею безъ тебя ночь спалъ (въ быльяхъ Алѣша хвастаетъ тѣмъ не разъ и передъ другими богатырями)!» Тутъ всѣ гости сказали: «Если ты спалъ съ нею, такъ ноги же — съ нею вымарься въ банѣ и принеси мыльное ея кольцо? тогда мы повѣримъ; а не принеешь кольца, поведемъ тебя на висѣлицу.» Алѣша идетъ и груститъ, встрѣчаетъ Бабку, та помогаетъ. «Приходить они къ дому Елены Прекрасной. Бабка Г. Шапка Алѣшу Поповича оставляетъ за воротами, а сама подѣзала въ подворотню; взяла въ сѣни,

глядь — а перетень иминой тутъ на лавкѣ лежитъ... Сохватила старая это кольцо, отдала его Алѣшѣ П., да велѣла ему сойти на рѣку, намочить водой голову, будто въ банѣ былъ. Онъ то и сдѣлалъ. Приходить къ царю во дворъ, показываетъ всеѣмъ иминое кольцо. Василій царевичъ крѣпко огорчился, тотчасъ поѣхалъ домой и продалъ Елену Прекрасную купцамъ за сто рублей. Въ городъ, куда увезена Елена Прекрасная, померъ царь, и поэтому былъ кличъ, чтобы все сходились въ тотъ городъ выбирать царя. А царей у нихъ выбирали такъ: кто войдетъ въ церковь со свѣчкой и коли свѣча сама затеплится, тому и царемъ быть. Все перепробовали свое счастье, свѣча ни у кого не затеплилась. Елена Пр. услыхала про то и думаетъ себѣ: «Дай я пойду, попробую своего счастья.» Одѣвается она въ мужскую одежду, беретъ въ руки свѣчу и идетъ въ церковь: только вошла въ церковь, у ней тотчасъ свѣча и затеплилась. Все обрадовались и посадили ее на царство.» Эти послѣднія обстоятельства, одинаковыя съ разсказомъ нашей Побывальщины, встрѣчаются въ сотнѣ Сказокъ примѣнительно къ Ивану царевичу или, какъ мы приняты называть, Ивану Русскому богатырю: они означаютъ вообще торжество, къ которому выходитъ представитель Русскаго человѣка послѣ пути тяжкихъ испытаній. Остается развязка Побывальщины. «Стала она царствовать и не забыла распровѣдать о своемъ мужѣ Васильѣ царевичѣ, гдѣ онъ и какъ поживаетъ. Узнала, что онъ крѣпко по ней скучаетъ, и послала за нимъ пословъ. Вотъ, когда онъ прѣехалъ да разсказалъ, какъ и что было, Елена Пр. догадалась, кто были виновники ихняго горя, и помирилась съ мужемъ. Послали они за Алѣшой П., и онъ во всемъ имъ сознался, что кольцо отдала ему Бабка Г. Шапка, а онъ наказывалъ у царя на Елену Пр. нарочно, потому, де, что христосовался онъ съ Васильемъ царевичемъ да просилъ у него яичко, а царевичъ ему не далъ. Послали и за Бабкой Г. Шапкою; когда ее привезли, тотчасъ начали допрашивать: за чѣмъ она украла у Елены Пр. иминое кольцо? — За тѣмъ, — сказала, — что ты, Елена Пр., хотѣла меня поить-кормить три года, да не исполнила (это древнее начало, нѣкогда сопровождавшее, какъ знаемъ, Русскаго человѣка на пути развитія и даже ему помагавшее, имѣло притязаніе на уважительную память къ нему и злобилось въ случаѣ противномъ; въ нашей Побывальщинѣ и выражено примиреніе съ нимъ: это мать, впоследствии вознагражденная, чтобы не говорила: «я его выручила, а онъ меня

как и Дворянину Безсчастному: «Нешта такъ я это приаздумался?» «Что-то онъ ѣдетъ не весель, буйну головушку повѣсилъ, очи лѣсныя понасунилъ въ матушку сыру землю;» и т. п. Какъ и въ Побывальщинѣ, онъ терпитъ отъ брата: на него ѣдетъ родной братъ Никита Денисьевичъ, — «Ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано, братъ на брата со боёмъ идѣть?» Ему также заааетъ князь исполнимыя задачи: «Съѣздить на Буянь островъ, убить звѣря лютаго, сивопрянаго, лихощерстнаго, вынуть сердце его со печенюю; пымать птичку бѣлогорлицу, ишшо убить ему льва лютова.» Сравните задачу Дворянину Безсчастному, чтобы пѣли у него птицы, ревели львы. Когда герой Былины вышелъ изъ этихъ трудностей, ему, какъ Данилѣ Безсчастному, предстало то же, и главное искушеніе, — касательно жены. Жена вездѣ одна ему утѣха и отрада; но и сюда проникло сомнѣніе, подозрѣніе: Данило аздумался при одномъ имени жены; онъ говоритъ ей при встрѣчѣ отрывочно: «Погубляютъ меня перемѣты женскіе;» хотъ не говоритъ онъ ей прямо, но изъ его грубости, изъ его крутаго обхожденія видно, что его мучить, мучить предстоящая погибель изъ за жены и сомнѣніе, не виновна ли она въ томъ: «Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецка дочь! Чего ради ты, невѣжа, ослушаешься? Аль не чаешь надъ собою большово?» Только исполненный кротости отвѣтъ Василисы сглаживаетъ эту грубость: «Василеушка на это не прогнѣвалася.» То же у него горе за невыслугу у князя: «И самъ онъ, добрый молодець, позадумался: — Знать, я князю неугодець сталъ! — Тутъ заплакалъ Данила горючьми слезми, возгворить онъ таково слово: — Знать, гораздо я князю сталъ ненадобець, знать, Володиміру не слуга я былъ! — Ужь и въ правду, знать, на меня Господь прогнѣвалса. Володиміръ князь на удалово обсердилса! —» Также точно, мысль о покушеніи на его жену встрѣчаетъ сначала въ Кіевѣ негодование: «Это слово больно князю не показалоса, Володиміру словечко не полюбилоса... Ишшо гдѣ это видано, гдѣ слыхано, отъ живова мужа жону отнять!» Путятинъ или Мишатычка Путятинъ дѣлаетъ мысль — сначала страшную — сбыточною и играетъ роль совершенно Алеши или Федьки Наемщиника; онъ также отправляется, съ дозволенія князя, и въ домъ Василисы, чтобы отнять честь ея. Илья Муромецъ, вступающійся въ это дѣло, по случайному образу или по особенному намеку, — только называетъ Василису Лебѣдью (какова она въ Побывальщинѣ), мужа ея Яенимъ

Сожеломъ (канопъ въ Побывальщине братъ Васильи): «Изводѣны ты Ясново Сокола, не пынать тебѣ Бѣлой Лебеди!» Но Былина, въ учёствившихъ до насъ образцахъ и отрывкахъ, взяла только одну сторону событія — трагическую, и кончила смертью героя и героини, всѣмъ оплаканою. Побывальщины и Сказки, болѣе широкія кругозоромъ, болѣе древнія по неконнымъ образамъ и чертамъ событія, послужили здѣсь тѣмъ, что называется *термине средній*; въ нихъ сохранились зерна для развитія болѣе широкаго, они даютъ возможность односторонней Былинѣ о Данилѣ, владающей въ трагизмъ, перейти къ другому исходу, и этого исхода пререберга для творчества. Онъ выразился 3.) Былинна о Васильи въ Ставрѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, истокъ событія спокойный, эпическій, гдѣ герой на плави шкорожѣ, гдѣ, впереди женщины, спасающая мужа, улаживающая дѣло, т. е. совершенно какъ въ Побывальщинахъ. Вспоминиъ, что жена Спирова, на пути этого подвига, также точно какъ въ Побывальщинахъ, превращается мужчиной; также точно является ко Владиміру, требуетъ себѣ мести, пользуется его услугою, наконецъ отрягается мужу въ напавшихъ образахъ творчества, допустившаго здѣсь уже шутку и нѣкоторый разгулъ (сравните, какъ открылась жена Дворянину Безсчастному въ нашей Побывальщинѣ). Въ опредѣленные образы Былинъ, о которыхъ говоримъ мы, въ рамкахъ былаго творчества Киевскаго не вошла только нѣкоторая дѣла, на примѣръ Престарѣлой Женщины или Бабки, Бабы-Яги, да отца Васильица — Чула-Юла (въ Былиннахъ отецъ Васильи — Микула), да нѣкоторыя подробности: но такъ и должно быть, ибо Побывальщины и Сказки, при нѣкой неопредѣленности и расплывчатости, вѣдѣтъ съ тѣмъ и шире, и общѣ. Ихъ задача именно — пополнять Былинну, раскрывать ея народные образы на стихи и тѣмъ чѣстію возводить въ историческую древность, частію приять и уюдобять текущей действительности. Съ ихъ-то помощью дополнивъ Былинны, мы можемъ утверждать положительно, что настоящимъ разсмотрѣніемъ вскрыла въ народномъ творествѣ цѣлый обширный эпизодъ, которому лучшее заглавіе: *Данила Безсчастный и Васильица*. Онъ складается изъ Былинъ о Данилѣ Дворянинѣ и Денисьевичѣ, изъ Побывальщинъ и Сказокъ о Данилѣ Безсчастномъ, о Дворянинѣ Безсчастномъ Молодцѣ, о Несчастномъ Даревичѣ и вѣдетанной женѣ его, Лебеди, Еленѣ Прекрасной, и т. д. Былинны о Ставрѣ служатъ атому эпизоду только вспомогательныя, всходящія съ котораго въ творествѣ пошелъ и раз-

вился свой особый отдѣлъ, независимый; иначе, онѣ начинаются съ конца Былинь о Данилѣ, и съ этой исходной точки идутъ на свою самостоятельную дорогу, даже съ другими именами лицъ (вмѣсто Данилы — Ставрѣ). Собственнымъ заключеніемъ эпизода о Данилѣ Безсчастномъ и Василисѣ, видѣ Былинь о Ставрѣ, служатъ конечно, какъ мы нѣкогда и выразили догадку («Замѣтка» при 3-мъ выпускѣ Пѣсень Кирѣевского), 4.) Былины о Данилѣ Игнатъевичѣ съ сыномъ, о томъ, какъ на закатѣ дней идетъ онъ жить при монастырѣ, обращается въ Калѣку Перехожаго и т. д. Но при настоящихъ данныхъ мы не можемъ еще усмотрѣть въ этихъ отдѣлахъ фактической связи, связующей лица данными самого творчества (а не нашими выводами): потому будемъ ждать открытій послѣдующихъ. Наконецъ 5.) мы усмотрѣли въ настоящемъ случаѣ связь устнаго творчества съ письменностью, именно со **С л о в о м ъ Д а н и л а З л о т о ч н и к а**. Связь эта выражается именемъ героя, народною пословицей, идущою одинаково къ той и другой области, къ памятникамъ того и другого рода, наконецъ сходствомъ положенія лицъ, и даже подробностями нѣкоторыхъ красокъ, намековъ и выраженій. Такъ, на примѣръ, изслѣдованія наши доказали, что древнѣйшій составъ Слова возникъ въ Переяславль Южномъ, т. е. въ Киевской области, гдѣ помѣщается дѣйствіе и по Былинамъ, и по Сказкамъ и Побывальщинамъ. Все Слово наполнено и з р е ч е н і я м и и п о с л о в и ц а м и, изъ которыхъ нѣкоторыя, по редакціи позднѣйшей, приписываются прямо лицу Данилы, «Данилѣ рече:» таковы же отрывистыя изреченія Данилы и въ устномъ творествѣ, на прим. «погубляютъ меня перемѣты женскіе,» «гдѣ слыхано, гдѣ видано, — братъ на брата со боемъ идѣть,» или это — о хлѣбѣ мягкомъ и словѣ гладкомъ, перешедшее въ пословицу. Въ Словѣ употребляется и названіе **Д в о р я н и н а**: «всякому Дворянину тѣмъ имѣти честь и милость у князя, ноли (или иначе) ему мыкатися.» Изъ всѣхъ древнѣйшихъ нашихъ письменныхъ памятниковъ, единственно въ Словѣ упоминается островъ **Б у я н ъ**, на который посланъ княземъ герой Былины. Описаніе рабочей жизни, приводимое Словомъ, — «се былъ есмь въ велицей нужи, подъ работнымъ яремомъ пострадахъ... лучше бы ми видѣти нога своя въ лычицы въ дому твоємъ, нежели въ черлентъ сапозѣ въ боарстемъ дворѣ; лучше бы ми тобѣ въ дерузѣ служить, нежели въ багряницы въ боарстемъ дворѣ... горести дымныя не терпѣвши, тенла не видати... аще кто

не бываеъ будеть во шноткѣ Фидель, яко у бжеа на вепари, то вѣсть въ немъ вѣжества... не гнавши бо ея кому повелъ шершня съ метлаю о кроху, ни скакавши со стола по горохово верно, добра не вьдати; — все это напоминаетъ намъ, какъ въ Побывальныхъ Данило то чинъ въ книзи П р и л о ж е н и ю, палавъ дворъ и в т а л о ю. Вета-ленныя въ Слово разнообразны: укаванія на Феду: отъ женщины; на притырь; — «или речеши; женися у богата тестя, чти дѣля; а ты дѣлѣи икъ, и веселися въ великой радости и любви, то лишне воль увести въ домъ свой, нежели злая жена поняти; аще котарый мужъ имѣтъ смотрити на красоту жены своея и на ея лаковая словеса, а дѣлѣ ея не испытаетъ, то дай Богъ ему тросеко болѣзнь, и т. п., имѣють оныя отношеніе къ бѣдамъ Данилы изъ за красоты жены но напоминають усталыя. Нѣкоторые намеки, какъ будто безъсвязны и не котати веталенные въ Слово, съ трудомъ объяснены изъ него самого, получаютъ неожиданый свѣтъ при сопоставленіи съ Владиміаномъ, Побывальщинами и Сказками: «Яко Святуполь, виновать буда, избѣвъ братію, но и тако ти есть крѣпокъ,» — Данило побилъ рожныхъ богатырей, отъ князя на него посланыхъ, палавъ видя идущаго на него рожнаго брата Ниянту и названого Добрыню; «или ми речеши — солгалъ ми еси яко тать, — аще быкъ умѣлъ красть, только бы не скорбѣхъ,» — похваля Давыла женою передъ княземъ оказывается (на время) Кожъю и восторжествовалъ Алейна или Федька Нисъшникъ, у П р а в н и й мониста, дѣнь; разбираемое въ Слово предло-женіе, не втти ли подѣ чюацъ въ м о н а с т ы р ь, намекаетъ на заключеніе жизни Данилы Игнатьевича, и т д. Однимъ словомъ, письменный памятникъ почтио вертится около лица действительнаго, историческаго; писатель и всакий воздѣйствій передѣльватель прише-няется къ своей исторической эпохѣ, къ лицамъ ея, вѣщамъ, обстоя-тельствамъ, но нельзя не замѣтить, что при этомъ послысь въ пред-ставленіи черты образа творческаго; идеальнаго, знакомы были народныя устныя сказанія, восходившія въ эпоху болѣе раннюю. И наобо-ротъ; эти послѣднія видимо не чуждались поздыте сложившагося Слова.

Образы Владимірова времени дополнимъ еще чертою, опущенною нами въ прежнихъ «Важбукахъ,» начателью Я н а У с м о ш а в е н а: по свидѣтельству Малорусской сказки, приводимой г. Кулишъ въ (въ его «Запискахъ о Южной Руси,» ч. 2), названіе урочища Ко-жѣяки выводится отъ богатыря, К и р и л л ы К о ж е ж и к и, убив-

шаго Витя; сравните въ немъ съ сказкою совершенно такую же Ю
Нину въ Кожемякѣ.

О Московскихъ былинахъ мы пока не говоримъ: не только упоми-
чать о двухъ изъ нихъ, № 40-й Земскій советъ и 48-е
царь Пётръ. Касательно первой, хотя мы помнимъ очень хо-
рошо, что желаніе — во что бы то ни стало добиться ни сходки еди-
ногласія заставляло нашихъ предковъ прибегать къ средству не со-
войни никому, на примѣръ теней упорныхъ въ рѣкѣ: но тамъ
по правдѣ они дѣлали это сами, по собственному приговору, на
свою народную отвѣтственность. Когда же власть такихъ админис-
тративныхъ распоряженій, на Земскомъ Соборѣ, перешла къ Москов-
скому государю, то, хотя бы, въ напечатанной у насъ былинѣ, дей-
ствительно былъ за правду, хотя бы Астраханскій и Бухарскій князи
дѣйствительно солгали о состояніи Смоленска: всё же послѣдніе два
стиха былинны, съ партійной востылицы и плахи за голову на Соборѣ,
нельзя привлекательны и по неволѣ заставляютъ задуматься. Мы не
видимъ оправдать здѣсь народное воззрѣніе тѣмъ, что образъ твар-
чeskій не есть историческій, зоризмъ и что не типическому образу
правды великій, противъ нея солгавшій, долженъ понести неминуемую
наказъ: мы усматриваемъ въ этомъ воззрѣніи сторону гораздо болѣе
важную и поучительную. Соборъ при царѣ Алексѣ — одинъ изъ
послѣднихъ; былина объ немъ, образы ея — сложившійся конечно: еще
позднѣе, когда положеніе народа и его отношеніе къ государству со-
вершенно измѣнились и даже во многомъ извратились; поэтому же
дошедши къ намъ былина въ настоящее время: следовательно: рѣ-
шенія, выраженныя въ ней, должны быть оценены съ самою поздней
народной точкой зрѣнія. Творческій образъ и говоритъ намъ съ этой
точкой: на Земскомъ Соборѣ, если бы состоялся въ извѣстномъ па-
ложетіи, если бы добился до истины, какъ нужно поступать, во вся-
комъ случаѣ необходимомъ съ низшими классами или классомъ постав-
лены въ отвѣтственность потерять голову. — Былина о Петрѣ столько же
можетъ относиться къ этому лицу, сколько и ко всякому другому:
есть сказка съ образами весьма сходными, но безъ Петра, а просто
съ «паремъ.» Начало всѣхъ изъ идетъ отъ той — можно сказать —
знаменитой былинны, гдѣ Минута встрѣтился съ Олегомъ (см. 1 часть
Рыбни. Сборника) и гдѣ выражалъ народъ отношенія Землякъ

Князю; так выражаясь изъ этой басни, во всѣхъ позитивныхъ ея повтореніяхъ и измѣненіяхъ, выражаются отношенія: Земли къ Царю, къ Государю вообще, къ Государству, смотря по эпохѣ. Въ нашей уцѣлѣла еще замѣчательная черта: въ концѣ дѣла остаются въ манерахъ только двое: Царь да представитель Земли. Но одна изъ сказокъ, помѣщенныхъ у г. Ананьева / въ № 41-ю, выпускѣ, подъ № 44-ю, басня близкая по началу съ нашею, концемъ своимъ наводитъ на мысль, что въ некоторыхъ изъ этихъ образовъ дѣйствительно разубѣется П и т я, не кто другой, «Близъ большой дороги дѣлають мужикъ должнику». На то время вѣсть царь, остановился протѣвъ мужика и сказалъ: «Богъ помошь, мушкетъ!» — «Спасибо, доброй человекъ (сказъ не зная, что это царь).» — «Много ли получаешь съ твѣй волости пользы?» спросилъ царь. — «Да при дорожномъ урѣжѣ рублей съ восемьдесятъ будетъ.» — «Куда же эти денъги дѣлаешь?» — «Двадцать рублей въ податъ взношу, двадцать долгу длачу, двадцать въ займы даю, да двадцать въ окно кладаю.» — «Работалуй же, братицъ, какой ты долгъ платишь, кому въ займы даешь, и за чѣмъ за окно кладаешь?» — «Долгъ плачу — отца содержи, въ займы даю — сына кормлю, за окно кладаю — дочь цѣтую.» — Царь заговорилъ «безъ его лица никому тѣхъ речей не сказывать,» повелъ ему «нарлакую черту» въ столицу, предложилъ загадку бояранъ и генералитъ. Но мужикъ одному изъ нихъ за денъги проболтався, загадка разгадана, и царь, какъ водится, грозить смертною казнію. Мужикъ прибѣгаетъ къ одному изъ средствъ, анакомцкъ, ему изъ окружающаго общества: «Ваше величество! Я ничѣмъ не виновенъ, потому, — барину, рассказалъ я при *сащомъ царскомъ лицѣ*.» Тутъ онъ вытаскивалъ изъ кармана дватѣй отъ барина серебряный рубладкъ «съ царскою пердоной» и показавъ государю, Государь совершенно доволенъ этимъ канцелярскимъ выходомъ дѣла и уверткою: «наградилъ щедро мужика и отпустилъ домой.» Подобные мотивы мы со временемъ встрѣтимъ въ былинахъ Княжескихъ: между прочимъ вѣстное народное проишеденіе о Шемякинѣ оудъ основано на томъ же пониманіи отношеній Земли къ Государству.

— Остается намъ сказать о № 59-мъ, въ связи съ № 87-мъ 1-й Части, о замѣчательнѣйшихъ двухъ былинахъ — П и цы. Выше, въ замеченіи изъ переписки, приведено мнѣніе о томъ же предметѣ

какого Собираателя, Н. Н. Рыбникова: въ сущности соглашаясь съ нимъ, мы несколько раскладываемъ наложивши подробности; нужно привести видъ въ порядокъ, въ цѣльность. Объ былинныя нецѣльныя, изъ отрывковъ Собираателя, нигдѣ и не слышалъ, въ волюнтію: дѣламъ заступство, между прочимъ, большой дѣрзости, языкъ ужасно забываетъ и народный. Древность эта, судя по всему, не, можетъ бытъ о Микудѣ: и тѣ въ тѣхъ не отрывкахъ, и отрывковъ настоящихъ видъ своемъ, но въ иной обработкѣ и жанку творчества; близки между собою, что о Микудѣ, и о Птицахъ. Съ другой стороны: здѣсь дѣла дѣла, большее дѣло употребленія между народами: они терпѣть до того въ обзаводѣ, что почти стертая, и терпѣть и вѣрно; оставивши намъ одну доску. Можно сѣло поставитъ: и другія былинныя, о Микудѣ и Птицахъ, въ одну эпоху, рядомъ у хетъ: но сдѣланъ подъ номеромъ, вторымъ: въ взаимное сходство по федеративн убѣждаетъ, въ тому, весьма важно: Равнина собственно въ приездъ творчества. Тогда какъ мертвы, сложившейся Земля, собраны вѣсти: и, одинъ образъ Микуды, былинны о Птицахъ тутъ же рѣблывающіи снова громадный и величавый образъ на стѣхъ, въ которыхъ они сложены: и, рѣблывъ на мелкія, мертвы земскаго быта, обыденнаго обычая, слава, приема: явдѣтся не одинъ образъ, а выставается съ сотня мелантъ образовъ, изъ которыхъ каждый захватываетъ въ себя какую либо своеобразную черту. Пожалуй, цѣлители приключеній, въ области науки готовы бы сейчасъ поднять вѣкъ былинны о Птицахъ за черту сложившагося народа, усмотрѣть въ ней такъ называемый эпосъ *жмееотмыль* или *жмееотный*: съ этимъ бы, на слово, по имени, можно и согласиться; но что подъ этимъ поймутъ? Поймутъ непрейтливо, что здѣсь отразились мнѣшеская эпоха, что этотъ эпосъ вышелъ изъ мнѣсовъ, что это радъ мнѣсовъ зооморфическіе, когда человекъ жилъ зо одно природой, дѣлился впечатлѣніями съ нею, она дѣйствовала по человѣчески, говорила, и т. д. Отсюда мнѣологии, а вѣдѣть и зооморфизму: совсѣмъ иную область, по ту сторону: сложившагося народа и былаго творчества, изслѣдуя эти двѣ разные вещи совершенно разными путями; мы, всякимъ мнѣшескимъ взглядомъ предпочитаемъ человѣческое и народное. Сколько бы видъ обозначилъ насъ выисками изъ Нѣмецкой книжки, мы у себя дома, въ былинкахъ, о которыхъ вѣсть рѣчь, не находимъ ни одной черты мнѣшеской. И птицы, и прочія животныя, здѣсь выводимыя, дѣйствуютъ въ той формѣ, исправляютъ тѣ обязанности и службы, несутъ

тѣ неважно, отдамы тѣмъ занятіямъ, какія есть у одомашненнаго народа, обиты понятіемъ: Земля и Земщины, занимаютъ въ себѣ бытъ и обиходъ. Одно можно еще возразить по невананію или необдуманности: отъ него же эти черты, не только человѣческія, но многія народныя, не возведены въ образы челоѣка, лица народнаго, а разделены по птицамъ, животнымъ? Отъ того же, отъ чего Макуда не одѣланъ птицею или волкомъ. Отъ того, что здѣсь совсѣмъ иной способъ и пріемъ творчества, другая точка зрѣнія. Тамъ, гдѣ самыя существенныя, самыя глубокія свойства и черты: Звѣли отвлечены отъ не творческой силой и сведены въ одинъ образъ, гдѣ вышшая цѣльность, гдѣ уже тамъ творчества, тамъ конечно лицо челоѣческое, тамъ было не только въ челоѣческой, но въ самой определенной народнои обстановкѣ, съ чертами времени, мѣстоу, исторіи. Даже гдѣ и нѣтъ этого высокаго типа, но гдѣ черты еще крупны, — и на нихъ есть образы творческіе, на богатыря вообще, на дѣла и посла, на князя и царя, на женщинъ — Василису, Настасю Микулична, на супружескую вѣрность, на извѣру, и всенный нравственный поступокъ. Но гдѣ, обратнымъ путемъ, эти образы развиты на мелочи, гдѣ все дѣло въ мелкомъ узорѣ, гдѣ передъ нами кабычкия жонки, колачнички, овчиннички и кожедернички, шубнички и ходатѣи, свѣжа и баба пупорѣзна, гдѣ событіе — на пѣчахъ, но събѣтканъ, по модочнымъ выривкамъ, по сарафанъ, на суслоникъ, и т. д., тамъ странно ждать отъ былаго творчества, чтобы образъ творческій имѣлъ челоѣческой обликъ, вращался среди дѣйствительности, подлекашей исторіи, какъ дѣло серьезное, какъ серьезнѣйшее изъ всего дѣла — жизнь челоѣческая, народная. На эти мелочи, очень важныя для дѣйствительности, совсѣмъ не такія для былаго творчества, въ нѣмъ есть образъ низшій сравнительно съ челоѣковъ; птица, животное. Съ такимъ пріемомъ для творчества выигрывается съ разу огромное преимущество: то, что было бы слишкомъ мелко для челоѣка, и вы заснули бы со скуки, когда бы изъ всего этого подѣлалась богатыри и герои, — то вдругъ получаетъ несравненно вышій интересъ, когда дѣйствіе переведено на птицъ, на животныхъ. Здѣсь былаго творчеству не исчерпать новыхъ красокъ, здѣсь можно вывести и героевъ, и своего рода богатырей, и бытъ, и драку, и даже драму: былина, вытравши эту новое поле, не перестаетъ быть *былиной*, творчество не упадаетъ до менетвенности, до бытовой или ирической пѣсни; а между тѣмъ, какъ скоро дѣло

перенедено въ эту новую область; известна потчась (при эмблематической строгости и величавости — шутки, прибаутки, выходя подмоч) тому, чтобы мелочи не сбавались веселыи и смелыи. Когда жизнь природы вѣшней заходить и заговорить какъ челоуѣкъ и притомъ въ народныхъ опредѣленіяхъ, — вѣтъ конца соединиванія и противуположеніямъ, остротамъ и прибауткамъ. Борьба мышкѣ и лягушкѣ сопровождаетъ Илиаду и Одиссею, еще не выходя изъ области былеваго творчества: на той же ступени наши былины о Птицахъ идутъ шагъ въ шагъ за былинами о Микулѣ, а вмѣстѣ и за другими богатырскими образами. Такъ и въ области сказочной, сказки о Лисѣ и Волкѣ, о Мышахъ и Медвѣдѣ, о Лебеди, Ракѣ и Щукѣ, со всей этой челядью, не отстаютъ отъ самыхъ глубокихъ по смыслу сказокъ — объ Русскомъ богатырѣ Иванѣ. — Теперь переходимъ къ подробностямъ. Два заглавія былинамъ — Каково птицамъ жить на морѣ и Каково птицамъ жить на Русѣ: сообразно тому, дѣйствительно и содержаніе дѣлится на двѣ половины — птицы на морѣ, птицы на Русѣ. Отъ первыхъ представителемъ прилетаетъ собственно одна птица, и притомъ малая, пташка; но она рассказываетъ про всѣхъ; Русскія же птицы всѣ на лицо, цѣлыми стадами. Между тѣми и другими явное противуположеніе: къ чему оно приводитъ, увидимъ послѣ. — Кромѣ двухъ главныхъ отдѣловъ, на которыхъ сосредоточена былина, есть въ ней и третій. Въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ будучи обратна прочтѣніи былинамъ о Землѣ и Земской Дружинѣ, былина о Птицахъ начинаетъ однако съ того же, съ чего и тѣ, беретъ ту же исходную точку: сперва описаніе времени и мѣста дѣйствія, потомъ сама Земщина въ образахъ челоуѣческихъ, въ народной дѣйствительности.

Отъ чего зима становилась ?

Становилась зима отъ морозовъ.

Отъ зимы становилась весна красна ,

Отъ весны становилось лѣто тепло,

Отъ лѣта становилась осень богата.

Или :

Отъ чего, братцы, зима становилась ?

Становилась зима отъ морозовъ.

Отъ чего, братцы, становилась весна красна ?

Восна, прасна, становилась отъ зими холодной.

Отъ чего, братцы, становилось лето тепло?

Становилось лето тепло отъ весны отъ прасной.

Отъ чего, братцы, становилась осень богата?

Осень богата становилась отъ лета отъ тепла.

Это природа внѣшная, это попроще дѣйствія въ опредѣленіяхъ мѣста и времени: это, подобно какъ мы видѣли въ прочіихъ былинахъ богатырскихъ, рамка картины, полотно, основной и нижній планъ былины. Въ году идетъ смѣна времени, начиная съ зимы (въ странѣ сѣверной такъ и должно быть, это точка исхода); движется время, пока установилось въ осень, прекратилось движение и дѣйствіе, устоялся образъ — Осень. Въ этой смѣнѣ времени двигалось и дѣло человеческое, — совершался трудъ земледѣльца: онъ также совершился и отъ дѣйствія перешелъ въ спокойный образъ; понятно, что было попроще дѣйствія, — это Земля, нива: она, вздранныя, перепаханная, зачавшая, родившая и возрастившая, завершилась Стогомъ.

Работала и Земля другого вида, человекъ Русскій въ его народномъ опредѣленіи, мирь-народъ, Земщина. Ея дѣло завершилось вѣстью съ дѣломъ почвы: для творчества устанавливается спокойный, былевой образъ Крестьянина, какъ образъ высшій и заключательный —

Цокадуть крестьяне стоги,

Дня жить хорошо,

Хорошо, и прохладно, и деседо.

Это, въ другіихъ былинахъ, та минута, когда представитель Земли и Земщины, отпахалъ и открывалъ изъ края въ край нивы, утеръ поту, скирды склалъ, домой вывелочизъ, дома вымоютить, драги надралъ и пива наварилъ, мужиковъ надолтъ и стали они поклонивать:

Молодой Микулушка Селяниновичь!

Тоби было, Микулушка, пахать да орать,

Тоби было, Микулушка, крестьянствовать!

Это верхняя точка относительно природы, местности, лучы, пройденнаго трудомъ времени. Но это вѣсть и основа всему послѣдующему, уже въ мирѣ дальнѣйшихъ народныхъ опредѣленій. Съ этого

образа: въ другія былинахъ начинаются дѣйствіе, сабашіе: Микула встѣчается съ Волкомъ (бросилъ коню за разитомъ вустъ, негнать съ низомъ); изображаются отношенія Земщины къ Дружинѣ, какъ Князю, къ устройству политическому; те особыя отдѣлы былинъ, какъ назывались. Но въ былинахъ, по второй плети рѣчи, нѣтъ еще дѣйствія: въ нихъ идутъ еще ряды образовъ. Основаныя — Крестянины; за ними идутъ другія дальшійшія опредѣленія жизни народной:

Цари живутъ по царствамъ,
 Бояре живутъ по вѣстамъ,
 Мелкіе судьи живутъ по деревнямъ,
 Попы-дьяки живутъ по погостамъ,
 Мелкіе люди живутъ по подворьямъ.

Вотъ эти опредѣленія и образы, возникшіе на основахъ Земщины. Князь или — позднѣе — Царь, призванный третейскій верховный судья и воевода; его Дружина, Княжеская, Бояре съ жалованными за службу поместьями; мелкіе судьи, Тивуны княжескіе, прикащики и приставники, по деревнямъ, по мелкимъ тяжбамъ, за сборами, счетами, раскладкою подати; Церковники, Попы-дьяки, въ нихъ отдѣльной, неприкосновенной области, вокругъ Церкви или храма, по погостамъ; Мелкіе люди, независимые собственники всякаго рода, торговые гости, посадскіе и ремесленники, по своимъ особымъ подворьямъ.

Таковъ наглядный образъ всего міра-народа, его внѣшняя постановка. Но былина спускается глубже, внутрь семейнаго быта Земщины:

Про то бы, братцы, было вѣсто:
 Старой бабы на печи было *) мѣсто,
 Лежала бы она — не ворчала,
 Была бы подъ носомъ крынка съ тѣстомъ **)
 Стары старикъ лежать по печамъ;
 Стары старушки по прилавкамъ;
 Молоды молодицы съ мужьями по чуланамъ;
 Красны дѣвицы, сядь по ошѣткамъ;
 Малыя ребята сядь по землякамъ.

*) Вѣроятно: «было бѣ.»

**) Должно быть: «съ саламъ» или «сала.»

Старинки только и дѣла оставось, что сидѣть на печкѣ; старинь бабацъ, кромѣ того, вертять на молодькѣ, да чтобы стариня отирамлялась, да было бы заготовлено сало, было бы изъ чего мѣсить тѣсто: все это и есть для нихъ. По осени много наиграли свадѣбъ: молодкисть есть занятіе съ молодыми мужьями по чуланамъ; красныя дѣвицкисть есть надъ чѣмъ дотать за пѣвками въ посидѣлкахъ; чтобы послѣ вожь утро завладѣться по ошосткамъ; ребята, зарожены съ лѣта подъ осень, разложены по люлькамъ.

Во всемъ этомъ идетъ своя жизнь: но жизнь приживется, когда она въ одной формѣ, когда явленія повторяются все тѣ же. И въ политическомъ быту, и въ семейномъ, въ всемъ мірѣ народѣ, выработанныя формы все тѣ же да и тѣ же. Живутъ князья и цари, живутъ бояре, живутъ мелкіе судьи, живутъ попы-дьяки и мелкіе люди, что дѣлають? все живутъ. Накняжились они, нацарствовали; бояре по мѣстамъ протерли сядя мѣсто; мелкіе судьи насудились, набрались; попы-дьяки наслужились; мелкіе люди надворились, удоволила крупныхъ людей и себя самихъ всякимъ ремесломъ и товаромъ. Старый старикъ пролежалъ себѣ бокъ и поджегъ на печи; у старой бабы прѣдается тѣсто, дождается сало и всякое продовольствіе; молодыя молодницы потолстѣли ужь слишкомъ, мужья поглядываютъ, какъ бы отъ нихъ прочь изъ чулановъ; красныя дѣвицы, сколько ни пѣли, жениха не выпѣли, а приданое выпряли, если же и помошвились на посидѣлкахъ, не время затѣвать свадѣбы; ребятамъ тоже наскучило въ люлькахъ, готовы подняться на ноги.

Осень прошла, проходитъ и зима.

И творчеству нужно ступить далѣе: образы очерчены, покойны, но наконецъ они уже не движутся. Которые поднимаются до богатырства, тамъ и своя имъ дорога, тамъ былина Киевская: но эти, какъ тѣсто, не поднимаются, а грозятъ осѣсть на дно, если не будетъ другаго средства поднять ихъ. Она устоялись до того, что перестаютъ уже шевелиться. Въ мелкихъ дѣлахъ житейскихъ, они слишкомъ дробны и мелки для лицъ человѣческихъ, для героевъ изъ среды міра-народа: нужно выйти изъ этой сферы къ другой.

Когда же все это шевельнется? Когда, послѣ всѣхъ этихъ образовъ, начнется въ былинѣ дѣйствіе, то, что можно бы назвать въ собственномъ смыслѣ былью, что бы пустило эти образы въ ходъ, создало бы событіе, и былина получила бы свой собственный путь, переставъ быть одною картиной?

Плывуло громаомъ, потонуло веселій вѣтеръ, отъ Дунайскаго, Теллаго, Чернаго моря, отъ странъ привольныхъ и теплыхъ...

Прилетѣла малая птичка-пташка,

Изъ заморья, изъ тихаго лукоморья...

Во ту ли во теплую весну,

Отъ снѣга Дунайскаго моря,

Прилетѣла малая птица,

Малая птица—пѣвица;

Сидѣлася малая птица

На то ли на дерево калину,

И зачала пѣть-жупѣти,

Пѣть-жупѣти, хорошо воспѣвати.

Все ожило. Былина, кончивши одинъ отдѣлъ свой, которымъ начала, быстро перешла къ двумъ другимъ, съ двумя рядами птицъ — съ моря и съ Руси. Готовая почти уже замолкнуть съ миромъ-народомъ, съ лицами человѣческими, она теперь ожила съ Птицами, и, какъ малая птичка, вѣстовщица весны, сама затонула на голосъ, и мы слушаемъ ея голосъ.

Дунайское море, съ звоимъ лукоморьемъ и побережьемъ, Черное, Теллае море: оттуда несется весна, съ теплыхъ странъ, оттуда обновленіе года; оттуда оживленіе нашей замерзшей землѣ. Поклинувъ тѣ, вѣкогда родныя себѣ, страны, ушедши на сѣверъ, не забывъ народъ дорогатаго Дуная, моря, которое по его имени долго звалось Русскимъ, привольныхъ краевъ благодатной природы, младенчества, въ которомъ жилъ тамъ среди родной семьи Славянской. Сложившись на сѣверѣ въ миръ-народъ, только здѣсь окончательно дѣлится, кто такое Земля и Земщина съ трудомъ ея развитія, человекъ Русскій и въ этихъ народныхъ опредѣленіяхъ не забывъ давнихъ стихій, изъ которыхъ сложился. Онъ оставилъ нѣчь по себѣ въ тѣхъ же краяхъ, оставилъ Славянъ среди того же младенческаго быта, въ томъ же привольнѣй жизни, еще не увѣдавшей строгихъ и тяжкихъ опредѣленій. Оттуда всякая вѣсть была дорога ему. Оттуда же прилетали и птицы. Всякая птица, не приученная къ думѣ и хозяйству народа — вольная птица. Еще больше вольная птица, — что прилетѣла издадека, привнесла вѣсть объ веснѣ, о край привольномъ, о жизни придунайской, о бытѣ Славянъ съ побережья Чернаго моря. Она разскажетъ, что дѣется тамъ на морѣ: не на волнахъ, не на без-

бредъ, а въ тѣмъ моментъ поморъ; въ крайнѣе призованъ, во всеобщемъ вольномъ полѣ и лѣсѣ, но неактивнѣе ракътовымъ мусточкамъ; Такъ и понимайте слова ея: «у насъ на морѣ» то же, что «у насъ на волѣ»; у ней на морѣ в лѣсѣ, и поля, и ракътовый куестъ, и болота, и рѣки. Потому образы, которые выведетъ она намъ передъ очи, будутъ не то, что образы Русскія; гдѣ-то сѣ моря во всемъ будетъ отлична отъ птицы сѣ Руси. Тамъ нѣтъ такой зимы, какъ у насъ, тамъ и нива на степной почти свободѣ; тамъ поля не разбиты такъ, какъ у Русской Землицы, не покрыты сѣтями общинныхъ вервей, не обложены врами, не введены въ мети и выти. Тамъ трудъ не требуетъ того цоду, какъ отъ Макулы: за три дня пути слышно, какъ оретъ въ полѣ Русскій ратай, оретъ-попучиваетъ, сѣ края въ край бороздки пометываетъ, въ край онъ уйдетъ—другаго не видать, коренья-каменя вывертываетъ, а великое-то все каменя въ борозду валитъ, сошка у ратая поскрипываетъ; омышки по камешкамъ почеркиваютъ, тяжело поднять и вытряхнуть эту сошку. Тамъ же далеко не выработано всехъ подробностей и условій для народной жизни, какъ на Руси; не развиты политическихъ формъ, какія нужны, а иногда бы и ненужны; и тяжелы какъ всякая форма и рамка: тамъ если и сложилась община, то не призвала стороннихъ князей, какъ судей третейскихъ, не выработала идеи необходимости близкаго пара, не дала повода различить отъ народа бояръ и дружину княжескую отъ нихъ помельчавши, различить «большихъ и меньшихъ», какъ условіи. Всего этого, исторически наступившаго для Руси, не было еще тамъ на Югѣ, въ ту пору, какъ ушла Русь оттуда; а если послѣ и наступило, то Русь того или не знала или знать не хотѣла: тамъ для ея воображенія сохранился уголокъ приволья. Все это различіе должно выразиться Русскими птицамъ: пташка, прилетѣвшая сѣ моря. Какъ разскажи ея, и сама она должна глубоко отличаться отъ птицъ Русскихъ: она беззаботнѣе, она развязнѣе и вольнѣе, и снѣгѣ ея ухватна, и звончѣе голосъ; Русскія птицы связаны трудомъ своей бытовой и исторической жизни; отчасти стѣснены выработанными формами, отчасти непорочными, незловки, грузны и неуклюжи. Вспомните еще, что Русская птица значить домашняя, такъ сказать ослѣдая и подчиненная законамъ хозяйства, противоположно птицѣ вольной, лѣсной, полевой, бережной. Присоедините, совсемъ уже сѣ другой стороны, противоположность всего иностраннаго: тогда все Русское, по страннымъ судьбамъ,

даже въ устахъ самого народа; становится (вспомните *лишлаго разряда*, — это *Русскій хлѣбъ* (черный, какъ ежи; крестьяне черные, не на белой землѣ); *Русское* имено и прочіе хлѣба, *Русское* дѣатье, одѣваться, ходить, жить до *Русски*. Съ якимъ видѣтъ пріятіе; гости, сейчасъ поднимаются на нѣсколько ступеней выше: одѣваются величавѣе, презрительнѣе, но крайности играютъ роль какъ и то *взырнукъ*, легкій и нидкый созданий, глубоко отягченнхъ отъ сырой грубости *Русской*, принимаютъ на себя тень и тѣнь, весьма у, прасъ дѣтскій, — «*благовоспитанной барышни*», той *барышня*, какъ кор, мы, дубинка, танцуютъ передъ народомъ. Тамъ дѣтчо подлетѣла съ мордъ птица — пѣвица, прилетѣла, оля; съ ножки на ножку подпрыгиваетъ съ ужимкой, разливаетъ

Услышали *Русскія* птицы *),
 «Слетались птицы стадами;
 Сидели около риданы,
 Вы одну сторону голованы;
 И стали онѣ пѣть-воспѣвать,
 И стали ко уби ни птицы прилетати:
 «Ты скажи, заморская птица,
 Скажи намъ, не утай же,
 Скажи-то Божію правду:
 Кто у васъ на морѣ большій,
 Кто на Дунайскомъ мовый?»

Вы чувствуете, какъ само творчество шутить надъ этимъ: слетались тотчасъ къ затъжей гостѣ, чтобъ поучиться; сидели потѣшно, потому что слишкомъ степенно и чинно, въ одну сторону голованы, какъ на мудреной сходкѣ; заговорили поскорѣй о томъ, что всего больше вертится на душѣ у міра-народа, при задачѣ его жизни гражданской; и спросили не просто, а до того искренно и въ-за правду, что молили о правдѣ именемъ Божьимъ, да не утай же, да скажи правду. По дѣломъ *Русскимъ* птицамъ, если на слишкомъ степенный и почтительный запросъ ихъ птица съ моря имъ отвѣчаетъ:

- Глупыя вы, *Русскія* птицы!
- За чѣмъ вы къ намъ прилетали,

*) Вроэтно онѣ же въ другомъ отрывкѣ былины названы *Воробьями*.

— За чѣмъ про сине море спрашали?

— Вѣдъ у насъ на морѣ бѣдны,

— А нѣту на Дунайскомъ меньшихъ!—

Оно, можетъ быть, и правда: да ужь слышно въ рѣзко. Не во гнѣвъ Южнымъ Славянамъ, мы слышали отъ нихъ подобныя отвѣты и въ настоящее время. Не забывая, что отсутствіе сословій и равенство, какое нынѣ действительно есть у нихъ, есть равенство припослужителъ тѣмъ подлѣ ступнею нѣкогда дикой, а нынѣ развратной и разслабленной Орды, сбросивъ съ себя не одну подобную тяжесть въ теченіе Русской исторіи, мы знаемъ, что если и есть отъ чего нѣмъ попросить передъ Южными братьями въ настоящемъ, то для нѣмъ предстоятъ тѣ же искушенія въ будущемъ еще съ большимъ силою, въ дѣлѣ внутренняго развитія, которое дай Богъ пройти нѣмъ безъ иноземнаго господина, безъ господъ великаго рода отъ барина до ученаго-цивилизатора, безъ сословій. Въ старину за птицею съ моря конечно было гораздо болѣе права, какъ у жизни, не испытывавшей еще тяготы, передъ жизнью, идущею уже путемъ труднѣмъ. Въ отпоръ Русскимъ—бѣлому царю, боярамъ помѣстнымъ, мелкимъ судьямъ, попомъ-дьякамъ и мелкимъ людямъ, выставляются соответствующія птицы на морѣ:

— Колпикъ у насъ—Бѣлый царь;

— А бѣлая колпика—Царца;

— А ясный соколъ—тотъ Воевода;

— Лебеди на морѣ—Бояра;

— Куропать, бѣлая птица,—Безпомѣстна:

— Изъ куста въ кустъ летаетъ,

— Сама себѣ помѣстья не знаетъ;

— Ястребъ на морѣ—Стряпчий:

— Съ богатаго двора беретъ по полумѣтѣ,

— Со вдовы съ сироты беретъ по двѣ и по три,—

— То есть великая въ немъ неправда;

— Гусь на морѣ—морской Ходатай;

— Ветлюкъ *) на морѣ, травникъ,—самъ Ябедникъ;

— Чайка на морѣ—она Попадейка;

— Галицы на морѣ—Черницы,

*) По объясненію нашего зоолога, С. А. Усова, по знатету «травникъ»—блѣднѣйшій въ Зумъ, который по Зырянски *Wjetal*.

- Тѣ ли молодыя молодницы;
- И воронъ у насъ—Игучицъ;
- Селезни—торговые Гости;
- А утунки—тѣ Купецкія жонки;
- Губанъ птица на морѣ—Пастушокъ;
- Зудъ птица на морѣ—Поварь.—

И такъ далѣе, и е легкіе люди. Конечно, все это отрывки; связь которыхъ съ трудомъ можно возстановлять: на сколько достаетъ вѣроятія въ догадкахъ, въ этихъ образахъ народное творчество частью высказываетъ сатиру на самихъ Русскихъ, частью же даетъ заставить, что и на морѣ преимущества жизни не Богъ знаетъ какія. Приволье оказывается развѣ лишь въ томъ, что разные слои общества дѣлятся по одному *цѣлту*, по одному *имени*; иные, хоть и бѣлые — куропать, бояре, — безпомѣстны, сами себя помѣстья не знаютъ; и т. п. Но что же за раздѣленіе жизни по цѣтѣ, что за жемчужины купеческія по одному жиру? Не находка ястребъ—Стрижичъ; есть и тамъ Ябедники. Что же касается до жизни внутренней и семейной; то она явно выставляется къ невыгодѣ жизни на морѣ:

- Ластушки косатыя на морѣ—красны Дѣвушки;
- Тетерка на морѣ—Молодая жонка;
- Селезень на морѣ—удалый—добрый Молодецъ;
- Соловей на морѣ птица
- Хорошо Поеть, любо и слушать;
- Жавроленочекъ, онъ по поднебесью летаетъ,
- Жалобнихонокъ онъ Щекочаетъ;
- Сорока на морѣ—Кабачкая Жонка;
- Съ ножки на ножку пляшетъ,
- Молодыхъ молодцевъ она прибираетъ;
- А Сорочка—та Кабачкая жонка;
- Съ ножки на ножку скакала,
- Высоко подолъ поднимала,
- Тѣмъ свою голову питала;
- Синка—Б...ка вертлива;
- Она работы работать не умѣетъ,
- Тѣмъ она голову питала,
- Что она скоро скакала,
- Отъ того сыта пребывала;

- А ворона—та Богатая птица;
- Весной летает по суслонам;
- Суслоны она разбивает;
- По деньга суслонъ продавасть,
- Два она три за копейку!

Конечно, повторить, это только отрывки; и остальные перетраченные образы трудно даже объяснить *) — это просто шутка, и вряд нельзя также отнести всего этого непрямую к характеристикам Дунайского побережья и тамошних поселений; это во первых, все птицы, противоположны домашним; потомъ все, прилетающія съ весной, птицы изъ теплыхъ странъ, съ Дунайского моря; даже уже образы тамошней привольной жизни и то во времена отъезда, вѣдь, въ томъ видѣ, какъ ее оставила Русь на Дунаѣ и ушедши на Сѣверъ окрасила въ своемъ воображеніи радужными цветами; наконецъ это птицы, не только съ моря, но даже и заморскія, чуждыя, съ хвастливыми разсказами о чудесахъ дикой жизни. Легко также понять, что, по настоящему виду отрывковъ, нѣкоторыя птицы помѣщены на морѣ (т. е. на волѣ) такія, какія нужно бы отнести къ Русскимъ, домашнимъ (какъ увидимъ ниже—Курпца): тѣмъ не менѣе все-таки главный и существенный смыслъ довольно рѣзокъ, бросается въ глаза, и, выставивши прежде всю привлекательность жизни на морѣ—на волѣ, мало по малу разоблачаетъ эту прелесть. Посмотрите, чѣмъ же тамъ заняты: считаютъ красоту, да красавцевъ, одна птица поетъ, другая щекочетъ, третья пляшетъ, съ ножки на ножку скачетъ, высоко подолъ поднимаетъ, молодыхъ молодецъ прибираетъ, тѣмъ свою голову питаетъ; это кабацкія вертливья жонки, работы работать не умѣютъ, тѣмъ свою голову питаютъ, что скоро скачутъ; а хозяйка тоже тамъ не дурны: по чужимъ работамъ гуляютъ, суслоны сноповъ разбиваютъ, продаютъ два-три за копейку, подлинно — не отличишь богатаго отъ тороватаго. Выказавши все свои диковинки, птица съ моря встрѣчаетъ молчаніе, и, отчасти удивленная отсутствіемъ восторга, отчасти изъ снисходительной деликатности, обратилась къ слушателямъ

*) Таковы еще: Утка, Куликъ, Гапки, Гагара, Сойка (*corvus glandarius*, въ иныхъ мѣстахъ - Свирстель, по объясненію С. А. Усова), Дегтаре, Заюшка (можетъ быть изъ -зогула, -зезгулица, -куушка; еще ближе, по объясненію С. А. Усова, татарское *сайкан*, сорока), Канюкъ: ихъ образы оладить.

И спрашивала у Русскихъ птицъ:
— Каково вамъ жить на Руси?

Русскія птицы все также степенны и немаложко смѣшны; но онѣ уже посбавили любознательства къ привольнымъ чужестраннымъ диковинкамъ; онѣ отвѣчаютъ съ некоторымъ сознаниемъ превосходства:

« Хорошо намъ жить на Руси: »

« Все птицы у насъ при дѣлѣ, »

« Все птицы у насъ при работѣ, »

« И все птицы у насъ при каравулѣ (Белская Дружина)... »

« Все у насъ птицы по дѣламъ, »

« Все у насъ птицы по работамъ... »

« Птицы пометъ по заранамъ, »

« Курцы тосочутъ по сагерамъ, »

« И Курца у насъ *) побѣла плеча, »

« И кто нюхаетъ дверь, »

« И всахъ веротамъ дыры, »

« Оттуль лиса добывается, »

« И зятю-свѣту запасаетъ, — »

« Отъ того теща в чисть залучаетъ... »

Этихъ Русскихъ птицъ отрывки собраны нами весьма мало: частію конечно потому, что образы Русской жизни перечислены выше какъ люди, какъ слои народного общества, частію потому, что они вообще болѣе извѣстны. Правда, также, былина нѣсколько дуть надъ важностью занятій Русскихъ птицъ; но главное дѣло, вы видите, всюду есть — трудъ, работа, распределение, хозяйство, законы міра-народа; даже курица, тѣмъ, чѣмъ на морѣ доставляютъ удовольствіе лишь себѣ, *служить міру*...

Есть еще четвертый отдѣлъ былины, уцѣлвшій въ отрывкахъ еще меньшихъ: кромѣ Птицъ, еще міръ Ж и в о т н ы х ъ, также на морѣ, т. е. на волѣ, а потому міръ З в ѣ р ь е й. Собственное начало разговора ихъ съ Русскими пока неизвѣстно; начинается въ настоящемъ видѣ прямо съ перечня, въ которомъ обрисована та же привольная жизнь:

— Волкъ, онъ на морѣ Овчинникъ,

— Медвѣдка у насъ — Кожедёрникъ (Кожемяка):

*) Такъ исправляемъ по явному смыслу, вмѣсто «на морѣ».

- Много кожъ онъ сымасть,
- На ногахъ котовъ не выдасть;
- А заяцъ на морѣ — Колаччикъ:
- Заяцъ на морѣ сомки не дѣласть
- И рѣчки не нацѣта,
- И во вѣки сытымъ пребываетъ,
- И все крестьянина разоряетъ;
- Лисица на морѣ — молода Молодица:
- Дологъ *) хвостъ, да не наступить.
- И сдѣлаетъ хоть вино, не скажетъ;
- Много вишь сдѣлаетъ,
- И про себя вины не скажетъ.

Опять, хорошъ овчинникъ, молодець кожедерникъ, хороши колачи отъ зайца, торовать онъ на чужое козачество, а за хвостомъ лисицы не мало ходять, и все она хвостомъ замечаетъ... Въ противоположность тому должны бы слѣдовать Русскія животныя — Конь, Быкъ, Корова, Овцы, и т. д. Все это отъравно забвѣнныя. Остались отсюда образъ, который конечно принадлежитъ домашнему, Русскому хозяйству :

- « Охъ тошненко, охъ тяжеленко, —
- « Кошки у насъ **) Вдовицы
- « И то Бобыли-сироты :
- « И день оны по печамъ,
- « И день оны по ошѣткамъ,
- « И ночь переходать по молочнымъ прынкамъ.»

Это отвѣтъ Русскихъ животныхъ, въ немъ видно, хотя съ усмѣшкой, желаніе показать также превосходство жизни Русской, т. е. введенной въ устройство, въ порядокъ общины и всего міра-народа: « самыя горькія вдовицы, бобыли-сироты, и тѣ у насъ, при общинѣ, вотъ какъ горюють, — день по печамъ, и день по ошосткамъ, ночью по молочнымъ прынкамъ (известно, что имъ всегда отливаютьъ молока, а нѣтъ, такъ они потаскають и сами).»

Трудно сказать на вѣрное, какво было заключеніе бывши въ ея цѣльномъ составѣ; логическаго вывода, философскаго приговора, историческаго афоризма конечно и не было: но, судя по настоящимъ

*) Исправляемъ вмѣсто « дологъ. » хотя конечно у лисы хвостъ и дологъ, и дологъ.

**) Исправляемъ вмѣсто « на морѣ. »

отрывкамъ, можемъ догадываться, какой въ нѣтъ заключительный образъ. Образъ этотъ рѣшительно выдается послѣднимъ, и мы сей часъ объ немъ скажемъ. Птицъ съ мора могли бы сназвать птицы Русскія, послѣ ея дѣвства: «Ты все цѣла, это дѣло, такъ люди же подлани! Если жъ и цѣлаа, то одно осталось, поди — поработай!» На все цѣла, да пляски, да игры, и на самой водѣ; и вода приваждаетъ къ неволѣ; и вольная птица поклонится Русскій, и она можетъ завести отъ дома, отъ работы, хозяйства, распорядка. Та самая Ворона, которая на водѣ Богатая птица, богата осенью, съ гордостью разбивая судены; она тогда «Бабка пухардана.» она вымываетъ влодъ чужаго труда, чужихъ нукъ. Но, настаетъ весна, и дѣла пережидается —

Ворона на морѣ — Бабка пухардана :
 Елониче у ней талстоу,
 Питьице у ней лраное;
 Будеши есна, — будеши она мо ааааркамо лежати *).
 Русскимъ птицами слово поддести.

Нечѣмъ поживиться въ полѣ; голодно къ концу зимы, передъ весной; ворона вымаливаетъ корму по задворкамъ, по неволѣ нѣдаетъ голось къ Русскимъ, домашнимъ птицамъ; она и прикармливалаеб зимой около этихъ счастливицъ, ей удѣляли плоды трудовъ своихъ хозяева; но теперь и хозяевамъ голодно. Нечѣго удѣлять отъ избытковъ, не только птицамъ, а даже и людямъ. Вловницы, бобыли и сироты, и всѣ которые съ поля, со стороны, странники-перехожіе, нищіе, осенью и зимою прижнуть къ общинѣ; не даромъ они по міру ходять, — зимою лежатъ по печамъ откормленные чужимъ подаяніемъ: но, передъ самой весной, вставай съ печи, нечѣго взять съ міру, ступай опять на сторону, откуда пришелъ. Это тѣ же вольныя птицы старой Руси: они вѣ общины, они только терпимы и питаемы ею, допускаются въ нее подъ известнымъ условіемъ; они вонъ и на сторону, какъ скоро тяжело самой общинѣ. Мы знаемъ это, не разъ описавши К а л ѣ к ѣ П е р е х о ж и х ѣ. Вотъ они въ былинѣ, съ наступающей весной:

Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
 Какъ стануть нищи по подоконью бѣгать:

*) Исправляемъ вѣсто явной ошибки — «лежать.»

И Холодныхъ шей не любилъ :
И горькихъ вѣкъ (подаяно) не видали.

Почти безотрадно. Не бойтесь: смотрите на дѣло не съ моря, а съ Русь. Еслибъ одно все приволье, то плохо. Но весна наизула не одинъ привольемъ: поднимайтесь на трудъ, на работу. Разлетайтесь вы, вольныя птицы, по полямъ, по лѣсамъ и кустамъ, по рѣкамъ, по болотамъ, морямъ и озерамъ: и Русскія птицы, и Русскія стада съ весною свободны какъ вы же. За вами въ поле, на волю, пойдетъ и ширь-народъ, пойдетъ прежде всего орабочь, пахаремъ: по пойдетъ не на ваши лѣшь пѣсни да игры, пойдетъ за работы. И вотъ, выдвинута соха, снова оретъ въ полѣ ратай, постукивается, сошка у ратая поскрипываетъ, омѣшки по камешкамъ потеркиваются. За нимъ поднялся и дея Земщина, за нимъ ширь-народъ, и все что у себя завелъ онъ: дружина земская въ поле, на богатые заставы; князь и царь двинулись съ княжества: ширь-народъ въ лѣтній походъ, на Половца, на врага, на нечестивыхъ язычниковъ, стоять за Русь, утирать поту за Русскую Землю; съ ними въ орестовъ своихъ бояре, дружина княжеская; мелкіе судьи на мѣжд, на дыги и чети, на споры земщины передъ судомъ княжескимъ; попы-лѣнды съ погостовъ въ крестные ходы по деревнямъ и селамъ, съ подьякомъ и дьякомъ; мелкіе люди изъ мѣста къ мѣсту гостями, въ разносъ и разносъ, плотничать, мастерить; пустились по сторонамъ каѣки переходже, отъ монастыря къ монастырю, по храмовымъ праздникамъ въ делахъ, со Стихомъ на устахъ. Все двинулось съ весною: на волю—неволей труда, на свободу—не на бездѣлье, на трудъ и работу, чтобъ выработать новое, чтобъ силы пустить въ заработку, чтобъ ими добыть для будущаго, какъ слѣдуетъ міру-народу, всякому сложившемуся существу и бытью. Кончилась былина о Птицахъ; съ какого конца началась она, своимъ концемъ вывела она къ тому же началу: подымается снова былина о ратаѣ Микулѣ, за нимъ о Богатыряхъ, вотомъ слышны былины Княжескія, потомъ объ царяхъ Московскихъ, и Стихи начались; и всѣ пѣсни, какими привыкъ сопровождаться и выражаться трудъ Русскій:

Все дружно, съ молитвой и пѣснью, взято.

Второй отдѣлъ «Записки» своей начнемъ мы данными по видному крайне молчали: порча или передѣла разныхъ именъ и названій въ передачѣ творящихъ, въ передачѣ произведеній изъ усть въ уста, или изъ усть на письмо и обратно. Но отсюда мы получить возможность восстановить и уяснить не только отдѣльные образы творчества, но также многія дѣйствующія лица былинъ, но даже цѣлый рядъ образовъ, цѣлыя былинны, цѣлыя эпизоды и даже области творчества. Мы попытались тѣмъ пробить, доселѣ не занятой никакими подобными разсужденіями въ Русской наукѣ.

Далеко извѣстное, что Русскій народъ, какъ и всякій народъ, переименовывалъ имена и названія, чужестранными или какъ имъ-будь къ нему зашедши, во всякомъ случаѣ непонятными сами по себѣ или едва-различимыми поначалу, т. е. не объяснимыми изъ роднаго смысла и смысла, не-подходящими по звуку; корни или обладъ сего послѣднѣго. Переименовая по своему, конечно народъ старается осмыслить, т. е. подводить имя или названіе къ своимъ звукамъ, корнямъ и формамъ; составлять отсюда свое собственное слово, привнать сюда свое народное словопроизводство и т. д., а тѣмъ вызывать представленіе понятное, понятіе въ образъ среднему. Отсюда тысячи представленій, понятій, образовъ, совершенно вновь созданныхъ, безъ всякаго иногда новода со стороны самого переименоваго слова, даже безъ всякаго въ нему отношенія. Самая крупная данная такого рода, доселѣ впрочемъ у насъ не объяснявшаяся, въ именинахъ личныихъ. Видѣть съ принатіемъ Христіанства; а отсюда вліаніемъ Византіи, имена, даваемые въ крещеніи по разнымъ Святымъ или Ангеламъ, частію восточныя въ ооритъ преимущественно греческой, всагъ же болѣе греческія и нѣкоторыя латинскія, на первый разъ готовымъ были вытѣснить собою, за исключеніемъ не многихъ именъ, введенныхъ отъ прославленныхъ Русскихъ или Славянскихъ Святыхъ, имена изъ языка собственнаго, народнаго. Этого до конца и всецѣло народъ не могъ допустить, ибо тѣмъ въ его родную область входили совершенно чуждыя стихіи, а собственная область крайне стѣснялась, стѣснялась свобода одной изъ самыхъ дорогихъ и существеннѣйшихъ стихій—языка и соединеннаго съ нимъ міра нравственнаго, творчество же теряло много родной живопности, живости образовъ: Южные

Славяне, при рожденіи назрѣвъ и доселѣ принимающіе имя изъ языка собственнаго, *Миланъ, Цытанъ, Драюшъ, Радославъ, Ружица, Ива, Бояна, Недѣля*, и т. п., или допускающіе чужестранное имя во славу патрону совершенно отдѣльно отъ своего собственнаго, *славъ славу* или правднуя *кроно* (крестное) *име* въ честь патрону, но совѣтъ не какъ наши личныя или чины, Южаны, говоритъ. Славяне живыиъ передъ нами свидѣтельствомъ многихъ отсюда присутствій даже въ самомъ народномъ творчествѣ. Потому в Русскіи съ самаго начала стремился выйти изъ такого затрудненія разными своеобразными путями. Такъ, во первыхъ, некоторыя имена, приносимыя съ чужаго языка, тотчасъ переводились на свой Русскій: *Лео, Леонъ* съ самаго начала переводено именемъ *Левъ, Лева* (шестъ *Лев-оль*), при чемъ совмѣсь два слова и образа совершенно одинаковы въ обоихъ языкахъ; имена трехъ сестеръ переводны также съ самаго начала—*Вѣра, Надежда, Любовь*; оставлена только мать ихъ *Софія*,—ее жѣтняли уменьшительно, какъ увидимъ ниже.—Во вторыхъ, при имени крестномъ—чужестранномъ, удерживали свое народное, давая его вѣроятно еще до крещенія и соблюдая послѣ крещенія, что доселѣ путаютъ иногда пониманіе летописей: *Василій—Владиміръ, Георгій—Ярославъ, Гавріилъ—Всеволодъ*, и т. д.; этотъ обычай длился весьма долго, не только въ теченіи исторіи всей древней Руси, но даже и въ новой—судя по даннымъ—до конца прошлаго столѣтія: одинъ изъ послѣднихъ примѣровъ въ этомъ родѣ—*Воня Нащокина*, сынъ автора «Записокъ» *Василья* (стр. 69 «Записокъ»: «родился у меня сынъ..., которому наречено имя *Доримедокте*, а отецъ велѣлъ звать *Воню*»), а отъ него Павелъ *Воиновичъ*, другъ Пушкина, недавно умершій. Въ третьихъ, при имени чужомъ или собственномъ, представлялось свое *языческое*, отъ котораго большею частію въ паденіи родительномъ, вообще же косвенномъ, а отсюда въ т. н. прилагательномъ притяжательномъ, пошли прозвища родовъ, т. е. *осиній*, уже чисто Русскія: примѣровъ необъятное множество. Можно догадываться, что иногда эти прозвища, заимая чужестранное имя, старались осмыслить его и такъ сказать перифразировали по Русскіи: на примѣръ прозвище *Красный* (у назѣтнаго князя), предшествуя крестному имени *Романа* или сопровождая его, вѣроятно, придерживалось своего народнаго словопроизводства отъ *рамня, румянь* (=красный). Но всего болѣе это стремленіе выразилось въ совер-

менней передѣлкѣ имѣть чужестранныхъ, отъ которой, нутѣмъ большою частію уменьшенія (соответствующаго родильному или вообще косвенному падежу), созданы имена чисто-Русскія съ соответственными образами, явленія уже родныя и понятныя. Перечтемъ изъ тысячи нѣсколько такихъ именъ. Нечего уже говорить о тѣхъ, которыя прямо, безъ всякой передѣлки или съ легкою только отиѣной, подошли къ слову Русскому: *Смла*, *Дунь*, *Лука* (залучина, напр. «лука моря»). *Тимъ* (произносимое иначе *Китъ*, какъ на оборотъ *китъ* произносится жими), *Карль* (рыба), *Павль* (Пауль; наше *лава*, въ мужскомъ *лава-мъ*, л вставлено для произношенія, какъ *дав-л-емір*, *благослов-л-еніе*, *земля* — *зѣмь* — *зем-л-я* и т. п.), *Самсонъ* (*Самъ сонъ*; другое народное сблужаніе — *Самъ-сѣмъ*: отсюда у Старшаго богатыря Самсона, вышедшаго конечно изъ Самсона Израильскаго, вѣстнаго силою волосъ, наше творчество напоминаетъ на голорѣ «сѣмъ волосъ ангельскихъ» и въ нихъ указываетъ причину необходимости; ср. Рыбникъ. Ч. I, стр. 35), *Прокофій* — *Прокапъ* (*прокапашъ*), *Лазарь* (составлено: *лаз-ить*, откуда *Лаз-арь* какъ *паз-арь*, *град-арь*, *рыб-арь*, *стол-арь*; вотъ почему *Лазаря* обыкновенно изображаютъ яремазу, что *проломаетъ*), *Иосифъ* — *Осифъ* (*осифъ*; осиплый, облишеніе, которыми весьма любятъ играть нѣкоторые сомненники Іосифа Прекраснаго), *Авраамъ* — *Обраамъ* (*обраамъ* — *оплечье*, *барма* то же, *брама* — проходъ, дверь, сначала аркою или рамою), *Іеремія* — *Ерма*, *Ярма* (*ярма*, *ярма*), *Ипполитъ* — *Ополитъ* (такъ передѣлываютъ въ народѣ, отъ *опалитъ*), *Насила* — *Восила* (*во-ситъ*, *сила*), *Адей* — *Адей*, *Адѣй* (старинное *дѣй*, *divus*, *ἄγιος*, прозвище *серога*; прилагательное у насъ Игорю; ср. Плат. являясь подъ 1185 г., откуда я любимый герой нашихъ Стиховъ и легендъ *Адей* — *Адѣй*), *Наумъ* (на-умъ, откуда въ нашихъ древнихъ училищныхъ молитвахъ *Науму* король ученый, чтобы навалъ на умъ), *Фетій* — *Фотѣй* (*фотомъ*, *рожа*), *Феофанъ* — *Фофанъ* (то же), *Фалалей* — *Фалалей* (то же), *Савина* — *Совина* (совѣдъ). Нѣкоторыя изъ такихъ иностранныхъ именъ удивительно совпали съ древне-русскими или общеславянскими,шедшими совѣмъ отъ другаго корня и съ иными образами: на примѣръ *Іоаннь* (Джіованни) — *Иванъ* (отъ *Ива*, какъ *Вербанъ*, *Цетанъ* у Южныхъ Славянъ или прямо *Ива*, *Иво*; съ другой стороны здѣсь привилось еще древнѣйшее *Эванъ*, изъ языческихъ обрядовъ, почему и возникъ *Иванъ-Купала*, *Эванъ-Купала*,

празднованіе Дюгиса-Вакла и Кивелы, соединенное послѣ съ праздни-
комъ рождества Ивана Крестителя; ср. нашу «Защитку» къ 3-му
вып. Кир.); *Даниль* — *Давило* (какъ *Чур-ило*, *молот-ило*,
сговор-ило, отъ *Даль*, имени, косель употребительнаго у Южныхъ
Славянъ). Такъ, можетъ быть, и *Савва*, *Сава*, шахиная *слава*
(*Иро-слава*; *Влади-слава* и проч., по Сербски произносится—*сав*),
соединилось съ нею навсегда въ народномъ творчествѣ: «какъ про
Саву-Савушку уложили худу славушку...». Женскія: *Василея* —
Неселка (такъ обыкновенно произносить народъ), *Кулима* —
Кулима (улитка; «Улита ѣдетъ — когда-то будетъ,» по отчеству
«Роговна»; отъ ея рождковъ), *Иустинія* — *Устимя* (устье, усти-
скій мостъ); *Февронія* — *Хавроня* (*га-вроня*, *га-вронь*, *га-врава*,
известный родъ воронъ, встречающийся у всѣхъ Славянъ идревле
въ смыслѣ внешней птицы и безпрестанно въ пѣсняхъ; ворона у насъ
поить или Хавроня), *Елена* — *Алёна* (отъ *алый*, какъ *красна*,
бурёна, *славёна*, *пльбёна*). Въ особенн. какъ сказано, пооб-
было здѣсь уменьшеніе, соответствующее косвеннымъ падежамъ, при-
даваемое въ смыслѣ ласки: уменьшительное имя тотчасъ смягчало
жестокость, грубость, непонятность чужестраннаго, и лицо, названное
уменьшительно, этии самыи вводило въ родню, приближало съ род-
ными, приколупывало. Такими имена: *Трофимъ* — *Троша*, *Трошка*
(кроша, крошать — троша, трошить); *Борисъ* — *Боря* (боръ), *Мит-
рохъ* — *Мотя*, *Мотюха* (мочь, мотокъ, мотавъ), *Тихомъ* — *Тышка*
(тѣшъ), *Терентій* — *Тереха*, *Терюха* (терять), *Стефанъ* —
Стѣня, *Стѣпуха*, *Стѣпаха*, *Стѣпка* (стѣнь; степать, щепать;
стѣнь), *Симеонъ* — *Семень* — *Сельна* (сѣня; сѣнь, сѣнька), *Давидъ* —
Даша (ашный); *Георгій* — *Юрій* — *Юша* (покрый; «юша юшей»),
Кандидатинъ — *Костя* (кость, костить), *Антоній* — *Тоня* (сѣтъ;
тонуть); *Николай* — *Коля* (поль, кодь; колю), *Елисей* — *Елеса*
(корень *лес*-, *лас*-, отсюда *лестъ*, *ласка*, *ластитѣся*; какъ *Лазарь*,
Елеса значить лѣтеца, пролазу); *Ома* — *Холка* (хонякъ; отсюда
же ввратно перемасовано прозвище *Шемани* и отсюда же народ-
ное произведеніе; сдѣланное изъ Шемани недогадливо и неловкаго
судья); *Сергій* — *Серёга*, *Серёжка* (серьга), *Косма* — *Кузьма* —
Кузьма, *Кузьня* (кузьнъ и кузовъ; отсюда, какъ кузнецу, умѣющему
ковать денежку, и кузову, мѣшку, Кузьмѣ обыкновенно богатство,
совершенно въ противоположность безеребраннику; отсюда народныя
сказанія о «Кузьмѣ сѣдробогатомъ;» не думая нисколько о Кузьмѣ Ме-

дичи (народъ доселѣ въ Кузнецѣ ищетъ богатца); *Бромалай* — *Бромала* (пшеница, пшеница; полагаемъ, что это отъ *Ерма* и «пшеница земли Крестской»), *Александръ* — *Александра* — *Сава*; *Самоки*; *Сама*, *Самки* (М. А. Милковичъ сравниваетъ при этомъ слово Малорусское преданіе о травѣ *Самки съ самопр. рвѣд*, причѣмъ вспомнить нужно древнеславянскую «сань люту, » зѣбро); *Михалко* — *Миша*; *Мишина* (мишь — мѣшь; но съ этимъ совпадало древнее, сокращенное понынь у Южныхъ Славянъ имя медвѣды *мѣша*, откуда и у насъ медвѣды зовется Мишкой); *Петръ* — *Петля*; *Петшка* (пѣтухъ, пѣтель; у насъ пѣтуха зовутъ Петькой); Еще ярче здѣсь имена жемчужныя: *Евѣмлія* — *Аемля* — *Хѣма*, *Хѣмка* (лѣнница, жемчужина), *Татїана* — *Таня*, *Танюша*, *Танька* (танецъ, танецъ); *Соня* — *Соня*, *Сонька* (сонливая), *Миря* — *Мая* (манить и манійный; маевый) и *Маши* (махать; отъ *мау*, мау названіе жемчужины); *Евдонія* — *Авдонья* — *Думя* (дуть) и *Дѣма* (то же: дуть, дѣмъ); *Азриѣма* — *Арафена* — *Грумя* (рысь) и *Грумя* (дерево; плодъ), *Олимпїада* — *Лѣта* (дерево), *Дарья* — *Давид* (дѣтъ; ср. выше жуковое *Давид*); *Ирина* — *Арида* — *Орида* — *Орюма*, *Орюма* (орать, пѣхать), *Параскева* — *Парасковья* — *Паша*, *Пашѣнка* (та же отъ *Павелъ*: парня; чакать), *Пароля*; *Паруша* (парь, парить; и т. п.; *Параскева*, имя два приготовительнаго къ субботѣ; означая по гречески «приготовленіе»; перешло къ имени «Питого» два, потому въ имя личное, которое по Славянскимъ истолкованю «питница, » «Параскева перелеченная Пятница»; «лицо *Питницы*, по Югославянски *Питка*, славянскія слова *Питка*; советъ отделился отъ греческой Параскевы и слилось въ представленіи съ какою-то особымъ древнимъ божественнымъ языческимъ, перешедши въ замятыя, заговоры: о чествованіи Пятницы, какъ Святой христіанской и какъ древней языческой, когда инабудь снѣжашъ подробно; у насъ она является по Слѣхамъ въ видѣнцѣхъ и даетъ правила, какъ чтить и какъ проводить пятницы; такая же святая образовалась у Южныхъ Славянъ *Педьля*, собственно «праздникъ, » праздный день, потому седницей до въ седмцы, воскресенье, и также перешло въ женское личное имя, мужское *Педьляко*, *Педьляко*), *Меланїя* — *Маланья*, *Маланя* (ср. выше *Мая*; также *Малуша*, малая, маленькая), *Варвара* — *Варя* (жѣра свѣрената, пиво, меда; варь, жарь; варовая, проворная), *Елисавета* — *Лизавета* — *Лиза*, *Лизышка* (лвзѣтъ, флвватъ, ласкѣтъ);

Акимид—*Акулина*—*Окулина*—*Окуля*, *Куля* (куль; куля), *Юлид*—*Юлия*—*Юля* (юль), *Гликерія*—*Лукерія*—*Лушка* (шелуха), *Екатерина*—*Катя*, *Катюха* (катить), и т. д. Не полагайте, что народъ, прозвися на вригъръ *Липа*, *Груца*, думаетъ о какомъ либо неказеніи или объ отношеніи къ греческому слову: у него также образъ дерева, плода, какъ у Южнаго Славянина при именахъ *Врба*, *Елица*, *Ела* (ѣла, совпадающее у нихъ также съ *Бленой*), *Гредена* и т. п. На этомъ же основаніи имеютъ или созвучіи съ ними основаны многія даяния народнаго сѣвскаго Дневника: «*пойдутъ Сидоры*—*пойдутъ сморы*;» «*Гарасина*—*Грачевника*»; «*съ Апрелья земля прельтъ*;» «*Федуль*—*тапый втеръ подулъ*;» «*въ Маѣ жениться*—*малышатъ*»; «*Еремья*, *Прѣмы*—*запругальника* (запругать въ ярмо);» «*На Олгу садить лёмъ*;» «*Петръ и Павелъ* (навилъ, бавилъ) два чада ирибавить»; «*Макрины* обратилось въ *Момриды*, и рѣшается, *пожралъ* да будетъ осень;» «*на Барисъ и Гальбъ посѣвають хлѣбъ*;» «*на Семѣнъ дѣнь выплывають сѣмена*;» съ дѣвцей *Матроны* «*зна матеря*, *матерельтъ*;» «*Веденья ломають леденья* (отсюда, въ быльяхъ у насъ напечатанныхъ, островъ *Леденецкій* передѣльвается въ *Веденецкій*);» въ *Варвара* «*зна дорогу заёрить*,» и т. д. Тысячи послонницъ, всѣми извѣстныхъ, со вставными соотвѣстными именами (иностранными), обращенными въ нарицательныя, или къ чинамъ дѣлнхъ либо свойствъ, или въ одинъ просто созвучіа, подтверждаютъ то же самое. Мало по малу доходятъ до того, что какое такое имя, посредствомъ звуковъ своихъ, слышимыхъ и помнясь въ *Русскѣ*, выражаетъ родное русское представленіе, известное понятіе, извѣстный образъ, и на этомъ основана народная *рима*, всегда почти сопровождаемая иностраннымъ имя: «*Троша*—*нораша*», «*Ерещій*—*рааушій*», «*Федуль*—*надуль*», «*Гришка*—*стришка*», «*орышка*», «*Оша*—*кроша*», «*Федось*—*косъ* (при домыслѣмъ выше *Романъ* *Краснакъ* можно поставить и *Федосія* *Красага*; укрѣпить за этии лицами прозвища способствовало самое имя ихъ, или да оборотъ имя чужестранное даялось несль: уже прозвища, выражающаго свойства и признаки ребенка; сравните лицо *Шелакъ* какъ *Хомякъ* въ народномъ сказаніи),» «*Федось*—*мо тотъ*,» «*Ефратъ*—*крякъ*», «*Никитки*—*никитки* (часть тѣла),» «*Филанъ*—*приланъ*», «*Захарка*—*захаркаль*,» «*Реманъ*—*карманъ*,» «*Радвонъ* (*Радъ-воиъ*, дѣл *Продѣкъ* образованное какъ новіи славянскіи имена, — *Ра-*

дивой, Радомиръ, Радость, Радославъ и проч.) — поди вонъ,» и т. д. Образуются отъ такихъ именъ даже глаголы: отъ *Семема* и *Сѣма* — *посѣмывать*, *пересѣмывать* (не знать, что дѣлать, поминаться, толочься), отъ *Спиридона* и *Смира* — *поспиривать* (спираться, упираться), такъ что, на оборотъ, въ творчествѣ выведены эти лица, *Сѣма* и *Смира* (мы знаемъ ихъ по быльямъ), уже не изъ чужестранныхъ именъ, а какъ образы, воплотившіе въ себя свойства *пересѣлки* и *поспирки*, подобно какъ чисто-русскіе *Притчечки* и *Хапилковы* изъ *притки* и *жапаль*. — Не только съ личинами, но и со всѣми собственными и чужими иностранными соединилось то же самое, на глазахъ исторіи: изъ *Ольга* и *Ольги* сдѣланы *Вольга* и *Волга* (ср. *по-льга*, *по-льза*, *ды-ста*, *льза*), изъ *Стокгольма* въ древней Руси *стоколя*. — Далѣе то же самое произошло, какъ знаемъ множество примѣровъ доселѣ, со всѣми иностранными *с л а в я н и*. — Потому напрасно иногда преувеличиваютъ здѣсь иностранное вліяніе, воображая сами и утѣряя другихъ, что съ вліяніемъ заносимыхъ именъ, чрезъ употребленіе, чрезъ устную или письменные памятники, искажался или существенно измѣнился народный смыслъ, народная сила творчества: смыслъ и сила напротивъ еще больше возбуждались, практиковались, находили непринятости и здѣсь дѣйствовали своимъ способомъ, или своимъ путемъ. Некоторая тяжесть была и бываетъ лишь временно, на первую минуту, пока народъ прислушивается, озабоченъ, и потому тотчасъ свѣтлѣетъ. Въ упомянутыхъ примѣрахъ онъ совсѣмъ не поддавался чужестранному гадъ, не прикидывался, не прибиралъ созвучій, поддѣій: онъ слышалъ въ этомъ заносномъ только свое и по своему, — *Варвара* обдавала его *саромъ*, *Семемъ* принесла *ольме*, *Тюломъ* — *тишину*, и т. п.; больше ничего и не давали эти имена и слова для слуха и смысла. Народъ вращался здѣсь не въ чужомъ мѣрѣ, а въ своемъ собственномъ; бралъ, представлялъ, понималъ, воображалъ не чужое, а свое. Какъ, рассказывая, онъ совсѣмъ не утѣряетъ, что ведетъ насъ по чужимъ землямъ, такъ и вы пожалуйста не карайте его, не тащите учиться въ гимназію географіи, за то, на примѣръ, что по принятому типу своего творчества онъ близъ моря Чернаго именуется вамъ «желты пески Макарьевскія», или дѣвушку на Востокъ заставляетъ ждать «жениха съ Москвы» (см. ниже Стихи объ Егоріѣ).» И не только это касается именъ и словъ иностранныхъ, но и всѣхъ своихъ, Русскихъ,

почему либо дѣляющихся дѣлекннй, неопытными или новыми въ въ необычной формѣ, однимъ словомъ прошлыми: вѣчно живущій, народъ не можетъ допустить такого прошлаго въ мнрѣ существенныхъ своихъ силъ, возрѣннй, понятнй, образовъ; если это дѣйствительно прошлое, то это для него ничто или совершенно чужое, не лучше иностраннаго; если же оно еще вѣчно, то не прошлое, а такое же настоящее; всегда право родное и близкое народу. Потому прошлое, если до обречено на уничтоженіе, переходитъ въ настоящее; своеобразно настоящему положенію, настоящему взгляду и смыслу, и только что начинаются стареть, и тускнѣть, и забываются такого рода слово, представленіе, понятіе, образъ, — сей-часъ же обновляется, ювениль новыми стихіями, новыми преобразованиями, переизумкомъ; продолжая жить сквозь тысячн лѣтъ по ступенямъ разныхъ отбѣжковъ. Приводитъ привзы изъ общенія было бы слишкомъ долго. Отданные преимущественно изслѣдованію основъ в началѣ, коимся ходъ дамыръ; истекающихъ изъ язычества, мнелогн, доисторической обрядности. *Сабацимъ*, торжества Дюниса-Факха, переходятъ въ *Соботки*, *Суботки*, известныя доселѣ на Славянскомъ Западѣ, и связываются съ: *субботою*; празднество ихъ на горѣ, при рѣкѣ, — и горы, и рѣки получаютъ имена *суботъ*, *суботокъ*; суббота — саббатъ — *шабашъ*; вѣдьки Кіевскія въ *шабашъ* летаютъ на горы праздновать; *шабашъ* — *шабашить*; — праздникъ, праздновать. *Купалу* переходятъ *Купалу*; связывается съ лѣтнимъ *купальемъ*; священный день съ христіанскимъ днемъ Ивана, а Иванъ христіанскій имѣетъ отношенія къ *рѣкѣ*, къ *крещенію*; къ *водокрещанью*, къ *купальню* въ священной водѣ; самое имя *Ивана*, какъ помнили мы, воприимаетъ въ себя болѣе древнее, языческое имя *Эвана*, *Шемъ*; нахлунтъ Ивана Аграфена — и она *Купальница*. *Велесъ* или *Волосъ*, «скотій богъ», переходитъ съ одной стороны въ христіанскаго *Власія* и совершенно имъ замѣняется для сложившагося и крестившагося народа, а съ другой при имени *Власія* стоитъ собственное слово и представленіе, *власъ*, *волосъ*, откуда обрядъ злви вать Водѣу или Власію бороуду подобнымъ образомъ и у Нивцевъ рядомъ съ св. Власіемъ сталъ св. *Блазій*, а при этомъ слово *blasen*, дуть, вѣять, и вотъ являются образы «вѣтра св. Блазія.» — Но въ настоящемъ случаѣ намъ важнѣе пока данныя народнаго былевато творчества: къ нимъ и спѣшимъ мы; а такъ какъ для возрѣннй на все это дѣло точка нами устанавливается, то остается только

пересчитать примеры. Заметимъ лишь предварительно, что иногда здѣсь дѣйствуютъ совершенно случайность: невнятность въ пѣніи дѣвица; ослишка переписывающаго; оплска древняго писца, записавшаго устное произведеніе; переписавшаго записанную рукопись, недомѣя того, кто подъ вліяніемъ письменности слагаетъ народное сказаніе; вычитавши или выслушавши воспроизводитъ содержаніе въ народныхъ образахъ; и т. д. Чистыя иногда случайности въ поводѣ, но послѣдствія не маловажны: какъ скоро есть возможность и опасность, вследствие вправнаго грѣха, погибнуть или исчезнуть имени, представленнаго образу, которому гибель не суждена, которому еще жить да жить, народъ тотчасъ возбуждается: еще дѣятельнѣе творческаго слогомъ, напрягаетъ ее еще бѣнче, подхватываетъ звуки въ какомъ либо помѣтномъ сочетаніи; осмысляетъ терпящее смыслъ, блѣднѣющія черты образа окрашиваетъ краскою своего образа, вливаетъ въ него кровь свою, выдыхаетъ умирающему себе дыханіе: имя снова живетъ, хотя въ перезвукахъ, образъ снова дышетъ свѣжестью, является существо и лицо совершенно новое, образы плодятся за образами, создаются дѣла созданія. Отъ перваго повода крайнѣе уже далеко, онъ и забытъ, и затерянъ: на лицо уже не случайность, а опять существенныя силы, чѣмъ-народное возрѣніе, Русскій образъ. Такъ даже самыя случайности, ошибки, обмолвки не затемняютъ дѣла для науки, а напротивъ выводятъ передъ насъ новыя данныя, даютъ ей поле новыхъ соображеній, помогаютъ одно произведеніе связать съ другимъ, устное съ устнымъ, устное съ письменнымъ, письменное съ письменнымъ, мѣстное Русское съ мѣстнымъ, его же съ пришлымъ, пришлое съ другимъ иностраннымъ.

Довольно взглянуть бѣгло на Стихи (см. наше изданіе «Калѣки Перехожіе» въ 3-хъ выпускахъ), чтобы получить много интересующихъ насъ примѣровъ. Иванъ Богословъ за сладкія слова получаетъ отъ Христа уста золотыя; шагъ, и другіе образцы Стиховъ вмѣсто его выводитъ уже Ивана Златоустаго, а далѣе даже просто Ивана Архіепискупа (вып. 1, стр. 4, 7).—Заключенниковъ надо почитать; но они въ темныхъ темнищахъ: по народному образу нужно ихъ посвятить, причислить (стр. 54 и дал.).—Лазарь собственно одинъ убогій, и это тѣмъ убогаго; но у него, извѣстно, былъ братъ, съ которымъ все дѣло; имя же брата не извѣстно; но должно быть не извѣстно: это также Лазарь, но уже богатый, и имя Лазаря слу-

жить тиромъ также для вога ча (тамъ же). — Убогій Лазарь ле-
 жить во гнѣи мѣ, гнѣеть отъ гноющихъ рамъ: творчество выбра-
 сываетъ его на навѣзъ, ибо навѣзъ иначе «гноище»; дайте,
 корень *гни*—одинаково производитъ собою и слово *гнѣи*: и вотъ гнѣище
 не только является гнѣи въищеи, но, осуждая Лазаря на эту долю.
 «созаалъ Госмоди на убогаго гнѣи въ;» а еще дайте, Лазарь убогій
 даетъ брату угрозы, тотъ видитъ въ немъ безсильную злобу, на-
 прасный гнѣи (тамъ же и стр. 69, 74, 75). — Въ Стихѣ объ
 Алексѣѣ изъ иностраннаго города Едесса сдѣланъ «Одесъ градъ»
 т. е. Русская Одесса (стр. 102 и дал.). — Тамъ же и въ Стихѣ
 объ Егоріѣ Гоноріѣ или Оноріѣ, иногда Онуріѣ, переке-
 дить въ болѣе знакомаго Онохріа. т. е. Онуфріа. — Старый Римъ
 обыкновенно произносится Римъ, а это слово по областямъ у
 насъ значитъ «домъ,» жилище: народъ, благодаря этому, въ Римѣ
 какъ дома; между тѣмъ дайте Римъ, русія и по прозвищу ста-
 раго, сходится съ Русалимонъ, который вставляется всюду
 весьма охотно, не только по своей общезвѣстности, но, весьма
 вѣроятно, по сходству съ Русью (стр. 111—125). На сближе-
 ній Рима съ Русалимонъ основано и то, что рядомъ съ Онуріемъ
 является въ Римѣ «царь Удаѣй (Иудей, Иудейскій; стр. 134),» а
 это, дажде, одно лицо съ помянутымъ народнымъ героемъ Агеемъ
 или Адѣемъ: и вмѣсто «Давыда Іессеевича,» передѣланнаго въ Ев-
 сѣича, въ описаніи временъ далекихъ, по Стихамъ и быльямъ,
 встрѣчаемъ Агея Евсѣича. — Вообще имена Давыда Ев-
 сѣича, Агея—Адѣя Евсѣича, старцевъ Онуфріа, Ма-
 карія, Захарія и т. п. сдѣлались уже именами типическими,
 пригодными всюду, гдѣ говорится о древности, и въ Ерусалимѣ, и
 дажде въ Суадавиинѣ (Кир., вып. 3), уживаясь здѣсь обыкновенно
 съ народомъ Русскимъ. — Въ Царьградѣ, по имени Констан-
 тина-града, чаще всего слытъ Константинъ Самойло-
 вичъ, Слуйловичъ, или Боголюбевичъ (т. е. православ-
 ный); въ восточныхъ православныхъ городахъ онъ же. — Въ Ерусалимѣ и
 Царьградѣ, да и другихъ восточныхъ городахъ, коль скоро они право-
 славны, обыкновенно народъ Русскій, а изъ Царьграда какъ разо-
 шлись по Руси соборныя церкви Софія, такъ и вездѣ, гдѣ православіе,
 представляется церковь Софія, и всякая соборъ—церква—Софія. —
 Онѣиамъ, обратясь въ темьянъ, истолкованъ болѣе обрусѣвшимъ
 словомъ «ладонъ» и ставится съ нимъ всегда почти вмѣстѣ: «тѣмъ-

лягъ-ладонь;» по «темлянъ» переходить и въ Двѣньяя л, Дамьян л, а это уже употребляется какъ «собственное имя» при ладонь (стр. 130 и друг.).—Иakovъ, по прозвищу Израиль, помѣщается потому «во градъ во Израиль (стр. 155). » Замѣтимъ здѣсь кстати, что Ираиль и долина Иосафата, черезъ книги и рассказы бывалыхъ людей, дали имя въ нашихъ былинахъ рѣкамъ Израиль и Салату братья Кіева; а послѣднее имя, осмысленъ, сдѣлано «Салфетомъ» и «Солфю» (восточное *софра, совра*, разстилка пушанъ, скатерть, посланный на полу столъ),» откуда беретъ рѣку, разстилающийся скатертью, называется «Салфетскимъ бережкомъ;» но неконный зпигеть берега есть «крутой,» и вотъ, не смотря на пологость берега, на прозвище «Салфетский,» является «Салфетский крутой бережокъ (Кир., вып. 1).»—Въ Стихахъ объ Иосифъ Пятѣфрѣ дѣлается болѣе обручеванный Перфильемъ (стр. 161).—Здѣсь же Иакова погребаютъ, а какъ скоро погребеніе, то, по установившемуся типу, «въ соборной Божьей церкви (стр. 172);» къ сыну призываетъ онъ съ князьми съ боярами, «со многими съ православными христианами,» т. е. съ крестьянами, съ низшими слоевъ народа (стр. 183): доказательство, что «крестьянинъ» въ эпоху гнѣва потерялъ уже первобытное значеніе «Христианина,» «человѣка крещенаго,» а давалъ именемъ своимъ только представленіе поселенна, мужика.—Въ Стихахъ объ Асаѣ Царевичъ Пустыня изображается лицомъ живымъ, перетоваривается съ пришельцемъ, сначала долго возражаетъ на его желаніе жить въ пустынь и допускаетъ лишь послѣ успешныхъ просьбъ и полной рѣшимости съ его стороны на подвиги. Образъ развитой, творчество поднято на ступень высокую. Но вотъ, въ одножъ образѣ (стр. 237—240), тонъ пониженъ, рассказъ переведенъ въ общеніе, сближенъ съ побывальщинами и сказками; отказъ пустыни, вмѣсто разговора, передается такъ: «прошелъ Асаѣ царевичъ въ пустыню: стоитъ пустыня заперта, никого въ ней нѣтъ; сталъ отворять ее,—не отворяется.» Потомъ нужно вѣтвить этихъ, произносимые отъ лица пустыни: сказатель прибѣгаетъ къ такому приему — «въ пустынь заговорилъ.» Послѣ стиховъ, «отворилася пустыня.» Но она все-таки встаетъ доможъ; когда снова Асафу приходится выслушать отъ нея совѣты, онъ находитъ: «въ пустыни записка писана, на столъ кладен л.» Ясно, образы эти неизмѣримо отстали отъ некогда, пред-

ставящихся пустыню живыми, говорящими еуществомъ, хотѣвъ дурно перенять, испорченъ: но, какъ мы замѣчали, тотчасъ есть и выходъ; творчество идетъ дальше, создаетъ образъ совершенно новый и его оригинальность конечно не уступаетъ уже образу прежнему. Пустыня, представленная домомъ, съ дверями, замкомъ, съ записками на столѣ, какъ нельзя лучше выражаетъ другую сторону духовно-превратенныхъ воззрѣній древней Руси: именно, какъ *сладкое* дѣлается какимъ-то приемомъ вѣнскимъ, въ родѣ хозяйства, обзаведенія домомъ, съ умѣньемъ какъ поклониться, сѣсть, встать, заняться занасомъ въ продовольствіе. Вы видите *храмину* во вкусѣ древней нашей живописи, какъ встрѣчается во многихъ рукописяхъ, съ образами, съ наложничкомъ, келейку съ бумагой, перомъ, периллами; тутъ старецъ—настоятель, то не цукаетъ приходящаго, то, наконецъ «сидеть аминь»; затѣвается со старцемъ переписка о вѣрсахъ спасенія, и т. д. — По Стихамъ объ Егорѣ извѣстно, что здѣтъ неподвижныи сдѣлать въ народномъ творчествѣ совершенно Русскими героимъ, возрождающимъ жизнь древнѣйшую въ ебѣлости, праждаивенности и Христіанству. Между прочимъ однимъ изъ поводовъ къ такому представленію, однимъ изъ началъ, породившихъ для творчества такіа послѣдствія, было самое начало Стиха, гдѣ отечествомъ Егорья называется Р у с л а д и м ъ, т. е. Р у с ь православная. Родившись актѣ, Егорій, послѣ мукъ у цевѣрнага царя, смѣло уже возвращается на родину въ Ч е р н и г о в ъ (выд. 2, стр. 399, 461 и др.) и даже въ К і е в ъ (тамъ же и 404, 407 и др.). Мать его—С о ф і я: дѣлавши, какъ поминали мы, слово это не переведаннымъ возлѣ переведенныхъ именъ Вѣры, Надежды и Любви, народъ за то постоянно всегда прибавлялъ и прибавляетъ сюда Русское—«П р е м у д р о с т ь, Премудрость Божія (все равно, идетъ ли дѣло о самомъ лицѣ, или о храмахъ)». Потому это сдѣлалось эпитетомъ, прозвищемъ—П р е м у д р а я: такъ и мать Егорья всегда «Премудрая.» Но это любимое имя главныхъ соборныхъ храмовъ: Егорій, возвращаясь на родину къ матери, находитъ, среди всеобщаго опустошенія и развалинъ, — «стоитъ церковь соборная, стоитъ С о ф і я м а т ь П р е м у д р а я.» Въ этой уже церкви стоитъ настоящая, плотская м а т ь, то же С о ф і я П р е м у д р а я, стоитъ во храмѣ на молитвахъ Іисусовыхъ. Тѣмъ не менѣе, исповѣдуя вѣру свою, Егорій говоритъ, что вѣруетъ Христу, Богородицѣ, Троицѣ и С в я т о й С о ф і и П р е м у д р ы к (стр. 458). Целаяку же у святой Софій три до-

чре, Вѣра, Надежда, Любовь, то тѣ же три сестры дѣлаются у
 Егорія, онъ освобождаетъ ихъ и привозитъ къ матери. Любопытно
 при этомъ, что въ Житіи Егорія дѣйствительно упоминается мать,
 оставшаяся съ нимъ вдовою; и по смерти мужа, переселившаяся въ
 Палестину: отсюда и Ру с а л и м ѣ, начале, съ котораго идутъ Стихи
 Егорія, перехода подъ конецъ въ Черниговъ и Кіевъ. Отчего
 же она сдѣлалась Со ф і ю? Сейчасъ видимъ къ тому сильный
 поводъ; а вмѣстѣ и новый поводъ отождествить ее съ храмомъ Со-
 фіи и перенести совершенно на Русь все происшествіе Егорія. Зна-
 менитый нашъ Ярославъ крестнымъ греческимъ именемъ назвалъ
 Г е о р г і е м ѣ, Егорьемъ; въ честь патрона своего, поставилъ онъ
 церковь. Егорью предъ вратами Святой Со ф іи, Кіевской
 митрополитомъ и а т в е р и соборныхъ церквей Русскихъ; освященіе дер-
 вяннаго начла змину Егорью, столь знаменитому: въ нашей дека-
 ріи «Юрьеву дню.» Вотъ эпоха, съ которой конечно, сильнѣе рас-
 пространилась легенда объ Егорѣ, и въ устахъ. Какъ же. Перехо-
 дилихъ превратились въ разнообразное «Стихи» и вотъ путь, которымъ
 съ мѣткою Софійѣ пришелъ Егорій въ Русь изъ Палестины. — Царь
 при цесарствѣ князя Егорія, Феодоръ, назъ Феодоровъ народъ зналъ
 по легендамъ преимущественно двухъ, почти одновременныхъ, ро-
 домъ изъ одной стороны и празднуемыхъ въ одномъ мѣсяцѣ: Тир-
 на, передѣланнаго въ Тирна и Тирница, — по его, онъ отдѣлилъ
 въ особый Стихъ; другаго Ст р а т и л а т а, — и врозь, царь Феодоръ
 является Ст р а т и л а т о м ѣ или Ст р а т и л а т о р о м ѣ. Имя
 это поддерживалось и другимъ, встрѣчавшимся въ дальнѣйшемъ те-
 ченіи Стиха, птица Ст р а т и м ѣ; передѣлавши на ладъ болѣе
 Русскій Ст р а т и л а т о в а въ Ст р е д е л а т о в а (встрепенуться,
 встрепанный), народъ и птицу обратилъ въ Ст р е п е ю н а, под-
 крѣпляя производство одного имени другимъ. Феодоръ кромѣ того былъ
 «царемъ:» вмѣсто «Стратилатора» по нѣкоторымъ Стихамъ выходитъ
 уже и м п е р а т о р ѣ (тамъ же, въ выш. 2-ій). — Еще замѣчатель-
 нѣ имя и образъ Егорьева мучителя (см. выш. 2, стр. 393—503).
 Царю или императору Діоклѣтіану суждено было тѣсно связаться съ
 Славянами, между которыми провелъ онъ вѣднѣе дни оубо. Съ
 Далмацкаго побережья преднія о намъ распространились даже и у
 тѣхъ Славянъ, кои прибыли на Югъ позднѣе: между прочимъ у Сербовъ
 онъ является въ Стихахъ названнымъ братомъ и вмѣстѣ врагомъ Ивана
 Крестителя (собр. Караджича, Ч. II). Мучитель по преимуществу,

онъ сдѣлался послѣ типомъ и всякого мучителя въ народномъ творчествѣ. Тѣмъ болѣе обрешивался онъ на собственномъ своемъ ищетѣ, какъ врагъ Егорія, въ нашихъ Стихахъ, подъ именемъ — царице Діоклітіанѣще, Диклітіанѣще (ище прибавляется, между прочимъ, къ образу громаднѣмъ, страшнѣмъ, подавляющімъ). Здѣсь пришлось ему испытать всевозможныя яростныя судбы. Прежде всего, длинный и неудобный, передѣлался онъ въ Дентіанѣще; за тѣмъ, попонятнѣе, въ Демьянѣще, Одемянѣще; потомъ, по другимъ памятникамъ, Одріанѣще, Адрианѣще, куда, при знакомомъ корнѣ слова одръ, одръ, прививались и другіе египетскіе царя, «Адріанъ», «Даріанъ» и «Адаріанъ», но народный легенда пѣтливый и взыскій Ерусалимъ, возгордившійся, хотѣвшій называться богомъ, связанный съ многочисленными нашими сказаніями о Соломонѣ или Саламонѣ (см. ниже). Особенною поддержкою для такой перемѣны послужило то, что матерью Егорья сдѣлала Софія: какъ скоро это совершилось, участь Діоклітіанѣ была уже рѣшена, онъ долженъ былъ обратиться въ царя Адриана, ибо Софія жила и была мучима, какъ знаешь изъ житія ея, при Адрианѣ. Его царство невѣрное, поганское, со всеми кривками дачества. Еще далѣе «воръ-Демьянѣще (онъ обыкновенно произносится и веромъ, и проомъ, собаной)» породилъ робю «Мартемьянѣще»

ВОРДЕМЪЯНИЩЕ

МАРТЕМЪЯНИЩЕ.

А «самъ Демьянѣще» перешелъ въ царице «Самодержавнище»:

САМЪДЕМЪЯНИЩЕ

САМОДЕРЖАВНИЩЕ.

Но и того мало: Надгіап-Адрианъ, Адрианѣще, обратилось въ Кудреяна, Кудревяна, Кудріанѣще, Кудрянѣще, Кудрянище, Кудреяна Кудреяныча, чему способствовали еще и косвенные падежи (ср. выше и ниже) съ предлогами, которые сливались въ пѣніи:

«во тому ку царю К У Д Е М Ъ Я Н И Щ У
 К ъ О Д Р І Я Н И Щ У
 К О Д Р І Я Н И Щ У
 К У Д Р І Я Н И Щ У.»

(Этотъ оборотъ въ Стихахъ объ Егорѣ весьма частый, при гла-

голахъ: «увезишь», «поѣду», «поѣдешь»). Вѣсть съ смѣю и царство этого царя, и всякое невѣрное, паганское, языческое сдѣлалось разумѣется Кудряянскимъ, которое увидимъ мы ниже. Имя же само стало совершенно ясно, понятно, Русское: оно связалось съ кудрями. Начинаются въ творествѣ образы: невѣрный царь хватаетъ отца Егорьева «за желты кудри», у него самого «волоса какъ кавыль-трава», и такими же волосами, какъ «кавыль» и «камышь», обросли и сестры Егорьевы, обращенныя царемъ въ свое подобіе при дворѣ его и въ услуженіи. Царьще Кудрянь Кудрянычъ или Кудрянище сдѣлался въ нашемъ творествѣ типомъ героя кудряваго, образомъ кудряватости, его голова типъ головы кудрявой; тотчасъ вспоминаемъ приведенныя выше слова изъ былинъ:

« Рада бы тебя, молодца, спородити
 « Смѣлостью въ Илью Муромца Ивановича,
 « Силою въ Самсона Колывановича,
 « Красотою-то во Осина Красиваго,
 « Кудрями во Царьще Кудрянище.»

О связи представленія «кудрей» и «кавыль-травы» съ кочевьями и отдаленнѣйшей эпохой скажемъ послѣ при случаѣ; а ниже приведемъ еще изъ Стиховъ объ Егорьѣ образы птицы, рыбы и воротъ, также царство «Арапинское.»—Стихи объ Егорьѣ и Лизаветѣ тѣсно связаны образами народнаго творчества со Стихами о Ѳеодорѣ Тиронѣ, а вмѣстѣ и съ легендами о Ѳеодорѣ Стратилатѣ; этихъ двухъ Ѳеодоровъ и Георгія нужно всегда сопоставлять вмѣстѣ, если хотишь уразумѣть образы нашихъ Стиховъ. Ѳеодоръ Тиронъ никогда не имѣлъ той битвы со Зитемъ, которая разсказывается въ нашихъ Стихахъ объ немъ, — это дѣло Ѳеодора Стратилата, какъ извѣстно изъ Житій обоихъ мучениковъ. Но уже самыя легенды нашихъ старыхъ Житийниковъ подавали множество поводовъ къ смѣшенію: оба Ѳеодоры, оба воины, обоимъ прѣздество въ одномъ мѣсяцѣ; Тиронъ жилъ не долго передъ Стратилатомъ, дѣйствовалъ по берегу Чернаго Моря, въ округѣ Ираклійскомъ или Гераклеійскомъ, куда (въ Евхяты) перенесено и тѣло его: здѣсь дѣйствовалъ, здѣсь положенъ мощами Стратилатъ; тѣло Тирона погребла «иѣкая жена» Евсевія (съ греческаго просто «благочестивая»): она же, повѣствуется въ житийникѣхъ, являлась Стратилату

тилату, когда онъ заснулъ на Гераклеѣскомъ долѣ, разбудила, рассказала о свирѣпствовавшемъ здѣсь страшномъ Змѣѣ, вызвала Стратилата на знаменитый подвигъ, по совершеніи котораго во Христа утѣрвало множество Гераклеѣскихъ гражданъ-язычниковъ. Достаточно основаній, чтобы перенести все это дѣло на Тирона, какъ рассказывается оно въ нашихъ Стихахъ. Здѣсь, весьма любопытно, Тиронъ спасаетъ отъ Змѣи и мѣть свою: поводомъ къ этому послужилъ опять житейникъ. Вотъ какъ передается въ немъ (по редакціи впрочемъ позднѣйшей) о встрѣчѣ Стратилата съ помянутою женщиной, вызвавшей его на Змѣю: «та видѣвши Θεодора воина Христова, Стратилатомъ нареченнаго, спяща на поля ономъ, приде къ нему съ боязнію великою, и емши его за руку, возбуди, глаголя (слѣдуетъ рассказъ объ ужасахъ)... Θεодоръ воставши рече къ ней: «кій есть страхъ и трепеть на семь мѣстѣ, о м а т и (она, говорится, была «лѣты стара»)?» Послеъ разказа о Змѣѣ, «Θεодоръ рече къ ней: «отиди, м а т и, и стани далече отъ сего мѣста»... И вотъ въ нашихъ Стихахъ явилась спасенная Θεодоромъ м а т ь, съ драматическимъ противоположеніемъ мукъ ея рожденія съ муками, понесенными сыномъ для ея забавленія. — Чудо Егорія, въ побѣдѣ надъ Змѣемъ и спасеніи дѣвѣны, совершенное совѣтъ въ другой мѣстности, описывается въ житейникахъ крайне близко къ дѣлу Стратилата: даже у обоихъ тотъ же дивный конь, съ которымъ Стратилатъ, но житейнику, разговариваетъ какъ съ человѣкомъ; а между тѣмъ сопоставленіе дало важную поддержку Стихамъ о Тиронѣ, т. е. собственно о Стратилатѣ: Егорій дѣйствительно убіеніемъ Змѣи спасъ дѣвѣцу; еще легче стало Стихамъ цѣть о спасеніи матери Тирономъ (въ житейникахъ помянутая м а т и стоятъ въ сторонѣ отъ битвы и спасается не прямо, а косвенно, вмѣстѣ съ прочими гражданами). Теперь, если мы вспомнимъ, коково было древнее почитаніе Егорія по Черному морю и какъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ нѣкогда жили праотцы Русскаго народа, то естественно изображеніе всѣхъ этихъ событій въ тѣснѣйшей связи, когда Егорій, вмѣстѣ съ построеніемъ ему Кіевской церкви знаменитымъ тезоименникомъ Ярославомъ, столь любившимъ и списывавшимъ книги, перенелъ въ легендахъ и Стихахъ отъ Палестины черезъ побережье Чернаго моря къ Руси. Потому Стихи объ Егорѣѣ и Лизаветѣ точь въ точь повторяютъ собою соединенную повѣсть объ Егоріѣ и Стратилатѣ (последній въ самостоятельныхъ Стихахъ, ему исключительно принадлежащихъ, пере-

XCVII

дѣлаиъ, какъ сказано, въ Тирона). 1.) Здѣсь поприщемъ дѣйствія является царство Р а х л е й с к о в , т. е. Г и р а б л е й с к о е или И р а к л и й с к о е , сдѣлавшееся такимъ же типомъ невѣрнаго, поганнаго, языческаго царства, какъ приведенное выше царство «Куд-рiянское.» Вотъ это имя по Стихамъ :

На три города Господь Богъ прогнѣвался :
Соборъ (передѣлано изъ «Содомъ»), Коморъ (Гоморъ, Гоморра)
скрозь землю проведъ,

На Р а х л е й с к о царьво Зиѣю послалъ...

Собирались мужики-ти Р а х л е й с к и е ,
Метали жеребья волшенскiе (волшанскiе , языческiе , будучи
язычниками; образъ перетасовался съ жеребьями «волжа-
ными,» «валженными,» изъ сыромятной кожи)...

« Поведи-ко Зиѣю на царьво Р а х л е й с к о ѣ ,
« Ко тѣмъ ли къ мужикамъ ко волшенскiемъ (язычникамъ) ... »
Посторонъ святаго града Иерусалима (связь Егорья съ Палес-
тиной),

На земли было три царства беззаконныхъ :

Первое царство былъ Содомъ городъ,
А второе царство былъ Гоморъ городъ,
А третье было царство Р а х л и н с к о е .
На ихнее беззаконiе великое,

Да не могъ на нихъ самъ Господь смотрѣть :
Содомъ и Гоморъ Господь скрозь земли прослалъ .
А на зтоє третье царство на Р а х л и н с к о е
Напущалъ Господь Богъ на нихъ Зиѣя лютаго...

Собиралися всѣ жители Р а х л и н с к и е .
Къ самому оны царю на широкiй дворъ.
Метали они жеребьенъ самоволжевымъ (« сыро-волженнымъ , »
въ примѣненiи къ язычеству— « самоволшанскимъ , »
самоволхвующимъ)... в проч.

На Р а х р ы н ѣ городъ напустилъ Господь,
Напустилъ Господь Зиѣю лютую,
Зиѣю лютую, злу Печерскую:
Побѣдила царство Р а х р ы н с к о е ...
Да и всѣ мужички Р а х р ы н с к и е
Выкидали жеребья табунскiе ...
Былъ Содомъ городъ, былъ Коморъ городъ,

ХСМІІІ

Третье было царство Арапинское:

Содомъ городъ сквозь землю сшолъ.

А Коморъ городъ огонь прѣжгало.

Что на то ли царство Арапинское

Встала Змѣя лютая Пещерская...

«Ты веда... Змѣю лютую насвой градъ Арапинскій...» и проч.

Арапинскій, передѣланное изъ Арахлинскаго, подаетъ намъ возможность ниже уяснить еще нѣкоторые образы. 2.) Битва Егорія со Змѣею, здѣсь описанная, на концѣ, совершенно та же, что въ Стихахъ о Тиронѣ-Стратилатѣ; послѣдствія — обращеніе народа въ Христіанство, построеніе церквей, — тѣ же. 3.) Житейная повѣсть объ Егорѣ дала въ Стихъ *море* или *озеро*, да *источникъ*, истекшій отъ церкви Егорья, чего нѣтъ въ Житіи Стратилата (тамъ дѣло на полѣ, на сушѣ, въ пропасти), и что во всей красотѣ изображенія является по стиху о Тиронѣ. 4.) За то въ Стихѣ объ Егорѣ и Лизаветѣ не могло быть того образа, какой есть: Егорій спитъ, дѣвица его будитъ при появленіи Змѣи; — этого нѣтъ, и не могло быть въ житейникахъ, ибо Егорій явился на спасеніе дѣвицы уже по смерти и погребеніи; но изъ повѣсти о Стратилатѣ мы это знаемъ, какъ будила его старица, и а т и Евсевія: плакали же, роняли слезы (по Стихамъ — разбудившія Егорья) обѣ. 5.) Имя дѣвицы. Со ф ѣ я, явилось, какъ знаемъ, по непремѣнному закону — при Егорѣ; но откуда Лизавета (Прекрасная), передѣланная въ Алислафью, Алисавушку, Олександрію? Житейники опять даютъ намъ разгадку: рядомъ съ Егорьевымъ днемъ, 24 Апрѣля, праздниество и житіе также мученика «Саввы Стратилата» и Елисаветы. О послѣдней между прочимъ сообщается черта: «бысть же и чудесь дѣлательница: Змѣя лютаго молитвою умертви.» — Такимъ образомъ въ Стихахъ объ Тиронѣ все принадлежитъ Стратилату и Егорію: Тирону, какъ лицу особому, оставлена творчествомъ одна лишь черта, въ концѣ Стиха, — о празднованіи на первой недѣлѣ Великаго Поста. Но, помимо содержанія, подвиговъ, Федоръ Тиронъ, какъ созданіе нашего творчества, повесъ на себѣ слѣды приемовъ сего послѣдняго, насъ интересующихъ: такъ, на пришлѣрь, подобно тому, какъ въ былинахъ Ермакъ, занесенный творчествомъ въ эпоху Кіевскую, къ Владимиру, изъ временъ позднѣйшихъ, мѣстности совѣтъ другой, нарочно отличенъ особенною молодостью и сѣбянъ отрокомъ «двѣнадцати лѣтъ,» — совершенно схоже съ этимъ

Федоръ Тиронъ, т. е. новобращецъ, молодой воинъ, сдѣланъ въ Стихазъ крайне молодымъ, съ безпрестаннымъ повтореніемъ — «всегда въ двѣдцатя,» на чемъ пѣвцы, нами слышанные, особенно налагаютъ удареніемъ голоса. Еще любопытный переходъ образовъ: Змѣй, унесши мать Тирона, отдалъ ее сосать своимъ Змѣенышамъ, Змиюношамъ (какъ въ иныхъ Стихахъ), именно двоимъ; но ослышкѣ пѣвцовъ, творчество шагнуло къ новому образу и увѣряетъ:

Опъ и далъ сосать двоимъ юношамъ,
 Двоимъ юношамъ, двоимъ змѣятушкамъ...
 Сосутъ ее двое юноши,
 Двое юноши, двое змѣятушки...

З М І Ю Н О Ш А М Ъ
 Дво И М Ъ Ю Н О Ш А М Ъ.

Въ легендѣ, составившейся уже обратно по народнымъ сказаніямъ (какова, на примѣръ, отпечатанная въ «Памяти. стар. Русск. Литер.,» вып. 3) и отъ того совершенно уже совпадающей съ народными Стихами, ступили отсюда еще далѣе: Тиронъ съ подвига своего, побѣдивши Змѣя, возвращается «съ матерью своею и съ двѣма оуношамъ.» Еще шагъ, и, конечно въ объясненіе «юношей,» творчество народное описываетъ явленіе Федору «ангеловъ:» сравните, какое разстояніе отъ первоначальныхъ «змѣенышей.» Въ той же легендѣ царь (въ дѣйствительности язычникъ и мучитель), присутствуя при подвигѣ Тирона, какъ отецъ при дѣвицѣ, спасенной Егорьемъ, и какъ старика при Сгратилатѣ, сдѣланная матерью, превращенъ легендою также въ отца Тирону, введенъ отцемъ и въ Стихи (объ Егорьѣ и Лизаветѣ, о Тиронѣ, см. Стихи въ нашемъ вып. 2-мъ и 3-мъ).— Перейдемъ отъ этихъ Стиховъ, истекшихъ изъ легендъ заносныхъ, къ нашимъ мѣстнымъ, чисто-русскимъ, и увидимъ то же самое, и еще любопытнѣе, ибо здѣсь почва своя собственная. Въ ту же эпоху, въ которую развились особенно Стихи объ Егорьѣ, послѣдовало событіе убіенія двухъ братьевъ, Бориса и Глѣба, построенія имъ церкви, перенесенія мощей ихъ: все сопровождалось легендами и Стихами. По мѣрѣ отдаленія отъ главной мѣстности и эпохи, даже имена, чего бы меньше лужно ожидать, измѣнялись: Святуполкъ обратился въ святы полки, съ согласованіемъ множествъ числа — «ненавистные,» «богомерзкіе;» также *Святуполхій, Святуполшій, Святуполшая.* Въ особенності хотѣлось отдѣлаться отъ слова

С

святъ, ибо какой же это святой, убійца братьевъ, описанный самыми черными красками? И легенды письменныя подавали тому примѣръ; выражаясь: «беззаконнаго и гордаго Святополка, иаче же реку Поганополка.» Для того имя раздѣлялось на двѣ половины: изъ свята сдѣлали свѣта, т. е. просто «судари,» — свѣтъ Полкъ. Потомъ первую половину совсѣмъ отбросили, остался Полкъ (ратъ, война, брань, походъ), съ измѣненіемъ въ Полохъ (переполохъ), Полхій, Полшій, Полшля. Наконецъ всего уже проще: «старшій братъ, а большій князь.» При той горячности, съ какою всё рассказы и преданія о подробностяхъ событія росли въ легенды и Стихи, а легенды и Стихи записывались и обратно переходили въ уста, трудно даже отдѣлать, что возникло отъ устной передачи, что отъ письма: только одно несомнѣнно, все это связывалось и образы росли за образами. Говорится про Святополка: «аки» или «яко аспидъ плещу пущавъ на благовонныя цвѣты,» какъ аспидъ свои мышцы, перепонки распустилъ на благовонныя цвѣты и подавлялъ ихъ; а рядомъ: «ещѣ Господь силенъ сиустилъ на благовонныя цвѣты,» — Господь попустилъ сланы, нией и голодедъ на цвѣты, они завязи и погибли. «Не срѣжь,» — говорятъ юноши жестокому брату, — главы не зрѣлыя, не срѣжь главъ съ насъ незрѣлыхъ;» въ другихъ Стихахъ: «не срѣжь класы незрѣлыя, не пожни пшеницы неснѣлыя,» «не жни класы незрѣлыя, ни пшеницы неснѣлыя,» потомъ «не срѣжь красы незрѣлыя;» но Святополкъ, прибавляютъ Стихи, «не пощадилъ двухъ негласныхъ (безгласныхъ) агнець,» или «двухъ негласныхъ агнець,» или уже «неблосныхъ двухъ овецъ,» т. е. беззувѣчныхъ, безъ цорка, въ тутъ же говорятъ ему братья — «не вязы злаго порка.» При словахъ «ни пшеницы неснѣлыя» получаемъ «не пожни нивы неснѣлыя,» потомъ «не по травъ (не пограв) нивы,» «не поправъ (не попри, не попирай) нивы,» а въ заключеніе «не подавляй нивы.» Одиородные образы толпятся другъ за другомъ: «не отторгни (не восторгни, но сорви) винограду со корени (или «сего коренія») отъ сыры земли;» «не исторгни винограда изъ корене отъ земли живыхъ;» и совсѣмъ другой уже образъ: «не повреди ты винограда не зрѣлаго; (когда же повредишь ты, убьешь насъ —) не отрыгни отъ винограда сего коренья отъ сырыя земли;» и еще даѣе: «не подрѣжь лозы неплодныя (еще не успѣвшей принести плода);» «не подрѣжь

лозы священныя (представленіе христіанское);» «не рвы ты въ ш п е-
в ы я л а в с т ь я (вѣроятно пзъ «вѣнныя лозы») отъ сырой
земли (ср. 3-й выпускъ нашихъ Стиховъ).» Такихъ переходовъ —
свѣти.

Но, если кто хочетъ видѣть яснѣе этотъ путь постоянного воз-
созданія новыхъ образовъ въ творчествѣ, довольно изучить одну «Го-
лубинную Книгу (см. у насъ вып. 2, особенно Стихъ Сводный).»
Изъ разныхъ, сведенныхъ вмѣстѣ, образцовъ ея, въ основномъ являет-
ся съ самаго начала одно только главное лицо. В о л о т ь или по дру-
гимъ памятникамъ (Рыбникъ. ч. I) болѣе извѣстный намъ В о л а ш а н ь.
Какъ представитель отдаленнѣйшей языческой жизни, сначала онъ
однимъ и «загадываетъ загадки,» и «отгадываетъ.» Но, при первомъ
знакомствѣ Славянъ съ Іерусалимомъ, къ Волоту подходятъ пред-
ставители библейской мудрости: Волотъ начинаетъ двоняться, тронуть-
ся, развѣтвляться, а самъ Стихъ принимаетъ уже драматическую
форму разговора, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Прежде всѣхъ подхо-
дитъ царь Д а в ы д ь; съ нимъ, разумѣется, неразрывенъ премуд-
рый С о л о м о н ь, и вотъ вставляется эпизодъ о семъ послѣднемъ,
совпадающій съ разными апокрифическими сказаніями. При Давыдѣ
ставится И с а і я пророкъ, образаемый, по сообществу, въ ц а р я.
Отъ царей Іерусалимскихъ ближайшій переходъ къ Цареградскимъ, а
ихъ, мы знаемъ, выражаетъ всегда царь К о н с т а н т и н ь; и
онъ получаетъ въ Стихѣ мѣсто. Но были въ древности, кроме Да-
выда и Соломона, еще цари премудрые, оставившіе послѣ себя мно-
жество восточныхъ преданій, записанныхъ и Греками, перешедшихъ
и къ намъ: изъ ряду ихъ Стихъ беретъ и ставитъ премудраго В л а-
с и л ь я царя С е н а к у р ь е в и ч а или сына А к у л ь б е в и ч а,
съ которыми послѣ ознакомились еще ближе. Наконецъ Волотъ, съ-
дой своею древностію, все болѣе русѣя и юнѣя, черезъ посредство
формъ В о л о т о м а н ь и В о л о т о м и н ь, переходитъ въ В о-
л о т о м е р а и нашего В о л о д и м и р а. Тогда съ разу вся толпа,
наросшая при Волотѣ, замѣняется однимъ собирательнымъ именемъ
Давыда, какъ представителя мудрости библейской и столь же люби-
маго пророка въ мірѣ христіанскомъ; на него же переходитъ и вся
мудрость вѣснаго Волота, лицо же сего послѣдняго замѣняется В л а-
д и м и р о мъ, предлагающимъ для разгадки вопросы отъ лица всей Руси:
такъ и установилась форма Стиха, съ двумя лицами. — По тому
же пути, сама Голубинная книга, унававшая прежде гдѣ-то на поля

Сорочинскія, въ стѣрновѣ отъ Іерусалима, какъ откровеніе языческихъ гаданій, по разнымъ образцамъ Стиха вводится мало по малу въ Іерусалимъ, дѣлается книгою, раскрытою небеснымъ Голубемъ, получаетъ имя Псалтыри, значеніе Евангелія и, какъ Евангеліе, переносится прямо на Русь: «Што на матушкѣ на святой Руси выпадала книга Голубиная.» Русь снова соединилась съ Русалиномъ. Всѣ загадочные предметы и явленія міра, о которыхъ дается рѣшеніе въ Голубиной Книгѣ, испытываютъ ту же участь: названные именованъ въ эпоху лѣсторическую, когда слагался языкъ, окрашенные воззрѣніями языческими, они проходятъ черезъ Христіанство, черезъ творчество позднѣйшее, и также точно занимаютъ мѣсто въ области чистого уже Русской. Но на пути въ Русь лежатъ имъ Черное море и Дунай, гдѣ, какъ поминвали мы, распространены были многочисленныя преданія о подвигахъ Егорія: потому въ походахъ еего послѣдняго, въ нашихъ Стихахъ, повторяется то же, что въ Голубиной Книгѣ, та же рыба, та же птица, и т. и. Съ тѣхъ поръ нельзя раздѣлять этихъ обонхъ памятниковъ. — Въ «Замѣткѣ» къ 4-му выпуску Пѣсень, собранныхъ П. В. К., мы рассказали уже, какимъ образомъ камень, изъ космогоническихъ представленій отвѣтственной Алатырь, приманкою древнихъ торговцевъ, проплылъ черезъ Геркулесовы столбы въ Волинское море, къ нашимъ Балтійскимъ Славянамъ, а оттуда сухимъ путемъ пробрался къ Кіеву и улегся даже на всѣхъ перекресткахъ простымъ «горючимъ камушкомъ», а съ другой стороны, въ Голубиной книгѣ, сдѣлался подножіемъ Креста, сдѣлаищемъ для Христіанской проповѣди, и, катаясь къ намъ съ Юга въ слѣдъ за проповѣдью, получилъ такую легкость, что помѣстился въ сложившихся понятіяхъ какъ «камень въры.» — Ворота, встрѣчавшіеся нашему Ивану при трудныхъ переходахъ его изъ одного царства міра къ другому (см. «Зам.» при 3-мъ и 4-мъ вып. Пѣс. Кир.), получили фигурный образъ въ той же странѣ, гдѣ была послѣдняя ступень нашего равностнаго язычества, на Черномъ морѣ и при Дунаѣ: Егорій находитъ ихъ при дворцѣ царя Кудрианища. Здѣсь же было послѣднее прибѣжище язычеству, смущавшему Русь при ея колебаніи въ вѣрѣ, при готовности къ Христіанству: Владиміръ счелъ необходимою уничтожить разомъ это гнѣздо и сломить врата, черезъ которыя, вѣстѣ съ Христіанствомъ, приливали къ намъ и потоки стараго язычества; онъ беретъ Херсонъ или Корсунь, Корсунскіе ворота переносятся къ

СИИ

намъ. Такъ было по дѣтописямъ. По Стихамъ Егорій, добываясь гитѣда Кудрянскаго, наѣзжаетъ « на тѣ врата Херсонскіе, » гдѣ было крыльцо невѣрнаго царища. Сначала, по отдаленности, эти ворота называются даже Кесарійскими, Ерусалимскими, и, еще туманнѣе, Сабрицкими, Себрицкими, Серенринскими (какъ при золотомъ, мѣдномъ и серебряномъ царствѣ, мнѣвшемъ нашего Ивана): но, когда утверждено имя Херсонскихъ воротъ, оны встрѣчаются Егорию уже въ Кіевѣ, гдѣ въ послѣдній разъ, у себя дома, оставалось сломить измычство: «прѣзжалъ Егорій къ тому ко городу Кіеву, на тѣхъ вратахъ на Херсонскихъ, » и проч. Сравните, какъ Идолище, врагъ Ильи Муромца, жилъ сперва въ своей « землѣ Идольской, » потомъ владѣлъ Ерусалимомъ, Царегородомъ, а наконецъ убитъ въ Кіевѣ (см. « Зам. » при 4-мъ вып. Кир.). И Демьянище, оны же Кудрянище, помѣщавшійся въ своемъ царствѣ Кудрянскомъ, встрѣчаетъ Егорья въ отдаленномъ Кляйгородѣ, потомъ во Хлебѣ (Виолемѣ), наконецъ въ Кіевѣ, гдѣ и убитъ окончательно. Отсюда уже начались дальнѣйшіе подвиги Христіанской Русь: Корсунскій крестъ, принесенный изъ того же Корсуна, взятаго Владиміромъ, сдѣлался въ Кіевѣ « чуднымъ крестомъ Леванидовымъ или Леванидовскимъ (можетъ быть, ближе всего, по имени епископа Левонтія), » породилъ « луга Леванидовы (подъ Кіевомъ; имя совпадало со словомъ ливада, лугъ), » и отсюда же, по былинамъ, начинаются обыкновенно подвиги богатырей. выѣзды ихъ на украины противъ врага. Сообразно тому, Русскій народъ, въ лицѣ Егорья, по Стихамъ его походовъ, находилъ Демьянища и ворота двора его на всѣхъ тѣхъ украинахъ, гдѣ оставалось встрѣтиться съ бусурманномъ: ворота Сибирскіе, Симбирскіе, и т. п. — Между тѣмъ на вратахъ, при переходѣ изъ одного царства въ другое, сидѣла нѣкогда птица, бывшая приманкою Русекому чловѣку Ивану, боровшаяся съ нимъ, потомъ вынесшая его на свѣтъ Божій, възъ кочевья, изъ стихійнаго сознанія (« Зам. » при 3 и 4-мъ вып. Кир.). Въ области Голубиной Книги она описана чертами еще космогоническихъ возрѣній, огромная, страшная, такъ что когда востренещется, все синее море восколеблется, весь свѣтъ подъ крыломъ у нея, отъ нея зависитъ конецъ міра; потомъ она склоняется на нашу сторону, топить силу невѣрную; далѣе укрощается и живетъ съ нами въ мирѣ, убиваетъ только нашихъ непріятелей, ѣстъ цоветливое, молится Богу.

На этой ступени обращается она въ вѣщую голубицу, которая по Юго-славянскимъ былинамъ вытряхаетъ изъ подъ крыла вѣсти, приноситъ и роняетъ человѣку письмо, «книгу»; сама Голубиная Книга принесена ею, и въ Христіанствѣ образъ ея отождествляется съ тѣмъ Голубемъ, который принесъ намъ вдохновенныя Писанія. По былинамъ мы видимъ ту же исторію, начиная отъ голубей на окрѣпости Маринки, или отъ тѣхъ, въ которыхъ оборачивается жена Потяка, до мирныхъ вѣстниковъ любви, радости, счастья. Егорій находитъ птицу на вратахъ невѣрнаго царища, перенесенныхъ разными помянутыми путями наконецъ въ Кіевъ: сначала «клевучая», «лютая», она потомъ готова уже слушать повелѣнія; Егорій совѣтъ отпускаетъ ее на волю: «Полеги ты на синѣ море!» Спорхнула и навсегда улетѣла птица изъ очей Русскихъ. Но имя ея прошло всѣ возможныя измѣненія, сообразно путямъ, нами вскрытымъ. Сначала это, при греческомъ имени Страуса, Стралъ, Стралъ, Естралъ, Страхвилъ и т. п., совпадающая съ древне-славянскимъ Страчець, Страка, Стракопуть и тому подобными именами древняго стража при божествѣ солнца (ср. памятную статью ЕРЬЕНА); вмѣстѣ съ Стратилатомъ и Стратилаторомъ (см. выше) обращается она въ Стратима, Страхтира, и т. п.; именемъ Астрахтиръ указываетъ уже на Астрахань, послѣдній оплотъ Татаръ противъ древней Руси; осмысляется въ Стрецеюна и Стрицела, совпадая съ Фодоромъ Стрепелаторомъ (см. выше) и указывая на опасность, когда она вострѣчается. Другое имя ея, Ногъ или Ной (страусъ), обращается просто въ Ногу, порождаетъ могучую и великую Могуль-птицу, переходитъ на «птицы клевучія Нагайщины», на страшныя Нагайскія орды. Изъ ея слиянія съ птицей Страхтиромъ, Страх-тврѣ-нога (такова встрѣчающаяся форма), изъ связи съ Черниговомъ и Черниградомъ, къ которому подъѣзжаетъ Егорій, образуется Чернога, Черногонъ, Черна-нога, Черно-гарь, и, наконецъ, Жаръ-птица возвращаетъ насъ снова къ древнему стражу солнца и воротъ между царствами, пройденными Иваномъ.—Представитель всего моря, держащаго землю, Кнѣзь обрисованъ въ Голубиной Книгѣ также чертами еще древнѣйшими: па немъ вся земля, отъ его колебанія страхъ или конецъ вселенной. Но и море сдѣлано Волынскимъ и Хвалынскимъ, сдѣлано и Рус-

скимъ; населено «Московскими гостями»; и земля окрѣпла въ глазахъ Русскаго народа, когда окрѣпла Земля и Земщина. Съ христіанскими понятіями, возобладавшими въ Голубиной Книгѣ, Китъ когда повернется, никакой уже нѣтъ бѣды отъ того, и только «святые рыбы ему поклонятся»; колебавшееся языческое воззрѣніе успокоено тѣмъ, что «основана земля Святымъ Духомъ, а содержится Слово Божіимъ.» Съ древнѣйшей точки зрѣнія, какъ помогаетъ Китъ въ переходахъ съ одного берега на другой Ивану, такъ смѣ помогаетъ еще Федору Тирону, или, что то же (см. выше), Егорью для борьбы со змѣемъ. Но въ похожденіяхъ Егорья по древней Руси трудно было сыскать море и кита: творчество выходитъ изъ затрудненія, заставляя Страиль-птицу держать Кита въ когтяхъ, а самого Кита ожидать вождельнаго избавителя. Имя Кита, вмѣстѣ съ его тушею, постранствовало: или оно окрещено **Титомъ**; или изъ «Китъ-рыба,» «Китъ-рыбы,» явилось **Китра, Китры, Китра-рыба:**

К И Т Ъ-Р Ыбы
К И Т Р Ы-рыбы.

Изъ **Китры** сдѣлали **Шатры**, изъ **Китра**—**Шатра**, потомъ **Сетра-рыбу**, осетра, наконецъ **Севру-рыбу**, **Севръ-рыба**,—это уже севрюга, севрюжина. Егорій заставляетъ птицу выпустить рыбу, летѣть и питаться на морѣ «бѣлой рыбницей,» а рыбу напутствуетъ словами: «Ходи же ты, рыба, по снѣмъ мори!» **Кумайте, православные, осетрину и севрюжину!**

Но довольно Стиховъ. Вернемся къ Былинамъ.

Вотъ нѣсколько передѣлокъ въ именахъ, а вмѣстѣ и въ образахъ творчества.—Изъ прозвища древняго богатыря Яна, извѣстнаго борьбою съ быкомъ, **Усменъ-швецъ** (шведъ кожи и сыромятникъ), Малоруссы передѣлали **Семень-швецъ**, извѣстный въ ихнихъ пословицахъ («Зам.» при 4-мъ вып. Кир.).—Екимъ Иваненчъ, товарищъ и слуга Алеши Поповича, его **паробокъ**: изъ **паробка** передѣлано **Торопка**, а отсюда **Торопъ**, слуга и Алеши, и Добрыни. Можетъ быть у одного изъ нихъ былъ дѣйствительно **Торопъ**, упоминаемый и въ нашихъ лѣтописяхъ («Зам.» при 2-мъ вып. Кир.): по крайности нѣкоторыя былины соединить и Екимъ, передѣланнаго въ **Ефима**, и «слугу», и **паробка**,—«**Ефима-слугу-паробка** (у насъ № 13),» потомъ еще дальѣ вы-

водятъ «**МАРКА-И-ПАРОВКА** (Кир., вып. 2),» а сказки дѣлаютъ отсюда «**МАРЫШКА-ПАРАНОВА** (Аван., вып. VI, № 59).»—Изъ «**Чурилы сына Плёнковича**» сдѣланъ въ некоторыхъ былинахъ «**Цыплёнковичъ**:»

С Ы Н Ъ П Л Е Н К О В И Ч Ъ
Ц Ы П Л Е Н К О В И Ч Ъ.

На томъ же основаніи, при Цыленковичѣ, изъ **Чурилы** сдѣланъ **Гусино**, **Гусинко**:

ЧУРИЛО
ГУСИНО.

Этому отчасти вѣроятно способствовала и какая ни будь рукопись, ноо подобнымъ образомъ прочесть всего легче было въ рукописи. Рядомъ съ тѣмъ, вмѣсто **Цыплёнковичъ** или **сынъ Плёнковичъ**, является **Щепленковичъ**, гдѣ творчество совершенно основательно, ноо **Чурило** отличался щепленьемъ, шегольствомъ. — **Баба Латымка**, изъ **Латыръ-міра**, объяснилась позднѣйшему пѣвцу, когда онъ передѣлалъ ее во **Владымерку**, **Владимірку**; она же, вмѣсто **Латыгорки**, отъ **Латыръ-горы**, **Латыръ-намя**, получила понятное имя **Семигорки** (у насъ № 64). Но въ послѣднемъ случаѣ вѣроятно у стараго пѣвца, отъ котораго перенялъ новѣйшій, носилось еще представленіе о **Семигорахъ**, или **Седми-градахъ**, о сторонѣ тѣхъ **Карпатъ**, изъ коихъ обыкновенно представлялись у насъ выходцы (съ **Волини**, съ **Галича**, см. «**Зам.**» при 4-мъ вып. Кир.). И нужно прибавить, что здѣсь Славяне давно раздѣляютъ ошибку съ **Нѣмцами**: **Мадьярское** имя многихъ тамошнихъ мѣстностей, **Szevep**, дало имя **Семиню**, подъ которымъ Южные Славяне знаютъ не только **Германштадтъ**, но и всю **Трансильванію**, **Нѣмцы** же сдѣлали отсюда **Севеп**, **Севеп-вѣскп**. въ **Славянскомъ** переводѣ **Седми-града** и **Семи-горы** («**Burg**» то же по корню, что и «**Berg**»).—Въ той же былинѣ изъ «**Михайла Потыка**» и «**Василья Долго-полага Казимировича**» сдѣланъ «**Михайло Долгомеровичъ**.»—Кстати о **Потыкѣ**, **Михайлѣ Ивановичѣ**. Какимъ образомъ изъ него сдѣланъ въ некоторыхъ былинахъ «**Касьянъ Михайловичъ** (Кир., вып. 3)? Мы знаемъ уже, что подобныя передѣлки всего легче въ косвенныхъ надежахъ, особенно въ родительномъ; потому открываемъ

путь передѣлки, вспомнивши родительный падежъ цѣлаго титула Потыкова:

« Михайлы ПотыК А С Ы Н А Ивановича »
К А С Ъ Я Н А.

Когда такимъ образомъ передѣлано « сына Ивановича, » то отчество « Касьяну » выведено уже изъ имени Потыка—« Михайловичъ. »— Иногда подобные пути творчества крайне замысловаты: такъ, вмѣсто мягкаго и ласковаго князя Владиміра, въ сказкахъ его роль, относительно Василисы Микуличны, играетъ Бархатъ (« Зам. » къ 4-му вып. Кир.).—У Добрыни была шляпа или колпакъ « земля Греческой: » позабывши значеніе этого древнѣйшаго убора нашихъ дорожныхъ людей, пѣвецъ увѣряетъ, что у Добрыни, когда онъ купался, колпакъ былъ « насыпанъ земли греческой; » отсюда далѣе уже созданъ цѣлый мотивъ, что Добрыня, въ борьбѣ со змѣемъ, « нагребъ шляпу нѣску желтаго » и этой тяжеловѣсной шляпой убилъ змѣя (Кир., вып. 2.). И т. п.

Ознакомившись съ такими приѣмами древняго творчества и признавши за ними полное право гражданства, мы попытаемся изъ нихъ же разъяснить цѣлыя картины и страницы, цѣлыя былинны. Такъ на примѣръ одно изъ самыхъ загадочныхъ лицъ нашего древняго эпоса Владимірова есть С л а у л ѣ Л е в а н д о в и ч ѣ или С л а у р ѣ сын ѣ В л а н д о в и ч ѣ съ сыномъ (Кир., вып. 3). Творчество былинъ, по всемъ признакамъ, изъ эпохи Владиміровой, изъ области Кіевской (въ обширномъ смыслѣ). Походъ въ дальнюю ерду, Половецку землю, битвы противъ Татаръ, т. е. вообще восточныхъ и южныхъ инородцевъ: а съ другой стороны откуда-то является здѣсь Угличъ, враждебный герой. Но Угличъ терпитъ и отъ тѣхъ враговъ, кои названы Татарамъ: герой за нихъ « не мало у Куугура царя силы порубилъ; » Угличамъ говорятъ въ упрекъ: « можно за то вамъ его благодарити и пожаловать, а вы его назвали воромъ-разбойникомъ, и оборвали съ него платье цвѣтное, и посадили въ погреба глубокіе. » Угличъ, поступившіе такъ съ сыномъ, даютъ отцу подводы, какъ родные, одного роду-племени, а потомъ съ нимъ « заздорили, не пускаютъ его во Угличъ градъ. » Отецъ и сынъ въ двухъ былинахъ иѣняются ролями: въ одной освобождаетъ сынъ отца, въ другой отецъ сына,—видно, что имя, коимъ означена былина, собственно принадлежитъ кому либо одному изъ нихъ. Встрѣтивши такія яркія странности, мы,

СУІІІ

въ соотвѣтствіи имъ, идемъ къ тѣмъ эпизодамъ исторіи, которые весьма сжаты и кратки у самого лѣтописца, вѣроятно по отдаленности событія, а между тѣмъ заключаютъ въ себѣ, двумя-тремя словами, черты столь рѣзкія, что они неслучайно должны были заинтересовать древнее эпическое творчество. Такова между прочимъ борьба, которую мы нѣкогда назвали не безъ основанія завязкою великой драмы, ибо она вывела на сцену Владиміра, — солнце-средоточіе нашего эпоса (см. «Зам.» къ I-й Ч. Рыбн. и къ 4-му вып. Кир.). Это дѣло — изъ за убійства Люта, сына Свѣналадова: мы нашли, что могла Ольга Святославича, здѣсь павшаго, у *Вручого*, отозвалась въ былинахъ объ Олгѣ Вѣщемъ и дала даже сему послѣднему имя *Святославичи*. Сынъ Свѣналада, Лютъ, изъ за котораго все это пошло, хотя и не очерченъ другими красками, но уже по одному этому игралъ видную роль: объ отцѣ, извѣстномъ даже и Византіянамъ, нечего и говорить. Имя отца крайне сбивчиво и въ самыхъ лѣтописяхъ: *Свѣнальдъ*, *Свѣнальдъ*, *Свѣтелдъ*, *Исвѣтелдъ*, *Свѣндель* и т. д.; остановимся на болѣе употребительномъ *С в ѣ н а л а д ѣ*: но сбивчивость конечно еще болѣе должна была найти мѣсто въ творчествѣ устномъ. Сынъ же одинъ разъ только въ лѣтописи названъ *Лютъ*, а два раза просто по одному отчеству — *С в ѣ н а л а д и ч ѣ*: «Ловъ дѣждю С в ѣ н а л а д и ч ю, именемъ Лютъ, вшедъ бо изъ Кіева гна по звѣри въ лѣсъ; и узрѣ и Олгѣ и рече: «кто се естъ?» и рѣша ему: «Свѣналадичъ.» И захавъ уби и, бѣ бо ловы дѣя Олгѣ.» Вотъ почему отецъ послѣ мстилъ Олгѣ, твердилъ Ярополку «поиди на братъ свой,» довелъ его до братоубійства и чрезъ то вывелъ на сцену Владиміра, а вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ все поприще нашего древняго творчества. И такъ беремъ имя страннаго нашъ героя:

С В Ѣ Н А Л Д О В И Ч Ъ
С Ы Н Ѣ В А Н И Д О В И Ч Ъ
С А У Р Ѣ В А Н И Д О В И Ч Ъ.

Можетъ быть одно изъ именъ Люта было однозначушее *С а у р ѣ*, *С у р ѣ*, герой (ср. «Зам.» при 4-мъ вып. Кир.), имя, весьма употребительное въ нашей древности (относится *сауръ* къ *суръ* также точно, какъ *кауръ*, *каурый* къ основному *куръ* въ словѣ *блѣкуръ*). Но еще вѣроятнѣе, что это имя, какъ общезнавшее, употребилъ итѣвецъ, разлагая *С в ѣ н а л а д о в и ч а* на двѣ части, по-

добно какъ сдѣлалъ изъ того же отчества «сына Ванидовича.» Какъ бы то ни было, изъ предыдущей сотни притворъ ясно, что такая передѣлка весьма была легка и возможна, особенно какъ прошло до насъ около тысячи лѣтъ. Итакъ, имя героя былины—Свѣналовичъ, разложенное на «Саура Ванидовича,» «Саура сына Ванидовича» или просто «сына Ванидовича.» Имя эго собственно принадлежитъ сыну: дѣйствительно, въ одной изъ двухъ, уцѣлѣвшихъ намъ былинь, имя сбережено только одно, лицо названо одно, Сауръ Ванидовичъ. Въ другѣй для обоихъ лицъ два особыя имени: какъ же они сдѣлазы? Въместо Сауръ болѣе знакомое Саулъ, вмѣсто Ванидовичъ также болѣе привычное—Леванидовичъ (ср. выше о крестѣ и лугахъ Леванидовыхъ). Это даже еще ближе къ Свѣналовичу:

СВѢНАЛОВИЧЬ
ЛѢВАНИДОВИЧЬ.

Только перестановлены звуки. При Саулѣ вышелъ сынъ Саулловичъ: а «Саулловичъ» и «Самоловичъ,» мы знаемъ (см. выше), постоянно въ Стихахъ есть царь Константинопольскій или вообще восточный—Константъ: и вотъ является имя сыну—Константъ Служловичъ. Теперь, выгравши до лѣтописи и былинамъ двухъ лицъ, равно извѣстныхъ, равно важныхъ для древности, отца съ сыномъ, Свѣнада и Свѣналовича, оставимъ въ сторонѣ, и имена ихъ, и различія, тѣмъ болѣе, что, повторяемъ, въ былинахъ то отецъ спасаетъ сына, то сына отецъ, и герой сливается изъ двухъ одинъ; быть можетъ, когда ни будь одинъ и спасъ другаго, а былина сохранила намъ эту черту, опущенную въ лѣтописи: но не въ томъ дѣло. Посмотримъ лучше, какія важныя событія связаны въ лѣтописи съ этими лицами. Одно мы уже указали—убіеніе Свѣнада и возникшая отсюда драма; другое, не менѣе замѣчательное, сейчасъ увидимъ. За тридцать лѣтъ до убіенія Свѣналовича, 945 года, у Нестора читаемъ ропоть дружины Игоревой: «Отроки Свѣнальжи изодѣлися суть оруженъ и морты, а мы нази! Понди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши, и мы!» «Вонъ, молодцы-то у Свѣнада набрались добычи, разодѣлися и оруженъ и одѣжами, а мы наги! Ну-ка, поди, князь, съ нами собирать также дань, чтобъ и тебѣ добыть, и намъ!» Ропоть былъ такъ силенъ, что Игорь пустился съ дружиной по дань къ Деревлянамъ и тамъ

слонилъ голову: конецъ такой же драматическій. вызвавшій такую же месть Ольги, какъ Ловъ Свѣналича, выше упомянутый, вызвалъ смерть его, месть отца, борьбу Ярополча съ Олегомъ, кончину этихъ обоихъ князей. Опять событіе, равно важное, равно впечатлительное для памяти былевого творчества: не диво, если отъ всего этого быльня уберезетъ нашъ двѣ-три черты, какъ отрывокъ цѣлаго сказанія, сопровождавшаго роковыя лица Свѣналда и Свѣналдича, связанныя съ такими крупными и бѣдственными событіями. Что же это за добыча Свѣналда, которой позавидовала дружина Игорева? Несторъ пропускаетъ этотъ эпизодъ, сохранный для насъ другими лѣтописями (Никоновская, Воскресенская и т. п.). Игорь подарилъ передъ тѣмъ своему любимому воеводѣ Свѣналду дань Деревскую, да подарилъ и еще, дань далекую. А именно. «И бѣ у него (Игоря) воевода именемъ С в е н ь т е л ь д ь, и премучи (примучи; оружіемъ привелъ въ подданство, обычное выраженіе) О у г л е ц ы (Угличи), и возложи на нихъ Игорь дань (на ня дань Игорь), и вдасть (даде) Свенътельду.» Игорь налагаетъ дань здѣсь въ смыслѣ только верховнаго и великаго князя, признающаго фактъ покоренія и утверждающаго количество подати; собственно покорилъ, привелъ въ дань или, что то же, сдѣлалъ подданными Свѣналдъ, за что и получилъ эту дань въ даръ. А такъ какъ къ этому еще присоединялась и дань Деревская, то дружина великокняжеская возопила—«се даль еси единому мужеви много.» зароптала, принудила Игоря итти самого еще за данью, и прочее, чтѣ рассказано уже Несторомъ. Такъ вотъ они У г л и ч и, упоминаемые въ быльняхъ! Это самая южная и далекая изъ Русскихъ вѣтвей тогдашняго народнаго строя, жившая при низовьяхъ Днѣстра и Днѣпра. До Свѣналда она не была еще «примучена» подъ власть объединявшихъ Русскихъ князей и встрѣчается, какъ пара, обыкновенно съ другою вѣтвю—Тверцами. Племенная вѣтвь обширная, сильная, связанная по мѣсту поселенія всего ближе съ Греками и Южными Славянами, съ развитою по тому времени гражданственностью. У Нестора о расселеніи Южныхъ Славянъ: «а Улучи (Улутичи), Тверьци сѣдаху по Днѣстру (по Бугу и по Днѣпру), присѣдаху къ Дунаеву; бѣ множество ихъ, сѣдаху бо по Днѣстру (по Бугу и по Днѣпру) оми до (даже до) моря, суть гради ихъ и до сего дне: да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуоъ (Скитія).» Потомъ: «и бѣ обладаа Олегъ (вѣщій) Полянны и Деревляны, Сѣверены и Радичичи, а съ Уличи и Тъверци (Тверь-

ца) имено: рать. » О походѣ Олега (вѣдого) на Грешовъ: « жон... Дудбы, чи Тверци: яке суть толкованы (слово, требующее особыхъ объясненій, на которыя нѣтъ времени), си вси звахуться Великая Скуос (значить, Тверды были уже примучены, Угличи еще нѣтъ). » То же о походѣ Игоря: « соввуишь вой многи... и Тверцы. (Тверци; Тширеца), и Печенѣги (опять Угличи еще не покорены). » Наконецъ Свѣнальдъ покоряетъ ихъ. Тверцы или Тверды — Днѣстряне, жители Днѣстра, отъ древняго имени рѣки Тиракъ или Тирасъ (*Τίραξ*, Тугас; у или ю. переходитъ въ *се-рунъ, рю-, рѣчьнѣ*: Тверцы). Ихъ сосѣди, Угличи, не даромъ въ разсказахъ Нестора помѣщаются и на Днѣпрѣ; они тамъ жили прежде, потому перешли на Днѣстръ, какъ свидѣлствуютъ лѣтописи, изъ коихъ мы выше привели свидѣтельство о Свѣнальдѣ: « и быша сѣдѣше Оуганци (Угличи) по Днѣпру низъ, и по семь прѣдоша (прѣдоша) межю вой (воин) Днѣстръ и сѣдоша тамо (перешли и прошехутокѣ и сѣли на Днѣстрѣ). » Изъ городовъ ихъ, о коихъ упоминаетъ Несторъ, особенно извѣстенъ Пиревъ и ченъ ии: Пиревъ сѣченъ: онъ, какъ завоеванный Киевскими князьями, упоминается першю по городовымъ рѣсписанъ въ члвкѣ Киевскихъ; помѣняются: бн венъ и мезднѣише Молдавѣ-Волошкѣ (т. е. воб-стисеише: Билгареише) средняго Болгарскаго государства) государи, въ XV вѣкѣ: Ю. И. Венелинъ, незабвенный ученый, нашелъ его: сие село многолюднѣе село Бессарабїи (нынѣ тамъ станція); самъ объездилъ довадъ всю мѣстность, открылъ сѣды, что она и до сего она: рѣчи переказѣла мѣстность, наконецъ убѣдился, что весь толь: прай, дѣйствительно образуетъ Уголь, откуда и Татары назвали его « Буджакъ, » что значить « уголь: » вотъ откуда имя Угличей. (Венелинъ, « Влахо-Болгарскія грамоты, » 1840 г.; что въ предоставленїю « угла » присединялись и нѣкоторыя сие дру-гид, предоставленїя: и изъ Угличамъ равно шло имя и « Уличей, » и « Улутиней, » ебъ этомъ скажемъ при случаѣ въ другомъ мѣстѣ: теперь остановимся пока на этомъ). Остается намъ сравнить съ этимъ свидѣнїемъ, и другими словами иѣтовсией показанїя былинъ.

1.) Былина. Оцѣкъ « вывопалъ слушши себѣ многое множество, на-когда, онъ слушки въ походъ пошедъ...; поѣхалъ за море синеве (къ морю); иѣтъ дальну орду, въ Половецку землю, брать дани и нещадаты: » моремъ и Половцами (каковы были: Лупоморскіе) означенъ южный край, прилежавшїй къ морю; за даними, какъ имено

и пошелъ Свѣнадль. 2) Въ походѣ туда же смѣсь бьется съ «Татарамъ»: это древніе Печенѣги, которые и убили потомъ въ поротахъ Святослава (Свѣнадль живъ былъ и при Святославѣ, и при его дѣтяхъ; ср. выше убійствіе Свѣнадльча). Мы говорили уже, что за это пособіе противъ Печенѣговъ утѣрали отца Угличей, такъ что племя нѣтъ представляется врагѣмъ Печенѣговъ и роднымъ герою. 3) По былиннамъ, Угличи ни съ того, ни съ сего, закветили по одному отцу, но другимъ сына; потомъ дѣлаются явными врагами: «породъ Угличъ крѣпко заперли, и побѣгали на стѣну белокаменную...; а тутъ мужики Угличи съ нимъ со паремъ (отцемъ) заздорили, не пустили его во Угличъ градъ.» Летописи: «и прилучи Оуглежи... и не дашеся ему аднѣ градъ, именовъ Пересыченъ.» 4) Былинны: «подходить оны къ царству Сорочинскому; увидали старики Сорочинскіе, они дѣлали сходки все великіе...; старики шутъ вибѣсть сохотилися, они думали думу единую (слово время въ думѣ, въ сходкѣ, въ переговорахъ).» Летописи: «и стѣю около его (города) три дѣта, и адна вая ѿ (звать его).» 5) «Царь Саулъ Леванидовичъ приказалъ назантъ и вѣшати, которые мужики были главные во Угличѣ:» послѣдствіе долгаго упорства и рѣшительнаго покоренія. 6) «Тутъ десятники засовалися, обзвѣютъ они по Угличу, спрашиваютъ подводы подъ царя Саула Леванидовича: и которыя подъ царя пригодилися, и проѣхалъ тутъ оны царь Саулъ во свое царство въ Альберское...; и сажалися тутъ (послѣ назантъ) на свои добры кони, поѣхали во свое царство въ Альберское» выраженіе подданства, въ которое вступили Угличи, потомъ по завоеваніи возвращеніе воеводы домой. 7) «А в отдали (Угличи)... его платье царское, цѣтвое, наряджался оны молодой Константинуши Сауловичъ въ тое свое платье царское, цѣтвое:» описаніе богатства давой, которую позавадовала и дружина великонияжская. — Дальнѣйшія мелкія подробности, заутавши собою былинну, вставлены или переименованы конечно послѣ; что же касается до эпизода объ освобожденіи при этомъ отъ Угличей скваченнаго то отца, то сына, — это могло и быть въ самомъ дѣлѣ, и потому же эпизодъ могла дѣлиться долго, могло и не быть, а вставлено въ эпическій рассказъ на основаніи описанной гибели Свѣнадльча и смерти отца. Во всякомъ случаѣ рассказъ объ отношеніяхъ отца къ сыну дополняетъ естественныя отношенія свидѣнія о Свѣнадль и Свѣнадльчѣ. Мы думаемъ такимъ образомъ, что, начиная съ мелочей, мало по малу вскрываемъ въ быле-

вомъ творчества цѣлый любовитый эпизодъ со связію историческомъ и лѣтоисчисленію.

Переходомъ къ дальнѣйшему кеземъ обыванное объясненіе о Соловьѣ-разбойникѣ, именно то обстоятельство, что онъ въ настоящей части Сборника названъ Рахмановичъ, «птица Рохман-нѣя.» — Рохманнѣй значитъ нынче «вялый; смиренный, простой.» Но по всему видно, что та птица была не смиренная: она укрощена и смирена также точно, какъ Стравиль, а прежде того она одними посяхствомъ побивала людъ Русскій. Подъ именемъ Рахманнѣ (откуда и многочисленные фамиліи «Рахмановъ,» «Рохмановъ,» «Рахманнѣвъ» и т. п.) всегда извѣстны были у насъ В-р-а-х-м-а-н-ѣ (по греческому произношенію въ мѣсто б) или Брахманнѣ, т. е. Брамны, одна изъ главныхъ кастъ въ Индіи; по имени ихъ называлась часто въ древности и вся Индія, подобно какъ у Славянъ «Чехы,» «Ляхы» мѣсто Чехія, Польша. Нѣтъ ничего забавнаго, когда наши мифографы, столь щедрые на мифическія воззрѣнія и увѣрающіе, что народъ доселѣ живетъ ннѣ, съ другой стороны и въ прѣтворчїе самимъ себѣ подобныя всѣ преданія и имена объясняютъ выпискою изъ какихъ нибудь рукописей XIV — XVII вѣка. Странно предетавить, чтобы народъ, языкъ коего изъ всей семьи языковъ Индо-европейскихъ, составляетъ пару съ Литовскимъ, самымъ близкимъ къ языку Ведъ и потомъ къ языку собственно-брамническому, Санскритскому, сохранивши на лицо слѣды этой близости, не сохранилъ бы воспоминаній, именъ, названій. Правда, послѣ этой прародины, народъ нашъ въ семьѣ обще-славянской жилъ рядомъ: и за одно съ Греками, во Фракіи и Дакии, по Черному морю и Дунаю: но онъ двинулся отсюда къ шнѣтшнмъ сѣвернымъ поселеніямъ именно въ эпоху самой блестящей славы Александра Македонскаго, когда снова для племенъ Индо-европейскихъ, вои-нушихъ Гималайскую прародину, открылся Востокъ во всемъ блескѣ. Съ той поры начинаютъ тысячи преданій, сказаній и рукописей о дѣлнхъ Александра, а между ними о Браманнѣхъ; Индіи. Впечатлѣніе на народы было такъ велико, что когда Славяне ушли съ прежнихъ поселеній на новыя и потомъ приняли грамоту, то однимъ изъ первыхъ любимыхъ сочиненій ихъ и чтеній были среднѣвѣковыя сказанія объ Александрѣ, у Поляковъ начинающія ихъ исторію, у Чеховъ извѣстныя по рукописямъ первой половины XIV вѣка, у насъ изъ той же самой эпохи (о Рахманнѣхъ въ мо-

сланія архієпископа новгородскаго Василія). Съ появленіемъ книгопечатанія снѣшать эти сказанія тискать въ станкахъ. Въ XV-мъ вѣкѣ проникаетъ въ Индію нашъ купецъ Аванасій Никитинъ, конечно не безъ слѣдовъ предшествующихъ, и оставляетъ описаніе путешествія. Въ новѣйшее время всѣми порядочными филологами и археологами Славянскими горячо принимается къ сердцу изученіе языка древней Индіи. Въ устныхъ народныхъ былинахъ мы безпрестанно встрѣчаемъ «Индію богатую», какъ задній планъ, съ котораго появляются богатыри въ Кіевѣ. Если и здѣсь почтенные лингвисты видятъ одно только заимствованіе изъ рукописей, то вѣроятно они не скажутъ того же, когда, на примѣръ, въ Червоной Руси, гдѣ Волыни и Подольѣ, называютъ торжество «Правой Середы» (на 4-й недѣль по Пасхѣ) «Рахманскимъ Великоднемъ» (Святлымъ Праздникомъ, подобно какъ Аванасій Никитинъ называлъ Элорскій храмъ Индійскимъ Іерусалимомъ), утѣри, что торжество осталось отъ Рахмановъ, нѣкогда жившихъ въ той сторонѣ (Максимовичъ, «Дни и Мѣсяцы», Р. Бес.): память объ общемъ корнѣ, съ котораго пошли Славяне. И такъ дѣтъ откуда нашъ Соловей-разбойникъ по своему происхожденію. Выходя оттуда, онъ потомъ, вмѣстѣ съ другими образами и началами, переезжаетъ къ намъ съ Чернаго моря и перевозится черезъ Дунай: дочь его служить перевозчицей, когда Илья ѣдетъ съ захваченнымъ отцемъ (см. 1-й вып. Кир). Помошь Соловей помѣщается между Черниговомъ и Кіевомъ, потомъ привозится въ Кіевъ и здѣсь уже разбѣгать въ крахи: совершенно тотъ же путь видѣлимъ для Идолица, Тугаркана, Волота, образовъ Голубиной Князи и Студя юбъ Егоріа. И, какъ тамъ же, Соловей дѣлается родственникомъ всѣхъ древнѣйшихъ и вѣдическихъ началъ и прототипомъ всѣхъ враговъ для сложившейся Русси: отсюда его отчество *Одинимантъевичъ*, одинаковое со старѣйшимъ богатыремъ Суханомъ (Рыбник., Ч. I), потомъ, привѣтливо къ восточнымъ врагамъ, *Алматовъ*, *Ахматовъ* и *Ахматовичъ*, передѣланное наконецъ, по имени козаковъ-кравчиновъ, въ *Ахматовича* (Кир., вып. 1): Слово о Полку Игоревѣ беретъ тотъ же образъ, отъ Соловья, когда говоритъ о побѣдѣ Святослава надъ Кубникомъ Полоцкимъ, — «а поганого Кубака изъ лукомора (Сурожскаго лукоморья) отъ ждѣльныхъ великихъ мѣлъкъ Полоцкнчъ, ае имръ, ыторже, и полдеса Кубакъ, въ градѣ Кіевѣ, въ грядницѣ Святъсзавли; ту Нѣнци и Веленци, ту Греци и Морати»

поют славу Святъславлюю» сравните, какъ Илья вызвалъ Соловья изъ гнѣзду, приваля на дворъ къ князю и грянулъ объ землю; «теперь-то;—говорать былинны,—Соловью славы поютъ (объ его гнѣзду), тутъ-то узнали стараго казака, стараго казака Илью Муромца, по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ, по всѣмъ чужимъ дальнимъ сторонушкамъ.» Такимъ образомъ, рядомъ съ царствомъ Идоляскимъ, для обозначенія царства невѣрнаго и поганаго, эпохи языческой и доисторической, мы получаемъ, сверхъ упомянутого Кудряйскаго и Рахлейснаго, еще Рахманское, и вмѣстѣ исправляемъ ошибку тѣхъ нашихъ ученыхъ, которые считали послѣднее съ «Рахлейскимъ»^{*)}.—Но замѣчательно еще, что Соловейъ называется кромѣ того «Алатырецъ некрещеный», указывая путь на другой путь, отъ Балтійскаго моря, и мы коснулись уже прежнихъ о древнѣйшемъ «Соколѣ кораблѣ», на которомъ послѣ явился къ Кіеву другой Соловей (Будиміровичъ), тотъ же разбойникъ, только не сухопутный, а морской, подошедшій къ Руси бурею также точно, какъ камень Алатырь съ моря залегъ на перекрестки (см. выше и «Зам.» къ 3 и 4-му вып. Кир.), въ томъ дѣлѣ сходство обоихъ Соловьевъ поразительно, не смотря на то, что Будиміровичъ, пройдя родственную Руси страну Померскіихъ Славянъ, смѣнялся, похоронѣлъ и принялъ образы кровные, даже вѣнныя: какъ Соловей сухопутный съ дуба, такъ Будиміровичъ отправляется къ Кіеву «пѣзъ подъ дуба.» и даже «съ лукомерья», подобнаго Черному и Сурожскому; онъ дѣлаетъ въ Кіевѣ дивныя пострѣйки (теремовъ), какъ Соловей-разбойникъ, началъ чуждое и дальнее, предлагалъ быть «стровтелемъ» для Руси; также точно онъ богатъ и также Русь польстилаась было на его богатства; онъ хочетъ увести Запаву, представительницу, какъ всѣ женщины, недатливой стороны народнаго сознанія («Зам.» къ 4-му вып. Кир.), Запаву, которую увосилъ и Змѣй, и чуть было ему не отдали, да она сама вышла навязчива (см. I Ч. Рыбник.) и дѣло разстроилось: Соловей-разбойникъ также хотѣлъ привлечь на свою сторону расцелованіе Руси, пока Илья не возсталъ рѣзко и не убилъ Соловья-разбойника, какъ убилъ Идоляща или Добрыня убилъ Тутарина, расцелившихъ въ Кіевѣ, любившихъ нашу женщину, клавшихъ ей руку въ назуху. Если же Будиміровичъ благополучно вер-

*) Буславка - Историческіе Очерки, т. I стр. 437.

нулся и, по другим былинамъ, женился на Западѣ, то это, говоримъ, слѣдствіе того, что онъ помолодѣлъ сравнительно съ сухопутнымъ и ородился съ нами черезъ Поморскихъ Славянъ, — Замѣтьте, что подобное двойство образовъ проникаетъ у насъ всюду, даже въ былевныя сказки: такъ Ерусланъ, дѣйствуя на Востока, подвизается тою же порою въ Поморскомъ Штеттинѣ; Бода отданъ равно и царству Запонскому, Ариянскому, и Гданьску (Данцигу; «Зам.» при 4-мъ вып. Квр.). Мало того: какую роль играетъ «море Волянское (Балтійское)», ту же в Воляхъ относительно Кіевской области, и она двоятъ наши образы; сравните Дюба и Чурьду, Загвшагъ и Збродовичей, и тому подобныхъ («Зам.» къ 4-му вып. Квр.), Объяснить это двойство, а въ среднѣхъ двойства посредствующіе образы Соловья, Идолына, Тугарина и тому подобныхъ, переведенныхъ въ Кіевъ, совмѣвшихъ даже съ историческими именами и лицами, но по происхожденію неравненно древнѣйшихъ, — вотъ задача, исполненная нами въ изслѣдованіи, которое за сѣбя печатается и къ которому предылудіе наши очерки были только необходимыми и простѣйшими подготовленіемъ. А пока мы предлагаемъ эту задачу благосклонному вниманію нашихъ читателей и заранѣе увѣрены, что они рѣшатъ ее, если только, вопреки обычая, снизойдутъ къ любопытнымъ и вмѣстѣ труднымъ вопросамъ, касательно Волян и Волянскаго моря — перенесеніемъ отъ Скандинавовъ, касательно Чернаго, Азовскаго моря и Подунавья — перенесеніемъ шедшихъ тѣмъ путемъ рукописей отъ Южныхъ Славянъ и Византіи. Увы, на блду этихъ ученыхъ: по законуному пути всякой исторіи печать слѣдуетъ за рукописями, рукописи за устными сказаніями и устными творчествомъ, а все это за самобытнымъ сложеніемъ народа изъ стихій доисторическихъ. Одно изъ доказательствъ тому находимъ въ былинахъ и сказаніяхъ, къ которымъ въ слѣдъ за сѣмъ переходимъ.

Мы разумѣемъ преросходныя былины, въ первомъ для Русской литературы отысканія П. Н. Рыбниковымъ и у насъ напечатанныя, о Саламанѣ и Саламанѣ, съ дополненіемъ отрывковъ о дѣтствѣ того же Саломона или Саламана. Имъ соотвѣтствуютъ въ средневѣковыхъ западныхъ литературахъ распространенныя сказанія о Саломонѣ и Морольфѣ, Маркольфѣ, Маркульфѣ, Маркуль и т. п., не только рукописныя прозою, но, особенно у Нѣмцевъ, даже стихотворныя поэмы, только записанныя или

переложения съ устныхъ сказаній, издачныя и обработанные особенно Гегеномъ и Я. Гриниомъ. Въ Польской и Чешской литературѣ эти сказанія также известны. Въ послѣдней, особенно переданы стихами, но рукописи XV вѣка, эпизодъ Артурава цикла о Тристрамъ (изд. Ганкою и потомъ Шафарикомъ), гдѣ лицо Мерольта или Маркульфа раздвоилось на Марла и врага его Мерольта, Тристрамъ же занимаетъ среднюю роль, то спасаемая Марла отъ Мерольта, то сама какъ врагъ; или нашъ Василий Онушевичъ подбавлялъ къ женѣ Марла и терпя отъ того бѣды; вообще же дѣйствію какъ лицо, среднее между обими, въ родѣ нашего Тараканка. Въ изданіи Сербскихъ сказокъ Караджича: также находимъ преданія, близкія къ впечатленнымъ нами. Ни Русскіе еще слыли вѣрности нѣтъ съ XIV вѣка и потомъ многочисленны однородные эпизоды въ рукописяхъ до самаго поздняго времени (пер. Пыляева, «Очеркъ исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ»; также 3-й вып. «Пам. старин. Р. литер.»). Но какъ иностранные лучшіе ученые, такъ и всякой добросовѣстный исследователь Русскій, приходятъ къ тому, что какъ рукописными памятниками являються гораздо высшій слой народныхъ устныхъ произведеній, гдѣ творчество дѣйствовало но, отдаленнѣйшимъ, даже до историческимъ, преданіямъ, относительно которыхъ рукописи скорѣе представляютъ искаженія. Наше изданіе дастъ тому драмѣ. Образы и мотивы, здѣсь переданныя, возходятъ къ самымъ исконнымъ представленіямъ языческаго человечества и первымъ ступенямъ жизни Индо-европейской, когда и обставлены позднѣйшими историческими именами или приемами благодѣлей, передававшихъ поэмному устному основу творчества. Въ самомъ дѣлѣ, рожденіе и воспитаніе Саломона, его отношенія къ отцу и матери, разгадка загадокъ, потомъ исторія похищенія его жены и вѣсти за нее, все это встрѣчаемъ на первыхъ порахъ мифологіи, въ первыхъ памятникахъ народнаго творчества, на первыхъ страницахъ исторіи. Приведемъ приѣмъ, ближайше къ нашему дѣлу.

Исторія человечества въ его языческой эпохѣ, когда смѣшалась земля или народы, началась съ той минуты, когда оказалась двойство въ первомъ, нѣкогда двотыдномъ, языческомъ божествѣ, или, что то же, въ основѣ языческаго сознанія: зашевелилось, двинулось. Склонность къ развитію выражаюсь цѣлородною, полонъ: является женщина, богиня какъ жена; она

СКVIII

готова родить существо третье. Но обособившаяся и дружно сложившаяся, мужь, становится началом охранительнымъ, приобретаетъ значение противоположности, сдерживаетъ развитие, не допускаетъ новыхъ организмовъ. Шагъ женщины къ положенію матери представляется грѣхомъ, преступленіемъ: ребенкомъ собственнымъ возмездіемъ на свѣтъ есть уже обличеніе, обличитель. Она расцвѣтъ утробкой, скрытанный отъ отца, отъ бога, который дѣлается уже старшимъ, и, по мѣрѣ роста въ новомъ, темъ болѣе на него возмущается, раздражается, преслѣдуетъ, мститъ. Когда юноша подростъ, онъ завоевываетъ значеніе сына и представляется любимикомъ божиимъ: съ нимъ начинаютъ играть они мужу. Темъ самымъ двоится и новый богъ: какъ ребенокъ, какъ сынъ, онъ обличаетъ преступленіе интрасимпатичной связи съ юношей. Въ эту явную и сама мать приобретаетъ гнѣбность: вражняя, доступная, едкая, она теперь также причастна на юного бога, какъ на сына, еден преслѣдованія. Нащадство казаться, что пѣвничій жень самый старшій богъ, что онъ есть порожденіе его преступной связи. Съ тѣмъ жистъ молодомъ жоншиномъ вторымъ: она есть собственно половина юного бога, той стороной, какою онъ еще обращаетъ къ старшимъ и вырвалъ отсюда благодариженственной насобности. Потому новая богиня, эта вторая женщина, съ самаго начала имѣетъ въ себѣ двѣственности; она или два, и въ такомъ значеніи слушаетъ предметомъ посвященія старшаго бога, или предметомъ некакой новаго, какъ его невеста: она оурова, строга, недоступна какъ старшій богъ, мѣжна какъ онъ же или какъ разбитая мать ея; мы видѣли эту дреу пощанивъ сказкамъ («Зам.» къ 4-му вып. Кир.), старшую половину Василисы, Елану или Анну Прекрасную, некую невесту юного Идиди, но грозную, но похожую на отца ея или на ревную ея матку: потомъ постепенно переходящую въ сестру, которая имѣетъ брату достигнуть брака съ невестой. Это борзатая Ауродетъ, Venus barbata, или дѣвственная лѣдая сестра Амоллона Артешии, итд.: и. Другая половина Василисы—подъ собственнымъ ея именемъ, переводя идущая къ браку, склонная сдѣлаться женою и вѣнчанъ обманчива такою. Но это заключеніе, соединенное съ представленіемъ истиннаго брака, то есть дѣломудреннаго, то есть такого, въ которомъ есть рожденіе новыхъ организмовъ, и дѣвственная сдержанность, строгость, дается не скоро. Женщина или поддается, какъ оказали мы, старому богу, или, сочетавшись съ новымъ, повторяетъ исторію матери,

податливый на измѣну, склоняется на сторону, обличается собственными дѣтями, родившимися отъ такъ называемаго лишь законнаго брани, врослѣдуетъ въ, навлекаетъ борьбу между съ посторонними образами и лицами, вторгающимися въ его долю. Отличіе отъ первой ступени, перваго начала исторіи, то, что здѣсь расширяются области: не двое, не трое, — здѣсь влдеятъ сторону, постороннихъ. Основныя начала, нами очерченныя, повторяются и выдѣляются на тысячахъ ладовъ: нѣтъ отбѣгаютъ и тысячи образовъ мисологій, какъ выраженіе событій человеческого сознанія. Великой можетъ быть назвать нѣтъ по образцамъ наследующаго повѣстическаго творчества. Однако до второй вѣдности, и такъ сказать историчности нѣтъ же событій, доводить чуть еще длинный. Прежде данаго выраженія в творческаго образа, всѣ шаги и ступени очерченнаго нами пути: ка продолжалась для древняго человека з а г а д к о ю : шагъ къ новому началу, отодвинувшееся въ глубь начало старое, сплетенія и переходы поступательнаго развитія; все это было конечно загадочно само по себѣ. Камень, данный Кроносу женою, чтобы проглотить вмѣсто народившагося сына, былъ для Кроноса тою же загадкой, которую не отдавалъ онъ и тѣмъ даль выросли сыну; мать, породившая сына, непотомъ гнѣвная на порожденіе и доступная въ то же время зародилу юношѣ, опять загадка; загадка и явившаяся дѣва, какъ нынѣшная на примѣръ Василиса нашему Ивану въ образѣ утки или лебеди, перекинулась женщиною, но до времени брака опять вымолила себѣ покровъ, сорочку. Съ поступаніемъ творчества эта загадочность существа самого дѣла, получаетъ форму загадки словесной. Такого рода загадки, въ выраженіи, въ формулѣ, даетъ новому богу разгнѣванный старшій, на примѣръ Морской Царь нашему Ивану, и горе; если онъ не отгадаетъ, и только Василиса помогаетъ ему; нѣтъ же даетъ Ивану невѣста, грозная Анна Прекрасная, какъ условіе къ достиженію брака; нѣтъ же, въ видѣ неисполнимыхъ порученій, даетъ ему сестра, чтобы помѣшать браку; нѣтъ же, позднеѣ, задаетъ у насъ Февронія ищущему ее жену, и т. п.: нѣтъ же увидимъ въ исторіи Саломона, какъ его притѣсненію. И на оборотъ, тѣ же загадки загадываетъ всякое новое существо и событіе старому, и губитъ старое, разгаданное новымъ или не повлиявшее возраженіемъ новаго. Каждая новый шагъ дѣлаетъ пройденное загадкою и каждая такая загадка разрѣшается новымъ, и новое является съ этой стороны разрѣшителемъ, спасителемъ, свободителемъ, въ свою очередь под-

падая тому же условію при развитіи дальѣйшемъ. Эдипъ разрѣшилъ загадку Сфинкса; и самое разрѣшеніе—«человѣкъ»—было загадкою, погубившею Сфинкса. Только заключеніе пути даетъ окончательный смыслъ предшествовавшему развитію: дотолѣ, въ самомъ двойствѣ источникъ загадки, или, перейдемъ къ новому понятію,—источникъ отрицанія. Старое обращается къ новому стороною отрицательной, новое къ нему тѣмъ же. Это одно и то же существо, одна и та же величина, только съ плюсомъ или минусомъ: различить то и другое можетъ только третье, возникающее изъ двойства, посредствующее и заключающее. Такъ на прѣвѣръ мысленное наше сознаніе можетъ придать одному смыслъ положенія, другому отрицанія. Но сознаніе наше есть произведеніе длиннаго пути развитія. Какое же была трудность рѣшенія, когда само сознаніе еще вырабатывалось къ единству и цѣльности, когда само оно было поприщемъ развитія, въсплещившемъ двойства, и только шло еще къ цѣльности духа? Зло и отрицаніе, понятые въ послѣдствіи какъ условіе и ограниченіе развитія, въ ту отдаленную эпоху для древняго человечества вырабатывалось въ представленіяхъ съ крайнимъ трудомъ: то было все новое относительно стараго, все старое относительно новаго. Злое, гнѣвное, отрицательное начало было же вѣсегда добрымъ, низости-мымъ, положительнымъ, и обратно—доброе становилось злымъ относительно прошлаго и ожидало себя тѣй же участи превращенія, какъ старое: адъсъ лежалъ источникъ долговременной борьбы, пока; послѣ пройденнаго поприща пути, не раздѣлилось еще зло отъ добра, не обозначилась душа, потерявшіе божественное свойство, низведенныя въ иракъ, въ адъ, въ забвеніе. Но опредѣлить ихъ, назвать было не легко въ скоромъ времени, такъ же не легко, какъ божествамъ дойти до лаймоновъ или демоновъ, а смѣль послѣднимъ до человѣческихъ образовъ, сперва до полубоговъ, до героевъ, потомъ до простыхъ смертныхъ. Это были уже помянутыя стороны сознанія, когда оно прошло среднее развитіе зерна и получило способность многосторонности. Борьба, вѣдѣнная прежде внутри единаго и раздвояющагося божества, потомъ между сторонами раздвоившагося, потомъ между богами разныхъ слоевъ, опредѣлявшихся то добрыми, то злыми, перешла уже позднѣе въ область существъ демоническихъ, каковы на примѣръ аниментые Кентавры или наши Поляканы. Чтѣ совершалось въ сознаніи человѣка и выражалось послѣ мною, то же воплощалось въ самой жизни его, при всѣхъ ея вопросахъ:

на примѣръ поманутыя отношенія, подлѣ образами дѣвственности, склонности къ рожденію, измѣны, преступленія лажу, брака. — всё они жили: и въ развитіи дѣйствительной семьи человѣческой. То, что выражала собою Анна или Елена Прекрасная, перешедшая къ злбонію сестру Ивана, потомъ примиренная въ его женяльбѣ, то же было образомъ и родственныхъ всёхъ отношеній при расширеніи круга жизни, то же повтаралось и въ родовомъ бытѣ племени (см. «Зам.» къ А-му выш. Кнр.). Въ самомъ дѣлѣ, бытъ племени, какъ и человѣка, слагался по тѣмъ же началамъ, слѣдуя тому же процессу, который совершался въ сознаніи: отъ однообразія настушескаго, чрезъ многообразное блужданіе кочевья, до оебдлости, до городовъ и гражданства. Какъ вокругъ первоначальной пары божествъ съ появленіемъ юнаго третьяго образовались стороны, области многихъ божествъ, потомъ области высшихъ, собственныхъ божествъ, и области низшихъ, даймоновъ, полубоговъ, героевъ, наконецъ человека; какъ вокругъ сосредоточивающагося семейства располагался родъ, со ступенями перехода къ средоточію: такъ точно вокругъ каждаго рода-племени располагались другіе роды-племена, мало по малу обособлявшіеся въ народъ: это были стороны, страны, на нашемъ древнемъ языкѣ однозначіи съ первобытнымъ видомъ языка и народа; наконецъ также точно вокругъ оебдающаго, гражданствующаго начала бродили еще кочевья, искавшія оебдоточія. Тѣ же на сихъ путяхъ развитія были столкновенія, шла та же борьба, также выработывались представленія объ отрицаніи, о злѣ. Какъ боги боролись изъ за богинь, полубоги изъ за полубогинь, герои изъ за героинь, люди изъ за женщинъ: такъ стаивались и роды-племена, и тогдашніе народы. Позднѣйшее творчество, на примѣръ эпическое, вступившее въ слѣдъ за творчествомъ мифа, пересказывало эту борьбу тѣми же однородными образами. Цѣлыя quasi-народы, то поднимавшіеся, то столь же быстро распавшійся на стикіи въ эту доисторическую эпоху борьбы, представлялись то въ распущенномъ блужданіи, то въ дѣйственномъ амазонствѣ, то въ нелѣпнчатыхъ оигурахъ Кинкефаловъ или Кентавровъ и т. и. Они подицали другъ у друга женщинъ, вели за то войны; они загадывали другъ другу загадки: не отгадають—покорятся, отгадаете—покорайте. Первобытныя сказанія наполнены этою quasi-исторіей, повѣстью доисторическихъ переворотовъ. Разгадка всему дана была тогда лишь, когда опредѣлилось единство сознанія, сознаніе средоточія духа:

понятіе о подлинномъ человѣкѣ выработалось въ одно время съ понятіемъ о Богѣ истинномъ. Семейство за одно выдѣлается въ мірѣ народѣмъ, такой же міръ для родства, какъ народъ есть міръ для рода-племени, какъ осядлость есть цѣль, жѣра и мѣра относительно почвы, ошіяя относительно настоящаго. Міръ словеснаго творчества есть такой же міръ для предшествовавшихъ ему стихій, какъ міръ исторіи относительно борьбы началъ доисторическихъ. Но и здѣсь, какъ предыдущее разгадалось только послѣдующимъ, такъ и все послѣдующее можетъ являться загадкою, если мы не будемъ добывать до предыдущаго. Былины, сказанія, сочиненія о Саломонѣ и Саломоніи, Саламанѣ и Саламаніи, въ томъ видѣ, какъ они занимаютъ насъ, вытекаютъ изъ той предшествовавшей эпохи творчества, тѣмъ самымъ загадочны безъ ея разъясненія; и потому для пониманія, для дѣльности воззрѣнія, обязаны мы рассмотреть въ обратнѣ стихій, послужившія имъ началомъ, а окрѣпшіе образы и выраженія творчества разложить на стихіи первородныя.

Возьмемъ Грецію. Тамъ есть сотни мифовъ, однозначущихъ съ преданіями о Саломонѣ и Саломоніи. Она не такъ еще ясны по отношенію къ нашему предмету, если возьмемъ средоточіе греческихъ воззрѣній: но, какъ скоро нѣсколько расширимъ область, возьмемъ облегающія стороны, отношенія Греція съ Востокомъ, въ особенности съ Финикіею и Египтомъ, — яркость близости поразительна. Мы обязаны напомнить читателямъ эти мифы. — Тамъ, на примѣръ, Іо, дочь Яса или Анаха, сдѣлалась предметомъ любви Зевса, посѣтившаго ее въ облакѣ и измѣнившаго Герты. Отъ ревности жены, Зевсъ обращаетъ Іо въ корову, Гера передаетъ корову стеречь Аргосу, многоглазому, представителю древняго, ревниваго, звѣзднаго неба; сторожъ стережетъ ее, привязавши къ дереву. Посланный Гермесъ усѣиваетъ усывать его игрою на дудкѣ или рожкѣ, убиваетъ его и похищаетъ Іо: но, преслѣдованіемъ Герты приведенная въ бѣшенство, она блуждаетъ по разнымъ странамъ и морямъ, давая имъ свою судьбою или именемъ прозвища, на примѣръ Ионическому заливу и Востору. Только въ Египтѣ конецъ ея странствованіямъ: сынъ ея, какъ юный богъ, какъ самъ Зевсъ и ибелѣ Діонисъ, воспитывается здѣсь въ тайнѣ Куретами; сама она близко отождествляется съ Египетскою Иандою и Греческою Деметрою.

Исторія эта на разные лады повторится передъ нами еще десятки разъ. Европа, дочь Титія, чудовища, низверженнаго въ пропасть,

была образом *Феогонии*, *перешедшимъ послѣ въ эпосъ на Елену*: не удивительно, что послѣдняя носила всегда имя то дѣвы, то жены, рождала дѣвою, измѣняла женою. Рождена она какъ рождена *Афродита* изъ половыхъ частей *Урана*, брошенныхъ въ море. Мать *Елены*, *Ледя*, пощена *Зевсомъ* въ видѣ лебедя и родила два яйца, въ одномъ *Кастора* и *Клитемнестру* (отъ мужа), въ другомъ *Полидевка* (*Поллукса*) и *Елену* (отъ *Зевса*). По другимъ яйцо рождено *Немесидою*, называемою *Зевсомъ*, найдено пастухомъ на лугу, принесено къ *Ледѣ*, спрятано ею въ ларцѣ и послѣ законнаго времени дано *Елену*. Близнецы-братья ея, *Диоскуры* или *Диоскуриды*, дѣйствовали въ походѣ *Аргонавтовъ* и во всякъ почти древнѣхъ похожденияхъ подобнаго рода. Сама *Елена*, Прекрасная какъ *Афродита*, была пощена *Фесеемъ* и еще дѣвою родила отъ него *Ионгенію*: и не представляла быть дѣвою, потому что *Клитемнестра* взяла грѣхъ сестры на себя. На этой ступени является при *Еленѣ Фесей* и повторяетъ собою все почти эпизоды, нами выше очерченныя. Онъ освобождаетъ страну свою отъ страшныхъ чудовищъ и *даевъ*, которую видѣ платили, съ *Геракломъ* участвуетъ въ походѣ *Аргонавтовъ* и *иртвѣ* *Амазонокъ*. Вместе съ великаномъ *Персеемъ* похищаетъ и увозитъ онъ *Елену*: они оба влюблены и рывають владѣніе добычею черезъ *жеребій*. Послѣ *Елены* отправляются они, какъ боги, о которыхъ скажемъ ниже, въ адъ за *Персеевою*: но засѣли тамъ и только послѣ *высвобождены* *Геракломъ*. Пирвоею своею свѣзкою выводитъ на сцену *Кентавровъ* въ знаменитой битвѣ ихъ съ *Ланитани*. Но *Фесей* продолжаетъ похождения: какъ и *Дионисъ*, соединяется онъ съ *Ариадной* и получаетъ отъ нея дѣтей. Послѣ смерти открываютъ его гробъ и чтутъ его какъ бога. Между тѣмъ, во время его схождения въ адъ, *Елена* снова похищена и возвращена на родину братьями. *Арголида* съ *Аргосомъ* и *Аргивянами*, называемая *Аргоса*, стража *Іо* и корабль *Аргонавтовъ* *Арга*, а съ другой стороны постоянное прозвище *Артемиды*—*Арга (Аргу)*,—выступаетъ теперь, послѣ *миоовъ*, на поприще эпоса и исторіи. Безпрестанно видимъ переходы въ этихъ областяхъ изъ одной въ другую: отъ *миоа* къ эпосу и обратно, отъ внешней исторіи походовъ къ внутреннимъ событіямъ сознанія и обратно, отъ исторіи греческой къ исторической связи съ другими народами. За рукою *Елены* собираются лучшіе герои Греціи: извѣною отца достается она *Мемелару*. Въ слѣдъ за тѣмъ выступаетъ *Парисъ*. Рѣшительный шагъ раздоръ

между богинями было то же самое, что жребій между Перибеемъ и Пирибеемъ, что разгадка предложенной древностію загадки. Предпочтенная Афродита, въ отплату за яблоко, заключающее въ себѣ по всемъ мѣологіямъ символъ скрытыхъ внутри сѣмь жизни, награждаетъ Париса своею наследницею Еленою. Совершается похищеніе на корабль изъ Европы въ Азію и знаменитый походъ греческихъ кораблей подъ Трою. Но съ паденіемъ Трои еще не кончается исторія Елены: какъ она жила еще до греческихъ сказаній (на примѣръ Елена, повѣренная Афродиты въ дѣль съ Адонисомъ), такъ и послѣ имя ея проходитъ все почти страны тогдашней Европейской исторіи. По смерти Париса, идетъ она за другого сына Пріамова Деифоба, измѣнически выдаетъ его Менелая, съ послѣднимъ долго странствуетъ на возвратномъ пути, затѣкаетъ въ Египетъ, наконецъ прибываетъ въ Спарту, но, изгнанная отсюда, снова обречена на блужданіе. На островъ Родосъ повѣшена она на деревѣ мстившею за мужа Поликою. — По смерти Елены, мѣло еще болѣе овладѣваетъ существомъ ея: какъ Артемиды, является она въ чель Амазонокъ и борется съ Ахилломъ; или дѣлается его супругой и поселяется съ нимъ на островъ Левкъ-Ахиллея, образованномъ устьями рѣкъ при Черномъ морѣ; или переходитъ въ Таврической Корсунъ, гдѣ принесена въ жертву Ифигеніей. Вообще здѣсь связуется она съ Таврической Артемидой, а исторію ея продолжаетъ далѣе Ифигенія, въ которой многіе видятъ ту же Артемиду. Здѣсь уже вмѣстѣ съ Греческими появляются объ ней сказанія Славянскія, отозвавшіяся и въ Слово о Полку Игоревѣ (связь эту, хотя нѣсколько сбивчиво изложенную, см. въ замѣчательной по догадкамъ статьѣ кн. Вяземскаго, «Замѣч. на Слово П. И.» Временникъ 1853 г.). По ученію гностиковъ она есть дѣва, оставшаяся и послѣ блужданій ея дѣвою, олицетвореніе страсти и вмѣстѣ цѣломудрія, съ именемъ «Премудрости», «Софіи.» Если мы вспомнимъ, что въ тѣхъ же краяхъ, Черноморскихъ или Придунайскихъ, развились сказанія объ Егоріи и Оедорѣ (см. выше), то поймемъ, что Софія, спасаемая Оедоромъ отъ чудовища, мать, за которую идетъ онъ черезъ море по спинѣ кита, или дѣва, которую спасаетъ Егорій при морѣ, есть та же Елеца. Наконецъ нужно вспомнить и выводы позднѣйшихъ греческихъ ученыхъ, которые увѣряли, что подъ Троею сражались изъ за идола Афродиты или Елены, она же, истоящая, сберегалась въ Египтѣ: мистеріи Египетскія увидимъ мы ниже.

СХЖАТ

Теперь возвратимся къ греческимъ созданіямъ эпоса, связаннымъ съ Еленою: ея дочь Ионгенія и сестра Клитемнестры ведутъ дѣло далѣе. Первая, обреченная на смерть и спасенная Артемидою, дамою омыивалась съ самою богинею, у самихъ Грековъ; перенесенная въ Тавриду, ждетъ она забавителя. Спасителемъ является сынъ и убійца вѣроломной матери Клитемнестры Орестъ: вдвоемъ съ Пилломъ онъ повторяетъ исторію близнецовъ Диоскуровъ. Преследуемый Еринидами, блуждая съ ними по свѣту какъ по аду, является Орестъ съ своимъ другомъ въ Тавриду и переноситъ идолъ Артемиды и ея служительницу Ионгенію въ Грецію, въ Дельфы, гдѣ и возрождается примиренный къ новой жизни; супруга его Герміона, дочь Елены (такъ называется и Гармонія, дочь Афродиты). — Другимъ путемъ подобныя же рассказы связуютъ Финнію съ Фивами, Аргивянами в Аттікою, частью повторяя сказанія, связанныя съ Еленою, частью возводя насъ къ тѣмъ же преданіямъ, съ которыми мы начали. Братъ упомянутой Европы, Кадмъ является въ Финнію въ слѣдъ за коровою, въ которую обратился Зевсъ; похищенный сестру его, строитъ Фивы, убиваетъ чудовище дракона, его зубами подобно какъ въ исторіи Аргонавтовъ и Болкнатъ — пастыраетъ людей и женится на дочери Афродиты, Гармоніи. Дети его — Ино, младшая Фриаса и Геллы, Семела, которую мы еще увидимъ. Рожденная отъ прелюбодѣи матери съ Аресомъ, Гармонія такъ же корова, какъ мать ея и Елена. На свадьбѣ, отъ оскорбленной и мѣшканной Гемелы получаетъ она въ даръ роковой покровъ (плащъ) и роковую гривну (ожерелье), повязку, связанную съ проклятіемъ дѣла ея владѣтеля и съ безжизненными бѣдствіями на все потомство Кадма, на послѣдующія событія. Фивъ и связанный съ ними героевъ. Въ сущности этотъ роковой даръ былъ символомъ божества дракона; благотворный для того, кто мирился съ нимъ въ своемъ развитіи, губительный тому, кто несъ на себѣ мѣсть оскорбленнаго и забвѣннаго бога. Затѣмъ соединились представленія и узлы, налагающіе древнимъ божествомъ, и узлы соединяющихъ разрозненное (двойствѣ азыческаго сознанія въ божествѣ новомъ; что было то же, что некое известное на примѣръ въ мифологіи яйцо, замыкавшее въ себѣ вселенную жизнь; и ее же потомъ высвобождавшее жерѣвомъ; жерѣвомъ; то же, что яблоко, въ коемъ сѣмена жизни были и сѣменами раздора; наконецъ то же, что упомянутая нами дракона гадка. Потому въ гривнѣ Гармоніи выражался тотъ же образъ, какъ

въ аримонитомъ поестъ Афродиты. По нашимъ сказкамъ («Зан.» при 3-мъ и 4-мъ вып. Кир.) знаемъ мы соответствующія представленія: яйца, яблока и тому подобныхъ предметовъ исканій, на которыя шелъ нашъ Иванъ рядомъ трудныхъ подвиговъ и блужданій: когда достигли амороморфизма, образъ этотъ выражался то дѣвою, грязною и мстительною, то любящею супругою, и опять вѣроломною подругою, пока сознаніе языческаго человѣка, представлявшееся женственнѣе, не нашло себѣ покоя и умиротворенія въ конечномъ дѣйствіи творческаго начала, даровавшаго семью, ширь съ родомъ—племенемъ, основу жизни народной. Въ настоящемъ случаѣ эта загадка, еще не разрешенная, какъ неразвязанная повязка, была пока причиною несчастій и борьбы, двойства. По предвѣстію несчастій, отецъ обрекаетъ Эдина на смерть: но онъ спасенъ и воспитанъ настухами, по повѣдѣнію убиваетъ отца, избавляетъ Фивы отъ Сфякса разгадкой загадки; но за то впадаетъ въ другую, болѣе человѣкообразную: за разгадку загадки Сфинкса онъ получаетъ въ награду владѣніе городомъ и руку матери (у насъ много подобныхъ преданій, между прочимъ даже въ рукописяхъ, на примѣръ объ Андрѣ Критскомъ или о «Кривоносителѣ»). Узнавши позоръ свой, Эдинъ лишаетъ себя зрѣнія: его послѣдующія судьбы, его блужданія и наконецъ примиреніе на бушеваніи олтара Элевиды, подъ покровомъ Фесей, известны каждому. За тѣмъ вступаетъ борьба дѣтей его, Этеокла и Полиника: это тѣ же Диоскуры или Орестъ и Пилаадъ, съ такою же при себѣ сестроубицею Антигоною, только не въ союзѣ любви, разрешающей трудноту, а въ разрывѣ борьбы и подъ участіемъ повязки Гармоніи, налагающей на нихъ кѣли бѣдствій. Полиникъ принужденъ бѣжать отъ брата, беретъ съ собою гривну и багряное покрывало Гармоніи, обращается къ владѣтелю Аргоса Адраету, получаетъ отъ него въ сузужество дочь Аргію; и собираетъ героевъ Аргивовъ противъ брата: это известные «Семь подъ Фивами.» Амфіарай, вѣщій и далеко видящій, не хочетъ идти, предвидя бѣдствія: но жена его подкуплена повязкою Гармоніи, принуждаетъ мужа къ походу, и всѣхъ героевъ постигаютъ страшныя бѣдствія. Даже Антигона, какъ Ифигенія, должна быть принесена въ жертву братней вражды: ее спасаетъ являющійся посредникомъ Фесей. Онъ побывавъ, мы знаемъ, и въ аду, и освобожденъ оттуда: онъ уже коснулся освобождающихъ началъ жизни. Вѣдственная гривна перестала вредить тогда лишь, когда принесена была въ Дельфы въ даръ богу, раз-

рѣшавшему загадки древней жизни, Аполлону, у котораго и Орестъ нашелъ себѣ примиреніе, выходитъ изъ бѣдствій.

Довольно примѣровъ. Вездѣ мы видимъ, какъ основныя начала, выставленныя нами впереди изслѣдованія, изъ внутреннѣйшихъ событій слагавшагося человѣческаго сознанія переходятъ на лица боговъ, потомъ къ людямъ, къ цѣлымъ древнимъ народамъ и ихъ отношеніямъ, или, иначе, переходятъ въ мифы, потомъ въ созданія эпическія, даже въ первоначальную исторію. Все почти, нами очерченное, повторяется въ нашихъ такъ называемыхъ Сказкахъ: смотрите «Замѣтка» при 3-мъ и 4-мъ выпускѣ Пѣсень, собранныхъ П. В. К. Нѣтъ ничего тутъ и мудренаго: у Грековъ было то же доисторическое время, что у насъ, не только одноплеменныхъ имъ, но и жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Нужно помнить, что наши Былевыя сказки, сохранившіяся въ устахъ народа, есть именно Эпосъ, заключившій собою Доисторическое время, эпосъ, предшествовавшій Кіевскому и обвинявшій событія слагавшагося нашего сознанія и народа среди семья Индо-европейской, въ ближайшей за-одно-жизни съ Греками, въ родствѣ тысячѣлѣтнемъ и за одно съ прочими Славянами, на Дунаѣ и по берегамъ Чернаго моря. Созданія Гомерическія не могли у насъ повториться: они принадлежали сложившемуся и обособившемуся Греческому народу; искать ихъ повторенія значило бы то же, что искать у Грековъ цѣлкомъ нашего Кіевского творчества. Но элементы, но начала были ближайше сродны: конечно многимъ изъ нашихъ Кіевскихъ богатырей можно отыскать сходство въ Греціи, и мы говорили уже прежде, какъ нашъ Ильа и Добрыня, Сербскій Марко и Милошъ, отвѣчаютъ крайне близко Ахиллу и Патроклу, или Ахиллу и Гектору. Частями, отрывками можно указать не мало подобныхъ соответствій. За то, въ подкрѣпленіе сродныхъ преданій, «Повѣсть о разореніи Трои» извѣстна у всѣхъ Славянъ и у насъ съ ранней древности по рукописямъ, съ многоразличными излишками противъ Гомера и толкованіями позднѣйшихъ греческихъ писателей; за то, говоримъ, сродныя стихіи, какія бродили въ Греціи и помимо Гомера, въ народныхъ сказаніяхъ и преданіяхъ, перешедшихъ потомъ къ трагикамъ, къ ученымъ, къ философамъ, все это повторяется въ нашихъ Былевыхъ сказкахъ почти цѣлкомъ, разумѣется въ болѣе сыромъ видѣ, чѣмъ у позднѣйшихъ греческихъ писателей. Просимъ читателей повторить наше краткое изложеніе сихъ Сказокъ въ «Замѣткахъ» въ прежнихъ бесѣдахъ.

При главномъ лицѣ Ивана, выражающаго собою Русскаго человека; главное женское лицо Василисы, совмѣщающей въ себѣ всѣ тѣ ступени, что выражались для древнихъ въ Афродитѣ—Ураніи. Елена Прекрасная (иногда Анна), повторяя собою всѣ событія, связанныя съ ея именемъ отчасти для ближайшаго къ Европѣ Востока, а больше всего для Греціи, является одною изъ сторонъ Василисы, та какъ грозная дѣва—поляница, какъ Артемиды, цѣль исканій, или ревнивая и истительная Гера, то какъ невинная или гибнущая при братѣ Иванѣ «сестрица Олѣнушка,» совершенно та же, что Елена при Діоскуридахъ, Электра или Ифигенія при Орестѣ и Пиладѣ, Антигона при Этеолѣ и Полиникѣ, то наконецъ какъ коварная измѣнница, хотѣвшая погубить Ивана, какъ причина его раздора съ родствомъ и съ Василисой, какъ коварная Елена Аргивская в Троянская, та «Обида,» которая въ Словѣ о П. И. «всунула въ Дѣву на землю Трояню,» плещетъ «лебедиными крылы на синѣи морѣ у Дону» и приноситъ гибель «въ силахъ Дажь-божа внука,» народа Русскаго. Подробное изложеніе этого предмета не идетъ сюда, тѣмъ болѣе, что отчасти нашло уже мѣсто въ прежнихъ «Замѣткахъ,» отчасти готово къ печати впереди: но мы не можемъ преминуть, чтобы для объясненія занимающаго насъ предмета не привести Сказку, обнимающую собою весьма многія черты поманутыхъ греческихъ сказаній, начиная отъ похищенія Іо до подвиговъ «Семиподъ Овиани.» Мы разумеетъ Сказку «о Сем и Семіонахъ, родныхъ братьяхъ.» Изложимъ ея содержаніе по изданію г. Авандеева, вып. 2, 3 и 6 (сказкою г. Сахарова, какъ недвѣрженною передѣлкою, нужно пользоваться съ осторожностію). Связка общая сказаніямъ греческимъ и нашимъ обычнымъ: царю или царевичу нужно достать Елену Прекрасную, Царевну; все дѣйствіе, весь подвигъ состоитъ въ этомъ. Но царь или царевичъ, тождественный съ нашимъ Иваномъ, раздѣляется въ этомъ подвигѣ на отдѣльные лица, дробится на семь лицъ, распределяющихъ по себѣ одинъ подвигъ: это то же дробленіе, какое находимъ мы по другимъ сказкамъ въ Иванѣ и лицахъ, ему помогающихъ; или даже въ образахъ дочеловѣческой природы, черезъ которые проходитъ Иванъ, на примѣръ въ козѣ, птицѣ и т. п.; то же дробленіе, какое мы видимъ въ божествахъ на пути челоуѣческаго развитія, или въ мифѣ съ разными лицами, въ двухъ герояхъ—близнецахъ или друзьяхъ, въ нѣсколькихъ Аргонастахъ, въ Семиподъ

Одними. Каждый только выражает въ себѣ разные свойства и приемы единого подвижнаго. Начало событій представляется очень далеко: по ту сторону дѣленія народовъ и разныхъ видовъ бытій, безматемно царствуетъ царь или царица. Но его влечетъ къ Еленѣ Прекрасной, онъ дѣлится, и раздѣляшіеся образы лица его отправляются на подвигъ. Они рождаются въ уничиженіи, въ бѣдствіи: бѣдный: крестьянинъ съ женою, какъ водится, не имѣетъ дѣтей, мечтаетъ, и получаетъ за разъ семерыхъ; Семіонъ: а и въ обратномъ названіи: они по числу семи, а имѣетъ быть даже по испорченности имени Салаомона или Саломона (см. ниже). Потому умираетъ у нихъ и отецъ: сироты въ страдное время страдаютъ на вѣсѣ, здѣсь находятъ ихъ царь, беретъ къ себѣ на воспитаніе, усмысляетъ, — они дѣйствительно становаются частями его собственнаго существа. Къ тому же оказывается они способны по природѣ и воспитанію? По: одинъ: слезами 1-й Семіонъ способенъ воровать; 2-й новать; 3-й стрѣлять на лету птицу; 4-й плавать и нырять какъ собака; 5-й смотрѣть съ высоты и видѣть даль; 6-й дѣлать корабли; 7-й дѣлать. По: другой: 1-й — строить высокій столбъ, 2-й уставлять его крѣпко, 3-й смотрѣть съ него, 4-й дѣлать корабли, 5-й торговать разными товарами; 6-й нырять въ водѣ и медъ водою, 7-й воровать. По: третий: 1-й — строить столбъ, 2-й глядѣть съ него, 3-й дѣлать корабли, 4-й править ими, 5-й прятать корабль въ случаѣ нужды на дно моря, 6-й доставать его снова со дна моря, 7-й воровать. Вы видите здѣсь, пожалуй, то же раздѣленіе типовъ, какъ на примѣрѣ въ богахъ, достигшихъ Олимпа: морскому Посейдону, вору и торговцу Гермесу, провидцу Зевсу, въ стрѣлкѣ Аполлону, въ сына его Асклевию (Эскулапу) . . . и т. п.: видите по же раздѣленію, что въ настыхъ подвигахъ Иова, а еще прежде — въ же занятія, какія нужны были вѣднъ первоначальнымъ народамъ, только что слагавшимся. Каждому дано дѣлать, что ему подручно. Воздвигается столбъ отъ земли до неба: съ него, Вавилонская, начинаются раздѣленіе и первый шагъ вѣднъ народовъ; съ него, мы знаемъ, начинаются и связи объ Иова. Второй Семіонъ воздвигаетъ на столбъ, смотритъ вперед, какъ провидецъ, или, на примѣръ, помалутыи нами греческій Амсіарай. Столбомъ ничего не достигнуто: съ него видны только раздѣляшіеся народы, наша поступательнаго развитія, и, какъ самая-далакая точка, Царевна Елена. Послушаемъ сказку одну: изъ Семіоновъ «плѣтъ» на, Атопъ столбъ, съ нѣмъ маковну: и оталь

глядѣть кругомъ думаетъ, какъ и что творится по бѣгу вѣту. И видитъ синія моря, и нѣтъ какъ пятна мрѣютъ корабли; видитъ села, города, народа тьму: но не прятать той чудно Царевны, что повредила царя (чей образъ зашевелился въ душѣ его и вредила ее; не давая покою). И сталъ нуше глядѣть во все виды, и вдругъ заиривчатъ: у окна въ далекомъ теремѣ сидитъ красавица Царевна, румяна, блондина и тонкобока, ажъ видно, какъ мощи переживающаю косточки. «Видишь?» кричитъ ему царь. — Вижу (вып. 3). — Или: «Юрлицъ сквалъ етольбъ такой, что голову закинешь — шея етольбъ болно, чуть не до небесъ. Царь покванилъ. Другой братъ, нѣтъ блва, вскочилъ на верхушю етолба, глянулъ на все стороны; раскрылся предъ нимъ все царства-государства, и онъ сталъ разсказывать, въ которомъ изъ нѣтъ что дѣлается: «а въ такомъ-то царствѣ, въ такомъ-то государствѣ, говорилъ онъ, живетъ Елена Царевна Прекрасная, невидливой красоты, алыи дѣтѣ у ней по лицу рисывается, блый нухъ по груди разстѣвается, и видно, какъ кожочка изъ косточки въ косточку переливается.» Это царю всею больше понравилосъ (вып. 6).» Скорѣй слезой, кричатъ Семіону, нужно вхатъ — добывать Царевну. Слѣдующіе Семіоны построили корабли, оснастили, наполнили товарами, управяли въ море. Здѣсь пригодился и послѣдній Семіонъ, воръ: сначала, увидѣвши его натуру и способности, хотѣли было его казнить, поубѣсить, его было выгнали, презрѣли, но какъ Гермесъ, начавшій воровствомъ, признанъ былъ послѣ необходимымъ типомъ этого рода, связавъ съ торговлею, съ мореплаваніемъ, такъ теперь понадобился и младшій Семіонъ, самый жъ началъ униженный, но самый изъ братьевъ главный какъ посредникъ подвига, доводшій его къ концу. Воровство этого рода, обличенное послѣ единствомъ сложнагого сознанія; не было таково въ эпоху двойства и бѣрьбы: оно было посредствомъ или средствомъ, оно было тою же необходимою а р а д к о й или р а з г л а д к о й для древняго человека, тѣмъ же — ищомъ, поясомъ, гривною, о которыхъ говорили мы выше. И такъ младшій Семіонъ — воръ главное лицо на кораблѣ. Подѣзжаютъ къ шареву, гдѣ Елена Прекрасная, и мы опять слушаемъ сказки. «Подплыли подъ то царство, гдѣ была невѣста Царевна; одишь по-смотреть съ высокаго шеста (вспоминаніе о етолбѣ), сказалъ, что Царевна теперь одна, украсть можно; другой сквалъ какія-то самыя дорогія вещи, и вошли съ веромъ продавать; только дошам, — воръ тотчасъ и укралъ Царевну (вып. 2-й).» Или: «Долго ли плавали,

Итъ ли, наконецъ остановился въ томъ государствѣ, гдѣ жила Елена Прекрасная. Вора не учить, что надо говорить, какъ за дѣло братья-ся: онъ все вызналъ, выведалъ, услышалъ, что въ этой землѣ итъ кошечъ, нарядился купцомъ, взялъ кошечку; оглаживая, охорашивая, повелъ ее на золотомъ шнурѣ мимо окна Елены Царевны. Царевна умѣла: понравился ей хорошенькой звѣрёкъ, приказала она его купить. Воръ отвѣчалъ, что онъ богатой купецъ, привезъ изъ богатѣйшаго государства, привезъ всякія рѣдкости-драгоценности, желаетъ явить Прекрасной Еленѣ свое усердіе и просить ее принять отъ него кошечку въ подарокъ. Вора позвали во дворецъ: кошка дѣлала разныя штуки, Царевна любовалась. Воръ наговорилъ столько о своихъ невиданныхъ рѣдкостяхъ, принесъ и раскинулъ передъ нею такія чудныя ткани, такіе дивные уборы, — глазъ бы не отвлечь! «Да та ли еще у меня есть,» говорилъ онъ въ добавокъ: «эти вещи я могу всѣмъ показать, кто хочетъ — можетъ купить ихъ; а тебѣ, Царевна, не угодно ли взглянуть на сокровище безцѣнное, вѣкъ невиданное? Оно у меня на кораблѣ подъ великой охраной: только одной тебѣ я покажу его; оно зажигаетъ ночью огонь, днемъ солнце, и освѣщаетъ всякой мракъ чуднымъ свѣтомъ. Это камень, необычайной красоты: а вынуть его невозможно, объявить объ немъ — значитъ погубить себя, всякой захочетъ обладать имъ. Дорого стоило мнѣ, чтобъ достать его: но еще дороже для меня честь отъ царя моего, которому я беру это диво въ подарокъ.» Царевна дала слово быть на кораблѣ и взглянуть на сокровище. На другой день съ нянюшками съ мамушками, съ красными дѣвчушками, она отправилась изъ дворца на корабль. Вся свита осталась на берегу: только Елена могла видѣть чудный свѣтъ неподобнаго камня. Все было приготовлено для ея встрѣчи, семь Семіоновъ явились прислуживать: и только она вступила на корабль, — нятой братъ схватилъ корабль за носъ, и корабль палъ на дно моря (вып. 6).» Или еще: «Собрались всѣ семеро Симеоновъ, срубили корабль, нагрузили его всякимъ товаромъ и гестями, и всѣ вмѣстѣ поплыли моремъ доставать Царевну по-за синими горами, по-за синими морями. Ъдутъ, ѣдутъ между небомъ и землей, пристають къ невѣдомому острову у пристани. А Симеонъ меньшой (воръ) взялъ съ собою въ путь сибирскаго кота ученаго, что можетъ по цѣпу (по цѣпи) ходить... И вышелъ воръ Симеонъ съ своимъ котомъ съ сибирскимъ, идетъ по острову, а товарищай-ребята просить не выходить на землю, пока онъ самъ не придетъ

надесть.» За котомъ, понравившимся Царевнѣ, Симеонъ проиникъ во дворецъ и получаетъ тамъ угощенье. «Благодарить Симеонъ за хлѣбъ-соль, за угощенье и за ласки, и на третій день просить Царевну пожаловать къ нему на корабль, поглядѣть на устройство его и на разныхъ звѣрей виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и неведомыхъ, что привезъ онъ съ собою. Царевна усиприся у бѣтвишки царя, и вечеркомъ съ прислужницами и няньками пошла смотрѣть корабль Симеона и звѣрей его виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и неведомыхъ. Приходитъ. У берега поджидаетъ ее Симеонъ меньшей и просить Царевну не прогнѣваться и оставить на землѣ нанекъ и прислужницъ, а самой пожаловать на корабль: «тамъ, де, много звѣрей разныхъ и красивыхъ, какой тебѣ понравится, тотъ и твой; а всѣхъ одарить, кому чтѣ полюбится, и нанекъ и прислужницъ, не погнѣ.» Царевна согласна и приказываетъ нянькамъ и прислужницамъ дожидать ее на берегу, а сама идетъ за Симеонемъ на корабль глѣдѣть дивнаго звѣрей чудныхъ. Какъ возшла, корабль и отплылъ, и пошелъ гулять по своему морю. Царь ждетъ — не дожидается Царевны, прикладываетъ няньки и прислужницы, плачутся, рассказывая свое горе (вып. 3).»

То же, что выражено въ анеропоморфизмѣ лицомъ—посредникомъ этого дѣла, воромъ, то же самое повторится въ камнѣ, котѣ, звѣряхъ и тому подобнхъ предметахъ, какъ средствахъ. Вспомните, что человекъ слагавшагося народа, и Русскій человекъ Илья нашихъ сказокъ, на пути развитія проходитъ разные виды бытія отъ камня до живыхъ организмовъ, послужившихъ средствомъ его спасенія. Когда онъ прошелъ этотъ путь, образы пройденные отдѣлились какъ средства подвига, все равно какъ загадка, коренившаяся въ самомъ существѣ язычества, выражена послѣ въ формулѣ словесной, служившей посредствомъ для переговоровъ разныхъ существъ разныхъ ступеней, и разныхъ народовъ разной исторіи. Все эти средства, которыя мы еще увидимъ ниже во многихъ видахъ, во потеряли смыслъ свой и послѣ водворенія христіанства, ставши его символами или атрибутами лицъ его и обрядовъ, подобно какъ они же всегда являлись и при древнихъ богахъ послѣ пройденнаго ими пути: такъ вспомните, по Стихамъ о Варлаамѣ и Иосафѣ, какъ перащій, лица приобрѣсть и увлечь душу сего послѣднѣго, является въ видѣ кунца, говорить, что несетъ съ собою драгой камень, который можетъ показать одному лишь царевичу: камень этотъ

старшую зеленую Василису, проходить разные виды бытій; какъ она прѣчется отъ него въ образъ лебеди, потомъ тѣмъ же оборотными обманываетъ погоню Мерскаго царя; какъ блуждаетъ Иванъ по подземелью, черезъ море; какъ, при переходѣ этого дрезвѣйшаго эвеса въ творчество Кіевское, Потыкъ плыветъ на кораблѣ за невестой, долженъ отгадывать ей и отпу ей загадки, находитъ невесту въ образѣ лебеди и хочетъ подстрѣлить, спускается съ нею въ подземелье, убиваетъ тамъ змѣя, а ее воскрешаетъ, или же блуждаетъ за нею по разнымъ странамъ, падаетъ отъ «вѣнца заблудшаго» и обращаясь даме въ камень; даже, какъ Добрыня испытываетъ ту же участь въ дѣлѣ съ Заваной и Марной, стрѣляя у несаѣлей на оныя двухъ голубей, снивалъ любви ея со Звѣздой, и спасается послѣ, прошедши жизнь оборотни; наконецъ, какъ является въ Кіевъ Соловей Будничевичъ на кораблѣ, и, прельстивши драгоценными товарами, увезти оттуда Завану. — Возвращаясь къ Семіонамъ. Послѣ долгаго блужданія вѣстало спасеніе, подвизавши награждены, царь или царевичъ женился на Еленѣ. Но въ-которыя сказки дополняютъ событіе еще аркиши чертами. — Поединѣ совершался слишкомъ долго: царь даже забылъ о Семіонахъ, онъ усталъ, женитьба была ему не подъ силу. Младшій изъ Семіоновъ и главный дѣтель подвиговъ изъ уничтоженія и страдательнаго вложенія перерождается самъ въ юнаго бога и снѣживетъ старца на царствѣ, женился на Еленѣ: «Врѣдхали къ своему царству... Царь услышалъ, и забылъ ужъ про Семіоновъ; думать, что за корабль пришло тамъ?.. Сколь скоро доложили царю о семіонахъ вѣстѣ съ царской невестой, онъ образовался Семіоновымъ труданъ, приказалъ истрѣтити ихъ съ честию... Только Царевна не пошла за дара въ за мужъ: онъ былъ ужъ старъ. Онъ ее и спросилъ, за кого она хочетъ выйти? Царевна говоритъ: «за того, кто моимъ воровалъ.» А воръ Семька былъ бравой дѣтина, Царевнѣ поглянулся. Царь, же говоря больше ни слова, приказалъ ихъ обвѣчать. Потомъ самъ заботѣлъ на своей: Семіона поставилъ на оной мѣсто, а братовой его сдѣлалъ всѣхъ большими боярами (вып. 2).» Мы убѣдимся ниже, что такова именно доля юнаго бога, когда онъ, выражая сознаніе слававашагося народа, по совершеніи тяжкихъ подвиговъ, замѣняетъ мѣсто старца и изъ посредника обращается въ наследника.

Таковъ эпизодъ, выродившійся изъ основныхъ мифовъ и перешедшій въ тотъ старшій эвось, который, совмѣщая въ себѣ событія на-

ныхъ Былевыхъ сказокъ, развилася некогда у Русскихъ въ общеславянской семьѣ ихъ, когда жили они за одно съ Греками при Черномъ морѣ и по Дунаю, зпосѣ, который, въ отличіе вторичнаго и главнаго, Кіевскаго, назовемъ мы отсѣлъ на всегда Черноморскимъ и Придунайскимъ. Но, на переходѣ отсѣла, прежде чѣмъ войти въ послѣдующія мѣста жительства Славянъ, онъ получалъ еще періодъ, вездѣ появившійся у нихъ при переселеніи на прочныя ослѣдствія поселенія, гдѣ они стали уже вполне сложившимся народомъ. Этотъ періодъ почти у всѣхъ Славянъ одинаковъ: зпосѣ говорить, что отъ Дуная пришло нѣсколько братьевъ, съ сестрою или дочерью-любвою. Упомянемъ здѣсь для краткости только Чеховъ, Поляковъ и Русскихъ. У первыхъ разсказъ начинается также съ Вѣжи или Столба Бабель. Далѣе онъ говоритъ, что послѣ Столба раздѣлились народы: «други отъ друга пробирались они, каждый опредѣлялъ себѣ воласть и отъ нихъ пошли различныя нравы (греч. ἔθνος, «народъ», отъ ἔθος, «нравъ, обычай» и ἴδιος, «свояцѣ»; » Несторъ о раздѣленіи Славянъ: «по многихъ же временихъ,» — послѣ Столба, — «сѣянъ суть Словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска; отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и презаидася имены свои, гдѣ обѣше на которомъ мѣстѣ;... инаку бо обычай свои, и занемъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ»). Обособили себѣ земли, какъ и нынѣ каждый имѣетъ свое имя. Между прочими и Сербы (старѣйшее имя всѣхъ Славянъ) оттуда, гдѣ обитають Греки, возлѣ моря разсаидились и до Рима (да Адриатики и Венетскаго побережья) расплѣдрились. Въ Сербскомъ (Славянскомъ) замку есть земля, имя которой Хорваты (Карпаты, какъ посредствующее зѣмя, куда прежде ушли Славяне съ Чернаго моря и съ Дуная, и откуда вошли далѣше). Въ той землѣ былъ Лѣхъ, имя которому было Чехъ.» Онъ пустился изъ Карпатъ далѣе и нашолъ приидрѣніе въ сложившемся народѣ, въ мѣстностяхъ Чешскихъ, какъ герои Греческіе послѣ убійствъ, ими совершенныхъ, какъ Эдмундъ, Орестъ: «онъ доидѣлся до мужеубійства, за что попалъ въ вину передъ своею землею. А имѣлъ атогъ Чехъ шесть братьевъ (стало бытъ самъ онъ былъ седьмой, какъ Самеонъ), ради чего имѣлъ мочъ и честь, а отъ нихъ много челяди. Одной ночью обозрѣвши ихъ (собранныхъ), выбрался онъ со всѣми изъ земли, которой имя было Хорваты.» Чехъ былъ главный, давший имя свое новой странѣ и иетеріи: по прозвѣщаю его Лѣхъ, которое мы видѣли, указывало на

другой лица, и пость сизгалие друго, о братьяхъ уже двухъ, соот-
 вѣствующихъ Диоскуранъ, Оресту и Пилладу, Этеоку и Полиду.
 Боязъ имена и другія, улазывающія вѣроятно на прѣчахъ патерихъ :
 на шрихъ Трутъ, который на горахъ Кривоши (Исполнены горы)
 убилъ лютую змѣю, тѣсннскую помянатыя страны (ср. Баяя,
 Кадна, Эяна и проч.); Тетва Попеловъ, тождественный съ нашимъ
 Иваномъ Попеловымъ («Зам.» при 3-мъ выш. Кир.), «старый ро-
 дотъ славнѣ», пришедшій, по словамъ Чешскаго эпоса, «съ паднами
 Чеховыми въ ои жарныя волости черезъ три рѣки (Дюбушнъ, Суаз).»
 Падноидъ изъ нихъ же у Чеховъ выдѣляется Крокъ, судія всей земли,
 съ падною денорю, дѣвою Лубушею, вѣщою, судною, грозною,
 вездѣшю мучою, отвѣчающею нашей Еленѣ или Аннѣ Прекрасной.
 Она же встрѣтилась послѣ съ Премыломъ чехаремъ, предтегавителемъ
 донкишской Земли, и вышла за него за муть, какъ у насъ встрѣ-
 тался при концѣ цесарца Иванаова Микла, изъ помощника и друга
 переродился въ отца Настасыи и Васильсы, а Иванъ, то же, что
 пожившій Микла, женился на его дочери. Съ этихъ именъ у Че-
 ховъ начинается уже самобытный, мѣстный и частный эпосъ, соот-
 вѣтствующій нашему Кіевскому. — По преданіямъ Лѣхъ отдѣлился отъ
 брата Чеха и пошелъ изъ Карпаты сѣвернѣ: раздоръ, который мы уже
 встрѣчали и въ Греціи. Въ мѣстностяхъ Польскихъ Славянъ замѣся
 вѣсто того одинъ Кракъ (постраншій Краковъ), тотъ же, что Чеш-
 скій Крокъ, и скоро разошлася на двухъ сыновей, Крака и Лѣха,
 съ доуерью, а изъ сестрою, грозною дѣвственницею Вандою, броса-
 шеею носѣ въ волны, подобно смерти Геллы, Ино и прочимъ
 одиородныхъ женщинъ греческихъ. У насъ являются тѣ же братья
 съ сестрою: «быша три братья, одному имя Кій, а другому Щекъ,
 а третьему Хоравъ, сестра изъ Лыбель (разнофѣч. «Лыбель», Несторъ).»
 Щекъ есть тотъ же Чехъ; Хоравъ — Хорватъ; Лыбель —
 бллая лѣбомъ, Елена Прекрасная, оставшаяся дѣвою и связанная съ
 рѣкою, какъ Ваида. И самъ Кій, по одному изъ преданій, былъ пе-
 ревозчикомъ, плавателемъ: «ни же не свѣдуше рекоша, ако Кій
 есть перевозчикъ былъ, у Кіева бо баше перевозъ тогда съ оной
 стороны Дѣтура, тѣтъ (отъ того) глаголаху: «на перевозѣ на Кіевъ
 (откуда и имя города Кіева).» Опровергая это древнее сказаніе,
 возникшее на основаніи преданій о плаваніи, которыя мы видѣли,
 Несторъ возражаетъ другимъ сказаніемъ, что Русскій Кій ходилъ къ
 Царюгороду и тамъ получилъ почетъ, не замѣчая въ лѣтописной

простотѣ своей, что это другое преданіе о походахъ къ берегамъ Греціи и по Черному морю подтверждаетъ собою первое.

Посмотримъ же теперь, какими образомъ основныя представленія о подвигахъ и переходахъ славянскихъ народовъ, начиная отъ Юдо нашей и греческой Елены Прекрасной, выражались не только въ судьбѣ первыхъ боговъ язычества, въ герояхъ, въ переселеніяхъ, въ мифахъ и начальномъ эпосѣ, но даже и въ первобытныхъ соотношеніяхъ народовъ, въ столкновеніи однихъ уже крутыхъ. Эти первобытные народы, возникавшіе именно въ слѣдствіе своей языческаго сознанія, совершенно отъчаили его стихійности, послѣдовательности его образовъ и мифовъ. Первобытная исторія, возникшая послѣ первобытнаго эпоса, состояла именно въ толкованіи этихъ образовъ и мифовъ применительно ко внешней народной жизни. Вотъ-таки самыя первыя отрывки у отца историковъ, Геродота: «въ пользу историческими формулами разскажетъ намъ ту же доисторическую новѣсть. Первая книга, первыя главы: «Толковники» (и) изъ Персовъ говорятъ нынѣ, что виновниками раздора были Финнікіане: они-то отъ Ерусерейскаго (б) такъ называемаго моря пришли на здѣшнее (в) и поселившись въ той самой странѣ, гдѣ обитаютъ и нынѣ, тотчасъ приложившись къ далекимъ кораблеплаваніямъ, и, разнося товары Египетскіе и Ассирійскіе, прибывали въ ту-другую область, между прочимъ пріѣхали и въ Аргосъ. Аргосъ же въ то время имѣлъ преимущество передъ всеми въ области, называемой нынѣ Елладюю. Итакъ, прибывши въ этотъ самый Аргосъ, Финнікіане, говорятъ, разложили товаръ; въ пятый же или шестой день по ихъ пріѣзду, когда они все почти распродали; пришли къ морю женщины, другія многія, а между ними и Царевна (дочь царския), имя которой было, согласно и съ рѣчами Еллиновъ, Ю Инихова. Ставши онѣ на задкѣ корабля, покупали товары, какіе имъ больше были по душѣ. Финнікіане, распорядившись между собою, ринулись на нихъ; большая часть женщинъ и убила, а Ю съ другими была похищена. Наваливши ихъ въ корабль, тѣ дальше и дальше, и пошли къ Египту. — Такъ-то по рѣчамъ Персовъ, по согласію съ рѣчами Еллиновъ, Ю отбыла въ Египетъ: и вотъ съ чьей стороны первое зачатое несправедливостей. Послѣ же сего, въ

а) Разгадывавшіе загадки древности, первые историки. — б) Еритрейскаго, Mare Rubrum, Черное. — в) Средиземное.

которое изъ Еланинъ (имени-то нѣтъ сказать не умѣютъ) прибыл; поворотъ, въ Финикійской Тиръ и похитил Царевну (царскую дочь) Европу (будь то Критино). Въ этомъ поха между ними былъ кантъ: но за сими виновниками второй неправды стали уже Еланины. Ибо на долгомъ-ворабѣ отпавши въ Колхидскую Эю (Аию) и кнрѣвъ Фазису, подлаивши здѣсь прочее, изъ за чѣго прибыли, похитили Царевну (царскую дочь) Медю. Колхидецъ, пославши въ Елладу дѣвственна, пробовалъ теперь поплатиться за похищеніе и вытребуемъ назадъ дочь: они же отсудали, что какъ тѣ не поплатились, да, нѣтъ за похищеніе Аргивянки Ю, такъ и они не помчатся съ своей стороны.—Во второмъ послѣ сего, сказываютъ они, поколѣніи, Александръ (а) Пріамовъ, слышавши такіа дѣла, захотѣлъ, чтобы у него была жена изъ Вавалы черезъ похищеніе, утѣжденный ковчею, что не поплатится, потому что и они не похитились. Когда тишии образомъ похитилъ онъ Елену, Елланамъ рассудилось посланни сперва пословъ вытребуемъ назадъ Елену и требовать поплатъ за похищеніе; тѣ же, послѣ сего предложеніа, выставили нѣтъ похищеніе. Моемъ: такъ, да, они, сами не поплатились и не выдавши того, что отъ нихъ требовалось, захотѣли, чтобы нѣтъ платились другіе? И такъ до сихъ поръ былъ у нихъ похищеніа другъ у друга по однокъ: отослѣ же Еланины сѣздалея глаными иновѣнниками, ибо нѣрвыа начали воевать на Аию, прежде, чѣмъ тѣ на Европу. Похитять, да, женщины, считаютъ нѣтъ дѣломъ людей, осербляюще правду, хлопотать же о карѣ за похищеніа нѣтъ дѣломъ безразумныхъ; а благоразумныхъ людей дѣломъ считаютъ, если не суетъ ни на той, ни на другой сторонѣ за похищеніа нѣтъ дѣло, если же суетъ онъ: но захотѣли, не была бы и похищеніа. Когда, да, похищеніа были женщины, сказываютъ Персы, те они, Азіатны, не дѣлали въ томъ нѣлького расчета: Еланины же нѣтъ да Лагондой женщины собрали большую рать и цетемъ, пришли въ Аию, до-крушили силу Пріамову. Съ тѣхъ поръ, да, они считаютъ Елладское воеваніе себя правдобнымъ. Потому что Персы, приурочиваютъ себя Аию и обиталие тамъ варварскіа народы. Европу же а то, что отъ Елланскаго, считаютъ отдавшимися.—Такъ было дѣло, сказываютъ Персы, и за взатіе Иліона находятъ возникшее у нихъ начало вражды на Еллановъ. Касательно же Ю, съ Персами не

а) Парисъ.

сходятся въ рѣчахъ Финикійско: потому что, сказываютъ, они страши се въ Египетъ не такъ, чтобы употребили въ дѣло похищеніе, а что она, де, въ Аргоѣ сваялась съ хожаномъ корабля, да какъ узнала потомъ, что беременна, такъ, стыдись родителей, добровольно ушла съ Финикійцами, чтобы не обличиться. — Такъ вотъ что говорятъ нынѣ Персы и Финикійско. Я же въ снѣхъ дѣлать не пускаюсь въ разборъ, такъ ли то было, или какъ иначе; а кого снѣхъ знаю перваго, начавшаго несправедливости противъ Еллановъ, того обозначивши, пойду впередъ своими сказаніями, одинаково прошедши и малыя, и великія города человѣчески: ибо многое то, что прежде было велико, сдѣлалось малымъ, а что стало велико при мнѣ, то было мало прежде.»

Геродотъ разсказалъ намъ, какъ начала и событія, видѣнныя нами въ мнѣхъ и въ еносѣ, вошлоулись въ переобитной исторіи и международныхъ отношеніяхъ, одвлавшись здѣсь достоинствомъ дѣтосном. Онъ вратъ съ своей точки зрѣнія, но снѣхъ же дасть намъ побужденіе за исторіею: внѣшнюю сдѣлать внутреннюю, за началомъ исторіи общественной время доисторическое. Въ самомъ дѣлѣ, уже изъ его разсказа и другихъ извѣстныхъ источниковъ видимъ мы, какъ слава- шійся народъ Греческій, изъ средоточія его Европейскаго, сообщался всею жизнью съ ближайшими, облежавшими народами, сообщался общими дѣломъ сознанимъ, сказаніемъ, внѣшнихъ отношеніемъ, переоселеніемъ и колоніемъ: туда и сюда шли колоніи, какъ шли мнѣхъ; какъ передавалось сознание, занятое общими дѣломъ. Съ одной стороны, относительно Греціи, видите вы Ассирію, которую наследовали и звали своею стороною Персы, — объ ней пока умолчимъ мы; съ другой стороны Египетъ: объ стороны, оба народа и государства равне древніе по началамъ овозишь, и относительно Елланской Греціи крайне древніе. Египетъ раньше началъ свое развитіе, раньше и кончилиъ, и не дошелъ до того, что совершилось далѣе въ Греціи: его веломіи дѣлалась въ Грецію раньше другихъ, начала его изрессознаніа достигали греческаго вопринца также раньше и связывались тѣсно съ первыми шагами греческаго развитія, потому и въ мнѣхъ Греціи; и въ сказаніяхъ, они занимають ступень еще старшую. Посредничествъ и во внѣшней исторіи, и въ движеніяхъ върессознанія, какъ между Ассирійцами и Греками, такъ и между Египтянами и Греками, были Финикійско. Когда же Греки ступили далѣе, эти страны и народы представлялись имъ—и были дѣйствительно таковы—ступенями прой-

денными, старшими, изведенными — говоря древними языкомъ — въ адъ или адъ, во тьму, въ безду минушаго, но такъ впрочемъ, что Египетъ былъ дальше, Финикія ближе. И мѣстность, и исторія, и доисторическое вѣросознаніе, все отвѣчало одинаково этому положенію. Посмотримъ же на Египетъ, потомъ на Финикію, со стороны событій, насъ занимающихъ (имена божествъ мы будемъ употреблять тѣ, кои приняты были въ Греціи, частию потому, что оны болѣе знакомы читателямъ, частию для того, чтобы облегчить переходъ къ Греціи).

Главныя божества, принадлежавшія всѣмъ Египтянамъ, были, такъ называемыя Греками, Озирисъ и Изида: Озирисъ, представитель бога или начала втораго, болѣе юнаго сравнительно съ первымъ, творческаго, идеальнаго, творца или сына; Изида, составляя его женскую сторону, представлялась то матерью его, то женою или дочерью; смотря потому, каковы были шаги поступающаго впередъ Озириса. Но Озирисъ, прошедшій отъ бога перваго, еще не достигъ съ нимъ примиренія и былъ въ разрывѣ, въ постоянной борьбѣ; богъ же первый не былъ ни примиренъ окончательно, ни побѣжденъ: напротивъ онъ разъяренъ, онъ преслѣдуетъ Озириса и Изиду, онъ виновникъ смерти или гибели Озириса; отъ него прочіе, вновь нарождающіеся боги принуждены были бросаться въ тѣла животныхъ, которыхъ такъ чтили Египтянинъ, ибо еще не вышелъ отъ нихъ къ человѣческому воплощ; подобно какъ нашъ Іванъ, блуждая, проходилъ черезъ разныя виды дочеловѣческаго бытія, черезъ образы животнаго царства. Такой старый богъ, разгнѣванный и изъ свѣтлаго одѣлавшійся представителемъ зла и мрака, вносявшій всюду зло или сводившій все доброе въ мракъ и безду, названъ былъ именемъ Тифона. Вотъ вкратцѣ мнѣ, какъ рассказывали сами Египтяне или передавали ихъ рассказы Греки, принимавшіе живѣйшее участіе въ судьбахъ Египта, видя тамъ видѣтъ и свою былую исторію, и давая ей явленіямъ собственныя имена, изъ своего языка, своихъ миссовъ, своей мизни. Употребляя греческія имена, говорили: Кроносъ, т. е. старый богъ въ разъяренномъ видѣ, обманутый новымъ, съ сестрою Реєю родилъ Озириса и Изиду, какъ Зевса и Геру; или же Озирисъ и Изида прошли черезъ моментъ Зевса и Геры и явились въ этомъ случаѣ — Озирисъ какъ греческій Діонисъ, Изида какъ Деметра или какъ дочь ея Персефона. Но братъ Озириса Тифонъ воплотилъ въ себя всю злобу и мрачность Кроноса: это записало

CLVIII

страдало само человечество, ибо боролось съ темною стороною своего собственного существа, такъ что врагъ былъ вѣсть и собственною половинною его существа; на этомъ основывались безпрестанныя очищенія, покаянія, которымъ долженъ былъ отдавать себя Гераклъ, выраженъ тѣмъ, что сама побѣда его была въ нѣкоторомъ смыслѣ грѣхомъ. Въ самомъ существѣ Геракла не было примиренія, а раздоръ двухъ началъ, хотя и сопровождавшійся побѣдой: плодъ побѣды отдаваемъ былъ другому. Только тогда лишь, какъ онъ прошелъ весь путь свой, оглянувшись назадъ, сознание могло представить низложенныхъ враговъ и чудовищъ дѣйствительными врагами, чѣмъ-то пройденнымъ, чуждымъ: до этого конца они еще сливались съ самимъ побѣдителемъ въ существѣ его. Такимъ образомъ, относительно будущаго торжества, явившагося всего болѣе въ Діонисѣ, Гераклъ былъ посредникомъ между нимъ и злымъ богомъ или началомъ; но относительно сего послѣдняго былъ его дитею, отродіемъ, даже повтореніемъ. Самое посредничество было служебное, чернорабочее, рабское. Потому его подвиги назывались « трудами, » онъ самъ « страдающій, » « обремененный заботой » и даже « грустью, » « озлобленный » въ древле-Славянскомъ смыслѣ, какъ объятый и давимый зломъ (*labores, aegrimosus, поупрѣтатос*, и т. п.). Такова же была и кончина его, готовившая ему покой только по смерти. Онъ хотѣлъ взять Деяниру, но нашелъ грознаго соперника въ богѣ рѣки Ахелоеъ и долженъ былъ вступить въ единоборство: богъ оборачивался оборотнемъ въ разные образы, наконецъ въ быка; Гераклъ побѣдилъ и сшибъ ему рогъ, извѣстный намъ рогъ, обитенный Ахелоемъ съ рогомъ Амалееи, рогомъ изобилія. Другой, покусившійся на супругу его, Кентавръ былъ также убитъ, но передъ смертью передалъ злодейскую тайну Деянирѣ, — если она намочитъ плащъ въ крови умирающаго, то получить въ немъ вѣрнѣйшее средство приковать любовь мужа. Представился случай переменить чистую одежду, и несчастная послала мужу роковой даръ: ядъ влился въ его тѣло, Геракломъ овладѣло бѣшенство, онъ сорвалъ плащъ вѣсть съ кусками мяса, оракулъ объявилъ, что смерть его рѣшена, чтобъ онъ изготавилъ себѣ костеръ дровъ. Такъ эти средства гибели и вѣсть торжества, вино — торжество Діониса, рогъ — символъ и звукъ его побѣды, дерево, вѣтви коего обвиня чело второму торжествующему богу, и, какъ знамя его побѣды, носились въ его праздникахъ (финикъ послужилъ и здѣсь второму богу), наконецъ плащъ (вспомните

и прочимъ народамъ, онъ становится во главѣ многочисленной рати, оставляетъ жену подъ защитой посредниковъ, греческимъ именемъ Гермеса и Геракла, самъ отправляется въ инныя страны, проходитъ Эіопію, Аравію, Индію, переднюю Азію и даже части Греціи. Этому отвѣчали конечно первыя Египетскія колоніи и послѣдующія завоеванія. Всюду побѣждалъ онъ благодѣянiami, одного не побѣдилъ— брата Тифона, отъ котораго погибъ самъ. Изиды также на корабляхъ отыскиваетъ и привозитъ супруга. Таково было общее сознаніе Египтянъ. — Но были еще и дальнѣйшія ступени, частію связанныя тѣснѣе съ греческими, частію открывавшіяся только уму, или же извѣстныя только жрецамъ и посвященнымъ въ мистеріи. Такъ мы упоминали о Гераклѣ, этомъ выразителѣ тяжкихъ подвиговъ борьбы новаго божества со старымъ, каковъ онъ явился яснѣе у Финикійцевъ и Грековъ.—Онъ близко подходилъ къ Гору. Озирисъ по смерти посѣщалъ жену, она родила отъ этихъ свиданій Гору младшаго, воспитаннаго подъ руководствомъ оживавшаго отца, но повторившаго его исторію: именно, хотя онъ побѣдилъ Тифона, но мать подарила сему послѣднему жизнь и сынъ долженъ былъ бороться съ нею какъ съ измѣнщицей. Изиды, какъ память объ этомъ, понесла на головѣ рога, знамя стараго и злобнаго бога, а вмѣстѣ новаго наставшаго періода, одно изъ тѣхъ средствъ гибели и спасенія, которыя мы уже видѣли.—Обратное отношеніе рисуетъ намъ Аммонъ, которому воздвигнуто было знаменитое святилище на Оазисѣ, выражая своими мифами преслѣдованіе жены, спасаясь отъ нея сыномъ, достигая почтенія черезъ сего послѣдняго, прибывшаго изъ Греціи. Самыя обстоятельства его мифа переданы уже болѣе исторически. Царь Ливіи, имѣлъ онъ въ замужествѣ Рею, сестру Кроноса, ту же, что была матерью Озириса и Изиды. Онъ измѣнилъ ей, склонившись къ Амалоеѣ, той самой, которая спасла молодѣтнаго Зевса молокомъ своимъ, какъ коза, и чей рогъ въ награду за то сдѣланъ рогомъ изобилія. Обличеніемъ преступленія былъ сынъ, по греческому имени Діонисъ. Чтобы прикрыть грѣхъ, отецъ подарилъ любимицѣ край, имѣвшій фигуру рога и отличавшійся плодородіемъ, изобиліемъ; сынъ былъ удаленъ отъ мщеній супруги Аммона въ Нису или Нисъ, откуда и получилъ имя—«бога Ниса,» Діо-нисъ. Выросши, онъ прославился дѣлами: Рея не могла терпѣть его, разошлась за то съ мужемъ, вышла за брата Кроноса и начала съ нимъ то же злобное мщеніе, какъ Тифонъ. Аммонъ долженъ былъ блуж-

ложь та видная странность, что герой нашего древняго Придунайскаго или Черноморскаго эпоса, перешедшій и въ нынѣшнія сказки, какъ отрывки или повторенія того же, и именно главный — Иванъ безпрестанно является «Дуракомъ.» Но, что-жъ не дуракъ въ нынѣшнемъ смыслѣ, понятно даже ребенку: онъ въ дѣлѣ оказывается умнѣе всѣхъ прочихъ и, замѣчательно, по совершеннѣи тяжкихъ подвиговъ, никогда не остается и не называется дуракомъ, а является торжествующимъ побѣдителемъ, свѣтлымъ героемъ, царевичемъ, царемъ. Потому дуракъ собственнымъ положеніемъ и образами всегда отъчасти меньшему сыну, загнанному свротѣ, труждающемуся, чернорабочему, борцу. Самое слово *дур-акъ*, *дур-ень*, *дур-енья* и проч., съ древнѣйшихъ даже источниковъ своихъ, указываетъ на то же ходъ представленій: въ Санскритѣ *дур-*, *дус-* и *дух-*, какъ корень въ одно время и глагольный, и именной, и мѣстоименный, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ и сложеніяхъ, означаетъ все преданное борьбѣ, двоящееся, трудное и дурное, уклоняющееся, даже (мы знаемъ, почему) злое, враждебное (наковъ старыи богъ, озлобившійся при раздвоеніи), подверженное труду, угнѣтенное, скорбное; конечно латинское *dur-us*, суровый, *dur-ities*, *dur-esco*, и т. п., того же корня. Въ формѣ *дур-ман-ас* получается «раздвоенный мыслію» или «мнѣніемъ», «духомъ», «нетомъ «уклоняющійся духомъ», «блуждающій, враждебный.» Это же *дур-* или *дус-* въ греческомъ *δυσ-*, *δυσ-*, предлогъ раздвоенія, лат. *dis*, откуда греческое *δυσ-μενής*, того же самаго значенія; *душ-ман-ъ*, «врагъ», «злой», «противоборець», «соперникъ», перешло по всему переднему Востоку или передней Азии и утвердилось въ томъ же смыслѣ у нынѣшнихъ Южныхъ Славянъ; наше *дур-ман-ъ*, собственно «раздвояющій умъ» или «духъ», «раздвоенный лухомъ», «одурающій духомъ» и «дурной духомъ», утвердилось за зѣльемъ, потомъ за питьемъ заблудившимъ, значеніе коего мы уже знаемъ. Вотъ почему нашъ Иванъ въ то же время изъ черни, чернякъ, чернорабочій, и непрерывно принимаетъ на собственный образъ черныи цѣтъ, марается сажею, и тому подобное, о чемъ еще подробнѣе послѣ. Когда же прошла главная эпоха его, повторяясь въ сказкахъ при сопрякосновеніи съ текущей трудной действительностью (см. «Зам.» къ 3-му и 4-му вып. Кир.), и тогда насмѣяники его «дурачки», «шуты», «прокаженные», «боли», «солдцы», «калѣки» и тому подобныя лица остались развалиной того же древняго пути кочевья, блужданія и всякаго труда, и всякой боли

развитія. — Теперь, отступя шагъ, вспомнимъ, что Мелькартъ, Геркулъ или Гержуль, нашъ Иланъ и подобныя лица, были у всѣхъ народовъ, вышедшихъ изъ пледовосной исторіи путемъ труда и подвига, вездѣ являлись, вездѣ вызывали мифы, образы творчества и сказанія. Потому и самыя имена ихъ болѣе ими менѣе общи носителямъ исторіи, особенно Индо-европейскимъ народамъ: и чѣмъ болѣе общи, тѣмъ болѣе ходили по устахъ, тѣмъ болѣе видоизмѣнились. Не мудрено послѣ того, что нашъ *Неанъ* потекалъ изъ того *Эаана*, который выражалъ для Грековъ многотрудную эпоху въ развитіи Оракійскаго или Сѣвернаго (относительно собственности Баллады) Діониса, а съ другой стороны отозвался при Артуровомъ «Кругломъ Столѣ» въ латкѣ и имени Утаин или Ошен, въ Британскомъ *Передурѣ* и т. п. (см. «Зам.» въ 3-ю вып. Квр.). Потому же — но забѣе отифывается нашъ обширная область сказаній о Саломонѣ, развитая какъ мы видѣли, и у Нимцевъ, и въ кругѣ Артура, и въ предѣлахъ у Чеховъ, Полановъ, и т. д. Что наши мифографы не догадывались о лицѣ и имени героя, стоящаго рядомъ съ Саломономъ, это не диво, при ихъ работѣ чередъ Нѣмецкою книжкою, а рабство не дозволяетъ, какъ мы знаемъ, полнаго рѣшенія загадки. Но удивительно, что къ этой досадкѣ не пришелъ высшій ученый нашего времени, Я. Гриницъ. Виною нечѣто было то, что сказанія о Саломонѣ, въ формѣ древней поэмы, сдѣлаъ онъ чисто-Нѣмецкимъ произведеніемъ, только съ приписью чуждыхъ именъ: ему бы войти въ общеніе съ другими Индо-европейскими народами, ему бы вспомнить Славянъ, и то общее, что есть у всѣхъ этихъ народовъ. Подобная вина не остается безнаказанною, и особенно на тѣхъ лицахъ, кои стоятъ выше по уму и образованію: такъ себялюбивая мысль, заставившая этого почтеннаго ученаго во всѣхъ почти древнихъ народахъ, жившихъ на Сѣверѣ Греціи, видѣть все Нѣмцемъ да Нимцемъ, сдѣлалась главнымъ и отглаживающимъ недостаткомъ его превосходной «Нѣмецкой Мифологіи». Но онъ конечно скорѣе нашихъ мифографовъ согласится съ выводами, которые предложимъ мы, основанными на равномъ припадкѣ правъ у всѣхъ историческихъ народовъ. Уже въ отдаленнѣйшей древности, имя существа, озлобленнаго влѣдствіе раздвоенія, борца, раздвоеннаго между зломъ и добромъ, по самому его двойству и посредничеству, колебалось въ видоизмѣненіяхъ. Фликийскій *Мелелъ-короъ* въ первой половинѣ слова долженъ былъ

измѣняться въ *Молох-кароа* (*Мелехъ* и *Молохъ* постоянно чередуются); звукъ *о* или *ih*, твердая, переходила въ *картъ*; сокращенная форма — *Мелкароа* или *Мелкартъ*; *кароа* или *картъ*, по присутствію звука *р*, поднимающагося и въ *ор*, и въ *ер*, и въ *ур*, должно было переходить и въ *коро- корт-*, и въ *кере- керт-*, а потомъ въ *кур-, кул- (-т)*, и т. д. Съ измѣненіемъ звуковъ финикійскія, другіе народы къ имени этого общаго бога или героя должны были привязывать свое собственное, національное произношеніе, изъ подручныхъ корней: Грекамъ на примѣръ представлялись здѣсь *кар-, кра-, кор-, кер-*; свои корни, означающіе «голова», «дѣву (*Кору*),» и т. п., или *кал-, кла-*, на пр. *καλέω* — «звать» и «голосить», «славить», *καλός* — «славный», *κλέος* — «слава», и т. д. Первая половина слова должна была также измѣняться: вспомнимъ нашего *Волоса* и *Велеса*, *Волоха*, *Валота* и *Велота*, пошедшихъ отъ одного источника съ *Молохомъ* и *Мелехомъ* (подробности въ другомъ изслѣдованіи). Греки *мел-* связывали съ *μῆλ-ας*, «черный», съ *μῆλ-ι*, *μῆλ.* «овца», и т. п.; или же перегласывали *мел-* въ *μερ-* (филологъ пойметъ законность этого приема). Такъ возникъ и въ Греціи рядъ существъ и именъ совершенно одного порядка, одной эпохи возрѣтій и происхожденія. Послѣ *Мелкароа* или *Мелкарта* находимъ *Меликерта*; *Μελιέρτης*, сынъ известной намъ Ино, убѣжавшій вмѣстѣ съ матерью отъ преслѣдованій изступленнаго отца, бросившійся съ нею въ море и сдѣлавшійся покровителемъ мореплаванія; *Мелась*, *Μέλως*, сынъ Фривеа; другой — сотопарякъ Геракла, третій — герой Гераклемъ и т. д.; *Μελισσεί*, *Μελισσείης*, отецъ *Мелиссы* и *Амалееи*, воспитательница скрывавшаго Зевса или Діониса, изъ которыхъ послѣдняя известна намъ своимъ «прогомъ», потому жрица Деметры, которую еще увидимъ, и т. д. Самъ Діонисъ понесъ отсюда же прозвище *μελίχως*, *μελίχιος*, очевидно тождественное съ *Мелехомъ*, но потомъ, послѣ побѣды Діониса, по словопроизводству греческому, въ связи съ *μέλι* и *μέλιωσα*, «медъ» и «пчела», получившее смыслъ медолага, мясного, ласковаго, и т. д. Имя *Геракла*, *Ἡρακλῆς*; *Ἡρακλήη*; *Ἡρακλῆϊς*, есть очевидно на образецъ греческій перегласовка *Мележар-та* или *Мелкар-та*: вспомнимъ, что такъ въ вервьяхъ назвала Аякида Пвоія, послѣ первыхъ его оцѣтокъ отпуская его на службу Еврисею и на длинный рядъ трудовъ; этихъ она выразила

ясно, что отпускается героя на муть Мелкарта. Греки, разумеется, признавали здесь производство собственное, от своих корней: *гер-*, *ѳр-* означало у нихъ *героя*, или жертву преслѣдовацій *Геры* и т. п.; *клев-*, *кль-*, *клев-*, *жль-*, *жль-*, *жль-*, или просто корень *кль-*, *жль-*, означало славу, доблесть (*ἀριοςτος*, прозвище Геракла), и т. п. И не одно рабское подражаніе или заимствованіе, съ переносомъ на свой языкъ, имѣло здесь мѣсто: имя, среднее съ Финиційскимъ, зародилось у Грековъ изъ собственныхъ корней при зародышѣ общаго съ Финиціанами образа. Наконецъ у дрэвнихъ *Геркулъ-ъ*, лат. *Herouli-es*, того же происхожденія. У такъ называемыхъ новыхъ народовъ имя, хотя нѣсколько позднее, та же доисторическая новѣсть, перешедшая послѣ въ эпосъ и сказанія. Такъ возникли образы и имена: *Моролтъ*, *Моролфъ*, *Маркулфъ*, *Марколфъ*, *Маркулъ*, *Меркулъ*, *Марконъ*, *Марко*, *Маркъ*, и т. п. Отчасти здесь способствовало и *Mercurius*, латвиское имя Гермеса, занимаемаго въ области чисто-божеской, какъ мы видали, роль Геракла; но главнымъ образомъ передѣлано имя Мелкарта, Геракла и Геркулъ:

М Е Л К А Р Θ - ъ
 М Е Л К А Р Т - ъ
 M E L K A R T H
 М Е Л и К Е Р Т - ъ
 М Е Л и К Е Р Т - ης
 Г Е Р А К Л - ъ
 Г Е Р А К Л - ης
 Г Е Р К У Л - ъ
 H E R K U L - es
 M O R O L T (th)
 M O R O L FF (th, o, ph)
 M A R K O L PH (th, o, ff)
 M A R K U L PH - us
 M A R C O U L
 M E R C O U L
 M A R C O N
 M A R C O
 M A R K (чешское). И т. п.

Едва ли, взглянувши на этотъ рядъ, кто либо усумнится въ тождествѣ именъ. Характеръ Нѣмецкаго героя совершенно соотвѣт-

стаетъ тому, что раскрыли мы въ нашемъ изслѣдованіи. Моролтъ или Моролъ является то вдвойнѣ съ Саломономъ, какъ грубый, уродливый, даже страшный; потомъ какъ необтесанный простомаренный чернякъ, противоположный славному и премудрому Саломону; однако разрешающій ему труднѣйшія загадки и не рѣдко его удивляющій: то, что видѣли мы въ древнемъ богѣ, потомъ въ грубой и дикой сторонѣ Мелкарта и Геракла, и т. п. При дальнѣйшемъ раздвоеніи, когда образовались уже три лица или образа, онъ является между Саломономъ и врагами, между юными, новыми торжествующими началомъ и древними, какъ посредникъ, какъ Гермесъ или богъ художественный Гераклъ, умный, ловкій и хитрый, исполняющій самыя опасныя порученія Саломона, низлагающій его враговъ. Враги—Египетскій Фараонъ, Принціанъ и т. п. Въ Чешской редакціи, выше шомалуты, самъ Моролтъ страшный врагъ, утѣсняющій, преслѣдующій; другая, раздѣлившаяся половина его—Марко или Маркъ, тѣсный, тонкий, но все-таки царь; посредникъ вырабатывается Тристранъ, простой чернякъ, но родственникъ Марка; сокрушающій врага Моролта, спасающій Марка, но потомъ терпящій и отъ самого Марка, сдѣлавшагося ревнивымъ, соблазняющій жену его и т. д. Очевидно, что въ нашихъ сказаніяхъ, вѣ всего ближе къ имени *Геракла*, является *Тарашк-а*, *Тарак-ашка*, *Тарак-анчикъ* и т. п., имя, возникшее изъ основнаго *Тарак-* (значеніе его и народное производство имени объяснимъ мы ниже):

Г Е Р А К - лъ
 Т А Р А К - ашка,
 Т А Р А К - анчикъ,
 Т А Р А ШК - а.

Предчувствуемъ восклицаніе: « вы слишкомъ смѣло обращаетесь съ древностію, какъ будто она сейчасъ у васъ подъ рукою, до того, что какого ни будь Таракашку сопоставляете съ величественнымъ Геракломъ! » Да, мы дѣйствуемъ смѣло, но по убѣжденію въ началахъ, однородныхъ для всякаго историческаго народа, тѣмъ болѣе Индо-европейскаго; мы не развѣнчиваемъ древнихъ героевъ, а вѣнчаемъ и нашихъ бѣдниковъ, понесшихъ за насъ тяжкіе труды развитія, насъ выдвинувшихъ, насъ сложившихъ народомъ; для Русскаго Неанъ и какой ни будь Таракашка ближе Геракла, не менте его сдѣлавъ, не подлежатъ забвенію, и какъ выразители пройденнаго

пути, и какъ образы творчества. Кто же, слѣдя за ними, даже въ оболочкѣ шутливой сказки, не почувствуетъ боли отъ ихъ страданій, тяжести отъ трудовъ ихъ, радости отъ ихъ спасенія? Развѣ тотъ, кто въ тысячелѣтней древности народа слышитъ все еще безсвязный лепетъ младенца, видитъ праздный наборъ какихъ-то образовъ какого-то безцѣльнаго творчества, желающаго подшутить надъ міромъ, надъ собою и надъ нами. Да, мы не пугаемся и приближаться къ древности, и смотрѣть ей прямо въ лицо. Съдая и вѣковая, она и отдаленна тысячелѣтіями, и столь же близка намъ, если соединяетъ насъ съ нею жизнь, если соединяетъ духъ и разумъ, для которыхъ тысяча лѣтъ какъ день одинъ. И день одинъ стоитъ тысячи лѣтъ, если прожить его жизнью истинною, съ ея основами, съ ея борьбой и побѣдою духа, жизнью истиннаго развитія. Можно не только что къ отдаленной древности, можно и къ своему собственному народу стать въ такое отношеніе, что онъ будетъ совѣтъ чуждый, далекій-далекій, и бессмысленный, и непонятный, а наша оторванная личная жизнь будетъ вращаться въ кругу эгонистическихъ интересовъ, въ самодовольствѣ самосозданной фантазмагоріи или грубаго пользованія всѣмъ окружающимъ какъ средствомъ забыться. Можно же стать и въ такое отношеніе, когда глубочайшее начало народное будетъ громко отзываться въ душѣ отдельнаго человѣка, тепло согрѣвать ее, ясно освѣщать мракъ ея невѣдѣнія, и, передаваясь отъ народа къ лицу, руководить его къ воспріятію того, что не умерло въ народѣ еще доселѣ, что связано съ жизнью отдаленнѣйшихъ временъ исторіи и даже доисторическимъ началомъ: такое отношеніе дается искренней простотѣ, и сознанію человѣка истинно-развитаго; первая живетъ народною жизнью всѣми силами, какъ на корню, второе сознаетъ, воспроизводитъ, излагаетъ. Хорошо, если ученый соединяетъ въ себѣ то и другое условіе истинной жизни: бѣда, если не имѣетъ ни того, ни другаго.

Намъ остается всмотрѣться въ третье и главное лицо сказаній о Саломонѣ. Оно третье, если вѣсть въ виду посредника, составляющаго къ нему переходъ отъ перваго озлобленнаго, мрачнаго начала: но собственно второе, только уже не въ средѣ тяжелой борьбы, а съ торжественнымъ изъ нея выходомъ. Борьба есть, и даже страданія, иногда и смерть,—но въ томъ же лицѣ воскресеніе и побѣда. Это второе начало въ сферѣ боговъ со всею полнотою языческаго воззрѣнія выражено Греческимъ Діонисомъ. Съ нимъ мы входимъ въ

самыя внутреннѣйшія начала язычества. Путь начинается исторією Деметры (Цереры), а сама исторія всего нѣчто изложена въ знаменитомъ Гомеровскомъ гимнѣ. Гимнъ найденъ въ Московской Синодальной Библіотекѣ профессоромъ Маттея: какъ добыча Гермеса или Финикіяна — увезенъ за границу и тамъ изданъ. Въ сущности содержаніе его совершенно то же, какъ и весь мифъ, и созданія эпоса, нами выше изложенные: но онъ проникаетъ глубже во внутреннія событія древняго человечества и осмысляетъ ясное рассказы о событіяхъ внѣшнихъ, объ этихъ безконечныхъ блужданіяхъ, похищеніяхъ и потомъ освобожденіяхъ. Какъ Афродита нѣтъсна была всему древнему человечеству и выражала разныя степени его сознанія, такъ Деметра выразила собою всю исторію сознанія греческаго, на всѣхъ ступеняхъ, которыя прошло оно въ мнелогическомъ процессѣ, начиная отъ древняго до самаго послѣдняго и юнаго бога. Она, какъ сторона женственная и пассивная, подлежала дѣйствію снѣнявшихся мужескихъ началъ. Сперва мы видимъ ее въ связи съ Посейдономъ, грубымъ, стихійнымъ в суровыхъ боговъ, сыномъ и ближайшимъ выразителемъ Кроноса; потому она сочетается съ Олимпійскимъ Зевсомъ, братомъ своимъ, и рождаетъ Персефону или Кору, т. е. «Дѣву», типъ дѣвственности и чистоты. Первый и древнѣйшій богъ, астральный, царившій нѣкогда надъ сознаніемъ какъ слѣпое и внѣшнее мировое начало, потому, какъ мы видѣли, свеленный Грекомъ въ адъ, въ бытіе невидимое и скрытое, олицетворенный въ третьемъ братѣ Посейдона и Зевса, Аддѣ или Адѣ (Плутонѣ), замыслилъ похитить Дѣву Персефону. Въ угодность ему разостлались по полю всѣ лучшіе цвѣты и стоголовый нарциссъ, своимъ благовоніемъ заставившій улыбнуться все небо, землю и море. Тонконогая Дѣва протянула обѣ руки, чтобы взять дорогой цвѣтокъ, но тогда разверзлася пропасть, явился Аддѣ и увлекъ ее на своей колесницѣ противъ воли. Громко кричала она. Олимпійскіе боги знали о похищеніи, но сонзволяли ему и не внимали стону. Наконецъ услышала мать: она растерзала головную повязку и бросилась съ воплями искать дочь. Никто въ видимомъ мірѣ, ни боги, ни люди, ни птицы не сказали ей объ убѣжищѣ похищенной. Долго со свѣтильникомъ блуждала она, не вкушая питья и пищи, пока Геката, тройственное женское существо, обращенное подобно Гермесу къ посредничеству между царствами міра, не мовѣдала ей пути, конемъ можно было сыскать дочь: въ нашихъ сказ-

какъ соответствуетъ ей *Ита*, тождественная и по имени *Гекка* (та окончаніе), указывающая путь Ивану между тремя царствами. Тогда, обратясь къ Геліосу, узнала Деметра, кто вынотилъ ее гора и какъ самъ Зевсъ соизволяетъ похищенію. Оскорбленная мать разгнѣвалась еще болѣе и бросила всякую связь съ богами Олимпійскими. — Этимъ, слѣдуетъ тотъ же рассказъ въ другомъ видѣ, гдѣ Деметра принимаетъ человѣческій образъ, дѣлается многолѣтнею вѣщою старухой и приходитъ въ Элевзисъ: здѣсь-то является ей Діонисъ и, по нѣкоторымъ мнѣніямъ, утѣшаетъ ее кубкомъ «заблудшаго питья», даря ей возможность забыться и усладить горестъ. Дочери царя Келея завели ее въ домъ и развеселили до улыбки: рассказавши, что она ограблена морскими разбойниками изъ Крита, похитившими все дорогое ей достояніе, она встываетъ къ царю ильнюкомъ любимаго сына-младенца. Въ лицѣ его она хотѣла, какъ ильнюгда Изма, сдѣлать человека бессмертнымъ, проводя сквозь огонь, но, когда испуганная царица поспѣвала тому, ребенкомъ остался смертнымъ и въ замѣнъ того Деметра послѣ научила Келеева сына земледѣлію. Богиня была узнана, ей построены храмъ. — Возвращаясь къ дѣлу съ Андою, творчество воображаетъ Деметру снова, какъ разгнѣванную богиню: она возстала въ храмъ вдаль отъ прочихъ боговъ, изнемогая отъ горести по дочери: она сдѣлала голодь, сиротала всякое сѣмя. Тщетно посылали къ ней пословъ уговаривать, она требовала назадъ своей дочери. Дѣлать было нечего. Гермесъ, сопровождавшій ильнюгда похитителя, посланъ къ нему какъ посредникъ, уговорилъ его вкрадчивыми словами и вывелъ Персефону изъ тартара. Но, отпуская, похититель далъ ей сѣсть зерно гранатоваго яблока, этого сѣмела сирьтотой жизни: сѣвши, Кора должна была возвращаться къ мужу отъ матери хотя на ильнюкое время года. Обрадованная Деметра примирилась съ богами, выпустила плоды, установила таинства или мистеріи. — Во вѣщившихъ образахъ и празнествахъ ей служила символомъ Земля; а Персефонѣ Сѣмя; атрибуты Деметры — плоды, колосья, мистическая корзина, изъ коей выползаетъ змія — возрожденіе изъ бытія сирьтотого: радеть старикъ Адъ, съ рогомъ изобилія: побѣда надъ старикомъ сопровождается разнообразіемъ и плодоносіемъ жизни; этимъ рѣшались вѣтъ загадки древней жизни. Деметра являлась законодательницею, въ ея праздникъ носились торжественно книги законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Кора или Персефона, со стороны женственной, была послѣднимъ заключеніемъ, до котораго могло только дойти сознаніе язмчества.

Первый и древнѣйшій богъ, сабическій, астраальный, исходилъ изъ самыхъ первыхъ моментовъ религіи и былъ ея основой: когда, путемъ борьбы, онъ былъ отдаленъ и сведенъ во прахъ, и когда побѣда завершилась, тогда человечество торжествовало: явленіе Аида въ пренесенной, въ то же время свѣтлаго и умиротвореннаго съ Олимпійцами, было явленіемъ отраднымъ. Но, когда борьба еще шла во всемъ разгарѣ, тогда онъ представлялся ожесточеннымъ и его уми- лостивляли огненными, кровавыми жертвами. Передъ выходомъ къ побѣдѣ, совсѣмъ теряя древняго бога, зачѣдывшагося новымъ, вторымъ, юнымъ, сознание ощутило невыразимый страхъ, ибо, казалось, терзало всякую и единственную основу. Страхъ этотъ сопровождался величайшими страданіями, выражался въ религіи ужасными образами, отчаянными жертвами, въ жизни тяжкими подвигами, въ быту кочевьемъ или стихійнымъ блужданіемъ, въ творчествѣ послѣдующемъ безчисленными сказаніями о борьбѣ и борющихся божествахъ, герояхъ, людяхъ. Выходъ могъ быть только тотъ, когда старое, егип- цое и вѣдическое, начало было бы проникнуто внутреннимъ, первымъ богъ исполнѣнъ примиренъ со вторымъ, Адъ съ міромъ Жизни. Это и выразилось представленіемъ о похищеніи Персефоны и о бракѣ съ нею подземнаго Аида: удовлетворенъ былъ Аидъ, удовлетворена и Деметра высвобожденіемъ дочери; Персефона едѣлась сначала раздоромъ, потомъ посредницей мира между разными царствами міра и міроваго сознанія. Въ такомъ единствѣ возможно уже было явленіе духа, къ единству коего наконецъ пришелъ человекъ и сталъ настоящимъ человекомъ. Тогда, установивши мистеріи, Деметра и Персефона соединилась въ нихъ съ Діонисомъ: въ богиняхъ была выражена страдательная, женственная сторона, въ Діонисѣ мужская, дѣятельная. Прежде Аиду, или древнему, первому богу, соответствовала Гестія, Веста, одна изъ трехъ сестеръ (Деметра, Гера), соблюдала дѣвственность: ибо мужское начало древняго бога, до его раздвоенія, ожесточенія и борьбы, представлялось дѣвственнымъ. Но, когда раздвоеніемъ и борьбою дѣвственность была нарушена, когда богини стали матерями, Деметра родила Кору—Персефону, и она сблизила Гестію. Прежняя дѣвственность терялась, Персефона была похищена, скрыта, какъ скрывался огонь Весты на очагахъ семей и народовъ. Потеря обьяла человека страхомъ: эти страданія выражены воплями и блужданіями матери Деметры. Когда же Персефона возвратилась, дѣвственность была снова восстановлена, но уже не въ прежнемъ видѣ,

а прошедши состояніе матери. Такъ Афина, не считая изъ то, что родила, считалась и послѣ того дѣвою: мы видѣли то же и въ другихъ мифахъ. Это неваж, выстраданная, добытая цѣльность, это сдержанность цѣломудрія, подобно тому, какъ изъ грозной Дѣвы Настасьи или Елены, Анны, у насъ вышла Василиса, заключившая борьбу мудростію, цѣломудріемъ послѣ сочетанія съ мужемъ. Однимъ словомъ, здѣсь достигнуты были, подѣ образомъ цѣломудрія, цѣльность и единство человѣческаго сознанія.—Возвратившись изъ преисподней отъ смерти, Кора сдѣлалась подругою Діониса, новаго, юного, торжествующаго, втораго бога. Исторія ихъ отношеній передавалась въ мистеріяхъ. Въ началѣ ихъ представлялась исторія Персефоны, соответствующая той, которую мы уже знаемъ. Она, говорили, пребывала нѣкогда въ обители матери, въ мѣстѣ неприступномъ, въ оградѣ, и, будучи дѣвою, сновала основу всякаго бытія. Но ее похитилъ богъ, не давши докончить ткань на первобытной основѣ (сравните тотъ же рассказъ у насъ, какъ Фавронія отиравшаяся на союзъ съ мужемъ, бросивши неконченную ткань). Она оболочена и родила Діониса. Діонисъ на самомъ себѣ повторялъ передъ посвященными въ таинства всю исторію мифологіи. Онъ въ трехъ лицахъ. Первый—дикій, Загрей; страдающій, умирающій; онъ въ борьбѣ; его разрываютъ на части. Умирая, онъ терялъ все Тифоническое и давалъ матеріалъ для побѣды: второй Діонисъ былъ переходомъ, посредникомъ, который въ себѣ самомъ соединилъ борьбу двухъ началъ и выходилъ къ торжеству. Когда побѣда заключилась, древнее божество прониклось новымъ, первое начало вторымъ, творческимъ, тогда родился Діонисъ третій, подѣ именемъ Якса (или Вакха). Это былъ уже духъ, освобожденный смертію перваго бога, его совершеннымъ перерожденіемъ во втораго. Это было опять заключеніе мифологическаго процесса и исторіи языческаго сознанія: достигалась цѣльность трехъ началъ, торжество втораго выводило за собою духъ. Здѣсь представлялся онъ новорожденнымъ младенцемъ, на груди матери Деметры, съ атрибутомъ дѣтской купели или мистической ванны. Въ язычествѣ эта послѣдняя ступень торжества была тайной, открывалась только въ мистеріяхъ, для посвященныхъ въ разгадку, или для ума въ философіи. То была исторія сознанія *человѣческаго*, то былъ *духъ міра*, какъ называли его святые отцы: откровеніе Божества въ истинѣ *его самого* дано было только христіанствомъ. Ближайшій выразитель исторіи Діониса.

его постъ, устроивитель между людьми его мистерій (такъ говорило преданіе), существо полумифическое, Фракійскій Орфей, самъ не достигъ того заключенія, которое выражалось мистеріями: онъ потерялъ свою Эвридику. Известно изображеніе, какъ ее увести въ адъ Гермесъ, у берега для перевоза ждетъ корабль съ людьми, а Орфей, бросивъ лиру, кидается въ отчаяніи за похитителемъ. Онъ сошелъ въ адъ, пѣнилъ тамъ музыкою (въ нашихъ Сказкахъ этому соответствуетъ «Скрипачъ въ аду»), получая любимую душу, но не смогъ ее вывести въ міръ видимый и потерялъ снова при самомъ выходѣ. По другимъ, онъ, уготовлявшій путь Діонису, былъ растерзанъ мѣнами, наступленными вакханками: онъ долженъ былъ умереть, чтобы своею смертію дать торжество Діонису. Тѣмъ болѣе общественная, внѣшняя жизнь язычества не узнала того, что открывалось загадкою и разгадкою мистерій: внѣ мистерій знали одного только Діониса, втораго, торжествующаго побѣдителя. Применительно къ прежнимъ нашимъ показаніямъ, это было продолженіе Геракла и всѣхъ борющихся существъ: но здѣсь борьба всегда уже сопровождалась побѣдою, и не столько внѣшнею, сколько побѣдою надъ сознаніемъ, властію, которую захватывалъ Діонисъ душу, напуская на нее восторгъ свой и одушевленіе. Со стороны заключительной побѣды, все прежнее, прожитое, побѣжденное, Тифоническое, представлялось сокрушеннымъ врагомъ; все борившееся, Гермесовское, Геракловское и т. п., посредникомъ, помощникомъ, союзникомъ, существомъ двустороннимъ; заключителемъ былъ самъ Діонисъ торжествующій. И такъ, изнутри мистерій, отъ внутреннѣйшаго значенія Діониса, мы вмѣстѣ съ нимъ переходимъ къ торжеству его побѣды, явившихся во внѣшности, выражавшихся въ мнѣн іи и творчествѣ.

Подробное изложеніе было бы здѣсь не у мѣста *): мы перечислимъ только нѣкоторые такъ сказать признаки, выражавшіе существо и

*) Мы рады, что по крайности изложилъ основныя начала нашего взгляда на Мифологию: они истекаютъ изъ ученія Шеллинга. На Русской кафедрѣ изложены прежде всего Калтковичемъ и Леонтьевымъ въ Московскомъ Университетѣ, а послѣ того появились и въ печати, въ посмертномъ изданіи твореній Шеллинга. Еслибы пресекшее изданіе Русскихъ «Прописей» не остановилось, то теперь конечно взглядъ начала уже пронахли бы въ умственное развитіе большей части Русскихъ читателей и намъ не нужно было бы прибѣгать къ сокращеннымъ обзорамъ, въ которыхъ слишкомъ трудно соединить краткость съ ясностію. Тѣмъ не менѣе на этотъ обзоръ мы впередъ будемъ ссылаться какъ на основу своихъ мифологическихъ соображеній.

лице Діониса, сопровождавшее его высшее явление, его празднество. Онъ богъ древнѣйшій, какъ языкъ развитіи, но вытѣтъ и юнѣйшій, какъ заключительный, а потому даже внѣ Олимпа, готова саму послѣднему и всему древнему творчеству смерть пережитьъ душою. Орфей послѣдовалъ ему, бросивъ Аполлона. Въ его образахъ уже болѣе широты, чѣмъ допускалось строгимъ творчествомъ азычника: она служивалась сравнительно съ явленіемъ торжествующаго духа. Пережитьъ духа надъ формою спазался всюду: въ роскоши образа, одежды группы, въ музыкѣ, не столько классической, сколько уже соединившейся съ Востокомъ въ троекъ и гротъ, въ ревъ ротовъ. Жизнь одумевалась прикосновеніемъ Діониса, душою овладевали восторгъ, порывъ увлеченія. Богъ назывался разръшителемъ, освободителемъ, свободнымъ, покоемъ отъ бремени труда, священнымъ цвѣтомъ. Ему не только повинялись всѣ люди, но и вся природа. Что въ ней не было дикаго, все побѣждено его силой и обратилось въ цеструю массу его спутниковъ и служителей, отъ зѣрей до Сатаровъ и Кемтаровъ. Растроголась даже узкая и исключительная народность: родившись въ Греціи въ своемъ собственномъ видѣ, Діонисъ представлялся воспитаннымъ внѣ, исходилъ, какъ богъ древнѣйшій, изъ Аравіи, страны перваго Сабическаго бога, являлся оттуда пришествіемъ, оттуда начиналъ свое торжественное шествіе по вселенной; и обратно, какъ увидимъ послѣ, разошелся изъ Греціи во всѣ стороны. Все вытѣщее и грубое въ природѣ, побѣждалось его силой, побѣждало само себя шуткою и борьба не столько являлась страданіемъ, сколько смягчалась улыбкою или проніемъ. Глава Сатировъ, Силень, безобразный старикъ, съ вроніей потупившись спандывалъ самъ себя, смѣлся надъ матеріей и формою, обращенною въ служеніе духу. Голова его изображалась одиноково и совпадала съ головою Сократа, этого разръшителя оковъ духа посредствомъ вроніи въ области философскихъ загадокъ. Богъ мудрости, рѣшитель ея загадокъ, законодатель, Діонисъ однако былъ шире и выше. Аполлона, давая перевѣсъ духовному надъ всякою временною и вѣсткою опредѣленностью и условностью. Многочисленныя высшія празднества ему повторяли постоянно его исторію: стоятъ воспоминать триетеріи, трехгодичныя торжества вакханствовавшихъ; они разрывали въ выступленіи разныхъ животныхъ, потомъ быка, того мѣроваго быка, который, мы знаемъ, разръшалъ лаваль жизнь и свободу духу, выражая самого Діониса въ переходѣ къ торжеству (см. наши «За-

вѣтки» съ изложеніемъ Русскихъ Сказокъ); потомъ плакали по убитомъ, съ воплями искали его и оканчивали увѣренностью въ воскресеніе бога: на Парнасѣ, съ восходомъ солнца, будили новорожденнаго младенца. Все оживало въ этихъ празднествахъ, даже отлучали на валю пѣвннхъ работъ. Многочисленныя подробности остались даже у Славянъ въ ихъ Сobotкахъ (Сабаціихъ), Купальскихъ торжествахъ (Эвана, Ивана), «битыѣ бочекъ,» ночныхъ вакханаліихъ съ факелами и личинами. Изъ тѣхъ же торжествъ вышло заключительное творчество, двоярмбъ, хоръ — нашъ хороводъ съ основнмъ кругомъ, выражавшимъ древнее круговратное божество, съ двоеніемъ круга на части, съ разговоромъ лицъ, остановкою и новымъ соединеніемъ круга, — основа трагедіи. Изъ атрибутовъ и символовъ нужно перечестъ: Д е р е в о. На пути мнелогіи человекъ проходилъ его образъ, вмѣстѣ съ другими образами природы (см. наши прежніа «Замѣтки»); въ бытѣ оно являлось главною признакою есвдлости и земледѣлію; потомъ мы видѣли, какъ обвивало его трупъ или составляло гробъ бога, или же служило ему убѣжищемъ, спасеніемъ. Отъ корня и ствола дошло оно до вѣтвей, послужившихъ триумфомъ въ побѣдѣ юваго бога, отъ вичной сосны или ирты до дуба и фнника, до пальмы, до Діонисевскаго шалоя и виноградной лозы. Отсюда ваи празднующихъ, вѣтви побѣдителей, вѣнокъ самого бога, его тирсъ (опротъ, турсъ) съ вѣтвями и гроздьямъ. Оно же было и каромъ: сперва въ рукахъ мстителей, какъ на притѣрѣ Геры, привязавшей Іо, или въ смерти Блемы и Геракла; Діонисъ имъ же спасается, и имъ же, какъ увидимъ, наказываетъ враговъ. — Р о г ъ. Онъ былъ орудіемъ гнѣваго бога и былъ у него сложенъ побѣдителемъ; скрывшійся въ адъ вичный богъ унесъ съ собою рогъ и въ пренсходную; но, какъ знамя побѣды, рогъ же являлся и на головт Діониса, служить ему спасеніемъ — рогъ земли, на которой онъ воспитался, рогъ Амалтеи; рогъ необліа; потомъ это древнѣйшій сосудъ, съ которымъ неображался Діонисъ и въ которомъ переливался драгоцѣнный даръ его; потомъ инструментъ его хора, звукъ его побѣдъ. — В и н о, одинъ изъ главныхъ символовъ и выразителей Діониса: сперва неопредѣленная влага, готовая перейти въ разнородныя явленія, потомъ бродячая, брошеніемъ переходящая въ вино, въ видѣ вина вододушевляющая человекъ, влагающая въ него духъ. Оно обрачалось равно и спасеніемъ для служителей Діониса, и соблазномъ его враговъ, и ихъ

гильбью. Потому при богѣ находятъ особую женскую фигуру, выражающую У в о к н и е.—Древнія У з ы; потомъ П о в я з к а на головѣ Діониса, уже не стѣсняющая, а знаменующая цѣльность побѣды, превращающаяся въ діадему, въ цѣлительную силу для головы (наши «наузы»); ожерелья, гривны; багряные плащи, покрывала и тому подобныя одѣянія, нѣкогда роковыя, теперь же орудіе Діонисовой силы, роскошное убранство его самого и свиты.—Мистическій Л а р е ц ь, символъ скрытія божества, бывшій гробомъ старому, потомъ К о л ы б е л ь, Л ю л ь к а Діониса или его К у п е л ь, В а н н а, какъ возрожденіе, но, какъ увидимъ, служившая снова и гробомъ для его враговъ.—Такъ и С е р д ц е, П е ч е н ь, нѣкогда жертва истинному богу, послужила Діонису, какъ увидимъ, спасеніемъ, или же средою для его дѣйствій, ибо онъ былъ богъ, освобождавшій отъ заботъ и горечи.—Б л е с к ь, ж р у ч е с т ь древняго бога, ослѣпили его самого, ослѣпили его слѣпымъ, мрачнымъ, а Діонису по-решли въ нѣмбѣ славы и слѣпили до безумія враговъ его.—К о р а в л ь, орудіе блужданія, перевозившій нѣкогда по морямъ жертвы похитителей, гробы или души въ адъ, теперь вывозилъ и освобождалъ похищенныхъ. И т. д. Сейчасъ это ближе увидимъ въ мѣсакъ, рисующихъ вѣшную жизнь Діониса: читатели сами замѣтятъ связь эту съ теми, кои изложены нами выше.

Всего ближе къ мистеріямъ инеъ, неходившій изъ ихъ области: Діонисъ рождается отъ Персефоны или Коры, онъ долженъ спрысываться отъ преслѣдованій Геры, воспитывается тихонько Куретями, какъ нѣкогда самъ Зевсъ въ тихомолку отъ Кроноса. Гера воссѣдцаетъ Титановъ: они нападаютъ на ребенка во время игры его и разрываютъ его семь разъ или на семь частей, варятъ, сѣдцуютъ члены (показывали гробъ умерщвленнаго Діониса). Мстительная богиня (по другимъ благожелательная Афина) сберегла сердце ребенка и принесла Зевсу: тотъ даетъ его Семелѣ и съ нею рождаетъ новаго Діониса, или проглатываетъ самъ и перерождается Діонисомъ, а Титаны сожжены Зевсомъ въ пепелъ.—О томъ, какъ рождень Діонисъ Амазонкою (она же воспитательница Зевса), воспитанъ, боролся съ Титанами и связь отца Аммона, въ связи Египетскихъ сказаній съ Греческими, мы уже говорили.—По Аполлодору, его рождаетъ незнакомая намъ Іо, прибывши въ Египетъ и принявши тамъ снова человѣческій образъ: ребенка, по приказу Геры, похищаютъ, какъ разбойники, Куреты, но Зевсъ убиваетъ ихъ, а мать снова блуждаетъ отыски-

вая дитя и находитъ его на воспитаніи у царицы Библисы, послѣ чего возвращается въ Египетъ и отождествляется съ Изидою. — Но другинѣ, хотя рожденный въ Греціи, Діонисъ находитъ однако воспитаніе въ Лидіи, гдѣ Рея, въ сказаніи объ Аммонскомъ Діонисѣ враждебная ему, теперь отъ преслѣдованій Геры воздаиваетъ его собственнымъ молокомъ. — И другія страны иѣли притязаніе на его воспитаніе : такъ на примѣръ изъ Аравіи появляется онъ на волави. — Въ Греціи собственно мѣсторожденіемъ его были Фивы, матерью Семела, дочь нѣзвѣстнаго нѣзвѣстнаго переселенца Кадма. Коварная Гера въ образѣ старухи убѣдила ее, чтобы ищитать, точно ли повѣститель ея Зевсъ, просить его явиться въ томъ же блескѣ, въ каменѣ обнимаетъ онъ Геру. Тамъ и сдѣламо : несчастная ослаблема и сожжена. Той же участи подвергся бы и ребенокъ : но изъ колонны повола отпрыснулъ плюцъ и скрылъ его въ своей тѣни (ср. выше Озириса и дерево, обращенное въ колонну). Послѣ того Зевсъ зашилъ его въ свою ладью и по истеченіи десятинаго срока отродилъ оттуда при посредствѣ Гермеса : отсюда Діонисъ всегда представлялся « дважды рожденнымъ, » отъ человека и бога, или, какъ выше, « рожденнымъ и послѣ смерти воскресшимъ » (въ символѣ этотъ образъ переносился на вино, дважды рождающееся для сберегаемое въ желудкахъ животныхъ, иѣхалъ, изъ которыхъ и дровнѣи инструментъ, наша Волявка). Потомъ посредникъ Гермесъ, какъ дядька, относитъ его къ другой дочери Кадма, нѣзвѣстной намъ Имѣ, иѣ, когда Гера наустала на нее и мужа наступленіе, Зевсъ снѣаъ снѣа въ образѣ козленка и онъ отнесенъ Гермесомъ на воспитаніе — загодное имѣ — въ Нису или Нисъ (ср. выше исторію съ Аммонскомъ), откуда и нѣа (буято бы) Діониса, къ нимфамъ, въ прохладные гроты, подъ сѣни сплетшихся деревьевъ, его укрывавшихъ. Здѣсь, въ лѣсныхъ и горныхъ пущахъ составилъ онъ свою свиту изъ животныхъ, разныхъ полевичатыхъ существъ (ср. выше), вастуловъ, нимфъ, и вообще всей природы, то укрощенной наслаиваніемъ отъ него воодушевленіемъ, то востерженной и увлеченной. Такъ онъ увлекаетъ за собою и Фракійскаго Орфея, прежняго врага своего и учителя Аполлона : « Иступленные, » иѣнаы, растерывають его и, возражаясь отъ смерти, жраческій поэтъ становится вѣривѣнцемъ слугою юнаго бога. — Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его мѣности была встрѣча съ Тирренокими Пелазгами, нѣзвѣстными намъ морскими разбойниками, несомнѣнно родичами Финикияцъ : Отецъ стоялъ на ба-

реку врасащентъ, съ раскопанными кудрями и въ багряномъ плащѣ : хитники схватили его на корабль, считая кажимъ ли будь царскимъ сыномъ, связали и надвинули дорого продать. Но скоро до паруса протянулась виноградная лоза, мачта обвилась плющемъ, ювона превратилась въ страшнаго звѣря, по кораблю потекло благоуханное вино: ослѣпленные всѣми этими образами, корабельщики бросились въ море и переродились въ дельфиновъ, спасся одинъ коричей и сдѣлаезя жрецомъ Діониса. — Въ санихъ родныхъ Фивахъ встрѣтилъ Діонисъ сопротивление : псалъ Ино и Семель, третья дочь Кадма, Агава не хотѣла признать его за бога, но утверждала, что онъ сынъ челоуеческій и выдашь за сына Зевсова только по хитрости матери. Когда же онъ, торжествующій, вернулся изъ другихъ странъ, признанный тамъ, и его свѣта преданаея въ Фивахъ и окрестностяхъ общему восторгу, сынъ Агавы, Пещей, чудовищный, возбужденный матерью, захотѣлъ комѣнать лякующихъ и истребить ихъ, передѣлаея въ женское платье и отправился на ихъ гору : богъ издалъ особое наступленіе, все тѣла, въ челѣ само мать Агава, сочла его за дикаго звѣря, бросилась на него, онъ на дерево сосну, но усмотрѣвъ тамъ, растерзанъ, и его голову ербтвешная мать вышазает на тирсъ. Поздно увидала она свое ослѣпленіе : смуженіе багу вводится въ Фивахъ. — Другимъ врагомъ его Фракіискій царь Лижургъ (Дулоргъ) : онъ съ поднятымъ бичемъ ярство нападаетъ на лякующихъ кормилицъ бога, нимфъ Нлель; пораженные, онъ разбѣгаются въ глубокую горести, самъ Діонисъ скрывается прыжкомъ въ море, на лено Фетиды. Но Лижургъ въ наказаніе ослѣпленъ; во другимъ, обзятый отъ Діониса бѣшенетвомъ, онъ пестѣаетъ собственного сына, думая, что это побѣгъ винограда; или отшлбааетъ себя пени; или преслѣдуетъ иънаду Амаросію, ее спасааетъ богъ, превративши въ виноградную лозу, и преслѣдователь обнять ею въ неразрѣшимаыя объятія смерти. — Въ краяхъ Фтолліи и Аттики славились дары Діониса, въ Икаріи и Елеуэерѣ. Здѣсь Діонисъ прожввалъ у одного иностранцара и пользовался любовью жены его Алаои (ер. Аналоей). Другой, еднокименный съ братомъ Тиндара и дядею Елены, Инаръ, гостепріимный въ богу, наученъ былъ отъ него садить лозу, счастливы былъ плодосіемъ, и изъ кожи козла, попортнишаго лозу, сдѣлаезя даже помянутую Верыжку, подъ которую плясали при сборѣ винограда. Но ему вздумалось произвольно подбавляея даромъ бога съ другими : онъ пошелъ разносить мѣхъ, поить настуховъ и псалить.

Считая себя отравленным, ослепленным виномъ, бросился онъ на угощающаго, убили и схоронили подъ деревомъ. Дочь Бригона, любимица Діониса, едва отыскала отцовскую могилу съ помощію вѣрнаго пса и съ отчаянія повѣсилась на томъ же самомъ деревѣ. Діонисъ наслалъ язву и вѣстухленіе на жителей, такъ что всѣ дѣвушки повѣсилась подобно Бригонѣ. Въ память ихъ установили особый праздникъ Айорз или Алетиды, въ которомъ на деревья вѣшали и качали въ люлькахъ разные образки, личинки и фигуры, сопровождая это разными пѣснями и сказаніями. — Изъ богинь была связана съ Діонисомъ Афродита, а изъ геронь главная Ариадна. Ее соблазнилъ прежде Тесей, но послѣ бросилъ: когда она погружена была въ величайшее отчаяніе, изъ далека — онъ всегда представлялся приходящимъ издали — подошелъ къ ней вѣчно юный богъ, отчаяніе превратилъ въ высшее счастье, украсилъ ее драгоценными ожерельями, и заплатами, и вѣнкомъ. Съ тѣхъ поръ она обыкновенно представлялась какъ-то раздѣленною между Діонисомъ и Тесеємъ: причина конечно та, что Діонисъ былъ ея супругомъ въ области божеской и мифологической, Тесей въ области героической и эпической; Діонисъ же приходилъ всегда издали и вдругъ, потому опять скрывался, и, оплаканный, появлялся вновь. Отрѣзки этого времени, отданнаго божественному вдохновенію и уподенію, представлялись во власти другаго — земнаго героя. И вотъ потому, въ этихъ разсѣянныхъ областяхъ, Діонисъ не представлялся въ борьбѣ съ Тесеємъ, а только снѣжалъ его верховнымъ побѣдителемъ. Сама Ариадна представлялась всегда какъ будто раздвоенною — между страданіемъ и наслажденіемъ, бодростію полной жизни и сномъ упоеннаго забытѣя. — Въ мужескихъ лѣтахъ, черезъ Адкунское озеро, Діонисъ сошелъ въ преисподнюю (туда, вспомните, обыкновенно съ земли отправлялись на кораблѣ), необъязательно прошелъ въ глубинахъ и вѣдрахъ земли, чтобы вывести оттуда мать Семелу, послѣ чего, подобно Гераклу и соотвѣтственнаго болѣе внутренняго мифа о воскресеніи; восшелъ на Олимпъ, ведя за собою любимыхъ существа, мать и Ариадну. — Такова была основа представлений, сосредоточенныхъ около внутренняго божества греческаго сознанія, Діониса: отсюда создавались мифы и потомъ воплощались образы эпическіе; отсюда мифы и сказанія, нами очерченныя въ началѣ, съ ихъ осуществленіемъ въ положительной исторіи; отсюда, наконецъ, основа всѣхъ сказаній, обозначенныхъ именемъ Саломона.

Какихъ образомъ развѣтвлялись и распространялись эти мифы, образы творческіе и сказанія, переходя въ самую исторію, дѣло не только наглядное, но и засвидѣтельствованное историками. Народы-представители древней исторіи шли къ ней изъ доисторическаго времени путемъ развитія человѣческаго сознанія, искомым, срединною и высшею ступеню кою было божество Діониса, и, хотя не все одинаково достигли этой ступени, но распредѣлялись въ своемъ значеніи именно по отношенію къ ней; мы уже видѣли, какъ Ассирійско-Вавилонская народность съ одной стороны, Египетская съ другой, переходами разныхъ звѣньевъ и особенно черезъ Финнію, подходили къ Греціи: крайнимъ полюсомъ, отвѣчающимъ Греціи, была Индія. Когда же въ Греціи высшая ступень была достигнута какъ нигдѣ, до самыхъ возвышенныхъ областей языческаго духа, тогда это своего рода откровеніе искрою пробѣжало обратно ко всемъ тѣмъ другимъ народамъ, возжигая въ нихъ подготовленный матеріалъ, одушевляя вѣчатки, расцвѣчая образы краскою жизни. Наводнилась сказаніями вся Греція съ островами, Македонія, Фракія, Малая Азія, Лидія, Фригія, страна Амазонокъ, Бактрія, Мидія до Индіи: Діонисъ шель въ побѣдоносномъ шествіи черезъ Фракію, Фригію, Сирію и Египеть въ Индію; или черезъ Карію и Фракію, потомъ черезъ Еоіюнію въ Индію, и т. п. Ему на встрѣчу представлялись идущими соответствующіе боги изъ Индіи, черезъ Еоіюнію, Египеть, Фригію и Финнію въ Грецію. Когда въ Греціи выяснилась сущность Діониса, то соответствие ему находили почти вездѣ въ тогдашнихъ историческихъ странахъ: на него переносили дѣянія Ассирійскихъ героев; его воспитанія и точки исхода искали въ Аравіи; въ Аравіи же находили Ликурга; въ Еоіюніи встрѣчали Нису; на Аммоновомъ оазѣ узнавали его дѣянія, предтечу его въ Финніискомъ суровомъ Мелкартѣ. Ближайшему сходству предетеленій, видоизмѣнявшемуся только мѣстными условіями, соответствовало распространеніе однородныхъ мифовъ и эпическихъ сказаній. Въ Греціи явились цѣлыя поэмы, совмѣщавшія въ себѣ все эти образы, соединившія въ нихъ все помянутыя страны, отъ Индіи до Ливіи и Финніи, отъ Греціи до Скивіи и Тирреновъ Сѣверной Италиі: довольно вспомнить изъ времени Пизистратидовъ Ономакрита; поэму Еуфоріона Халкидскаго, поэму «Бассарикá» или «Вассарикá (*Βασσαρικῆ*)» о походахъ въ Индію, «поэму Фрагійскую» (*Φραγίᾱ ποιησις*) о походахъ въ Ливію, Номна Панопольскаго «Діонисіака (*Διονυσιακά*)»,

позму, соединившую къ себѣ обильнѣйшій запасъ разнообразныхъ сказаній, наконецъ изложенія Аполлодора, Діодора и т. д. Здѣсь Діонисъ какъ царь и побѣдитель проходитъ сушу и море (на морѣ на примѣръ низлагаетъ Тритона, Морскаго царя Посейдона), въ своей многочисленной свитѣ, на разныхъ животныхъ или на кораблѣ. Самъ онъ превращается въ полководца, обыкновенно (какъ и въ мифахъ) низлагающаго враговъ собственными ихъ средствами, какъ карани злобы, или выпускающаго изступленіе и получающаго побѣду прежде сраженія полковъ; свита его изъ мифической дѣлается вѣнскими воинскими полкомъ; атрибуты, на примѣръ вѣтви, — знаменъ, рогъ — воинскою музыкой, повязка — узю и петлею враговъ, сами враги — вѣнскими историческими народами. Такова именно поэма, дошедшая и къ намъ въ отрывкахъ съ именемъ Саломона.

Отсюда не далеко уже было до осуществленія въ положительной исторіи. Всѣ помянутыя сказанія о Діонисѣ, въ ихъ вѣнскихъ образахъ, близкихъ къ исторіи, распространились и установились особенно около времени Александра Великаго: дѣйствительно, онъ и связалъ ихъ съ исторіею, воплотилъ въ дѣйствительности. Начега повторить всѣмъ извѣстную повѣсть объ отцѣ и матери Александра, о самомъ его семействѣ, о воспитаніи его, о полубожескомъ, героическомъ лицѣ: если самую этой дѣйствительностью скоро овладѣли мифы, то вотъ лучшее доказательство, что она была близка по чертамъ своимъ къ эпохѣ мифовъ и эпическихъ сказаній. Тѣсно связанный воспитаніемъ съ Гомеромъ, преданіями съ Афродитю, именемъ съ любимицею ея Александромъ (Парисомъ); родословіемъ съ Адамомъ, а отсюда и съ Еленою, и со всѣми героями Троянскаго періода, Александръ въ Азіи оживлялъ всѣ гомерическіе образы торжественными играми и тризнами на могиллахъ героевъ (такъ послѣ въ Римѣ, основываясь на живой связи преданій, соединялъ себя съ Афродитю, Энеемъ и Троею Цесарь). Но это былъ только эпизодъ, сравнительно съ цѣлою широчайшею поэмою, истекашею изъ діонисическихъ образовъ. Мать Александра Олимпія участвуетъ въ оргіахъ Діониса и Орфея; самъ онъ, по свидѣтельству жизнеописателей и историковъ, не говоря уже о пиршествахъ, преданъ былъ вообще діонисовскому оргіазму, восторгу и увлеченію до наступленія. Въ свадѣхъ водвиглахъ и походахъ повторялъ онъ Діониса, въ лицѣ народивъ караль враговъ его в Греціи, или возстановлялъ ихъ и одушевлялъ, въ заключеніе же связалъ эти вѣнскія страны, какъ пред-

шестуючіи ступені, съ Европейскою исторією. Онъ самъ дозволялъ върванію, что ядуть по слѣдамъ Гефакла и Діониса, подобно какъ Карагенскій Аннибалъ въ своихъ трудныхъ переходахъ вѣдалъ и указывалъ слѣды своего народнаго Мелкарта. Способы побѣдъ и смощеній Александра, поступки съ побѣжденными, весь этотъ характеръ далеко превышалъ прежнія узнія понятія высокостью духа чисто Діонисовскаго. Толпа ученыхъ, поетовъ и художниковъ, его сороваждавшая, отождествлялась со свитою Діониса. Вступивши въ Азію и покоривши нервыя страны ея, онъ разрѣшаетъ загадку древности, подучившую теперь въишній образъ — Гордіевъ узелъ. Овладевъ Сирію и Финикією, онъ являється въ Іерусалимскомъ храмѣ, связанномъ съ преданіями о Саломонѣ, и приноситъ тамъ (по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ) жертву; въ Египтѣ онъ нарочно ядуть къ оазису и прорицальцу Аммона, признається тамъ сыномъ Аммуна, то есть, какъ мы знаемъ, Діонисомъ. Потомъ, направляясь далѣе противъ Персовъ, переходитъ Эфратъ и Тигръ, занимаетъ Вавлонію, Сузіану и Персиду, опять выражая почтеніе къ тамошнимъ божествамъ, даже возстановляя имъ храмы, по средству ихъ съ основными представленіями греческими. Изъ крапа караяющаго превращался онъ въ милостиваго побѣдителя и все, что было способно у враговъ къ жизни и союзу съ Греками, возстановлялъ съ особой ревностію; судьба наказаннаго Бесса долго занимала послѣдующихъ поетовъ небывалыми своими чертами; супруга-красавица Роксана перещла въ любимыя героини Сербскаго эпоса, какъ « Царица Роксамада» или «Росамада» желаніе, послѣ окончательнаго покоренія Персовъ, казаться сыномъ божества, т. е. конечно Діонисомъ, основывалось разумѣется не на грубыхъ политическихъ разсчетахъ, а на сознаніи въ тождествѣ значенія, ибо Александръ былъ такимъ же возможно-полнымъ воплощеніемъ втораго, т. е. творческаго или идеальнаго начала въ исторіи, какимъ Діонисъ въ области мифологіи. Крайнею точкою походовъ была также Индія, цари ея Таксилъ и Поръ, соперники между собою, битва съ Поромъ и плѣнъ его, великодушіе побѣдителя. — Съ тѣхъ поръ поэмы о Діонисѣ нашли себѣ точку опоры и историческое подтвержденіе въ образѣ и дѣяніяхъ Александра; на оборотъ, его исторія связалась съ ними поэмами. Новыи слои эпическихъ сказаній всего Востока и Греція, соединившіи въ себѣ самыя отдаленныя мпы, съ самою дѣйствительною исторією. Отсюда и въ поэмѣ о Саломонѣ черты Александровской эпохи, отсюда

Поръ, занявшій въ ней мѣсто Тифона, Катовраса и тому подоб-
ныхъ побѣждаемыхъ враговъ. Въ этомъ видѣ эпосъ проникъ и къ
намъ. — Самая « Александрія » или « Александрейла, » поэма объ
Александрѣ; нами выше помянутая, въ ея Славянскомъ и Русскомъ
видѣ, заключаетъ въ себѣ любопытныя черты какъ древнѣйшихъ ми-
еологическихъ и эпическихъ воззрѣній, такъ и усвоенія ихъ на почвѣ
Славянской, превращенія въ кровь и плоть Славянскаго образа.
Александръ родится не отъ Филиппа, а отъ прелюбодѣлія Олимпіа-
ды. Нектанавъ или Нектанебъ, царь Египетскій, славился волшебною
мудростію и разгадкою загадокъ, побѣждая тѣмъ враговъ и не упо-
требляя ни войска, ни оружія. Окольные цари все возотали, чтобы
истребить этого опаснаго волхва, Персы, Иверы, Арабы, Евѳоны и
т. п., подъ начальствомъ Дарія. Гадая на водѣ пущенными двумя
войсками изъ воску, Нектанебъ заставилъ ихъ биться и увидѣлъ,
что Египтяне будутъ побѣждены; тогда онъ тихонько бѣжалъ отъ
нихъ, а они вмѣсто его поставили столбъ или кумиръ, сами же при-
текля къ Посейдону, вопрошая о Нектанебѣ, и получили отвѣтъ во
снѣ: «къ вамъ до 30 лѣтъ придетъ онъ во образѣ ювени и изложитъ
Персоуъ.» Между тѣмъ бѣглець прибылъ въ Македонію, въ
городъ Филипповъ, и поселился въ укромномъ мѣстѣ, выдавая себя за
мудраго гадателя и врача. Красавица Олимпіада, дочь царя Эѳіонскаго
Фола, была неплодна: горевашій о томъ Филиппъ, мужъ ея, уѣзжая
на войну, въ послѣдній разъ объявлялъ ей, что если она не зачнетъ
до возврата его, то разстанется съ нимъ. Царица скорбитъ, не
узнаетъ о прибывшемъ врачѣ и идетъ къ нему (сравните образы,
предшествующіе Потыку въ сказкахъ, какъ пришлецъ исцѣляетъ Царев-
ну; потомъ Потыка, Басаргу и проч., «Зам.» къ 4-му выш. Кир.).
Она проситъ его, какъ мудреца, разрѣшить ея загадку, утробу. Но
онъ плѣнился ея красотой, явился къ ней въ образѣ Аммона и за-
чалъ Александра: въ самую даже минуту рожденія, онъ заставляетъ
царицу попридержать ребенка, чтобы онъ былъ великимъ, образъ,
извѣстный въ рожденіи Аполлона, Діониса — зашитаго въ лядвею
Зевса, нашего Дунаева сына, выскочившаго прежде-временно. Алек-
сандръ, воспитанный Нектанебомъ вмѣстѣ съ Аристотелемъ, сдѣ-
лался причиною смерти отца, признанъ отъ Египтянъ царемъ, явился
имъ спасителемъ, побѣдилъ Дарія, ходилъ въ Тиръ, Финикію, Палес-
тину. Всякой, послѣ нашихъ указашій, узнаетъ здѣсь Озириса, въ по-
редѣхъ мѣста Аммоновскаго, съ рожденіемъ спасителя Діониса. Это

выродокъ поимъ, нами поиманутыхъ. — Между тѣмъ восточные писатели связывали греческія сказанія съ своими истинными условіями: особенно замѣчательна поэма Низами, «Исмендерб-наме Низами», двѣнадцатаго вѣка, гдѣ Александръ сынъ благочестивой одной женщины, сирота, воспитанный Филиппомъ, ведущій противъ Дара войско изъ Македоніи, Египта, Франковъ и Русскихъ. Покоривъ въ одну походу Египтъ, Персѣвъ, Армію, Индійцевъ и Китайцевъ, дважды онъ борется съ Русскими, за нападеніе ихъ на союзницу его, Царицу, славившуюся красотой и мудростью: она вездѣ является въ сказаніяхъ объ Александрѣ подъ разными именами, соответствуя то Царицѣ Южской, то самой Саломонѣ въ сказаніяхъ о Саломонѣ. — Изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ отрывковъ составленныя разными путями наши сказанія идутъ далѣе. Въ одномъ спискѣ писецъ вмѣсто Малезіятской «Джаоши» поставилъ «Луканію», и потому вмѣсто Палестины явилась послѣ Италия: наши списки передаютъ картину, въ которой Александръ ходитъ въ Римъ. «Римляне же тогда не вшаху дара», вынесли дары, вышелъ священникъ, покладлъ героя, тотъ поклонился ему. Мы видѣли, что это путешествіе въ Италію зашло и въ сказанія о Гераклѣ, и Діонисѣ; въ настоящемъ случаѣ Римъ явился вмѣсто Руваима, какъ это сѣбѣ извѣстна и въ нашихъ Стилахъ (см. выше); но вставлены притомъ разныя уже Римскія подробности и разсказъ вѣроятно обличенъ съ завоеваніями Атллы. — Далѣе, какъ Діонисъ появляется большею частію очень молодымъ юношей, такъ Александръ въ борьбѣ съ Даріемъ выставляется дитею: отсюда, во всѣхъ сказаніяхъ этого рола, между прочимъ о Саломонѣ, рѣшается загадки обыкновенно дитя. — Встрѣчая на пути подвиговъ разныя чудовища и низлагая или покоряя ихъ, Александръ между прочимъ опускается на дно моря и собираетъ вокругъ себя рыбъ (какъ владѣтель всѣхъ царствъ природы Діонисъ; въ другомъ случаѣ эта мудрость выражается умѣньемъ оборачиваться); узнаетъ языкъ птицъ, спрашиваетъ объ ихъ правахъ и узнаетъ, что нужно. Между прочимъ летитъ къ небу на двугъ грифахъ, отождествлявшихся съ ионическими представленіями страуса, на этой извѣстной намъ Ногѣ или Ноѣ, Стратимѣ и т. п., на которой леталъ и нашъ Иванъ: въ нашихъ рукописяхъ грифы названы «крылатыми звѣрями»; Александръ управлялъ ими, держа къ верху копьѣ, а на копьѣ кусокъ мяса. Въ нашихъ прочіхъ сказкахъ образъ вервичице: Иванъ разговариваетъ съ птицами, По-

гою, Орломъ, Гуакия-лебедями и т. п., и у П Р А Ш И В А Е Т Ъ ихъ
 взять его на крылья по доброй воле. Но здѣсь, равно какъ увидимъ
 ниже въ повѣсти объ Акурѣ, нѣсколько уже забылся смыслъ вы-
 несеннаго на свѣтъ Божій: творчество уже задаетъ себѣ вопросъ, какъ
 заставить птицу вынести героя къ небу, и рѣшаетъ это болѣе искус-
 ственно, насаживая на коньце приманку, приманка поднята въ верхъ,
 птицы глядятъ на нее, хотятъ схватить и — поднимаются (ср. 5-й
 выш. Сказокъ Авнаса., гдѣ, стр. 200, Иванъ-царевичъ привязыва-
 етъ себя къ куску падали во рву, залетаютъ птица и выносятъ
 его вышестъ съ падалью). Далѣе Александръ въ одномъ озерѣ выла-
 ливаетъ рыбу, а въ ней находитъ «камень свѣтлый, яко солнце сіяетъ
 въ ноши (этотъ камень мы еще не разъ встрѣтимъ ниже);» гово-
 ритъ съ деревьями и узнаетъ отъ нихъ будущее, о смерти своей
 и гибели своего потомства; борется со врагами — «геръ человекъ,
 долу конь, вше наридаеуея Исполнии,» въ другихъ спискахъ «Пол-
 жаны,» Кентавры; съ прочими дикими народами закладываетъ въ
 горы и «Татарь.» — Какъ Діонисъ чуть не погибъ отъ Пенеса,
 сына упорной Агавы, такъ Александръ едва спасся отъ сына «Му-
 риноккой,» т. е. Черной, Маврокой или Эаіопской царицы; здѣсь
 она носитъ имя Кандаіи, по другимъ преименіи Сандраиды: вотъ
 первообразы той царицы, которая послѣ является иногда Амазонкою,
 иногда просто Грознаю по своимъ загадкамъ, или предательскою —
 мать Олимпіада, рѣшеіемъ загадки замѣнившая мужу, а наконецъ,
 хотя съ загадками, но уже болѣе смирною Южскою Царицей, и
 т. п. (ср. выше эту грозную половину древней богини и женщины,
 перешедшей послѣ въ кроткую). — Амвона, соответствующаго Зеву
 и Юпитеру, Русскіе переводятъ «Поруномъ,» Поруномъ. Осмысляя
 походъ къ Синеамъ, называютъ ихъ «Куманами,» т. е. Половцами.
 давая имя царя «Тантамыша,» коего Александръ замѣнилъ «Туромъ,»
 «малъ убо возрастомъ быше, но пыиломъ и храбростію великъ:»
 одно маъ лицъ, переродившихся, какъ увидимъ послѣ, въ нашего
 «Тараканчика.» — Въ Идіи Александръ проникаетъ на «Макарійскіе
 острова,» т. е., съ греческаго, «блаженные,» «облаженныхъ,» гдѣ
 жиди Счастливые Брахманы (въ другіиъ сказаніяхъ они сливаются
 съ народами Счастливой Аравіи, откуда ввизась и Южская Царица
 съ загадками): вотъ начало, по которому въ Стихъ объ Егорѣ, въ
 царствѣ Арашискомъ, гдѣ была Елисафета, являются «желты пески
 М а к а р ѣ в с к и е.» — «Рахмане,» черезъ исторію Александра,

дали поддержку поманутымъ выше народнымъ, извѣстнымъ и показаннымъ устнымъ творчествомъ: а царствіе «Рахманское», о выходящее оттуда. Въ быльцахъ Кіевскихъ есть «Врахманскаго» царства передано «Вахрамеевское» съ царемъ «Вахрамеемъ Вахрамеевичемъ»: это знаменитый врагъ Потыка; любопытно, что онъ помѣщается еще «въ землѣ Воднскои», на Волыни, мы видѣли выше, доселѣ своими предками именуется «Рахмановъ». Какъ врагъ Ивана Годнотича, въ томъ же Кіевскомъ творчествѣ, Вахрамеемъ имѣетъ «царя Афона», въ Сказаніи же, какъ врагъ Ивана, имѣетъ «царя Афона» («Зам.» къ 3-му выд. Кирь.)); путь немалъ сказать чтобы короткий! — Въ сказаніи объ Александрѣ герой самъ задаетъ Рахманамъ загадки и получаетъ мудрыя рѣшенія; главный мудрецъ ихъ названъ «сугумомъ». — Такимъ образомъ, при единствѣ нашихъ древнихъ преданій съ Восточными и еще больше съ Греціею, а вѣдѣти и вглядѣтіе ихъ, сказанія объ Александрѣ совершенно нами усвоены, перенесены на почву Русскую, сдѣланы собственнымъ народнымъ достояніемъ. Сверхъ того, проследивъ связь съ Евреями и Саломономъ, потомъ эпоху Христіанства и — непременно всегда. — Царьградъ, они окрасились возрѣніями христіанскими. Дѣло Александра представлялось нашимъ, дѣломъ даже Христіанскихъ народовъ: враги его — народы языческіе, языки, страны. «Византия» основывается «Визомъ», за котораго вышла Олимпиада по смерти Филиппа, или же воеводою Александра «Византомъ»; Антиохъ строитъ другой православный городъ Востока — Антихію; мощи Іереміа пророка Александръ переноситъ въ Египта въ Александрію; молится нашему Богу, находитъ рай на востокѣ, первыхъ двухъ людей-великановъ, страну, гдѣ мучатся грѣшники, и т. п. Вставая надъ этими сказаніями въ наши дѣвствія-памятники и лѣтописи извѣстны (см. «Очеркъ лит. истор. стар. нов. и сказ. русск.» Цыпиль). Прибавимъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ народному нашему творчеству. Мы зашли дѣвногда («Зам.» къ 4-му выд. Кирь.) о рукописяхъ «Прѣніе Смерти съ Животомъ» и т. п., тождественныхъ съ нашимъ полу-Стахомъ, полу-Былиною объ Дниахъ; тамъ Смерть говоритъ между прочимъ богатырю: «Отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей сильныхъ, никто же противъ меня: стоятъ, не могъ... Царь Александръ Македонскій храбръ и мудръ и самъ былъ сильный, и онъ говорилъ тако: — еще было (бы) комо въ землю вѣдано..., изъ бы и всѣмъ свѣтомъ поворотилъ,—

ла и тутъ не сѣлъ со мною драться.» Такимъ образомъ, во первыхъ, Александръ ставится на ряду съ нашими Старшими богатырями, Святоторомъ, Самсономъ и т. д., которые упоминаются Смертию въ укоръ Аникѣ; во вторыхъ, слова его одинаковы съ тѣми, кои по нашимъ былинамъ влагаются въ уста Ильи Муромцу, послѣ того какъ выпь, отъ Калѣчьяго питья, овладѣла титанической силой: не мудрено, что онъ же, одолевъ впоследствии «Рахманскаго» выходца Соловья. У Сербовъ, какъ во разъ замѣчали мы, нашему Ильѣ и вѣсть Ахиллу, даже гораздо ближе, чѣмъ нашъ Илья Ахиллу, соответствуетъ Марко Краевичъ. Хотя онъ лицо и историческое, но, какъ герой эпоса народнаго, весьма вѣроятно, что совпадалъ самымъ именемъ съ героини греческой древности, подобно какъ, мы видѣли, у Чеховъ «Маркѣ» извѣстнымъ нутель звуковаго перехода соответствуетъ «Гераклу» и «Мелкарту.» Какъ бы то ни было, по эпическимъ образамъ Александра Марко Краевичъ отвѣчаетъ весьма во многомъ. Не пускаясь въ подробности, упомянемъ, что знаменитый и грозный Александровъ «Букефалъ» или Буцефалъ, передѣланный во нашихъ рукописяхъ въ «Бучицала», осмысленъ у Сербовъ въ «Ябучила», конь въ яблокахъ, крылатый; это конь Маркова дяди Мошчала; перешедшій къ племяннику въ видѣ не менте знаменитаго «Шарца.» Помянутая «Роксанда» или «Росанда», сдѣлавшаяся въ Сербскомъ творествѣ типомъ всякой Царицы и происходившая отъ Александровой супруги, является сперва грозною невѣстою Марка (сестра Лека), подобно Еленѣ Прекрасной, а послѣ переходитъ въ его жену. Другая героиня, чаще другихъ встрѣчающаяся у Сербовъ, есть «Елица», болѣею частію типъ сестры (наша «сестрица Олѣнушка»), имя, равно тождественное и съ греческою Еленой, и съ народнымъ именемъ «Ела», ель, елка (такъ и у насъ выработалось имя «Ивана», см. выше). Послѣ Марка герой Юга, извѣстный у Сербовъ и Болгарь въ эпосѣ, прозванный Туркамъ не даромъ «Искендеръ-бегъ», т. е. «бегъ Александръ», повторилъ для народа образъ сего послѣдняго. — Изъ героинь, отвѣчающихъ Греческимъ и Юго-Славянскимъ преданіямъ, у насъ, повторяемъ, извѣстна прежде всего въ сказкахъ «Елена Прекрасная», т. е. Елена подъ собственнымъ ея именемъ, переходящая иногда въ Анну, Марью, Марѳу, или сливающаяся въ одиѣ Василицѣ. Въ Кіевскомъ творествѣ мѣсто этой Елены заняли: Настасья, какъ грозная поляница, одна изъ половинокъ Василицы; или податливая, возниная на кораблѣ или похищаемая Зитѣмъ Запана,

Кумава (т. е. «Красавица,» Прекрасная); или извѣстная Марья (она же и въ сказкахъ), и т. д. Но въ былинахъ сохранилась и Е л е н а: это по преимуществу Царица, какъ у Сербовъ Роксада, царица древняя, прошедшая даже черезъ Елену, жену Константина, и потому помѣщаемая въ Царьградъ; она же является и женою невѣрныхъ царей, враговъ Руси (Азьяковна, и т. п.). Чрезвычайно любопытна ея роль въ былинахъ о Вольгѣ (Рыбник. Ч. I). Вольга, не подлежащая сомнѣнью, есть Олегъ Владиміръ съ его походами на Царьградъ и прочею обстановкой. Но такое положеніе, данное ему Кіевскими источниками, на глазахъ исторіи, конечно не исключаетъ образовъ древнѣйшихъ, притокавшихъ къ средоточію окрѣпшаго творчества изъ дальнейшей, стихійной и доисторической области. Олегъ проходитъ все царства міра, отъ неба до глубины морской, овладѣвая здѣсь животными и самъ прохода изъ образы какъ оборотень: притѣнительно къ историческому Олегу, это значить его высшую мудрость, но по отношенію къ древности указываетъ на пройденный въ изысчаніи путь развитія; этимъ путемъ шли и боги, особенно заключительный — Діонисъ, шель и Александръ, шель, какъ увидимъ, и Саломонъ, шель и нашъ Ильяшъ. Потомъ Вольга, какъ Иванъ и Александръ, повертывается «Науй—птицей (Нога, Стратигъ, Грифъ и т. п.; Рыбн., Ч. I, стр. 3)» и летитъ по подоблачью. Въ этомъ же видѣ прилетаетъ онъ и ко врагу. Врагъ его, Турецъ—Сантагъ, Салтанъ Бекетовичъ, имя, оращенное позднѣйшими Турецкими и Татарскими цвѣтомъ; притѣнительно къ Олегу историческому онъ означаетъ царя Византійскаго, Царьградскаго, куда и стремились походы Олега: но этотъ же царь въ другихъ образцахъ былинъ называется и «Индійскимъ,» поднимая наши взоры несравненно выше, къ царству Рахманскому. Такова и жена царя, вѣщая, прорицающая ему гибель отъ юнаго пришельца. Она сперва «Азьяковна,» Узбеконна; потомъ Царьградская «Елена.» Но она еще «Александровна:» черта уже воухи Александровой; она «Давыдьевна:» то же, что Саламанія, жена и врагъ Саломона. Здѣсь мы не можемъ не привести блестящей догадки, переданной намъ И. В. Бляевымъ, по поводу той же царицы; она въ былинѣ называется еще «царица Палталовна:» И. В. Бляевъ видитъ въ этомъ искаженномъ имени славнаго въ древности города Палтала, при дѣленіи рукавовъ Исла, гдѣ Александръ заложилъ крѣпость, построилъ гавань, верфь, и откуда самъ объѣхалъ оба рукава до Океана. Сообразивши,

что устройство городов играет величайшую роль въ дѣяніяхъ Александра и постоянно на разные лады повторяется въ сказаніяхъ о немъ (ср. выше Византію и т. п.), а равно припоминая всѣ вышеизложенныя данныя, не сомнѣваемся, что эта догадка побѣдоносно рѣшаетъ дѣло. Историческій походъ Олега подъ Византію, на исторической почвѣ Кіевского эпоса, въ то же время послужилъ для народа преданіемъ гораздо отдаленнѣйшій, изъ времени Александра, а за нимъ изъ эпохи доисторической, откуда мы привели уже не мало сходныхъ образовъ о плаваніи на кораблѣ, похищеніи женщинъ, мѣлкахъ юнаго героя, и т. д. Когда читаемъ заключительныя слова былинны — « а славнаго царя Индѣйскаго, ухвата его ударилъ о кирлицатой полъ, разшибъ его въ крохи, и тутъ Волхъ (Вольга) даждь царемъ цесѣдъ, взявши цариду Азьяковну, а в молоду Елену Александровну (Панталовну), » — то можемъ представлять себѣ одинаково, какъ вѣроятно представлялъ и нашъ народъ, побѣды надъ Даріемъ и Поромъ Александра, связанныя съ женитьбою на Роксаннѣ, и побѣды царя Саломона надъ Поромъ (ср. ниже), и Елену Аргивскую, и иноплеменныя побѣды юнаго бога. Теперь принимаемъ, почему Э р д м а н ъ въ описаніи походовъ Александра противъ Русскихъ у Низами видѣлъ близкое сходство съ походами нашихъ князей на Византію и объясняетъ показаніе порта перенесеніемъ событій изъ одной области въ другую; и обратно, теперь получаютъ еще больше силы сблуженія, которыя не разъ мы высказывали, между походами Олега подъ Царьградъ въ порабляхъ на колесахъ, и между походомъ Соловья подъ Кіевъ также по сушѣ, за Кушавою или Запорою, соответствующую Еленѣ.

Но довольно объ Александрѣ. Не мало собрали мы данныхъ для разъясненія поэмы о С л о м о н ѣ; пора же сказать, откуда и какимъ путемъ пришло въ поэму это имя, озаглавившее собою одно изъ самыхъ древнихъ произведеній Индо-европейскаго творчества. Гораздо еще прежде Александра, и такъ же какъ онъ для Греціи, для Палестины Саломонъ явился историческимъ олицетвореніемъ того, что называли мы вторымъ, творческимъ или идеальнымъ началомъ, короче — идеаломъ. Величественный прасотою и счастіемъ, Премудрый въ такой мѣрѣ, что сдѣлался синонимомъ мудрости, знаменитый разривитель загадокъ, образецъ суди, творецъ въ творчествѣ слова, онъ далъ своему народу высшую эпоху славы и благоденствія, построилъ знаменитый храмъ и другія великолѣпныя зданія, основалъ

города, ввелъ обширную торговлю. Кроме того, не выходя еще изъ области исторіи, мы получаемъ уже данныя, отражающія въ себѣ центральныя доисторическія представленія тогдашнихъ народовъ. Вирсавія дѣлается женою Давида вслѣдствіе грѣхопаденія ихъ обоихъ; сопровождаемаго соблазномъ и убійствомъ законнаго мужа: Саломонъ сынъ Вирсавіи. Отецъ любитъ его и цѣнитъ больше другихъ; но не такъ смотрятъ окружающіе и старшіе братья; достичь престола приходилось борьбою. На высоту своего царствованія, принимая Палестину за средоточіе, онъ соединилъ съ нею всѣ тѣ знаменитыя страны тогдашней исторіи и совершенно тѣмъ же путемъ, какъ мы видѣли въ Греціи: съ одного краю Египетъ, изъ котораго привезъ онъ себѣ супругу, царскую дочь; съ другаго отдаленную Индію посредствомъ морскою торговли; и оба эти крайніе предѣлы главными образомъ черезъ посредство Финикіи: онъ былъ самымъ задушевнымъ другомъ знаменитаго Финикійскаго царя Хирама, того самого, который, какъ извѣстно, обновилъ во всемъ блескѣ торжество своей религіи и первый началъ праздновать пробужденіе Мелкарта, т. е. его воскресеніе и появленіе торжествующаго юнаго бога. Отъ него же, измѣнивши своему Богу, Саломонъ ввелъ въ Іерусалимъ боговъ Финикійскихъ и, разумеется, ту ступень вѣросознанія, на которой они стояли. Его знаменитыя суды и рѣшенія загадокъ, а съ другой стороны притчи, имъ же задаваемыя, простиралась не только на собственный его народъ, но и на отношенія международныя: къ нему является Царяца Южская, по инымъ Евѳонская, по другимъ и Библия — царяца Сабы, Счастливей Аравіи, той именно мѣстности, изъ которой для всей древности появлялся юный богъ, изъ которой пошелъ своимъ побѣднымъ шествіемъ и Діонисъ. Извѣстны ея загадки или разгадка, сдѣлавшіяся, вмѣстѣ съ судами Саломоновыми, достояніемъ не только преданій, но и обширной литературы. Наконецъ, вторую половину жизни своей Саломонъ среди многочисленныхъ и рѣдкихъ наложницъ своихъ, добытыхъ конечно всякими путями, повторялъ проступокъ своей матери, сливаясь съ нею въ одинъ неразрывный образъ. Прибавьте ту историческую данную, что Саломонъ сдѣлался самымъ извѣстнымъ и популярнымъ лицомъ всего Востока! это произошло конечно вслѣдствіе однородности зачатковъ, олицетвореніе коихъ въ немъ видѣли, а съ другой служило вѣрнѣйшимъ средствомъ привязать къ этому имени всѣ однородныя представленія, такъ сказать наковнившіяся въ древнихъ народахъ при ихъ развитіи,

отъ Индіи до Египта, отъ Аравіи до Ассиріи и Вавилона, при посредствѣ звѣна Финикійскаго. Историческій выразитель извѣстнаго существеннаго начала, Саломонъ далъ свое имя тому же самому началу на почвѣ еще не воздѣланной исторіею внѣшней, началу до-историческому, выражавшемуся въ мифѣ и эпосѣ; и на оборотъ, къ его имени и лицу присоединились всѣ представленія, соответствующія выраженному имъ началу: подобныхъ примѣровъ множество у древнихъ народовъ, у тѣхъ народовъ, у коихъ еще не сложившаяся прочно внѣшняя исторія сквозила и просвѣчивала: за собою близъ лежащую область доисторическую съ ея мифомъ; такъ было и съ царями, и съ вѣручителями, начиная отъ Семирамиды и Сарданапала до Ромула и Рема, отъ Зороастра до Орфея. Этому отчасти способствовали самыя имена: вторая половина имени Саломона напоминала распространенное имя Аммона, поддерживаясь и именемъ «сыновъ Аммона.» Аммонитовъ Ханаанскихъ, отъ меча коихъ погибъ мужъ Вирсавіи, въ войнѣ съ коими совершилось дѣло, породившее Саломона. Имя матери *Бѣсабее* связывалось съ Сабоею и Сабееми, съ царицей Савскою. Мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, когда и гдѣ это имя первоначально передѣлано въ *Нерсавію* и *Вирсавію*: несомнѣнно лишь то, что оно является въ семь вѣдѣ на почвѣ Европейской и въ самыхъ первыхъ переводахъ Славянъ съ языка греческаго. Здѣсь оно связывалось со словомъ *вирса* или *лурса*, *бурса*, греч. *βύρσα*, «шкура,» а это названіе, какъ латинское *pellis* и *pellex*, переходило обыкновенно у многихъ Индо-европейскихъ народовъ въ значеніе женщины непотребной, — представленіе, которое имѣло опору и въ исторіи Вирсавіи, а мифологически означало, какъ знаемъ, передивы божескихъ существъ наъ одного въ другое черезъ женскую половину. Мать, продолжаясь въ проступкахъ сына, сдѣлана его половиною, женою: *Саломонъ* раздвоенъ на лицо мужеское и *Саломонію* или *Саломониду*; здѣсь лице жены дѣлалось и Фараоновою дочерью, увозимую изъ Египта, и опять пришлицею Царицею Египетскою или Савскою, и прочими наложницами знаменитаго дара. Должно было выступать наперевъ то грѣхопаденіе отца, то рожденіе сына въ обличіе грѣха и отсюда извѣстное намъ столкновеніе съ матерью; гибель Саломона, которую единогласно приписывали дѣйствию его женщины, въ мифѣ и эпосѣ выражалась то преслѣдованіемъ матери, то соблазномъ отъ нея, то невѣрностью жены, и т. д. Не можемъ не замѣтить здѣсь двухъ

слово. Первое, имя Діониса, *Бассарейъ*, *Вассарейъ* или *Басарейъ*, *Васарейъ* и т. п.: догадокъ множество для объясненія и намъ важно то, что всѣ онѣ остаются на Эракіи. Тамъ находятъ слово *бассара*, *вассара*, *Ваббара*, или *басара*, *васара*, *Ваббара*: что же оно значило? Во первыхъ ту же «шкуру,» послужившую одеждою Вакханокъ, откуда объясняютъ и помянутое прозвище Вакха-Діониса, во вторыхъ «шкуру» и «*pellēs*» въ значеніи непотребной, распутной женщины. А это очевидно то же, что помянутое «*вирса*,» «*бурса*,» «*βύρσα*,» связавшееся съ именемъ Вирсаи. Потому можемъ съ достаточнымъ основаніемъ предполагать, что самое имя «*Вирсаи*» образовано этими звуками во Эракіи и перешло тамъ сперва на Діониса, а послѣ на тождественнаго съ нимъ Саломона. Въ нашемъ языкѣ по вѣстмъ Славянскимъ нарѣчіямъ уцѣлѣли слова этого корня въ весьма даже близкихъ формахъ, конечно нѣсколько переиначенныхъ греческимъ произношеніемъ, какъ *Ваббара*, или же среднихъ съ греческими, какъ *βύρσα* (вспомните *Βύρσα* или *Вурса*. Каррагенскую цитадель, откуда и прилагательное — «*Каррагенскій*,» *Vurgisus*; а основаніе города, вспомните, должно «*шкурѣ*»): это наше *ворса*. волосъ, пухъ, шерсть, на важеномъ товарѣ, мохна, съ производными *ворсовать*, *ворсить*, *воршенье*, *ворсяной*, *ворсилья* — щетка, и т. п., представленія шерсти, волоса, стрижки и т. п., связанные всегда со шкурою: потомъ *брасновать*, *браснуть*, *бръснѣ*, Ц. слав. *брысати*, нѣм. *Bürste*, *bürsten* и т. п. (о тождествѣ сихъ представленій, извѣстныхъ филологу, подробно въ другомъ мѣстѣ). Любопытно еще прибавить, что въ Ц. слав. *бръселитъ*, очевидно отъ того же корня, значитъ еще «плющъ» (если вѣрно покаяніе Миклошича), извѣстный аттрибутъ Діониса. О томъ, какъ эти названія соединялись съ именемъ мѣстности и цѣлаго племени во Эракіи, увидимъ послѣ. — Второе имя еще важнѣе, ибо оно доказываетъ переходъ лица Саломонова въ ту же Эракію съ значеніемъ Діониса или Діонисическаго божества. Прежде всего, кромѣ множества мѣстныхъ и личныхъ именъ, близко тождественныхъ то по звукамъ и формамъ, то по самому корню съ именемъ Саломона, припомнимъ изъ греческихъ тѣ, кои ближе были къ Сѣверу, во Эракіи, по Черному морю, гдѣ особенно чтиса Гераклъ и далѣе Діонисъ, или попутаямъ оныхъ божествъ, или въ связи съ лицами и образами ихъ момента: *Саламисъ* или *Саламинъ*, имя женщины, потомъ извѣстнаго острова, наконецъ значительнаго города на Кипрѣ, основаннаго

Тевкромъ, сыновъ Теламона, — оба лица, тѣсно связанныя съ Геракломъ, а островъ Саламинъ — владѣніе *Теламона*, весьма схожаго съ Саломономъ по самому имени; *Салмонѣ*, *Салмоніонѣ*, *Салмоніисѣ*, *Салмонидѣ*, — мѣстности въ Критѣ; *Салмука* или *Салмика*, городъ при Стадбахъ Геракла; *Салмоневъ* или *Салмоней*, съ его городомъ *Салмонѣ*, *Салмонѣй*, отецъ красавицы Тиро, бо- ровшійся съ Зевсомъ, а въ потомствѣ Тиро и Нелея съ Геракломъ; *Салмондесъ* или *Салмондесъ*, — *дисъ*, городъ во Фракіи на Черномъ морѣ, съ пристанью и побережьемъ того же имени, и т. п. Объ этой-то послѣдней мѣстности повѣствуетъ Геродотъ, равъ уже давшій намъ важное показаніе, въ IV-й книгѣ, гл. 93—96: «Прежде чѣмъ Дарійъ пришелъ на Дунай, первымъ захватываетъ (поиораетъ) онъ Гетовъ Безсмертствующихъ. Именно, Фракіяне, занимающіе Салмондесъ и живущіе выше Аполлоніи и города Месаврїи такъ называются: Смурїады и Ниспсы, безъ бою передались Дарію. Геты же, будучи мужественнѣе и правѣ Фракіяне, по неразумію поддали скоро рабству. — Безсмертствуютъ же они такимъ образомъ: думаютъ, что не умираютъ, а что преставающійся идетъ къ дайнону Залмоксю (Салмоксисъ, Залмоксисъ, — по родительному Салмоксидѣ, Залмоксидѣ, Залмоксисъ съ — разнорѣчїя); того же самаго нѣкоторые изъ нихъ считаютъ Гевелензвмъ (*Γεβελίζμ*; разнорѣч. *Βελίζον*). Каждое пятнадцатіе, жеребьемъ кому придется, изъ среды своей отсылаютъ они посла къ Залмоксю, давая ему порученіе о своихъ тогдашнихъ потребахъ. Посылаютъ же такимъ образомъ: по распорядку между собою, одни изъ нихъ держатъ три коня, другіе разобравши восылаемаго къ Залмоксю по рукамъ и по ногамъ (кто руку, кто ногу), раскачиваютъ его и взбрасываютъ на острия. Если онъ наколовшись умретъ, считаютъ они, что богъ къ нимъ милостивъ; если жъ не умретъ, то они обвиняютъ самого посла, дурной, да, онъ челоуѣкъ, и, обвинивши его, посылаютъ другаго, давая ему — пона живъ — свои порученія. Эти же самыя Фракіяне стрѣляютъ въ верхъ къ небу на громъ и молнію, грозя богу (любопытно, что то же самое касательно грома и молніи приписываетъ мнѣ промнугому полубогу Салмоною: онъ гремѣлъ и вускалъ черуны, играя роль Зевса) и не считая никакого другаго бога богомъ, кромѣ своего (того, который на ихъ сторонѣ; а то и богъ не богъ). — По сѣднїамъ мнѣмъ отъ Евлиновъ, живущихъ по Геллеспенту и Понту,

этотъ Залмоксъ—какъ человекъ—былъ рабомъ въ Самосѣ; именно рабомъ Пифагора Мнесархова; получивши свободу и собравши тамъ значительное имущество, ушелъ онъ на родину (къ Фракіянамъ). Поскольку иже Фракіяне жили плохо и глуповато, а этотъ Залмоксъ знаменитъ былъ съ Іонійскимъ образомъ жизни и нравами болѣе основательными, чѣмъ у Фракіянъ, вслѣдствіе того, что обходился съ Еллининами и изъ Еллиновъ съ Пифагоромъ, учителемъ мудрости не изъ послѣднихъ: потому Залмоксъ соорудилъ себѣ стоячую палату, принималъ къ себѣ въ гости городскихъ старѣйшинъ (первыхъ людей), славно угощалъ и при этомъ училъ, что ни самъ онъ, ни его собесѣдники, ни отъ нихъ постоянно нараждающіеся не умираютъ, а переходятъ въ извѣстное мѣсто, и тамъ всегда будутъ пребывать и получать всяческія блага. Дѣйствуя и говоря показаннымъ способомъ, устраивалъ онъ себѣ подземное жилище и, когда оно было готово, вышелъ изъ глазъ Фракіянъ; сошедши же внизъ въ подземное жилище, проживалъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Фракіяне рвались по нему душою и горевали по нему какъ умершемъ: на четвертый годъ онъ имъ явился; такимъ образомъ убѣдились они въ томъ, что Залмоксъ говорилъ имъ. Вотъ что, рассказываютъ, сдѣлалъ онъ. — Я этому дѣлу и подземному жилищу — нельзя сказать, чтобы не вѣрилъ, да и не слишкомъ-то вѣрю: полагаю же, что этотъ Залмоксъ существовалъ многими годами прежде Пифагора. Впрочемъ, существовалъ ли какой человекъ Залмоксъ, или это какой мѣстный даймонъ у Гетовъ, богъ съ ними!»—Что между Фракіянами, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, жило множество Славянъ, хотя еще въ соединеніи съ нѣкоторыми другими племенами, поздне отсюда разошедшимися,—долго не подверженное сомнѣнію въ глазахъ всякаго безпристрастнаго историка. Стало бытъ рассказъ Геродота нужно относить и къ тогдашнимъ Славянамъ Черноморскимъ. Возьмемъ же имя ихъ мѣстнаго бога, по которому вѣроятно назывался и край тотъ «Салмудесъ»: въ немъ Залмо- или Салмо- есть очевидно то же, что Саломонъ или Саломъ — въ имени Саломонъ; онъ принятъ здѣсь окончаніемъ (какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ), не обязательнымъ для языка, перебившимъ чужестранное имя; и самое имя мѣстности Салм-у-десъ или Салм-и-десъ образовано очевидно отъ того же основнаго Салм-. Далѣе -коксъ, -ѣсъ есть извѣстное окончаніе греческое, т. е. передвѣнное на мѣстный ладъ (Гречи и въ каміе вѣка не ослышались умѣншемъ передавать чужія имена точь въ точь: непременно пере-

дѣлывал на своей ладъ, чему послѣдовала и Славяне); послѣду же, за немнѣишемъ шипящхъ, Греки своимъ ξ передавали весьма часто славянское ψ , то ихъ ξ или ψ си, съ характеромъ именительнаго — ψ , есть наше ψ ч, т. е. ψ чъ или ψ чч, отчество, родъ, происхожденіе. Такимъ образомъ это наше *Саломовичъ* или *Садомовичъ*, соответствующее полному — если брать окончаніе *он* — *Саломовичъ*. Мы не можемъ здѣсь не придумать множества отчества въ именахъ героевъ нашего эпоса, въ Былимахъ и Стихахъ, — *Самойловичъ*, *Самуйловичъ*, *Сауйловичъ*, *Сауловичъ*, принадлежныхъ восточнымъ парямъ вообще, обыкновеннѣе же Царегородскимъ, именованъ Константиномъ. а мы не разъ замѣчали, что онъ у насъ всегда наследникъ и преемникъ другихъ восточныхъ, іерусалимскихъ царей, и, стало быть, преемникъ Саломона, каковъ на притвръ и соперникъ Вольги, въ коему послѣдній пожаловалъ на корабль и у коего увезъ Панталовну или Давыдовну, т. е. Саламанію или Саломониду (см. выше и слѣди ниже). Что это имя дѣйствительно патронимическое или отчествонное, создавали и сами Греки, склоняя слово *Σαλωμεως* или *Σαλωμεως* не только посредствомъ $\omega\varsigma$, но и $\omega\delta\omega\varsigma$: а съ окончаніемъ $\omega\delta\omega\varsigma$ это будетъ наше *Саломонидъ*, равняющееся *Саломоничу* или *Саломовичу*, подобно какъ *Αττιδω* — *Αττιδω*чъ, *Αρτεμιδω* — *Αρτεμιδω*чъ и т. п. Съ какой же стати здѣсь Садомонъ названъ по отчеству и сравнянъ съ *Саломонидой*, *Саламаніей*? На это можетъ намъ отвѣтъ все предыдущее изслѣдованіе, объяснившее, какъ древній богъ перерождался въ юнаго, отецъ въ сына, посредствомъ женской половины, которая изъ матери дѣлалась подругою сына; отягъть и въ самой повѣсти Саломона, гдѣ Давидъ играетъ роль, повторяемую Саломономъ, мать *Вирсавія* переходить въ жену сему послѣднему и дѣлать еъ нимъ имя, такъ что Саломонъ является раздвоеннымъ на себя и *Саломониду* или *Саламанію*, *Саломонію*. То же самое видѣли мы и выше, какъ имя *Вирсавія* связалось съ ея сыномъ, *Діонисомъ* и Саломономъ. Обычай этотъ у Славянъ коренной: вспомнить изъ общегитія — *Вилиповица* т. е. *Филиповица*, жена *Филіппа*, *Митровица* — жена *Митра*, *Дмитріа* (сербск.), *Гльбова* — княгиня или жена *Гльба* (лѣтоп.), *Петрова*, *Иванова* — жена *Петри*, *Ивана*, откуда и фамиліи, даже *поруцица*, *казначейица*, и т. д. И на оборотъ, съ переименованіемъ отъ женщины на мужчину: знаменитая двоица греческой мифологіи, братъ ξ съ сестрою, состав-

являіе собственно одно неразрывное божество, *Аполлонъ* в *Артемиду* передвизаны у Славянъ какъ *Артемидъ* и *Артемидида* (присвоеніи находка С. П. Шквырева въ рукописи Кир. Брлов. монаст.). Присвоилимъ также, что и при *Салмоней* является *Салмонидида*, какъ называли дочь Тиро, *Σαλμωνίς—ιδος*. Подобныя двойственныя формы, равно принадлежащія и мужскому, и женскому роду, а собственно одному отчеству, отцу какъ существу раздвоившемуся, соответствуютъ постоянно известной намъ эпохѣ вѣросознанія (о нихъ подробно въ высканіи, которое въ сѣдѣ за снѣмъ явится). И такъ *Салмовичъ*; *Саломовичъ*, *Саломонидъ* есть *Салмонидъ*, въ точнѣ зрѣніи миеовъ, нами разбираемыхъ, поэмъ и сказаній, т. е. во всѣхъ моментахъ повѣстующей о немъ исторіи, обывающей в началѣ, и двойствѣ мужчины и женщины, *Саламана* и *Саламони*, а здѣсь выражающей исторію *Діониса*, или, что то же, существующую исторію древняго вѣросознанія. — Что это имя дѣйствительно связано со Славянами, ихъ миеами и поэмami, доказываютъ еще слова Геродота, — нѣкоторые изъ Фракіянъ называли то же существо. *Βαλάνης*, *Βαλείζης*: (размор.: *Γε-βαλίζου* мордо произойти изъ частями *βα* или *γ*): не узнать здѣсь нашего *Велеса* значило бы просто оупутъ. Дѣйствительно, *Велесъ* по существу своему соответствуетъ въ известной мѣрѣ, хотя и не въполнѣ, моменту, выраженному въ *Діонисѣ*, потому въ *Салмонѣ*, именно на степенѣ борьбы, степенѣ Геракловои или Мелкартовои: мы забыли уже, что *Діонисъ* прозывался у Грековъ *Μελιχς*, т. е. (по происхожденіи) *Μελεχς*; а *Велесъ* есть точь въ точь *Μελεχς*, *Μελεχς*, подобно какъ другая форма имени, *Βολοςъ* и *Βολοχς*, по томъ *Велесъ*, соответствуетъ другой формѣ *Μελεχς*—*Μολαχς* (Греч. *Γελος*; объ этомъ подробно въ другой статьѣ). — Далеко, безпристрастнѣйшій отецъ историковъ, какъ мы видѣли, наложивши сказанія и дѣянія о *Салмонѣ*—такъ будемъ мы отседѣ называть лицо, дакъ занимающее, — съ своей стороны выражаетъ то личное убѣжденіе, что оно существовало у Фракіянъ гораздо прежде Пиндгора, что следовательно на него только перенесены позднѣйшія преданія историческія, а что онъ былъ «истинный дѣмонъ»: «богемъ» не называетъ его Геродотъ за первыхъ потому, что говорить о «варварахъ», сравнительно съ своимъ божествомъ Еллинское всегда было выше въ глазахъ Грековъ, — и очень естественно, — а во вторыхъ потому, что къ этому лицу прилагались уже образы эвнессіе и скандіа исторіи.

ческія, слѣдовательно изъ бога оно нисходитъ до даймона. И дѣйствительно, какъ знаемъ мы изъ ясныхъ данныхъ, именемъ Саломона окрашено это существо при переходѣ его уже въ поэму. Но у Фракіянъ очевидно съ его именемъ, при всѣхъ позднѣйшихъ наростахъ и объясненіяхъ историческихъ, связывались представленія еще вѣросознательныя, еще теогоническія и мифологическія, одними словами божескія. Отдѣлимъ наросты и посмотримъ на суть. Это существо высшее, безсмертное, ожидающее человѣка за гробомъ, съ благами и обителями, человѣку уготованными; съ нимъ соединена была въра въ безсмертіе или, иначе, воскресеніе послѣ здѣшней смерти, — послѣдній, высшій догматъ волкого вѣроученія; оно принимало отъ человѣка прошенія о нуждахъ, — конечно чтобы исполнить. Очевидно, оно заключало собою процессъ мифологіи и языческаго вѣросознанія, и этотъ заключительный моментъ, мы знаемъ, выражался Діонисомъ: слѣдовательно оно приравнивалось къ Діонису Греческому; хотя конечно на ступени болѣе суровой, на почвѣ болѣе необработанной, недостижной еще того завершения, какъ у Грековъ въ ихъ творчествѣ, философіи, исторіи и т. д. И дѣйствительно, богъ этотъ собираетъ къ себѣ старѣйшихъ всѣхъ народовъ, устраиваетъ имъ палату, угощаетъ, разсыпаетъ блага. Потому, совершенно неожиданно для Фракіянъ, онъ нисходитъ подъ землю, въ преисподнюю; люди рвутся по нему, скорбятъ: но, пребывая тамъ три года, онъ является снова, воскресаетъ къ полному торжеству и тѣмъ, какъ объясняетъ Геродотъ, утверждаетъ свое вѣроученіе, переводитъ въру, къ нему обращенную, въ несомнѣнное убѣжденіе Фракіянъ; съ тѣхъ поръ не только они слышатъ о безсмертіи, но и вѣруютъ въ него. Въра эта выражается обрядами: человѣкъ подготавливается смерти на *травѣ* копытъ, соответствующихъ годамъ скрытія бога въ преисподней, чтобы перейти къ нему и ходатайствовать объ оставшихся братьяхъ. Кто же не увидитъ здѣсь всѣхъ основныхъ чертъ вѣросознанія, сосредоточенныхъ главнымъ образомъ около языческаго Діониса? И Діонисъ, впрочемъ многопрофильный, и на ступени болѣе суровой, называемая у Грековъ обыкновенно Фракіійскими и; и ему, въ память его умиранія, приносились человѣческія жертвы на Критѣ, Хиосѣ, Лесбосѣ, Тенедосѣ, а тѣмъ болѣе отъ Тасоса и Фракійскаго побережья чрезъ Фессалію до Евбѣи и на Аттичскомъ берегу до Браурона (*ἔθυσαν δὲ τῷ ἱμαδίῳ Διονυσίου ἀνδρῶν διαπομπῆτες*, « приносили въ жертвы плотоядному

Діонісеу челоуѣка, разрывая на части,» Порфирій, Климентъ и др.). Умираніе и потомъ воскресеніе, тѣмъ чертами, какъ оно изложено у Геродота касательно Фракійскаго Саломона, видѣли мы и прежде точь въ точь касательно стараго бога, потомъ во всѣхъ видахъ нового, особенно въ Гераклѣ, который былъ и въ аду, и три дня во чревтѣ морскаго змѣя, насланнаго Посейдономъ, и потомъ вѣтшиимъ образомъ изъ кострѣ; а яснѣе всего мы видѣли это въ Діонисѣ, что выражалось и въ мѣстахъ его, и въ празднествахъ, и въ помянутыхъ тристеріяхъ, трехгодовникахъ, и въ мистеріяхъ (три Діониса). Въ другихъ мѣстахъ, болѣе многостороннихъ, это выражалось похищеніемъ лица или души въ адъ и освобожденіемъ оттуда, при чемъ дѣло происходило черезъ сѣчу, черезъ гробъ, или черезъ корабль, черезъ море, озеро, и т. п.; въ эпосѣ тѣ же похитители на корабляхъ, то же умираніе, потомъ освобожденіе: сравните спускъ нашего Ивана въ подземелье по Черноморскому эпосу, потомъ Семь Симеоновъ, наконецъ, и всего яснѣе, въ поэмѣ о Саломонѣ; то же самое въ началѣ исторій, объясненной для насъ тѣмъ же Геродотомъ, и т. д., и т. д. Этого замѣчательнѣйшаго мѣста у Геродота, этого эпизода изъ доисторической эпохи новыхъ Европейскихъ народовъ въ лицѣ Фракіянъ, конечно совмѣщавшихъ въ себѣ собирательно и праотцевъ Славянскихъ, и Нѣмецкихъ, и имъ подобныхъ, не могъ пройти безъ вниманія даровитѣйшій патриархъ современной Нѣмецкой филологіи Я. Грѣммицъ, въ своей превосходной «Нѣмецкой Мнѣологии.» Но, какъ Саломона и Мороза считъ онъ исключительной Нѣмецкой народною поэмой, такъ и здѣсь во всемъ нашелъ только Нѣмецкихъ праотцевъ: въ наказаніе за то не уяснилъ онъ, какъ должно, ни того; ни другаго; въ поэмѣ нашелъ лишь вѣтшию вставку имени Саломонова, а у Геродота не нашелъ, разумѣется, ни Саломона, ни нашего Велеса, а слѣдовательно, самъ лишивъ себя общенія съ другими народами, особенно Славянскими, лишилъ себя и Греческаго Діониса, и ключа къ правильному разумѣнію. Отъ того его сближеніе Гевелюкса съ «Gibalaiks,» «Gibuka,» «Gibalaieis,» «Willeis,» «Berteis,» «Wulfeis,» даже съ Литовскими «Gibajūja,» или односторонни, или не выдерживаютъ самой легкой критики; а сближеніе между выраженіями «искать Заломкса,» «стремиться за нить, посылать къ нему,» и тѣми же выраженіями объ Одисѣ, равно какъ съ «Freys-hügel,» хотя основательны, но слишкомъ узки и мелочны сравнительно съ дѣлными

объемом мифа в сказаніи. Впрочемъ по крайности Грэнитъ вѣдѣтъ съ нами убѣжденъ, что здѣсь гдѣ-то нѣтъ о мисахъ, о даймонѣ и богѣ, а не объ историческихъ лицахъ; даже невольное— таково принудительная сила ученой честности вопреки предзаданной темѣ — онъ подвелъ сюда в насъ Славянъ, на минутку, на чуточку. Показавъ прямой переходъ отъ Гетовъ къ Германамъ, выдѣливши ихъ въ черни Фракия и усвоивъ имъ, вѣдѣтъ съ тѣмъ называемымъ Залмоксемъ и его безсмертіемъ, Французъ степенно въпросознанія въ вѣчну и карманную собственность, онъ излагаетъ такъ свой взглядъ: « Jene ἀθανάτουζουτας (безсмертствующи) und ihren gott Zalmoxis oder Gebelzis. schildert uns Herodot schön und ausführlich; in Griechenland mochten darüber abweichende meldungen umgehen, daß Zalmoxis nicht für den blossen lehrling des Pythagoras gelten dürfe; vielmehr daemon und gott sei, durchschaute schon der geschichtschreiber, unbefangne werden die auffallende ähnlichkeit germanischer lehre und sitte nicht verkennen. an seines lebens ende, nachdem er drei jahre lang in einem unterirdischen haus verblieben war und von den Geten todtegeglaubt wurde, erschien Zalmoxis nochmals unter ihnen. das gemahnt an Freys hügel, worin der göttliche herscher nach seinem tode drei jahre hindurch aufbewahrt und dem volk als noch lebend dargestellt wurde, weil davon fruchtbarkeit und friede im ganzen land abhängen. sterbende liefs man zu Zalmoxis gehn, entsandte sie zu Zalmoxis oder Gebelzis; was könnte genauer übereinstreffen mit dem tiefwurzelnden deutschen und slavischen volksglauben, dem fara til Od'ias, leita Od'ia, hitta Od'ia, sockja Od'ia, sedar suokian, Swatopluka hledati? Swatoplak, held oder kōnig, fährt zurück auf einen göttlichen Swatowit, wie Zalmoxis auf den daemon (« Нѣм. Мис., » ч. I, стр. 187). » Для объясненія послѣднихъ словъ нужно сказать, что знаменитый владѣтель Моравіи Сватополакъ смертію положилъ конецъ славы и благоденствію роднаго края; отъ того популярное имя его связалось съ пословицей, выражающей и смерть, и конецъ дѣятельности, счастья, блага: « глядѣть » или « вскаты Сватополака, »— умереть, и концы въ воду, и поминки или звани, отошелъ къ отцамъ. Вы видите, что тутъ значеніе крайне внѣшнее и обиходное: то же, что « смотреть въ гробъ, » « отойти къ дѣдамъ, къ дѣдушкѣ, къ родителемъ, » или у Чехова же— « Giž na oven swět Medj, » « Gehni poňu w hrobě má, » и т. д., гадать жмъ на тотъ свѣтъ, одной ногой въ гробъ. Даже здѣсь есть зна-

СХЕМЫ

ченте совести протиположное. — исать, чего не веротамъ, добывають направо, даромъ битися или горевать, вообще о тщетъ и оуетности: Фракияне же въ своемъ богъ находили помощь, и шли къ нему за благами, и получали въ немъ не смерть и конецъ, а бессмертје и возрожденіе. Но, такъ какъ здѣсь все-таки замѣшано историческое имя, то допустимъ нѣкоторую основательность въ обличіи Гримма: любимый герой могъ отчасти повторять Славянамъ среди исторіи ихъ доисторическое вѣрованіе въ высокое божество избавителя, скрывавшееся на время въ пренеподобной. За то сказать, какъ говорить Гриммъ, что «Святополкъ, герой или король, обратне ведетъ къ божественному Святовиту, какъ Залменекъ къ дайкону,» — дѣло не легкое: Святовитъ первоистатейный богъ Славянъ Балтійскихъ; гдѣ же посредство между этимъ высочайшимъ существомъ и королемъ Моравскимъ? Чѣмъ Гриммъ наполнить или уяснить этотъ громадный промежутокъ? Развѣ онъ доказалъ, что подобное же выраженіе употреблялось Славянами о Святовитѣ? Или достаточно здѣсь одного *Селте-*, чтобы дѣло было свято? После такого скачка, свойственнаго уже не исторической, а доисторической наукѣ, и скачка у представителя филологовъ, всевозможные скачки, еслибы они у насъ попадались въ изслѣдованіи, ничтожная малость; великой безпристрастній согласенъ, что наши выводы, при всей ихъ скромности, нѣсколько послѣдовательны. Но Гриммъ вспомнилъ объ насъ и подвелъ насъ, какъ ребятъ, къ Фракиянамъ и Геродоту: и за то спасибо. Мы отплатимъ благодарностію, мы поможемъ наполнить пропалнутую здѣскую бездну, подадимъ черезъ нее руку, чтобы скачекъ не былъ смертеленъ: Святовитъ у Балтійскихъ Славянъ былъ крайнимъ выраженіемъ того же самаго, чгд у другихъ было известно подъ именемъ Волеса или Волоса, а этотъ послѣдній, мы видели, у нѣкоторыхъ Фракіянъ приравнивался загадочному Салмоксъ (о тождествѣ Святонита и Волеса подробно въ слѣдующемъ за нимъ изслѣданіи). Но этотъ выводъ, нужно помнить, получаемъ мы только и только вслѣдствіе нашего народнаго безпристрастія, вслѣдствіе полного уваженія къ народностямъ: пусть же, въ объѣмъ, знаменитый ученый нѣсколько несгущится своими Германями и Готами, удалять и нашу долю «бессмертствующихъ,» согласенъ, что его положеніе — «Фракіяне въ дѣломъ міроустройствѣ занимають пространство между Германями и Греками, служа посредствомъ для обѣихъ, а отсюда понятно, что опять между Германями и Фракія-

нами держать середину Геты (стр. 185), чтобы почтеннѣйшіе сосѣди, занявшица и дремлюща, потѣсившись между собою, допустили бы въ посредство и Славянъ, по крайности на равныхъ правахъ съ Германцами. Руководимые тѣмъ же народнымъ безпристрастіемъ, мы прибавимъ, что въ связи съ Фракійскимъ Саломономъ и Велесомъ, не объясненнымъ у Гримма, стоитъ какъ Славянская, такъ равно и Нѣмецкая поэма о Саломонѣ (и Морозѣ), отсюда же занимающая объясненіе и также тѣмъ Гриммомъ не объясненная. Благодаря безпристрастію, получается подкованіе и Гетамъ безсмертствующимъ въ Нѣмецкой Мифологіи, и Саломону въ Нѣмецкомъ народномъ творчествѣ. Да не оскорбится почтенный ученый, если когда либо ему подадутся на глаза эти строки.—Воротимся къ разсказу Геродота. После области божественной, въ которой стоялъ Саломонъ, историкъ указываетъ другую, въ которую тотъ переведенъ былъ позднѣйшими сказаніями, человеческую, и весьма тонко ее отличаетъ, даже этимъ выраженіемъ — «*ἄνθρωπος ἄνθρωπος*», «какъ человекъ:» какъ о богѣ — вотъ о немъ представленія, какъ о человекѣ—вотъ что разсказываютъ. Разсказы эти приписываетъ Геродотъ Грекамъ, жившимъ въ тѣхъ краяхъ; не можетъ статься, чтобы они, знакомые хорошо съ краемъ, выдумали съ воздуха; вѣроятно очеловѣченіе образа, введеніе его въ исторію началось у самихъ Фракіянъ, по мѣрѣ перехода ихъ самихъ изъ эпохи доисторической къ прочтѣйшему сложенію народа и къ опредѣленности въ исторіи вѣщей; не будь къ тому данныхъ у самихъ Фракіянъ, Греки скорѣе помогли бы имъ на оборотъ растолковать образъ божественный своимъ Діонисомъ и самъ Геродотъ не дремнулъ бы найти здѣсь Діониса, какъ находилъ онъ соответствующія Египетскія божества у всѣхъ знакомыхъ ему народовъ. Посмотримъ же, каково это челоѣкообразное существо. Во первыхъ, это рабъ, потерявшій родню, и, послѣ рабства, освобождающійся и возвращающійся съ огромнымъ богатствомъ, съ иными возрѣваніями и ученіями, съ новою жизнью, однимъ словомъ съ торжествомъ и дрессажіемъ для соотчичей: ясно, что это та же исторія, какъ съ рабомъ Ассирійско-Вавилонскимъ, съ рабомъ Мелкартомъ, рабомъ Геракломъ, рабомъ Діонисомъ, спасшимся отъ морскихъ разбойниковъ Тирреновъ-Финикійянъ, та же поэтика, что въ сужденіи Саломона подъ землю и новымъ появленіи, что въ умирашии бога и воскресеніи. Въ этомъ торжествующемъ видѣ онъ просвѣщаетъ со-

отличей, оказавшихся сравнительно съ ними плохи и глуховато развившимся, знакомить ихъ съ плодами развитія другихъ народовъ, именно Грековъ, притомъ Іонійскихъ, наиболее связанныхъ съ Востокомъ, собираетъ ихъ во едино, угощаетъ ихъ, учитъ, подобно Орфею несетъ на себѣ самомъ все славы и признаки Діонисовой догмы, Діонисовскаго мифа; онъ мудрецъ, онъ законодатель Фракіянъ (какъ его послѣ называли писатели), онъ глава врачевства (отъ него выводили рядъ врачей), наконецъ онъ строитель зданийъ, зданій творческихъ: однимъ словомъ, онъ тотъ же богъ, повелительный въ неботкѣ, во плоти, въ исторіи, и, съ другой стороны, совершенный Премудрый Саломонъ, разгадывающій главные загадки жизни для своего народа; любопытно между прочимъ замѣтить, что Саломоновскія зданія въ Іерусалимѣ, по изслѣдованію новѣйшихъ ученыхъ, все шло съ спуска въ подземелье (ср. Т о б л е р а, *Tourgraphie von Jerusalem*.)— Не время здѣсь изслѣдовать, какою же было мѣстное, собственное, древнѣйшее или этого бога у Фракіянъ, въ его высшей, божественной области.— Ведетъ отчасти на то указываетъ, хотя и не вполне совпадаетъ: вѣрно то, что изведение его до даймона, человека и истинной исторіи совпадаетъ со сближеніемъ ихъ съ другими народами, а вѣстѣ съ появленіемъ въ мифѣ имени и образа Саломона, съ закрѣпленіемъ имени сего послѣднѣго при основномъ божественномъ образѣ. Вѣстѣ съ тѣмъ распространяются между Греками сказанія объ этомъ Фракіянскомъ существѣ, сказанія, конечно, опять основанныя на мѣстныхъ: здѣсь зачатокъ и появленіе у Фракіянъ, а въ лицѣ ихъ у выдѣлявшихся послѣ Славянъ и Нѣмцевъ, поэмы съ именемъ Саломона. Что же принадлежало здѣсь Грекамъ, когда ихъ сказанія дошли до Геродота? Принадлежало конечно во первыхъ то, что они объединяли это дѣло вліяніемъ Еллевскимъ: и не мудрено, и согласно съ действительностью, ибо, сами прошедши тотъ же путь, они могли лучше другихъ высвѣтлить для Фракіянъ однородные зачатки, пребывавшіе у нихъ послѣднихъ въ болѣе суровомъ и грубомъ видѣ. Во вторыхъ принадлежало имъ Пеллагорова мѣня, вставленное ими во все черты этого дѣла: они не могли иначе и лучше уяснить его. Ими употреблена имя Пивагора (VI-й вѣкъ предъ Р. Х.). Мудрецъ, по преданіямъ, каковы бы они ни были, странствующій въ Малой Азіи, Египтѣ, Халдеѣ, даже до Индіи, приводившій въ родословную связь съ Тирренскими Пеласгами, а потому и съ Финнікіянами, мудрецъ-

законодатель съ обратившимъ характеромъ и существа, и ученія, смерти въручающій, чѣмъ просто учащій, « не богъ, не человекъ, а Пифагоръ », — какъ говорили о немъ, посвященный членъ разныхъ исторій, посетитель Эракии, допущенный тамъ въ орфическія мистеріи, съ проповѣдью загадочнаго молчанія, не принятый въ собственной Греціи и изгнанный изъ нея при стремленіи къ послѣдующему Сократисму, растерзанный здѣсь, какъ былъ растерзанъ Орфой Діонисовскими ибнадами, чтобы смертью стараго начала переродиться въ службу юному богу; онъ самъ сблизился съ Анкургомъ, Пондосомъ, Орфеомъ, этими Эракійскими образами, предшествовавшими Діонису и имъ покоренными, съ Эракійскимъ или Гиперборейскимъ Аполлономъ, старшемъ и суровѣйшею ступенью Дельфійскаго, съ самымъ Эракійскимъ Діонисомъ, на его переходъ къ свѣтлотѣ Еллинской. Ссылаемся здѣсь на исследование нашего ученаго, г. Каткова, употребившаго въ своихъ выраженіяхъ о Пифагорѣ, которыя привели мы («Очерки др. пер. Греч. филос.»): Съ другой стороны, сблизивъ Еллинизмъ съ Востокомъ, Пифагоръ отвѣчалъ той же ступени, которую проходили тамъ Діонисовскія начала и на которой стоялъ образъ Саломона. Путь имъ пройденный былъ тотъ же, какой мы видѣли уже въ разныхъ областяхъ на дорогѣ къ завершительной дѣли, выработанной познаннымъ Діонисомъ, познаннымъ Греціею и вообще исторіею. — И такъ, имъ Саломона, распространенное на Востокѣ, разумѣя предѣлы отъ Египта до Индіи, отъ Аравіи до Ассиріи и Вавилона, со срединною точкою Финикіи, соединилось здѣсь съ соответствующими образами мифологии и эпоса, приближавшимися къ Діонису; въ возмъ собственно-Діонисовскаго характера перешло оно тогда, когда созрѣли представленія о самомъ Діонисѣ, когда, вынесенной изъ Греціи высшей образъ сего послѣдняго прошелъ изъ Греціи по тѣмъ же самымъ историческимъ странамъ въ побѣдномъ шествіи, встрѣчая себя оттуда на встрѣчу образы соответствовавшіе и высшіе ученія. Въ это же время имъ Саломона, въ связи съ такими же сказаніями, переходя изло по малу и въ поэмы, окрашивалось постепенно Еллинскимъ вліяніемъ, появляется во Эракии, у протѣвъ послѣдующимъ Славянамъ и Нѣмцамъ, на Черномъ морѣ и за тѣмъ по Дунаю. Затѣмъ имъ и эпосъ связуются уже и съ другими областями, философіею Пифагора, исторіею Геродота. Последній, изъ срединной ему точки Еллинскаго, даетъ историческія объ-

естественно всему этому делу какъ съ стороны Египта, Ассирин-Вавилона, крайней точки Инди, посредства Финикии, такъ и съ другой стороны — Греции Востока, этой своего рода Азии на почвѣ Европейской, другими словами, этой переходной къ Еллинистическому ступени, сходной относительно его съ Востокомъ и Азією; частію по суровости и грубости, вынесенной изъ старинны, частію еще по юности, вышедшей не такъ давно изъ общей колыбели Европейскихъ народовъ. Наконецъ все это заключается послѣднимъ вниманіемъ и вводитъ уже историческимъ единствомъ, какое въ тѣхъ же образахъ, тѣхъ краяхъ и путяхъ, привелъ съ собою образъ Великаго Александра. Тогда-то, съ этой послѣднею окраской, соединившемъ равно и Діониса, и Мелкарта, и Геракла, и Саломона, и Александра, въ одно время съ движеніемъ самихъ народовъ отъ Чернаго моря и Дуная къ Северу, пошли съ этими народами поэмы о Саломонѣ, поэмы народные, Славянскія и Нѣмецкія, или, лучше, въ двухъ главныхъ редакціяхъ ихъ, Славянской и Нѣмецкой. За народными творчествомъ потянулись подлѣ и рукописи, во множествѣ, съ многообразными раздѣвленіями, или заносившія въ себя творчество устное, или съ цѣпями уже сочиненій Византійскихъ и Римскихъ, Югославянскихъ (разумѣя Славянъ, вторично пришедшихъ, возвратившихся на Югъ) и Итальянскихъ. Народныя сказанія находили себѣ подтвержденіе и подновленіе въ рукописяхъ, встрѣчались съ ними какъ видковыми, только замисанными или подраженными величавости добавокъ; рукописи, сообщая эти добавки, будь то Византійскія или Римскія, Югославянскія или Итальянскія, пополнялись на Северѣ еще болѣе, ибо рука писавшаго Нѣмца и Русскаго не могла утерять, чтобы не подниматься звуку, отзывавшемуся въ ухѣ, слову, приученному къ пѣсни, въ тѣхъ вліяніяхъ устнаго творчества, независимо отъ рукописей, хотя и въ связи съ ними, развѣвавшаяся на Северѣ среди самообытной жизни Нѣмецкой и Русской. Раздѣлять ту и другую область необходимо, ибо неважно же народныя преданія объяснять выпискою изъ позднѣйшихъ рукописей, или рукописей, прошедшую совсѣмъ иной путь, поправлять преданіемъ народнымъ, независимо отъ ней жившимъ. Но съ другой стороны весьма глубоко ошибаются в тѣ, кои не видятъ внутренней связи между этими областями, рукописи отдають одному архиву, народную поэму одному устному слову. — Прибавимъ, что имя и лице Саломона не единственное; желавшее подобную участь въ поэмахъ

устнаго въ рукописныхъ : еще прежде его Іосифъ приобрѣлъ на Востоку, а затѣмъ и въ Греціи, не меньшую популярность, — вспомните исторію Діониса и морскихъ разбойниковъ, хотѣвшихъ продать его; Самсонъ то и дѣло сближалъ съ Мелкартомъ и Геракломъ. Какъ облегающіе народы подхватывали изъ Палестины историческія имена и событія, окрашивая ихъ цѣтами своего вѣросознанія или доисторическаго представленія, такъ на оборотъ и сами Европ., по свидѣтельству даже Библии, ежеминутно поддавались соблазну движенія окрестныхъ народовъ по сужденнымъ для нихъ ступенямъ историческаго процесса. Посредниками для перевода всѣхъ этихъ именъ, лицъ, образовъ и событій въ древнюю Европу, были главнымъ образомъ Финніи и потомъ Греки; въ новую — Славяне и Нѣмцы. Іосифъ явится въ нашемъ народномъ творчествѣ не только по Стихамъ, но и въ Быльяхъ, гдѣ, какъ «Осипъ Красивый» или «Прекрасный», стоитъ типическимъ образомъ, рядомъ съ Святгоромъ, Кудрявицею, Кіевскими богатырями и т. п.; Потыкъ повторяетъ его собою, особенно въ «Сорока Калинахъ со Калкомъ.» Самсонъ явится и въ Стихахъ, на примѣръ объ Іосифѣ («Кал. Пер.» вып. 1), гдѣ Іанко обвиняетъ столбъ, изъ столба выступаетъ сокъ; въ Быльяхъ это — «Самсонъ» Старшій богатырь, съ семью власами ангельскими на голвахъ. Саломонъ съ женою, кромѣ самостоятельныхъ былинъ и рукописныхъ сказаній, перешли и въ ниши Стиха, особенно въ Голубиную Книгу и Стихи объ Егорѣ, а также въ творчество Кіевское, въ быльи Владиміровы; Сказки занимаютъ среднее мѣсто, то давая намъ отрывки Черноморскаго и Придунайскаго эпоса, одного изъ ихъ происхожденіемъ поэмъ о Саломонѣ, то переводя дѣ собою и раздробляя Кіевскія быльи. Во всемъ этомъ убѣдимся мы ниже.

Но, еще не конецъ: былъ еще слой въ вознѣхъ о Саломонѣ. Слои сей въ основѣ и существенныхъ чертахъ своихъ есть Ассирійско-Вавилонскій. По извѣстному ходу историческихъ событій, онъ дѣлается въ своемъ развитіи достояніемъ Персіи, а черезъ нее, особенно послѣ эпохи Александра Великаго, переходитъ и въ Грецію; съ другой стороны, по участію династій Аравійской въ Ассирію, весьма рано онъ дѣлается роднымъ у Аравитанъ, переходитъ въ ихъ сѣзанія, послѣ же Р. Х., въ средніе вѣка, при господствѣ Аравитянъ на Востокъ и съ переходомъ ихъ самихъ, и образованія ихъ, и сочинаній въ Европу, усваивается сею послѣднею. И тѣмъ, и другимъ путемъ шло народное устное творчество: оно перешло и въ

цанъ, въ Быльми и Стихи, какъ убѣдился ниже. Рукописи эти цѣнно обогатили путемъ: въ Греціи онѣ передѣлывали восточныя сказанія на свой ладъ, съ соответственными греческими образами, цѣликомъ же приняли восточныя имена и образы уже позднѣе, въ эпоху Византийскую; у Арабовъ вошли онѣ въ извѣстныя сказки ихъ «Тысяча и одна нощь». Рукописи наши, не чуждыя родства и съ Юго-славянскими, по уцѣлѣвшимъ многимъ образцамъ, восходятъ къ XIV—XV вѣку (болѣе раннія вѣроятно потеряны): въ нихъ хотя и есть явнія слѣды заимствованій изъ Греціи, именно Византийской, и даже перевода, но такихъ прямо соответствующихъ рукописей, съ которыхъ былъ сдѣланъ нашъ переводъ, пока не найдено; съ другой стороны, если наши рукописи и близки къ Арабскимъ сказкамъ, то не въ позднѣйшей редакціи сихъ послѣднихъ, наиболѣе извѣстной въ Европѣ, а въ древнѣйшей, также еще не приведенной въ точную опредѣленность. Короче, наши рукописи связуются и съ Греческими, и съ Арабскими письменными источниками, но не вполне, представляя особенности редакціи; главною причиною тому конечно вліяніе на нихъ творческаго народнаго устнаго, которое связывалось съ преданіями, общими всему Востоку и Греціи, имѣло конечно мѣсто уже въ Черноморскомъ или Придунайскомъ эпосѣ и отсюда принесено въ наши края вмѣстѣ съ переселеніемъ Русскихъ Славянъ. Рукописи наши подновлялись этимъ устнымъ творчествомъ, заноса въ себя его черты, и, обратно, поддѣрживали собою ходившія устныя преданія. Такимъ образомъ въ результатъ и здѣсь поэма совершенно усвоена нами и приобрѣла у насъ самобытную народную востановку (объ источникахъ древнихъ, иностранныхъ и нашихъ письменныхъ памятникахъ, ср. поминутый «Отверкъ» г. Пыпина, а изданіе памятникъ нашего, по двумъ образцамъ, въ «Пам. стар. Р. лит.» вып. 2). — Мы уже упоминали выше, что некогда Ассирійскіе герои въ народныхъ сказаніяхъ связались съ повѣстью греческаго Діониса, когда она выработалась въ Греціи съ болѣе обширнымъ и общимъ характеромъ, связавшись съ собою и зачатки Востока, и завершенію Греціи. Это было уже не столько мѣсто, сколько эпосъ и начало исторіи, въ которомъ выражены типы разныхъ народовъ и ихъ вѣтвляющіяся, международныя отношенія. Мы можемъ отчасти прослѣдить, когда эта пора началась для Ассиріи: именно, это должна быть эпоха, когда Ассирія вступила въ столкновеніе съ Египтомъ, Аравією и Палестиною, а также Финнією, этими странами и народами, основавшими основу того твор-

чества, которое мы найдемъ въ нашей статьѣ! Видеть что-должна
 быть эпоха славы и могущества, но при переломѣ, при перерожденіи
 въ новый порядокъ вещей, ибо въ области творчества, о коей идетъ
 дѣло, мы уже видѣли главныхъ героевъ Саломона, Александра, даже
 отчасти Святослава Моравскаго, сближеннаго Гриммомъ, героевъ,
 достигавшихъ высшей точки могущества и славы своего народа, но
 видѣвъ правдившихъ и къ паденію стараго порядка вещей, къ тор-
 жеству началъ новыхъ, небывалыхъ, къ перелому и перерожденію
 народа; въ мифахъ греческихъ этому отвѣчали труды Геракла, кон-
 чавшіеся его торжествомъ, но видѣвъ и смертію, и только что вы-
 ходившію на сцену Діониса, или подвиги сего послѣдняго со стороны
 борьбы и раздвоенія, со стороны этихъ скеловъ въ пренебреженію, въ
 смерти, ирталъ возрожденій и воскресеній. Еще болѣе такой харак-
 теръ долженъ былъ явиться въ сказаніяхъ Востока, гдѣ народы ер-
 нѣ государствами, носившими въ себѣ самихъ и свѣдѣна могущества,
 и націонъ, то поднимались, то снова сокрушались, уходя глубоко
 своими корнями въ стихійную доисторическую эпоху и не имѣя
 основъ прочной положительной исторіи. Въ самомъ вѣросознаніи ихъ,
 въ самой мифологіи, то торжествуетъ начало старое, то новое, то
 злобно первое, то второе. Одну изъ такихъ минутъ перелома должно
 было взять себѣ и творчество Ассирійское, чтобы къ народнымъ го-
 роухъ и quasi-исторической повѣсти вырастить намъ повѣсть своего
 вѣросознанія. Такова была мифою для нихъ эпоха въ половинѣ VIII
 вѣка предъ Р. Х. Они завоевали Сирію, покорили Финикійское при-
 бережье до границъ Египта, отвели въ плѣнъ Израильтянъ; съ захва-
 ченіемъ, С е н д х и р и в ѣ, С а н к е р и в ѣ, С е н а х е р и м ѣ. (они
 его подверглись множеству женженій въ самой уже древности) устре-
 мился на самый Египетъ, но былъ отраженъ; Евреи соединились
 съ Египтянами; Іерусалимъ осажденъ, но внезапная кара поразила
 почти все войско царя и онъ вернулся въ Ниневію. Этотъ ударъ
 приготовилъ вскорѣ рѣшительное паденіе и вызвалъ потомъ на помощь
 Мидянъ, а за ними и Парсовъ. Лице Сенахериба, обетавленное та-
 кими образами высшей славы, и притомъ для народа послѣдней, за-
 ключительной, перенесено главнымъ героемъ и въ эпоху. Здѣсь врагомъ
 его явился царь Египетскій: взаимная борьба ихъ сдѣлалась предзна-
 томъ войны, какъ борьба двухъ народовъ, двухъ боговъ, двухъ на-
 чалъ, съ третьимъ посредникомъ, совершенно въ томъ видѣ, какой
 уже знаемъ намъ. Разумается, при средствахъ всѣхъ основныхъ ме-

тивовъ, здѣсь должна выступить и образъ Саломона: онъ, какъ говорили мы, конечно извѣстенъ былъ Ассиріи и вродѣ, какъ вѣститель былъ всему Востоку; но столкновеніе съ Іерусалимомъ давало еще такъ сказать вѣтшую плоть, историческій поводъ къ сюжету. Потому поэма о Сенахерибѣ есть почти перелицовка поэмы о Саломонѣ, въ взаимной ихъ зависимости, не по подражанію, а по внутреннему родству и общенію началъ, мифовъ, эпическихъ сказаній, чертъ восточной исторіи. Мы убѣдились въ этомъ не только послѣдующимъ изложеніемъ, но убѣждаемся даже историческими данными и доказательствами: Іосифъ Флавій и Вальгельмъ Тирскій передаютъ поэму о Саломонѣ точно такъ, какъ мы знаемъ ее о Сенахерибѣ, при чемъ оба эти лида являются одинаковы между собою, а соперникомъ Саломона выставленъ Хирамъ царь Тирскій, въ томъ же положеніи, какъ у Сенахериба царь Египетскій; они вѣруютъ посредствомъ трудныхъ задачъ или загадокъ, пересылаемыхъ отъ одного къ другому; разсмѣется, съ точки зрѣнія Еврейской побѣждаетъ Саломонъ. Вспомните при этомъ все, что мы говорили объ его отношеніяхъ къ Хираму и Финикіи, о значеніи Финикіи въ дѣлѣ насъ занимающемъ, объ ея Мелкартъ и потомъ Гераклѣ, о доисторическомъ ходѣ вѣросознанія, заключающемся въ Діонисѣ, перешедшемъ въ мифы, въ эпосъ, въ древнюю исторію. И такъ изложимъ же эту поэму, въ томъ видѣ, какъ она является у насъ по рукописямъ (Румянц. Муз. № 303 и Погодинск. № 1772, ср. «Пам. стар. Р. лѣт.», вып. 2 и изслѣдованіе г. Пышина). Нельзя съ перваго взгляда не замѣтить въ ней любопытнаго двѣйства: въ одну поэму вставлена другая и изъ двухъ, совершенноно впрочемъ одинаковыхъ по значенію, составлена одна. Самый вѣтшій слогъ, ближайшій къ исторіи и выражающій отношенія международныя, представляетъ Сенахериба въ борьбѣ съ царемъ Египетскимъ; промежду нихъ дѣйствуетъ съ каждой стороны посредникъ, въ сущности одинаковый одинъ съ другимъ по характеру; являясь ко врагу отъ лица своего царя, онъ заставляетъ хитрымъ загадки, отгадывать же нѣтъ, потому прятается и насмѣетъ. Но разсказъ Ассирійскій, сознаніе, какъ третье, становится на сторонѣ Ассирійской, и потому съ этой точки зрѣнія злое и вражное начало представляетъ собою Египетъ; посолъ его злобитъ и врачитъ, а потому подъ конецъ терпитъ неудачу; посолъ же Ассиріи, ея посредникъ, Премудрый, ловкій и хитрый, а потому онъ окончательно разгадываетъ загадки и тѣмъ побѣждаетъ царя Египетскаго, царь же Ассирійскій торжественно

ствуетъ, спасается отъ бѣды, возрождается—выбѣтъ съ народомъ—къ новой, славнои и свѣтлой жизни. — Посреди этого слоя движется въ поэмѣ другой, болѣе внутренній: въ нѣкоторыхъ рукописяхъ рассказываетъ содержаніе поэмы отъ своего лица самъ Премудрый советникъ или посредникъ царя Ассирійскаго, Акуръ (или Акиръ: греческое φ, кратное у, всегда у насъ въ старину такъ и передавалось, напр. «куръ» вм. «киръ», «хуφ», «господиный», и т. п.); онъ является излагателемъ дѣла, да и въ самой поээмѣ постоянно выступаетъ Ассирійскимъ вѣручителемъ или наставникомъ. А мы замѣтали уже всѣмъ известное явленіе, что мнѣ, или сказателю, или учителю, излагаемые кѣмъ либо или ясные выражаемые, въ древности обыкновенно переносились на самое это лицо, на его собственную исторію или біографію; и на оборотъ, лице, своею жизнію выражающее известный догматъ, конечно представляется всего ближе производникомъ его. Самъ Сенахерибъ, какъ выразитель судьбы и началъ своего народа, обязанъ былъ отчасти этому же поводу, когда описаны главныя героическія народнои поэмы. Тѣмъ скорѣе это сталося съ Ануромъ или Акиромъ: рассказанная въ той же поээмѣ его собственная судьба есть не только повтореніе Сенахерибовой, но выбѣтъ и уясненіе, ибо она не столько держится внѣшнихъ и международныхъ отношеній, сколько уже сосредоточивается вокругъ одного лица; здѣсь внутренняя основа, мнѣ, выражающій собою событіе вѣрознанія, совершенно осязательны. Акуръ точь въ точь старый божъ, терпящій отъ втораго, юнаго; Ассиріине, какъ народъ Востока, держались стараго еще болѣе, а потому, когда онъ являлся у нихъ страдающимъ, склонялись на его страданія, болѣе сочувствовали ему; чѣмъ юному: онъ и побѣждаетъ въ концѣ, юный же погибаетъ. Исторія ихъ борьбы—точь въ точь известная намъ по предложеннымъ выше мнѣмъ и сказаніямъ: старикъ не имѣетъ дѣтей, горюетъ о томъ; усыновляетъ одного юношу, а тотъ завладѣваетъ его женою и честию, сбодяетъ его въ подземелье, въ тюрьму, но, послѣ обличеній, гибнетъ; старикъ же является въ обновленномъ торжествѣ.—Читатели сами замѣтятъ сей часъ эти двѣ струи разсказа; одну болѣе внѣшнюю, героическую и даже историческую, другую болѣе внутреннюю, ближайшую къ мнѣмъ. — Сенахерибъ, имя котораго, какъ мы говорили, и въ древности подверглось многимъ измѣненіямъ, въ Арабскихъ сказкахъ носитъ имя Сикларибъ и Асуръ, т. е. потомокъ мифологическаго Асура, отъ котораго и пошли Асуры или

Ассирияно. Отъ передѣлать по имени ружонисать въ Синаврѣ въ Гвнелгмаста или Синографъ: это конечно дѣло еще Греческ; potere у насъ «царь Асуръ» переводить въ «Царь Адоровъ» Авдорскій, Авдорфскій, Авдорскій, Адворскій (=не+взорскій); синовецъ даже просто въ Озирской. Вмѣсто «царь Нивейскія страны» передѣлывается: «и Навейскія страны («Царь Адоровъ и Навейской страны») разумѣется это осмыслили уже отъ «наливать»);» потомъ «Алевитской», «Алевиткой», «градъ Алевитъ», и т. п.: въ послѣдней случай явно прививается слово «Аравитскій», и не напрасно, ибо и въ арабскихъ сказкахъ Сенахерибъ представлялся также царемъ Аравіи.—Такъ какъ Персы—или лучше Мидяне—въ эпоху Сенахериба только что выступили, то Персидскій царь является ему также врагомъ, но еще незначительнымъ, въ скользъ; имя его Адаонъ или Андисъ, напоминающее греческаго Агиса, какъ Синаврѣ или Аргиппу. Главный врагъ Ассирскаго царя—царь Египетскій, Фараонъ. Доносится въ Египетъ вѣсть, что Сенахерибъ погубилъ Премудраго Амура (объ этомъ раскажемъ ниже): Амуръ играетъ здѣсь одинакую роль со старымъ богомъ; Фараонъ рѣшило напередъ беретъ именно его погубить; представляется, что вѣстивши Амуру, Сенахерибъ сталъ безпомощенъ: «тогда слышавъ царь Египетскій Фараонъ, что Акиръ погубленъ бысть, и нача глаголати посланикомъ своимъ: «и кто мужъ бысть, именемъ Акиръ Премудры въ землѣ Аливитотѣ у царя Синографа, а нынѣ Акиръ погубленъ бысть: умъ наше время данъ своя многаялѣтняя (данъ многолѣтнюю, за многіе годы) имати у царя Синографа.»» Тогда царь посылаетъ «грознаго посла,» Елатгу или Елатгу (любопытно, что его имя въ Арабскихъ сказкахъ), «съ мудрыми загадками» и многолетномъ провожатыхъ въ золотыхъ поясахъ и доспѣхахъ, въ сѣтвыхъ ризахъ. Канъ водится, не дошедши до «града Алевита», въ Ниневіи, посолъ расположился ставомъ, «и нача нѣти и вѣти саморучно, и нача вѣ себѣ слово имати на ложнице отелескіа; ащери;» или: «и повелѣ у гражданъ саморучно ясти, а жены и вдовы повелѣ имати и приводити на постели своя.» Такия дѣяствія посредника видѣли мы и выше, отъ утѣшаетъ врага, грозить, покищаетъ женъ и дочерей. Явившись къ Сенахерибу, посолъ объявляетъ, чтобы онъ волю царя Египетскаго сотворилъ, а гадки его отгадалъ, а если не отгадаетъ, то велитъ землю его плѣнить, а самого

его злой смерти предать и весь град Алевить подъ Египеть взять. Любопытно, что здѣсь Египетскій царь называется восточною: «Восточнымъ», а Ассирійскій «Западнымъ»: это точка зрѣнія на антиподовъ, въ томъ смыслѣ, какъ объясняли мы выше, и притомъ, какъ кажется, европейская, когда Европа взяла сторону Сенахериба, его усвоила себѣ, а противоположила себѣ Востокъ, т. е. всю Азію и страну Вѣиоповъ, Муровъ-Мавровъ, Арабовъ и т. д. Сенахерибъ ищетъ и вызываетъ желающихъ побороться съ врагомъ загадкамъ, но, послѣ Акура, нѣтъ такихъ; сгубившій его юноша слишкомъ неопытенъ и, какъ юный богъ при первомъ его появленіи, не въ силахъ еще разгадать вѣщавшихся загадокъ. Здѣсь-то снова возстаетъ и является на главную сцену Акуръ. Не сомнѣваемся, что имя его, Акуръ или Акиръ, во гречески *Ακυρος* или *Ακυρ*, есть собственно дальнѣйшая и преимущественно греческая передѣлка (еще дальнѣйшая передѣлка Гейкаръ): основа же Асуръ, познать Адоръ, и т. д. Стыновасъ въ переходѣ между Ассирією и Мидією, Персією, когда и образовалось сказаніе, имя это, нужно полагать, то же, что имя знаменитато бога, Агуръ (*Akura*), съ прозвищемъ Мадда—«Агуръ Вѣщій», «Агуръ Премудрый», въ санскритскомъ Асуръ. Этому осязаемому представленію, богу и ивоу, въ эпосѣ отвѣтъ Акуръ или Акиръ, съ постояннымъ прозвищемъ Премудрый. Борьба его съ названнымъ сыномъ, потомъ за Ассирію съ Египтомъ, есть конечно борьба Агуры-мады (Ормузда, Оримазда) съ вѣчнымъ врагомъ его, Аиро-маньемъ (Аримазиемъ), духомъ зла и мрака. Какъ лицо человѣческое, Акуръ есть мудрецъ, излагатель мифа и ученія Агуры, то же лицо, которое мы знаемъ въ Заратустрѣ (Зороастрѣ): вспомнимъ, что по древнѣйшей редакціи рукописей онъ отъ своего лица передаетъ рассказъ о борьбѣ. Продолжаемъ. Акуръ, вельможа и мудрецъ при царѣ, именуется постоянно «Совѣтникъ», «Книжчій» или «Княжчій» (книжникъ, имѣющій дѣло съ письмомъ и несомнѣнною, княгами) и еще чаще «Премудрый»: послѣднимъ прозвищемъ онъ всего болѣе совпадаетъ съ Саломономъ. Представляется онъ глубоководнымъ старикомъ; имя жены его—*Θεοδουλία* или *Θεοδουλα* есть конечно позднѣйшая работа греческая и значить «раба божія», «служительница богу» (ср. выше «Евсевію», «жену благочестивую» при Егоръ и Теодоръ въ нашихъ Стихахъ и соответствующую «Софію», «Премудрость»). Дѣтей у него нѣтъ: молится онъ Богу и получаетъ повѣстіе усыновить племянника, Надапа, Анадапа, Агалъна, Аниа-

д-ля и т. п., — имя испорченное по рукописямъ: настоящей формы мы его не знаемъ, а кажется, что это или знаменитый Адоній (см. выше), или Анайя, Нанайя, Танайя, Нейтъ, и т. п., божество Востока, колеблющееся между мужескимъ и женственнымъ, какъ богиня обыкновенно пьющее при себѣ юнаго бога или просто юношу, въ разныхъ къ нему отношеніяхъ, какъ мать, сестра, любовница (ср. выше выше ея отношенія къ незрѣлому юному богу, особенно Адонію; какъ сестра отвѣчаетъ она греческой Артемидѣ). Какъ бы то ни было, Акуръ учитъ названнаго сына грамотѣ разнымъ языкамъ, звѣздочетову, всякой премудрости и разгадкѣ звѣздъ. Здѣсь обыкновенно въ сказаніяхъ вставляется изложеніе поученій, съ воззваніемъ « сыне, » « сыну » или « чадо. » Конечно при развитіи рукописей сюда вошли и Премудрость Соломонова, и Притчи его, и уроки Сираха или сына Сирахова, Сираховича (весьма близкаго къ Акуру или Акуру, Акуру), потомъ извлеченія изъ Пчелы, а въ русской редакціи изъ всевозможныхъ памятникъ и даже изъ пословицъ. Кромѣ этихъ данныхъ, важнаю вносящее изъ нихъ послѣдствіе: Акуръ сопоставлялся съ древѣйшими законодателями, вѣроучителями, мудрецами, Премудрымъ Соломономъ. Потому нельзя не видѣть сходства его съ самимъ Заратустрою (Зороастромъ), съ которымъ, какъ усыновленнымъ любимцемъ, Акура обыкновенно бесѣдуетъ, велитъ себя спрашивать обо всемъ, что для мудреца не такъ ясно, относительно обязанности людей между собою и къ божеству, разрѣшаетъ его вопросы и т. д. (см. памятники Зенды; превосходное изслѣдованіе объ нихъ, съ издаемъ статей Зенлавесты, сдѣлано нашимъ ученымъ К. А. Коссовичемъ, С. П. Б., 1861 г.; тамъ и сравнительное значеніе Акуры и его отношенія къ вѣроучителю). Въ греческой землѣ мы встрѣчаемъ несѣ совершенно сходныя гномы, т. е. краткія правоученія, у: Метарскаго Теогида (близко сходныя и съ Сираховыми): начинаются они обыкновенно словомъ *Κυρῆ*, то же по смыслу, что « сыне » или « чадо; » этотъ Кирносъ, въ мифологіи сынъ Геракла, предполагаемый любимецъ Теогида, доселѣ впрочемъ удовлетворительно не объясненный филологами, по нашему мнѣнію выродился въ того же А-кура или А-кура.— Воспитавши такимъ образомъ, Акуръ передаетъ въ услуженіе или поручилъ усыновленнаго любимца своего царю: но воспитанникъ, погорячая извѣстную мать исторію юнаго бога, погубилъ старика. Не

мѣсто здѣсь разбирать, какими средствами, только онъ оклеветалъ названнаго отца предъ Сенахерибошъ (между прочимъ выставивши отъ лица Акура войска, какъ будто противъ царя), и этотъ повелѣлъ мудреца казнить. Смерть готова, мудрецъ, выразившій старца бога, готовъ сойти въ могилу. Любопытно, что юноша усильно упрашиваетъ колебавшагося царя умертвить Премудраго Акура, такъ точно, какъ Саламанія наставляетъ, чтобы погубилъ Саломона (ср. ниже): «хочу отца своего Акиря Премудраго предъ тобою поставить, но предай его злой смерти;» «а язъ тебѣ, царю, хощу вѣрною служить, а отца своего Акиря хощу предъ тобою поставить, а ты не моги его жива пустить;» «не моги Акиря жива пустить, но предай злой смерти,» и т. п. Здѣсь между старцемъ и юношей является посредникъ, таковой же, каковыиъ былъ самъ Акуръ между Финнеію и Египтомъ: имя его въ сказкахъ Арабскихъ *Абу-Сомейка*, потому *Авимакамъ*, у насъ *Анвугилъ*, *Анбаугилъ* и т. п. Это конюшій царя, рабъ, черноработчій, со всѣми известными намъ признаками посредника, то же, что Дядьки-помощники нашего Ивана Чернавка, спасающая нашихъ героевъ изъ погреба или темницы, и т. д. Онъ рѣшается спасти Акура и скрываетъ его въ потаенной комнатѣ дворца: сравните выше Саломона у Фракіянъ. Или епископъ татовъ: «Акирь же вѣча молитися Анбугилъ:...—Есть у меня дванадцать мужей, сидятъ въ темницѣ, а единъ мужъ именемъ Сутимъ, а подобенъ моему образу, а повиненъ смерти, уже хошетъ смерти акъ пьязъ; и ты, Анбугиле, изведи мужа сего Сутира изъ темницы и предай его смерти, а меня въ Сутирова мѣсто посади въ темницу.—» Или: «—Есть у меня 12 мужей въ темницѣ, и тутъ единъ мужъ именемъ Сутаръ, подобенъ моему зраку и повиненъ моеи смерти, и самъ онъ уже хошетъ умереть, что (чѣмъ) пьяной спати; и ты, господине Анбугале, изведи Сутира изъ темницы и предай смерти, а меня посади въ темницу въ Сутирова мѣсто.»—Такъ рабъ и сдѣлалъ: «изведи Сутира изъ темницы; а Акиря по колѣви оковавъ, посади въ темницу въ Сутирова мѣсто; во утро же день изведи изъ града Сутира, и отсѣче главу его и поверже на сѣтнице, а тѣло его поверже мсомъ на сѣтнице.» Или: «вскорѣ Акиря Премудраго посади въ темницу въ Сутирова мѣсто, и окова его по колѣви въ желѣзѣ.. Анбугилъ же утрое взявъ Сутира изъ темницы, и изведи вонъ изъ града на позорище, и отсѣче ему главу предъ всѣми людьми, и поверже тѣло его мсомъ и птицамъ на разтерзаніе.» Послѣ того правослашена въ

городъ гибель Акура, всѣ горевали. Сравните упомянутое выше дѣло Саракла, когда онъ спасъ Промееса; подставивъ въ мѣсто его полу-живаго Кантавра Хирона, передъ тѣмъ напившагося изъ сосуда Діонисова; и въ битвѣ Кантавровъ подстрѣленного; еще, кажется, явнѣе соответствующее по быльцамъ Киевскимъ освобожденіе изъ погребѣ Нелька, лежащаго тамъ въвѣзмъ отъ «питься забудущаго» и злѣбною мерзлымъ и мертвымъ Татаринѣмъ. — Коварный юноша получилъ отъ царя все, принадлежавшее Акуру: любовь, довѣренность, богатство, палаты и т. п. «Акирь же Премудрый три лѣта ефлаше въ темницѣ въ тяжкѣхъ желѣзахъ;» «Акирю Премудрому три годѣ исполншаея въ темницѣ:» роковов, извѣстное намъ, число три года или дня, для пребыванія скрывавшагося стараго бога, или юнаго нововѣстнаго и въ роли стараго (см. выше). Но вотъ подступилъ посолъ царя Египетскаго, о которомъ говорили мы выше: не имѣя отгадчиковъ, разочаровавшись въ мудрости юнаго любимца, Сенахерибъ сходитъ съ престола, снижаетъ царскій вѣнецъ и бросаетъ въ нисозъ, «трепетень бысть и ужасень,» рветъ бороду и громко плачетъ; — его положеніе то же, что зарытаго Акура. Время Акуру воспроснуть, чтобы воеранить врага и послужить побѣдоноснымъ посредникомъ. Анбугиль восклицаетъ, пришедши къ старику: «Время про тебя сказать!» Рабъ доложилъ царю о своемъ половѣтѣ, тотъ, разувѣется, радехоненъ: «Царь же Синограетъ отъ радости великія возитъ стѣляницу съ виномъ и чару (извѣстное намъ попредство), и скоро тече къ темницѣ, и обрѣте Акиря, и радъ бысть царь. Акирь же по колѣви окованъ и желѣзы окованъ, а власы главы его до земли, а брада его до пояса.» Приникнувъ къ узнику, царь объявилъ себя виноватымъ и спросилъ: «Можешь ли, Акире, грозному послу Елтегъ словесенъ отвѣтъ дать и загадки его отгадать?» Акуръ обнаджилъ, что можетъ, выведенъ изъ подземелья и, какъ возрожденный къ новой жизни, «поше въ домъ свой, въ полаты, и наиде въ дому своемъ 6 строкѣвъ, и нача Акирь въ баняхъ паритися, и мазью мацатися, и бѣтву сахарную, и разныя питься и бѣтвы нача пити и бѣти, и ввеселитися, и пребыть въ дому своемъ 6 мѣсяцовъ, и готовъ бысть на царскую службу.» Или: «Царь же омышавъ, вскочи съ престола своего радостенъ зело, и воземъ стѣляницу вина полаву, и потече самъ вскорѣ къ темницѣ, и бѣже Акирь свидѣть, и обрѣте Акиря едва жива въ темницѣ. Царь же Синограетъ поплониса Акирю до земли; Акирь же Премудрый сидѣть по колѣ-

ни окованъ въ желѣзахъ, власы его до земли, а брада его до колесъ, а очи его какъ пчелы безъ крылъ.» Опять вопросъ, можетъ ли рѣшъ отгадать послу загадки, отвѣтъ Акура и его освобожденіе: «и пришедши въ домъ свой, и обрѣте въ дому своемъ тошко 6 пошатъ праслытъ; и нача Акирь Премудрый въ баняхъ паритися по чьесту, и стагы имати мази и мазатися, и ѣству сахарную ясти, и пити питья. заеферскія, и меды сладкія, и ѣсты сахарныя. И пребысть Акирь въ дому своемъ 5 мѣсяць, и готовъ бысть на царскую службу, аки трехъ мытей ясенъ соколь у ласкова сокольника.» При этомъ высказаны любопытныя отношенія жены Акура къ нему самому и юношѣ: мы знаемъ по началамъ, основавшимъ наше извѣданіе, что богиня должна при побѣдѣ юнаго бога перейти къ нему; но, послѣднее сочувствіе сказанія на сторонѣ старика, то у молодаго должна ата женщина, нѣкогда богиня, потерпѣть. Такъ и есть: когда восторжествовала юноша, царь отдалъ ему «и жену (старика) Феодулію.» Освободившись, «Акирь поиде разрѣшенъ въ домъ свой, взыскати жены своей Феодулы. Жена же бѣ его порабощена, бысть у сына его Анадома приставлена у стада верблюжья. Акирь же нашедъ жену свою Феодулію у сына своего въ работѣ, и прослезился горко. И глагола ему Феодулія: «Грѣди ко мнѣ!» И позна его Феодулія по гласу, а по образу не позна его, и пришедши на ногу его, пролія слезы своя... Отвѣдше же бысть на Феодулѣ кожа верблюжья. Акирь же взя жену свою за руку, и поиде съ нею въ домъ свой,» и проч. Или: «И нача Акирь Премудрый искати жену свою Феодулію. Жена жъ его Феодулія порабощена бысть въ дому сына своего Анадома, стадо велбужье пасуще. Акирь же Премудрый нашедъ жену свою Феодулію, жена же его Феодулія по гласу позна его, а по лицу его не позна, Акиря Премудраго, и пролія слезы своя, и возопи Феодулія унылымъ гласомъ, глаголюще: «Алезвѣкое мое солнышко! Откуда еси возсіало ми? Уже мнѣ три годы не возсіало: откуда, мой свѣтъ, взялся?» Одежда жъ была на Феодулѣ велбужья кожа, а мѣстъ ея въ лыченицѣхъ, а лице ея было аки котельное дно (черное, признакъ работы); отъ слезъ и отъ солнечнаго жара почернѣло, и отъ горнія работы и печали, и впаде тѣло ея.» Пошедши въ домъ свой, мы видѣли, Акуръ поцовилъ себя и ее, отпарилъ, возродилъ. Тогда — «повелѣ Акирь грознаго посла Елтегу жезліемъ проводить отъ града своего;» или: «А того, господине царю, грознаго посла Влдегу чели пробити жезліемъ нсѣ твоего царства.» Слѣдуетъ путешест-

вію Адура въ ставъ враговъ, къ Египетскому царю, побѣда надъ
 сими послѣднимъ, спасеніе Сенахериба. — Остановимся здѣсь на ми-
 нуту, и, не говоря уже о многахъ, вспомнимъ, какъ въ эпосѣ Гераклъ,
 послѣ подвига своего вернувшись къ Фивамъ, нашелъ городъ свой
 осажденнымъ и выриводилъ грозныхъ пословъ, а врага побилъ. Но
 еще явнѣе это повторилось въ нашемъ творчествѣ Киевскомъ, во
 повѣсть въ исторіи Ильи, при нашествіи враговъ, названныхъ Тата-
 рами, съ Кривомъ, Батыемъ и т. п. (вып. Кир. 1 и 2). По кле-
 ветамъ и пересудамъ, Владиміръ велитъ старика Илью «бросить въ
 погреба глубокіе, задернуть рѣшетками желѣзными, завалить чащей,
 хрицомъ-кашлемъ.» Скурлаты такъ и сдѣлали. Но «нигица была
 слава, копала подкопы подъ тѣ погребы, пошла и кормила доб-
 ровъ молодца, пошла-кормила ровню три годы. Черезъ три годы цака-
 тидась сила невѣрная, обстала престольный Киевъ градъ. Тутъ-то
 Владиміръ князь весьма закручинился, запечалился, повѣсилъ онъ
 буйну голову на праву сторону, метуцалъ очи ясныя въ кыршицать
 цалъ. Тутъ ему нигица подмодалась» и открыла тайну спасеніи
 Ильи; Владиміръ сначала сомнѣвается: «Сними-то ты буйную голову,
 проростеть ли она къ плечамъ?» Посылаетъ слугъ: «Развалите чащи,
 хрищи-каши, раздерните рѣшетки желѣзныя, посмотрите, живъ ли
 итъ Илья Муромецъ?» Тѣ примкнули и спрашиваютъ: «Живъ ли ты,
 али итъ-ка?» Далъ имъ голосъ Илья Муромецъ, выходилъ на Бо-
 жій свѣтъ Илья Муромецъ.» Въ другомъ разсказѣ мѣсто тюрьмы
 занимаетъ онава киджеская, отказано было Ильѣ двѣнадцать лѣтъ
 отъ Киева. Между тѣмъ подымался Батый царь, подошелъ подъ Киевъ
 градъ, проситъ богатырей или шеднищниковъ: это та же дровина за-
 гадая для единоборства. «Дашь не дашь, говорить, за боиъ возьму,
 сильныхъ богатырей подъ мечъ склоню, князя со нигицею въ полонъ
 возьму.» «Идывалъ Владиміръ платье черное, черное платье, не-
 чальное;» въ стрѣту идетъ Илья въ образѣ Калки Перехожаго:
 образъ нащанства, лошотья, того кочевья и блужданія, которое было
 уже народомъ брошено и одѣлось въ представленіяхъ тьмой и мра-
 комъ. Бьетъ человекъ Владиміръ до сырой земли: «Постарайся за віру
 Христинскую!» — Не зови меня нищей Каликой Перехожею, — гово-
 ритъ богатырь, — назови меня старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ:»
 такъ Павія переименовала Алкида въ Геракла, пустивъ на подвиги,
 и то же встрѣтимъ ниже въ поэмѣ о Саломонѣ. А посолъ Татар-
 скій, приѣхавши въ Киевъ, «ве няжетъ коня, на приказываетъ, ѳѣ-

жить онъ во грядню во свѣтлую, и Спасову образу не молятся, Владиміру князю не кланяется и въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ; » подавши посольскія грамоты, грубитъ и грозить. Илья, покончивши путь собственныхъ страданій въ борьбѣ съ княземъ, выступаетъ посредникомъ. Онъ усмѣхается: «Гой еси, сударь, Владиміръ князь! Чтѣ у тебя за болванъ пришелъ, чтѣ за дуракъ неотесанной?» Въ теченіе разсказа, онъ «схватилъ Татарина за ноги, которой вѣдаль во Кіевъ градъ; и началъ Татаринѣмъ помахивати,» — спасеніе вышло черезъ дохага Татарина такъ же, какъ Потыну. Уже г. Пынинъ замѣтилъ весьма находчиво: «характеръ грознаго посла (Египтскаго) напоминаетъ Татарскую эпоху; въ XIII же столѣтіи самое имя Елчтери (который, пропущенный у Арабовъ, является въ нашихъ рукописяхъ) становится современностью, потому что именно о такомъ ядѣ, вельможѣ Батыя, упоминаютъ наши летописи («Очеркъ,» стр. 83).» Значитъ, сближеніе между поэмою объ Акурѣ и Ильѣ съ Батыемъ далеко не есть мечта, а подлинная дѣйствительность истины. Отправляясь въ посольство къ стану Татаръ съ Ильєю, «напрягаася князь тутъ поваромъ, замарался самою котельною,» — творчество хотѣло выразить знакомый намъ черныи цвѣтъ, какъ символъ рабства. Побѣдивши врага въ его собственныхъ таборахъ, Илья «нѣтъ довольно зелена вина съ гдѣ Васильемъ со Пванницей.» Наконецъ, какъ жена Акюра страдаетъ за него въ рабствѣ у врага и страданіями выкупаеъ послѣ спасеніе, послѣ же помогаетъ ему въ Египтѣ противъ враговъ, такъ въ одномъ образцѣ бывши за Илью несетъ тяжкіе подвиги жена и побѣждаетъ непріятеля. — Далѣе, я еще вѣсѣе, повторяется это въ Потытѣ («Ван.» при 4-мъ выц. Кир.). Мы видѣли уже прежде, какъ въ образахъ, ему предшествующихъ не сказкамъ, достигаеъ онъ спасенія жены, распластывая ее въ банѣ, изгоняя печноты, вспрыскивая водою, — это путь внутренній; во вѣшней, Потытъ сходитъ съ нею въ подземелье, воокрешаетъ ее убитымъ врагомъ-змѣемъ, вспрыскиваетъ живою водою, поволяется съ нею святою водою; а вслѣдствіе лишней чарки, питья забудущаго, поавши въ подземелье, выводитъ оттуда и получаетъ возрожденную жену въ новомъ ядѣ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что поэмѣ Акюра, еще ранѣе имени Саломонова, отвѣчала дѣйствительность библейская въ исторіи Іосифа: злобою братьевъ, потомъ изъ за жены, поавши въ темницу, онъ разгадываетъ загадки сновъ хлѣбодару и вилочерпю, а

последній, подавая чару Фараону, позволилъ заключеннику выйти на свѣтъ Божій; жена Пентефрія поспрадила въ нечистотѣ своей, этой коростѣ или зѣриной кожѣ, какъ изображаетъ ее эпосъ. Потомъ настаетъ другая загадка, чара, которою Иосифъ поспраиваетъ злебу братьевъ. Въ нашемъ эпосѣ эти двѣ черты взяты обратно въ рассказѣ о Потыкѣ: сперва является чара, которою любодѣйная княгиня хотѣла отплатить Потыку за цѣломудріе; потомъ онъ закопанъ въ землю. Но правда обнаружилась: «пришли калики-товарищи, поклонились, стали здравствовать,» онъ «выскакивалъ изъ сырой земли какъ явкъ соколъ изъ тепля гнѣзда, а всѣ они, молодцы, дивуются, на его лице молодецкое не могутъ зрѣть: добры молодцы, а и кудри на немъ молодецкія до самого пояса.» Они были ослѣвлены за неправду противъ Потыка, какъ ослѣвлялись враги Діомиса. За то же самое Авраксѣвна «заболела скорбью недоброю, слегла княгиня въ великое во гнѣздо.» Вышедши изъ земли, Потыкъ идетъ на пиръ къ князю: «молода княгиня Авраксѣвна вышла изъ кожуха какъ изъ пропасты, скоро она убиралася, убиралася и снаряжалася, тутъ же къ нимъ въ столу пришла, ... волоняется безъ стыда безъ сорому, а грѣхъ свой на унѣ держитъ (ер. «гради во нѣ») у жены Акуровой.» Но Потыкъ «крестомъ ограждаетъ и благословляетъ, вѣнчать, потѣшаетъ.» — Наконедъ Егорій: прошедши путь загадокъ и разрѣшивши ихъ своими подвигами, достигаетъ онъ до царя Кудрянина и находитъ у него въ работѣ сестеръ, — насутъ они стадо зѣриное, на нихъ тѣло какъ мора, иъ шероти; братъ ведетъ ихъ на Лордъ, возрождаетъ, крещеніемъ, и тогда уже вводитъ въ домъ свой. — Теперь возвращаемся къ Акуру и его путешествію въ Египетъ: но нѣкоторымъ редакціямъ спасенная жена его является «волшебницей,» сопровождаетъ его въ цѣвдѣхъ, помогаетъ разгадывать загадки. Устранявши это обстоятельство, впрочемъ очень важное для характеристики женщины, одинаковой въ мѣвахъ и лѣвахъ этого рова, посмотримъ на дѣяніа Амура въ Египтѣ. — Любопытно, что здѣсь беретъ онъ на себя имя спасеннаго его отъ смерти раба и такъ выдаетъ себя въ Египтѣ: значить лица ихъ, какъ посредничество, действительно тождественны. Кромѣ того онъ поступаетъ въ Египтѣ одинаково и съ грознымъ Елтегю: «и пришедъ Акиръ Премудры ко граду Египту, и станомъ сталъ, и нача ясти и пити, и сильно лицеи дѣвцы красныя къ себѣ на ложнице.» Такъ сильно было древнее представленіе, по какому посредникъ въ мѣвахъ—увозилъ души

въ адъ или въ аду, въ эвросъ и исторіи—покидать дѣвушекъ; позднѣйшая редакція нашихъ рукописей, замѣтивъ, что это не шло къ Промудрому Акиру, называемому «угодинкомъ божиимъ», поправила дѣло такъ: «и повелѣ строкѣмъ своимъ саморучно лети вѣсти, а женѣ и дѣвицѣ повелѣ привести на ложи свои, а никакоже не доскверниша.»—Загадки, разгаданныя въ Египтѣ Акуромъ, а иногда устранивша тѣмъ, что онъ въ отпоръ давалъ своего рода загадку, состояли въ слѣдующемъ: 1) Свить ужаще въ песокъ, веревку изъ песку. Акуръ велѣлъ сверлить стѣну—вѣроятно винтомъ и сыпать песокъ въ отверстіе,—онъ и повелѣ веревкѣю рукопись объяснить, что когда сыпался песокъ, поддувая вѣтромъ и отъ того струя была винтовая; но другимъ онъ противупоставилъ этой загадкѣ свою: «зерна мѣсъ камень лыно, чѣмъ ужаще называть.» Задача эта или загадка известна по нашимъ сказкамъ: «еъ задаетъ Ивану чортъ или самъ Иванъ чертяти; ср. также въ поэмѣ о Саломонѣ. — 2) Вторую загадку предложилъ царь: «у васъ въ стадѣ жеребцы ржутъ, а у меня кобылы и цы жерутца (родятъ)?» Или «у васъ кони ржутъ, а въ конюшнѣ царствѣ кобылы жеребятъ вытергиваютъ.» Для объясненія этой древнѣйшей загадки нужно вспомнить, что Финіція представляется въ этой повѣи Востокомъ, Египетъ Западомъ, и что Геліосъ, солнце, какъ мы говорили выше, обыкновенно на коняхъ своихъ скрывается въ страну Коіоновъ, въ страну ирака. Эти кони ржутъ на Востокъ, а въ странѣ Коіоновъ родятъ отъ нихъ кобылицы: стѣнать только первымъ перейти съ Востока на Западъ, чтобы сойтись съ кобылами. Такимъ образомъ это разстояніе одного дня, протекающаго конями солнца, или же разстояніе годоваго солнечнаго оборота, въ теченіе коего кобылы повесутъ и родятъ. Смыслъ загадки: чѣмъ соединяется Востокъ съ Западомъ, и какъ это скоро совершается? Акуръ отвѣчаетъ образомъ столь же мифологическимъ. Мы говорили уже выше, что отъ Тифона, всегдъ болѣе выражавшагося въ Египтѣ, боги перебрасывались въ образы животныхъ; богиня, отвѣчающая греческой Артемидѣ, перешла въ кошку: божество скрывалось, сознаніе возвращалось въ дочеловѣческіе образы. Относительно свѣта это выражалось тѣмъ, что онъ поглощался иракѣмъ въ странѣ Коіоновъ, а солнце, по древнѣйшему представленію, съвдавалось зѣреть, у насъ «съвдаемо солнце», волкодлаки пожирали его. И такъ кошка Египетская, дѣло Тифона, поглощала восточное

солнце, и востника его — иштуха. Акуръ хватаетъ кошку, священное животное Египтянъ, велитъ бить ее, и, когда тѣ въ валахъ, отпѣваетъ, что она съѣла иштуха Сонахарибова, бывшаго царя при вхождѣ солнца. Здѣсь заключался и отвѣтъ: «отъ того кога солнца такъ скоро соединяются съ кобылами Египтовъ, что у застъ пошло шлетъ восточное солнце.» Но это древнее значеніе мѣла позабыто и рукописель, потому загадка Фараона представляется неестественностию, и ее опровергаетъ Акуръ неестественностью другою: «Акуръ же повелѣ отронуть своимъ поимати бога ихъ Викторъ, они бо тогда безвѣрии быша, слуги же Акиревы изымаша бага ихъ, поведоша по торгу ругающесе ему и бѣху его кнумомъ...» На упрещъ Фараона отвѣчаетъ Акуръ: «Такова ли пакость отъ нашего бога? Бѣдѣ у нашего царя куръ златъ, пѣль рано, а будилъ нашего царя къ заутренѣ; и тотъ беръ вангъ тому куру голову скусилъ.» Царь же Фараонъ рече ему: «Не правду еси говоришь.» — Или: «Акиръ же Премудрый повелѣ изыскати бога ихъ пощю... И рабы Акиревы изымаку бога ихъ, и вода по торгу, и вача бѣти пѣль и ругающесе... Акиръ же Премудрый рече: «Господале царю Фараоне! Тако учиналесе пакость въ нашомъ царствѣ отъ нашего бога: у нашего царя былъ куръ златоперъ, разно красныи пѣни пѣль, а будилъ нашего царя ко святѣй заутренѣ; и тому куру нашъ богъ голову скусилъ... То ни суть твоя загадка правая? И медвалъ бѣжата кораблемъ во Египеть, а ты глагодеши: въ нашомъ царствѣ коня ржуть, а въ твоешъ царствѣ кобыла жеребать вышергивають!» Викторъ явился здѣсь такъ: Бибасти или Вубасти, дачь Озириса и Изиды, равняющаяся Артемидѣ, представляла застъ кошкою, въ древнихъ текстахъ. Славянскихъ *дохоръ*, *дохоръ*, *дохра*, откуда и поредѣлаи Викторъ. — Въ высшей степени любопытное это мѣсто, соединяющее древнѣйшій мѣлъ въ его наглядности съ позднѣйшомъ передѣлкою въ образъ эпическій. Оно объясняетъ намъ, почему въ нашихъ сказкахъ и прочихъ поэмѣхъ котъ соединяется съ златоперой итнцкѣй, помощей райскіи пѣни: итнцъ этой отвѣчаетъ и у насъ иштухъ, на иривѣръ къ известномъ сказанію, гдѣ жестокая госпожа тѣснила своихъ рабочихъ вследствие того, что ее рано будилъ иштухъ, пока ему не свернули голову; то же самое въ народной сказкѣ, передѣланной Пушкинымъ, о иштухѣ, будившемъ при намествіи врага, потому слетѣлиментъ; но всего ярче птица эта — славянская: итица Жаръ, которую добы-

васть Иванъ рядомъ трудныхъ подвиговъ, рѣшенихъ такой же загадки жизни, какую разрѣшилъ и Акуръ, спасая себя и народъ свой. Котъ обыкновенно только стражъ этой птицы и какъ Церберъ ходитъ на цѣпахъ вокругъ ея дерева или вѣтки. Однако, дѣиельныя свойства переходятъ понаглѣ и на него самого: это котъ-вѣтювъ, задающій или рѣшающій притчи и загадки. Онъ-то и послужилъ, мы видѣли, Симеону-вору или посреднику, чтобы украсть Царевну и побѣдить трудности подвига: потому не даромъ мы выше сравнили подвигъ нашего Ивана, достигающаго Жарь-птицу, съ подвигомъ Геракла, извлекающаго Цербера изъ ада. Акуръ сбѣжалъ то же самое, рѣшивъ пооредствомъ кота и кура загадку притѣснителя.—

3) Третья задача или загадка Фараона, построить ему гондъ или дворецъ между небомъ и землею, въ воздухѣ: ее (хрустальный дворецъ) безпрерывно встрѣчаемъ мы въ подвигахъ нашего Ивана, со стороны Морскаго Царя, Елены или Анны Прекрасной и прочихъ притѣснителей. Акуръ поступилъ слѣдующимъ образомъ: «повелѣлъ отрокомъ своимъ лѣвъ-птицы Наги (мифологическіе Страусы, Грифы) пустить, и повелѣлъ мѣжъ нимъ ковчегъ построить, и повелѣлъ всадити отрока и дати отроку въ руки топоръ, и птицамъ на тычинахъ мяса, чѣмъ кормить птицъ. И начаша птицы превозвышатися равно со облаки, отрокъ же нача вопити великимъ гласомъ: «Египтяне, понесите каменье и известь: азъ есмь хошу, и градарь маршаюся, въшему царю градъ сотворитъ мѣжъ небомъ и землею, не подпертъ ничѣмъ!» Акуръ же повелѣлъ отрокомъ своимъ: по всему граду Египту: брусиемъ бити Египтянъ, и глаголюще: «подавайте каменіе, и известь, и дрова градарю нашему!...» Они же стануть подавать — и не достануть, и слуги же Акиревы бьютъ ихъ: «подавайте!» — Или: «Повелѣлъ выматити два птенца Нагуевичи въ лукоморѣ, и повелѣлъ отрока своего посадити на Нагуевичи: и привязати крѣпко; и повелѣлъ зайцы живые натыкати на тычкахъ, чѣмъ Нагуевичи кормити, и повелѣлъ мясо давати Нагуевичамъ. Нагуевичи жъ начаша козвышатися къ небеси блиско, царь же Фараонъ зряще на него,» и проч. Это то же самое путешествіе, которое, мы видѣли, совершилъ древнѣйшій «градарь,» «царь города,» Мелкаръ или Гераклъ, вознесенный на небо послѣ подвиговъ; совершалъ и Аполлонъ, и Діонисъ; совершалъ Александръ Великій, а также нашъ Иванъ при выходѣ изъ подземелья и трѣхъ пройденныхъ царствъ: Любопытныя перемены въ образахъ: сознание, вывобождающееся

къ единству челоѣческаго духа и на этомъ пути прошеди разныя области и царства природы, представляло себѣ этотъ путь и выходя въ нѣбеса, какъ мы знаемъ, блуждаемъ по подземелью; эду, моря и т. п., потомъ вылетомъ на свѣтъ Божій или на землю съ помощію птицы. Въ дальнѣйшемъ эпическомъ образѣ, прихѣръ когото видимъ въ настоящемъ случаѣ, вылетъ на птицахъ дѣлается искусственно, въ родѣ фокуса, поражающаго притѣснителей, и, озадачивши ихъ, свезаетъ тѣмъ самымъ мудреца отъ ихъ преслѣдованій. — Наконецъ Фараонъ принужденъ высвободить Акура, а этотъ послѣдній беретъ съ него « многолѣтныя дани, » которыя нѣкогда требовалъ Естеса, въ случаѣ неразгадки загадокъ. Между вѣстими богатствами бросается въ глаза камень: « одинъ драгой камень, смуже нѣсть какамъ свѣтитъ во дни и въ ноци аки свѣтъ. » Этотъ камень нѣкогда тайне не праткую исторію. Когда послѣ стійности и доорганическаго роста сознаний появились наконецъ организмы. — а это выразилось богиней рождающей и появленіемъ второго юнаго бога, — тогда только отдѣлилось представленіе о *неорганическомъ*, о томъ, что въ другой сферѣ называли мы « отрицаніемъ ; » « зломъ » и т. п. Это неорганическое отдѣлялось признакомъ, атрибутомъ, символомъ стараго бога, низводимаго въ бытіе скрытое, въ мракъ и преисподнюю: таковъ былъ на примѣръ камень, проглоченный Кровосомъ вмѣсто сына. Но, когда второй начало возобладаю, и, проникая собою старое, примирялось съ нимъ, когда творческая сила его представлялась всюду проникающею, тогда эту силу находили даже и въ неорганическомъ, и въ камнѣ (подобно какъ по понятію организма стали приписывать и камню своего рода *ростъ*). Митра, явившійся у Персовъ какъ посредникъ между тьмою и свѣтомъ, старымъ богомъ и торжествомъ юнаго, представлялся искрою или огнемъ въ камнѣ, въ утѣсѣ. Соответствующая ему боряня, дающая торжество юному богу, какова на примѣръ была въ Сиріи Гіерапольская, нѣла на головѣ свѣтлый камень (*luxuris*), днемъ нѣвшій багровый цвѣтъ, ночью освѣщавшій весь храмъ. Съ тѣхъ поръ появляются въ мнѣологіи и нѣсть всякаго рода блестящіе, драгоценныя камни (въ быту челоѣвка вѣроятнѣ въ эту именно пору и оцѣнили ихъ, и стали отдѣлывать). Но и здѣсь сначала они служатъ загадкою, средствомъ между двумя борющимися сторонами, соблазномъ и обманомъ для одной, спасеніемъ для другой. Таковъ дорогой камень въ рукахъ у нашихъ Симеоновъ, таковъ у Акура, который отнимаетъ его и

тѣмъ называется зрага Фараона; царь Македонскій также находитъ его, но связь своей съ миссией и апокалипсисомъ. Въ христіанскихъ легендахъ онъ играетъ ту же роль, какъ на притѣрѣ мы видимъ въ Нирлаамѣ, спасающемъ черезъ него душу Іосафа: здѣсь онъ камень вѣры. Въ нашей эпосѣ сначала онъ — Антавентъ, Тиронъ, Ямонтъ и т. п. (у Сербовъ « Адамъ камень драги ») — достоющее старшихъ лицъ, вышедшихъ изъ эпохи кочевья, Калакъ Перехожихъ, которые идутъ по земѣ — днемъ шагъ по лѣтнему солнышку, ночью какъ по свѣтлому мѣсяцу (Кир., вып. 3) ; потомъ уже у богатыхъ — въ стѣлахъ, въ сѣдельной луцѣ и т. д., наконецъ престо въ украшенияхъ. Сравните соответствующую исторію камня Алатыря. — Теперь, по возвращеніи Акура, сѣдуетъ наказаніе коварнаго юноши Анадана, выданнаго царемъ старику: оно передается различно. Во первыхъ, по некоторымъ Акуръ заковалъ его въ желѣзные ужи и далъ 1000 ударовъ по хребту и по черву: такъ споланы и порожены быды побѣдившииъ богонъ разныя чудовища, на пр. Тифонъ, или въ дозвѣ о Саломонѣ Китеврасъ, Кензавръ; потомъ Акуръ читаетъ ему поученіе и, когда кончилъ, когда завершилась проповѣдь побѣдившаго начала, Анаданъ надутся и зопнулъ. Далѣе по некоторымъ онъ повѣсился на волосахъ: это смерть красавца Авессалона, брата Саломонова, возмущившагоса противъ старца-Давида (и противъ Саломона), заложившаго отцовыхъ паломницъ. Еще далѣе, Акуръ « прикова Анадана сына своего близъ царвы цолеты, и положи вождѣ его трость, оловомъ назата... и зановѣла зановѣдъ царскую: кто поидеть въ цолату царову, и тому ударитъ Анадана по главѣ тою тростью трижды, или кто поидеть изъ цолаты, такожъ по главѣ ударитъ, и геворы таково слово: « не роженъ—не сынъ, не овузленъ—не холопъ, не вскерня—себѣ верога не видать! » Ця : « повелѣ сповати кузнецамъ три чѣны жедѣныи и тридцать протовъ желѣзныхъ, и прикова сына своего Анадана близъ царвыхъ палатъ, и новадѣ пустити зановѣдѣ, по всему царству;... аще кто поидеть въ царскую пелату или изъ пелаты, тому ударити трижды Анадана и глаголати, » и проч. « Избѣща обѣ него тридцать протовъ, и издадова чрево его и трунъ, и завалися. » Замѣтимъ при этомъ: если Анаданъ одною изъ смертей своихъ (на волосахъ) напоминаетъ Авессалона, то здѣсь небіеніе его соответствуетъ Еврейскому обычаю небіевать камнями, обычаю, который совершается и понынѣ въ Ерусалимѣ надъ могилою злодѣя, въ память его зло-

дѣланіи и казни; если же имъ выше объявили Анадана или Анадона; съ Адономъ, то здѣсь припомнимъ также другаго врага и брата Саломона (отъ разной матери) — Адоноу, заслужившаго кару и смерть отъ царя за возстаніе. Стоить также вниманія, что и въ поэмѣ о Саломонѣ врагъ его представляется ему братомъ (см. ниже). Вообще, если сказанія объ Акурѣ и его любимицѣ соприкасаются съ отдаленнѣйшими мѣстами, то, съ исторической стороны Саломона, преданіе о немъ выражено здѣсь между прочимъ въ Анаданѣ или Анадонѣ, соединившемъ въ себѣ, какъ полагаемъ, черты Авессалома и Адома. — Въ области Русскаго эпоса, на переходѣ между Быльной и Стихотворной, такая же казнь, какъ надъ Анаданомъ, совершается надъ Аничкою, на мѣстѣ его злодѣяній и на могилѣ, близъ Вологды: «показываютъ гдѣ-то и могилу Аничку, высокий курганъ, на который всякій прохожій обязанъ бросить пруть: «Аничка, Аничка, вотъ тебѣ вилки (пруть; ср. «Зам.» къ 4-му вып. Кир., гдѣ мы сравнили это съ обычною русскою казнью для оборотней и оживающихъ мертвецовъ; ср. ниже, какъ обмершую жену, врага своего, прокуетъ раскаленнымъ прутомъ Саломонъ!)» Наконецъ, по нѣкоторымъ рукописямъ, Анадонъ молилъ Акура прѣстѣть его, обѣщая работать на него или итти въ монастырь: «Господине отче Акирь, пусти мя: начну пасти скоты твои и начну угодная тебѣ творити,» или — «язь буду въ пустыни и буду мнѣ, и начну Богу работати за свой грѣхъ, и за тебя учу Бога молить;» Акуръ отвергъ эти просьбы притчею о деревѣ, которое предъ посвященіемъ обѣщало родить чужую ягоду вишневую, и о волчатѣ, который въ шлоаѣ, вѣдето того, чтобы учиться грамотѣ, какъ навѣвался того учитель, — отвѣчалъ ему все объ однихъ только лакомыхъ кусочкахъ. Нельзя не замѣтить, что также точно въ Кивскомъ эпосѣ Соловей-разбойникъ проситъ у Ильи отпущеніе жизни, обѣщаясь быть «строителемъ» и итти «въ честные монастыри.» — Сенахерибъ награждалъ Акура за его посредничество въ трудной подвигѣ такъ же, какъ у насъ другой царь награждалъ вора-Симеона, — царствомъ: «Царь же Синограбъ свое царство Алевитское и Аннборское советнику своему отназалъ Акирю Премудрому. Акирь же царствовалъ послѣ царя Синограва много и съ царицею своею Феодулею.» — Въ сказаніи о Сенахерибѣ и Акурѣ, начывая отъ Ассиріянъ и Персовъ до Грековъ и позднѣйшей Европы, сознание становилось на сторону этихъ лицъ: это были «наши» и враги ихъ «нашими» врагами; когда же сказаніе было усвоено Русскими, то;

разумѣется, Русскіе стали въ то же время и потому обращались съ лицами и событіями почти какъ свои, а иногда и прямо какъ со своими. Акуръ учить любимица, между другими грамотами, грамотѣ Русской; упоминается великій князь, въ Египтѣ являются послѣдники и тивунны; возраждаемый Акуръ паритъ ся въ баняхъ; ему и Сенахерибу влагаются въ уста разныя Русскія пословицы и т. п. Съ водвореніемъ Христіанства на эти лица переходит и характеръ Христіанскій: Акуръ молится Богу по Христіански, говоритъ изреченіями Св. Писанія, получаетъ Божія указанія чрезъ Ангела, именуется «уголникомъ Божиимъ» и т. п.; Сенахерибъ, будимый куромъ, ходитъ «но святѣй заутрени», а жалко о гибели Акура восклицаетъ: «увы, Акирю, не могу воскресити тя, якоже Христосъ Богъ Лазаря четверодневнаго воскресилъ!» и т. п. На оборотъ, враги ихъ по преимуществу поганые, язычники, подъ дѣйствомъ дьявольскимъ: «Акирь же Премудрый повелъ изыскати бега ихъ ночью, Египтяне же тогда не вѣрили быша и не вѣроваша во Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа;» «ненавидя окаянный дьяволъ добра роду челоуѣча и молитвы; Акиря, подстрекая окаянный дьяволъ сына его Акирева, Анадолца: „Сынъ же Акирева Анадоль наполнися ярости и зависти дьявольския... Дьявольскимъ наученіемъ наполнися лети в ярости,» и т. п. Не удаляясь послѣ этого, что сказаніе связалось послѣ со многими Христіанскими легендами и нашими Стихами, еще на почвѣ Греческой, потомъ въ преданіяхъ, унесенныхъ нами и послѣ постоянно претерпѣвшихъ съ Чернаго моря и Дуная. Въ этомъ случаѣ обыкновенно рассказы соединяются съ именемъ Св. Николая: онъ въ дѣйствительности, житійниками переданной, спасалъ особенно кораблекатастрофующихъ и притомъ близъ Египта, этой тивической страны мрака, Муриновъ, Арабовъ и тому подобныхъ образовъ. Потому въ нашихъ рукописяхъ (Пыпинъ «Очеркъ») встрѣчается рассказъ о спасеніи Св. Николаемъ плававшихъ Синагрипа и Акира: «въ та же лѣта цюде царь Синагрипъ на брань, и бысть, на мори востана вѣтри велици и оужа кораблю разбитися... Бысть у него радца (совѣтникъ), именемъ Акирь Премудръ и Христьянъ...» Въ Болгарскихъ, Сербскихъ и нашихъ Стихахъ спасаетъ тѣмъ же способомъ на морѣ Св. Николай послѣдующихъ Агария, Сарацинъ, Турокъ (см. «Калки Перехожіе», вып. 3). — Другое сказаніе переноситъ насъ въ Русскіе наши преданія, на рѣку «Тапань», т. е. Донъ, названный по имени древней «Та-

ней,» соответствующей богинѣ греческой Артемидѣ. Какъ здѣсь по Суражскому, такъ и по Черному морю, распространено было поклоненіе Артемиду (Аполлону) и Артемидѣ, какъ увидимъ ниже и убѣдимся особой статьей. Сказаніе и передаетъ, что Святитель уничтожилъ требище Артемиды при устьяхъ Танаиса. Когда же отсюда пустились корабельщики на поклоненіе Святому, явилась имъ жена, съ сосудомъ въ рукѣ, и просила принять сосудъ отъ нея ко гробу Святителя (этотъ сосудъ мы знаемъ и еще увидимъ при Саломоніи): оказалось, что онъ былъ наполненъ «чернаго дыма и пламени,» произвелъ бурю, которую хотѣлъ бѣсъ, за разрушеніе требища богини, отомстить почитателямъ Святителя, но послѣдній спасъ погибавшихъ. — Вѣроятно сюда же примыкаетъ Стихъ и о знаменитомъ Агрикѣ («Кал. Перех.» вып. 3), въ которомъ, не смотря на греческую передѣлку имени въ «Дикаго,» Поляницу (ср. выше), можно видѣть первоначальнаго Акурала или Аквирала. Онъ на старости съ женою имѣлъ одну утѣху, прекраснаго юношу Василья (мы увидимъ ниже, что Василій есть крестное имя Анадана); но пересталъ чтить Св. Николая, бросилъ всякое уваженіе къ сему святому старцу (такъ всегда отъ представлялся въ явленіяхъ); и за то сынъ его въ одно время похищенъ обступившею невѣрною силой, черными Аравитянами, Сарацинами, которые продали его, какъ Іосифа, Эмиру. Явились посредники-родственники и убѣдили Агрику возстановить почитаніе Святителю: тогда, какъ стоялъ Василій передъ Эмиромъ съ чарою внапойла, такъ восхищенъ отъ Арабовъ и возвращенъ отцу. Быть можетъ, слѣдя за этикъ Агрикомъ въ связи съ Акуромъ, мы когда нибудь отыщемъ и первообразъ его, и знаменитый его «мечь.»

Вспомнимъ, что и нашего Потыка, искушеннаго всякого рода «чарою,» Іосифовскою и «забыущею,» спасъ также Никола въ образѣ старца Калѣки Перехожаго. — На рубежѣ Стиховъ и Былинъ стоять у насъ сказаніе объ Аникѣ, въ которомъ мы видимъ уже черту сближенія съ поэмою Акуровскою; припомнимъ еще, что Смерть, пересчитывая Аникѣ пораженныхъ ею прежде, рядомъ со Старшими Русскими богатырями, Самсономъ, потомъ Александромъ Великимъ, приводитъ и Акурала: «да еще каковъ былъ Акиръ Премудрый, и тотъ спиратися не смѣлъ, да и тѣхъ азъ есмь всѣхъ вала («Зам.» при 4-мъ вып. Кир.)» — Въ дальнѣйшемъ нашемъ творчествѣ, Данило Заточникъ, рекомендовавшій князю и просившій ему отъ Бога «Іосифовъ разумъ (умъ), силу Самсонову,

Соломонову мудрость, Александрову храбрость, » самъ при этихъ образахъ подходилъ ближе всего къ Акуру, который отъ того можетъ быть и не упомянуть въ семь рядъ. Сходство множества выраженій Даниловыхъ съ выраженіями сказаній объ Акурѣ и поученіями, притчамъ сего послѣдняго, давно уже замѣчено (Пыпинъ, «Очеркъ»), объясняемое легко общими источниками, но все-таки замѣчательное въ примѣненіи. Въ самомъ дѣлѣ, лицо Данилы, отставленнаго совѣтника княжескаго, терпѣвшаго опалу, страдавшаго, хотя бы изъ за женщины (въ сказаніи объ Акурѣ она не играетъ видной роли, но нельзя не замѣтить, что имѣла ее, если вспомнимъ соответствующія мифы и поспѣшность, съ которою захватилъ ее себѣ коварный юноша; по нѣкоторымъ, какъ помянуто выше, она или волшебница, спасающая мужа въ Египтѣ, или даже посредница, спасающая его отъ тюрьмы и замѣняющая раба Абу-Сомейку), Данилы, предлагавшаго князю притчи и загадки, смилъ путемъ искавшаго свободы и проч., — все это своимъ характеромъ близко напоминаетъ Акура и вліяніе сказаній о семь послѣднемъ. Когда же (см. выше) мы возвели письменнаго Данилу къ устному, былинному и потомъ сказочному, то это новое лицо, по инымъ сказкамъ «Василій царевичъ, » возстановилъ передъ нами преданія и мифы, дѣйствительно близкіе къ тѣмъ, кои лежатъ въ основу сказаній объ Акурѣ: вспомните дѣло о «монетахъ, » «ожерельяхъ,» сгубившихъ жену героя и его самого; посредничество вора-Алешеньки и Яги-бабы; продажу жены на корабль лущу, ствозъ ея, возвращеніе, спасеніе мужа и прочее. Здѣсь уже выступаютъ основныя преданія о нашемъ Иванѣ, несомнѣнно тождественныя съ тѣми сказаніями, кои мы изслѣдуемъ. — Наконецъ даже въ былинахъ Княжескихъ мы можемъ отчасти вспомнить Романа (Рыбникъ, Ч. I): онъ старикъ; онъ «хитеръ-мудеръ, знаетъ онъ языки воронныя, знаетъ языки всѣхъ птичье, » какъ Премудрый Саломонъ и Акуръ, какъ Александръ Великій (см. выше); мудрость эта выражается его «бывалостью, » тѣмъ, что онъ проходилъ разные виды бытія и бывалъ оборотнемъ, бѣлымъ горпоставемъ, стрымъ волкомъ, чернымъ ворономъ, строй уткою: сравните ниже такую же способность въ Саломонѣ; враги Романа, служившіе завоевателями-посредниками между Русью и Литвою, королевскіе «племянники» и «совѣтники (племянникъ Акуровъ, совѣтникъ царскій);» пріѣхавъ на Русь, «оттуда они погнали добрыхъ коней стады-стадомъ, добрыхъ володцевъ ряды-рядомъ, и красныхъ дѣвушекъ, молодыхъ молоду-

шекъ повели оттуль толпами:» сравните Елтегу и описаніе плѣна Батмевскаго; оскорбленный, въ глубокой горести Романъ страшится, какъ возраждаемый Акуръ, старость съ плечъ своихъ, зоветъ молодость, и въ заключеніи оказывается, что «старостью не старѣеть, головы его не сдѣлѣть, сердце его не ржавѣть;» онъ ичтиса въ погоню за врагами, чтобы отнять увезенную сестру съ малыиъ отрокомъ, и достигаетъ цѣли, какъ Саломонъ, добывающій увезенную Саломонію, Акуръ жену свою; онъ дѣлитъ войско на отряды, велитъ имъ готовиться, сидя на коняхъ, и ждать, когда «заграеть въ первый, второй и третій наконъ:» Саломонъ точь въ точь поступаетъ также съ своею ратью, которая и является внезапно на его выручку, въ землѣ враговъ. — Между тѣмъ, самое поверхностное сравненіе этихъ былинъ съ былинами о походахъ Вольги убѣждаетъ въ близкомъ ихъ сходствѣ: Вольга также «вѣщій,» такой же мудрецъ-оборотень, также — какъ Романъ — у Индѣйскаго царя предварительно накусываетъ тетивы, выпинаетъ желѣзо, и проч., только онъ уже на кораблѣ, онъ похищаетъ Елену Давыдовну, Александровну, Панталовну, возводя насъ ближе къ общему источнику всѣхъ этихъ преданій. — Добросовѣстный читатель не злоупотребитъ нашими сравненіями и не скажетъ, что мы отождествляемъ далеко разстоящіа другъ отъ друга сказанія: напротивъ, мы именно указываемъ въ нихъ словъ разныхъ эпохъ, разныхъ народовъ, разныхъ ступеней доисторической жизни и вѣросознанія. Только восходя къ первобытному и общему или источнику, мы потомъ слѣдимъ сходство возникшихъ отсюда образовъ и доказываемъ, — кажется убѣдительно, — что сказанія и поэмы о Саломонѣ стоятъ далеко не въ одиночествѣ, а напротивъ, какъ основанныя на центральныхъ представленіяхъ, связуются со множествомъ однородныхъ произведеній, какъ у другихъ народовъ, такъ и у насъ. — Остается сказать намъ, какія имена дала поэма объ Акурѣ въ нашу устную поэму о Саломонѣ. Врагъ Премудраго Акюра сдѣланъ и врагомъ Премудраго Саломона: похищаетъ у него предательски жену. Это во первыхъ Ц а р ь, какъ «царь» самъ Саломонъ и по вліанію вѣроятво заглавіа сказаній объ Акурѣ: «сказаніе о Акирѣ Премудромъ ц а р я Синограаа,» или «о Акирѣ Премудромъ и о ц а р ст в и ц а р я Синограаа,» «сказаніе великаго ц а р я Синографа и о Акирѣ «Премудромъ,» «Синагришъ ц а р я Адоровъ,» и проч.; это тѣмъ болѣе было легко перенести на любимца Акурова, что самъ Акуръ въ

заключеніе дѣлается «царемъ.» — За тѣмъ онъ Прекрасный, какъ «прекрасный» Авессаломъ и какъ называется перѣдко въ рукописяхъ Анаданъ: «взрачно и красно (отроча, чадо) вельми;» «доброзраченъ;» «наказаніе отъ Акира прекрасному сыну.» и т. п. — Далѣе, онъ Василій: это могло истекать изъ самого имени «царь.» по гречески «Василей (Βασίλειος);» аналогія поддерживается именемъ соответствующаго героя «Василья Агрикова» и «Василья Безсчастнаго.» Въ случаѣ крайнемъ мы допускаемъ, подобно какъ видѣли много примѣровъ тому выше, слѣдующую перетѣлку сливавшихся въ пѣніи и разказѣ словъ:

«царя прекрасно В А С Ы Н А Акуровича»

«царя прекрасна В А С И Л Ь Я.»

Но если здѣсь это только догадка, то въ «сынъ Окульевичъ» или «Акульевичъ» такая перетѣлка уже несомнѣнна. Въ рукописяхъ мы встрѣчаемъ безпрестанно: «Анадона Акиревича,» «сынъ Акиревъ,» и т. п. Старое чтеніе, мы уже доказали, было Акуръ, Акуръ, потому—Акуровичъ, Акуревичъ, Акуръевичъ. Такъ было и въ устномъ творествѣ, чему, и самымъ переходамъ имени, мы имѣемъ неопровержимыя свидѣтельства въ Голубиной Книгѣ («Кал. Перех.» вып. 2): здѣсь, въ дѣлѣмъ первобытнаго Волота на Давыда, Исаея, Константина, въ вслѣдъ за ними подходитъ «Василей царь Сенакуръевичъ» и потомъ «сынъ Акульевичъ (Син-агриць и Син-ографъ могли способствовать формѣ Сенакуръевичъ). Отсюда получаемъ:

С Ы Н Ъ А К У Р О В И Ч Ъ

С Ы Н Ъ А К У Р Е В И Ч Ъ

С Ы Н Ъ А К У Р Ъ Е В И Ч Ъ

С Е Н - А К У Р Ъ Е В И Ч Ъ

С Ы Н Ъ А К У Л Ъ Е В И Ч Ъ

С Ы Н Ъ О К У Л Ъ Е В И Ч Ъ.

Такъ-то въ нашей устной поэзіи о Саломонѣ врагомъ его явился «Прекрасный Царь Василій Акульевичъ» или «Сынъ Акульевичъ.»—Слѣдя далѣе за переходами сказаній объ Акурѣ, подобно какъ въ нихъ видѣли мы преимство отъ Ассиріи къ Мидо-персидской формации, такой же переходъ встрѣчаемъ отъ Мидьянъ къ собственнымъ Персамъ: это исторія Кура (Кира) или Кореса,

какъ извѣстна она по созданіямъ эпическимъ, между прочимъ и изъ Геродота, близкая къ мѣстамъ, неоднократно нами разобраннымъ: вспомните общезвѣстное сказаніе объ отношеніи Кура или Кира къ Мидійскому Астиагу, его мать, роженіе, воспитаніе, преслѣдованіе отъ старика, женитьбу, торжество Персіи въ лицѣ его (самыя имена *Κυρος*, *Κυριος* и *Κυριος* сливались, въ самой уже древности; герой Персидскій принималъ это имя послѣ, при переходѣ къ торжеству). Упоминаніе преданіе хотѣ въ одномъ видѣ: послѣдній царь Мидійскій, Астиагъ, видитъ сонъ, по коему сынъ его дочери долженъ лишиться его престола. Испуганный, отдаетъ онъ дочь за мелкаго князя побѣжденныхъ Персовъ, удаляетъ ее, и, когда она родитъ сына, велитъ умертвить его въ лѣсу. Пастухъ, коему поручено убійство, спасаетъ ребенка, раститъ его какъ сына, а онъ уже въ дѣтскихъ играхъ творитъ творки и шутки не по маленькому. Царскаго потомка узнаютъ, Астиагу навѣщаютъ, престолъ переходитъ ко внуку, основателю могущества Персовъ.—Въ переходѣ къ Греціи, даже по самой мѣстности, съ Киромъ связуется Кр о й с ѣ или Крезъ, повторяющій на себѣ эпическаго сказанія о Кирѣ,—сперва полный славы, потомъ все теряющій и снова возраждающійся въ совѣтникахъ прежнему притѣснителю Киру; посредникомъ ихъ борьбы и спасителемъ Крoйсѣ является мудрецъ С о л о м ѣ н ѣ.—При Солонѣ, на почвѣ уже греческой, является Э з о п ѣ и въ греческихъ формахъ сказаній повторяетъ эпопею Саломона, образъ Акура, Оракійскаго Саломона. Изложимъ рассказъ главнымъ образомъ по позднѣйшему произведенію Византійца Планауда, перемоскаго, согласно съ преданіями, на греческаго Эзопа черты восточныя и древнѣйшія, съ греческимъ однако обликомъ. Эзопъ—мудрецъ, нравоучитель и даже вѣроучитель; ибо древняя басня, передавая событія жизни человѣческой въ образахъ вѣшной природы и животныхъ, въ то же время исходила прямо изъ той эпохи, когда человѣческое сознаніе проходило путь сихъ образовъ, стремясь къ своему средоточію, и именно этотъ—то путь давалъ смыслъ послѣдующей баснѣ, ибо она возстафовляла предъ взоромъ человѣка ту исторію, которую нѣкогда самъ прошелъ онъ въ своемъ сознаніи. Проповѣдникъ извѣстныхъ событій сознанія, онъ понесъ на собственномъ лицѣ своемъ ихъ исторію, согласно съ мѣстами, и здѣсь сблизился съ другими однородными лицами древности. Онъ рабъ Самосца, получившій отъ него потомъ свободу, какъ вѣроучитель Оракійянь. Онъ въ преданіи сличается съ Солономъ, какъ Оракійскій съ Писаггъ

ромъ. Онъ уродъ, какъ Силенъ и отчасти (по головъ) Сократъ, какъ Китоврасъ относительно Саломона, какъ Дуракъ Иванъ въ трудѣ подвиговъ: но онъ уменъ, остеръ и хитеръ, онъ владѣетъ неистощимою проницательностью, какъ тѣ же лица, какъ Морозъ при Саломонѣ; онъ по преданію разумѣетъ языкъ птицъ и прочихъ животныхъ подобно Александру и Саломону. Онъ путешествуетъ по главнымъ частямъ тогдашняго свѣта, отъ Вавилона до Египта, умирая послѣ въ Греціи. Подучивши свободу отъ рабства и бывши у Кройса, сходится онъ съ Соломонъ, не и въ другихъ посѣщенныхъ странахъ бесѣдуетъ съ разными мудрецами. Особенно утвердился онъ въ Вавилонѣ, у царя Лукорга, Дикурга, въ передѣлкахъ—Дикерла: очевидно, что это тотъ же извѣстный Ликургъ Фракійскій, сопоставляемый съ Діонисомъ и послѣ переносившійся въ Аравію и прочія страны, гдѣ только развилось Діонисовское начало. Здѣсь Ликургъ играетъ совершенно ту же роль, какъ Сенахерибъ съ Асуромъ: цари пересылаются загадками и разгадками, Ликурга руководить въ семъ Эзопъ. Мудрецъ усыновляетъ Эна (Лѣносъ, притча, басня, загадка), но юноша обманываетъ его и, связавшись съ цѣрской наложницей, оклеветываетъ передъ царемъ. Мудрецу грозитъ смерть, его спасаетъ Гермиппъ (то же что посредникъ Гермесъ, Абу-сомейка и т. п.). Между тѣмъ подосылаетъ грозное письмо къ царю отъ извѣстнаго намъ Египетскаго Нектанеба, съ трудными задачами: мудрецъ снова въ милости царской, получаетъ выданнаго Эна, который умираетъ отъ угрызеній скорпиона, Эзопъ отправляется въ Египетъ, рѣшаетъ задачи, возвращается въ Вавилонъ съ богатою Египетскою податью и получаетъ отъ Лукорга золотую статую. Но въ Греціи не приходится онъ по праву своимъ остроуміемъ и убить Дельфійцами, какъ растерзанъ Орфей Мѣидами, погубленъ Пнагоръ; сравните выше обыкновенную роль Дельфы при окончательномъ рѣшеніи древнихъ загадокъ. Это для насъ новая ступень пути, которымъ Соломонъ чрезъ Акура и Пнагора, потомъ Солона и Эзопа, сближается съ Фракіянами, становится здѣсь извѣстномъ Геродоту по мѣстному преданію, переходитъ въ эпоху Александра,— все это въ теченіе преимущественно VIII—IV вѣковъ до Р. Х., наконецъ съ Дуная и Чернаго моря уносится Славянами, въ ихъ преданіяхъ и поэмѣхъ, на новыя поселенія сложившагося народа. Притчи и басни, загадки и разгадки, приписываемыя Эзопу, въ разныхъ передѣлкахъ извѣстны и по нашимъ сказкамъ, и рукописямъ: но въ познѣйшей исторіи рукописей онъ приписывается одинаково и Эзопу, а

Саломону, и прочимъ « Премудрымъ, » « Мудрецамъ. » Вообще, какъ у Саломона Мудрость утверждаетъ себѣ « семь столповъ, » такъ и на прочемъ Востоку известны были сказанія о « Семи мудрецахъ, » изложенныя послѣ, при царѣ Куру, мудрецомъ Синдобадохъ и испытанныя всевозможныя изысканія по рукописямъ; въ Греціи изъ этого явился уже царь Киръ, мудрецъ Синтина (Акуръ, Синатрина). Но на почвѣ Греціи были и свои извѣстные мнѣскіи сказанія о « Семи мудрецахъ, » для исторической философіи такъ же точно олицетворявшія эпоху доисторическую, какъ для гражданской народной исторіи герои эноса « Семь подъ Оивами, » какъ для насъ « Семь Симеоновъ. » Въ подобномъ свлеченіи дошли и до насъ притчи Мудрецовъ, извѣстныя по рукописямъ. Приведемъ нѣкоторыя черты нити повѣствовательной, около которой онѣ группируются, ибо здѣсь въ основѣ мы встрѣчаемъ знакомые намъ мѣвы и то же самое, что ниже увидимъ въ Саломонѣ. Царь, родивши сына, женится на другой, а сына удаляетъ, отдавши на воспитаніе семи мудрецамъ; мачиха ищетъ погубить его и для того возвращаетъ ко двору (любопытно, что онъ носитъ между прочимъ имя Діоклентіана, извѣстнаго намъ Кудрякина), каинъ оказался и Василій Акульевичъ). Царевичъ сначала нѣтъ (какъ Ивана застаемъ часто еще въ образѣ животномъ, дечеловѣческомъ, гдѣ и помогаютъ ему освободиться всякаго рода помощники): мачихѣ потому легко оклеветать его, ему грозитъ казнь отъ отца. Здѣсь-то говорятъ за него семь мудрецовъ: мачиха взводитъ клеветы, посредствомъ притчей или загадокъ, мудрецы опровергаютъ тѣмъ же оружіемъ; въ промежутки она нѣсколько разъ склоняетъ царя къ погубленію сына и на томъ настаиваетъ, такъ точно, какъ Анаданъ на смерти Акура, Вирсавія и Саломонія на смерти Саломона. Но, по истеченіи этого періода роста, царевичу открылся уста, онъ обличилъ клеветы и пороки мачихи, она получила казнь, самъ онъ идетъ на царство. Что касается до самихъ этихъ притчъ, то намъ нѣтъ здѣсь нужды разбирать исторію ихъ происхожденія и редакцію по рукописямъ: довольно сказать, что онѣ извѣстны у насъ тысячами въ устныхъ сказаняхъ и рукописяхъ. Мы знаемъ исконный смыслъ ихъ происхожденія и отношеніе ихъ къ мѣву. П р и т ч а всегда называлась у насъ *союзомъ*, узамъ, требовавшими разрѣшенія; смыслъ *Загадка*, нами не разъ и достаточно выясненный, относится и къ Притчѣ, и столько же къ *Баснѣ* (ср. выше), и къ *Сну*, который у насъ отождествляется съ Загадкою: « сны-загадки отга-

дывать (вспомните, что зловѣщій сонъ, какъ предчувствіе, является обыкновенно старому богу или вообще лицу передъ рожденіемъ юнаго побѣдителя, имѣющаго сокрушить его: отъ видѣнія матери Париса до видѣній Астіага и, какъ увидимъ, Волога въ поэзіи о Саломонѣ); те же самое и Судъ, всегдашнее свойство, принадлежность и право втораго бога или начала, разрѣшающаго и свободящаго: кризисъ, переломъ, при которомъ всегда и является юный богъ, творческое начало міра, потому же и судящее міру. Въ эти явленія одного происхожденія и значенія: мы увидимъ ихъ послѣ въ Загадкахъ, Притчахъ, Судахъ Саломона и т. п. Теперь на выдержку возьмемъ изъ произведеній этого рода, возводимыхъ къ древнимъ Мудрепамъ, нѣкоторыя, какъ они попадаютъ въ наши рукописи и имѣютъ отношеніе къ поэзіи о Саломонѣ («Притчи» всякаго происхожденія, «Суды» — особенно Саломоновы, «Сны», на примѣръ Давидовы, Мамера царя и т. п., попадаютъ во множествѣ нашихъ рукописей). На примѣръ, Притча о Мудрцахъ, вельможахъ, какъ они о с л а в и л и царя, чтобы онъ не видалъ ихъ проказъ. Какъ только шагнетъ царь изъ своего покоя, онъ теряетъ зрѣніе. Ищетъ онъ исцѣленія, грозитъ вельможамъ: но находится м а л ь ч и к ѣ, одаренный особою мудростью и открываетъ обманъ, исцѣляетъ царя. По другимъ это дѣлаетъ жена съ мужемъ, или же она освобождаетъ его отъ болѣзни, но извѣстна какъ передаваясь другому; въ этомъ случаѣ играетъ важную роль и д в р е в о. Такова весьма извѣстная и распространенная притча или басня о «Пионкахъ», обезьянахъ, гдѣ моль животными образами передается та же человѣческая исторія, которую мы и расскажемъ образами человѣческими. Царь (въ притчѣ Пионка) слишкомъ состарѣлся, его лишили вазети; онъ приходитъ къ удаленной смоковницѣ, влѣзаетъ на нее и питается плодами. Однажды разъ случайно попробовала этого плода, ушавшаго изъ руки царя, женщина (въ притчѣ она названа «Желвою»), любящая плоды, забыла домъ свой и свела дружбу съ царемъ. Мужъ ея возревновалъ, притворился больнымъ и объявилъ женѣ, что исцѣлится, если получитъ с е р д ц е старика. Женщина отправляется и высказываетъ старика, что ищетъ его «сердца», т. е. полной любви: здѣсь въ притчѣ колебаніе между отвлеченнымъ представленіемъ сердца и дѣйствительною частью тѣла. Старикъ поддается любви, но женщина говоритъ, что обязана перенести его въ домъ свой, на одинъ чудный островъ, гдѣ множество райскихъ плодовъ. Царь влѣзаетъ ей на

снуду, несурса :мо: морской пучины! (ср. Барону, Голгу и т. п.). Среди пучины коварная остановила плаваніе, и, на вопросъ о медленіи, отбѣчала, что большой мужъ съ не словами врачей долженъ быть медленнѣе е р а ц и е м ъ старика. Этого видить избель свою и прибѣгаетъ къ уловкѣ: «взную, любимая, не скажи ми таковое слово прежде, даже не (прежде чѣмъ) выдохъ изъ дому моего; когда и сердце свое съ собою вздытъ бытъ? Законъ бо есть намъ шнеть, да следи къ любовному (любовнику, любовницѣ) плести, те сердце свое дома оставляетъ, для той ради шны, дабы нѣте лукаво, у други сдѣлчи, не помыслити. » Женщина съ радостію верозила его, чтобъ оиъ задвигалъ сердце: а тотъ не д е р е в о, и застылъ. Стоя шнуду, коварная я возшнела: — слыди опоре, друже, ако да мендешъ? — А тотъ: « аще слыду, да конца сердце свое не прибрешу (ср. « Очеркъ » Цыпина). » Эту исторію съ ослабленіемъ, дорезомъ, возгнанными тудъ и проч., видѣли мы въ исконыхъ швахъ Дюнисовскаго порядка: она же повторяется въ поэмѣ о Саломонѣ, хотя въ обратномъ видѣ, — женщина на деревѣ съ плодами, ослабленъ мужъ исплзается мальчиномъ — Саломономъ, и т. п., что еще увидимъ (« Сказаніе о златомъ деревѣ » встрѣчается особо по нашимъ рукописамъ). Потому намъ и не нужно всѣхъ этихъ еродныхъ сказаній выписывать наъ рукописей, что съ одной стороны они въ зародышъ переходятъ предъ нашими глазами въ швахъ Дюнисовскихъ, а съ другой стороны вошли въ поему о Саломонѣ.

Наконце, былъ и еще слей сказаній, отпечатѣвшійся въ поэмѣ о Саломонѣ. Хотя сложился оиъ гораздо позже, жогда Славяне, въ плехъ нѣтъ и ны Русскіе, ушли съ Чернаго моря и Дуная, однако оиъ все-таки достигъ насъ, ибо распространился у Грековъ, а шнеть да у Славянъ, вторично вршедшихъ (частію и оставшихся), въ тѣхъ, именне краяхъ, черезъ которые и ны получали добавкъ къ древнему эпосу. Въ этихъ сказаніяхъ шествуаетъ отчасти уже извѣстный намъ Цесарь А д р і а н ъ. Сначала его роль занимаетъ Д а т і и ъ, сходный и до имени, связанный съ Александромъ Великимъ: такъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, подъ заглавіемъ « Зетадиа » или « Притча Перскаго царя Дарія къ Соломану царю, » разсказывается, какъ они пересылались другъ ко другу загаками, при чемъ, разунтется, побѣдилъ Саломонъ (см. ниже). За оиъ является « Повѣсть дивна о царѣ Д а р і а н ѣ », гдѣ Дарій переходитъ уже въ Адриана, и наконецъ эту повѣсть о Д а р і а н ѣ или А д р і а н ѣ разсказываетъ

Соломонъ своимъ «бояромъ» Иммъ Даріа-сказаломъ еще съ Адрианомъ въ Ерусалимъ и съ преданіями о Соломонѣ слѣдующимъ образомъ: Киръ, составившій, какъ мы видали, одно изъ звѣнствъ или слѣвъ преданій, отпустилъ Евросъ изъ плѣна; Дарій не хотѣлъ допустить второй храмъ и возстановить Соломонову славу; Адрианъ же, по разрушеніи Ерусалима, хотѣлъ сокрушить эту славу: на горѣ, гдѣ стоялъ Соломоновъ храмъ, воздвигъ храмъ Юпитеру; наводилъ спящему землю язычниками и вызвалъ послѣднюю предсмертную борьбу со стороны Евреевъ. Да и на всѣхъ Востокахъ имя его проглаголюемо; а въ Египтѣ, благодаря его любимцу юному Антиному, онъ задалъ съ женою и мистериами; перешло въ затерянный классическомъ мірѣ услія искусства возстановить древніе образы и верности или на историческое лицо императора, или юному, его спасавшаго. Адрианъ въ помянутой у насъ повѣсти является какъ представитель язычества, низлагаемый загадками. Въ изступленіи гордости онъ захотѣлъ, чтобы звали его богомъ; но граждане согласились на то лишь съ условіемъ, чтобы онъ взялъ Ерусалимъ. «Царь же пріобрѣлъ свое безуміе, превзыде на горшан, собравъ въ оныя тѣлцы и медъ медвѣдья Ерусалимъ, и многихъ плѣнниковъ приводе въ землю свою.» («Пис. стар. Р. лит.» выи. 2 и 3).» У него было три мудреца, «вельми премудрыхъ.» Они поразили его загадками или притчами: если ты богъ, говорилъ одинъ, то долженъ погибнуть, ибо боги, не сотворивше неба и земли, погибнуть; если ты богъ, говорилъ другой, то выдь изъ своей палаты въ пустыню; выдь изъ всей вселенной, и оттуда управли; третій заглакалъ, что у него глыбеть на морѣ корабль и просилъ новаго бога поменьше, поменьше вѣтры. Огорченный царь—къ царицѣ: та хотѣла его утѣшить и предложила для искусаго успѣха возвратитъ только находившущее у него чужую вещь, чужое сокровище. Что такое? Душу. Да какъ же я буду душа буду богомъ?—Царь былъ сокрушенъ. Царица его, илие, была же, известная намъ, Южская, Египетская, Мурманская и проч., задающая хитрѣйшія загадки. Вспомнимъ, что въ нашемъ Киевскомъ способѣ она сидитъ при царѣ Индійскомъ или Цароградскомъ, а тамже Морскомъ, подъ именемъ Елены, и загадкою загадокъ или разгадкою или предвѣщаетъ ему гибель, которая и сбывается при появленіи юнаго побѣдителя. Но за предвѣстіе получаетъ она мощечину или даже смерть. «Царь со царицею въ разговоры говорить. Говоритъ царица Азьяковна, молада Елена Александровна:... —А в на небы

привести себѣдѣ мѣлца, а въ Киевѣ родилася могучь богатырь, любь царю сопротивничать:—» Или: «говорить царь Салтанъ Бекетовичъ: — Знаешь ли мою выдумку? Поѣду я воевать на сѣверную Русь... — Говорить ему царица Давыдовна: — Когда вошло солнце красное на эту на землю Святорусскую, тогда родился младый богатырь,» и проч. «Этѣя рѣчи царю не слюбилися, ударилъ онъ царицу по бѣлу лицу и пролилъ у царицы кровь: напрасную.» А тутъ и явился Вольга, убилъ царя, взялъ царицу. Или: «А царь (Морской) со царицей ссоруетъ ; говоритъ царица Морская:—Есть на Руси желтзо булатнее, дороже бузаты-желтзо красна золота... — Говорить царицы царь Морской: — Ай же ты, царица Морская! Дороже есть красно золото...—» На ту пору явился Садко-купецъ и разрѣшилъ ихъ споръ и загадку: «схватилъ царь Морской на рѣвы ноги, схватилъ онъ саблю вострую, отсѣкъ-то царицы будну голову.» За тѣмъ Морской царь задавалъ разнымъ задачи купцу Садко, давалъ ему выбирать и отпачать невѣсту изъ десятковъ и т. п., но Садко, особенно при помощи Николая, разрѣшилъ дѣло, дадулъ царя, ушелъ отъ него и унесъ богатства (Рыбник., Ч. I). Это уже известный намъ мифъ, гдѣ юный герой на кораблѣ спускается въ бездну и выходитъ оттуда побѣдивъ стараго врага. Такъ точно и въ сказкахъ Иванъ побѣждаетъ Морского царя посредствомъ Елены или Василисы, сначала грозной, старшей, въ близкомъ родствѣ съ врагомъ, потомъ подружн и невѣсты. Въ Киевскомъ творчествѣ это выражено такъ: Вольга беретъ царицу за себя; Морской царь убиваетъ жену свою, но она перерождается въ дачь, въ невѣсту, которая и отдана купцу Садко. — Напомнимъ, очевидно, что это та же Саламанія при Саломонѣ, въ разныхъ отношеніяхъ къ нему, то какъ мать или мачиха преслѣдующая, то какъ жена-напѣвица. Восточный характеръ выражается въ томъ тѣмъ, что Саломонъ самъ старъ и побѣждаетъ юного и прекраснаго врага: впрочемъ и юноша, являющійся врагомъ Саломона, хотя и юнъ, и прекрасенъ, но онъ носитъ въ себѣ черты только подкрашеннаго, злаго и врачнаго начеда; вспомните, что Василий Акульевичъ есть Анаданъ, действущій по дьявольскому наущенію и отождествляемый съ Китовросомъ, Кентавромъ. Впоследствии переходятъ на него и черты Адриана, какъ язычника, поганнаго, Божья врага. Мы видѣли уже прежде, какъ въ исторіи Егорья Славана къ Диоклитіану пришла Адриана, Адрианница, потомъ Кудреана и Кудреанища съ цѣлымъ поганымъ

царствомъ Кудріяискимъ. По связи Стиховъ о Егорѣ съ поэмою о Саломонѣ (см. выше), они получили сильное подкрѣпленіе въ сѣй послѣдней, ибо здѣсь тотъ же Адріанъ, подъ собственнымъ уже именемъ. Вмѣстѣ съ снѣмъ и Василій Анульевичъ, врагъ Саломона, дѣлается Кудріяискимъ, въ царствѣ Кудріяискомъ: « было поганое царство Кудріяиское, жилъ Прекрасный король Василій Анульевичъ; » « увезъ царицу Соломанью за славное за снѣмъ морѣ, во то ли царство Кудріяиское; » « во той земли Кудріяиския; » « во томъ во городѣ да Кудріяисковѣ. » Наши изслѣдованія вскрыли мы въ творчествѣ народномъ четыре особыя « поганыя царства, » Иадльское, Рахманское (оно же Вахрамейское съ царемъ Вахрамеемъ или Афрономъ, врагамъ Ивана вообще, а въ Кіевскомъ творчествѣ Ивана Годеновича и Потыка), Рахлейское, Кудріяиское: имъ соотвѣтствуютъ и ими выражаются четыре особыя слоя въ нашей доисторической эпохѣ язычества. Послѣдніе два переходятъ къ намъ преимущественно черезъ старыя наши поселенія во Фракіи, на Черномъ морѣ и Дунаѣ, заимствуя самое имя отъ тамошнихъ мѣстныхъ преданій: вспомните Гераклею, городъ и округъ Геракловъ, а потомъ Фракійскій « Адріановъ городъ, » Адріанополь.

Таковы всѣ главные слои, введеніе въ поэму о Саломонѣ, принявшіе къ ея основѣ. Второстепенные, и вообще на планахъ дальнѣйшихъ, явились уже послѣ этой поэмы и объясняютъ ее какъ нередѣлки, возникшія изъ однихъ съ нею источниковъ, но имѣвшія свою отдѣльную и позднѣйшую исторію. Таковы 1) разныя сочиненія Византійскія, возникшія на почвѣ позднѣйшей Византіи и переходившія къ намъ по рукописямъ или связанныя съ нашими преданіями; изъ прѣмѣръ: « Сказаніе о Индіи богатой, » этомъ Рахманскомъ царствѣ, которое помѣщается однако цурою и въ Абиссиніи, — изъ черты историческихъ, на исторической нити въ развитіи иносѣ; « въ Вавилонскомъ царствѣ, » отауда Византійскій царь, Левъ, Улевъ, Волуи (близкій къ Волоту), въ крещеніи Василій (Анульевичъ), похищаетъ драгоценности, ожерелье, цѣпь, вѣнецъ и т. п., посредствомъ пословъ — подвластныхъ Византіи (по крайности въ церковномъ отношеніи) народовъ, своего Грека, Обеманна (Абхаза) и Русья или Словенина, подобно какъ нашъ древній царь черезъ Семіодовъ. Эти вѣдчи, добытыя изъ Вавилона, который описанъ

здѣсь съ позднѣйшею мнѳологическою путаницей, достаются послѣ: изъ Византіи въ Русь Владиміру Мѳномаху, съ такимъ же полуисторическимъ разсказомъ. И т. п. 2) Сказанія устныя и народныя, въ основѣ близкія къ поэзіи о Саломѳнѣ и нашимъ народнымъ сказкамъ; но прошедшія позднѣе еще черезъ другіе народы: « Бова королевичъ » черезъ Поморскихъ Славянъ, съ пріимъсю чертъ Западной Европы и отчасти Востока; « Ерусланъ Лазаревичъ, » шедшій тѣмъ же путемъ, но гораздо болѣе западнаго вліянія понесшій черты Армянской или Грузинской передѣлки. Въ послѣднемъ труднѣе отлѣпнть чистую основу: но первый ярче въ своей близости къ основному мнѳу, раскрытому въ нашемъ изслѣдованіи (см. « Зам. » къ 4-му выш. Кир.). Его, ребенка, преслѣдуетъ мать, убившая отца его и вышедшая за другаго; моритъ его въ темницѣ голодною смертію или подосланнымъ хлѣбомъ на зѣиномъ салѣ; спасаетъ его—посредница дѣвка Чернавка, посредникъ дядька Симбалда; потомъ съ берегу похищаютъ его корабельщики и хотятъ продать какъ Іосифа, какъ Діониса; послѣ разныхъ блужданій, гдѣ встрѣчается онъ и съ Калѣкою Перехожимъ, переведеннымъ въ Чернеца, и пріобрѣтаетъ отъ него особое зелье, то же, что « питье забудущее, » является онъ самъ Калѣкою, съ чернымъ лицомъ, къ невѣстѣ своей и увозитъ ее; съ Полканомъ-Кентавромъ онъ прежде врагъ и соперникъ въ борьбѣ, потомъ это его вѣрнѣйшій другъ, искупающій ему счастье своею смертію; заключается мстью надъ матерью и торжествомъ Бовы. Вся эта сказка столь же народна у насъ, какъ поэма Саломѳона, и, хотя ниже ея, какъ позднѣйшій и болѣе слабый выродокъ, но столько же понесла на себѣ слоевъ отъ разныхъ вліяній, столь же обща и намъ, и Западной Европѣ, а потому весьма испорчена по рукописямъ *).

*) Любопытно замѣтить. Имя Кентавра, по нашему Кентавраса, исходитъ изъ эпохи доисторической, общей для многихъ народовъ, и принадлежитъ образу, столь же для нихъ общему, при томъ по эпохамъ весьма различнымъ, было загадкою для самихъ древнихъ и вызывало разнообразныя толкованія. Имя Геранга, Мелкарта, потеряло ту же участь, перешедши въ нашего Таракашку, Тарашку, Тараса (см. ниже), на Западъ въ Морюла, Морюла, и т. п. Каждый народъ привнесъ сюда, какъ мы знаемъ, свое словопроизводство отъ національных корней и формъ слова. Полканъ прошелъ тѣмъ же путемъ: мы замѣчали уже прежде, какъ его позналъ нашъ народъ и на земли словопроизводства, прямо соответствующія Русскому языку, указавъ употребленіемъ сего имени. Изъ западныхъ редакцій сказаній о « Бовѣ, » нуть котораго опредѣлнть съ точностію отказывались самые лучшіе западные ученые, какъ на прнмѣръ Я. Гриммъ, въ прѳстонародной Итальянской, разившейся съ

Можно бы здѣсь сравнить съ нашею поэмою о Саломонѣ такую же поэму Нѣмецкую и другія западныя ея развѣтвленія, даже у Славянъ: мы и не отвергаемъ, что это нужно и весьма важно. Но, по началу, положеннымъ въ основу всѣхъ нашихъ «Замѣтокъ», это должно быть сдѣлано *послѣ*, какъ сравненіе между двумя *равными*, одновременными областями творчества, послѣ того какъ разобраны стихихъ *старшія*, послужившія для нихъ общимъ началомъ. Указавши такія стихихъ и предоставивъ себѣ сравненіе съ Западомъ послѣ (если не

конца XV вѣка, являются нѣкоторыя черты и Славянскія, по общенію среднихъ вѣковъ, на примѣръ Маркобрунъ—въ нашихъ сказкахъ изъ Д а н с и л а , Данцига,—у Итальянцевъ царь П о л ь с к и й (Rè di Polonia). Полканъ здѣсь Р о л ь с а н ь : вторую половину слова, одинаковую съ *сана*, народъ объяснилъ -собакою- и богатырь вышелъ полу-человѣкомъ, полу-собакомъ. Сравните ниже Итальянскія передѣлки поэмы о Саломонѣ. Но какъ Перемль, Мелкертъ, и т. п., рѣшавшіе загадки, перешли потомъ у народа простаго разныхъ странъ въ лица грубыхъ шутишковъ и остривовъ (ср. Бзопа или у насъ ниже Тараса, нѣмецкаго Моролта), такъ съ *Pulicane* связался балаганный герой *puletella*, франц. *polichinelle*, и т. п. Подобные переходы именъ объяснять заимствованіемъ одного народа отъ другаго, также трудно, какъ выводить, на примѣръ, наше *домъ* отъ *domus* или *дмачо*, *носъ* отъ *nasus*, *пазо*, или обратно. Сама Итальянская сказка о Богѣ выводитъ героевъ своихъ изъ Греціи, съ Душой, и т. п., съ общихъ старшихъ поселеній для многихъ Европейскихъ народовъ. Мы можемъ только различать старшинство образовъ, смотря по близости въ исконнымъ именамъ и началу творчества, по обширности или эпической дѣятельности, а въ словопроизводствѣ ихъ именъ — смотря по ясности ихъ для одного языка, по темнотѣ для другаго. Такъ наше имя *Полкана* далеко превосходитъ ясностію Итальянскаго *Пулкана*, особенно въ первой половинѣ — этой *Pult*. Образъ -коня- и -тура-, истекающій изъ самой первобытной древности, конечно старше извращенной передѣлки въ -собаку-. Это у насъ -Старшій богатырь-, старше Кіевскій и Кіевскаго творчества; съ тѣхъ поръ онъ извѣстенъ въ самыхъ древнихъ Былинахъ, въ Сказкахъ — этою по происхожденію Черноморскою и Придунайскою мѣст., въ Стихахъ, въ рукописяхъ. Въ поэмі о Саломонѣ онъ отождествляется съ -Исполняши-, -Коньши-людми-, а вѣсть -Кентавромъ-, и т. п. Si licet parva сопроере magnis, можно привести изреченіе г. А. К о т л я р е в с к а г о , который списалъ себѣ истинное безсмертіе и заслужилъ мѣсто въ нашемъ изданіи: нашего Полкана онъ объяснилъ э д и м с т в о в а н і е м ъ отъ Итальянцевъ, отъ ихнаго праотца полишинелей. Въ статьѣ, которую прочли мы сейчасъ, печатае эти строки, -Моск. Вѣд.- № 87, сей легкій критикъ, въ дополненіе къ грузному пустословію, противъ насъ направленному, присоединилъ единственный, такъ называемый -грустный и поучительный фактъ:- «Резьбъ или Полканъ— русское? Всякому, сколько нибудь знакомому съ наукой, даже и школьнику извѣстно, что Полканъ есть извѣстный западный (итальянскій) *Пулкана*, зашедшій на Русь вѣсть съ Бовою и его сподвижниками. Не тѣшился надъ этикъ -веселымъ- фактомъ только изъ гуманности, предвидя, что шуталый авторъ, по достиженіи практическихъ цѣлей, временно руководившихъ его услужливымъ перомъ, сдѣлается горячимъ послѣдователемъ нашего ученія: задатки къ тому видимъ уже теперь, въ безцеремонныхъ выпискахъ изъ нашихъ «Замѣтокъ». Только будетъ ли въ такомъ послѣдователѣ находка для науки?

предварять охотники миеографы, которые обыкновенно съ этого и начинают), мы теперь изложимъ все содержаніе поэмы о Саломонѣ, на сколько она извѣстна по записаннымъ наматникамъ устного творчества и по Славяно-русскимъ Кирилловскимъ рукописямъ, для насъ доступнымъ. Даныя слѣдующія: Былны и отрывки въ настоящемъ изданіи; Стихи, особенно о Голубиной Книгѣ и Вгорѣ («Кал. Перех.» вып. 2); Сербскія сказки (изд. Караджича, «Пришвинство», 1853, Взна); рукописи—Румянецъ. Палед. № 453; Толст. Я, № 140, Публ. Библ. Q, № 22; Румянецъ. Сборникъ, № 363, и друг.; «Пам. стар. Р. литер.» вып. 2 и 3; «Очеркъ» г. Цыпина.

Всѣ почти черты основнаго дѣла, выше нами приведенныя въ изслѣдованіи, отзвучатъ и повторятся такъ или иначе въ самомъ содержаніи поэмы, которое мы изложимъ: но безпрестанно напоминать эти черты было бы уже утомительно; читатель конечно теперь достаточно ими проникнуть и узнастъ ихъ самъ при нашемъ изложеніи данныхъ. И такъ:

І. РОЖДЕНІЕ, ВОСПИТАНІЕ, ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ, ПЕРВЫЯ ПОВѢДЫ САЛОМОНА.

Имя: въ устномъ творчествѣ *Саламанъ*—*Саламана*, *Саломонъ*—*Саломона*, *Солманъ*—*Соломана*, сербск. *Соломунъ*, въ рукописи. *Соломанъ*, *Соломонъ*, и т. п.

Въ Голубиной Книгѣ (Стихъ Сводный), по старшимъ ея спискамъ, близкимъ къ «Святкамъ» или «Спискамъ Брусалинскимъ» (см. ниже), «по стороны (въ сторонѣ отъ) святаго града Іерусалима, у дуба Маврійскаго,» является сперва одинъ Волотъ, происходящій отъ самого себя—*Волотоичъ*, соответствующій Волосу или Велесу, потомъ передѣланный въ *Волотемала*, подобно *Соломану*: «онъ хорошъ загадочки загадывать, и загадывать, и отгадывать.» Далѣе къ нему присоединяется *Давдъ*, загадки и разгадки съ обѣихъ сторонъ дѣлятся между ними. За тѣмъ является «царь *Константинь*,» «царь *Ислай*,» «*Василій* царь *Сенакуръевичъ*» или «сынъ *Акудъевичъ*.» *Волотеманъ* отгадываетъ загадки космогоническія, о происхожденіи

орлица, свѣта, вѣтра и т. д.; Давидъ касательно пройденныхъ зем-
частномъ образомъ, Моря, Птицы, Кита, Звѣря, и т. д., съ при-
мѣненіемъ къ жизни Освѣлой, къ Городамъ, Церквамъ, и т. д.,
а вмѣстѣ къ именамъ и событіямъ историческимъ, съ точки зрѣнія
Ветхозавѣтной, потомъ Христіанской. Позднѣе, въ редакціи чисто-
русской, Волотоманъ обращенъ въ Володимира, и послѣдній,
оставшись одинъ съ Давидомъ, предлагаетъ только вопросы или за-
гадки, а Давидъ рѣшаетъ. Въ концѣ Стиха Володимиръ проситъ
разрѣшить ему Сонъ о видѣнныхъ двухъ Злаицахъ, блѣдомъ и
сѣромъ, въ барыбѣ; Давидъ рѣшаетъ это Правдой и Кривдой.
Но въ первоначальномъ видѣ, чуждомъ отвлеченности и болѣе образ-
номъ. Волотъ или Волотоманъ рассказываетъ Давиду Сонъ о Де-
ревѣ:

Волотоманъ царь проговорилъ

[Возговорятъ Волотоманъ царь]:

— Миѣ царю Волотоману,

— Миѣ ночесе—ночь мало спалося,

— Мало спалось, много во снѣ видѣлось,

— Миѣ предивный сонъ во снѣ превидѣлся:

— Какъ [быдто] въ моемъ ли было зеленомъ саду

— Выросло [туть] деревцо [древѣ] сахарное;

— Изъ далеча изъ чиста поля

— Прилетала пташечка малѣшечка [малѣшенька],

— Садилась на деревцо [на мое на древѣ] сахарное,

— Распушала перья до сырой земли.

— Ужь ты можешь ли, царь, про то вѣдати,

— Про то сказать и миѣ повѣдати,

— Я люблю тебя царя, пожалуйю

[— Ино кто сказалъ бы, братцы, про мой дивный сонъ,

— Я бѣ того, сударь, много пожаловалъ?—

Тогда все цари приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ [на то] Премудрый царь,

Нашъ Премудрый царь Давидъ Евсеевичъ:

« Какъ тебѣ, царю Волотоману,

« Мало спалось, грозно во снѣ видѣлось,

« Въ твоёмъ ли было зеленомъ саду

« Выросло деревцо сахарное:

« У твоей царицы благовѣрныя

[« А отъ его царицы отъ благочестивья]
 « Народится дочь С л а м и д і я [С л о м о н и д і я].
 « Изъ далеча изъ чиста поля
 « Прилетала пташечна малѣшечка,
 « Садилась на деревцо сахарное,
 « Распущала перья до сырой земли:
 « Какъ моя царица благовѣрная
 « Родить сына С л о м о н а
 [« Народится сынъ, царь С л о м о н ъ],
 « А этому сыну моему
 « На твоей дочери женату быть
 [« Моему сыну, царю Солóмону,
 « На его на дочери быть женитися];
 « Какъ теперь у насъ и въ зачатїи нѣтъ,
 « Тому пройдетъ времени тридцать лѣтъ,
 « Тогда сны-то наши сбудутся
 [« Черезъ тридцать лѣтъ этотъ сонъ разсудится],
 « Тогда дѣти наши народятся,
 « По возрасту вмѣстѣ сойдутся.»

По рукописямъ, въ « Бесѣдѣ Ерусалимской, » коей отвѣчаютъ рукописные и устные « Списки » или « Свитки Ерусалимскіе, » съвѣщаются « посторонъ града Іерусалима, у дуба Маврейнаго, » « большой (старшій) царь Волотъ Волотовичъ, » Моисей Моисеевичъ, Елисей Елисеевичъ, Давидъ Іессеевичъ. Отслушавъ литургію, разговоръ съ загадками и разгадками начинается между Волотомъ и Давидомъ, такой же, какъ въ Голубиной. Книгѣ; Волотъ между прочимъ, какъ представитель втораго начала, творца міру и судїи, рѣшаетъ Давиду загадку о послѣднемъ Судѣ (кризисѣ), ср. ниже Суды; онъ же спрашиваетъ о Снѣ своемъ, о Дкрѣвѣ: « Рече мнѣ царь большой Волотъ Волотовичъ: « Ой вы, цари и князи благовѣрныя! Скажите вы мнѣ, не утаите: ночесь вашъ кому что и каковъ сонъ видѣлся? Не можете вы утаить отъ меня, мнѣ повѣдайте.» И всѣ цари молчатъ. И рече царь Волотъ: « А мнѣ ночесь много видѣлось, и вы про тотъ сонъ скажите, и добромъ ево осудите (разсудите). Съ тое страны восточныя восходитъ луча солнца краснаго, освѣтила всю землю свѣто-русскую; а въ другую сторону полуденную выросло древо кинарисъ, серебряное кореніе и вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа

свидѣть птица кречеть бѣлой, на ногахъ у него колокольчикъ. Кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать? » И тутъ царя умолчали всѣ; единъ отъ нихъ выступалъ царь Давыдъ пророкъ Іесьеевичъ и зговорить таково слово: — Государь ты нашъ, первый царь Волотъ Волотовичъ! Далече намъ грѣшнымъ до Рима и до Іакова Брата Господня: тотъ бы сонъ твой отгадавъ. И азъ тебѣ про него съкажу, и тотъ твой сонъ сбудетца во второмъ на десять году: у меня, царя Давыда, родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родитца дочь Соломонида Волотовна, а еще нынѣ во утробѣ нѣтъ.—» Далѣе, луча съ востока — на Руси будетъ градъ Ерусалимъ и въ немъ церковь Софїи. Премудрости Божїи о 70 верхахъ; вѣтви золотыя — паникадилы; вѣтви бумажныя—свѣчи передъ образомъ. «—А что съ твоей страны полуденныя выросло древо кипарисъ, кореніе сребренное: то у меня будетъ сынъ царь Соломонъ Премудры, и онъ созиждетъ (созиждетъ) святая святыхъ, — то есть кречеть бѣлы. А что у кречета колокольчикъ золотой: у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца, и твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ. — И отвѣща ему царь Волотъ Волотовичъ: «Исполать тебѣ, царь Давыдъ, что ты гораздъ сны-загадки отгадывагъ.»—Одно и то же существо раздвоилось на Волота и Давида; то же раздвоеніе, когда отъ этого первоначально-единого существа—Саломонъ и Саломонида; Саломонида—половина Саломона: опять одно существо, раздвоившееся на Саломона и Саломониду. Давыдъ свать Волоту; Саломонъ ему зять, Саломонида дочь. Саломонида старше Саломона, дочь старшаго царя, представителя язычества: она должна послѣ повторить отца, какъ представительница поганства. Саломонъ, въ дальнѣйшей исторїи, также повторяетъ Волота, но какъ преемникъ юный, образъ творческаго, премудраго начала, и образъ сочувственный: на его сторонѣ сочувствїе Христіанства, онъ долженъ быть побѣдителемъ, онъ возьметъ царство Волота. — Ср. прежде видѣніе Египтянъ о перерожденїи Нектанеба царя въ юношу черезъ 30 лѣтъ; а равно ниже загадку Давида о Деревѣ, разрѣшаемую Саломономъ.

У насъ: Во тоемъ во градъ въ Ерусалимъ

Стояли у обѣдни у долгїа.

Близъ того храму великаго

Стоялъ тутъ садъ купца темнаго (слѣпаго).

Пришелъ въ тотъ садъ купецъ темный
 Со своею женою законною,
 Говорила жена ему возлюбленна:
 « Ты ей же, мужъ мой возлюбленный!
 « Въ нашемъ саду во прекрасномъ
 « Теперь новости объявились:
 « Выростали на древе у насъ яблоки.»
 Подавала съ кармана ему яблоко.
 Какъ съѣлъ купецъ тую яблоку,
 Самъ говорилъ таково слово:
 — Ты гдѣ, жена, взяла эти яблоки?—
 Говорила жена ему возлюбленна,
 Что « Есть еще этихъ яблоковъ,
 « Только висятъ онѣ высоко есть.
 « Захватись-ко за дубъ ты руками, де,
 « А я выстану въ дубъ тотъ высокій,
 « Достану тебѣ эти яблоки.»
 У самой въ дубу была люлька тамъ,
 Въ этой люлечки былъ полюбвинокъ:
 Ложилась она къ ему въ люлечку.

«То сотворилъ Богъ слѣпому глаза, то увидѣлъ онъ жену свою съ любовникомъ въ люлкѣ; и закрычалъ:—Ахъ ты, жена, эдакая дура! Какъ ты могла надъ моею главою сотворить блудъ?— То сказала ему жена: « Допусти меня только до зени, то я вся твоя; хоть ты меня бей, хоть ломи, только выслушай, что я тебѣ скажу; я ночесъ спала и видѣла во снѣ сонъ: если бы мнѣ надъ твоею главою сотворить блудъ, то бы тебѣ Богъ далъ глаза.» То взялъ свой мужъ свою жену за правую руку, поцѣловалъ и пошли домой.» Ср. выше значеніе стараго, слѣпаго начала вѣи бога, прелюбодѣянїе женской половины, рожденіе спасающаго юнго бога и проч., а также многи, связанные со сномъ, деревомъ, ослѣпленіемъ, яблоками, люлками и т. п., особенно при Діонисѣ.

То же самое повторяется съ Давидомъ:

Во тую пору во то время
 Царь Давыдъ случился на [балконн] быть
 Со своей Прекрасной Царицею;

Увидали слѣпаго—за дубъ держится,
 Говорилъ царь Давыдъ со царицею:
 «Если бы на сей часъ слѣпому Богъ прозрѣніе далъ,
 «Что бы онъ могъ сдѣлать со своей женой?»»
 Говорить Царица Прекрасная:
 — На то бы были у моей сестры отверточкы.—
 А сынъ во чревѣ заговорилъ: «Баба по бабы и судъ су-
 дить!»

Мать говоритъ, что—Я чего ни будь выпью
 — И тебя во чревѣ употреблю.—
 А сынъ сказалъ, что «Я выломлю боку,—
 «Ребро проломлю и тутъ вонъ выду!»

Царь съ царицею гадаютъ о представившейся загадкѣ, царица оказы-
 вается склонна къ прелюбодѣянiю; младенецъ обличаетъ ее еще
 въ утробѣ и за то навлекаетъ ея вражду: ср. выше разговоры Мор-
 ского царя и царицы, Елены Давыдьевны перелъ прибытіемъ Вольги,
 жены Адриана, и т. п.

Когда купецъ исцѣленъ былъ отъ слѣпоты послѣ прелюбодѣянiя же-
 ны и примирился съ ней, «сказалъ на то царь (Давидъ): «Что сей
 мужъ ничего со своей женой не сдѣлалъ? Такъ не что ему и съ глаза-
 ми дѣлать!» Два раза ступилъ—и больше не видитъ.» Царь ослѣпѣлъ.

«Какъ скоро пришла домой царица, родила сына и приказала лакею
 «его вынести на кухню и заколотъ его, и вынять изъ него сердце,
 и зажарить, и принести ко мнѣ, что онъ будетъ Мудрый и истре-
 бить меня.» То сей часъ вынесъ лакей на кухню; и онъ сказалъ
 лакею, что — Не истребляй меня; черезъ меня и ты счастливъ бу-
 дешь. А сей часъ иди въ спальню: сука принесла шесть псовъ; то
 любого ты заколи, вынь изъ него сердце, изжарь и отнеси ей. —
 То сейчасъ лакей изжарилъ и принесъ къ ней псине сердце. То
 взяла на вилку: «Ахъ, какъ оно на псину пахнетъ!» То сказалъ
 лакей, что «Я несъ и противъ спальни сронилъ на полъ, и сука
 схватила зубами.» А онъ себя велѣлъ отнести лакею въ солому.
 А царица послала лакея къ кузнецу на мѣсто купить мальчика; и
 кузнецъ продалъ. По утру отправился къ овину за соломой и нашелъ
 тамъ мальчика: и сталъ растить за сына. Когда уже ему исполнилось
 семь лѣтъ, то онъ началъ говорить своему отцу: — Скажи-ко ты
 мнѣ, тятенька: ходишь ли ты къ царю? — Отвѣчалъ ему отецъ, что

«Хожу.» — А что же ты къ нему ходишь, а къ себѣ не зовешь? — То кузнецъ къ царю шелъ и попросилъ къ себѣ откушать. Спрашивалъ у отца сынъ, что — Спросилъ ли ты у царя, что, большой ли онъ святой будетъ? — То царь сказалъ, что «Я буду всей святой.» — То съ какого приходу вамъ кушанья становить? съ большаго или съ малаго? — Отвѣчалъ ему царь, что «Ставь съ полнаго приходу.» То приходилъ кузнецъ домой и закручинился. То спросилъ его сынъ, что — Для чего онъ такъ кручиненъ? — Отвѣчалъ ему отецъ, что «Лутчи бы было не сиршано: приказалъ царь ставить кушанья съ полнаго приходу.» Отвѣчалъ ему сынъ, что — Дешевле этого кушанья и нѣту; поди и вози домой рѣпу, и царь царю. — То сейчасъ пришелъ царь, подали на столъ одну царю и печенки...» Мать преслѣдуетъ родившагося ребенка, ее обличившаго, велѣно вынуть его сердце и изжарить; собака служитъ средствомъ спасенія; проглотивъ пшное сердце вмѣсто сыновняго, мать, мы знаемъ изъ прежнихъ очерковъ, даетъ возможность вырасти сыну и потомъ вступаетъ къ нему, какъ юношѣ, въ отношеніи любви; отецъ тѣмъ спасается и также юнѣетъ, перерождается въ сына. Саломонъ воспитывается въ уничиженіи: посредствомъ того же «сердца со печенью (печенки)» исцѣляетъ пришедшаго отца-царя отъ слѣпоты, обличаетъ дѣйствія злой матери, принимается отцомъ, заслуживаетъ его мѣсто на царствѣ. Перерожденіе старика выражается какъ его прозрѣніемъ, такъ и тѣмъ, что его снѣняетъ сынъ на царствѣ. Это одно изъ первыхъ разрѣшеній древней загадки со стороны сына.

Та же исторія сына, во чревѣ или рожденіемъ обличающаго предлюбодѣйную мать, ея преслѣдованія, спасеніе ребенка, воспитаніе въ уничиженіи, рѣшеніе нѣтъ первыхъ загадокъ для окружающихъ его: «Царица, мать Саламанова, повеселася отъ мужа своего. Сидитъ она разъ у себя въ ложнѣ и разговариваетъ съ своими прислуживцами: говорятъ онѣ келейныя рѣчи: «У одной женщины мужъ-то очень старъ, такъ она и держитъ себѣ полюбовника.» Царица молвила: — И я на ея мѣстѣ то же сдѣлала бы. — А дѣтище во чревѣ провѣщилось: «Б... по б..... и судъ судить.» Говорила царица такыя слова: — Ахъ ты злое дѣтище во чревѣ моемъ! я тебя и на свѣтъ не выпущу! — А сынъ на мѣсто отвѣчаетъ: «Ты бы не выпустила, да я самъ выду и ребро выставлю.» — Ахъ ты злое дѣтище! не будешь ты счастливо! — Прошла пора-время срочное, и породила она сына, и жилъ онъ до пяти годовъ. Вотъ Царица и го-

ворить Дядькѣ: — Возьми сына моего позаочь, сведи его на взморье, заколи и принеси его сердце мѣ-ка-ва. — Дядька не можетъ ослушаться царицы, и привелъ Саламана ко взморью. Какъ пришли на взморье, говоритъ Саламанъ: «А что тебѣ, дядька, говорила моя родительница?» — Велѣла заколоть тебя и сердце твое ей принести, да жаль мѣ-ка-ва тебя. — А тутъ о море по берегу бѣжитъ собака. «Дядька, говоритъ, Саламанъ, кличь собаку.» Сталъ дядька свистать-посвистывать: собака не идетъ. Сталъ Саламанъ свистать-посвистывать: на зовъ собака пришла и хвостомъ вертитъ. «Дядька, говоритъ Саламанъ, заколи собаку, вынь сердце и снеси моей родительницѣ.» Пришелъ дядька къ царицѣ съ собачьимъ сердцемъ и говоритъ ей: — Твое царское величество! исполнено твое желаніе: сердце вынато. — Сварили сердце и подали царицѣ. Какъ положила въ ротъ, такъ и закричала: «Ахъ, какое злое дѣтище: и сердце смердитъ на собачину!» А царь Саламанъ простился съ дядькой и пошелъ о взморье. Пришелъ въ село полномочное, зашелъ въ гумно, а на гумнѣ крестьяне молотятъ хлѣбъ. Взошелъ Саламанъ на ометъ, сѣлъ о стѣну и слышитъ, говоритъ крестьянинъ съ сынавами: «Что, дѣти мои, сынава! я вамъ загадку загонѹ. Если загадку отгадаете, моимъ имѣньемъ повладаете.» И загонѹлъ загадку: «Что скорѣе всѣхъ по землѣ ходитъ, кой хлѣбъ чище всѣхъ на землѣ, съ коимъ скотомъ крестьянинъ говоритъ?» Смотрите выше, какъ за сими Саламанъ, найденный на гумнѣ, рѣшилъ загадки крестьянамъ, вступилъ въ ихъ братство, получилъ долю въ имѣньи, одѣлся пастухомъ: послѣ онъ найденъ отцемъ или приведенъ къ нему для рѣшенія трудныхъ загадокъ и открытъ.

Въ Сербской сказкѣ: «Премудрый Саломонъ однажды въ разговорѣ сказалъ передъ своей матерью, что всякую женщину можно обмануть. Мать его за то крѣпко разбранила, говоря, что это неправда. Послѣ того гдѣ-то и какимъ-то образомъ Саломонъ доказалъ своей матери, что она какъ и прочія женщины. Мать его за то крѣпко разсердилась и прокляла его, чтобъ не умереть, пока не увидитъ морской глубины и небесной вышины.» Мать обрекла его на трудныя подвиги: это и сбылось послѣ въ походахъ Саломона, которыя мы еще увидимъ.

Къ той же эпохѣ, когда Саломонъ ребенкомъ разгадывалъ первыя загадки или рѣшалъ первые суды свои, относится другая Сербская сказка: «Былъ холостой человекъ; ему навязывали одни дѣвушку,

другіе вдову, третью разводную. Вотъ и не зналъ онъ, какую взять, потому что собою всё три были хороши и красивы. И пошелъ онъ къ одному старцу спросить, что лучше, взять ли дѣвушку, или вдову, или разводную. А старецъ ему говорить: «Я тебѣ, сынокъ, на то не умѣю ничего сказать, а иди ты къ Премудрому (т. е. Саломову), онъ тебѣ сѣумѣетъ сказать, что лучше, да послѣ иди мнѣ сказать, что тебѣ онъ повѣдалъ.» Тогда человекъ пошелъ ко двору Саломову. Когда пришелъ передъ дворъ, спрашиваютъ его слуги, чего онъ хочетъ, а онъ имъ говорить, что идетъ къ Премудрому. Тогда его взялъ одинъ слуга и ввелъ во дворъ, да протянулъ руку на одного ребенка, а ребенокъ сѣлъ верхомъ на палку и валяется по двору: «Вонъ тебѣ Премудрый!» Человекъ подивился и подумалъ себѣ: «Что мнѣ сѣумѣетъ сказать этотъ ребенокъ! Однако, коли ужъ я пришелъ сюда, ну—ка посмотрю, что онъ скажетъ!» Пустился къ Саломову, да какъ подошелъ къ нему, тотъ остановился какъ слѣдуетъ на своемъ конѣ и спросилъ его, чего онъ хочетъ, а человекъ сказываетъ ему по порядку, въ чемъ и какъ дѣло. Тогда отвѣчалъ ему Премудрый: «Коли возьмешь дѣвушку, такъ ты знаешь; коли возьмешь вдову, она знаетъ; а коли возьмешь разводную, берегись моего коня!» Да какъ повернется тогда, да концемъ палки задеретъ человека поперегъ ноги, да и валай опять по двору. А человекъ тогда подумалъ самъ съ собою: «Прямой же я дуракъ! Человекъ я взрослый, да пришелъ къ ребенку за совѣтомъ, какъ жениться!» Вернулся назадъ и пошелъ къ старцу спросить, къ кому онъ его послалъ шататься! Какъ пришелъ къ старцу, и кричитъ на него, и сердится, рассказываетъ ему все, какъ было у него дѣло съ Премудрымъ. А старецъ отвѣчалъ: «Э, сынокъ! Да Премудрый—то вовсе не вздоръ сказалъ: если возьмешь дѣвушку, ты знаешь, — значитъ, она будетъ держаться того, что ты знаешь все лучше ея и будетъ тебя слушаться, какъ только ты хочешь; если возьмешь вдову, она знаетъ, — значитъ, она ужъ была одинъ разъ женою, такъ вотъ теперь и думаетъ, что все знаетъ, да и не будетъ тебя слушаться, а захочетъ все тебѣ приказывать; а коли возьмешь разводную, берегись моего коня, да палкою тебя по негѣ, — значитъ, берегись, чтобъ она тебя не ожгла, какъ ожгла и перваго мужа!» Разгадка эта, въ формѣ шпической то же, что въ иввахъ болѣе старшихъ — по приметамъ узнать невѣсту или отличить одну женщину отъ другой изъ цѣлой толпы ихъ, схожихъ между собою: эту загадку, облачающую умѣнье или неумѣнье распознать

разные виды бытія, задають враги и нашему Ивану («Зам.» къ 3 и 4-му выш. Кир.), рѣшаетъ и Саломонъ взрослый, какъ убѣдимся ниже.

Другая разгадка приписывается Саломону, когда еще жилъ онъ при отцѣ, т. е. въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, а именно слѣдующая по нашимъ рукописямъ. Пришли къ Давиду два человека тягаться и одинъ на судъ обратился къ другому: «Занялъ еси ты у мене шесть яиць вареныхъ, и тому уже минуло шесть лѣтъ, и азъ бы въ то время разведалъ много курать.» Давидъ разсчиталъ всѣхъ этихъ возможныхъ курать въ огромномъ количествѣ и велѣлъ отвѣтчику, чтобы выдать. Подвернулся сынъ. «Слышавъ же царя Давыда судъ, сынъ царь (anticipando) Соломонъ, и научи мужа того премудрости своей, и рече ему: «Взори ниву близь пути, гдѣ бѣдять, съяти горохъ вареной изъ котла своего.» Сдѣлано, Давидъ проездомъ увидалъ и спрашиваетъ: — Почто съеши горохъ вареной при пути, понеже той не можетъ возрасти? — Тотъ отвѣчалъ: «Почто ты мене, царю Давыде, осудилъ неправедно и за что продаеша мя (древнее значеніе слова «продажа,» пѣня съ осужденнаго, взыскъ проторей) въ яицахъ вареныхъ? Се ты, царю, узналъ еси, что вареной горохъ не можетъ возрасти, тако же, де, и отъ яиць вареныхъ како можетъ привлодъ быти?...» Царь Давидъ: — Кто ты сей премудрости научилъ еси? — «Воистинно сей премудрости научилъ мя сынъ твой царь Соломонъ.» Царь же Давидъ прослави Бога, слыша о сынѣ своемъ Соломонѣ и о премудрости его.» Здѣсь пока Саломонъ имѣетъ дѣло все съ нисшимъ слоемъ народа, съ нахарями, пастухами и т. п., благотельствуя имъ разгадкою загадокъ. Во всемъ дѣтствѣ его замѣтна эта черта: она соотвѣтствуетъ уничиженію, въ которомъ растетъ юноша по другимъ сказаніямъ.

Въ другомъ рукописномъ сказаніи о Саломонѣ такъ говорится о его рожденіи, воспитаніи, вступленіи на царство: «Царствующу Давиду царю во Іерусалимѣ, и родился ему сынъ Соломанъ отъ жны Урим, а не отъ влудницы. И нача его царь Давидъ, Соломана, учить грамотѣ на одной, ино всякой премудрости и хитростямъ (ср. воспитанника Акурова). Да возрасте Соломонъ, тогда отецъ его царь Давидъ преставися. По отцѣ же поча Соломанъ царствовать во Іерусалимѣ.» Въ этомъ началѣ, за которымъ впрочемъ слѣдуетъ своего рода поэма, писавшій примѣнился къ исторіи и, желая оправдать эпического Давида историческимъ, нахѣренно налегъ на то, каковымъ способомъ родился Саломонъ: отрицательный приѣмъ не темнѣе

положительнаго объяснилъ намъ дѣло. Между тѣмъ, по этическому сказанію, дѣло было такъ, какъ говоритъ другая рукопись: «Бысть у царя Давида три дѣвицы (наложницы), а не было у царя Давида ни единого сына; и нача царь Давидъ со царицею своею Версавіею о томъ Богу молитися, дабы имъ Господь далъ сына. И услышалъ Господь молитву ихъ, и въ то же время понесла царица Версавія Божіимъ повелѣніемъ во утробѣ своей, не вѣиъ сына, не вѣиъ дочь («ни то сына, ни то дочь,» сказка, передѣланная послѣ у Пушкина; Саломонъ раздвоился уже въ утробѣ матери на Саломона и Саломонию). Приспѣ же годъ (время) нареженію ея; и народила сына, и нарекоша ему имя Соломанъ. И какъ будетъ дѣтище Соломанъ осми лѣтъ, и призвалъ царь Давидъ своего слугу именемъ Ичкалу, и даше сына своего Соломана хранить и лелѣяти доброму своему слугѣ Ичкалу. А началъ дятка Ичкалъ Соломана блюсти и лелѣяти съ великою радостію, а единого Соломана накуды не отпускаетъ гулять и тѣшиться. И въ нѣкое время царица Версавія, мати Соломанова, пошла со дѣвицами по переходомъ тѣшиться и гуляти, и Соломанъ почелъ по сѣнямъ со своими отроки гулять и играти; и почелъ Соломанъ дѣлати въ деревцѣ вѣсочки, а въ вѣскахъ почелъ вѣсвить песье г... съ женскимъ умомъ. И царица мати его Версавія пришла въ тѣ поры тутъ же на потѣху къ Соломану и рече ему царица: «Что ты, Соломоне, вѣсмишь?» И Соломонъ рече: «Вѣшу песье г... съ женскимъ умомъ.» И царица мати его пошла на потѣху, и рече Ичкалу дяткѣ: «Пойди къ морю и возми изъ Соломана сердце, выми (вынь), да и принеси ко мнѣ живое; я, съекши, съѣмиъ его, а тѣло въ море вкинь.» — И дятка Ичкалъ рече Соломану: «Пойдемъ мы къ морю, Соломане.» И Соломанъ съ нимъ пошелъ къ морю гулять, и дятка Ичкалъ рече: «Господице, чадо Соломане, мати твоя мнѣ велѣла тебя потерять (погубить).» — И Соломонъ рече: «Дятка Ичкалъ, поуди ты да возми сердце изъ пса, а доспѣи (сдѣлай изъ него) сердце человѣчье, а меня продай гостямъ за море, на корабль.» — И тотъ дятка Ичкалъ вынулъ сердце изъ пса живое и принесъ царицѣ, и царица, съекши, песье и съѣла, а Соломана дятка Ичкалъ продалъ гостямъ на корабль наши варити. — И ходилъ Соломанъ по морю многое время, и пришелъ съ гостями къ царю Давиду, ко отцу своему. И пошли гости къ царю съ гостинцами; и царь велию честь воздалъ, и рече гостямъ:—Есть у меня въ моемъ царствѣ колымага добръ добра и дорога; цѣны ей никто не знаетъ.—

И поставилъ колымагу передъ царемъ, и рече царь гостямъ:—Есть ли у васъ таковъ человекъ за моремъ, чтобъ отгадалъ ей цѣну?—И гости передъ царемъ промолчали. И рече царь Давидъ:—Аще не отгадаете той загадки, ино съ васъ головы поснимать велю; аще отгадаете, въ моемъ царствѣ торгуйте торгомъ безъ пошлины и во всемъ вамъ честь воздамъ велю, и съ проводниками отпустить велю. — И гости тому слову не могли отвѣту дать, и пошли съ цррева двора на корабль невеселы и въ великой печали. И вышелъ противъ гостей изъ корабля Соломанъ кашеварь, и рече: «Гости заморяне, пора за столъ и за скатерти: о чемъ (отчего) не кумаете?» И гости (въ) велицѣй печали думу думаютъ и къ столу не вдутъ. И рече имъ Соломанъ: «Гости заморяне, чтѣ думаете, сошедъ съ цррева двора, кое слово прилучилось вамъ на царствѣ дворѣ?» — И гости заморяне говорятъ: «Гажеза царя загадка, не отгунути, ино (если не отгадаемъ, то) намъ головы покласти у царя Давида.» И сказали Соломану загадку; и Соломанъ рече: «Гости заморяне, возверзите печаль на радость (ср. выше Акура), а и васъ отъ тое смерти избавлю и ту загадку отгану царю Давиду; дайте мнѣ великъ даръ...» И гости поклонилися ему до земли и принесли ему дары. И рече Соломанъ: «Даите мнѣ шорты дорогіе, въ чемъ къ царю за столъ итти.» И Соломанъ взялъ (съ) стола хлѣбъ, и срѣзалъ укрой хлѣбца, и носеть къ царю Давиду, и рече передъ царемъ Давидомъ: «Царь Давидъ, сей хлѣбъ дороже злата и сребра.» И поиде съ цррева двора въ велицѣй чести и славы, а гостей отъ смерти избавилъ и животъ имъ далъ (ср. какъ Діонисъ научилъ Мидаса цѣнить хлѣбъ больше золота, а также выше загадку крестьянина о хлѣбѣ, загадки Морскаго Царя съ Царицею при повлеченіи Садка, «о золотѣ и булатѣ въ люлькахъ у ребятъ,» и т. п.).—И гости-заморяне пошли за море, а Соломанъ съ ними же пошелъ торговать по заморью, и принесъ съ ними ко царю Давиду съ великими дарами и съ гостинцами. И царь Давидъ на своей потѣхѣ тѣшитися и..... гостямъ великую загадку заганулъ:—Гости заморяне! По конецъ моего царства стоитъ древо златоцвѣтіе, у того древа самоцвѣтное камешіе, сверхъ того древа мѣсяцъ съяетъ, и около того древа, у корени, пшеница бѣлая, вкругъ же той пшеницы нива оржевая сляпая; отгоните тому древу цѣну, и вы въ моемъ царствѣ торгуйте безъ пошлины; аще не отганете тому древу цѣны, и мнѣ съ васъ головы поснимать.» И гости не могли тому отвѣту дать, и пошли къ своимъ кораблямъ. И встрѣтилъ гостей Соломанъ кашеварь и рече имъ :

«Гости, повдите къ столу и за скатерти.» И рече ему гости: «Не до стола: пришла на насъ царская кручина, загнулъ намъ загадку, и загадка ево тяжела.» И думаютъ гости, стоя на кораблѣ, великую думаютъ думу о своихъ головахъ. И рече Соломанъ кашеварь: «Гости-заморяне, что мнѣ дадите, язъ вамъ отгану загадку цареву, а вамъ животъ дамъ?» И гости то слово слышали у Соломона, и бьютъ челоюмъ ему своими головами, и принесли ему даръ великъ... И рече Соломанъ: «Дайте мнѣ дорогіе порты, въ чемъ къ царю итти за столъ и загадки царевы отгадывать.» И пошли къ царю за столъ, и послѣ стола царь загнулъ загадку, и рече: — Кто еси у васъ загадку мою отгадаетъ? И рече Соломанъ: — «Язъ еси твою цареву загадку отгану.» И рече Давидъ: — По конецъ царства стоятъ древо златовѣтвіе, у того древа самоцвѣтное каменіе; сверхъ того древа мѣсяцъ съяетъ, и около того древа, у корени вкругъ, пшеница бѣлая, вкругъ же той пшеницы нива орженная сильная (ср. выше сонъ о Деревѣ и самое Д е р в о). — И Соломанъ рече: «По конецъ твоего царства стоятъ древо златое, — то твое царство и царствіе; у того древа самоцвѣтное каменіе, — то твои государевы ближніе пріятели и столные многіе цари, и короли и князи, и уланные и мурзы; сверхъ того древа мѣсяцъ съяетъ, — то ты государь царь; и около того древа по земля вкругъ пшеница бѣлая, — то твои ближніе болре, и околичіе, и думные дворяне; и вкругъ же той пшеницы нива орженная сильная, — то твои православные христіане (т. е. «крестьяне,» поселане).» И царь Давидъ выгалился (вытарачилъ глаза) на Соломана, и рече: — Кто еси ты и что за человекъ? — И Соломанъ рече царю Давиду: «Язъ изморь (изъ за моря), намолотчей (наимладшій) дѣтканка.» — Упоминаніе наложницъ въ началѣ этой повѣсти указываетъ ясно, что герой рожденъ отъ прелюбодѣанія; разъясненіе другаго повѣствователя, что онъ родился «отъ жены У р и и,» гдѣ сочинитель счелъ «У р и ю» именемъ женскимъ, забавнымъ образомъ подтверждаетъ то же самое. Разумѣется, все это передѣлано въ «законную» супругу и мать, В и р с л а в і ю или, какъ она здѣсь названа, В е р с л а в і ю. Ревность оскорбленной законной супруги выражена тѣмъ, что она начинаетъ преслѣдованія яко бы на сына въслѣдствіе ссоры съ нимъ и дѣтской дерзости. — Должно быть вышито С е р д ц в: оно спасается вынутымъ сердцемъ С о б а к и. Самъ ребенокъ спасается «дядкою И ч к л о м ѣ;» любовитно, если вы напишете это имя, И ч к л а ѣ, то по слодству рукописнаго

начертанія ч и р, другая форма будетъ П р к а л ь, т. е. И г р а к л ь, съ придыханіемъ Г е р а к л ь, извѣстный намъ посредникъ. — За тѣмъ Саломонъ проданъ въ Р а б ы купцамъ или Г о с т я мъ З а м о р я н а мъ, на К о р а б л ь. Это рабство и странствованіе на кораблѣ то же, что выше приведенное уничтоженіе Саломона въ семьѣ пахарей, въ пастухахъ, у кузнеца и т. д. Рабство это между прочимъ представляется « чернымъ: » чтобы выразить это, Саломонъ помѣщается у к у з н е ц а, а на кораблѣ к а ш е в а р о мъ, т. е. около котла и « котельной сажн. » — Также точно какъ крестьянъ и кузнеца, ребенокъ спасаетъ гостей, а самъ открывается старику отцу посредствомъ рѣшенія З а г а д о къ: отецъ на этой ступени пока еще гонитель и притѣснитель. — Первая загадка, о золотѣ и хлѣбѣ, сказала мы, возводитъ насъ къ древнѣйшему мѣу; вторая загадка о Д е р е в ь та же, съ которой началось все дѣло. — З а г а д о къ нѣсколько: это то же, что нѣсколько подвиговъ; онѣ повторяются до т р е хъ разъ; послѣ третьяго должно быть спасеніе и торжество, а на языкѣ этого эпического разсказа — открытіе отцу, примиреніе съ нимъ, полученіе царства. Каждый разъ Саломонъ близокъ къ выходу: и каждый разъ, до третьяго, его вращаютъ назадъ, на путь подвиговъ (ср. нашего Ивана, «Зам.» къ 4-му вып. Кир.). — За этимъ, послѣ втораго подвига, въ рукописи замѣчательнѣйшее мѣсто. Саломонъ съ гостями ушелъ; старикъ в с п о м и н а е тъ про сына—передъ концемъ его подвиговъ—и спрашиваетъ; оказывается, что подвиги его представлялись С м е р т ю, странствованіе сходженіемъ въ З е м л ю, во Г р о б ѣ. Но это ложь: Саломонъ живъ, онъ не торжествуетъ потому лишь, что еще « н е п о р л; » въ эпическомъ разсказѣ подвиги его облекаются тѣмъ предлогомъ, что ему нужно еще торговать и расторговаться. « И гости (въ) величѣй чести пошли со царева двора, и царь отпустилъ гостей за море съ великою честью. А послѣ гостей помыслилъ во умѣ своемъ про сына своего Соломана, и послалъ царь по царству искати. И рече царица: « Былъ у насъ сынншко Соломанецъ: гдѣ еси (есть) онъ? » И царица рече царю Давиду: — Сынъ нашъ Соломанъ Премудры мертвъ бысть. — И царь Давидъ рече: « Гдѣ похороненъ бысть? Спросите молебницы (вѣроятно въ « часовняхъ; » или « жрецовъ? »), изкаменіе (изваніе) надъ нимъ есть ли? Поставленъ ли Крестъ Господень (послѣднимъ сочинителемъ позднѣйшій хотѣлъ объяснить изваніе)? » « И царица ложь есть: Соломанъ живъ и

емлетъ у гостей великъ даръ, и пошелъ за море торговать зъ гостями, а самъ думаетъ: «Еще миѣ не пора на степень царству сѣсть.»
Еще торговать пошелъ по заморью.»

Теперь слѣдуетъ третій подвигъ: онъ въ разсказѣ соединенъ съ исторіею матери, но мы его выдѣлимъ. Повѣсть съ пропусками и повтореніями, сущность однакоже видна: Соломонъ привозитъ съ собою къ отцу извѣстный намъ «драгоцѣнный Камень», имъ рѣшается дѣло, имъ открывается. Подвигъ этотъ представляется также рѣшеніемъ загадки, ибо Давидъ задаетъ ее: «Есть ли у васъ такая драгоцѣнность, чтобы свѣтила какъ свѣча?» Соломонъ и представилъ такой камень. При этомъ онъ держитъ передъ царемъ опять навѣстную намъ «Скляницу съ Виномъ» и потомъ разбиваетъ ее: сравните Агрикова сына передъ царемъ Амвромъ со склянницею пошла, а также, когда Никола идетъ на спасеніе корабельщиковъ и роняетъ изъ рукъ чашу на пиру боговъ («Кал. Перех.,» вѣл. 3). Скляница эта, чаша, послѣдняя ступень въ подвигахъ Соломона: послѣ того онъ провозглашаетъ побѣду надъ старикомъ, своею Силою и Премудростію, открывается, примиряется и садится на Царствѣ. Но рукопись, съ которой излагаемъ мы, въ этомъ мѣстѣ крайне испорчена и съ пропусками. Вотъ какъ въ ней читаемъ: «И вриде Соломанъ къ отцу своему царю Давиду во царство зъ гостями (зъ) велицѣй славъ, силенъ и богатъ зъло, и пришелъ, кораблемъ сталъ близъ царства царя Давида съ великими товарами. И царь Давидъ принялъ дары съ великою честью и противъ даръ воздалъ (отдарилъ), и честь велию Соломану воздалъ. (Послѣ этого разсказывается, что Соломонъ вернулся отъ царя на корабль, взявъ оттуда Камень, и теперь является уже на царскомъ пиру, съ Камнемъ и со Склянницею вина въ рукѣ; это явленіе Геракла и Діониса на Олимпѣ:) «И пошелъ къ царю Давиду, и царь Давидъ за столомъ сидитъ зъ гостями-заморянами. И рече гостимъ царь Давидъ: «Гости-заморяне! Есть ли у васъ такое узорочье (драгоцѣнность), кои свѣтитъ свѣчу (которое свѣтило бы какъ свѣча)?» И царь Соломанъ, предъ царемъ стоя, скляницу съ виномъ держитъ предъ царемъ. И царь Соломанъ всталъ за столомъ (изъ за стола *), молвилъ: — Госуларь царь

*) Все это мѣсто крайне испорчено въ рукописи, вслѣдствіе того, что слиты многіе слои изъ разнообразныхъ отрывковъ эпоса. Во первыхъ, Соломонъ держитъ Скляницу съ Виномъ передъ царемъ и ею конечно достигаетъ торжества: такъ, мы поминуемъ, держалъ ее спасшійся сынъ Агриковъ; такъ держитъ Никола и роняетъ, идя на спасеніе

Давидъ! Не роженная вещь ученая, но... царь (это испорченное мѣсто слѣдуетъ дополнить въ смыслѣ и исправить выше приведенными словами Акура: «пероженъ—не сынъ, » и проч.).—И рече Соломанъ царю Давиду: — Дай мнѣ сроку не на большое время: будетъ же отгадаю тое загадки (т. е. о вещи, которая замѣнила бы свѣчу), и ты вели съ меня голову снять остринъ мечемъ по могучіе плеча.— И царь Давидъ далъ сроку. И въ таковъ же (тотъ же) день приле Соломанъ къ царю Давиду и принесе вещь царю. И въ полстола царь Давидъ рече гостямъ — заморянамъ: «Есть ли у васъ узорочье и такая вещь?» И Соломанъ всталъ изъ за стола, пустилъ изъ рукава мышъ, и мышъ по столу потекла, и огонь погасила, и свѣщу, и потѣху цареву (мышъ всегда сопоставляется съ кошкою, — по известному сказанію они вмѣстѣ являются въ ковчегѣ; ср. какъ вошка въ Египтѣ скусила голову пѣтуху, погасила солнце, въ поэмѣ объ Акурѣ). И Соломанъ Премудрый ухватилъ своего звѣря мышъ, да опять въ рукавъ посадилъ; и... погасилъ свѣщу, и склянницу разбилъ.» Такимъ образомъ сдѣлался иракъ: тутъ—то Соломонъ вынулъ свой камень, который и освѣтилъ все. Мышь, помогшая явиться К а м н ю, помогаетъ торжеству и по нашимъ сказкамъ; это то же, сказали мы, что выше приведенный К о т ь, стражъ блестящей Ж а р ь — п т и ц ы, соблазнившей Царевну прийти на корабль за К а м н е м ь. Теперь слѣдуетъ торжество героя. «И Соломонъ Премудры всталъ и бьетъ челою царю Давиду: «Царь, глава моя, Премудрость есть силовата, супротивъ тебя доспѣлъ (дополнить это испорченное мѣсто можно различно: «Царь, глава моя! Премудрость сильна, я побѣдилъ тебя!» Или: «Царь, глава моя премудра и сильна, я премудръ и силенъ, премудростію и силою я побѣдилъ тебя!»)!...» И бьетъ челою царю Давиду: «Государь царь! Ты еси мой батюшко, а язъ твой сынишко Соломанецъ.» И царь Давидъ

корабельщиковъ; такъ въ Кіевскомъ творествѣ пропадаетъ чара, спрятанная къ Потыку прелюбодѣвною Аираксіей, которую мы еще увидимъ; наконецъ также Аираксія порѣзала руку, заглядѣвшись на любимица, или выронила ножъ.—Совсемъ другой образъ зноса.—Соломонъ за столомъ съ гостями и, на предложенную загадку, приносить Камень, дѣлаетъ тьму, вынимаетъ камень и все освѣщаетъ: это образъ самого героя, прошедшаго чрезъ труды къ торжеству славы. Въ рукописи это сбито и напечатано г. П ы п и н ы м ь въ - Пам. стар. Р. литер. — такъ (съ ошибочною разстановкою знаковъ): «И рече гостямъ царь Давидъ: «Гости заморяне, есть ли у васъ такое узорочье, кон. предъ царемъ стоя, свѣтитъ свѣщу и склянницу съ виною держать предъ царемъ?» — И царь Соломанъ всталъ за столомъ, » и проч.

быть въ величїи радости. И расирашивалъ царь Давидъ Соломана:— Гдѣ ты, чадо мое, погулялъ и откуда красота твоя просїала? — И Соломанъ раскажетъ все по ряду, како надъ нимъ что было. И рече царь Давидъ: — Чадо мое, Соломане! Пора бо есма (есть) тебѣ у меня на царство приняти (принти). — И сажаетъ царь Давидъ на свое царство сына своего Соломана. »

II. ОБЛИЧЕНІЕ МАТЕРИ. Она перерождается въ жену Соломона. Появленіе половины Соломановой, жены его.

Въ разсказъ о томъ же третьемъ подвигѣ Соломона, послѣ коего онъ торжествуетъ, вставлена повѣсть о Матери его. Мать должна быть обличена нагляднымъ, творческимъ образомъ. Она должна переродиться въ Жену, какъ у боговъ первая богиня во вторую: это должно выразиться Прелюбодвѣніемъ ея отъ старика мужа и обращеніемъ къ Юношѣ. Юношу она ждетъ и манитъ къ себѣ издалека: онъ приходитъ изъ дальнихъ странъ, со средетвами: побѣды — Кораблемъ, драгоценнымъ Камнемъ, виноградомъ и влномъ. Разсказъ соединяетъ въ себѣ все прежде показанные нами образы Елены, Сеи Семіоновъ, похищенія дѣвцы на корабль, и проч. Изъ Кіевского творчества точь въ точь повторяетъ повѣсть объ Аираксвнѣ, захотѣвшей грѣха съ прещельцемъ — странникомъ Потыкомъ. Но ея мерзость обличаетъ Первая женщина, смѣшавшая сына съ любовникомъ — юношей, сходять со сцены и уступаетъ мѣсто второй, настоящей женѣ. Въ этомъ это событіе выражается примиреніемъ съ Матерью и Женидьюой. Вотъ одинъ изъ сихъ разсказовъ по рукописи: явившись къ Давиду въ третій разъ, «и приде Соломанъ на своей корабль, и въ то время пришли дѣвцы на шотѣху заморскаго товару смотреть. И Соломанъ учалъ дѣвцы на кораблѣ виноградомъ кормить и медомъ поить, и показалъ Соломанъ на кораблѣ три самоцвѣтныхъ камышковъ, которые вмѣсто свѣци горять во дни и въ ноци: и дѣвцы изумляхься, смотря на самоцвѣтное каменіе и на Соломанову красоту и мудрость. И пошамъ къ Царницѣ и сказали про Соломаново самоцвѣтное каменіе. И Царница по него послала скоро посланниковъ, и пришли посланники на корабль, и рече: «и поди, Соломанъ, къ Царницѣ: Ца-

рица тебя зоветь къ себѣ.» Поди (пошелъ) Соломанъ къ Царицѣ скоро на дворъ, и бьетъ челомъ Царицѣ, и даръ подаетъ царской. И Царица спросила: « Есть у тебя самоцвѣтное каменіе? » И Соломанъ рече: — Есть у меня, Царица, самоцвѣтное драгое каменіе, что свѣтъ въ полатѣ льетъ. — И Царица рече: « Перепусти (уступи) мнѣ самоцвѣтной камень. » И Соломанъ рече: — Тотъ камень нести мнѣ къ царю Давиду въ поминокъ, а другой камень дати въ приданые, а третьей камень держать про себя, на кораблѣ свѣтять. — И Царица рече: « Чтò ты говоришь, Соломанъ, въ приданые дати самоцвѣтной камень? » И Соломанъ рече: — Кто со мною пребудетъ, тому и дамъ. — И Царица рече: « Пребуду съ тобою, гость-заморянинъ. » И Соломанъ рече: — Дай мнѣ сроку: царю Давиду камень отдамъ, и давши дары, и тебѣ принесу другой камень, и съ тобою пребуду. — » Этотъ разсказъ совершенно сходенъ съ тѣмъ, какъ послѣ въ Кіевскомъ творествѣ Апраксіана засылала Алешу звать къ себѣ Потыка и соблазнила сего послѣдняго (вспомните того же посредника и вора, Алешу при Данилѣ Безсчастномъ). За тѣмъ въ рукописи вступаетъ поминутый эпизодъ о чарѣ, извѣстной въ дѣлѣ Потыка, и кланнѣ, который Потыковы товарищи для освѣщенія носили съ собою. Послѣ сего эпизода продолжается: « И поиде съ царева двора въ величій чести. И узрѣла его Царица и прислала по него: « Будь ко мнѣ скоро и принеси каменіе самоцвѣтно. » И Соломанъ поиде къ Царицѣ и принесе самоцвѣтной камень и подаетъ Царицѣ. И освѣти тотъ камень драгой всею полату, и скоро свѣщи погасиша во всей полатѣ. И Царица рече гостю: « Сей мой камень, и ты вди вскорѣ ко кровати царской и ляги со мною, Царицею, подъ царевымъ одѣяломъ, на царевѣ постелѣ... » Легли съ Царицею Соломанъ: « ничего съ Царицею не говорить и не подвинется къ Царицѣ. И рече Царица: « О чемъ, гость-заморянинъ, молчишь и не подвинешься ко мнѣ? » И Соломанъ рече: — Страхуся еси царевы постели. — И Царица одѣяло взяша (приняла прочь), его за руку (взяла) и положила его руку на своемъ перси и на груди свои, и промолвила Царица: « Что есть? » И Соломанъ рече: — Тѣмъ еси кормленъ. — И подвинула Царица руку его по бѣлому своему чреву, а сама рече: « Это что? » И Соломанъ рече: — А то мои каменные полаты и теремы, въ томъ еси опочилъ. — И подвинула Царица руку его на свой срамъ и рече: « Что это? » И Соломанъ рече: — Оттуда еси вышелъ и свѣтъ

Божий увидать (что все шла рядя к вь обвнхъ стороны); Царь Цариде рече: «О, богушии человеце! кто еси ты? и что за человекъ? и каковыя роду сыны? глуми ли ты богу?» или премудръ? И освѣтитъ Соломанъ шедши широкой прѣвѣти и паде прѣдъ Царидею на колѣни своемъ и заплакалъ: — Государыни мати моя! Язъ слышало твое Соломанецъ. Коли азъ былъ семи лѣтъ, и въ тѣ поры въслыхъ я песье г. . . азъ жевинишъ умомъ; и ты, мати моя, дозволила спросити, что въслыхъ, и я такоужъ рече: — Взы песье г. . . азъ жемъ сицихъ умомъ; — и ты на меня вьскручивалась и велѣла дѣти Ичъкалу нести къ морю итти, изъ меня сердца вынуть, и велѣла сердце къ себѣ живо принести, и какъ у деу сердце Соломаново съвѣтъ? дѣтки мой Ичъкалъ вынулъ изъ моея сердце живаго, принесть къ тебѣ, и ты ово, свекши; съела, и тѣло мое велѣла въ море динуть. И дѣтка Ичъкалъ твоего повелѣния не доверити, и меня на корабль отдавъ гостямъ-замеряемъ: «Такое у великой бабы вѣдася доити, а умъ коротокъ! — И поклонися Соломанъ матери своей до земли, и шедъ къ царю Давиду, за снѣгъ помянутое вѣдвореніе на царствѣ!»

Другой разказъ рукописей передаетъ намъ, что Соломанъ, утвердивши въ царствѣ, идетъ въ дальнюю страну. Старикъ отецъ уже умръ. Высланилъ себѣ уходя, оставляетъ мать, какъ Озаркъ Исиду съ своими вѣрными слугами и посредниками: «Онъ живеть въ Инди или Индѣе снѣдъ. На отсуствие его представити се Снѣдъ тѣю, такоужъ въ вѣсѣ — слугъ. Мать долго платитъ, по томъ слышавъ къ любящину, зоветь къ себѣ привельца изъ далека, чуждаго моря: прибавиши естъ вранъ Соломана, нѣтъ послѣ облачаемый, или же снѣ Соломанъ, вступающій въ союзъ съ матерью, — нари леванди о. Кровоснѣдатель,» исторія «Эдипъ» и т. д. Конецъ, разумеется, одинаковъ съ предыдущимъ. Соломанъ же, какъ показати премудрость свою предъ великими царями, и пошеди царь Соломанъ съ философы своими (будто Александръ) во страну дальнюю, ко царю Индѣе и скомъ, во царствѣ же себѣ остави материю своею съ болары своими и со слугами. Улыкая же во Инди лѣта многа у царя Индѣе и скомъ, потому слыся (прошелъ слухъ), во Иерусалимъ, яко умръ Соломанъ у царя Индѣйскаго. Слышавъ же те мати его, и боларѣ, и вси домашни его, яко умръ Соломанъ, и плакишася (плакашася) велики, и вси Иерусалимские тужаша, поминючи его великую мудрость, и много лѣтъ вси плакишася. И минушии лѣтомъ многими, уже не

виды сферъ царя цю, вѣху свою.» Когда же это должно было устраниваться смертью отца, тогда вѣхоніе имѣло возгорѣться на новый ладъ: жена, вышедшая изъ этой невѣсты, должна была предаться старому, злomu началу, теперь побѣжденному, удаленному, — такъ она послѣ и поступила. Устарѣлое, антиквированное начало, за смертью отца и матерн Соломона, при распространѣніи сферы изъ семьи на сторону и окрестные народы, представлялось враждебнымъ краемъ, далекимъ и чуждымъ народомъ, тамошнимъ врагомъ царемъ. Въ настоящемъ случаѣ это Поръ, царь далекой Иудеи. Предъ смертью Давидъ оставляетъ сыну пророчество, что жена его будетъ мощицею Поромъ, въ отмщеніе за какую-то обиду, — за какую, увидимъ ниже. «И рече сыну своему, царю Соломону: — Сильной Соломане! Царица жена твоя, а мой слухъ, велики есть прекрасна и лѣпа, выбралъ еси по себѣ. И въ нѣкое лѣто свѣдаетъ царь Поръ, что ты, царь Соломанъ; женать вѣномъ твою отъ сроднѣ твоихъ. И за что это стало, сейчасъ увидимъ. — Теперь изложимъ Странствованіи Соломона: съ злыми дѣланіями, выше означенными. Частію мы уже упоминали какъ-то въ третій разъ подвигъ Соломона: пришелъ къ Давиду съ торговыми гостями осмѣнъ и беретъ золото, а на кораблѣ, съ великими товарами, добытыми въ разныхъ земляхъ. Потомъ ходилъ въ « царство Иудейское » или являлся домой изъ Персиды. — Тотчасъ по воцареніи его, рукопись прибавляетъ: « И принявъ царь Соломанъ отъ отца своего царя Давида (царство), и поѣде царь Соломанъ во многы войскомъ во внешыя страны, и приклонилъ (то же, что « приклонилъ », древняя форма, сходная съ повѣстельною, ср. въ Сл. о П. И. « повизитъ стязи свои, вонзаетъ свои мечи, » — поизитъ, вонзает) еху многіе цари и князи, и дадутъ царю Соломану великіе выходы (т. е., злу) своихъ царствъ. И царь Соломанъ многыя дарей поже своею рукою имѣлъ. » — Далѣе, когда возмъ его женился, тутъ же узнаемъ о предшествующемъ похищеніи Соломона, какъ онъ былъ въ « царствѣ Поръ », соблазнилъ его царю и знаменъ того держалъ Персѣтенъ съ ая-руки, — одно изъ посредствъ, играющихъ потомъ видную роль: « И женись царь Соломанъ послалъ посланіе ко царю въ дарѣхъ, въ царство (Порово), персѣтень, и отписалъ царь Соломанъ: — Въ прошломъ, де, лѣтѣ былъ я въ твои царствѣ, и съ царицею твоею пребылъ, и персѣтень съ правыя руки имѣлъ золотой любимой. — И послалъ тотъ Персѣтенъ къ

царю: въ царствѣ . . . и царь Давидъ . . . иже . . . въ . . .
 црвоіи (Царь), увидѣвъ востроуміе того; казъ . . . протупила . . . съ . . .
 правде . . . и самъ Соломонъ. — Въ: особеннсти: . . . съ: нѣсколько: . . . сказаній:
 е: . . . (странствованіи: . . . Фараонъ . . . т: . . . въ: Египтѣ . . . откуда:
 онъ: добываетъ: . . . себѣ: . . . повѣстус: «Но: отцѣ: . . . же: . . . нача: . . . Соломанъ: . . . царство-
 ванъ: . . . во: . . . Иерусалимѣ: . . . Продавшея: . . . же: . . . царь: . . . Соломонъ: . . . своею: . . . мудростію:
 во: . . . видѣ: . . . и: . . . х: . . . съ: . . . в: . . . т: . . . у: . . . , . . . и: . . . начаша: . . . за: . . . него: . . . оратитися: . . . многие: . . . дары: . . . и:
 дарны: . . . И: . . . тогда: . . . царь: . . . Соломанъ: . . . и: . . . о: . . . м: . . . н: . . . о: . . . г: . . . и: . . . м: . . . ѣ: . . . з: . . . е: . . . м: . . . д: . . . я: . . . м: . . . ѣ: . . . пар-
 ствовалъ (рѣшбка: . . . вмѣсто: «Египтѣ: . . . (в: . . . м: . . . а: . . . д: . . . ѣ: . . . ») . . . во: . . . са: . . . о: . . . у: . . . ц: . . . н: . . . и: . . . с: . . . л: . . . о: . . .
 ннн; . . . философствувалъ: . . . предъ: . . . царя: . . . и: . . . царями: . . . многими: . . . (срн: . . . Сале-
 мона: . . . «Бразійскаго: . . . (Шлеогора: . . . и: . . . прачикъ: . . .) . . .) . . . Нѣкогда: . . . же: . . . и: . . . между:
 ему: . . . ва: . . . Ч: . . . и: . . . в: . . . и: . . . о: . . . в: . . . и: . . . о: . . . в: . . . Е: . . . г: . . . и: . . . т: . . . у: . . . ; . . . тогда: . . . : . . . у: . . . с: . . . л: . . . м: . . . а: . . . ц: . . . а: . . . ѣ: . . . Фараонъ: . . . ѣ:
 кто: . . . градеть: . . . ко: . . . граду: . . . него: . . . царь: . . . «Соломанъ: . . . , . . . и: . . . пришедши: . . . (при-
 шеду) . . . ему: . . . во: . . . граду: . . . Египтѣ: . . . , . . . и: . . . началъ: . . . его: . . . царь: . . . Фараонъ: . . . в: . . . а: . . . т: . . . и:
 его: . . . къ: . . . себѣ: . . . на: . . . обѣды: . . . и: . . . на: . . . чашу: . . . И: . . . Соломанъ: . . . царь: . . . прише: . . . къ: . . . нему:
 съ: . . . разными: . . . дары: . . . , . . . и: . . . шеду: . . . ему: . . . съ: . . . Фараономъ: . . . , . . . и: . . . царь: . . . Фараонъ:
 нача: . . . ему: . . . глаголати: «Премудрый: . . . царю: . . . Соломане! . . . Воюду: . . . еси: . . . славою: . . .
 и: . . . ннн: . . . всн: . . . возни: . . . мнн: . . . ; . . . шоднн: . . . у: . . . мена: . . . ; . . . дщери: . . . мою: . . . и: . . . ты: . . . будещи: . . . мн:
 азъ.» Соломанъ: . . . же: . . . обѣщася: . . . тако: . . . сотворити: . . . : . . . царь: . . . Фараонъ: . . . одаря:
 его: . . . : . . . многими: . . . дары: . . . и: . . . отиуега: . . . его: . . . до: . . . Иерусалиму: . . . » За: . . . дати: . . . мнн: . . . не: . . . цет:
 ередствено: . . . по: . . . являетса: . . . въ: . . . Иерусалимѣ: . . . къ: . . . Соломану: . . . «: . . . нѣкогда: . . . царница:
 съ: . . . Юга: . . . » . . . т: . . . о: . . . новѣста: . . . изъ: . . . Египта: . . . , . . . дочь: . . . Фараонова: . . . , . . . передданная:
 послѣ: . . . въ: . . . особую: . . . Воюискую: . . . Савскую: . . . (Арабскую) . . . , . . . для: . . . в: . . . родо: . . . Юж-
 скую: . . . дариду: . . . , . . . ко: . . . царю: . . . увидннн: . . . мы: . . . нннн: . . . —Изъ: . . . нѣ: . . . м: . . . е: . . . т: . . . о: . . . р: . . . н: . . . ѣ:
 мость: . . . видѣо: . . . , . . . что: . . . Соломанъ: . . . достигъ: . . . побѣды: . . . у: . . . хоста: . . . Фараона: . . . хитрыми:
 загадками: . . . на: . . . прнннрн: . . . : . . . «Царю: . . . Египтскому: . . . рече: —Те: . . . с: . . .
 дн: . . . н: . . . ѣ: . . . ! . . . А: . . . да: . . . та: . . . бѣ: . . . ннн: . . . (. . . в: . . . с: . . . л: . . . о: . . . в: . . . ѣ: . . . , . . . войско?) . . . не: . . . въ: . . . чомъ: . . . по: . . .
 жнн: . . . , . . . н: . . . о: . . . ннн: . . . ; . . . мертвыхъ: . . . до: . . . грести: . . . , . . . и: . . . азъ: . . . ннн: . . . до: . . . в: . . . е: . . . лъ: . . . всннн: . . . с: . . . а: . . . в: . . . а: . . .
 ценин: . . . , . . . а: . . . ты: . . . ннн: . . . у: . . . себя: . . . по: . . . гроби: . . . —И: . . . слышавъ: . . . же: . . . о: . . . н: . . . (. . . о: . . . н: . . .) . . . Фараонъ:
 , . . . и: . . . подивиса: . . . Премудрости: . . . Соломоновѣ: . . . —Другой: . . . разсказъ: . . . сол-
 ласонъ: . . . съ: . . . Библейскнн: . . . , . . . историческнн: . . . , . . . цари: . . . Соломонъ: . . . «бъ: . . . жнн: . . .
 любн: . . . е: . . . с: . . . о: . . . , . . . и: . . . пять: . . . жнн: . . . ч: . . . у: . . . ж: . . . а: . . . , . . . и: . . . дщери: . . . Фараоню: . . . , . . .
 Моавлянку: . . . Аммонитянку: . . . Идумеянку: . . . Сиріянку: . . . (Суринню) . . . ; . . . Хет-
 тосянку: . . . Амореянку: . . . «отъ: . . . языкъ: . . . » Перечисленію: . . . его: . . . «в: . . . о: . . . в: . . . ннн: . . . ; . . . и:
 хотей» совпадаетъ: . . . съ: . . . такинн: . . . же: . . . разсказомъ: . . . про: . . . нашего: . . . Владдмра: . . . и:
 о: . . . б: . . . а: . . . с: . . . а: . . . е: . . . т: . . . , . . . почему: . . . при: . . . семъ: . . . послѣднемъ: . . . являетса: . . . предубоднннн:
 А: . . . п: . . . р: . . . а: . . . к: . . . с: . . . ѣ: . . . в: . . . н: . . . а: . . . , . . . совершенно: . . . тождественная: . . . по: . . . происхожденію: . . . и:
 нѣ: . . . которынн: . . . обраманн: . . . з: . . . н: . . . с: . . . а: . . . съ: . . . женою: . . . Соломона: . . . —На: . . . ц: . . . о: . . . н: . . . ѣ: . . . ц: . . . , . . . какъ

попытаи мы (царь иже Ерусалима) похити мѣдѣть себѣ жемчужныи
 изъ окрестныхъ странъ: « И бысть во время старости Соломона (изъ);
 и уворотися на жоны чужаи сердце его, — въ слѣдъ боги чужаи, и
 не бы уже сердце его со Господомъ Богомъ его, якоже шедъ Давида
 отца его, и возжаше Соломонъ въ слѣдъ мръзыхъ и окрестныхъ вку-
 шеній (требъ , жертвъ , въ частности трагедій боги и въ ошибаній
 вина) , и въ слѣдъ царя ихъ жезнаго (живаго , обманчиваго) су-
 сына Аммона (Аммонита , каки народа Хемжанскаго , да выхотѣ
 « сына Аммонова » — Діониса) . И царь Соломонъ почти просити и де-
 ревны за себе, и не даше за него (борба; иже видѣти, отъ иже
 Фаравонъ была известная борба за невесту) . И рече Соломонъ Бис-
 сомъ (посредника; борбы) : « Идите и возмите царя и иже ютуду
 приведете ю къ мнѣ . » Всен же шедше похитиша ю иже переходъ
 (галаереи) , идущи отъ полатъ отъ матери, и ведши ю въ Фани-
 дала и почаша ю по шорю . » Ни дороги видѣти « Царица » за-
 гадки; человекъ ижесть воду, а она ижесть у него обратню бродитъ; въ
 воды бродитъ, а воды проситъ и волаи бьютъ его; ковати ижесть
 за нимъ ходитъ два козла, что покоситъ, а они поидатъ . Сирини
 ижесть она, что это значить, и бьесы отвѣчаютъ: « каковы расказаше
 тотъ, къ кому ведемъ тебя . » « И причашиа ю поидъ градъ, иже при-
 шедъ единъ бьесъ повѣда Соломону: « привели есмя невесту твою . »
 И царь возвъ на конь, выхша на брегъ . И рече ему Царевна
 (заищите иже переходы : то Царица; то Царевна) : « Убого есмя
 есмя , царю; по се иже повѣмъ ; оже мужъ ижесть воуи; да вода
 овати изъ тыаи течаше вода ? — Царь же рече : « Чему (ои
 чьимъ) — ся дившиа тому ? То иже есмя доми царина; вода; видети, а
 судъ ижедети . » И рече царица : — И се иже повѣмъ, что се есмя,
 мужъ единъ въ водахъ бродитъ, а воды проситъ, а ижесть поидиютъ ? —
 И рече Соломонъ : « О невесто ! Чему иже дившиа ? Ты иже есмя чь-
 вунъ царина; тяжю судити, а инов (инов) ижесть, абы ои; чьимъ
 добре сердце царю створитъ (створити) . » — Не се иже повѣмъ; мужъ
 створитъ съчетъ, а что усъчетъ, а два козла; за нимъ ковати и
 поидатъ ; жаль ли бьенетъ (не лучше ли бы было у тыаи козлаи
 влѣше въ смя юте траву несъчену ? — И рече царь : « Невесто,
 не дившиа ему ; оже (если) мужъ поидетъ другую жону съ чь-
 жини двѣти, то что устрѣдетъ (выработаетъ) страшиа, а иже сь-
 датъ, а собъ ему ижесть ничто же (сир. выше расказу) о томъ,
 кого лучше вѣсть за себя за мужъ, даиую въ двѣтви Соломонъ . »

Нынѣ поиди, невѣсто, въ мою полату.» И тако бысть ему жена.» —
 Здѣсь, во первыхъ, видимъ мы образецъ того, какъ дѣйствовала
 Саломонъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія невѣсты и вообще своихъ женъ:
 такъ конечно поступилъ онъ и съ Поромъ, и съ Китоврасомъ,
 и съ Васильемъ Акульевичемъ, похищая ихъ женъ, и за то полу-
 чивъ отъ нихъ возмездіе совершенно въ томъ же видѣ, ибо всякой
 видитъ, что этотъ рассказъ одинаковъ съ похищеніемъ, на примѣръ,
 жены Саломоновой по повелѣнію Василья, черезъ Тараклашку,
 Коему здѣсь соответствуютъ Бъсы. Во вторыхъ, являющаяся не-
 вѣста задаетъ Саломону загадки (эпическое творчество даетъ этому
 такой оборотъ, будто она встрѣтила ихъ на дорогѣ; сравните, какъ
 въ нашихъ сказкахъ Иванъ съ Катюшою дядькою задаетъ Аннѣ Пре-
 брѣсной Волчанской ту загадку, которую встрѣтилъ на пути, на
 хлѣбѣ, «Зам.» къ 4-му вых. Кир., а также известную загадку
 «Бенсона» послѣ растерзаннаго имъ льва и найденнаго въ челюстяхъ
 меда); Саломонъ принужденъ эти загадки разгадывать и только раз-
 гадавши получаетъ побѣду: потому эта невѣста совершенно то же,
 что послѣдующая Южская Царца. Въ третьихъ, здѣсь уже Сало-
 монъ, кончивъ прежніе странствованія, дѣйствуетъ отъ себя, сидя
 въ Ерусалимѣ; къ нему относятся чужія страны, окрестные народы;
 между той и другой стороной, т. е. средоточіемъ Ерусалима и сто-
 ронъ другихъ народовъ, завязываются международныя сношенія.
 Чуждыя страны представляются ступенью ниже Ерусалима, отсталыя,
 отдаленныя тѣмъ развитію, чернорабочія, мрачныя, а потому злыя и
 враждебныя, желающія Саломона притѣснить, — но онъ побѣждаетъ
 ихъ, разорываетъ ихъ ковы, дѣлаетъ себя подданными, торжествуетъ
 мудростію. Вѣдѣть съ симъ являютъ между народами чуждыми и
 Ерусалимъ лица или образы третья, посредники, веду-
 щіе международное дѣло. Посредники эти главные двое въ поэмѣ о
 Саломонѣ: 1) Невѣста Саломона, дочь Фараона, царя-
 щій и князь изъ Египта, переходящая иначе въ царству
 Мавританскую, Вавилонскую, Савскую, Южскую —
 Южную; 2) Китоврасъ, Китавръ, лицо сперва мифологическое,
 потомъ въ опредѣленіяхъ вѣдѣній исторіи. Дѣло, которое здѣсь ве-
 дется, борьба, сопровождаемая побѣдою Саломона, носить въ себѣ
 образъ оцѣтъ Загадокъ и Разгадокъ, трудныхъ Задачъ и ихъ рѣше-
 нію, Судовъ, отчасти Любовныхъ связей, и т. п. Здѣсь мы встрѣ-
 чаемъ уже въ слѣдующій отдѣлъ:

ІV. ЦАРИЦА ЮЖСКАЯ И ПРОДОЛЖЕНІЕ ЕЯ — СУДЫ
САЛОМОНА. КИТОВРАСЬ И ЕГО ДВЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ СВЯЗИ
СЪ САЛОМОНОМЪ.

а) «И возвеличися царь Саломонъ даче всѣхъ царь земныхъ, и умножашеся мудростью своею, и богатствомъ, и смысломъ, и вси цари земствіи и вса вселенная взыскаша видѣть лица его, и слышать смыслъ его, и послушать премудрости его, иже дарова ему Богъ въ срѣдѣ его, и ти приношахуть ему каждо дары свои, сосуды златыя и серебряныя, и перты, и оружія, и зелье (благовонія), и ризы бѣлыя, и пріятныя многа, и кони, и ѣскы.»

Сообразно тому въ слѣдъ за прибытіемъ невесты Саломона изъ Египта, рукопись выводитъ особое лицо (по сущности тождественное съ нею), приходящую издалека Ц а р и ц у, подг. разными именами (ср. выше). Она сначала является чисто-мифологическимъ лицомъ, мало по малу приобретаая постановку, вышнюю, историческую. На примѣръ. «И, бысть Ц а р и ц а Ю ж с к а я, (гнолемеяница, именованъ М а л к а т ѣ ш к а. Си приде дискусити Соломонъ гадками, и та бѣ мудра зело, и принесе ему дары 20 кацій злата и зелья многа ведми, и дресеса не гниущая (эти дары, сдѣлашіеся тепарь дарамъ песольствъ и пересылавшихся народовъ, быдъ иѣкогда, мы видѣли, средствами мифологическихъ переходовъ). Слышавъ же Соломонъ приидешю царицю, стѣе на позлатахъ стекла бѣлаго (такъ иго отражался какъ въ водѣ), хотя бо искусна ю. Она же видѣ(вши) и аде въ водѣ сѣдѣтъ царь, воздѣя перты протѣву ему (поднала передъ лицомъ его платье, какъ будто сходила въ воду): онъ же видѣтъ, яко красна есть лицею (хороша собой), тѣло же ей власято бысть яко щетъ (щетина), власы же оуѣми она обладаше мужи бывающа съ чомъ (царьшала и держала во власти мужей, съ ней, срединавшихся).» Саломонъ велѣлъ своимъ «мудрецамъ» соотвѣтн снзобѣе, помазати тѣло ея, и власы опали. Рукопись прибавляетъ: «Хитреца же и книжници молвахуть, яко совокупляется съ немъ (Саломонъ): зачѣмъ же отъ него, и иде въ землю свою, и роди сыны, и се бысть Н а л х о д о н о с о р ѣ.» Загадавши загадки, кои приведемъ ниже, и долучивши разрѣшенія на нихъ или въ отперъ загадки другія, она поидваша премудрость, прославивъ ея, ублаживъ доманныхъ Саломона и вернузась, но, какъ мы видѣли, съ приидомъ; и царь же Соломонъ

тогда Царица, и возва-ю-ца обидь. Отхошу же обиду, царь Соломанъ сѣдѣше съ бдѣры своими и философы; Царица же противѣ сѣдѣху со своими философы; и хоташе искушѣти Соломана, и рече: — Что есть четыре статьи (то же, что «стихи») — сухо, чорече (чорече), мокро, студено; и ниже весь мѣръ состоитъ? — Отвѣщая Соломанъ: «Сухо — весна, горяче — лѣто, мокро — осень, студено — зима (въ нашѣхъ Сказанъхъ задаетъ эту загадку Ивану Морозовъ Царь, заставляя проходить переходы отъ разплавленной чугуиной печи до задъ мерзшихъ сосулек; «Зам.» къ 4-му вып. Кири).» — И рече Царица: — Аще соль падаетъ, то чѣмъ ея пособить, дабы не пачкала? — Соломанъ же рече: «Рогомъ коневымъ.» Она же рече: — А коли у коня рогъ живеть (когда же биваетъ)? — Соломанъ рече: «А коли соль тѣтеть?» — «Царица же рече: — А коли мертвецъ восплачетъ и спитъ чѣмъ ево утѣшити, дабы не плакалъ? — Соломанъ рече: «Милное (изъ мѣлы, прака) ядо дати ему.» Она же рече: — Какъ можешь во мѣлѣ ядо бдѣвать? — Соломанъ рече: «А коли мертвецъ плачетъ?» — «Царица рече: — А коли (дѣва) вырастетъ ножи (ножаша), чѣмъ то пожать? — «Со всего свѣта собрать роу и въ томъ сшить рукавицы, чѣмъ и пожать.» — Какъ можеть (шь) въ роу рукавицы сшить? — «А коли вырастетъ нива ножи?» Въ другой рукописи изображенъ Соломанъ — пожать «рогомъ осляца.» — «Царица рече: — Аще напашатца море воды, куды потенуть рѣки?» — «На небо теши.» — Какъ можеть вода на небо теши? — «А коли напашатца море поветъ?» — «Царица: — Есть въ земли нашей кладезь велика жидки самороденъ и далече отъ града нашего стѣтъ: чѣмъ ево приближати? — «Ужидомъ (веревкою) песчанымъ привести отъ ко граду.» Въ другой рукописи предлагается сплести веревку изъ «отрубей (ор. выше Акура).» — Наконецъ Царица задаетъ подобный загадки: — Что есть не живущее на земли? — «Душа» человеческая.» — Что лучше всего на семъ свѣтѣ? — «Правда.» — Кому подобна милость Божія? — «Солнце сіяетъ на злыхъ и на благихъ, тако же и Богъ милуетъ праведныя и грѣшныя.» Здѣсь загадки и разгадки выражаютъ то же самое, что выражалось самими нивомъ Соломанъ; глѣдѣвъ его, дѣятельностью, то же, что выражалъ у Фракианъ богъ вѣхъ и такъ называемый Салмонъ — Соломонъ, то же, чему онъ училъ ихъ. Такъ убѣждаешся въ положеніи, которое высказывали не разъ: такое событіе сознанія, выразившееся послѣ въ жизни и исторіи, было для нивчества загадкою, и потомъ уже, черезъ нивъ

и зпестъ, переходило въ загадку словесную, какъ форму творчества; рѣшеніе загадки, рѣшитель проходилъ; тотъ же путь.

б) Съ этой же точки зрѣнія, какъ говорили мы выше, Судъ надъ Суды относится въ древности къ одной области съ загадками, и потому же, въ поэмѣ о Саломонѣ, рядомъ за загадками Царицы слышуютъ Суды Царя. Здѣсь загадка представлялась жизнью, двумя спорщими сторонами или лицами, со стороны являвшимся въ царю: онъ рѣшалъ ихъ двойство и борьбу, возсоздавая скрытую въ двойствѣ истину къ единству и правды посредствомъ третьяго, посредствомъ посредника, — своей Премудрости. Упомянемъ эпитаты о некоторыхъ изъ оцъ Сударъ. 1) Отецъ, умирая, оставилъ тремъ дѣтямъ одно имущество, но первое, среднее и последнее, — первое оказалось золотомъ, второе кости, третье переть. Саломонъ присудилъ золото старшему, среднему: скотъ какъ кости, младшему землю съ ея ливнами и проч. Таки и въ нашихъ сказкахъ, и дашемъ имъ зпестъ, обычно дѣлать крестьяннцѣ тремъ дѣтямъ имущество, заѣщая ходить на его могилу, да въ его кости и драхмъ; ходить вѣрнѣе: сажать на могилу младшій, Иванъ, и онъ же за это дѣлается послѣ владѣтелей земли и ея представителемъ. — 2) Саломонъ испытываетъ вѣрность мужчины и женщины, вручая имъ поочередно мечъ, чтобы убить другую половину: мужчину, но смотрѣлъ на обѣщанія, разжалобился видѣть дѣтей и не убилъ жены; а она начала уже тереть мечомъ по горлу мужа, но тотъ прескудся. Въ Киевскомъ творчествѣ это повторяется въ повѣсти о Рогандѣ и Владимірѣ. — 3) Третій Судъ напоминаетъ нидерландическую повѣсть объ Аккурѣ и самомъ Саломонѣ у Фракіицевъ, въ тѣхъ образахъ, что богачъ усыновилъ раба, рабъ разбогатѣлъ и вышелъ изъ Саломоновы «боиры», когда же родился послѣ него сынъ и сталъ по повелѣнію вѣтера неслать на немъ какъ «колосѣ», то холопъ самъ себя выдавалъ за подлиннаго сына, сего же послѣднее за раба; Саломонъ велѣлъ достать плечную кость умершаго и отгадалъ сына потому, что кровь его кристала къ кости. — 4) Трое путниковъ мѣли пося съ золотомъ и зарыли ихъ вѣстѣ изъ страха передъ разбойниками: на одинъ, ночью вставши, зарылъ ихъ въ другое мѣсто, съ дѣлю послѣ взять себя. Саломонъ открылъ виновнаго, рассказавши новую повѣсть: два сына, тайно обручившись съ одной женщиной, но невѣднѣю была отдана родителями за другаго; когда мужъ узналъ эту тайну, то отпустилъ жену къ прежнему обрученнику; на нихъ напали въ пути разбойники, и однакоже атаманъ, услышавъ отъ

женщины рассказъ о судьбѣ ея; отпустилъ ее, отдавши и имущество.)
 Служавше Саломона — двое похвалили возвратившаго женщину; и а
 третій разбойникъ, прибавивши — къ добытка было еще дети ему, и а
 добычи ему бы не возвращати. Его и уличилъ царь, какъ охотникъ
 до чужаго имущества. Две эти повести, оцѣтла въ одну, образованъ ф
 мей въ исторіи Шетана («Вам.» въ 4-му вып. Кур.); какъ онъ
 отыскивалъ жену, какъ похититель шимшолень (были во веретатъ)
 законному мужу, какъ три путника-Калъки делили деньги на части
 и лаялся рѣшителемъ всего дѣла Никола. — 5) Шувый Судъ: онъ
 собственно повтореніе перваго, только въ образѣ болѣе развѣтливыхъ
 и полныхъ: въ шести символахъ-умершаго отца и семидеи дочери,
 нащенишарныхъ собора нащяхъ семь. Смертность и ефоризмъ: о на-
 сгидетъ, Саломонъ присудилъ нащере тѣму сыну, который не судя-
 савсе оторвать правую руку отъ труна отца. — та же нащера, какъ
 нащему Исау: «а» почтено въ праху родителя. 6) Шестой, болѣе
 повѣстаній и повтореній, та же самое, но оспоръ дѣлать женить: аъ
 за ребенка, а предложеніи речей его печалитъ. — Тинитъ обрешетъ,
 мы видите, что эти Суды востеряютъ соборъ загадки, развѣтливости
 Саломонъ, и отнесетъ все такъ или иначе въ переобитной за-
 гадкѣ, задатъ всѣхъ подвижниковъ развитія и дѣлу того, кто вошедалъ
 на рѣшительнѣ успешнахъ шарлатанно-сознаниі второе, творческое нача-
 ло, — различію истинны или оумества изъ двухъ берандиса (его)
 ронъ, аналитично изъ нихъ третьяго начала, выводу того, что выра-
 батывалось борбамъ. Въ философіи это выражалось явленіемъ символа
 второго бога, выводящегоъ за собою духъ, а бытъ были свои со-
 отвѣтствующиі студии, въ эмсе и народномъ творчествѣ такъ; въ
 прежнихъ «Вамѣткахъ» мы слышали что «различеніемъ видовъ бы-
 тия,» когда эти виды были уже пройденны опытомъ развитія; задача
 выражалась, на примеръ, требованіемъ Исау — узнать нештоу изъ
 тоны другихъ дѣлуемыхъ или подъ разными животными обрешетъ; или
 же, когда Саломонъ различалъ (онъ выше) дѣлуемыхъ отъ ювешей; и
 т. и. Всего конте очерчиваеши нащъ этотъ переходъ одной оумности
 по разнымъ слогамъ сознанія и шечень творчества понаутый выше
 7) Судъ Саломонъ въ оспоръ его съ Даріемъ. «Дерій царь Персіи
 послалъ къ Саломону Мудрому царю, написать загадку: «а стоять
 шитъ, а на шитъ а а к дъ, прилетѣвъ соколъ, видѣтъ зѣнца; и
 тутъ слод сова; и отгадаешъ загадку; дакъ ти три кѣди сребра.»
 Саломонъ въ отчаяніи, не можетъ отгадать. «И по магъ же врейшии

ОСНОВЫ

Саломонъ царь. Мудръ повелѣтъ созвати мнози въ снѣгъ, въ рече днѣхъ.
 « Кто можетъ ли снѣгъ отпадать, дамъ ему трѣть сребра... »
 И рече бѣсъ обѣ одному оубо: — Шить, царю, и шить въ твою, а ма неча-
 заетъ. — П. р. а в д л : стоять, а прилетѣвъ соколетъ связъ зайца — та есть
 А н г е л ѣ : Господьныи звать правду на небо, и туто снѣгъ: сова — та
 есть д. р. и в л д . а . а . а в в с т ѣ ч е л о в ѣ ч е с к а я . а н а ш е у ч е н и е .
 Саломонъ же царь посла къ Дарію царю: « Загадку отгадуя, отъ
 принца сребро. На по мнози времени и привезома сребро отъ Дарію
 царя къ Саломону царю. Саломонъ же повелѣтъ обратити надъ зорку
 днѣмъ, и насыпати блесну, и дати привому бѣсу (дарю былъ у видѣ
 угасоръ, похвалиться); и рече бѣсъ: — Чему, царь, се крику: шивани
 (неступаеши не право); а правы, царю, ма шивомъ? — И рече царь:
 « Криво все бѣсъ, самъ себѣ криво судилъ, правда вѣста ма шеба,
 а на земанъ ма съ крива оспадасы. » — Дарю, и попервахъ, сазма
 элементъ, загадки суть: драгоцѣ: хронологическіи образцы. Дарю
 царь. Шить; страхъ цнтя или, что то же, страхи, веротъ, шитомъ
 ванихъ Землю; къ, которой шелъ, ма съ Иванъ, дутамъ, повелѣтъ;
 вспомните, какъ она выносетъ его на сѣтъ, Божій, на высоту, а въ
 другихъ образцахъ, на Складанъ, держитъ въ, когтахъ зѣбра, монотъ
 на убѣжденіе, Егорья, также выносаетъ его на волю. Далеко эти об-
 разы облечены въ Загалку и еще далѣе сдѣланы Посредствомъ барбы
 между, череданъ. Саломонъ въ началѣ терасоръ; ему, нумень, по-
 средникъ, посредникомъ бѣсъ; тотъ же бѣсъ, что, ма, видѣли, до-
 хнцалъ ему, меншикъ, тотъ же, какого увидѣтъ въ Китофрасъ. Онъ
 кривой, однеглазый, Клялоцъ, Полифонъ; страшилица, и опышаніи
 судьбу, склону, съ Кендларани, порожденіи старато, первого бѣсы,
 илаложимая досадъ въ партаръ, но освобожденцы; вѣль, уследитъ
 помоши отъ махъ и оодѣствіи, — они и помоши, въ борбѣ, противъ
 Тиначевъ, подерли Зевсу, молнию, и Аду илечъ. — ревлинку, Шесай-
 лому; хрезурацъ. Со стороны этого поманжичества на благо, они
 представляются въ числѣ семи, какъ Сидонны, производитъ; самца
 хитрия, и загадочныя работы, спрячь постройки такія же какъ
 Мелгартъ, и т. и. Известна ашическая коннѣтъ обѣ отношеніи Полифема
 ии, Улесу, о томъ, какъ подпадалъ хитрайшій маъ. Градовъ оубо
 крива, на его погибель маъ; чама, « итѣтъ забыдушаръ », подобно;
 Дионисовой, махъ, сгубившей Крестяровъ, и т. и. Любопытно гдѣ
 итѣтъ, что Я. Г. р. ц. и м ѣ , въ воученіи, махѣтъ хронографанъ, то-есть;
 атамъ; грецескимъ Полифемомъ; усирѣтъ, разъяснѣтъ, своего, главаню;

Божиниъ,» а самъ еще сравнительно слабъ и безсиленъ; мы увидимъ ниже, что онъ даже не могъ встрѣтить Китовраса, усвоенный виномъ. Это различіе между размѣрами древняго бога и размѣрами человеческими, въ которые вводитъ его представитель творческаго начала, всего лучше видно въ заключеніи. Когда привели Китовраса предъ царя, «и бысть егда нача мѣлвити Соломонъ Китоврасу: — Нишѣ видѣхъ, яко сила ваша (божеская, боговъ, перешедшихъ въ чудовища) акы человекъ и нѣсть есила ваша болѣ нашей силы, яко (ибо) азъ яхъ тя.—И рече ему Китоврасъ: «Царю! Аще хоцещи видѣти силу мою, да сойми съ мене уже се, и дажь ми Жюковину свою (запястье; перстень) съ руки, да видниши силу мою.» Соломонъ же повелѣа снати съ него уже желѣзное и дасть ему жюковину. Онъ же поужре ю, и простеръ крыло свое, и удари Соломона, и заверже и (закинулъ его) на конецъ Земля Обѣтованная. Увѣдаше же мудреци его и книжници, възскаша Соломона (едва отыскали Соломона). Всегда же обхожаше и страхъ Китоврасъ (китоврасъ) въ ноци (съ той поры всегда ночью одержалъ его испугъ отъ Китовраса).» Замятьте, что Китоврасъ, освободившись, унесъ съ собою Запястье Соломоново: онъ обручился, связался съ царемъ, и этотъ перстень мы еще увидимъ какъ предлогъ къ борьбѣ.—Таково первое явленіе Китовраса. Второе, гдѣ онъ занимаетъ роль Невѣсты или Царицы и, влекомый насильно, задаетъ загадки, коихъ еще не въ силахъ разрѣшить Соломонъ: 1) когда вели его по улицамъ Ерусалима и для прохода ломали зданія, «и придоша ко вдовицигъ хранинѣ, и возопи глаголющи, молящися Китоврасу:—Вдовица есмь убога!—Онъ же ся огну около угла, не соступая съ пути, изломи ея ребро, и рече: «Мягко слово ность ломить и жестоко слово гнѣвъ вздвизаетъ!» Терять ребро въ борьбѣ,—древнѣйшій мотивъ виоса; Китоврасъ уступаетъ началу смятчающему, дѣйствию бога втораго и за то платится частью существа своего; это то же, что помянутая уступка разбойнииа невѣстѣ на пути, выраженная прежде въ загадкѣ. 2) «Ведомъ же сквозѣ торгъ и слыша мужа рекуща:—Нѣсть ли черевій (черевиковъ) на 7 лѣтъ?—И росиѣся Китоврасъ.» Послѣ Соломонъ упросилъ его дать рѣшеніе всѣмъ этимъ загадкамъ; почему онъ разсиѣлся здѣсь, Китоврасъ отвѣчалъ: «Видѣхъ на немъ, яко не будетъ по 7 дней живъ.» Дѣйствительно, узнавали, и слова Китовраса исполнялись. Здѣсь онъ отличается предвѣднiемъ и смѣется надъ человеческой слабостью.—3.) «И видѣ другаго мужа ворожаша, и носиѣся.»

Отчего? спросил послѣ царь: « Онъ повѣдаше людемъ скровенная, а а самъ не вѣдаше крова (клада) подѣ собою со златомъ. » Послали испытать, кладъ оказался: Китоврасъ знаетъклады и указываетъ ихъ людемъ. 4) « И видѣ свадьбу играюща, и восплакася. » Почему? « Сжалилися (жаль мнѣ стало), яко оженивыйся не будетъ живъ до 30 днѣй. » Послалъ узнать царь, правда. 5) « И видѣ мужа идуща и блудяща кромѣ пути (заблудившагося съ дороги): и наведе и (его) на путь. » Для чего? « Слышахъ гласъ съ небеси, яко вѣренъ есть мужъ тотъ и достоинъ послужити ему. » Такимъ образомъ путь, который совершалъ Китоврасъ иди къ Саломону, выразилъ всю его— нѣкогда божескую— силу, а съ другой стороны былъ путемъ, которымъ переходилъ онъ на службу чловѣку и второму, юному, чловѣкообразному началу, самъ смягчаясь мало по малу. Потому, по мѣрѣ приближенія къ дому Саломона, послѣдній уже самъ отгадываетъ загадки, хотя все еще слабъ: « и приведоша и (Китовраса) въ домъ царевъ; 1—мъ же днѣй не ведоша его къ Соломону, и рече Китоврасъ: « Чему (отчего) мя не зоветъ Соломонъ царь? » И рѣша ему: « Переша есть вечеръ (вечѣръ, вчера). » Взять же Китоврасъ камень и положи на каменя. И повѣдаша Саломону створеніе Китоврасе (чтѣ сдѣлалъ Китоврасъ), и рече царь: « Велитъ ми пити и питіе на питіе (опохмѣляться и тѣмъ выздоровѣть). »—« Другой же день не зва его царь къ собѣ; и рече (Китоврасъ): « Чему не ведете мя ко царю и почто не вижу лица его? » И рѣша: « Поболаеть царь, имъ же (боленъ, потому что) вчера много ялъ. » И снятъ (связь) же Китоврасъ камень съ каменя: » то есть, нужно очистить желудокъ и поддержать діету. Здѣсь Китоврасъ не только учитель мудрости, но и врачъ въ древнемъ смыслѣ. Кромѣ того, на службѣ Саломону, Китоврасъ помогаетъ ему достать известную намъ Птицу Ногу, которая въ рукописи испорчена въ « неготъ, » « ноготъ » и « кокотъ. » Все это мѣсто такъ искажено, что мы расскажемъ сущность его своими словами: Китоврасъ передалъ, что знаетъ мѣсто- пребываніе Птицы Ноги, которая « мала, » но « хранить (держать) мѣръ. » По указанію его, отправилъ Соломонъ того же Боарина своего съ отроками ко гнѣзду. Китоврасъ велѣлъ имъ схорониться въ сторонѣ отъ гнѣзда, и, когда выдетитъ Нога, замазатъ гнѣздо большимъ « бѣлымъ стекломъ. » Такъ и сдѣлали: мать воротилася, птенцы пишатъ изъ подѣ стекла, мать хочеть туда проникнуть, но не знаетъ какъ. Тогда она (?) хотѣла чѣмъ-то раздавить стекло, спрятавшіеся

вскрикнули, птица улетѣла; взяли только (?) птенцовъ. Мѣсто очень темное; но это та же Могуль-птица, ко гнѣзду коей пришелъ Ивандъ Вдовкинъ, чтобы разгадать загадки Волшана (Рыбник., ч. 1); потому способъ ловли очевидно тотъ же, какимъ ловили и самого Китовраса, заткнувши руномъ колодецы, и словили, но, какъ мы видѣли, Китоврасъ взамахнулъ прыломъ и закинулъ самого Саломона; наконецъ тѣмъ же стекломъ хотѣлъ Саломонъ, какъ помнано, уловить въ обманъ Южекую Царицу, а она догадалась, рѣшила загадку и ушла. Вообще нужно замѣтить, что Китоврасъ въ этой поэмѣ такъ же, какъ Царица, появляется и снова уходитъ не одинъ разъ: это слон разныхъ поэмъ, сведенныхъ вмѣстѣ, а вмѣстѣ періоды, въ которые повторяется борьба и съ каждымъ шагомъ Китоврасъ выставляется все служебнѣе и покорнѣе; пока совѣтъ не истощилъ его силы Саломонъ, не воспользовался имъ, и тогда, отсутствіи, побѣдивши его окончательно и претворивши его въ себя-самого, мудрость его въ мудрость свою собственную. Главныя задачи, выполненныя Китоврасомъ для Саломона, выражены въ слѣдующихъ показаніяхъ. Мы видѣли, что два дня его не принималъ Саломонъ: въ третій пріянялъ, одолѣлъ, обратилъ себя въ службу (ср. выше возрожденіе или воскресеніе на третій день). « Въ 3-й же день рѣша: «Зоветь ты царь.» Онъ (Китоврасъ), ушѣря Прутъ (образъ, который мы встрѣчали и прежде) 4 лакоть, и вшедь предъ царя поклонися, и поврже пруты предъ царемъ молча. Царь же мудростью своею протокова пруты (всталковалъ, что значать эти пруты) боаромъ своимъ. И рече (Китоврасъ): « Область ты далъ Богъ вселеную, я не насытился ея, и ялъ еси и мене (Богъ тебѣ далъ обладать вселенною, но тебѣ и этого мало, за чѣмъ ты еще извлекаешь меня)? » И рече ему Соломонъ: « Не на потребу ты приведохъ собѣ, но на упроеъ очрътанію Святая Святыхъ приведохъ ты по повелѣнію Господню, яко не повелѣно ми естъ тесат каменнъ желѣзомъ (я привелъ тебя не для собственной нужды, но для выполненія плана постройки Иерусалимскаго Храма; для того, чтобы ты тесалъ каменнъ желѣзомъ, чего Вереинъ не велѣно). » Здѣсь, какъ помнанные Киклозы, Китоврасъ осужденъ былъ водвигать зданія для Саломона. Очевидно, со стороны исторической, онъ занялъ здѣсь мѣсто Финикійскаго царя Храма, а объ этомъ царѣ и его отношеніяхъ къ Саломону существовала, мы видѣли, цѣлая поэма, въ родѣ той, какую мы теперь издаваемъ, въ образѣ борьбы между двумя

дарями посредствомъ загадокъ. Теперь вспомнимъ, что по историческимъ свидѣтельствамъ камень для Храма обтесывался у царя Финикійскаго Хирама, желѣзные орудія въ самомъ Ерусалимѣ не были слышны, ибо храмъ былъ Богу Мира; главою художниковъ былъ опять Хирамъ, одноименный царю и также Тирянинъ: достаточное основаніе для эпоса, чтобы отождествить его съ греческимъ Хирномъ, знаменитымъ главою Кентавровъ и любимымъ изъ нихъ мягкимъ, учителемъ, врачомъ, благодѣтелемъ героевъ; а этотъ Кентавръ есть нашъ Китоврасъ. — И такъ, главное дѣло Китовраса у Саломона есть строеніе творческихъ зданій, Храма, потомъ Дома Саломонова и т. д. Сравните выше постройку палаты Саломосея или Саломонова на дочахъ Фракійской. Историческія показанія въ окончаніемъ снхъ построекъ соединяютъ и водвореніе Царевны Египетской, дочери Фараона: въ эпосѣ это выражалось тѣмъ, что невѣста привадеа въ садѣ, т. е. тѣмъ же Китоврасомъ, но есть вѣдѣнное свидѣтельство нашихъ рукописей, что Китоврасъ построилъ Саломону постройки, водворилъ — какъ посредникъ — невѣсту изъ Египта, знаменитую Саломонию, и тогда только былъ отпущенъ: а бысть у Соломона Китоврасъ до свѣршенія Святая, Святыхъ. Тогда повѣде Соломонъ дѣщеръ фараону изъ града Давидова въ домъ свой, иже бѣ создалъ во дни сіи 20 лѣтъ, въ немъ сози Соломонъ два дома, Храмъ Господень и Домъ Царевъ. И тогда отпусти Соломонъ Китовраса. — Но Китоврасъ, говорили мы, нѣсколько разъ уходитъ со сцены поэмы и снова возвращается подъ разными видами: теперь, ушедши, онъ оставилъ по себѣ въ са, Подзвмнаго чедовка, т. е. Ати-нода (ср. выше) и по древнимъ воззрѣніямъ Эгоіода. Онъ продолжаетъ самого Китовраса и играетъ роль его предъ Саломономъ: этотъ-то самый въ сѣ, какъ мы видѣли, добылъ Саломону Царевну; онъ, Кривой какъ Киклопъ, помогъ разгадать загадку Дарія, выиграть золото; онъ наконецъ подралъ самъ Суду Саломона и обмануть, разбѣнень или — какъ говорить наши народы — рѣшлася, пошелъ ко дну. Въ настоящемъ случаѣ, въ образъ, который сей-часъ приведемъ мы, выражается это тѣмъ, что вресникъ, оставленный Саломону Китоврасомъ, сдѣлался полнымъ слугою царя: царь его вводитъ или выводитъ въ люди, женить, и, когда въ детовствѣ его происходитъ двоеніе, судить. Китоврасъ же поше, ко своя люди (уходитъ отъ Саломона къ себѣ назадъ, но совершеніи молвиговъ),

вѣдъ Соломону и мужало въ у голову (такъ, прежде единый, раздвоился Китоврасъ). Обычай же съ житеишь у Соломона мужъ тотъ (когда вѣршился у Соломона), въираша же его Соломонъ: — Которыхъ людей еси ты, чело въ къ ли еси ты, или въ съ? — Отвѣщае онь чело въкъ: «Авѣ еси чело въкъ живущихъ подъ землею.» И праша его царь: — Есть ли у васъ солнце и луна? — Онь же рече: «Отъ Запада вашего къ намъ восходить солнце, отъ Востока вашего заходить; егда убо у васъ день, тогда у насъ ночь, а егда у васъ ночь, тогда у насъ день (ср. выше загадку Фараона въ Египтѣ и разрѣшеніе Акура, о коняхъ и кобылицахъ).» И вѣда ему царь жено у, и родителю у него два сына, одинъ о двю главу, а другой о одной главѣ (восторженіе, въ исходящей линіи, самого древняго бога, Кентавра—Китовраса, двуголоваго отца). И бысть у отца ихъ житіе много, и умъ въ отецъ ихъ.» Тогда дѣти посорилися изъ за житія: являетелю Судъ Соломона, совершенно по значенію тотъ же, что помянутый 1-й и особенно 3-й, между сыномъ и холопомъ. Одноголоваго хотѣлъ дѣлать по полъ и въ; а двуголоваго по голова мъ, на двѣ головы требуя два жеребья. Соломонъ разсудилъ такъ: еси двѣ головы принадлежатъ одному тѣлу, то одна почувствуетъ, что едятъ ея другю, иначе онь дѣйствительно розни и тогда получатъ два жеребья; за тѣмъ началъ лить уксусъ на одну голову: другая взѣршилася, и Судъ былъ конченъ. — Наконецъ, послѣ этой получеловѣческой и даже чело въческой ступени, Китоврасъ проходитъ въ поимѣ еще третью: хотя съ отвѣтомъ древней природы свей, но онь уже являетелю въшнимъ царемъ, представителемъ извѣстнаго народа, въшнимъ врагомъ Соломона, похитителемъ его жено: совершенно то же, что въ угномъ творчествѣ у насъ Василій Ангулевичъ. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этому главному и вѣщному эпизоду поэмы, совѣщающему въ себѣ всѣ почти явны ея и потому составляющему особую законченную поему, приведемъ посредствующее сказаніе Сербское, гдѣ Соломонъ совершаетъ тѣ же самыя подвиги, но въ иныхъ образахъ.

V. Тѣ же подвиги Соломона, но въ иныхъ образахъ: по проклятію матери и предательству жены спускъ въ глубь морскую и вылетъ къ небу.

Мы видѣли, что за дерзкія обличенія мать прокляла Соломона, еда не умереть онь, пока не увидитъ морской глубины и небесной

вышины (высоты).» Этотъ судъ выполняется надъ Саломонъ при посредствѣ жены его. «Когда Саломонъ уже постарѣлъ и ему уже наскучило жить на семьъ святѣ, сталъ онъ стараться, какъ бы сбодяться отъ матерной клятвы, чтобъ можно ему было умереть. Прежде всего сковалъ онъ желѣзный ковчегъ, большой, какъ-могъ онъ въ намъ сѣсть; на замычкѣ этого ковчега укрѣпилъ онъ одинъ конецъ желѣзной цѣпи, а цѣпь была такой длины, какъ, примѣрно, думается, глубоко море. Потомъ, вошедши въ ковчегъ, велѣлъ онъ женѣ, чтобы замкнула его и бросила въ море, а сама бы держала другой конецъ цѣпи: да какъ падеть ковчегъ на дно моря, тогда чтобъ она его вытащила на берегъ. Жена затворила ковчегъ, замкнула и бросила въ море. Но, пока еще держала она конецъ цѣпи и не могла вытащить ковчега, пришелъ кто-то в обманулъ ее, что Премудраго за одно съ его ковчегомъ давно уже пожради рыбы и она ужъ никогда не можетъ вытащить на сушу, а ну-ка пусти конецъ цѣпи да иди-ка домой. Выпустила она цѣпь, а цѣпь своей превеликой тяжестью притянула Премудраго въ ковчегъ на дно моря. Послѣ того черти нашли клянку, шадку и одежду святаго Ивана, да и поссорились, не зная, какъ это подбавить; тогда имъ говорить: «Ну-ка, поидемъ къ Премудрому, чтобъ онъ помиривъ насъ!» Вотъ, услышавъ, гдѣ Премудрый, пошли къ нему на дно моря, названи его и сказываютъ, за чѣмъ пришли. А онъ изъ ковчега имъ отвѣтилъ: «Какъ я помирю васъ въ ковчеге, когда не вижу ни васъ, ни того, въ за чего вы ссоритесь? Нѣтъ, вы вынесите-ка меня на берегъ, тогда помирю васъ.» Черти тогда разомъ подхватили ковчегъ съ Премудрымъ и вынесли на берегъ. Какъ выведетъ Премудрый изъ ковчега и взявъ въ руки отъ чорта тр, изъ за чего поссорились, какъ будто посмотреть, что это и чего стоять, онъ перекрестилъ клякою, а черти тотчасъ разбѣжались кто куда, и ему все осталось. Такъ Премудрый увидалъ морскія главины: — Послѣ того сталъ онъ думать, какъ бы видѣть еще не въ снѣга вышины. Для того ухватилъ онъ два Ноя (страуса) и не давалъ имъ нѣсколько дней ничего ѣсть, пока хорошенько оголодаютъ: за тѣмъ онъ привязалъ имъ за ноги большую корзину, влѣзъ въ нее и сѣлъ, а самъ держать руками надъ собою и надъ Ноями жаренаго ягнѣнка на длинномъ рожнѣ. Ноя, желая прхватить жареное, полетѣлъ въ высоту и такъ все летѣлъ, пока Премудрый не ткнулъ рож-

номъ въ небо; а послѣ того обернулъ роженъ внизъ, и Нон смесилъ его на землю. Такъ видѣлъ онъ и небесныя вышины, и послѣ умеръ.» — Эта одна сказка стóитъ мной цѣлой поэмы: образъ въ образъ какъ кольцо въ кольцо, а растяните кольца въ одну цѣпь или выньте кольцо изъ кольца, и передъ вами вѣлая цѣпь сказаній, и каждое сказаніе — самостоятельное звѣно обширнаго эпоса. Опущеніе въ море и вылетъ къ небу повторають собою все почти мифы, нами выше приведенные отъ Изиды и Персефоны до сходившаго похъ землю Оракійскаго Саломона по эпосу и исторіи, Оракійскаго Діониса по мифу, отъ гроба Озирисова до колыбели Діонисовой. Раздѣляя звѣнья, получаемъ во первыхъ оскорбленную и проклинающую мать: ей наследуетъ, ее перерождаетъ въ себя жена, на дѣлѣ выполняющая проклетіе или матерню загадку разрѣшающая собственнымъ предательствомъ, собственной вѣтностью: она — то и заставляетъ Саломона блуждать по подземелью, пока онъ не высвободился, не слеталъ на небо и оттуда примиренный съ матерью вернулся на землю, чтобы понести участь простаго уже смертнаго. Въ тѣхъ частяхъ поэмы Саломоновой; которыя изложены нами выше, этому сказанію отвѣчаетъ мнимая смерть Саломона вслѣдствіе ищенія матери и потонъ явленіе въ славѣ: ковчегъ — тотъ же гробъ или могила; или отбытіе Саломона въ Индію, вѣсть объ его смерти, склонность забывшей его матери къ любодѣянію и дѣйствительное любодѣяніе съ пришельцемъ, съ этимъ «кто-то,» который въ Сербской сказкѣ шепнулъ лукавый совѣтъ женѣ, когда она по нравственному своему состоянію готова была совершить вѣтну: собственная наклонность выразилась вѣтнимъ образомъ соблазнителя. Далѣе, это тоже, что ловля Китовраса полодцами и желѣзной цѣпью: старое и злобное, подвергшееся проклетію, должно быть замкнуто, оцѣплено, низведено въ глубь, чтобы возродилось примиреннымъ. Это тотъ же судъ, то же рѣшеніе загадки, хотя, независимо отъ того, выступаетъ тутъ же и Загадка матери, и Судъ Саломона надъ чертями въ формѣ отдѣльной. Въ дальнѣйшемъ теченіи поэмы, которое приведемъ въ слѣдъ за симъ, этому Сербскому сказанію соответствуетъ невѣрность жены и выраженіе невѣрности — похищеніе: то гробъ, въ который она входитъ и обманывается этимъ средствомъ мужа, то сундукъ, въ который Саломонъ заманила мужа и на который сѣла своимъ бабьимъ свидѣнемъ, упрямая врага поскорѣе добыть Премудраго. Исторія чертей — опять вѣлая поэма: они, какъ посредники, высвобождаютъ Саломона, выпо-

сятъ на берегъ ковчегъ, какъ корабль; это тѣже бѣсы, что похищаютъ на кораблѣ у враговъ невѣсту для Саломона или потому у него же самого жену, тѣ же, извѣстные намъ, Мурины, Есионы, Фивикіяне, разбойники, чернорабочіе, рабы. Выносъ на берегъ, яви совершенный, тотъ же, что въ концѣ выносъ на свѣтъ Божій посредствомъ птицъ. Какъ надъ кривымъ бѣсомъ, какъ надъ преемникомъ Китовраса, Саломонъ произноситъ надъ ними тотъ же Судъ, обманувшій ихъ, разогнавшій, уничтожившій. Кляука, шапка, одежда Ивана — атрибуты нашего Ивана Черноморскаго и Придунайскаго, Фракійскаго Эвана, того юнаго бога, который на Фракійской ступени не былъ еще свѣтлымъ Еллинскимъ Діонисомъ, а боравшимся и умирающимъ, посредникомъ къ выходу, Геракломъ и Гермесомъ: у Геракла это его палица, львиная морда вмѣсто шапки, зѣфирная кожа и багровый плащъ; у Гермеса — кадуцей, крылатый петасъ, одежда путника. Эти же средства послужили и спасеніемъ Саломону для высвобожденія изъ подземелья на свѣтъ Божій, особенно кадуцей. Въ христіанствѣ атрибуты повторились, конечно въ ихъ высшемъ, истинномъ значеніи, и отъ того они у святаго Ивана, отъ того у святыхъ подвижниковъ, — посохъ, обвитый змѣей, съ крыльями покровъ головы, широкая мантія. Мало того: божество представляется исчезнувшимъ, его наследство дѣлать даймоны, исторія сознанія переходитъ въ исторію быта, мифъ въ эпосъ; и вотъ передъ вами «кляука» Калѣкъ Перехожихъ, «шляпа земли Греческой», «гуна по дорожная.» Въ эпосѣ ими спасается герой, передъвигая Калѣкю Перехожихъ; въ томъ же самомъ видѣ спасаютъ гибнущаго Потыка, когда онъ томился въ погребѣ или обороченъ въ камень, товарищи Илья съ Добрынею и третій, приставшій, Никола: «бралъ какъ ключечку въ двѣнадцать пудъ, сталъ какъ ключечкой помахивать, и убилъ всѣхъ двѣнадцать богатырей,» преслѣдовавшихъ Потыка. Наконецъ два Поза, выносящихъ на свѣтъ Божій, къ небу, а оттуда на землю, тѣ же, что у Акура, Александра Великаго, нашего Ивана. Имя сего послѣдняго снова переводитъ Сербскую сказку въ нашъ Придунайскій и Черноморскій эпосъ, на каждую черту выставляя нашъ сотни Сказокъ Русскихъ. Ивана спускаютъ въ подземелье, въ яму или на тотъ свѣтъ, коварные предатели обрѣзаютъ веревку, или захлопываютъ творило, или поднимаютъ и снова возвращаютъ къ подвигамъ по тремъ царствамъ. Высвобождается онъ тою же мудростью, тѣми же посредниками, отъ мрачной силы разныхъ чудовищъ, скла-

намыкъ къ содѣйствию, отъ Яги и Кошея, до Морюль-итиды и все-возможныхъ Носевъ, спасителей отъ погибели. Разверните любой выпускъ сказокъ, и вы встрѣтите то же самое дѣло нашего Ивана съ чертями (ср. Сказки Аванас.): та же ссора изъ за найденныхъ вещей и даже тѣ же самыя вещи, та же веревка, это ужъ вѣдь, которыми связанъ Китоура, которыми рѣшаетъ загадки Анууръ и Саломонъ; которое вѣсть изъ веслу нашъ Иванъ, грозясь передовить чертей, которое у Пушкина, въ предѣлкѣ народной сказки, крутить вѣрный работникъ Бада, крутить, да конецъ ея въ море мочить, да мочить веревкою море морщить да бѣсовъ, проклятое имя, корчить. На томъ же ужъ сиушенъ въ море закованный царь, тѣмъ же ужемъ свободился онъ, разрѣшивъ союзъ чернымъ своимъ помощникомъ. Тотъ же ковчегъ, послужившій на время гробомъ, обращается въ колыбель новорожденного при его выходѣ на свѣтъ: это была бочка, спасшая изъ моря Гвидона, у Пушкина въ творчествѣ художественномъ, у нашихъ сказокъ, ему послужившихъ основой, въ творчествѣ непосредственномъ. Наконецъ еще, въ Киевскомъ творчествѣ: точъ въ точъ соответствуетъ исторія Цотына, того героя, который изъ за жоны спускается подъ землю, оставляетъ веревку — проводникъ на землю, убиваетъ въ подземельѣ гадовъ и аиѣ, изъымаетъ тѣмъ же ману державу веревку, а черезъ нее церковный колоколь, а черевъ колоколь весь людъ православный, послѣдившій сласти подземельяго подвижника.

Теперь слѣдуетъ главный и высшій эпизодъ поэмы, видѣтвѣиѣ, какъ мы сказали, всѣ черты ея отъ самыхъ внутреннихъ онологическихъ до самыхъ внѣшнихъ, не только апическихъ, но даже историческихъ, въ смыслѣ древнѣйшей исторіи. Все повторено здѣсь, но въ образахъ чрезвычайно цѣльныхъ, выдержанныхъ и закончен-ныхъ; эти образы—

VI. Похищенія на Саломона отъ внѣшнихъ враговъ; измѣна и предательство жоны; ея похищеніе; мѣсть Саломона.

(1.) Начнемъ опять Сербскою сказкой. «Жена Премудраго Саломона заглядѣлась на одного сторонняго Царя и задумала оставить перваго мужа да бѣжать къ этому другому. Только никакъ она не могла украстѣся, потому что Саломонъ крѣпко ее ста-

регъ: для того договорилась она съ этимъ другимъ Царемъ, послалъ онъ ей по договору что-то испить, испила она и сдѣлалась какъ мертвая. Когда она такъ умерла, Саломонъ отѣкъ у ней мизянецъ на рукѣ, чтобъ видѣть, точно ли она умерла: и какъ увидалъ, что жена ничего не чувствуетъ и мертва, тогда ее закопалъ. А тотъ Царь нарядилъ своихъ людей, они ее ночью выкопали и принесли къ нему, а онъ какими-то способомъ воротилъ опять ей жизнь и, взявши ее за себя, сталъ съ нею поживать. Когда Премудрый Саломонъ дозналъ, что случилось съ его женой, онъ пустился и скалъ ее и повелъ съ собою довольно-таки вооруженныхъ людей, да какъ пришелъ близу къ столицѣ того Царя, что взялъ у него жену, оставилъ людей въ лѣсу, сказавши имъ: какъ услышатъ они — затрубить труба, тогда пусть идутъ на ея голосъ, на помощь ему, при чемъ всякой неси передъ собою по зеленому вѣтвистому стволу дерева; а самъ пошелъ въ царевъ дворъ. Какъ будетъ тамъ, а жена со слугами одна во дворѣ, а Царь ушелъ на охоту. Какъ увидала жена своего первого мужа, она перепугалась, но опять-таки какъ-то его обманула и заперла въ одномъ покоѣ. Какъ пришелъ Царь съ охоты, жена ему рассказываетъ, что пришелъ Премудрый Саломонъ и что онъ въ томъ-то и томъ покоѣ запертъ: «Но, говорятъ, иди теперь тотчасъ къ нему въ покой и посѣки его, да смотри, не мози дурачиться, не зачи съ нимъ что ни будь говорить, потому что коли пустишь его проговорить, хоть одно только слово, онъ тебя перехитритъ.» Царь съ обнаженной саблей въ рукахъ отворилъ дверь и пошелъ къ Премудрому Саломону отѣкъ ему голову. Саломонъ мирно и безъ страха сидѣлъ на подушкѣ, да какъ увидалъ его, что плетъ къ нему съ саблей, онъ возьми и засмѣлся. Когда Царь увидалъ то, не могъ удержаться, чтобъ не спросить, отчего онъ смѣется? А Саломонъ отвѣчалъ ему, потому, да, смѣется, что царь царя хочетъ погубить на женскомъ изголовьѣ. Царь тогда его спросилъ: «Да какъ же иначе?» А Саломонъ ему отвѣчалъ: — Я уже въ твоихъ рукахъ; свяжи меня, и выведи вонъ изъ города, и погуби меня на открытомъ, видномъ мѣстѣ, да прежде, чѣмъ меня погубишь, прикажи три раза затрубить въ трубу, чтобы всѣ слышали, и кто хочетъ, чтобы могъ прийти да видѣть: тогда и лѣсъ пойдетъ глядѣть, какъ царь царя губить. — Царь въ томъ послушался, особенно чтобъ видѣть, правда ли, что и лѣсъ

пойдет глядѣть, какъ царь царя губить. Вотъ тогда онъ связалъ Саломона и бросилъ его на простую землю, да и повелъ его губить на поле со своими молодцами и дворянами. Какъ шли они такъ, Саломонъ сквозь тѣтгу заглядѣлся на переднѣи колеса, да вдругъ и засылался. Царь, вѣдшій рядомъ съ нимъ на конѣ, спросилъ, что онъ смѣется, а онъ ему отвѣчалъ: — Стыжуся глядя, какъ одна половинка обода въ грязь, а другая изъ грязи! — Тогда Царь, повернувши отъ него голову, выговорилъ: « Слава Богу, люди говорятъ: Премудрыи Саломонъ, а онъ дуракъ!» Между тѣмъ, когда пришли на мѣсто, гдѣ хотѣтъ погубить его, Царь приказалъ, и одинъ разъ затрубили. Какъ услышать трубу дамы Саломоновы, вскочили они. Когда затрубили другой разъ, они начали придвигаться, но людей не видать, а только передъ ними земляныя дощечки словенно явь съ: Царь тому кривко удивился и повѣрилъ, правда, что сказывалъ ему Саломонъ, да приказалъ, и затрубили третій разъ: тотчасъ Саломоновы воины достигли на то мѣсто и отняли Саломона, а Царя и всѣхъ его молодцовъ и дворянъ похватили и побили. » Многя зѣвнѣя, соединявшія собою обстоятельства этого разказа, выпали: « какой-то Царь, » « какимъ-то способомъ, » и т. в., но главныя обстоятельства дѣлы и ярки. Царь чужой; похищеніе жены Саломоновой совершается по договору съ нимъ, но мысли и зѣвнѣ самой жены. Онъ присылаетъ ей цитю и этимъ средствомъ способствуетъ. Гробъ ея и могила тѣ же, что гробъ или ковчегъ и могила Саломона: одному временная гибель и послѣ спасенію, другой временное спасеніе и затѣмъ гибель. Въ Кіевскомъ творчествѣ соответствуетъ этому начало быльи о Потыкѣ, гдѣ жена его, вида « надъ нимъ мудрости, » обираетъ в мужъ принужденъ сходитъ съ нею по договору въ землю, для ея спасенія. Вторая часть быльи, гдѣ она вѣтвинигомъ образомъ убѣгаетъ къ чужому царю, Потыкъ ее преслѣдуетъ, находится на краю гибели, терпятъ отъ « питья заблудцаго, » превращается въ камень и наконецъ спасается уже посредниками, роль коньтъ играетъ дѣревна—въ родѣ Геракла и Хирона, Калъки: Перехожіе съ Николою, и т. д.,—эта часть то же, что подвигъ Саломона на освобожденіе жены, прачемъ онъ подвергается опасности смерти, замыкается въ особый локъ или сундукъ какъ въ гробъ, и т. п. Прочія подробности почти дословно схожи со сказаніями Русскими по рукописанъ и устнымъ быльиномъ. Похищеніе отъ царя чужаго такое же, какое дѣлывалъ

и самъ Саломонъ, и обратно, освобожденіе жены Саломоново положе на цѣхъщеніе: Царь похищаетъ жену, вследствие ея склонности, бо- гданъ, проводить ее черезъ смерть, воскрешаетъ, живеть съ нею счастливо. Такимъ образомъ: въ разсказѣ двѣ равныя половины; и видно, что въ древности съ равнотъ правитъ становился мѣстный народъ то на той, то на другой сторонѣ: вспомните расказъ Геродота о международныхъ отношеніяхъ, или Ариадну, перожденную поперѣтнмо отъ Тесея къ Діонису. Только послѣ уже, вѣрноту въ эпоху христіанскую, черезъ Ерусалимъ и Царьградъ; саломонизмъ сознаніе на сторону Саломона и ему даетъ заключительную побѣду, въ немъ видитъ своего представителя, представителя своего творческаго, второго начала. Жена запереть Саломона въ пещеръ, какъ выше въ сказанъ заперла въ конюшн. Спасеніе все зависитъ отъ мудрости Саломона, даже отъ одного слова, которое тотчасъ рѣшаетъ всю древнюю загадку. Жена пристаеть, чтобы Царь непременно убійтъ Саломона, да поспоритъ, да не слушалъ бы его: сравните выше настоятельные требованія воспитанника Акурова, т. е. нашего Василья Акульевича; таковъ страхъ передъ словомъ раздѣляющаго начала. На пути къ казни, Саломонъ высказываетъ загадку объ «вдущемъ лѣтѣ» и хотитъ о «полевникахъ» въ ободѣ колеса: « послѣдняя означада въ устахъ его суету человечества, въ коемъ то одна сторона опускается, то поднимается и торжествуетъ, — таковъ же было торжество врага и Саломона; взаимно снѣжившееся (ср. Врейса, когда велъ его на казнь, Китоврасъ, когда его золотилъ къ Саломону, и т. ц.). Телѣга или Сербскія «кола» — возъ, колесница, ушнсть верон лѣданы въ «карегу». Три тразя трубать, въ три нрѣмаша подвигаются лѣбвители, лѣбветные три дня или три года для возрожденія или въскресенія второго, творческаго начала. Труба —но прошежденно мнструментъ Діонисовой свиты; его рогъ, пошесть звукъ побѣды и спасенія. Войско, вдущее здѣсь въ вѣтвяхъ, закратов дни, такъ что даже не видно людей, есть опять толпа Діонисовская, члены его прадниковъ и процесій съ даими въ рукахъ; вспомните дерево, скрывающее то трудъ, то колыбель юнаго бога, спасающее тѣмъ людей, человека. Этотъ образъ «вѣтвей» — главное приобрѣтеніе изъ Сербской сказки: въ другихъ его нтъ.

2) Теперь приведемъ то же сказаніе изъ нашей рукописи, гдѣ похитителемъ, является дѣвственный нѣтъ Китоврасъ и, хотя рукопись съ пропусками, но она очень важна именомъ похитителя и мнструмента

образами, просвѣтляющими себѣя древнѣи мнѣ. «Бысть въ Иерусалимѣ царь Соломонъ, а во градѣ Давидовѣ царствуя царь Китоврасъ. Обычай же той нѣтъ царь — во дни царствуетъ надъ людьми, а въ нощи обращашеся зъ въ время Китоврасомъ, и царствуетъ надъ звѣрми, а во родству братъ царю Соломану. И въ нѣкоторое время свѣда царь Китоврасъ, что Соломанъ женѣ а цѣвкрѣсна: и вразнѣмъ советомъ (ср. воспитанника Акурова) разъярься Китоврасово сердце, хотя у себя видѣти Соломанову жену (ср. разсказъ Геродота о Парисѣ), и умысли во умѣ своемъ, и врази корабль со многими товарами, и послата во Иерусалимъ человека своего Волхъа; и приваля ему: «Добры мой человекъ! Ище ты придеши во Иерусалимъ, и ты у нрады у Соломана жену свою и приведи ея ко мнѣ. И рече ему Волхъ той: «Дай же мнѣ, господнино, по роше у свою царскую (барришцу), и в него ея (жену) укредити у Соломана. Китоврасъ же, дая ему порфиру свою царскую, и отпусти его во Иерусалимъ. И нача торговати, товаръ свой продавати, и порфиру царскую по земри продавати кораблюя, того ради, чтобы ея есакъ видѣти. И нача (начаша) же, нему многы люди ходити по владѣи сиботливѣти; и нѣкій человекъ, увидяши корабль порфиру царскую, и введе во царю Соломану, и глагола ему: «Царю Соломанъ! Пришесть гость со многими товарами и привезъ на корабль порфиру царскую, велики цѣду, и украсену драгими камнями и жемчужми. И рече царь Соломанъ: «Привези же съ порфиру царскую». Человекъ же той поиде на корабль и рече гостю: «Поиди, господнино, съ порфиру царскою къ Соломану царю». Волхъ же той поиде съ порфиру царскою. Соломанъ же, видя ту царскую порфиру велики украсену, и повелѣ възяти, а цѣну за нѣе (дати). И рече Соломонъ царь: «Купи чекъ! Буде же смѣхъ завтра на обѣдъ, и Волхъ же той ударя человекъ царю (и отиде) на корабль свой радуясь. На утро же днѣ приде Волхъ той ко царю Соломану...» Эдакъ въ рукописи пропускъ: конечно такое же описаніе обѣда, какъ прежде, мы видѣли, при появленіи Соломона на корабль къ Давиду съ драгоценными камнями и шрельщевіи царицы, мончавшейся ея отвозомъ. Да тѣмъ Соломонъ разряжаетъ свое войско, да чтобы оно слушало; какъ за нѣгра вѣтъ оны три раздѣла въ третій скорѣй къ нему шлѣ. «И приде Соломанъ во царство Китоврасово, аки Прохожей Старецъ, и вилостыню свѣрагъ. И приде

въ садъ, гдѣ черпають воду Китоврасу царю, и выйде Дѣвка по воду въ садъ со златымъ кубцомъ; и рече Соломанъ: «Дай же ми, дѣвица, изъ сего кубца и снѣги.» И рече ему Дѣвка;—Какъ ты, Старецъ, хочешь пити изъ царского сего кубца? Аще кто увидитъ и скажетъ царю, и онъ велитъ за то насъ обвѣихъ казнитъ.— Соломанъ рече: «Дай же, Дѣвка, испити: никто у насъ сего не увидитъ!» И дасть ей за то колечко, и она даде ему испити. И поиде Дѣвка съ водою радуся (радуясь) и скажи госпожѣ своей такъ:—Азъ его нашла на пути.—И нѣкто (ошибочная вставка; вѣроятно «нѣкако», канъ-то) увидѣ у нея нѣ въ которое время то колечко Соломонова жена, а Китоврасова Царница, и опозна (узнала) его, что то колечко ее обручальное, и рече ей: «Скажи, Дѣвка, кто те далъ сие колцо?» Рече Дѣвка:—Далъ ми, госпожа, Старецъ Захомай.—Она же рече: «Не Старицу быть, не мужу моему Соломону!» И скоро розосла многихъ людей своихъ по граду и повелѣ сыскати. Они же, сыскавши (въ русск. ошибка «сыскавъ же») Старица и приведоша его къ ней. Она же видѣвъ и рече ему: «Соломане! Ты пошто еси сюды пришелъ?» И рече Соломанъ:—Пришелъ, убо и по твоею главу.—И рече ему жена его Соломанова: «Самъ ты, Соломанъ, пришелъ на смерть и будешь повѣшенъ).» — За сѣмъ третій отдѣлъ сказанія. «И Соломанова жена скоро послаша на поиде къ Китоврасу людей своихъ: «И скажите Китоврасу такъ;— пришелъ ко мнѣ годъ, а твой, господине, и к другъ.» Китоврасъ же скоро поиде ко двору своему, и видѣ Соломана у себя на царскомъ дворѣ, и рече ему Китоврасъ: «Ты еси, Соломанъ, почто ко мнѣ пришелъ?» И рече Соломанъ:— Пришелъ есмь къ тебѣ для того: за чте еси украдъ жену мою?—И рече ему Китоврасъ: «Али ты у меня, Соломонъ, хочещи украсти свою жену? У меня не видать тебѣ жены своей, а тебѣ отъ меня живу не быти!» И повелѣ царь Китоврасъ Соломона скоро повѣсити. И Соломонъ предъ царемъ Китоврасомъ нача плакати, и рече:—Братъ еси, Китоврасъ! Язъ былъ братъ твой и царствовалъ во Иерусалимѣ: повели мнѣ дать царскую смерть, вели меня повѣсити честно, и вели тутъ вывезти пѣтя и вѣтвы много, и поиди за (се) мною и съ Царницею самъ, и вели выти (выйти) всѣмъ людемъ градскимъ на тамоше мое позорщи, и вели имъ цѣти и исте, а меня, царя Соломона, поминати.— Китоврасъ же послуша царя Соломона и сотвори тако, и

повелѣ Соломона вести на шибалицу (висялицу). И приведши Соломона къ шибалицѣ, и видѣ(въ) Соломонъ на шибалицѣ лычную петлю, и рече Китоврасу: — Братъ еси, Китоврасъ! Али у тебя во царствѣ твоємъ не стало шелку? Пошли и вели купить красного, да желтого, и свить двѣ петли шелковые, одну красную, а другую желтую, и я въ любую петлю кивуся. — Китоврасъ же повелѣ шелку купить красного да желтого, и свить петлю въ красномъ, а другую въ желтомъ. И рече ему Соломонъ: — Брате еси. Китоврасе! Вели мнѣ поиграти въ малы рожекъ передь послѣднимъ кондомъ? — Китоврасъ же повелѣ ему играти, Соломону, въ рожекъ: и услыша войско Соломоново, и нача вооружатися. И какъ привели Соломона къ шибалицѣ, и рекоша Соломону немилостивые Полачи (у насъ въ былинахъ «Скурлаты немилостивые»): «« Иди, Соломонъ, на шибалицу! »» И Соломонъ пошолъ, и ступилъ на первую ступень, и глагола Соломонъ Китоврасу: — Брате еси, Китоврасе! Поволь (позволь) мнѣ еще поиграти въ малы рожекъ? — И царь Соломонъ заигра въ рожекъ: и въ тѣ поры Китоврасъ и все войско Китоврасово задумалось; и услышало Соломоново войско, и приде близко Соломона царя, и укрыся въ тайны мѣсты. И рекоша ему немилостивые мастера («запечные мастера»): «« Царю Соломане, что мѣшкаешь? »» И Соломонъ поиде по лѣстницѣ, и вскочи на верхней перекладѣ шибалицы, а лѣстницу прочь отбросилъ, и нача играти во свой малы рожекъ: и борзо прыскака войско къ нему, и повелѣ Соломонъ всѣхъ побивать. Они (оныя, тѣ) градскіе люди добѣжаша; а царя Китовраса и жену Царицу повняли, и привели предь царя Соломона. И рече Соломонъ: — Брате Китоврасе! Ты мнѣ готовилъ (въ рукописи или изданіи ошибка — «говорилъ») шибалицу и двѣ петли шелковые, и хотѣлъ меня повѣсити не по винѣ моей (безвинно), но по своему злокозненному (злокозненному) сердцу: и за то еси самъ впалъ въ руки моя, яко ягня въ когти волку, и терши въ рукахъ моихъ, и не можешь живъ быти! — И повелѣ царь Соломонъ повѣсити ихъ обѣихъ: Китовраса въ красную петлю, а жену ево, Царицу, въ желтую петлю, а Волхва ихъ въ лычную петлю. И повелѣ во градъ и досталныхъ людей всѣхъ побити, а царство Китоврасово огнемъ выпалити. А царь Соломонъ поиде въ Иерусалимъ градъ, славяще Святую Троицу, что и еврѣяго царя побилъ (точка зрѣніа христіанская), и царство

его попитались, и огнем попалили.» — Мисологический Китоврасъ, найденъ мы видѣли его прежде, обращенъ здѣсь во вѣшняго врага-царя : но мнѣ изъ сферы божеской и демонической ярко и здѣсь проглядываетъ. Онъ царствуетъ надъ зѣрьмой, какъ Дионисъ, Гермесъ, въ нашемъ эпосѣ Чурило ; другую половину сутокъ, день, царствуетъ онъ надъ людьми: существо половичатое, образъ похожій на поманутое выше представленіе антиподовъ, соединившихъ и день, и ночь, и Востокъ, и Западъ. И въ самомъ своемъ вѣшнемъ образѣ онъ « зѣръ Китоврасъ, » зѣръ Кентавръ, Полканъ. Исполняъ (последнее слово мы производимъ не отъ имени народа Соломонъ, какъ дѣлаютъ это прочіе ученые, — имя народа, только привилось сюда, — а отъ полъ, пола, сполу, и сполу, т. е. также, какъ « Полканъ, » половичатый). Двойство природы его выражается здѣсь переходомъ сквозь виды животныхъ, способностью оборачиваться, — онъ оборотень: также проходятъ ниръ животныхъ и живутъ оборотнями — самъ Саломонъ, какъ увидимъ ниже, въ нашемъ эпосѣ Волга и князь Романъ. При выводѣ отвлеченнаго понятія это оборачиванье означило мудрость или означено именемъ мудрости: Вѣщій или Мудрый Олегъ, Хитерь—Мудерь Романъ, Премудрый Саломонъ. Въ Словѣ о Полю Игоревѣ, последнемъ рубежѣ между нашимъ Кіевскимъ эпосомъ и уже исторією, между творчествомъ непосредственнымъ и художественнымъ сочиненіемъ, такъ мы изображенъ Всеславъ : « аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, и въ часѣ бѣды страдаше : Всеславъ князь (днесь) людемъ судаше (ср. Суды Саломоновы), княземъ грады являше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше.» Потому Китоврасъ такой же Премудрый, какъ самъ Саломонъ; онъ при томъ и царь, и братъ Саломона: оба они равноправны, и въ равныя области размежеваны. Братъ онъ Саломону такой же, какъ сестра Саломону Саломонія, какъ сестра была Рѣя Кроносу : дѣти одного раздвоившагося существа или, лучше, его раздвоившіеся образы. Мы видѣли и прежде Китовраса во всѣхъ его самобытности, такъ, что хотя его и словилъ Саломонъ, но онъ зашибъ царя, и закинулъ, и самъ вернулся къ себѣ назадъ. Въ этой же своей самобытной области теперь снова и представленъ онъ, хотя уже болѣе вѣшнимъ царемъ. Лукордъ, въ которомъ живетъ онъ, есть извѣстное намъ имя Лукорга или Дикурга, Оракица, царя, врага Дионисова; его же поминали и въ Аравіи, и вездѣ, гдѣ выступалъ врагъ втораго творческаго начала; онъ же и въ Вавилонѣ,

хозяйства Езона, заставляющій послѣдняго разгадывать загадки. Любопытны эти отношенія : Фракіійскій Саломонъ , въ греческой имени Саломея, поставленъ Греками въ отношеніе къ Пифагору, но и самъ мудрецъ, и гадагьель; Ассирійско-Вавилонскій Анаданъ въ соотношеніи съ премудрымъ Акуронъ, а этотъ у Мило-Персовъ съ Зороастромъ ; Ликуртъ Фракіійскій сопоставленъ Греками съ ихъ послѣдующимъ законодателемъ Ликургомъ ; Ликуртъ Вавилонскій съ Езопомъ, Езопъ съ Солономъ ; настоящій Китоврасъ , по имени Лукорда, со всѣми съ ними, а въ поэмѣ въ соотношеніи съ Премудрымъ Саломономъ. Цѣлый рядъ первобытныхъ мудрецовъ, въ значеніи мудрости, добытой человечествомъ въ эпоху доисторическую тогдашнихъ подвигами; каждый приурочивается известному народу, многие изъ нихъ являются и царями. Въ Фракіи, у праотцевъ Славянскихъ, многихъ изъ нихъ даже мѣсто: Лукуртъ Фракіійскій, Китоврасъ Лукордовскій, Саломонъ Фракіійскій, обличаемый съ обонип, — все это развѣтвленія одного образа, иветваго, и своеобразнаго, хотя и въ связи съ иными народами, и подъ иностранными именами. Одно изъ иветныхъ иветовъ мы знаемъ, — Велосъ или Велесъ на ступени божеской; на ступени демонической и геронической соответствуетъ ему Велохъ и Волхвъ, Велотъ или Велетъ. Последній, поставленный во главѣ поэмы, конечно и есть родоначальникъ раздвоившихся, Китовраса и Саломона, съ сестрою или сплывшеюся женою ихъ — Велотовною Саламаніею. Въ самостоятельной области своей Китоврасъ, говоримъ, иветъ равныя права съ Саломономъ, и права на одно и то же: онъ иветъ право и на Саламанію. Право это выражается ясно во многомъ: похищеніа Китовраса; такія же точно, какія творилъ самъ Саломонъ; онъ крадетъ и жену у Саломона, но и Саломонъ крадетъ у врага себя и вѣсту, и возвращеніе жены отъ Китовраса названо въ этомъ же самомъ оказаніи, по словамъ Китовраса, кражею; средства похищенія одна и та же, жена уходитъ отъ Саломона вслѣдствіе собственной ея склонности и иветны; Китоврасъ, мы видели прежде, проглотилъ зарытьи или перстень у Саломона, а иветъ право на его сумружескую голову; право это еще болѣе выражено въ сншеніяхъ Саламаніи съ Перомъ ивнюю колютъ; похищеніе жены, какъ необходимость, предсказано Саломону отцемъ при самомъ первомъ сближеніи съ невестою; мать уже предрекаетъ бѣды отъ жены. Приманка, средство, представляемая похитителемъ на похищеніе, кольца,

запастя и т. п., съ обѣихъ сторонъ выражаютъ предъядленіе равныхъ правъ. Только, повторяемъ, третье, сознаніе, сторона, — вотъ что рѣшаютъ побѣду для той или другой стороны, беретъ участіе въ томъ или другомъ лицѣ, называетъ его своимъ. Такимъ образомъ можемъ дѣлать разсказъ: первая его часть — подвигъ Китовраса; вторая — подвигъ Саломона; третья — рѣшеніе двухъ борющихся сторонъ, рѣшеніе, на чьей право, — судъ, кризисъ. Въ первой части самостоятельный дѣятель Китоврасъ. Когда мы видѣли его въ работѣ и служеніи, онъ былъ самъ посредникомъ: теперь у него свой посредникъ. Волхвъ, продолженіе его собственного существа, только въ борьбѣ, имя, одинаково вытекшее изъ Волоса, какъ и Волеть; это тотъ же бѣсъ, Гераклъ, Гермесъ, что угодно изъ этого рода. Китоврасъ ему г о е н о д и н ѣ: слѣдовательно Волхвъ р а в ѣ, чернорабочій. Въ Кіевскомъ творчествѣ импортная форма имени Волоха, Волхъ, соиздала съ историческимъ — Вольга, Олгъ: Волхъ дѣйствуетъ въ походѣ подь Индійское царство и увозитъ оттуда Царицу, — это ступень бѣже равная. Ближайшая къ мнѣ и Черноморскому, Придунайскому эпоху; въ Кіевскомъ творчествѣ на ступени дальнѣйшей совершаетъ то же самое Вольга, въ отношеніи къ Цареграду. Злѣе же, при Китоврасѣ, дѣйствуетъ Волхвъ, герой еродный и Волху, и Вольгѣ, но въ области опять самостоятельной, какъ самостоятельно и самое его имя, пошедшее также отъ Волоса, какъ и Волохъ, но въ последнемъ только перегласовано съ в ѣ, а въ имени «Волхвъ» уже дальнѣйшее развитіе формы посредствомъ е *). Тѣмъ не менѣе, говоримъ, какъ по именамъ, такъ и по исконному значенію, эти герои разныхъ областей творчества сходны между собою. Средства, употребляемыя Волхвомъ для похищенія или, лучше подвига, намъ известны: корабль, порфира или багряница, «драгое каменіе.» Прибавимъ: такъ какъ волхвъ означалъ у насъ и врача, то появленіе Волха въ царство Саломона для прельщенія жены можно сравнить съ прибытіемъ Нектацеба къ Филиппу и Олимпіадѣ, или съ подвигами Потыка, въ нашихъ сказкахъ исцѣляющаго и приобретающаго царевну. Наконецъ, онъ принимаетъ видъ гостя, купца, торговца, — опять известный образъ отъ Гермеса до Финиціянъ историческихъ. — Вторая

*) Различіе этихъ именъ, а подь именами героевъ, а подь лицами героевъ — эпохъ и словъ творчества, упомянуто нами въ «Заметкѣ» къ 1-й Части Рыбникъ, съ цѣлю устранивъ ошибочныя сличенія того, и другаго, и третьяго.

часть разсказа—подвигъ Саломона, то же похищеніе, но ему, сообразно съ заключеніемъ, поставленнымъ на сторонѣ Саломона, придавъ смыслъ законнаго возвращенія и возмездія. Саломонъ здѣсь также долженъ дѣйствовать: потому ниже, въ сношеніяхъ съ Поромъ, дѣйствительно онъ посылаетъ на это дѣло посла, такого же, какъ посолъ Пора или Китовраса, а самъ только является рѣшителемъ, судіею, мстителемъ. Въ настоящемъ разсказѣ выражено это такъ, что Саломонъ принимаетъ видъ посредника: онъ принимаетъ на себя образъ «Прохожаго» или «Захожаго Старца», т. е. Калѣки Перехожаго. Какъ въ мифологіи Гермесъ, въ демоническомъ кругу Кощей (похититель дѣвушекъ, представитель кочеваго быта), такъ въ самомъ быту при выходѣ къ исторіи подлинными посредниками были Калѣки Перехожіе: блуждающіе дѣти пройденной многотрудной эпохи кочеваго, разнощики вѣстей и творчества, страшные, безобразные, наследники Гермесовской шляпы, клюки, подорожной гуни и т. п. («Зам.» къ выпускамъ Кир.). Въ объясненіи сказки о Бовѣ («Зам.» къ 4-му вып. Кир.) мы вѣли случай объяснить, что образъ ихъ, принимаемый героями, равнялся тому же, что образъ раба, чернорабочаго, чернаго даже по цвѣту, замараннаго сажею и т. п. Это было явленіе параллельное первобытнымъ гостямъ и торговцамъ, переходимъ, блуждающимъ, мѣновымъ, превращавшимся, по ихъ Финикійскому прототипу, нерѣдко въ воровъ и обманщиковъ, откуда и переходъ значенія «гостя», какъ пришельца, во «врага», hostis. Гостемъ прибылъ къ Саломону Волхвъ: къ Китоврасу прибылъ Саломонъ Калѣкою Перехожимъ. Посмотримъ, какъ здѣсь онъ дѣйствуетъ. Прежде всего замѣтимъ, что образъ дѣйствія, принятый для уловленія Китовраса въ настоящемъ случаѣ, весьма похожъ на то, какъ прежде словилъ его Саломонъ: такъ же колодець, кубокъ, кольцо — какъ уже или цѣпь. Безпрерывно повторяется одна и та же сущность, но къ славі творчества, ибо здѣсь-то и выказывается сила его разнообразія. Представитель Ерусалима пришелъ къ колодцу; со стороны Китоврасовой является свой посредникъ—«Дѣвка Чернавка.» Лице это, въ мифахъ одинаковое со всѣми посредниками, только что женское, въ нашемъ эпосѣ проходитъ черезъ множество сказаній, особенно о Бовѣ, о Васильѣ Буслаевѣ, Чурилѣ, Садкѣ. Чернавка—работница, по самому имени—черная; обыкновенно въ связи съ молодымъ героемъ, помощница ему—въ родѣ Яги-бабы, Греческой Гекаты, только та старше по лѣтамъ, и въ области демонической, а эта въ быту; она на

тудь домашая. сильна такъ, что если захочетъ—перобаетъ смутить водносомъ; будить героя на подвиги, освободяетъ изъ пленя, а для того порю украдетъ и ключи. Въ былинахъ о Садѣ, выдавшая чернашца въ томъ, она помогаетъ герою рѣшить Загадку о амборѣ неветымъ въ дѣлѣ съ Чурилою она перескащица и нереншица. Однимъ словомъ, она посредница, такая же, что и друиѣ, только въ дѣвахъ и въ дѣвахъ заста, за мужъ не вышла. Вѣнчана очертаніе. ея—обыкновенно съ коромысломъ или водносомъ: то спустить его при колодезѣ накачать ведро, то снова на плечи дугою. Это въ мисологич. едина Ирида и Радуга. Въ настоящемъ случаѣ, въ вѣдѣ, она на послугахъ у Царицы, какъ Ирида у Геры. Саломонъ попросилъ у ней левить изъ царскаго кубка, въ отплату да въ юмъ ои связи завязавъ, Чернавка непременно доведетъ до господи, а Саломона выведетъ во дворецъ; то кольцо, которое проглотилъ Китоврасъ, левить ему правъ на Царицу, но и сгубить его; обручальное кольцо черезъ Чернаву дойдетъ до жены Саломона, ее также сгубить; Саломона выведетъ къ побѣдѣ. Такъ и вышло. — Теперь часть третья: объ сѣбѣ и Китоврасъ и Саломонъ, столкнулись съ глазу на глазъ, считалцов упречками во взаимной кражѣ. Братсви въ родствѣ, разными правами на царство и царскую смерть: должно наступить рѣшеніе, переспать тотъ, на чьей сторонѣ сознание въ ея высшей ступени, на чьей сторонѣ сознание народа, коему принадлежить поэма, еозаніе рассказчика и пѣвца; въ настоящемъ случаѣ рѣбій царь на Саломона. Любопытно, какъ левъ ебѣ герой хлопочетъ, чтобы смерть была ему на вислицѣ, чтобы его вадѣли на дерево, чтобы декачаться ему въ шетель, да чтобы была она красная, жёлтая, разноцвѣтная; называя это смертию царскою. Какая же это царская смерть, какое рабская? Оно такъ и есть; древній владѣжникъ, рабъ, повущенный на время къ царскимъ потяамъ и одежамъ, пошлонулъ вадѣть рабскою смертию, на дровахъ, на котрѣ. Эпическое творчество невольно подчиняется здѣсь древнѣшему мѣру; а тамъ мы видѣли героев въ петляхъ на деревѣ, Бригону и полруть ея; оттуда же Діонисевскій праздникъ съ разноцвѣтными петлями на деревьяхъ, съ образами въ люлькахъ, вадѣтыхъ на дерево; оттуда и въ началѣ поэмы Добрыня въ люлькѣ на деревѣ; макевецъ въ греческомъ эпосѣ Елены въ петляхъ у истительной Полукко. Это нецельное добужаіе сезаніи, возомие такъ выражавшее себя въ мѣрахъ, въ празнествахъ и въ творчествѣ.

СОХОИ

отозвалось и здѣсь въ эпосѣ: но эпосъ конечно выставилъ дѣло уже такъ, что дерево, вѣтвица, разноцвѣтныя петли, — все это необходимо для спасенія любимаго героя; все это готовится какъ кара на враговъ и представляется хитрымъ обманомъ. Таково же точно значеніе позорища, торжества, которое выпрашиваетъ себѣ Саломонъ при смерти; потѣшусь это необходимо, чтобы подоспѣли спасители Саломона, его воины, чтобы однимъ ударомъ свалили собранныхъ подъ ударъ враговъ. Но въ сферѣ обрядной это древній «праздникъ рабовъ», въ заключеніе сожигавшихся или умерщвлявшихся, это различные праздники Геракла и Діониса; отсюда въ Сербской сказкѣ, мы видѣли, люди закрыты вѣтвистыми сучьями и несутъ ихъ передъ собою, какъ ваія празднующихъ второму богу; отсюда эти разставляемыя «спитья и ѣтвы», «требы и жертвы», «помники» Саломона. За тѣмъ слѣдуетъ «рожекъ», извѣстный намъ «рогъ» Діониса, съ виномъ его, какъ символомъ побѣды, рогъ его свиты, звукъ торжества: дѣйствительно, онъ Саломону во спасеніе, врагамъ на погибель. Три раза герой входить по ступенямъ: на третьей онъ спасенъ и подвигомъ выстрадалъ себѣ торжество: «Немилостивые палачи» или «мастеры», въ дѣлѣ съ Поромиъ «Пилатъ», то же, что посредникъ Волхвъ, въ устной поэмѣ Таракашка: они спѣшаютъ срубить героя, трижды подводятъ его къ гибели, какъ взбрасывали Эракіяне обреченную жертву на три копыя; но имъ отвѣчаютъ и спасители, въ три шага подоспѣвшіе къ герою. Въ трехъ разноцвѣтныхъ петляхъ очутились и повисли головы враговъ, Китовраса, Саломонія, Волхва: это то же, что прежде видѣнное нами «уже» на Китовраса съ именемъ Божиимъ, веревка на чертей, своего рода рѣшеніе загадки, своего рода судъ Саломоновъ. Вышшимъ образомъ, въ формѣ международныхъ отношеній, патѣно Налестиню и Ерусалимомъ царство врага, попалено, разорено, побито. Со стороны Христіанской изложено «невѣрное» царство язычества, сокрушенъ «невѣрный» царь Кудріянице, Идолице, Индѣйскій, Рахманскій, Рахлейскій; Саломонъ славить «Святую Троицу.»

— 3) — Всего полнѣе то изложеніе поэмы, гдѣ врагомъ Саломона является Проуль: такъ какъ это черта эпохи уже Александровой, то и самый видъ поэмы конечно возникъ около его времени, позднѣе другихъ: отъ того же онъ и полнѣе, отъ того же дѣйствіе въ немъ изложено еще болѣе вышшимъ образомъ, вышними полу-историческими чертами. Нѣсколько разъ смѣняются роли Пера и Саломона, съ обѣихъ сторонъ дѣйствуютъ одинаково посредники, повторяются

одинакіе поддѣли. Выдѣлать всѣ эти слог поэмы порою было бы слишкомъ долго; мы принуждены замітки свои вставлять между текстомъ, предоставляя читателю усмотрѣть по нимъ всѣхъ впрочемъ дѣленій, черты, образы поэмы. Завязка начинается раньше еще жонидѣи Соломоновой и подводится къ ней такъ: «И ж и а с ѣ царь Соломанъ послалъ посланіе ко Царю (Пору) въ дарѣхъ въ царство перстень (послать между дарами перстень, а вмѣстѣ посланіе), и отписалъ царь Соломанъ: — Въ прошломъ, де, лѣтъ былъ я въ твоёмъ царствѣ и съ Царицею твоею пребылъ (въ связи), и перстень съ правыхъ руки снялъ золотой любимию. — И послалъ тотъ перстень къ Царю въ дарѣхъ, и царь Поръ почаленъ бысть.» Рядомъ съ этимъ пророчество отца Соломонова, что Поръ ему «отсидѣется»: такъ и случилось, на Соломонѣ неворотится то же, что сдѣлалъ онъ надъ Поромъ, и это сдѣлающая, послѣ завязки *первая часть* поэмы. «Царь же Поръ пустилъ по своему царству кличъ великъ (вызываетъ поединщиковъ врагу): кто бы шелъ въ царство Соломоново и провѣдалъ бы впрямъ, женатъ ли будетъ (женатъ ли деть) Соломанъ царь, или не женатъ. И выступилъ княжеведкой слуга (посредникъ; Поръ является княземъ), и рече: «Государь царь Поръ! Язъ тебѣ провѣдаю впрямъ, что женатъ ли будетъ или итъ царь Соломанъ; будетъ (буде, если) женатъ, и язъ тебѣ, государь царь, прикажу Царицу Соломонову.»» И рече ему царь Поръ: «Что тебѣ подмоги взять (какое употребилъ средство)?» И рече слуга: «Государь Поръ! Вели сдѣлать золотые рукавцы (запастя, жуковины) и самоцвѣтные (ое) камение вели у рукавцовъ прилѣпять (два, извѣстныхъ намъ, средства).»» И царь Поръ повелѣ золотые рукавцы сдѣлать (съ) самоцвѣтнымъ каменіемъ, и даша слугѣ княжецецкому. И пошелъ княжецецкой слуга въ дуть, и дошелъ до царства Соломонова, и покажетъ гостю нѣкому (конечно и самъ принявши видъ гостя, куца) золотые рукавцы (съ) самоцвѣтнымъ каменіемъ (ер. выше, какъ подобное средство ввело Семіона в Соломона во дворець, къ Царевнѣ или Царицѣ). И гость рече: — Не наскіе (не машинокіе), брате, тѣ рукавцы: подобны (приличны, идетъ) тѣ рукавцы царю носить или царицѣ (ер. выше, какъ по колечку узнала Сидомодія царя Соломона). — И сказали про тѣ рукавцы Царица, и Царица послала про (чо) того прохожева человека въ ка- (гостя, сходнаго съ переходными казѣками) спору, у кого ру-

кавцы. И примаеъ посланникъ царевъ (онъ же слуга, гость). Порочъ, къ Царицѣ Соломоновѣ, и рече ея Царица: «Сказали мнѣ, что есть у тебя золотыя рукавцы (съ) самоцѣпнымъ камениемъ?» И слуга показа Царицѣ, и Царица рече: «Что снѣ цѣпа рукавцамъ?» И посланникъ рече: «Государыня Царица! Отъ неволи продаю, что на чужемъ царствѣ вѣтъ нечего, а се на проходе (на дорогу или на обходъ, содержаніе) надобно, а снятъ я тѣ рукавцы съ дѣвки своей водоноски (Чернавки; ср. выше, какъ ей далъ кольцо Саземонъ). И тѣ рукавцы подержаныя, а не твои-скіе царицѣ (но по тебѣ, Царица); тѣ есть сирочы, попомощныя, а у насъ тому не жадны (у насъ не дорожатъ ими).» И рече Царица Соломонова: «Есть ли у вашего царя царца (начинается сплоскость къ концу, выражающаяся далѣе рѣшительно)?» И посланникъ рече: «Царь Поръ вытаетъ (ищетъ) себѣ Царицы и вѣсто ей уготованно: на вѣтрениномъ обходѣ царствовати, и звѣзды на небѣ считать, и мѣсяцъ переводити въ нашемъ царствѣ (доказательство, что здѣсь подлѣ Царицею котора и роль древней богини: нѣкогда звѣздной, астральной; саби-чоской, Афродиты-Урании, Астарты, потомъ греческой Артемиды, съ сивольнѣ луны, среди звѣздъ — Пасяда; въ настоящемъ случаѣ это слышитъ уже соблазномъ и обманомъ, средствомъ похвощія).» И рече Царица Соломонова: «Якъ иду за вашего царя Пору Премудраго (равнаго Соломону).» И посланникъ рече: «А сами царь Поръ для того и послалъ, для-ради тебя.» И рече Царица: «Не можно мнѣ отъ царя Соломона пойти (уйти): царь Соломонъ Премудры.» И рече посланникъ: «Царица! Лишь вы у него охота была, а я могу у него тебя увести.» И Царица рече: «Пойти тебѣ со мною по землѣ, — и царь Соломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ, а подынешь мои на пчелиныя крылье, — и царь Соломонъ яснымъ соколѣмъ долетитъ, а въ водѣ — щукою догонитъ (исконное значеніе «Премудрости» и тождественное ея описаніе, ходъ сквозь образы дочеловѣчскіе къ развитію, способность—обратно — «оборачиваться»: ср. выше Китовраса, Вольгу, Потыка, Романа и т. п.).» И рече посланникъ Царицѣ: «Дамъ тебѣ забудящаго зелья (вѣдѣнное намъ «средство» по сотнѣ притѣровъ) про тебя (и тебя) и жертву досѣю (сдѣлаю мертвою), да унесу на корабль (вплывъ и «корабль», прежде не упоминавшійся при сухомъ пути

посланника), » И рече посланникъ: «Вамъ клинъ приидати у ложницы (спадши), и я-тебя мертву вынесу.» За симъ самоуби- хищеніе, при чемъ Царица переходить въ гробъ, чтобы достаться манившему, издали любинцу. «И по совету (по уговору) Царствъ па- сланникъ Царицъ зелья, и Царица мертвая выйтъ. И прииди цареви люди, и обрѣтъ (обрѣтше) Царицу мертву, и речуть царю Давиду (одъ еще живъ? Ниже мы еще его узялиши, и обрѣсашъ, почему оцъ живъ): «Государь царь Давидъ! У нашего царя Соло- мона Царица умерла, а гробъ ея.» И царь Соломонъ рече: «Вирамъ отца моего слово сбылось на мѣ (пророчествоу ермееву)!» И приде царь Содономъ къ Царицѣ мертвой, и уриши мертвицу (Ца- рицу свою, на одръ лежать мертва, И велѣтъ царь Соломонъ при- вати грядіе желѣзные (ое) и жагало, и велѣтъ помазъ въ бѣдрѣ, и рече (рекоша?): «Ей (точно), гора и дрѣво леопило въ горной бѣдрѣ!» И царь Соломонъ рече: «Мертва бытъ (ер. Печина; котла обмерла жена, оцъ дуетъ клещи и крутъ, обыкновенное средство противъ оживающихъ мертвецевъ и обратней; эдкимъ убиваетъ лють змѣю, выражающую неопределенность самой жены, послѣ него она воз- кресаеть; ср. «Зам.» въ 4-му. вид. Кир. И; здѣсь мажъ, вынесеть за симъ, воскресаетъ, воскресши бѣжитъ ко врагу, какъ жана, Пото- кова)!» И хоронилъ ее съ великою честью, и у гробницы стражи поставилъ многіе. И пришелъ посланникъ царевъ, Царицѣ «ко гроб- ницѣ: ажно (анъ), сторожи стерегутъ брѣво, И посланникъ шогатъ на стороже соиъ и криво и (какъ Таравашка на одру Царицы) и послуши сторожи. И посланникъ царевъ, Порода, вывелъ (мнѣше, вынесъ, какъ въ Сербскомъ; мнялъ, вынулъ) гробницу съ Царицею и принесъ на корабль, и поѣхалъ къ царю Перу. И о жданъ Царицу жену (тъмъ же дитѣи; въ Сказкахъ; наиди и въ юность это «живая и мертвая вода,» по извѣстному намъ обитиному; дѣй- ствію; ею оживилъ и Потыкъ жецу свою, доставши отъ дитѣи и царю Перу живую привелъ. И царь посланнику велю несть, вѣдѣлъ. И послѣ того сторожи сказали царю Содоному: «Государь царь Со- ломанъ! Царица у насъ украдена твоя и зъ гробницею, (вѣтъ, ата истинна, ибо въ дѣйствительности обманъ; существо умерло, и вос- крешено обманомъ. Но мы знаемъ, что этотъ образъ соотвѣтствуетъ дѣйствительной смерти и воскресенію существа; когда это такъ, то на оборотъ слухъ и вѣсть о кражѣ будутъ уже непрямыи дождю).» И Соломанъ царь рогужился и въ кручину далъ. И полетѣ Соломонъ

вошь себея я о н и м ѣ о о н ѡ з о м ѣ, — и не обидеть. (не мучитъ)
 ся Подъ небосводомъ обиткомъ; но (жю, а тр-такъ —) дошелъ до земли
 лавоты м ѣ с я з ѣ р е м ѣ, — и не обтеча вода; и не мучитъ въ морѣ
 смутъ о н ѡ, — и въ морѣ не нашелъ (ср. выша, те же оборачивающа); а
 тѣмъ же посланіе Персефоны, поволю Морскаго Царя за Василдой, по-
 волю за Соломанъ и т. в.). И бысть Соломанъ царь въ вселенъ
 аспазанъ (пашъ же, какъ выше. Царь). — «Теперь втораго чина.
 Въ шалашъ той Поръ также присласть посла съ похваляею, какъ
 послалъ къ царю Соломанъ, а да тѣмъ Соломанъ одиначе послать
 даръ послалъ къ нему; посла предѣдать вѣрныи, точно не женился
 съ ея зю-женъ. Посолъ вѣрнъ дѣствуетъ также, какъ сама Са-
 ломонъ при повеленіи къ Киторасу черезъ Чернаву, «И пришелъ
 ея къ царю Соломанъ (то же, что «грозный»; ср. Батугу, м. Акура,
 чернавашии посланствемъ; это тотъ же слуга и посредникъ); дасть
 царю Поръ, и рече царю Соломану: «Царь Поръ прислалъ къ тебѣ
 посла; по ралу выговоритъ: — Въ нѣкое дѣло прислалъ ты еси къ царю
 Поръ посла своего и съ посломъ прислалъ и вѣстемъ; а затъ въ
 дарѣхъ, и похваляса еси ты, царь Соломанъ, что буда ея Цари-
 цю; маю пребылъ въ мощи; прегнѣ и тѣмъ зометь веротенъ ея
 Царицы; маю съ руки вѣдъ; а мнѣ я съ дасю Царицею; пребы-
 даю и твою Царица; тепере у меня, царя Поръ; — » И Соломанъ
 даръ послалъ бысть, и скоро отряжаетъ и о с л а с о с е о г о н ѣ къ царю
 Поръ въ дарство, и послѣ отъ вѣдѣтъ (привѣдѣтъ), «привѣду и
 вѣдѣть моя Царица; у царя Поръ,» и дасть послу вѣдѣтъ (вѣдѣтъ) дя-
 мачъ; (свѣту.). И рече ц о с л а н н и к ѣ Соломану: «Государь
 царь Соломанъ! Дай мнѣ вѣдѣтъ; а затъ въ н о к ѣ (внѣдѣ) и рѣ-
 к а н ѡ н ѣ (затѣ уже можетъ быть «рукавъ»; ср. отгадку женщины
 отъ мужича посредкомъ «рукавовъ») жемчюгомъ усажонъ, и ала-
 кой самоцѣтнѣй каменъ вѣдѣтъ (снять тѣ же, известныя намъ
 с в е д ѣ т в а; посланникъ беретъ ихъ съ собою также, какъ По-
 раръ); и дасть даръ Соломанъ посланнику своему; а затъ вѣдѣтъ
 ала жемчюгомъ усажонъ и зометь рукавокъ (съ самоцѣтнѣмъ каме-
 немъ. И посланникъ принявъ, и поиде въ ала в к у ю жемчю, и
 въ царствѣ Поровѣ. И показа алатѣ вѣдѣтъ ала жемчюгомъ
 усажонъ и рукавокъ (съ самоцѣтнѣмъ камнемъ нѣкоему г о л ѡ т ѡ
 (посредникъ, который доведетъ его до Царицы): «Купи у меня,
 и е ф о ж е в а ч е з о в ѣ ка дамы страны (изъ дальней сто-
 роны).» И гость посмотрѣлъ вѣдѣтъ и рукавокъ: ажю (ага) у ру-

кавцовъ сіяетъ самоцвѣтные каменіе. И рече ему гость: — Не жейскіе (не по жей) рукавцы : подобны тотъ вѣнокъ и рукавцы Царю носить или Царицѣ! — И гость поиде на царской дворъ, и сказавши Царицѣ, и Царица повелѣт того прохожева человека передъ собою поставитъ въ тотъ часъ. И приде посланникъ къ Соломоновой Царицѣ въ полату, и рече Царица Соломонова: «Повѣдай ли, изъ коей земли и коего царства?» И посланникъ рече: «Я есмь отъ царя Соломана, изъ его царства.» И Царица рече: «Вотъ у тебя вѣнокъ златъ и рукавцы (съ) самоцвѣтнымъ каменіемъ?» И посланникъ рече: «Государыня Царица! Не твоейской (не по тебе) вѣнокъ златъ зъ жемчужномъ и рукавцы (съ) самоцвѣтнымъ каменіемъ: то есть и о л о д о в а ч к л о в ѣ к л (онъ приманка для влюбчивой; средства, похитившія Царицу, теперь обличаютъ ее и готовятъ ей гибель).» И покаже (покажетъ или показа) вѣнокъ златъ и рукавцы (съ) самоцвѣтнымъ каменіемъ. И Царица великую честь воздала ему, и даръ подаетъ посланнику, и учнетъ Царица съ нимъ говорить про Соломона царя житіе (какъ онъ поживаетъ или какъ она жила съ нимъ) и какъ у Соломона Царица ушла. И посланникъ великую честь поимаетъ за вѣнокъ и за рукавцы, и поднесае орляки царицыны (записалъ съ яя словъ; обличительный актъ), какъ Царица у царя Соломона ушла. И посланникъ Соломоновъ втай изъ царства ушелъ къ царю Соломану, и рече: «Государь царь Соломонъ! Вирешь твоя Царица у царя Пера.» И подаетъ (подастъ) орляки царицыны, и рече: «Въ томъ написанъ отходъ царицыны, какъ у царя Соломона ушла Царица (онъ воротился съ тѣмъ же, какъ и посолъ Перовъ, такъ же, какъ съ самою Царицей — съ вѣстію объ ней и ея подлиннымъ признаніемъ: сравните, какъ Акуръ излагаетъ самъ изложенія свои; это изложеніе дѣла, сдѣланное посредникомъ, вошло послѣ въ созданіи поэмы, гдѣ народъ разсказалъ, что съ нимъ случилось).» — Послѣ того слѣдуетъ *третья часть*, собственно въ другихъ образахъ только повторяющая предшествующую, внешне какъ Саломонъ проникаетъ въ царство Перово, къ своей жонѣ. Части этой предшествуетъ своего рода *заявка*, какъ приготовляетъ Саломонъ свое войско для рѣшенія дѣла: «И царь Соломанъ учалъ р а т ь копить и собралъ в о й с к л своего 35 тысящъ, и пошелъ на царя Пера со многю силою, и проиде и многіе царства (такъ уже выше описано въ этой поэмі дѣло), и приде ко царю Перу въ царство, и поставилъ свои крѣпкіе воеводы и силу

бывъ царства Перова. И рече царь Соломанъ своимъ царемъ, и воеводамъ, и уланамъ (восточное, известное и въ нашемъ эпосѣ при описаніи наместій восточныхъ), и сильнымъ воеводамъ, и княземъ, и всей связъ: «Стойте тутъ съ самою, а меня, царя и уланы, и сильные-крѣпкіе воеводы, отпустите меня ко царю Перу въ царство, и я увижу и услышу своимъ окомъ и ухомъ (ср. подступъ Волги ко врагу съ изволенной дружиною: онъ подслушиваетъ рѣчи Царя и Царицы Азвиковны—Давидовны—Александровны—Панталонны). И вы, сильные воеводы, стойте и живите троегласныя трубы къ себѣ отъ меня: какъ буду жить въ царствѣ томъ и труба вострубитъ, и вы борове съядайте свои добрые коня; и въ другой часъ (разъ) труба вострубитъ, и вы посѣдите на добрыхъ своихъ коняхъ; а въ третьей часъ труба вострубитъ, и какъ заслышите, и вы напущайте и сѣкните, а милости не давайте. А будетъ (если) троегласнаго гласу вы не услышите, и вы пойдете въ свою землю, въ мое царство, а меня не ждите; и (когда) въ животѣ меня не будетъ, и но мнѣ волюю намести и не моемъ животѣ держите и поминайте. А вы, царя, и уланы (улазы и), и князи, и сильные воеводы, престите в благословите!» За тѣмъ пришелъ Соломанъ къ Перу. «А самъ Соломанъ пошелъ въ царство Перова въ палачейскомъ платьѣ (Калѣю Перехожимъ; ср. выше), въ свитѣ Срацынской (въ одежѣ Сорочинской; въ ней являютъ не былинныя и наши Калѣки; это — одежда Арабская, выражающая «черноту», намъ известную; но, соответственно «бѣлому» бурнусу Арабевъ, и наши Калѣки «во бѣломъ платьѣ», 4-й вып. Кир., стр. 106. Черное, загорѣлое лицо, но въ одежѣ бѣлой, ср. ниже «Бѣлаго Арапа»). И пошелъ по цареву двору, и узрѣла его Царица, а сама яснухадась зраку его, и рече Царица: — Не ушла семи у царя Соломана ко царю Перу! — И пришелъ царь Соломанъ къ Царицѣ своей, а не знаетъ его никтоже, что Соломанъ, одна Царица его узрѣла и страхъ бѣ великъ, (страхъ) держитъ отъ него. И пришелъ царь Соломанъ въ царицину полату, и Царица рече: — Почто ты сюда пришелъ? — А страхъ великъ держитъ отъ Соломона и не умѣетъ что промолвити предъ нами стоячи. И царь Соломанъ рече: «Али ты меня знаешь, что я пришелъ за твою красотомъ и дорогимъ умомъ и смысломъ?» И Царица рече: — Придетъ сей (часъ) мой мужъ царь Перъ изъ полаты ко мнѣ къ постелѣ (отсюда въ Сербской сказкѣ Соломонъ на «подушкѣ»), възъ за стола. — И царь Соломанъ рече: «Али ты меня знаешь?» И

поставилъ два дрясла на царя Соломона, и велѣлъ на пряслахъ
 поставить (Зурсила (петли): осиль шелковой, а другой осиль
 серебряной, третьей осиль сверхъ тѣхъ осилъъ златой. И рече Пи-
 лать царю Пору: — Государь царь Порь! Твоя страшная и грозная
 смерть (вотъ въ сущности какова эта «красная» смерть) поставлена
 на царя Соломона. — И царь Порь рече: «« Поведите его (на)
 страшную смерть. »» И поведе Пилать царя Соломона повѣсить, и
 выхалъ царь и (съ) Царицею и весь мѣръ смотрити царя Соло-
 мона. И рече идучи (на казнь) царь Соломанъ Пилату: «Пилать!
 Молви своему царю Пору, что просилъ царь Соломанъ и спитъ
 между пьянорово (извѣстный намъ образъ: такова была смерть
 «рабовъ» на ихъ праздникъ; такимъ «кубокъ Гебы» награжденъ
 былъ Гераклъ, съ нею сочетавшейся въ награду за послѣдній кос-
 теръ; наконецъ у Діониса еще рѣшительнѣе: на переходъ къ
 торжеству онъ долженъ выпить символическую чашу горести и
 сладости — смотря по тому, пьеть ли ее ереди мукъ, или стра-
 даніемъ достигая торжества), чтобъ не страшна смерть была царя
 Соломана (такова уже эпическая передѣлка, сообразная жизни
 дѣйствительной и вѣтхей), и просилъ у царя Пора златой
 трубы: смлада есмь охочь былъ трубить по разному (въ
 другихъ изложеніяхъ прибавляется, что съ молодубыши пасту-
 хомъ, игрывалъ въ пастушій рожекъ: къ Царю
 конечно это несколько не идетъ, но это опять память о воспитаніи
 Соломона, его униженіи, жизни между селянами, пастухами, и
 т. д.; въ мифологіи это повторялось на воспитаніи юнаго второго
 бога, а мифъ означалъ воспитаніе сознанія, прошедшаго униженіе
 и образы (дочеловѣческой) природы, въ бытъ же пастушество, ко-
 чевье, и т. п.; ср. нашего Ивана). И принесъ скоро (Пилать)
 кубецъ между и трубу злаченую. И царь Соломанъ
 исциваетъ меду и емлетъ злаченую трубу, стоя у шелковаго осила.
 И заигралъ въ злаченую трубу, разнымъ вострубомъ трубить, и
 земля постоула отъ трубнаго гласу, и тѣмъ своимъ разнымъ вост-
 трубомъ молвилъ слово (въ рожку выговариваетъ): «Сядайте кони
 борзо, посѣдшите, дари и уланы, и сильные князи, и крѣпкіе вое-
 воды!» И приде Пилать ко царю Соломану, и рече Пилать: — Дѣ-
 лай, царь Соломанъ, борзо: стоять страшная твоя смерть предъ
 тобою и предъ твоима очима у шелкова осила! — И постоялъ царь
 Соломанъ, и рече: «Братецъ Пилать! Не сойду изъ отъ тѣхъ осилъ-

лезъ даромъ : удавима , къ коимъ нѣсть ни смерти будеть!» И вшедь на другой восходъ , и вострубилъ разнымъ вострубомъ , испиваетъ (испивая) меду , и труба говоритъ тако : « Поспѣшите , милые друзи , не жалѣйте добрыхъ коней!» И скичуть Соломоново войско на конехъ своихъ , слышать разной рострубъ ; ино земля дрожить отъ такіе рати , а сами рекоша цари и уланы , и князи , и крѣпкіе воеводы : «« Поспѣшничте , милая братья , къ своему царю Соломану , чтобъ намъ царя своего отъ смерти избавить (замѣтьте , какъ это принимается ко вѣтшнимъ воззрѣніямъ сложившихся народовъ : въ сферѣ божеской спасеніе не черезъ слугъ царя , а его собственномъ слогомъ) ! »» И рекоста (рече) царь Соломанъ разнымъ рострубомъ къ своему войску : «Царь Перъ стоитъ съ Царицею у моеи страшной смерти : цари и уланы , и князи , и крѣпкіе воеводы , и все войско , поспѣшите ко намъ скоро!» А самъ Соломанъ идетъ на третей приступъ (приступу , ступень) , къ волотому ослау , а у царя Пера просалъ варяныхъ медоу (это уже кубокъ торжества) , и уарилъ слышнхъ воеводъ , и вострубилъ разнымъ голосомъ , и труба говоритъ что плачетъ (рожно , будто плачетъ ; ср. выше связь этого рога первоначально съ эоліей , флейту) : « Извускайте , съйте , и танчите , живота не дайте , а милости не кажите!» И царь Соломанъ (въ вслѣдїи радости идетъ къ землѣ на третей исходъ (спускается) съ перваго своего смерти (отъ верхняго осла , отъ перваго считаа съ верху ; ср. выше постепенное въ три раза освобожденіе гостей корабельныхъ отъ смерти посредствомъ разгадки Соломономъ загадокъ Давида) . И его цари и уланы , и князи , и крѣпкіе воеводы , и все сильное войско падаютъ предъ царемъ Соломаномъ о сыру землю (покломеніе торжествующему богу) , и держатъ царя Пера и съ Царицею во своихъ дланяхъ . И царь Перъ съ Царицею падаютъ на свои царскіе колѣни предъ царемъ Соломаномъ . И рече царь Соломанъ : « Царю Пери ! Царица глухая и неразумная погубить человека искоръ (ср. поученіе Акура своему питонцу предъ казнію) . Волѣда на меня (здѣсь , своеобразно съ другими изложеніями , хдомоты о казни принимаются жепъ) 3 осла поставитъ , осла шелковой , а другой осла серебряной , а третей сверхъ тѣхъ ословъ амтей : порецилъ бы осла веревкою лыченою запотною и въ томъ бы удавился , такова же смерть (что-то испорчено или опущено ; можетъ быть—«такова тѣ смерть , » такъ бы нужно казнить тебя , въ лычной петли ; вопреки другимъ

меломіризмъ , Саломонъ илууетъ Пору: отъ такой смерти : въ петли и по великодушію даетъ лучшум; ср. великодушію Александра надъ историческимъ Перомъ!)» И царь Поръ покѣсамъ главу свою буйную, и не могъ видѣть себя, да не (ни) пособитъ (оная испорчено). И царь Саломонъ скоро велитъ отъ обѣихъ головы снятъ: вострымъ мечомъ (здѣсь забытъ посредникъ похищенія) и велитъ разсѣкнуть скоро. А Перовыхъ людей, кои старале и не могли битися, и велитъ поняти и (съ) собою вести; а те всѣхъ (пречитъ) своихъ войсковъ прибил и пристѣли, а злато и сребро къ себѣ перевозил и добрыхъ копей стадини погнала (выраженіе одинаково съ былинною о Саломонѣ, Вольгѣ, Романѣ, вѣществіи Батмешемъ), а Пору кара и съ Царицею злой смерти предала. И оттого царю Саломону многіе цари, и князи, и ушны подъ его руку поклонилися, омысли ево Премудростя, а царь Саломонъ въ величій чести и славою зѣло. (кому слава заключеніе переданыкъ Былинѣ, Свѣтоу, Слова о П. И.; дѣло неъ за женоу нѣкое значеніе всеобщее и обширное, выраженіе: приложеніемъ ведъ руку Саломона царей и царствъ). — Здѣсь собственно конецъ рукописной повѣи: но, какъ вся она, по разнымъ свиданіямъ, состоитъ изъ подлинныхъ, нѣсколько разъ повторившихся, то послѣ нихъ, предетавалось, Саломонъ каждый разъ возвращаетъ въ свой городъ, подобно Діонису, Гераклу, нашимъ Киевскимъ богатырямъ, и здѣсь слѣдуетъ ему одобреніе, крѣво давалъ на призывъ нашъ Владиміръ. Роль эту завилъ Давидъ (ср. выше). Песену и здѣсь, не смотря на то, что Давидъ уже прежде уверъ, передавъ царствю Саломону, прибавляется: «Слышеть то царь Давидъ, сына своего Премудростя, царя Салакина, что онъ обладалъ многими землями и великими ордани, и власть надъ ними возлгъ, радъ быеть тому (въ мисологіи такое одобреніе даетъ старый богъ, приписанный въ торжествѣ юнаго).» — Слѣды того, какъ нашъ усвѣдѣла повѣа о Саломонѣ, въ ея рукописномъ изложеніи, читатели немалю замѣтили и сами: изложеніе востановлено стоить на сторонѣ Салакина, его дѣло — и аще. Однако передѣлки въ мненіяхъ и названіяхъ на Славянской или Руской языкъ весьма не чувствительны, гораздо меньше, чѣмъ въ повѣахъ объ Амурѣ и Александрѣ; чѣтъ, принадлежацій по александрійскимъ мненіямъ странамъ, имени времени, здѣсь весьма соблюдены и не стертъ. За те внутренніе творческіе образы поэты почти всѣ близко сходятся съ образами нашего устного народного творчества; а языкъ

СССН

Образы нашей поэмы до того были вліятельны на нашихъ предковъ, что вызвали въ рукописяхъ рисунки. Одинъ изъ нихъ приложенъ г. Буслевымъ въ I-мъ т. «Историч. Очерковъ:» группы врага-царя съ царицею и ребенкомъ (сынъ ихъ?), войска ихъ и подходящаго войска Саломонова; въ среднѣ вистѣлица съ подставленною лѣстницею, на лѣстницѣ Саломонъ, весьма сходный съ русскимъ мужичкомъ; рогъ, въ который онъ трубить, огромный и такой же, какъ у древнихъ при Діонисѣ.—Въ прочемъ творчествѣ — К и т о в р а с ь на барельефѣ Софійскихъ воротъ, нынѣ находящихся въ Александровѣ, 1336 года (ср. связь Корсуцкихъ воротъ съ Кудрявищемъ); и т. д.

4) Чтобы не прерывать слѣдующаго нашего обзорѣнія устной поэмы о Саломонѣ, прибавимъ здѣсь же касательно рукописныхъ сказаній объ одномъ замѣчательномъ и заключительномъ ихъ эпизодѣ («Пам. стар. Р. лит.», вып. 3). Судьба эпического Саломона намъ извѣстна: но еще рассказывается, что судьба личности исторической и дѣйствительной многихъ сильно занимала. Говорили, что Саломонъ «погубилъ душу», «погибе жены ради, послушавъ и отступникъ бысть отъ Господа, вшедь во церковь идольскую, поклонися идоломъ и покади ихъ, и поканіи не примѣ.» Какъ онъ сгубилъ этимъ близость свою къ Богу, толикую премудрость, славу? Обычнымъ путемъ, однимъ ученикъ, юноша, добивался этого у старца, а старецъ признался, что «и мнѣ велія о томъ скорбѣ бысть и смущеніе, и не могу домыслитися.» Долго постился онъ и молился, ища разрѣшенія, наконецъ получилъ откровеніе: Саломонъ много лѣтъ во тѣхъ и крѣпко страдалъ въ сѣни смертнѣй; его Богъ «смярвалъ толпѣми лѣтами во тѣхъ поведѣти (сидѣти), и преодолѣ скорбота всѣмъ грѣхомъ его;» во время сошествія во адъ и воскресенія умершихъ отъ преисподней, и Саломонова душа была возставлена и приведена въ жизнь вѣчную.

5) Теперь вкратцѣ объ устной поэмѣ, у насъ напечатанной: большая часть ея подробностей уяснилась уже для читателей изъ предыдущаго изложенія. Отдѣливъ сначала наросты, проникшіе вслѣдствіе позднѣйшей русской обработки. У Василья, какъ у царя поганаго, языческаго, обстановка позднѣйшихъ враговъ Руси, орда, улановъ, «бурзы (мурзы) — поганые Тотара.» Далѣе, крошечненькіи «царя.» въ другой былинѣ онъ называется королемъ. а мы знаемъ («Зам.» къ 4-му вып. Кир.), что «король» по Кіевскому эпосу обыкновенно «въ Литвѣ» или на Западѣ, противу-

полагалъ «царю,» который всегда на Востоку (и у восточныхъ выходцевъ), въ Царѣградѣ и позднѣе на Руси (старое обычное выраженіе—«царь въ орду, король въ Литвѣ»); отсюда у «короля,» какъ въ Литвѣ, рядомъ съ восточными «уланами» стоятъ еще паны въ я. Такимъ образомъ Василій, какъ «царь» есть представитель Востока и восточныхъ выходцевъ, заполнявшихъ Русь при началѣ исторіи; какъ «король»—представитель Литвы и Запада. Въ обоихъ случаяхъ онъ врагъ исторической Руси; отъ того Саломонъ, его соперникъ, косвеннымъ намекомъ помѣщается на Руси, ибо говорить: «какъ у насъ на святой Руси царей казнятъ (объ этомъ еще ниже).» Къ числу позднѣйшихъ вставокъ нужно также отнести при царѣ «князей—бояриновъ, сенаторовъ думныхъ» да игру «костинъ—картамъ». Происхожденіе имени Кудрянскаго мы уже знаемъ, о Таракашкѣ скажемъ подробно ниже. Таковы всѣ главныя вставки и передѣлки на Русской ладъ: опять онъ очень незначительны, сравнительно съ другими рукописными сказаніями, въ коихъ содержаніе обще намъ и прочимъ Индо-европейскимъ народамъ, а также съ былинными Киевскими, Княжескими и т. д., наизвоазъ препитанными Русью. И здѣсь снова превосходство нашей поэмы передъ Нѣмецкою, гдѣ являются—герцогъ Фридрихъ, Нѣмецкіе турниры и т. п., равно сдѣлы другихъ Нѣмецкихъ поэмъ. Отнѣтъ, Ротеръ; передъ Итальянскою, гдѣ мѣсто Саломона занялъ Лонгобардскій Альбинъ, Моролоа—Бертольдъ; вообще передъ Западною, гдѣ выставляется Бретань, Артуръ и прочая обетановка, наконецъ передъ Чешскою и Польскою, отсюда же занятаю, хотя и съ нѣкоторою народною окраской. Однимъ словомъ, наши образцы поэмы о Саломонѣ выше всѣхъ другихъ неприкосновенной цѣлостью основнаго содержанія; за нами слѣдуютъ образцы Юго-Славянскіе, какова на примѣръ выше приведенная Сербская сказка, и послѣ уже произведенія Западныхъ и Славянъ Западныхъ.—При этой однакоже выдержкѣ, образы, черты, языкъ—все совершенно народное, свое, русское: и въ этомъ отношеніи наша поэма выше. Если спросимъ, отчего же съ этихъ обѣихъ и противоположныхъ сторонъ, наша поэма и вѣрнѣе основному содержанію, и въ то же время народнѣе, то отвѣтъ конечно будетъ прямой и простой: отъ того, что на почвѣ Европейской она преимущественно наша и, истекая изъ своего зародыша во Фракіи, выработана тамъ преимущественно Славянами. Это высшее и лучшее звѣно, соединяющее поэму Востока съ передѣлками Запада, разумѣется

послѣ Греціи: однако, холя Греція и выработала вѣдъ главныхъ и центральныхъ сказаній сего рома, сообразно вышей своей Діонисовской ступени, во вѣдъ поэмѣ собственно о Саломонѣ, и вѣдъ томѣ видѣ, вѣдъ какомъ эта поэма является у насъ, вліяніе греческое не сильно. Быть можетъ со временемъ и найдутся греческія рукописи, болѣе близкія къ нашей поэмѣ, чѣмъ это извѣстно доселѣ: но пока, съ данными наличными, мы усматриваемъ здѣсь нѣкоторыя черты даже чуждыя Греціи. Поминишь Пора, Александра, Кентавра и тому подобные образы и имена, рисующіе впрочемъ позднѣйшую эпоху Греціи и время, когда начали уходить отъ ней Славяне: но, еслибы эту поэму, вѣдъ настоящимъ ея видѣ по нашимъ даннымъ, выработала вѣдъ подробностяхъ древняя Греція, то здѣсь, соотвѣтственно Діонису, непремѣнно побѣдителемъ явился бы юноша, а побѣжденнымъ старикъ. На оборотъ, вѣдъ поэмѣ врагъ—«Прекрасный» царь, юный, а торжествующій герой названъ «старымъ царемъ»; это отзывается и вѣдъ тѣхъ повтореніяхъ поэмы, которыя возникли послѣ на почвѣ Кіевской, на примѣръ князь Романъ также старый, а враги его, два королевича, два молодыхъ щенка: во всемъ этомъ видѣтъ характеръ болѣе восточный, гдѣ, какъ говорили мы, скорѣе юноша служитъ представителемъ злаго, побѣждаемаго начала, каковъ и есть воситаникъ Акура, родоначальникъ нашего Василья Акульевича, и гдѣ сознаніе скорѣе на сторонѣ старика, каковъ Акуръ и самъ Саломонъ, степенный, важный, величавый своею мудростью. На собственно-греческой почвѣ вѣдъ поэмѣ или сдѣлалъ бы, говоримъ, побѣдителя юношею, или бы отдѣлялись отъ имени и фигуры Саломона, вѣдъ которыхъ конечно Греки и не нуждались, илѣя Діониса и не мало ему подобныхъ, на примѣръ Александра: да такъ и есть, по дошедшимъ до насъ греческимъ памятникамъ. Самъ Діонисъ — степенный и бородатый на Востокѣ и вѣдъ тамошнихъ греческихъ поселеніяхъ, а у Еллиновъ вѣдъ Европѣ безбородый юноша. Но такой, сравнительно съ Еллинизмомъ аргивскій характеръ, есть именно характеръ всего Фракійскаго, какъ называли и понимали его Греки, средняго между Востокомъ и собственно Греціею; таковъ характеръ и Фракійскаго Діониса, вѣдъ которомъ готовился нашъ Мнвуза, самъ съ ноготекъ, бородака съ локотонъ («Зам.» къ 4 му вып. Кир.): во Фракіи, и преимущественно Славянами, выработана поэма о Саломонѣ вѣдъ томъ видѣ, какъ мы ее теперь разсматриваемъ, — вотъ положеніе, которое при настоящемъ

данных кажется нельзя пока опровергнуть. Таков общій и завершительный колоритъ поэмы, покрывающей собою многочисленные слои ея состава. — Разсмотримъ же теперь главныя частности нашей устной поэмы, тѣ въ ней черты исконнаго содержания, кои народность Русская въ своемъ творчествѣ восприняла извѣстными своеобразными приёмами, себѣ усвоила, обособила, уподобила. Царь Саломонъ (развѣтвленія его имени мы видѣли) носить въ былинѣ (по двумъ образцамъ) прозвище Премудраго, иначе хитѣрь-мудеръ, старый царь; жена его, въ рукописяхъ Соломонида, въ устномъ творчествѣ Соломонида, Соломонида, Саламида, Соломанія, Соломанья, Саламанія, съ прозвищемъ Царица Прекрасная; врагъ его Прекрасный царь или король Василій Акульевичъ, Окульевичъ, поганого царства Кудрямскаго. Когда послѣдній выразилъ желаніе имѣть пригодную себѣ царицу, вызывается достать ее посредникъ. Мы знаемъ, какия имена долженъ носить онъ: во первыхъ имя историческое, сложившееся у того или другаго народа, общее Индо-европейскому творчеству какъ типъ, или частное и мѣстное, потому имя раба, а съ этимъ вмѣстѣ указаніе на черный цвѣтъ; но каждый народъ эти основныя требованія, истекавшія изъ доисторической эпохи, выполняетъ по своему. Въ «Занѣткѣ» къ 4-му вып. Квр., говоря о сказкѣ «Бова,» мы уже показали, а въ настоящей статьѣ еще болѣе пояснили, что посредничество этого рода выражается образомъ во первыхъ Калѣки Перехожаго. Иначе называется онъ Старцемъ, Пилгримомъ; желая выразить его черноту, издѣвательскія передѣлки выставляютъ его какъ чернеца и монаха. Вступая въ его роль, нѣва явиться куда либо далекимъ пришельцемъ, незнакомцемъ, юный герой, кто бы онъ ни былъ, сказочный ли, или богатырь былинный, спрашиваетъ у него на время отлучія его — гуно, шлану или шапку, клюку, суму, лапотки, передѣвается Калѣкою Перехожимъ, проситъ милостыни, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ онъ черный цвѣтъ: это означаетъ иногда «черной одеждой,» иногда тѣмъ, что герой беретъ у Калѣки будто бы зелье, дѣлавшее чернымъ. Какъ бы то ни было, но только герой въ положеніи рабскаго униженія, употребляемаго средствомъ къ цѣли, беретъ обыкновенно на лице свое черный цвѣтъ: чтобы это древнѣйшее представленіе выразить, творчество эпическое заставляетъ его мараться сажею; такъ Владиміръ, въ послахъ къ восточному

врагу-находнику, марается сажею котельною. Откуда взять эту сажу? Герой ставится при какомъ ни будь котлѣ, въ кухнѣ: для того Саломъ, мы видѣли, слѣланъ у корабельщиковъ кашеваромъ; для того по сказкамъ Иванъ заходитъ предварительно—ни съ того ни съ сего—на поварню. Еще далѣе, для выраженія того же, но съ перваго разу не скоро догадаешься почему, Владиміръ въ помилутомъ положеніи наряжается поваромъ, а Добрыня появляется на пяръ Алешн, укравшаго его жену, и зъ за печки. Въ дальнѣйшей дѣятельности своей, и знаешь почему, посредникъ, на пути къ искомой цѣли, или, что то же, подвижникъ, принимаетъ образъ гостя, купца, и т. п. Такъ и тутъ вызвавшійся подвижникъ и посредникъ сперва именуется вурза поганя Тотарипа: сравните Елтегу при Акуръ и Батыъ. Далѣе онъ сдѣлать «на концѣ вижнемъ,» уничтоженный, рабъ: это «дѣтина черныи весь,» и былина, по извѣстному намъ побужденію, добавляетъ—«какъ будто дѣтина повареныи;» мало того—«повареныи — помараныи;» еще далѣе—«повареныи и поваленыи.» Повареныи обращается ему и въ постоянное прозвище. И этого ему мало, вступая на подвигъ онъ пріобрѣтаетъ новое прозвище, связующее его съ прочими извѣстными подвижниками того же рода: «наложи-тка ты мнѣ и мячко другоє, наложи-тка ты мнѣ мя Ивашко, Ивашко-Торокашко гость Заморекній.» Это то же мя, которое, знаешь, налагаетъ Плевя Алкиду, переименовывающаго въ Геракла, или проситъ наложить на себя Илья Муромецъ передъ подвигомъ (см. выше). Это другое, новое мя, Иванъ, Ивашко, Ивашка, мя извѣстнаго намъ по сказкамъ подвижника, Эванъ, Оранійское мя Діониса на ступени его суроваго подвижничества; потомъ Тарашка, Торокашка, Торокашко, гдѣ Таракъ есть передѣланное Герак-лъ, а чрезъ форму «Геракль» и мя «Мелкареа;» но здѣсь уже привязанъ свой корень для осмысленія,—это тараканъ, таракашка, по черному цвѣту наскомаго. Въ слѣдствіе того и въ соотвѣтствіе извѣстному намъ Елтегъ, въ былинахъ Киевскихъ при Батыъ является зять его или сынъ Тараканчикъ, Таракашка, Тараканникъ; онъ называется прозвищемъ Корабликовъ, ибо этотъ поединщикъ, посредникъ и посоль (онъ принимаетъ разные виды) въ прочихъ поэмахъ древнѣйшихъ, какъ мы знаемъ, дѣйствуетъ на корабль. Отсюда послѣ передѣлано еще Каранниковъ, съ привязкою къ восточному

корню слова — кара и каракъ (у насъ карей) — «черный». Пое-
лику же то самое лице, будучи посланъ, съ ерлыками в грамотахъ,
равняется нашему «дьяку», то отсюда при Батыѣ обыкновенно
дьякъ или дьячекъ; а такъ какъ еще онъ изстари загадываетъ
или разгадываетъ загадки, оборотливъ, плутъ, воръ, то этотъ дья-
чекъ называется еще выдумщикъ, выдумщикекъ. Изъ
того же источника представлений зародилась ящю и проходить у насъ
длинную исторію—Тарасъ, Тараска, осмысленное уже въ по-
длинное имя. Въ рукописяхъ это Тарасій или Тараска Жи-
довинъ, высылаемый Жидовскими вельможами на шоръ о вѣрѣ съ
Христіанномъ Елокриемъ (Елеуерій; ср. это имя при
Діонисѣ выше) акоморохомъ, а скоморохи, нужно замѣ-
тить, такое же посредствующее лице въ старой Руси, какъ
Гость или Калѣка, отчего Добрыня передѣвается по Кіевскимъ
былинамъ во все эти три образа, равно нося при этомъ имя «За-
морскаго», «Заморняна», «Заморянина». Жидовинъ съ длинной
бородою, плѣшивый. Флаософъ; споръ ихъ состоитъ изъ про-
стонародныхъ шутокъ, послѣ коихъ Жидъ побить: это выролокъ
извѣстнаго намъ спора древнихъ мудрецовъ, загадокъ и разгадокъ
между посланцами разныхъ странъ и народовъ. При Иванѣ Грозномъ и
Петрѣ, по народнымъ сказаніямъ, роль эту занялъ «Тарасъ
Плащескъ», давшій шпцу шуткѣ и шуту (Балакиреву) въ извѣст-
ной передѣлкѣ «полтораста плѣшивыхъ». Такую-то длинную и
совсѣмъ для него неожиданную исторію прошелъ у насъ Гераклъ,
благодаря связи съ Тараканомъ и Тарасомъ. Въ новизнѣ о Саломонѣ
свойства его выражаются извѣстными намъ прозвищами — воръ
(ср. Гермеса, Семіона и прочихъ), доглядливый. Въ дѣлѣ,
на кораблѣ и съ корабля, онъ именуется гость или купецъ,
заморскій, заморянинъ (что переходитъ и въ «замаранаго»,
а по Кіевскимъ былинамъ и въ «заморнина», заморняног; ср. о Данилѣ
Безсчастномъ). Кончину получаетъ онъ въ заключеніе сообразную
своему имени и свойству: его кладутъ во чепелку во черную.—
Таковы главные лица поэмы. — Въ дальѣйшемъ дѣйствіи, сред-
ствѣ, которыя беретъ съ собою Тараканъ, употребляетъ въ дѣло,
на соблазнъ, на похищеніе, а послѣ самому себѣ и всѣмъ врагамъ
Саломона на гибель, слѣдующія: корабль, наполненный това-
ромъ; на немъ разукрашенная постель (кроватька, перья, на-
волочки, занавѣски); грядочка (собственно жердочка,

переглядника, а потомъ вообще кѣтка; на такой же «грядочкѣ орля-ной» послѣ вздѣтъ и Тараканка) съ птицы нѣкой райскою, которая поетъ пѣсньки царскія (ср. выше «кура» при Акурѣ, Жарь-птицу, и т. п.); неопѣнные камешки драгоцѣнныя (ср. выше ихъ исторію); приваняства, а изъ нихъ особенно папиточки заморскіе, что вросали въ сонъ, папиточки сонныя, вѣтъи завѣдущія (стр. 287, ст. 326); наконецъ привная чаша въ полтора ведра, этотъ древній кубокъ или рогъ. Купилъ шуба царю и чоботы царствѣ—придѣлка уже позднѣйшей русской работы. — Когда прибылъ Тараканка къ Саломону, его вѣтъ дома, онъ увѣхалъ за охотой: то же самое послѣ передается о Васильѣ Акульевичѣ, какъ выше мы видѣли о Порѣ, и т. п. — Ребята молодые оцѣнщики, приходившіе на корабль и посредствующіе между прѣзжми и Царицею, то же, что «дѣвушки» въ другихъ изложеніяхъ поэмы или «Чернавка.» — Когда царица завлечена на корабль и очутилась, какъ говоритъ сама, между двухъ бережковъ, ее спавняютъ; только что она проснется, опять ее сваливаютъ итьемъ съ рѣзвыхъ ногъ, безпрерывная смѣна трезвости и упоенія: образъ этотъ весьма близко напоминаетъ при Діонисѣ Упоеніе, Аріадну. — Саломонъ, по плану своихъ дѣйствій, не занимаетъ рога, какъ въ другихъ изложеніяхъ поэмы, у врата: гораздо ближе къ основному мѣсту, онъ самъ итьеть у себя дома пастушій или пастушкн рогъ, оставшійся у него послѣ воспитанія между пастухами, какъ у Діониса послѣ пройденнаго имъ уничтоженія, какъ въ мифологическомъ сознаніи, прошедшемъ чрезъ царство животныхъ. Итъ-то Саломонъ предварительно собираетъ себѣ войско, разряжаетъ его, учитъ понимать разнообразіе звуковъ. Вспомини, что также точно собираетъ себѣ войско князь Романъ и жеребѣемъ отдѣляетъ себѣ лучшихъ, отпускаетъ остальныхъ, подобно Гедесу. Тотъ же рогъ беретъ съ собою царь подъ плечу, отправляясь въ поганое царство, и тамъ трубитъ въ него. Рогъ итьеть при себѣ также прозвище туріи: онъ-то и обратился, какъ у Діониса, въ кубокъ съ упоющаимъ итьемъ, ибо въ Кіевскомъ творчествѣ извѣстенъ намъ «турій рогъ меду сладкаго» и вѣрчихъ папитковъ. — Въ числѣ собираемаго войска у Саломона коня-люди, то есть Полканы, Кентавры, обращенные въ свѣту Діониса; они названы еще крылатыми, что относится къ копиямъ: это Пегасъ, Вукефалъ («коне-быкъ», какъ «кен-тавръ.»

съ бычачьей головою), Ябучило, Шараць и т. д. (ср. выше). — Отправляясь, Саломонъ одѣвается Калычкою Перехождичъ, въ гуню, ламотки, съ сумкою: «надѣвается онъ во платица во мишия, обувалъ лапотки семи шелковъ, за плеча владъ сумочку бархатну (такова она и у нашихъ Калычъ, ср. 3-й выш. Кир.);» «наликушка нищая,» «оставилася онъ на уличкѣ,» просить милостиву «калыкѣ нищией;» беретъ «дубину подорожную,» то есть калычю «кляку подорожную;» наконецъ просить казнить его «на по калычюему,» не въ томъ видѣ, какъ онъ есть. — Въ царствѣ Кудривискомъ жена передъ Саломономъ сваливаетъ вину на Таракашку, что онъ увезъ ее «съ обману великаго,» просить только немного погодить и общаетъ ѣхать назадъ съ мужемъ въ Ерусалимъ, но потомъ спаваетъ его пивной чарою (стр. 283) и запираетъ въ окованъ ларець или въ сундукъ окованый: это слово въ слово, по Кіевскому творчеству, дѣло жены съ Потыкомъ въ царствѣ, куда она убѣжала. Замѣтите обоюдное дѣйствіе питья заблудшаго, ибо также точно сама Царица споена и, во другихъ изложеніяхъ, свалилась въ гробъ. — При входѣ Василья въ палату, у него начинается съ царицею извѣстный намъ разговоръ, подслушанный Саломономъ изъ ларца, съ загадкою Царицы: «на царя сижу да съ королемъ говорю.» — Какъ и прежде мы видѣли, эпическое творчество, невольно повинувшася основному представленію и мнѣю, стараются, какъ бы смерть втораго бога, или начала, или лица-выразителя, была на деревѣ, черезъ дерево: въ настоящемъ случаѣ это перекладина, грядочка, висѣлица. Казнь эта надревле рѣбска я: между тѣмъ ея казненъ царь природы, человекъ, достигающій царства духа, подвижникъ, переходящій симъ путемъ въ царь; отъ того и рабы, мы знаемъ, восходилили на костеръ въ царскомъ одѣяніи, послѣ царскихъ наслажденій; въ настоящемъ же случаѣ это историческій царь. Какъ выйти изъ этихъ противорѣчій творчеству позднѣйшему, которое невольно подчинилось мнѣю или исторіи сознанія, а само уже не всегда могло разгадать этого далекаго прошлаго? Творчество, вопреки позднѣйшимъ понятіямъ, окружавшимъ его въ современности, хочеть увѣрить, что это казнь царска я (оно, по исконному представленію, и справедливо); мало того — будто такъ казнить на Руси: «Ты казни-тбо меня не по калычюему, ты казни меня по царскому, какъ у насъ на святой Руси царей казнить да вѣшаютъ.» Съ позднѣйшей точки зрѣнія, на которой стояло само творчество въ

минуту быдны, это уже обманъ, нужный, чтобы потрубить и созвать свое войско: оно и не предчувствуетъ, что въ сущности образъ этотъ въ старину заключалъ въ себѣ совершенную истину. Любопытно, что послѣ, въ творчествѣ Кіевскомъ, когда уже понятія оправдывались и особенно прошли чрезъ Царьградъ, въ образѣ этомъ, какъ и въ большей части другихъ, совершилась обратная перемена: Волга говоритъ царю Индѣйскому — «вась-то царей не бьютъ не казнятъ (въ другихъ образцахъ прибавляется — «и не вѣшаютъ»), — ухватя его ударилъ о кирпичатой полъ, разшибъ его въ крохи. — На казнь Саломона ведутъ, а врати его, Василий, Царица и Таракашка ѣдутъ въ «карегахъ в п а л ь н ы хъ:» последнее произище употреблено опять для выраженія черного цвѣта (въ другихъ случаяхъ здѣсь и является черный цвѣтъ, какъ увидимъ ниже). Изъ Сербской сказки мы знаемъ, что на пути Саломонъ: (онъ тамъ ѣдетъ въ волесницѣ, «вростой,» телѣгѣ) задаетъ загадку; в адѣмъ та же: «первую карету (съ Васильемъ) кони везутъ, другая карета сама ѣдетъ (жена, напросившаяся измѣною на гибель), третью карету чортъ несетъ на каземъ на смертную,» — съ чернымъ Таракашкою. — Петля три, шелковыхъ, врасмая, въ лад, черная (последняя, мы упоминали, досталась Таракашкѣ); даже ступеньки къ петлямъ сдѣлали розкрашенны: ор. выношны и празднества Діониса. — Какъ Анаданъ, Царица спрашиваетъ казнить Саломона скоры и скоро, боясь его хитрости и великой мудрости. — Прося поиграть въ рогъ, Саломонъ высказываетъ, опять исторію своего воспитанія, намъ извѣстнаго: «я съ малости (малости) былъ охочъ коровъ пасти;» «какъ былъ-то вѣдъ маленькой, какъ коровъ-то я попасывалъ, я охочъ въ рожка поигрывать.» Опять это представляется съ позднѣйшей точки зрѣнія обманомъ, — когда же царь могъ быть пастухомъ? Но по началу и сущности, это истина, былъ, обратившаяся теперь въ своего рода загадку. — Еще ярче выражено послѣдствіемъ игры, какъ герой, смѣнившій бога, на древней ступени своей проходилъ царство природы, какъ онъ ею владѣетъ, какъ она трещеть при угрожающей ему смерти: «всѣ звѣри обѣжались, всѣ птицы слетались на его на скорую смерѣтушку;» Саломонъ объясняетъ это не-вѣщему царю своимъ вышнимъ воспитаніемъ — «я какъ съ малости былъ охочъ поѣсовати, такъ всѣ птицы слетались, всѣ звѣри обѣжались смотрѣть мою скорую смерѣтушку.» Въ другой былинѣ это представляется

обманомъ — «дрожить мать сыра земля,» — будто бы отъ приближенія войска; самъ Саломонъ объясняетъ это будто бы обманомъ чувствъ (съ позднѣйшей точки зрѣнiя и есть обманъ, или, лучше, загадка): идетъ гуль по синю морю, отъѣвъ за спиною море, во Еросо-лѣмѣ, тамъ у него гуси-лебеди, кормленые-ученые, горюють они о предстоящей царю казни, въ страхѣ бьютъ крыльями объ воду, на снѣжѣ моря волну сдѣлали, волна сходилась во береги, отъ того дрожить мать сыра земля; таковы же тамъ добрыя кони, въ испугѣ бьютъ копытами, отъ того дрожать сыра земля. Какое превосходное и удивительно-вѣрное описанiе страха всей природы, сострадавшей страдавшему своему владыкѣ! И какъ это въ эпосѣ сведено на языкъ обиходныхъ помятiй, хотя и просвѣчиваетъ глубочайшая древность представлений! Между прочимъ мы знаемъ, что герой, о коемъ влетѣ рѣчь, на всѣхъ ступеняхъ своихъ, зналъ языки птицъ и животныхъ: здѣсь уже обратно, сами гуси-лебеди и кони въ учены, «пѣ языкамъ человѣческимъ приучены.» При коняхъ, надалека и мгновенно лавшихъ о себѣ знать, вспомните загадку Акура и прочихъ героевъ о коняхъ Гелюса-Велеса, о Востокѣ и Западѣ. — После побѣды и въ торжествѣ Саломонъ задаетъ загадку Василью, показывая тщету его усилiй и всякой злобы: онъ носилъ пшеницу, клюють чужiе гуси-лебеди и черныя вороны. — Женѣ, подобно какъ воспитаннику Акуръ, даетъ онъ поученiе: отсюда-то къ нашихъ быльяхъ Кiевскихъ, на примѣръ объ Иванѣ Годиновичѣ, герой, казня вѣроломную женщину, даетъ ей поученiе и самая казнь именуется поученьицею или заповѣдью женскою, — «аи дамъ те поученьице,» «статъ онъ жену свою учить,» «исполню я три заповѣди женскихъ (Кир. вып. 2 и 3, Рыбник. Ч. 1).» Въ добавокъ Царица также, какъ эти героини или Анаданъ у Акура, просятъ прощенья: «Есть ли грѣшному прощеньице? И ты прости-тко меня, царь Саламанъ!» Описанiе плѣненiя, добычи и проч., такое же, какъ мы уже видѣли, или какъ въ Кiевскомъ творествѣ описывается относительно Батыя, Вольги. Любопытно при этомъ, что все добытое отвозится на корабляхъ, по исконной чертѣ поэмъ этого рода, хотя самъ Саломонъ приходитъ къ Василью пешкомъ, а войско его на коняхъ. Такъ точно и въ Кiевскомъ творествѣ Батый, являясь съ Корабликовымъ, ѣздитъ на корабляхъ и «на мелкихъ судахъ;» сравните опять корабли на колесахъ у Вольги-Олега, подѣздъ къ Кiеву Соловья;

наконецъ въ Стихѣ объ Егорѣ Куть-рибу на сушѣ въ контактѣ у птицы, и т. д.

Здѣсь указали мы только отношеніе нашей поэмы къ ея началу, происхожденію, современности ея, послѣдствіямъ въ творчествѣ. Самые образы творчества, рѣдкіе по ихъ достоинству, сила, свѣжесть, прелесть, — все это въ настоящемъ случаѣ не у мѣста, хотя и стоить особаго вниманія читателей.

Такъ мы раскрыли связь поэмы о Саломонѣ почти во всѣхъ чертахъ ея съ прочимъ нашимъ творчествомъ, какъ устнымъ, такъ и перешедшимъ въ рукописи; указали и тѣ произведенія, кои выродились отсюда, но прошли путь иной передѣлки, на примѣръ сказаніе о Бовѣ. Теперь упомянемъ тѣ народныя созданія, которыя, связываясь съ поэмою о Саломонѣ и повторяя ее въ смыслѣ эпизодовъ, прошли любопытный путь отъ Оракіи до Кіева. Таковы —

А.) Нѣкоторые Стихи. Въ Стихѣ о Голубиной Книгѣ вставлены, мы видѣли, началомъ и эпизодомъ, отдѣлы нашей поэмы о Володѣ, Премудромъ Давидѣ, Саломонѣ Волотовнѣ, Саломонѣ, особенно извѣстный Сонъ съ соотвѣтствующими ему загадкамъ: но въ дальнѣйшемъ и главномъ своемъ теченіи Стихъ этотъ получилъ отдѣльную самобытность. Въ ближайшей связи съ нимъ Стихъ о похожденияхъ Егорія, съ чертами, нами уже раскрытыми, въ связи съ поэмою о Саломонѣ, съ Оракійскимъ Кудринникомъ, Оракійскимъ Херсонесомъ, перемесеннымъ послѣ въ Тавриду (Херсонъ Таврической—колонія Оракійскаго), а здѣсь привлечшимъ завоевателя Владимира и выдавшимъ намъ свои ворота, крестъ, и т. п. Впрочемъ и здѣсь связь только въ отдѣльныхъ чертахъ и образахъ, цѣльность же произведенія самостоятельна. Несравненно ближе къ нашей поэміи борьба Егорія и Федорова съ Чудовникомъ-Зитемъ: выше мы намѣтили зависимость этихъ сказаній отъ передѣлки имевъ, отъ рукописныхъ Житійниковъ, отъ историческихъ русскихъ обстоятельствъ; но гораздо важнѣе ихъ происхожденіе изъ доисторической, именно Оракійской, Черноморской, Придунайской эпохи, черты и образы, отсюда заняты. Мы отчасти указали на этой отдаленной почвѣ сѣды подвиговъ Геракла, Діониса-Басарея, а потомъ, въ связи съ Востокомъ, Саломона, не только по тамошнимъ сказаніямъ, но и въ мѣстныхъ названіяхъ, сохранившихъ намъ имена сихъ лицъ многоо-

ринъ и эпоса: Гераклеѣ было мѣсто: и въ Македоніи, и на границахъ ея съ Фракією, и на Фракійскомъ Херсонесѣ, и въ самой Фракіи, на пр. при Черномъ морѣ и устьяхъ Дуная, особенно же славна Гераклея (иначе Перинѣ) на Пропонтидѣ (по Славянски—Бѣломъ морѣ), колонія Самодевъ (ср. Самодеа Салмокса). Оба Теодора — герои Гераклеи: съ ними, по сказаніямъ и нашимъ Стихамъ, неразрывно слѣлся герой Востока Егорій, давши въ этомъ соединеніи начало известной намъ Фракійской формации эпоса, полувосточной, полуюропейской. Принимая этихъ героевъ за одно лицо, мы видимъ при немъ лицо женское въ известнѣйшихъ намъ отношеніяхъ: какъ *мать*, это мать Егорія, Софѣя; Премудрая, Премудрость, тождественная съ Вленою и Саломонією (или Вирсавією, см. выше), она же мать Теодора (Стратилата, передѣланнаго въ Тирона), спасаемая имъ отъ Чудовища-Змѣи; какъ *сестра*, раздѣлившаяся на нѣсколькихъ сестеръ, спасаемая Егорьемъ отъ Кудряница, изъ верблюжьей ножи, изъ коры, или, какъ говорится объ Авракеѣвнѣ, «изъ кожуха изъ пропасти»; наконецъ какъ *дѣвица-невеста*, освобождаемая Егорьемъ въ царствѣ Рахлейскомъ отъ Чудовища. Отъ Чудовища-Змѣи спасены первая и третья: относительно второй мѣсто его занялъ Кудряница, сначала увезшій Егорья и сестеръ его отъ матери, потомъ закопавшій героя въ землю и наконецъ имъ изложенный по благословенію матери. Подвиги Тирона изложены въ рукописныхъ сказаніяхъ («Пам. стар. Р. литер.», вып. 3) и нашихъ Стихахъ точь въ точь по ихъ существеннымъ чертамъ какъ поэма о Саломонѣ или Акурѣ, при томъ съ двойствомъ образовъ, сперва международныхъ, болѣе вышнихъ, потомъ болѣе внутреннихъ, касавшихся лица юнаго героя, его матери и отца. На примѣръ въ рукописи: въ области, гдѣ живъ Теодоръ (т. е. въ Гераклеиской), «баше единъ кладязъ кипя водою благою; той же кладязъ одръжнѣ баше звѣри и змѣи, мнѣство много глал.» Царь приносилъ имъ жертвы, за то они пропускали въ городъ воду (ср. мѣстопробываніе Китовраса при колодцахъ и ловлю его, а въ Голубиной Книгѣ звѣря Индрика, пропускавшаго воду на землю). Однажды во снѣ видитъ онъ какого-то юнаго героя, грозившаго ему гибелью, и велитъ его искать. После тщетныхъ поисковъ, берется за дѣло Теодоръ и начинаетъ известныя, вышнія и международныя, подвиги: вооруженный идетъ онъ «сквозъ языки,

иже закона не знают,» приходитъ « въ Сурію (Сирію), » « къ темну лѣсу и пусту мѣсту, » « и обрѣтѣ ту кладязь ископанъ и книтою затченъ (вучномъ заткнутый). » Вошедши въ колодезь, нашель онъ тамъ Срачинъ 140, женъ 80, дѣтей 100, какъ нашъ Илья или Добрыня у Прекрасной Королевицы или у Змѣя въ подземельѣ и логовищѣ. Герой « связавъ (ср. выше уже) и веде я въ землю Римскую, идеже баше царь,» между ними нашелся и видѣнный во снѣ герой, царь удовлетворецъ. Послѣ этого вѣшняго слова, равняющагося отношенію Сонахарива къ Египту, Саломона къ чуждымъ царямъ, то же самое повторяется въ словѣ болѣе внутреннемъ: Змѣй разсердился за похищенныхъ и за то, что не принесли ему жертвы, удержалъ воду, люди мерли жаждою: Мать Федора, какъ известная намъ Саломонія на корабль, какъ Нерзавка къ колодезю, идетъ поить сыновняго коня: « и вземши уаду въ руди свои, и иде одна къ кладязю. Баше же мѣсто то, видѣе кладязь, ужасно и страшно, видѣюще струги и рр. п. а. с. т. я, дх. е. д. и. ж. и. с. х. о. д. и. и. в. з. в. р. в. ѣ. и. н. о. ж. е. т. в. о. » Пришедши къ колодезю и видя, что воды мало, только на днѣ, она приняла туда в вошла, чтобъ достать мойла. Тутъ и совершилось похищеніе (ср. Морскаго Царя, какъ онъ изъ колодца схватилъ Иванова отца за бороду и вытребовалъ къ себѣ Ивана; а также похищеніе Саломонія червато же посредство колодеца или сосуда, кубка). Отсебѣ мать Федора превращается по сказанію въ Прекрасную Дѣву, Царь въ отца: Федоръ въ того юнаго героя, который приснился во снѣ какъ врагъ старому царю, а послѣ оказался его сыномъ и избавителемъ. « Баше бо жена красна (прекрасна) власы и лицемъ. Иже видѣю Змѣя, и помысли, и абие възхитити ю, и зряше на мю лютамъ взоромъ. » Когда же она спустилась въ колодезь третій разъ, « похрею съ гласомъ великимъ. Она же взарѣвши и слышавши гласъ змѣевъ, и поверже абие съ судъ (сосудъ), видѣвши ега, и притѣни лице, и бысть безгласна, и абие възхити ю змѣй и вмесо ю въ жилище свое и затвори ю. » Прибѣжали слуги и сказали сыну о похищеніи: онъ вооружается и идетъ на борьбу, завѣшая творить по себѣ: « память » въ первую субботу (ср. выше прощанья Геранка, Саломона, нашихъ богатырей). « Преклони же колѣни свои, и приять отъ отца (тотъ же царь) молитву, и видѣ въ кладязь: и царь сяде на кладязѣ три дни и три ноци, ожидаа волна (ср. выше сходы въ подземелье). По триехъ же днехъ видѣ зъ

полату свою и баше печалуясь о воинѣ.» А Фодоръ «видя въ жи-
лице змѣево, и обрѣтъ матеръ свою яко двѣ украшену,
златомъ и серебромъ покрыту, 12 змѣй великихъ остегнула ю и
аспида морьскія предъ нею. И старыи Змѣи свѣдѣше предъ
нею на столѣ (престолѣ) златѣ, и етери (други) гади, ве-
ликия и малыя, лежаху предъ нею, стрѣжаху ея» сравните похи-
щеніе Персефоны, а кто видалъ классическія изображенія, на при-
мѣръ хоть на Канузскомъ сосудѣ (вазѣ, амфорѣ) съ представленіемъ
подземнаго царства Аида, тотъ узнаеть и нашу картину. Простыль
подземнаго дворца, Аидъ на престолѣ въ царской одеждѣ; передъ
нимъ два Персефона, готовая удалиться, въ царскомъ вѣницѣ, въ
покрывалѣ, съ фанеломъ на дорогу изъ тартара; съ права трое адскихъ
судей, нѣкогда чудовищныхъ, Миносъ, Эакъ, Радаманозъ; съ лѣва
Орфей во Фракійской одеждѣ; потомъ два мальчика, собравшія ку-
паться въ водоємѣ; Електра съ мечемъ на Клитемнестру, въ бесѣдѣ
съ Орестомъ и Пиладомъ; чудовища, обреченныя на муку, Тан-
талъ, Сисифъ, Геранлъ, готовый вывести изъ ада Кервера на ве-
ревкѣ, «умѣ», предводимый Гермесомъ и т. п. Фодоръ вступаетъ въ
постепенную битву съ чудовищами, наконецъ съ главнымъ Змѣемъ,
при чемъ— любопытно— являются двое змѣенышей, «два отрока,»
сидѣвшіе со Змѣемъ, а послѣ провожающіе Фодора въ видѣ двоихъ
«юношей (ср. выше).» Разгорячившись въ битвѣ, герой такъ далеко
загнался, что попалъ въ пасть чудовища, во внутренность его, изоб-
ражаемой тутъ же пропастью, и пробылъ тамъ съ матерью 7 дней:
вспомните Геракла во чревѣ Чудовища, Добрыню въ логовищѣ, Илью
проваливагося въ подземелье. Онъ молится избавиться изъ ада:
хлынула вода, нужная горожанамъ, съ водою вмѣстѣ принесенъ Фе-
доръ изъ пасти зѣвря, изъ пропастей, изъ колодца, съ матерью и
двумя юношами—ангелами. Кончается торжество (сравните выше,
какъ всѣ эти «образы» перешли въ «загадки» Южской Царицы и
Саломона, стр. ССLXV: рогъ; яйцо—вмѣщавшее жизнь, изъ прака
для иглы, т. е. хаоса; нива, перостающая ножами, какъ у Арго-
навтовъ или Кадма; рукавицы—средство похищенія; наковнѣ «чуд-
ный кладъ, приводимый въ городъ неочанымъ ужичемъ;» ниже
увидимъ, что Дѣва ведетъ на своемъ полѣ Змѣя въ городъ, какъ
Гераклъ Кервера на веревкѣ изъ ада). — То же самое въ на-
шихъ Стихахъ. Сперва отношенія международныя. Сл. мой ло-
ничъ или Сл. мой явичъ, то же, что Саломоновичъ (ср. выше),

царь на Востокъ, потомъ въ Ерусалимѣ. Противъ него подстучаетъ врагъ, сила Жидовская, Иудейская (противъ Ерусалима!): замѣтьте; какъ уже повернулось сказаніе на почвѣ Фракійской и потомъ Русской, — жители Ерусалима стали врагами его, какъ чуждый Славянамъ и Руси языкъ, а царь по имени Костянтина перешедъ во Фракійскаго, Цареградскаго; въ Кіевскомъ творчествѣ таинимъ врагомъ едѣлася Жидовинъ, Козаринъ. На противуборство вызываетъ посредникъ — стрѣла съ надписью: вызывается Ѳедоръ Тирянинъ, сперва подданный царя, а въ позднѣйшемъ теченіи рассказа уже сынъ его. Имя *τίρων*, *τήρων* и *τύρων*, лат. *tyro*, перешедшее послѣ въ значеніе новобранца, юнаго воина, по своему происхожденію едва ли не сближается съ Финикійскимъ Тиромъ, *Τύρος*, съ именемъ Тирренскихъ Пеласговъ, *Τυρρήνικός*, дочери Салмона — *Τυρώ*, Тиро, рѣки Тираса, *Τύρας* и *Τύρης*, Діетра, а далѣе съ *турамъ* и *тавромъ*, съ Кен-тавромъ в Тавр-идю. У насъ называется герой *Тирянимомъ*. Какъ бы то ни было, первоначально это прозвище юныхъ борцовъ и подвижниковъ, соответствующихъ Мелкарту и Гераклу. Такой-то герой отправляется противъ силы Жидовской, борется, погребается за живо, ибо его топятъ, какъ Егорья, кровь нестерпима по груди бѣлая, а подъ нимъ разступается земля. Когда онъ вернулся къ царю съ торжествомъ, мать идетъ поить коня его на море синее, а далѣе, по некоторымъ Стихамъ, и на Дунай. Тамъ поджидаютъ ее Змѣи; сочетается съ ней, отдаетъ ее двойнѣ змѣеншамъ или юношамъ, и прочее, что мы уже знаемъ. Сынъ, извѣщенный слугами, бросаетъ пиръ (роняетъ кубокъ; ср. выше) и идетъ спасать мать; по древнему представленію ему нуженъ корабль: мѣсто корабля занимаетъ Китъ, подставляющій свиню для путешествія по морю або по суку, что быкъ въ цинохъ Евроны, колеса для кораблей Олега, и т. п. Изъ крови, топившей героя опять по груди бѣлая, изъ пещеръ змѣиныхъ, изъ пропасти и изъ пасты, наконецъ изъ за моря, выносятъ сынъ мать свою «на головокѣ на темячкѣ,» какъ сосудъ — амфору, какъ изъ подземелья, съ того свѣта. Дѣло кончается встречей спасеннаго народа, торжествомъ христіанства и «памятью» Ѳедора, породившему такіа сказанія. — Наконецъ еще ближе къ поэзіи Саломоновой спасеніе героини дѣвицы-невесты. Въ Сириі у Геронольскаго богини, намъ уже извѣстной по ея отношеніямъ къ юному богу, вѣтвей, какъ говорили мы, на головѣ чудный «камень» в по-

сившей имя Атаргата, правильнее же, как думают филологи, Тирата, *Tyratis*; того же корня *Tor-*, находилась вся обстановка, виденная нами из сказанія о Тиронѣ или Тириннѣ. Между прочимъ, близъ ея храма было священное озеро, со священными рыбами; озеро было глубоко, по срединѣ находилась каменный жертвенникъ, постоянно увѣнчанный вѣтвями цвѣтовъ (ср. выше «киту», затыкавшую кладязь); сюда были къ озеру торжественныя ходы, многіе изъ поклонниковъ отправлялись съ берега въ плавь къ жертвеннику. Но богинѣ посвящена была и вода морская: два раза въ годъ поклонники отправлялись къ морю за водою, наливали сосуды, запечатывали ихъ и, принеся къ Геранольскому храму, вливали воду въ бассейны, откуда она стекала черезъ разсѣлину въ землю, подобно какъ здѣсь; говорили, стекла воды всемірнаго потопа и спасла челоуѣкъ отъ гибели. Обряды, возводящіе къ мѣстамъ, мѣстамъ къ эпосу о Тиронѣ. Въ такомъ же значеніи при входѣ въ храмъ помѣщалось два огромныхъ столба въ видѣ фаллосовъ: старинное средство спасенія, воздвигнутое некогда раздѣлявшимися народами. На одинъ изъ столбовъ, ища спасенія, вѣззалъ два раза въ году подвижникъ; чтобы поститься и молиться тамъ о благѣ Сиріи: къ нему также бывали ходы, совершались путешествія пономниковъ, внизу столба произносили свои имена, чтобы подвижникъ помянулъ ихъ въ молитвѣ. Между прочимъ было вѣрованіе, что если на столбѣ заснетъ онъ, змѣя всползетъ къ нему и ужалитъ. На почвѣ Гераклейскаго Фелора во Фракіи сказаніе приняло такой видъ: герой «тѣломъ храбръ и мужественъ, лицомъ велики красенъ, премудръ же разумомъ и риторъ изряденъ.» Не въ далекомъ отъ Гераклея, близъ Евханти, «бѣ отъ полунощныя страны поле пусто, и въ немъ пропасть велика; внутри же тоя пропасти вознѣдися Змѣя велика, иже егда отгуду исхождаше, земля на томъ мѣстѣ трясешя; изшедши же, аще что либо обрѣташе, челоуѣка ли, или скота, съѣдаше.» Герой отправляется спасти народъ свой. «Егда же приде на оно поле, видѣвъ траву злачну, съѣзе съ коня и ляже почити.» Является извѣстная намъ мѣти, Евсевія, и будитъ героя, чтобы не сгнои отъ змѣя. Герой выступаетъ въ бой на конѣ своемъ «Дарданскомъ», «къ своему коню аки къ челоуѣку бесѣдуя,» «конь же послушая словесъ господина своего, стояше ждыи исхожденія змѣи.» Кончилось побѣдой: «Слышавъ же о томъ весь градъ Евхантскій и окрестниі людѣ, изыдоша вси на поле оно, и, видѣвше змѣя не жива,

Θεοδωρὸς убіенна, чулилася и взываху вси глаголюще: « великъ Богъ Θεοδωρὸς! » И вѣроваша во Христа многое народа и воиновъ множество... По вся же дни людіе ко крещенію святому приходяху и уже мало не вся Ираклія прія святую вѣру. » За тѣмъ слѣдуетъ мученіе отъ Ликвінія, приписанное въ сказаніи, которое выше привели мы, и Тирону. Замѣтимъ, что въ эпосѣ Болгарскомъ Марко Кралевичъ также точно убиваетъ « Змію Стихію (« Коло »).» — Но здѣсь еще « мати: » дѣвица-невѣста спасена Егоріемъ и мы снова возвращаемся на Востокъ. Въ подвигахъ его соединены имена Рима и Палестины съ мучителемъ Діоклитіаномъ-Кудряничемъ (см. выше). Но вѣдъ мучительство, прочія сказанія о подвигахъ сосредоточены на Сиріи. Здѣсь подвижникъ помогаетъ вдовицѣ поставить столбъ къ храму, написавъ на столбѣ ея имя; образъ его, поруганный отъ Сарацина, т. е. Араба, обращается въ казнь сему послѣднему и приводитъ его къ раскаянію, также точно, какъ это передается въ нашемъ рукописномъ сказаніи « о плѣнномъ П о л о в ч и н ѣ (« Пам. стар. Р. литер. » вып. 1), » гдѣ дѣйствуетъ св. Никола, или въ устныхъ разказахъ о Потыкѣ, вредшествующихъ Кіевскому творчеству (« Зам. » при 4-мъ вып. Кир.). Также точно спасается похищенный отрокъ. « Во островѣ Милитянствѣмъ » народъ собирался въ церковь на праздникъ: напали « Критетіи Агаряне, » разбойники съ Крита, поплѣнили многихъ, въ томъ числѣ одного юношу, котораго подаряли « князю. » Когда горестные родители совершали послѣ годовое празднество и молились, « въ той часъ и сынъ ихъ, восхищенъ бывъ отъ плѣненія, предста имъ, держай въ рудѣ сткляницу съ виномъ и матери подай оную. » Онъ разсказалъ: « Сію сткляницу наляхъ виномъ, еже подати князю, и восхищенъ быхъ нѣкіимъ мужемъ пресвѣтлымъ, на конѣ ѣдязимъ, иже посадилъ мя къ себѣ на коня, единою убо рукою держалъ сткляницу, а другою держался за поясъ его, и обрѣтохся здѣ, якоже видите. » Агріковъ сынъ также точно былъ взятъ отъ Сарацинъ изъ Крита и перенесенъ въ Сирійскую Антиохію: вспомните, что при этомъ спасаемаго схватываетъ « дрема » и онъ переносится какъ во снѣ, а въ 3-мъ выпускѣ « Калѣкъ Перехожихъ » читатели видѣли, какъ спаситель корабельщиковъ, отправляясь на подвигъ, задремалъ на небесномъ пиру и выронилъ изъ руки чашу; такъ выронилъ чашу и Саломонъ на пиру у Давида, см. выше. Подобнымъ же образомъ спасенъ Егоріемъ сынъ священника съ острова Кипра, отправленный

на корабль «супли ради,» похищенный Сарацинами и отвезенный въ Палестину, коей они тогда владѣли. Однажды провожалъ онъ своего новаго господина Сарацина въ баню и забылъ ему взять пивья «во укропницѣ.» Побитый за то, побѣжалъ онъ въ домъ захватить забытое, но на пути стояла христіанская церковь и юноша вошелъ помолиться (сказаніе о спасеніи вслѣдствіе того, что юноша зашелъ въ церковь, чрезвычайно распространено, по рукописямъ и сказкамъ; ср. переводъ Жуковскаго). «И егда взяхъ укропницу, да влію въ стекляницу, начахъ не видѣти господина моего и возопихъ: «господине, не вижду!» И восхити мя нѣкая сила отъ земли.» Онъ очутился въ церкви при отцѣ, совершавшемъ Дары. «Отецъ же мой вострепета отъ ужаса и жалости, и вмалѣ не упусти святаго потира изъ руки, егоже держаше, забывся. Азъ же упустихъ стекляницу на землю и укропницу... Стляница же, юже упустихъ на шраморъ, не разбися, ни изліяся, такожде и укропница.» Третій подобный случай еще любопытнѣе. Ревностные почитатели Егоріа, Леонтій съ женою, отправили сына Егоріа въ войско греческое. «Во дни же твѣя царствоваше въ Грецѣхъ Константинъ Осмый того имене, иже бѣ сынъ царя Льва Премудраго. И возставися бранъ съ Болгары Грекомъ: Болгары бо со Угры и Скѣвы нашедше на Греческія страны, опустошаху плѣняюще.» Юноша взять въ плѣнъ. «Видя его Болгаринъ юна и лицомъ красна, пощадѣ того и отведе его въ свою землю, и служаше тому Георгію яко плѣненный рабъ.» Родители плакали и молились Егорью, гости, собранные ими на праздничный пиръ, утѣшали надеждою. «Сынъ же ихъ Георгій, въ плѣненіи сущи, ииѣяше у плѣнниваго его господина службу поварскую (см. выше отношеніе къ черному цвѣту)... Прияе же время обѣдати господину его, и потребно бѣ, да самъ Георгій нѣкое ястіе несеть съ горницею (горшкомъ; ср. выше «сажу котельную») предъ господина; отеръ убо слезы, взя отъ огня горнецъ кипящій, и несе: и абіе обрѣтесе стояй въ дому родителей своихъ предъ лицомъ всѣхъ обѣдающихъ.» Разсказъ его: «Въ сей часъ въ поварнѣ господина моего работахъ, и повелѣно мнѣ бысть принести съ горницею къ господину ястіе сіе, еже вземши несохъ, и ступившу мнѣ нѣколько степеней къ горницѣ, въ ней же господинъ мой обѣдаше, внезапно узрѣхъ нѣкоего воина на конѣ сѣдяща... и ятъ мя съ горницею симъ, и невѣмъ, како зѣ постави предъ вами.» Это орудіе спасенія принесено было и посвящено въ храмъ: ср. выше

« муррину, » муравленую посуду, съ отношеніемъ къ имени Мавровъ, и амфоры, приносившіяся въ даръ, изъ числа коихъ на одной, Канузской, видѣли мы изображеніе Ада, сходное съ картиною нашего сказанія. Во всемъ этомъ важно для насъ, во первыхъ, отношеніе подвиговъ Егорія къ Николаю, связанное по нашимъ Стихамъ и Сказаніямъ, а вмѣстѣ и къ Потыку, спасенному Николаемъ («Зам.» къ 4-му вып. Кир.); во вторыхъ, дѣйствіе въ Сиріи, враги Арабы, въ роли Арабовъ Болгары.—Наконецъ, знаменитая битва со Змѣемъ за дѣвицу-невѣсту, «въ странѣ Сурро-фоникиствѣи,» «надъ моремъ Сурійскимъ великимъ.» «Бѣ при градѣ Вѣритѣ отъ горы Ливанскія въ езеро велико зѣло, въ немже Змѣи великъ страшень губитель живаше, иже, исходящъ изъ того езера, многихъ людей похищаше, во езеро же влечаше, и съѣдая погубляше. И многожды вооружившійся на убіеніе его народъ прогоняя поражаше: приближившися бо къ стѣнамъ града, дыханіемъ своимъ губительнымъ наполняше воздухъ яда смертоносна, яко многимъ отъ того повреждатися и умрѣти; и бѣ скорбь и печаль, вопль и плачь велиіи непрестанно въ томъ градѣ.» Жители и царь были идолопоклонники, для отвращенія гибели спросили «бѣсовъ,» жившихъ въ идолахъ, получили совѣтъ каждый день давать Змѣю дѣтей, сына или дочь, по жеребью (ср. выше, Сиріане бросали дѣтей своихъ какъ телятъ); царь самъ прибавилъ: «егда придетъ рядъ и до мене, то и азъ, аще и едину дщерь имамъ, и тую отдамъ.» Такъ и поступали: водили на берегъ озера сыновей и дочерей своихъ «благолѣпно украшенныя,» а Змѣи подалъ ихъ (ср. выше, какъ при Тиронѣ этотъ Змѣи прельстился красавицей, ему нужна была невѣста). У вѣтъхъ перебралъ онъ, рядъ кончался, осталась очередь царя. Особенность этого сказанія (въ нашихъ Стихахъ она измѣнена) въ томъ, что отецъ жалѣетъ дочеря, хотя и подчиняется откровенію бѣсовъ (ср. бѣсовъ при Саломонѣ). «Пригласивши убо царь дщерь свою, повелѣ ей украситися благолѣпно, жалѣ же о ней и плака зѣло со всѣмъ домоу своимъ, обаче не могій разорити уставленія (нарушить учрежденія) того, аки бы божественнаго, по откровенію бѣсовъ въ жертву имъ узаконеннаго, даде извести ю на свиденіе Змѣю, аки жертву богу бездны адскія (Аду), самъ же со своими съ высоты палатныя смотрящи, слезными оную провождаше очесы.» Она поставлена на берегу озера, плачетъ. Является избавитель, остается не смотря на убѣжденія

удалиться, выйдаль, пока «Змій овий страшный явился изъ езера исходящъ, » побѣдилъ его и « новелѣ дѣвницѣ, да по я сомъ своимъ связавши Змія (ср. выше « у же »), ведеть аки пса кротка во градъ. » Такъ онъ и приведенъ, убитъ среди города избавителемъ « и извлекше людіе трупъ его за градъ, огнемъ сожгоша (какъ оборотня, обмиравшихъ людей и оживавшихъ мертвецовъ, ср. «Зам.» къ 4-му вып. Кир.). » «Тогда царь града того и весь народъ вѣроваша во Христа.» Построена Церковь въ честь Пресв. Богородицы, отъ алтаря истекъ источникъ.—Кто въ этомъ дѣйствительномъ событіи вѣросознанія не узнаеть чертъ, нами прежде указанныхъ, или забудеть, что Зміинная пастъ есть та же пропасть и что во всѣ времена челоувѣчества адъ представлялся ему Змѣемъ съ разверзтой гортанью,—тому уяснять дѣло наши Стихи, возникшіе конечно еще на почвѣ Фракіійской, но потомъ прошедшіе длинный путь въ нынѣшнюю Русь, еще длиннѣйшій—черезъ Христіанство. Здѣсь близость къ поэзіи о Саломонѣ ярка до чрезвычайности. Во первыхъ («Кал. Перех., » вып. 3): «У царя Давыда былъ сынъ Соломонъ, была дочка Олѣна; » старецъ раздвоился на Саломона и извѣстную намъ Елену, т. е. иначе Саламанію; онъ готовитъ дочь жениху, приходящему издали, и какъ тайну возвѣщаетъ ей: «Охъ ты дочка Олѣна! Вставай ты по утру поранѣ, умойся ты бѣленько, надѣвай ты платье подвѣчно.» Дочь спрашиваетъ: «Кажы ты мнѣ законнаго брака, » укажи же, кто этотъ женихъ, какъ узнать его?—Твой женихъ стоить во Божьей церкви, въ Божьей церкви тебя дожидается.—Та входитъ—увидала своего брата, Саломона: мы знаемъ, что женщина, Саламанія, проходитъ въ отношеніяхъ къ нему и ступень сестры, вотъ кто ея похититель, за ней подкравшійся, захотѣвшій превратить ее въ жену. Какъ трудны для челоувѣчества переходы, выраженные подобными образами, мы знаемъ изъ поражающей картины—горести Деметры, воплей Персефоны. Елена, дочь Давыда, не приняла вѣнца: она рветъ и кидаетъ съ себя цвѣтное платье, бросаетъ съ ногъ обувь, босикомъ бѣжитъ по лютому морозу. Все для нея заперто. Воцль ея раздается передъ окномъ отца: но отецъ повторяетъ—назови меня свекромъ,—то есть выдь за брата; плачетъ она передъ окномъ матерн: «ахъ ты матушка родима, отоприся, всѣ я ноженьки свои признавила!» Мать велитъ назвать себя свекровью. Бѣдная снова къ братнину окошку: Саломонъ ее принимаетъ лишь подъ условіемъ брака. «Охъ братецъ родимый! Гдѣ это случилось, чтобы сестру

родну брату взяти!» Бѣжить она въ чистое поле, всмакнула жалкимъ голосомъ, созвала лютыхъ звѣрей, вороновъ, черныхъ вороновъ: собѣгались, солетались они, «растерзали ея тѣло бѣлое и расгаскали ея тѣло по чисту полю.» Тогда лишь обрѣла она спасеніе: «пошла ея душенька ко Господу Богу.» Другой соответствующій Стихъ представляетъ «дочь Тысячника,» которую неволилъ отецъ выйти за мужъ и «на все грѣхи тяжкіи поустушить.» Въ полночь убѣжала она въ дѣсь, жила со звѣрми, не видала человѣчьева лица, не слышала звону Божьяго: стало у дѣвушки лицо какъ дубовая словно кора, стали у ней виски какъ бѣленькой ленокъ, какъ у жены Акура, у сестеръ Егорья, прошедшихъ тяжкій путь страданія. Наконецъ срокъ борьбѣ: побрела она, на встрѣчу старецъ—исповѣдникъ, посредникъ и разрѣшитель, какихъ мы часто встрѣчаемъ въ Индійскомъ творчествѣ, подвижница и подвижникъ. Онъ испугался страшнаго лица: «не пужайся,» говоритъ дѣвушка, «эта кожа—человѣкъ, исповѣдай меня, причасти (спасенію), отпусти во святыя мощи.» Тогда-то она «рѣшилась советѣмъ, стала святой («Кал. Перех.,» выш. 3).» Такую же роль играли въ греческихъ мифахъ—адъ или Авдъ, проводя черезъ себя для спасенія, взступленные, мѣнады и звѣри, терзавшіе человѣка на пути къ торжеству Діониса. Но вотъ еще Стихъ, въ коемъ все это излагается образами, близкими къ поэмѣ Саломоновой, — Стихъ объ Егорьѣ и Лизаветѣ. Древнее начало является грознымъ, требуетъ страшныхъ и кровавыхъ жертвъ; самое страшное и главное его требованіе — на царскую дочь, на невесту—дѣву. Грозный, издавая приходящій женихъ. Отецъ и мать, для спасенія, коварствуютъ надъ дочерью, какъ коварствовали Олимпійцы надъ Персефой. Ей передаютъ подлинную дѣйствительность, но въ видѣ обмана: ей велеть готовиться къ вѣнцу и браку съ женихомъ юнымъ. Жертва похищенія готова, она прошла уже путь глубокихъ страданій: тогда, какъ Діонисъ, является ей женихъ юный, переродившійся изъ страшнаго Загрея, приходящій съ неба, на бѣломъ конѣ, съ «копьемъ» или «скипетромъ» побѣдителя. Существо грозное, въ образѣ Змѣя, связано разрѣшеннымъ поясомъ дѣвы, приведено въ городъ, убито: оъ возродившимся юношей сочетается дѣва, но уже не вѣнчанная бракомъ, а союзомъ освобожденнаго сознанія, спасеніемъ, которое для язычества открывалось въ побѣдѣ Діониса, а Христіанствомъ приведено въ дѣйствительность. Спасается городъ и народъ, вводится Христіанство. — Стихъ начинается тою же картиной, которой

оканчивается поэма о Саломонѣ, — разрушеніемъ невѣрныхъ азычскихъ царствъ — Содома и Гоморры; на третье — Рахлеи-ское, Рахлинское — Арахлинское, Арапинское наслана лютая Змѣя Пещерская. Извѣстнымъ порядкомъ, дошла очередь итти самому царю на съѣденіе. Имя его — Агафѣй, Агапій или Агафинъ вѣроятно совпадаетъ съ именемъ Арапинъ, сообразно «царству Арапинскому.» Другое имя Агей или Адѣй, народный герой, по прозвищу Евсеевичъ — т. е. Давидъ. Коварная жена его, предающая собственную дочь и отвѣчающая Вирсави, носить имя Алислафъи, переходящее и на дочь: выше мы показали, почему послѣдняя носить имя Лизаветы и отождествляется съ другою подвижницей. Но, между прочимъ, она называется также и Софьею: имя «Софія,» «Премудрой,» «Премудрости» сопровождаетъ такимъ образомъ героиню древнѣйшаго нашего эпоса на всѣхъ ступеняхъ ея, отъ старшей — «матери,» черезъ «сестеръ» Егорья, и до «невѣсты-дочери.» Если мы при этомъ вспомнимъ неразлучное съ нею представленіе о «храмѣ (см. выше),» то конечно эта женская половина относится къ мужской половинѣ — «Премудраго» Саломона. Въ мифахъ греческихъ такова была древняя Афродита, въ греческомъ эпосѣ Елена Аргивская, въ ученіи гностиковъ она же, въ нашемъ эпосѣ «Василиса Премудрая.» Другое прозвище Гераклеиской Дѣвы — «Прекрасная» есть извѣстное намъ прозвище другой половины этого женскаго существа, рядомъ съ «Премудрою,» прозвище опять Афродиты, Елены, Саломонин, нашей Елены и Василисы, въ нѣсколькихъ видахъ сихъ двухъ послѣднихъ. Когда царь опечалился, жена подаетъ зміѣническій совѣтъ — въ искушеніе его погубить дочь, «дочь немилую:» немилую стала она вслѣдствіе склонности къ новымъ началамъ, — «она вѣруеть вѣру не нашу, не нашему богу она молится.» Ей велеть готовиться къ жениху изъ этого далекаго, новаго края вѣрованій: «завтра будутъ сватовья сватать, въ которую вѣру вѣруешь; ты которую вѣру вѣруешь, ты которымъ богамъ молишься, со той стороны сватова придуть, къ намъ сватова, къ тебѣ женихъ, отдамъ тебя за купца за мужъ, ай за купчика за торговлаго, за торговаго за заморскаго.» Мы знаемъ уже этого гостя, пришельца, похитителя. Когда его начало восторжествовало оъ принятіемъ Христіанства и недоконченное развитіе народнаго духа завершилось на Руси, потомъ въ Москвѣ, тогда женихъ принялъ на себя и этотъ мѣстный отбѣнокъ: «Пріѣхалъ женихъ со святой Руси, со

святой Руси, съ каменіи Москвы, онъ не въ нашу вѣру вѣруеть.» Въ эпохѣ эта загадка, по извѣстной намъ причинѣ, представляется «обманомъ.» Дѣвица разубрана во всѣ украшенія. Тогда являются образы, извѣстные намъ изъ поэмы о Саломонѣ: «На бѣломъ дворѣ стоятъ лошадь черная, карета темная, извожничекъ (перевозчикъ, посредникъ) стоитъ опальный и ѿ, онъ опальный да самъ кручинный и;» «тамъ стоитъ корета темная, заложенъ жеребчикъ некладёной, въ ней сидятъ дѣтинушка повѣржиной и;» «тутъ стоитъ корета сама черная, припряжены кони неученые (дикіе; ср. коней въ колесницѣ Аяда, увезшаго Персефону), посаженъ дѣтина въ платьѣ травурномъ (таковы переходы представлений о черномъ цвѣтѣ),» — онъ и повезъ ее; по нѣкоторымъ Стихамъ, отвезши, онъ вернулся домой, по другимъ этотъ самый дѣтина переродился въ спасителя, какъ Гераклъ, предшественникъ Діониса. Дѣвица при первомъ взглядѣ догадалась, какой женихъ ей приготовленъ: «не обманывай, родной башушко (ср. Зевса, отца Персефоны), не за мужъ даешь, не за купчика, а ко лютой Зѣти на свидѣнъцо, а Печерскія на презрѣнъцо (прожрѣнъцо).» Тогда, говорить одинъ Стихъ, она скидывала съ себя платье цвѣтное, надѣвала черное. Хотя Зѣтъ представлеиъ Пещерскимъ, живущимъ въ пещерѣ, но, по влганію древнѣйшихъ представлений, дѣву привозятъ къ «синему морю» или «озеру;» «желты пески Макарьевски» отъ Макарьевскихъ, Блаженныхъ жилищъ Рахмановъ и Счастливой Аравіи пересѣпались подъ Нижній Новгородъ (сколько тутъ слоевъ!). Спасенію предшествуетъ опять извѣстный намъ образъ—дрема, сонъ; падающая «слеза» жертвы то же, что въ другихъ сказаніяхъ выроненный «кубокъ», «скляница.» Является Зѣтъ, но является и спаситель, своимъ «кошмемъ» или «скипетромъ» убиваетъ древнюю, мрачную половину существа. У дѣвицы «шелковъ поясъ сорока пядень», тотъ же, что знаменитый у Афродиты; онъ и у юноши (стр. 522), какъ поясъ и повязка Діониса. Онъ обращается въ «уже» или «нетлю» для Зѣти: на немъ ведетъ дѣвица врага. Кончается истребленіемъ невѣрнаго «поганства», торжествуетъ новая вѣра; Зѣтя или «подкована въ жалъзу глухую;» или ее «ударил (дѣвица) о сыру землю, зѣтя разсыпалась на мелки пески (ср. Соловья и т. п.),» или «прокляла на камнѣ и съ каменемъ.» Состроена церковь Пресвятой Богородицѣ, Троицѣ, Егорью, Миколѣ. — Таковы эти знаменитыя «Феологумена», богословское содержаніе древнихъ азы-

ческих, знаменитых Фракийских или Орфических пестерей, изложенное послѣ въручителя — Фракийскимъ Саломономъ, перешедшее въ поэму о Саломонѣ, а наконецъ давшее образы Христіанской дѣйствительности въросознанія и въ семь видѣ перешедшее къ намъ въ Старшихъ нашихъ Стихахъ, чтобы получить еще новыя измѣненія на почвѣ Руси. Кромѣ этихъ главныхъ слоевъ, множество еще мелкихъ частію нами указаны, частію конечно замѣчены самими читателями. Рахманское царство по извѣстному намъ представленію обращено въ Арапинское, какъ страны Египтовъ, Муриновъ, Мавровъ, Сарацинъ, Агарянъ, Араповъ или Арабовъ въ собственномъ смыслѣ, Негровъ (лат. «niger»). Не удивительно, ибо все это имѣло мѣсто для нашихъ праотцевъ при «Черномъ морѣ», имя, происхожденіе коего мы со временемъ уяснимъ подробнѣе. Послѣ Идолскаго, Рахманскаго, Рахлейоваго и Кудрянскаго царства, получаемъ для нашего зюса еще царство Арапинское *).

Теперь взглянемъ мимоходомъ на событія историческія. Когда въ IV-мъ в. предъ Р. Х., въ эпоху Александровскую, Славяне принуждены были двинуться съ Дуная въ Карпаты и вообще на Сѣверъ, вслѣдствіе лившихся къ Дунаю Кельтовъ, на сихъ послѣднихъ перешло имя Волоховъ, имя, одинаковое по происхожденію и ближайшее по формѣ съ именемъ божественнаго Волоса или Велеса, демоническаго и эпическаго Волота. Оно перешло послѣ на тамошнія поселенія Римскія, на позднѣйшихъ тамошнихъ Славянъ и на смѣсь этихъ народовъ съ прибавкою разныхъ пришлыхъ стихій, т. е. на нынѣшнихъ Влаховъ или Волоховъ. Но, когда Славяне ушли собственно съ Дуная, часть ихъ собратій осталась на старыхъ поселищахъ за Дунаемъ и при Черномъ морѣ: они-то застали въ сихъ краяхъ Христіанство и, продолжая творчество подъ новыми вліяніями, дѣлались имъ съ ушедшими братьями сотнею разнообразныхъ путей въ сношеніяхъ, безчисленными звѣзьями никогда не прерывавшейся связи. Въ началѣ средневѣковой исторіи, первыми заводчиками Украинъ на огромномъ пространствѣ были Римляне, и имъ-то принадлежала съ одной стороны Украина Придунайская: съ другой, въ отпоръ имъ, стояли Славяне въ связи съ другими подходившими народами, — межи эти

*) То, что мы говоримъ въ «Замѣткахъ» о разныхъ Стихахъ, есть только часть нашего изслѣдованія, которое должно бы явиться въ концѣ изданія «Калкъ Перехожихъ», но доселѣ, какъ и все изданіе, не печатается за недостаткомъ средствъ.

приходивше именно на той дорогѣ, по которой, одна за другою, валили въ Европу толпы Азіатскихъ выходцевъ или двигались къ Югу полчища Сѣверныя. Атила соединилъ ихъ, въ томъ числѣ Славянъ, и сбилъ съ мѣстовъ межевья украины Римскія. Проходъ съ Сѣвера къ Югу, за Дунай, очистился: имъ двинулись вторично различныя вѣтви Славянскаго племени, восточнѣе такъ называемые Болгаре, западнѣе Сербы. Постепенно переходили они за Дунай, соединяясь тамъ съ остатками соплеменниковъ, проникая до предѣловъ Фракіи, въ Македонію, Эпиръ, Фессалію, Пелопоннесъ. Первые столѣтія, послѣдовавшія за IX и X-мъ вѣкомъ, были временемъ сложенія и возрастанія Славянскихъ государствъ за Дунаемъ, до XIV вѣка. Между тѣмъ какъ братья селились такимъ образомъ въ Византійскихъ областяхъ, на каждый шагъ ихъ впередъ, другая часть ихъ только что подходила къ Дунаю, оставалась по сю сторону его, образуя задній сторожевой и запасной полкъ для Задунайскихъ: черезъ нихъ-то Русь связывалась съ Задунайцами въ эпоху Христіанскую и при началѣ нашей исторіи. Болгаре, сновавшіе государство за Дунаемъ, особенно дорожили этимъ запасомъ своихъ родичей на Сѣверѣ, въ нынѣшней Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, частію Трансильваніи, и т. п., ибо этотъ запасъ съзади давалъ имъ постоянное подкрѣпленіе и выдерживалъ напоры вновь приходившихъ чуждыхъ племенъ. Весь этотъ край, въ ту уже отдаленную эпоху, въ VIII и IX вѣкѣ, могъ быть названъ Славянскимъ, только съ примѣсю остатковъ отъ другихъ народовъ и Римлянъ или съ временнымъ наплывомъ племенъ такъ называемыхъ Сѣверныхъ и Азіатскихъ. По теченію Дуная въ верхъ сидѣли Болгаре до самого Пешта и тѣмъ же путемъ шли Первоучители, неся грамоту, переводы и Евангельскую проповѣдь. Болгарскіе властители изъ за Дуная переселяютъ сюда изъ Фракіи и Македоніи множество подданныхъ Славянъ для подкрѣпленія однороднаго населенія. Съ Сѣвера спускается съ ними въ союзъ Русь, особенно поселенцы Тираса или Днѣстра, Тиверцы и Угличи. Святославъ проникаетъ даже за Дунай въ Болгарскую Прѣславу, по нашему Переяславль, и, хотя втянулъ Болгарь въ гибельную войну съ Греками, кончившуюся паденіемъ перваго Болгарскаго царства, но по сю сторону Дуная продолжался прежній порядокъ вещей. Русь Галицкая все болѣе и болѣе сближалась съ братьями Славянами: Ярославъ Осмомысль «поднялъ горы Угорскія (Карпаты и ихъ отростки) своими желѣзными полками,» «затворялъ» и конечно «отворилъ Дуною ворота,»

управляя судоходствомъ и сборомъ даней, «суды рядилъ до Дуная,» гдѣ до послѣднихъ временъ край раздѣлялся на «судства,» обруги, ткнувшіе къ одному суду. Не одинъ Боянъ, но и князи, «рыскали» въ эту «тропу Трояню,» по «Священнымъ путямъ,» «Зибевинъ,» «Троянову валу,» мѣстности, соединявшей память и о Троянѣ, и о Троянѣ-Велесѣ, и вѣроятно отчасти о Троянѣ цесарѣ. Въ такое-то счастливое время Болгаре и прочіе Славяне этого Преддунайскаго края усилились до того, что нашли средство, улучили минуту дѣятельно помочь родичамъ Задунайскимъ: предводимые Асьнемъ и Петромъ, они перешли рѣку, свергли иго Византійцевъ, низложившихъ первое Болгарское государство, воззвали къ жизни государство новое и второе, со столицей въ Тръновѣ. Съ тѣхъ поръ, до самого времени Турокъ, отношенія были таковы: за Дунаемъ Славянское государство, по сю сторону его области, въ братскомъ единеніи, въ родственной зависимости, иногда подчиненіи. Пусть край Преддунайскій, особенно со времени сбитыхъ Римскихъ крайнихъ или марокъ, сдѣлался водоворотомъ разныхъ племенныхъ вѣтвей и языковъ: отъ нихъ къ XIV-му вѣку уцѣлѣли лишь остатки, вспомнимъ остатки Готовъ. Пусть рыскали здѣсь потомъ Мадыры-Угры, Печенѣги и Половцы: съ ними боролось Славянское племя, искупая тѣмъ свободу Задунайскаго государства на Югѣ, силу слагавшагося государства Руси на Сѣверѣ. Нашествія варваровъ не могли совершенно вытѣснить Славянъ, ибо у нихъ подъ бокомъ были горы, куда всегда можно было укрыться и выждать, откуда спуститься послѣ; тѣмъ менѣе могла прерываться на долго связь обоихъ береговъ Дуная, часто перерѣзанная, но постоянно всегда потомъ воссоединяемая. Сквозь самый густой слой промежуточныхъ враговъ можно было всегда прорѣзываться: примѣромъ наши князья, нашъ Святославъ. Только въ XIII-мъ вѣкѣ разрывъ былъ долговременнѣе: влною были Татары, проникшіе даже за Дунай. Тѣмъ болѣе сила ихъ разыгралась передъ Дунаемъ, въ краю, о которомъ идетъ дѣло: все, что могло изъ Болгарскихъ Славянъ, Руси и такъ называемыхъ Волоховъ (въ частномъ значеніи, какъ остатковъ Римскихъ поселеній; въ общемъ смыслѣ или это простиралось на вѣсьхъ поселенцевъ края), все скрылось въ Карпаты; все оставшееся поддало тяжкому игу. Но, выждавши время, бѣглецы подъ знаменами Угровъ вытѣснили Татаръ отъ Дуная, сошли съ горъ, возстановили прежнія поселенія, соединились здѣсь съ остатками Волоховъ, Болгаръ и Руси

(имя *Руси*, *Русь* доселѣ хранится здѣсь во многихъ мѣстныхъ названіяхъ). Тогда, въ особенности съ начала XIV вѣка начинается самое блестящее время Преддунайскаго Славянскаго государства. Между тѣмъ, съ самаго утвержденія приглашенныхъ Византійю Турокъ въ Фракіи и Адрианополѣ, оттуда потекли снова толпы Славянъ къ своимъ родичамъ за Дунай, то есть, глядя съ нашей точки, по сю сторону Дуная. Когда же царство Болгарское, а за нимъ и Сербское, пало за Дунаемъ во второй половинѣ XIV вѣка, уступивши не столько мечу Турокъ, сколько собственному раздору и разложению, тогда толпы не только изъ Забалканской Фракіи, но также изъ Македоніи отъ Родопъ, а послѣ изъ Предбалканья, одна за другою придвинулись къ Дунаю, перешли его, нашли спасеніе между родичами по сю сторону Дуная. То были или бѣглецы, или отступавшіе къ Дунаю герои, сохраненные послѣ въ былинахъ. Оставшіеся подпали игу, извѣстному доселѣ, не истребившему однако же ихъ народности: отступавшіе дорого продавали каждый шагъ свой. Впрочемъ, упорная борьба, сохранившаяся памятью и въ творчествѣ былинъ, велась лишь въ гористой Македоніи да въ Балканахъ и ихъ отрогкахъ: какъ скоро Турки прошли Балканы, они могли уже, по причинѣ пологой мѣстности, почти безпрепятственно дойти до самаго Дуная. Потому первая и собственная Крайна или Украина для Турокъ и Славянъ Болгарскихъ образовалась по Дунаю: въ обширномъ смыслѣ шла она отъ Сербскаго Срема и Бѣлграда внизъ по Дунаю, и именно по сю сторону, хотя укрѣпленные города, во все время съ тѣхъ поръ до послѣдней нашей войны, попеременно переходили въ руки то однихъ, то другихъ, то Славянъ, то Турокъ; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ простиралась она отъ означенной межи до предѣловъ нынѣшней Малой Валахіи, образуя уголъ: одна сторона его прилежала къ Дунаю, вершина была при Ръшавѣ или Оршовѣ, другая сторона отъ вершины угла шла къ Сѣверу, противъ вторженія Турокъ со стороны Малой Валахіи и Трансильваніи, почти по границѣ нынѣшняго Темешскаго Баната. Съ одного краю, нашего, стояли на этой украинѣ Славяне, то есть Сербы и Болгары, первые по той сторонѣ угла, гдѣ память о древности сохранилась и понынѣ въ названіи Военной Границы Баната, вторые преимущественно по другой сторонѣ угла, противъ Валахіи и Трансильваніи, тамъ, гдѣ ихъ послѣ организовалъ Угорскій Сигизмундъ. Мы преимущественно имѣемъ въ виду Болгаръ: имъ принадлежала въ обширномъ смыслѣ

вся Подунайская линія или Украина отъ Рышавы до устья; по этой межѣ, въ одномъ государствѣ, жили они господствующимъ народомъ, съ остатками нѣкоторыхъ прежнихъ пришельцевъ и Римлянъ, съ нѣкоторой помѣсью Руси, въ дружбѣ съ Уграми, а иногда въ зависимости отъ нихъ. То была нынѣшняя Большая и Малая Валахія, часть Трансильваніи, Молдавіи, Буковина, нынѣшняя Бессарабія, въ позднѣйшее время перешедшая къ Руси изъ этого единства. Возвысившееся въ XIV-мъ вѣкѣ, послѣ сошествія изъ Карпатъ прежнихъ бѣглецовъ или скрывавшихся туда героевъ, а съ другой стороны послѣ значительнаго переселенія Славянъ изъ за Дуная, отступавшихъ или бѣжавшихъ передъ Турками, государство это въ полномъ смыслѣ заслуживаетъ имя Средне-Болгарскаго, разумѣя средину между древнимъ государствомъ Болгаръ за Дунаемъ и между послѣдними остатками тамъ Славянъ подъ игомъ Турокъ, между этимъ чаемымъ государствомъ новымъ; по времени же между XIV-мъ и XVIII-мъ вѣкомъ. Правители изъ Болгарской династіи Владиславлевичей, господствующій при дворѣ, въ судахъ, въ училищахъ, въ образованности Болгарскій языкъ, Кирилловская грамота, такъ называемыя Церковно-славянскія рукописи и потомъ печатныя изданія въ громадномъ обиліи и многія въ необычайной красотѣ, Правословіе съ Славянскимъ богослуженіемъ, и т. д., все это исторически оправдываетъ данное нами названіе. Только съ началомъ XVIII вѣка многія обстоятельства, соединившіяся вмѣстѣ, подрывли и рушили это государство: тогда же поднялась реакція Романизма, сдѣлавшая постепенно нынѣшнихъ Волоховъ. Такой краткій историческій очеркъ далеко не лишній для нашего дѣла: край, о которомъ идетъ рѣчь, между прочими именами, одно изъ главныхъ носилъ имя «Волошкаго,» по Юго-славянски «Влашки,» «Влашки;» украинна Подунайская—«краина, покраина, крайна Влашка, Влашка.» Всякій географъ и этнографъ хорошо знаетъ, какое множество здѣсь имепъ для мѣстностей, рѣкъ, городовъ и т. п., произведенныхъ отъ слова чернъ; Турки на весь край перенесли прозвище кара. «черный,» откуда это извѣстное, удержанное Славянами имя—«Кара-влахи,» земля или украинна «Кара-влашка, Кара-влашка,» примѣнительно въ частности къ Молдавіи—«Кара-богданска (отъ имени воеводы и династа Богдана).» Наконецъ сами воеводы или госполари носятъ то же прозвище—«Черни,» «Карз (напр. Радуль).» Пусть эти данныя, вытекающія естественно изъ нашего изслѣдованія, историкъ,

этнографъ или географъ объясняютъ по своему; мы стоимъ здѣсь на данныхъ народнаго творчества, а въ немъ, въ дальнѣйшее подтвержденіе нашего взгляда, встрѣчаемъ замѣчательнѣйшее явленіе: все, что въ древнюю пору, въ эпоху уже впрочемъ ясной исторіи, называлось въ обширномъ смыслѣ «Черно-Волошскимъ», въ творчествѣ Болгарскомъ носитъ имя Арапскаго, а сами «Черные Волохи» — имя Араповъ. Вотъ новая ступень, по коей «царство Арапское» или «Арапское» съ Сѣвера древней Греціи, отъ Македоніи и Фракіи, перешло уже по сю сторону Дуная, къ границамъ Руси. — Выглянемъ теперь на Сербовъ, которые еще болѣе уяснятъ намъ дѣло. Въ лучшее историческое время древняго Сербскаго государства, страны Придунайскія не играютъ относительно его важной роли: движеніе со всею пылостью завоеваній, постройкой городовъ, распространеніемъ Сербской гражданственности, идетъ на Югъ: но, хотя Дунай проникаетъ даже во Фракію и даже подъ Царьградъ, не говоря объ Эпирѣ и Фессаліи, главная дѣятельность, высшая ступень славы, блескъ государства, — все это сосредоточено въ такъ называемой Старой Сербіи, т. е. въ Верхней Мизіи и въ Македоніи. Здѣсь Сербы соединились тѣснѣйшимъ образомъ и съ Болгарами. Только послѣ несчастной битвы на Косовѣ (1389 г.) движеніе поворачиваетъ на Сѣверо-Западъ, какъ отступленіе, къ нынѣшнему Бѣлграду и Смедереву, на Дунай: тогда-то во всей ясности выступаетъ и съ Сербской стороны поминутное Средне-Болгарское государство, ибо, какъ сказано, съ теченіемъ времени перешелши даже Дунай, Сербы въ большомъ количествѣ примыкаютъ къ Украинѣ Придунайской, занятой Болгарами, составляя одну изъ сторонъ ея угла. Каждый шагъ земли въ этомъ отступленіи продавался дорого, и, гдѣ онъ останавливался, образовывалась Украина, пока не дошла она до Дуная и не получила знаменитое имя Дунайской, Волошской, въ былинахъ Арапской. Лицемъ къ лицу со Славянами, шагъ за шагомъ, подступали и Турки: это была Украина и для нихъ. Поеліку же въ числѣ ихъ, къ несчастію, шли во множествѣ и Славяне, и самъ историческій Марко Кралевичъ, то эта Украина воспѣта во множествѣ Болгарскихъ и Сербскихъ былинъ, при чемъ творчество становится то на той, то на другой сторонѣ, и, хотя не легко было становиться на сторонѣ Турокъ, но, такъ какъ здѣсь были также народные Славянскіе герои, то былины прикрывались ихъ именемъ. Вообще творчество близко отвѣчаетъ этимъ ступенямъ исторіи. Послѣ туман-

ных и отдаленныхъ преданій Придунайскихъ, отозвавшихся въ старшихъ былинахъ, въ эпоху Сербской высшей славы онѣ останавливаются болѣе всего на Старой Сербіи и Македоніи, на этой «честитой и славной Матедоніи,» какъ называется она въ пѣсняхъ. Главный герой и представитель сей эпохи, при ея переломѣ, Марко Краевичъ, вторую половину своей дѣятельности отдавшій Туркамъ, есть собственно герой Македоніи, а потому равно и Сербскій, и Болгарскій. Не мудрено послѣ того, что въ былинахъ о немъ и обо всемъ кругѣ обставлявшихъ его героевъ соединилось со Славянскими столько древне-греческихъ преданій: нѣкоторыя пѣсни о немъ, особенно Болгарскія, сохранили въ себѣ такіе прадревніе творческіе образы и съ таимъ отбѣскомъ мифовъ, что конечно могутъ пополнить даже кругъ древнегреческихъ сказаній (мы упомянули выше объ одной подобной былинѣ, битвѣ со Змией-Стихіей); отсюда же здѣсь черты изъ поэмы объ Александрѣ Великомъ. Въ эту-то именно эпоху, совпадающую съ эпохою славы такъ называемыхъ Черныхъ Волоховъ, являются въ былинахъ Маркова круга во множествѣ Арапы: ихъ находимъ мы во всѣхъ краяхъ, гдѣ доселѣ между Болгарами и Славянами живутъ нынѣшніе Волохи, за Дунаемъ на Югѣ; но еще важнѣе тѣ, кои принадлежали къ Волошской Украинѣ и Волошскому государству, глубоко отличные отъ Волоховъ нынѣшнихъ, коренные Славяне, преимущественно Болгаре, въ пѣсняхъ прикрытые именемъ Арповъ, замѣнившимъ имя «Черныхъ» Волоховъ. Любопытно замѣтить, что Сербы доселѣ прибавляютъ къ имени Болгаръ прозвище «прнь,» «Црни Бугарине;» а у всѣхъ прочихъ Славянъ «черный» есть символъ несвободнаго, раба, существа въ трудѣ развитія и т. п., откуда и у насъ «чернь,» «черные люди,» «черная земля,» противоположная «бѣлой,» и т. д. Если же въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, въ былинахъ Сербскихъ и Болгарскихъ, эти «Арапы» представляются во враждебномъ отношеніи къ героямъ, то виномъ отдаленности ихъ государства и украинъ, а еще болѣе, точка зрѣнія съ Юга, откуда, виѣсть съ Турками, шли герои эпоса на Стѣверъ къ Дунаю. Такимъ образомъ въ нѣкогда вышедшемъ нашемъ изданіи, куда для подробностей и отсылаемъ читателя, «Болгарскія Пѣсни,» 1855 г. (двѣ части), въ изслѣдованіи объ «Эпосѣ Сербскомъ и Болгарскомъ,» мы вскрыли присутствіе въ творествѣ Славянскомъ цѣлаго Царства Арапскаго, громадной области, съ которою мало дѣла для историка политическаго, но которая для творчества Сла-

вѣнокаго имѣеть величайшее значеніе и была до насъ не замѣчена, не объяснена ни однимъ Славянскимъ ученымъ. Такъ при Стоятъ Болгарскомъ, народномъ героѣ, отвѣчающемъ отчасти Марку Кралевичу, дѣйствуетъ злобный и коварный Арапче, посредникъ и доносчикъ, впоследствии наказанный. Современникъ Марка Дойчиль или Дойчиль борется съ Арапчиномъ, подступающимъ къ Солуню. Какъ Марко у врага Мусы находитъ, убивши его, три сердца, такъ въ Болгарской пѣснѣ Вѣлко или Вѣлко бѣется съ Арапче и находитъ ту же находку. Баязидъ въ Сербской былнитъ,—а нужно замѣтить, что въ ту пору и въ тѣхъ краяхъ боролись Турки только съ Татарами и Волохами, изъ коихъ первые конечно не идутъ сюда,—призываетъ Марка къ войнѣ «на Арапскую люту Покраину.» Именно султанъ этотъ воевалъ съ такъ называемыми Волохами; и любопытно, что Марка зовутъ въ то же время ближайшіе сосѣди и союзники Волоховъ—Будимскій король и Янко изъ Сибиля (Германштадта, Трансильваніи). Кралевичъ, въ службѣ султана, отнимаетъ у Араповъ «по морю города» до самаго Карла-оклана, т. е. вѣроятно «Чернаго океана,» Чернаго моря, а потому, представляется, идетъ въ битву за море, «преко моря.» Далѣе, онъ увозитъ дѣвушку отъ Араповъ, «съ Арапской покраины лютой;» спасается изъ темницы, какъ нашъ Потыкъ, дочерью краля Арапскаго; сидитъ у краля въ темницѣ «Азачкой,» гдѣ вѣроятно разумѣется Седмиградскій Hatzeg или Hacsag. Въ Болгарской пѣснѣ три матери сидятъ за столомъ и хвалятся сыновьями; но мать Маркова горюетъ: «Лучше бы, говорятъ она, откормила лизтъ и ящерицъ, а то сынъ мой заперъ Влашскую землю, поставивши тамъ семьдесятъ городовъ приморскихъ, а самъ сидитъ — пьетъ вино въ Стамбулѣ!» Между тѣмъ Марко отправился на свою Покраину, на тихій-бѣлый Дунай. Не пьетъ конь его студеной воды, не ѣтъ бѣлой пшеницы, роетъ копытомъ землю и глядитъ въ сторону Волошскую, а на вопросы Марка отвѣчаетъ: «Ты сидишь и не знаешь, а по ту сторону въ Волохахъ поднялся Али-ага съ войскомъ, съчетъ онъ старыхъ, илѣнитъ молодыхъ, дѣтей малыхъ конемъ топчетъ.» Герой перебродилъ Дунай, наказавъ Али-агу также точно, какъ нашъ Иванъ Годвиновичъ невѣрную, отсылая постепенно члены и приговаривая: «Больно? Такъ и мнѣ больно за землю Влашскую и Кара-богданскую (Молдавію)!» Такъ объяснилъ народъ отношенія Марка къ Туркамъ и Волохамъ, не въ сп-

лахъ будучи согласить представленію объ его молодечествѣ со службою у Турокъ противъ Волоховъ. А между тѣмъ съ этимъ же Аля-агой по другимъ ибъсиямъ герой совершаетъ подвиги въ Крайнѣ Волошской. Другой подвигъ на той же Крайнѣ совершаетъ Марко въ Никопѣ, т. е. конечно Никополѣ, известномъ тогдашнюю битвою Турокъ съ Волохами. Онъ щеть любезной, вилы даютъ ему знать: « милую нашли мы, сверетницу тебѣ и ровню, какъ горнаго ландыша два ровные стебля; на коня пусть Марко сядетъ, пусть ѣдетъ къ Дунаю; въ городѣ Никопѣ вдова молодая, сватается къ вдовушкѣ черныи Арапинъ. » Прибыль туда Марко, самъ хлѣбнуть вина пошелъ, въ корчму городскую, гдѣ черныи Арапинъ. Какъ увидѣлъ Марко, дрожь его пробрала: губа у Арапа очи закрываетъ, а другая, нижняя, браду застилаетъ, пьетъ вино Арапинъ, — чаша у Арапа три ведра вбирала (ср. Идолица и Тугарина). Единоборство ихъ начинается среди хоровода, вдовушка задаетъ загадки: какъ завидѣлъ Марка тотъ черныи Арапинъ, хороводъ оставилъ, кошемъ въ него бросилъ. Вдовушка Никопская говоритъ Арапу: « какъ сватають свадьбу, кровь не проливають! Оба вы другъ съ другомъ знатныи юзани; залогъ положите, вотъ вамъ три дни время: отъ тебя хочю я, Дунай проводи мнѣ и пусти мнѣ рѣку край Никопы града; Марко пускай камней кучу накладетъ мнѣ, чтобы эта куча облаковъ достала (ср. выше загадки). » Такъ сказала вдовка, а сама въ коляскѣ домой воротилась. Собираетъ Марко кучею каменья. А черныи Арапинъ послалъ триста плѣнныхъ, Дунай проводилъ бѣ по краю Никопы. Марко, король Марко каменья собираетъ; мало оставалось достать имъ до облакъ, — прибрались каменья. Марко королевичъ за Дунай пустился, во Влашскую землю, припести послѣдній камень, наложить верхушку (ср. выше « градаря »). Вотъ ильветъ назадъ онъ, черезъ рѣку съ камнемъ, — вѣсть къ нему приходитъ: « Скортѣи, скортѣи, Марко! Вдова изъ Никопы съ Арапинномъ чернымъ въ узорчатыхъ горнищахъ вино пьютъ кипучее. » Марко бросилъ камень, схватилъ свою саблю, очутился Марко въ горнищахъ у вдовки. — глядитъ во свѣтлицѣ сидитъ Арапъ черныи, въ рукѣ его чаша со виномъ кипучамъ, сидитъ на колѣняхъ Никопская вдовка. Марко разъярился, поскѣкъ ихъ обонхъ, спихнулъ грудю камней, сълъ на воронаго и вернулся Марко въ домъ свой, въ городъ Прилтѣпъ. Зѣкъ не у мѣста было бы распространяться, какъ отнесется это и подобныя сказанія о Маркѣ къ поэмѣ о Саломонѣ въ разныхъ ея

развѣщеніяхъ: мы, отчасти упростили: какъ, его собственное имя, подобно Чащеному «Марку», относится къ Гераклу и Мелкарту, какъ оиъ связывается характеромъ съ Ахилломъ, конешъ съ Александромъ Македонскимъ, неистомо съ Роксаномъ; самое имя его, «кравъ (у Болгаръ)» и «кравеличъ», пошлою къ царю Александру и Саломону. И т. п. Это можетъ быть предметомъ особаго исследования. Наконецъ, по одному изъ преданій, Марко умираеть «въ землѣ Влашской, въ Крайиъ» со стороны Болгаръ, въ Крайиъ Неготинской при Дунаѣ со стороны Сербовъ: его убиваетъ Мирчѣ или Мирча золотою стрѣлою въ уста, знаменитый герой возникшаго тогда Волошскаго государства, дѣйствующій всюду во главѣ Крайишниковъ, и въ Сремѣ, и въ Българѣ, и при Ровинахъ, и въ Силистріи, и въ Никонодѣ, гдѣ противъ Турокъ раздѣлялъ плачевную участь Спигимунда. Онъ додалъ такой страхъ во всемоу Дунаю своими побѣдами, что Южннй Славянинъ иеть до сихъ поръ, какъ Марчета довода мутить Дунай, болу такую. Разумѣется, Волоковъ или этихъ Аравовъ занавали и вездѣ, гдѣ были враги Турокъ и вѣстѣ Марка, тѣмъ болѣе, что поселенія нынѣшнихъ Волоховъ приходятся на попришѣ дѣствій Марка, на Югѣ за Дунаемъ: потому Марко дѣйствуетъ также противъ Арапа, который отъ примѣря грозилъ Царьграду, или освобождаетъ Косово отъ «Арапа прекоморци (Заморанина, ср. выше).» Но Дунайская вѣтвистость настоящихъ Аравовъ, Славянъ, переселившихся изъ Фракіи и Македоніи, выдѣляется особенно, и, когда, мы говорили, въ свѣдѣ за шагами исторіи, Сербы воротились къ Дунаю, возникаютъ по былинамъ во всемоу бласкѣ. Здѣсь разнагрался цѣлый особый кругъ эпическихъ сказаній, опредѣлившіяся для Сербскаго и Болгарскаго творчества въ XIV—XV вѣкѣ, но прижикушія къ древнѣйшимъ Придунайскимъ Славянскимъ преданіямъ, со множествомъ чертъ еще мнѣрлотическаго свойства. Когда на будъ при случаетъ вложимъ мы этотъ замѣчательнѣйшій эпизодъ творчества въ его обще-славянской связи и въ отношеніяхъ къ нашимъ остаткамъ эпоса Придунайскаго и Черноморскаго. Пока упоминаемъ толькою Сербскихъ Яшилахъ, изъ нынѣшнего Българскаго округа при Дунаѣ, енихъ братьяхъ разнаго явела, что образамъ своимъ, то Древнихъ Диоскурахъ и разныхъ греческихъ двенцахъ, то нашихъ Семя Семіонахъ. Между прочимъ, однажды въ отсутствіе ихъ, ограбили у нихъ Българѣ и увезли сестру ихъ «црн и юраци» и черные волосы,» герои; въ ибоню илате: оиъ:» прямо

вдоль по Дунаю,» «въ землю Арапскую;» начальнику враговъ— Арапъ-ага: по убиеніи его, сестра Якшичей просить по крайности оставить ей въ живыхъ сына — «Араиниче черно,» «чернаго Арапчика.» При дѣлѣжъ ихъ между собою Дмитрій Якшич беретъ себѣ «землю Каравлѣшскую и Карабогданскую» съ Банатомъ, т. е. государство Волошскихъ и тамошнюю Украйну, а въ другихъ мѣстахъ тотъ же дѣлѣжъ происходитъ между Чернымъ Радоломъ и Мирчетой, Волошскими героями XIV вѣка. Имя Арапа, по его двусмысленности, переходитъ послѣ и на всѣхъ враговъ Славянскихъ, даже на Турокъ, особенно послѣ того, какъ они овладѣвали бывшими Славянскими Украйнами: Сербскіе хайдуки, на примѣръ старшій, Новакъ, бьются съ притѣнителемъ Арапинюмъ; торговецъ Вошичъ находитъ себѣ измѣнника и врага въ «черномъ Арапѣ,» и т. п. Не лишне прибавить, что двусмысленность, или, лучше, крайніе предѣлы цвѣта, которые видѣли мы, на примѣръ, на древнихъ антиподахъ, то освѣщенныхъ блескомъ солнца, то загорѣлыхъ и черныхъ, отданныхъ ночи, а равно обоюдность сторонъ, на которыхъ попеременно пошѣщалось сознаніе, все это дѣлало не только древнія лица, но и цѣлые древніе народы, то бѣлыми, то черными. Въ примѣненіи къ «Арапамъ» дѣйствительнымъ, здѣсь вѣроятно имѣло мѣсто и различіе ихъ между жителями Аравіи и Африки, а равно бѣлая ихъ одежда при смугломъ или черномъ лицѣ. Когда же послѣ прикладывали имя Арапа или вообще Чернаго къ разнымъ лицамъ и существамъ для выраженія исконныхъ представлений, то сталкивались часто съ противорѣчащей дѣйствительностью, гдѣ эти Арапы и Черные на самомъ дѣлѣ являлись бѣлыми. Такъ, мы видѣли, наши Калѣки, какъ Пилигримы и Чернецы, представлялись черными, носили Арабское-Сарачинское платье, а между тѣмъ платье это рисуется «бѣлымъ» и у нихъ самихъ «руки бѣлыя,» «грудь бѣлая» и т. п. На оборотъ, у пораженного врага, когда его начинаютъ взрѣзать, хотя онъ и бѣлый, на примѣръ «Бѣлъ Борисъ Збуть Козловъ,» оказываются «грудь черная (Кир., вып. 4).» Такъ и въ Сербскомъ эпосѣ у Араповъ-Волоховъ поминаются «бѣлая» руки. Наконецъ — замѣчательно — въ каждую нашу войну съ Турками, какъ только мы за Прутъ и къ Дунаю, въ народѣ распространяются слухи и сказанія о страшномъ врагѣ «Бѣломъ Арапѣ.»

И такъ вотъ цѣлое Царство Арапинское или Арап-

скок, указывающее имя и въ творчествѣ, и въ дѣйствительности, и въ исторіи путь перехода отъ древней Фракіи, какъ посредство между нею и предѣлами исторической Русіи. Для окончательнаго убѣжденія взглянемъ на имена этого Царства, принадлежащія исторіи и соответствующія представляею « Черныхъ » Волоховъ, « Арановъ » и вообще « Волоховъ, » связанныхъ именемъ съ Фракіи-скимъ Велесомъ, съ нашимъ древнимъ Велесомъ или Волосомъ, съ демоническимъ и эническимъ Вологомъ. Возьмемъ сперва имена житей важныхъ частей этого государства. 1) *Молдавія*: имя болѣе позднее, данное вѣроятно по рѣкѣ, или на оборотъ; Поляки называли этотъ край *Multany*, съ Волошскаго, т. е. *Montani*, « Горцы, » какъ и нынѣ *Горци* — часть Малой Валахіи при Карпатахъ. Болѣе древнее имя, по ивнью Венеліана, было *Угола*, переведенное послѣ въ *Буджакъ*: (ср. выше): но вѣроятно это была часть общей « Влашской » или « Волошской » Земли, « Влаховъ » или « Волоховъ. » Иногда, особенно въ пѣсняхъ Юго-Славянскихъ, отличается она прозвищемъ — земля « *Кара-богданска*, » « Черно-богданская (см. выше). » Столица *Съчава* (Сочава, Сучава), позднѣе перешедшая въ *Новы-градъ*, иначе *Яши* (Яссы). — 2) 3) *Буковина* и *Бессарабія* отдѣлены къ Австріи и Россіи въ самое позднее время: имя послѣдней еще увидимъ. — 4) *Трансильванія*. У всѣхъ Южныхъ Славянъ, живущихъ между горъ, страна гористая, горный хребетъ, а иногда и одна значительная гора, носятъ названіе — *Планина*, *Планинн* (*Полонина*): это совершенно то же, что у Латинцевъ, а потомъ у Романскихъ народовъ, *Alpes*. Такою *Планиной* были для Славянъ, насъ занимающихъ, *Карпаты*; исконное мѣсто ихъ жительства, потомъ убѣжище при движеніяхъ съ Дуная (испорчено изъ *Хрватты*, *Хрѣбаты*, хребты, откуда и вѣтъ славянская Хорваты, испорчено Кроаты). Потому, если со стороны земли Влашской и Молдавіи Болгарамъ приходилось перейти черезъ Карпаты и за Карпаты, въ ту восточную часть Венгріи, которая прилежала къ горамъ, то они должны были употребить выраженіе, какъ говорятъ и нынѣ, ити « *връко Планинн* » или « за *Планинн*. » Такимъ образомъ, восточная часть Венгріи была для нихъ *Запланиннѣмъ*, имя, какъ называютъ грамоты, « страна *Запланинска*, » *Запланинскѣ*; а для Молдавіи и Русскаго Подолья *Запланиннѣмъ* было все, что за Карпатами. На оборотъ, со стороны Венгріи, Теметскаго Баната и во-

ближе отъ тамошней подошвы Карпатовъ. Запланинъемъ была земля Влашская и отчасти Молдавія: эти страны, въ историческое время, и назывались по Латыши *Dacia Trans-Alpina* *). Далѣе, у древнихъ Славянъ вообще, у многихъ нынешнихъ и въ языкѣ Ц. Славянскомъ (древне-болгарскомъ) такого рода возвышенности называются *Горами*, отъ чего Запланинью и Транс-Альпийю отвѣчало бы *Загорье*. Но, съ теченіемъ времени, и досель, у Сербовъ (рѣже) и Болгаръ (постоянно) слово *гора* означаетъ лѣсъ по естественной поросли на горахъ: отъ того, для западной части земли Влашской и восточной части Венгріи, изъ коихъ каждая прилежала къ Карпатамъ, въ средневѣковыхъ лѣтописяхъ сквано было Латинское слово — *Trans-Silvania, Trans-Sylvania* (*Trans-silvanus* = *Trans-montanus*). Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, посредствующимъ представленіемъ были Карпаты, то имя Запланинской страны, и Трансильваніи перешло и на нихъ, означая такимъ образомъ: а) восточную часть Темешскаго Баната (въ Венгріи), прилежащую къ горамъ; б) таковую же западную часть земли Влашской (отчасти Молдавіи); в) горный промежутокъ между той и другой. Отсюда становится намъ понятно и названіе Венгерское, употребляемое также Турками и отчасти Славянами: *Erdély, Эрдейль* = лѣсистая = горная страна, отъ *erdő*, лѣсъ; у Трансильванскихъ Волеховъ *Ардякъ*. Откуда Нѣмцы взяли свое *Sieben-bürgen*, а Славяне перевели *Седмиградъ*, Седмиградія (и «Семь-горы»); мы упоминали догадку прежде. Здѣсь, повторяемъ, было пра-древнее, какъ думаютъ, мѣстожительство Славянъ; здѣсь они всегда находили убежище, здѣсь скрывались; отсюда всегда спускались къ Дунаю и отсюда въ XIV вѣкѣ вышли, чтобъ занять снова землю Влашскую в Молдавію, очищенную отъ Татаръ страны. Сюда принимала восточная часть Темешскаго Баната, гдѣ были пограничныя поселенія Болгаръ, организованныя Сигизмундомъ; сюда, съ другой стороны, въ самыя горы входили владѣнія Болгаръ изъ земли Влашской, съ вѣроизначальною частію, а изъ Молдавіи западную частію; отсюда, на-

*) Даже нашъ безсмертный Карамзинъ не зналъ еще этого простаго объясненія и, встрѣтивши въ титулѣ Молдавскаго Архіепископа, на Сидодаліиомъ Евангеліи, выраженіе «Ексархъ Плагинионъ» (*Ἐξάρχος Πλαγινίων*), объяснялъ послѣднее слово латинскимъ *plaga, plagia* (А. Д. Анзалъ еще лучше: отъ имени *Почепитовъ*). П. Г. Р., т. I, прим. 529. Спасибо Венюгану, который положилъ начала для всѣхъ этихъ объясненій.

конецъ; воеводства *Алмашъ* и *Фатарашъ* (изъ Алуть) состояли прямо подъ управленіемъ Болгарскаго; Волошскаго Воеводы. Потому понятно, что Болгарское Среднее Государство считало Трансильванію также въ числѣ *своихъ* областей. Но, такъ какъ, безспорно, во время выхода Болгаръ-Волоховъ изъ горъ и ихъ расселенія по Молдавіи и землѣ Влашской, въ горахъ осталось еще много ихъ соотечественниковъ и сильнѣйшее влияние на Трансильванію имѣли Угры; отсюда въ грамотахъ послѣдующаго времени Трансильванія называется часто «землею *Угро-Влахійскою*.» Поселенія Болгаръ остались въ этомъ краю доселѣ. Средоточіемъ главнаго, а потому и столицы въ собственномъ смыслѣ не было здѣсь съ самой древности, вѣроятно вслѣдствіе самаго мѣстоположенія, разбитаго горамя.—5) Главная, обширѣйшая и центральная страна Средне-Болгарскаго Государства получила гораздо уже въ позднѣйшее, новое время, имя *Валахія*, раздѣлившись на *Большую* и *Малую*. Слѣды этого частнаго дѣленія въ старину выражались именемъ, которое придавалось нынѣшней Малой Валахія—*Сѣвернское Банство*, т. е. Сѣверское, отъ Болгарской вѣтви Сѣверяиъ, съ главнымъ городомъ *Сѣвериноль*, позже *Кралёво*, еще позже *Краёво*, откуда и прозвание самого Банства «*Кралёвскитъ*,» «*Краёвскитъ*,» границу Банства отъ нынѣшней Большой Валахія составляла, какъ и доселѣ, Альта, Ольта или Алуга. Но, помимо этихъ частныхъ дѣленій и именъ, весь край, обнимаемый нынѣшнюю Большую и Малую Валахія, назывался переносно «*Землею Угро-Влахійскою*,» имя, принадлежавшее собственно Трансильваніи и отъ ней перешедшее также точно, какъ на оборотъ имя «*Заплатинья*,» «*Трансильванія*» переносено на самые Карпаты. Другое имя, ужь собственное, всему этому краю было — «*Земля Влашка*,» или просто «*Влашка*,» «*Влашка*,» или же «*Влахія*,» въ полногласной формѣ, особенно у Русскихъ — *Волошская*, *Волохи*; у Задунайскихъ Славянъ, съ приставкой Турецкаго слова, *Кара-влашка*, *Кара-влашка*, *Кара-влахи*, *Кара-власи*, и прочее, что мы видѣли уже выше. Хотя Молдавія и отличалась при этомъ именемъ *Кара-богданской*, но не всегда (см. выше), такъ что имя *Влаховъ* или *Волоховъ* въ обширномъ смыслѣ простиралось на весь край, обнимающій нынѣшнюю Большую и Малую Валахія, Молдавію, отчасти Трансильванію, Буковину, Бессарабію. Сюда же, и въ томъ же смыслѣ и объемѣ, относится поминутое имя *Земли*, *Царства*, *Украины* *Арановъ*. Въ болѣе тѣсномъ

смыслъ это была, говоримъ, мѣстныя Большая и Малая Валахія: вотъ главный представитель Средне-Болгарскаго государства, существовавшее его средоточіе, политическое выраженіе. При Дунаѣ шла пограничная черта или стража, Украина, Крайна, Покравина; Краишники переходили иногда и за Дунай, подъ предводительствомъ своихъ государей владѣя временно тамошними городами, на примѣръ Сялистрией; о связи съ Краишниками Сербскими и организаціи, введенной Угорскимъ Сигизмундомъ, объ Украинѣ въ видѣ большого угла; помнута выше. Главная столица была въ *Трговищтъ* (Трговищъ), иногда же переходила въ «городъ Св. Егорія,» *Герлицу* или *Гюрговъ градъ* (Дюрлево, Джурджево, Журжево, Журжа), а позднѣе утвердилась въ *Букурештъ*. Но было и еще имя цѣлому краю и странѣ: оно въ тѣсномъ смыслѣ также точно обнимало собою низменную страну, прилежащую къ Дунаю, отъ границъ Угорскихъ или, лучше, Темешскаго Баната, т. е. отъ Украины Болгарской, организованной Сигизмундомъ, и Оршовы до Серета и Галаца, на Сѣверѣ упиравшуюся въ Трансильванскія горы, отъ Молдавіи дѣлявшуюся Серетомъ. Въ обширномъ же смыслѣ это была весь край, выше нами обозначенный и тянувшій подъ одну власть господствующихъ Болгаръ. Имя, о которомъ мы говоримъ, есть главное, старшее и наиболѣе собственное, имя, появляющееся тотчасъ, какъ только Славяне заговорили сами отъ себя и о себѣ, а потому встрѣчающееся въ самыхъ первыхъ грамотахъ Средне-Болгарскаго государства, начиная съ XIV вѣка, и продолжающееся во все время господства Славянъ, до реакціи Романской или Волошеской въ нынѣшнемъ смыслѣ. Имя это—рѣшительное для нашего изслѣдованія: Б а с а р а б ѣ . Оно не только принадлежало краю, народу, но и самимъ государямъ, которые также именовались «Басарабами;» оно уцѣлѣло въ отдѣлившейся къ намъ «Бессарабіи.» Ученые доселѣ не объяснили удовлетворительно этого слова: послѣ нашего изслѣдованія нельзя сомнѣваться, что это одно и то же съ *Басаревъ* или *Басарей*, именемъ Фракійскаго Діониса, какъ Велесъ и Волосъ—имя Волоховъ; это *басара* и прочія слова одного корня, связанныя съ Діонисомъ, его служителями и служительницами, ихъ одеждою, ихъ правами, наконецъ съ поэмю о Саломонѣ въ имени, вѣроятно здѣсь образовавшемся, «Вирсави» и т. д. Вотъ ступень отъ древней Фракіи, перенесшая насъ не только къ Дунаю, но и по сторону его, въ Дакію, въ тотъ край, гдѣ несомнѣнно дѣйстви-

валъ Славяне подъ именемъ Даковъ (хотя и въ связи съ Гетами), гдѣ они боролась съ Траяномъ, приключивши имя его къ древнѣйшему имени Троица-Велеса, гдѣ наконецъ дѣйствовалъ и Адрианъ, перешедши поселенія съ одного берега Дуная на другой. Если бы справедливо было мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, обладающихъ позднѣйшею формою имени *Бес-* (Бессарабія), которые выводили его отъ известнаго народа *Бессовъ* (только уже конечно не Печенѣговъ, какъ думаютъ другіе), то это было бы только подтвержденіемъ нашему положенію: *Бессы*, народъ *Фракіскій*, при *Рилъ-планинѣ* (Родопъ), на лѣвомъ берегу Струицы или Струени (Стримона), вѣли своихъ царей; Римляне, въ началѣ нашего лѣтосчисленія, усѣвали ихъ покорять только на время; при Августѣ они всѣ возстали, поднятые жрецомъ *Діонисомъ* (Вакха) и поднявши Херсонесъ; послѣдняя побѣда надъ ними принадлежала Цезарю, и съ тѣхъ поръ славное имя ихъ замедляетъ на прежнихъ поселеніяхъ: съ тѣхъ-то поръ находятъ ихъ въ *Дакіи*, *Бессарабіи*. — Какъ бы то ни было, только для нашихъ читателей выигранъ цѣлый край, сопредѣльный уже исторической Руси и отъ устья Дуная переходившій къ *Карпатамъ*, а здѣсь къ *Галицкой Руси* и *Волыни*: вотъ одинъ изъ главныхъ путей для сказаній *Фракіскіхъ*, *Черноморскіхъ* и *Придунайскіхъ*, въ переходѣ къ древнѣйшему творчеству славянскаго народа, къ ея главному эпосу — *Кіевскому*, при началѣ уже положительной исторіи. — Кому не достаточно этого, тотъ пусть вспомнитъ роль не только *Чернаго* — *Ташаго* моря, но и *Сурожа*, роль рѣкъ, особенно въ устьяхъ, *Истра-Дуная*, *Тураза* или *Тираса-Днѣстра*, *Борисвена-Днѣпра*, *Тананса-Дона*, — самыя имена, связанныя съ древнѣйшими именами, самыя образы, известныя уже въ *Кіевскомъ* творчествѣ. Напомнимъ еще — знаменитый островъ *Егорія* на *Днѣпровскомъ* острову, мѣсто древнѣйшихъ языческихъ обрядовъ, сѣдалище доисторическихъ образовъ и мифовъ; *Тавричскій Корсумъ* и самую *Тавриду*; *требище Артемиды* при устьяхъ *Дона*; наконецъ еще болѣе знаменитую мѣстность *Тамани*: испорченное имя ея близко однако же къ «*Танайъ*» или «*Танантъ*», которую мы видѣли; если же вѣрно другое имя *Тамат-арха* и *Тамут-арха*, то здѣсь открылось вѣроятно лице *Финкійскаго Тамуса* или *Тамута*, тамоняго *Адониса*, одного изъ видоизмѣненій *Молкарта*. У насъ, какъ известно, это передѣлано и осмыслено въ *Тмутаракань*, гдѣ самыя слова — «*тма*», «*старакамъ*» сходились съ знакомыми намъ представленіями чер-

наго цѣбѣ или образѣи Тараихъшии, Тарамачицѣи, Саломонова, Кудрянскаго и Батшева. Поклоненіе Нергелю и Астарь или Астаръ (последній — Финикійскій), этой двойцы, въ которой богиня склонилась къ юности, въ тѣхъ явственно отношеніяхъ, которыя не разъ нами обрисованы, распространено по Сѣверному берегу Чернаго моря, запечатано знаменитымъ памятникомъ близъ нынѣшней Тамши; воздвигнутымъ царемъ Понта, на берегу одного изъ острововъ между рукавами Кубани, въ честь, какъ гласитъ греческая надпись, «могучимъ богамъ Авергелю и Астаръ.» Пусть видать здѣсь иныя — въ Авергелъ нашего известнаго Регла или Рьгла, а въ обонхъ Симарегла, Симарьгла, несомнѣнно двойственное, мужско-женское божество; позволительно видѣть здѣсь и другую двойцу, называвшуюся у насъ Артемидою и Артемидой (ер. выше): во всякомъ случаѣ Русская древность знала знаменитое святилище и истуканъ этого края, ибо оставила намъ память о томъ въ названіи Тмутаръ-кланского Болваня. И не только наши древніе князья рвались къ этой заветной цѣли ихъ подвиговъ, «ища Тмутараканя;» но вельѣ за нами стремилось и творчество, такъ точно, какъ Владимиръ шелъ къ Корсуню, богатыри его въ царство Идолское; герои нашего эпоса въ Кудрянское. Слово о П. И. всего лучше подтверждаетъ собомъ такое направленіе: то было съ точки Христіанской завоеваніе крайнихъ предѣловъ древняго язычества; съ точки исторической и народной — отношенія къ доисторическому началу, съ точки творческой — къ сказаніямъ и мнѣніямъ южной прародины, древнѣйшихъ поселеній. Это уже обратный путь Руси, отъ себя и для себя искавшей сближенія съ тѣми началами, изъ которыхъ она сложилась. Всеславъ князь, котораго помнили мы, какъ оборотня, «людемъ судише, княземъ грады рядише, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше до куръ Тмуторокана, великому Хрѣсови вълкомъ нуть прерыскаше.» По его слѣдамъ Игорь и Всеволодъ «два сокола свѣтѣта съ отня етола злата поискати града Тьмуторокана;» Дивь, остатокъ мифологической на землѣ Русской, зналъ, куда направлялся путь героевъ, зналъ свою кровную связь съ далекими языческими образами на Югѣ, и давалъ имъ знать, и предостерегалъ отъ завоевателей: «Дивь кличетъ врѣху древа (какъ «куръ;» рано будившій на Востокѣ), велитъ послушати земли незнаемъ, Влзъ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутора-

кощскій бльвомъ!» — Поэтъ такія посредниковъ, снго уже можно переходить отъ поэмы о Саломонѣ къ творчеству Кіевскому; чтобы покаты здѣсь слѣдовъ ея.

2) Возьмемъ для примѣра оказаніе рукописное, прикрывшееся именемъ Кіеван., а въ снгоидъ двѣ близка еще ороднбе съ поэмою о Саломонѣ, нн не смотря на складъ рукописнаго сочиненія, проникнутоя народными древнѣйшими преданіями, связанное съ нашимъ устнымъ творчествомъ: мы разумемъ известное по многимъ нашимъ рукописанъ, болъшею частію XVII вѣка, «Слово» или «Сказаніе» о Дмитрїѣ кушцѣ, закономъ пореклу Басарьгѣ (прозваніемъ Басарга); Кіевленнѣ (града Кіева),» в проч. Имя БАСАРЬГА или БАСАРГА конечно есть известное намъ Басарабъ, Басаревъ, Басарей и т. д. Если указываютъ здѣсь на личное прозвище, встрѣчающееся у насъ при историческихъ лицахъ (на прим. архимандритъ 1500 г. «Тихонъ Басарга,» Пынина «Очеркъ»), то это только вѣще намъ подкрѣпленія: значить, слово до того было известно въ древней Руси, что обращалось въ прозвища историческихъ лицъ. Это былъ кунецъ, очень богатый, «въ Руской земли, во градѣ Кіевѣ.» Въ одну поѣздку царъ Кіева, но другимъ отъ Царяграза (куда онъ ѣздилъ торговать); мораль на корабль, поднялась буря и носила корабль 30 дней и 30 ночей (ср. Синагрипа и Акура, спасеніе ихъ Николаемъ). Наконецъ «ицазану уврѣши издадеча градъ великъ,» по одному списку «Антіохія.» Пристали въ ирвстанъ и видать 330 (по другимъ 300) кораблей. Что такое? Встрѣчаютъ граждане и узнавъ, кто былъ Басарга, рассказываютъ, что «единая еси вѣры съ нами, Рускія;» только Богъ послалъ на нихъ «царя законопреступника, Елліноскія вѣры:» известно, что для сложившейся в крестившейся Руси, по выраженіямъ многихъ нашихъ памятниковъ, Елліноскій означало все поганое и языческое; вотъ шестое языческое Царство, Елліноское, окрасмшесея для Руси мрачнымъ цвѣтомъ послѣ ухода царъ той страны, когда она сдѣлалась отдаленною, когда въ нее уже ходили наши Кіевскіе богатыри (4-й вып. Кир.) и находили тамъ Илопица, Тугарина, въ самомъ Царьградѣ. Отсюда же походы подъ Царьградъ Вольги, гдѣ этотъ городъ замѣнилъ собою царство «Индійское.» Такому предстанленію: позднѣ способствовало и занятіе Царьграда Турбами, почему врагомъ Вольги являлся тамъ «Салтанъ.» Чтобы орглзентъ съ этимъ православіе Византіи, творчество прибрѣдаю къ раамымъ уловкамъ: на примѣръ Иломъ Скорошнтъ и Тура-

ринь «обнасильничая» Царьградъ, .попрали православіе и ввели поганую вѣру, какъ это они дѣлаютъ по нашимъ былинамъ и въ Кіевѣ. Такъ и здѣсь, вѣра была прежде православная, Русская, даже былъ патриархъ (см. ниже), но притѣснитель царь ввелъ свою Еллинскую. Потому бѣглая черта одной рукописи, будто Басарга шлылъ отъ «Царьграда,» заставляетъ насъ думать, что здѣсь-то и происходило дѣло по исконнымъ народнымъ представленіямъ; «Антиохія,» поминутая въ другомъ смислѣ, такой же, какъ Царьградъ, типическій городъ — сперва язычества, потомъ православія (тамъ также точно помѣщаются дѣйствіе наши Стихи; ср. 3-й вып. «Каз. Перехож.»). Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ не можемъ представить здѣсь другаго моря, поприца плаваній Басарги, кромѣ Чернаго. Еллинскій царь вѣруеть въ «бога Аполлона,» известнаго намъ Артемиды: у него вѣроятно было одно изъ помянутыхъ выше святилищъ, Артемиду и Артемидѣ, Авергею и Астарѣ, и т. п. Имя его передѣлано уже въ чисто-русскую форму: Смигдъ (такъ въ «Очеркѣ») или Несмивинъ Гордѣевичъ, Гордѣевичъ (примѣняясь къ этому словопроизводству, рукопись въ концѣ приводитъ выраженія: «отгадай загадку,» — слова самого Несмѣяна, — чтобы я (рки. «ся»), поганый, не смѣялся вамъ Христіаномъ;» слова его побѣдителя: «не смѣйси, поганой, намъ Христіаномъ,» и т. п.; въ нашихъ сказкахъ выводится «Несмѣяна Царевна,» оміа изъ невѣсть Ивана, добытыхъ тяжкимъ трудомъ; ср. Аван., вып. 6). Его окружаютъ между прочимъ «Ипаты, Тироны и Стратилаты,» черта, указывающая на известныхъ намъ героевъ Фракійской Гераклея. Граждане разназываютъ Басаргѣ, что этотъ притѣснитель «томитъ,» силою вынуждалъ къ язычеству и они уже отъ страха пожерли идоломъ. Одно изъ средствъ принужденія было таково: «не велеше намъ хлѣбовъ на торгъ печи и гладомъ морить насъ для своей вѣры,» а заперши другикъ въ темницы, «не велеть хлѣба печи на торгъ, дабы они гладомъ померли,» «не велеть хлѣба печи на торгъ, дабы гладомъ измерли.» Это уже черта историческая, известное дѣйствіе въ Царьградѣ Юліана Отступника, вслѣдствіе чего, уже спустя много времени по смерти, явился Феодоръ Тиронъ и спасъ Христіанъ Колюмомъ (какъ Егорій спасъ явленіемъ своимъ Прекрасную Лизавету). Куццамъ съ 330 кораблей, пришедшимъ для торговли, задавалъ онъ три загадки и, какъ они не отгадывали, приводилъ къ язычеству, а при

отказъ , засадилъ ихъ въ темницы и также запрещалъ для нихъ «хлѣба печи на торгъ.» Басарга было бѣжать: но корабль уже занятъ царскими стражами. Отсюда картина притѣснителя , задающаго загадки , совершенно одинакова съ исторіей Саломона , когда онъ является дитею на корабляхъ къ Давиду , дѣлѣ съ притѣсненіями Египетскаго царя Сенахерибу и Акуру , и т. д. «Купецъ же Дмитри взя дары вельми и поиде ко Царю... И приде купецъ Дмитри , и ста предъ царемъ , и рече купецъ ко царю: — Государь царь , Несмѣянъ Гордяевчъ ! Купчикъ (ср. о Саломонѣ «сынчикъ») пришло изъ Рускія страны , чтобы ты , государь , дары принялъ , а торговати велѣлъ во своемъ царствѣ всякимъ товаромъ.— И рече царь купцу: «буди , купче , объдати ко мнѣ (ср. объдъ у Давида) , а дары у тебя прииму.» Послѣ объда царь предлагаетъ свои обычныя условія , — отгадать три загадки , иначе въ Елминскую вѣру , иначе смерть , а товаръ царю. Басарга проситъ три дни сроку и въ горѣ , какъ гости корабельщики при Саломонѣ кашеварѣ , возвращается на корабль. Здѣсь вступаетъ образъ , извѣстный намъ изъ Сербской сказки о Саломонѣ. У купца былъ сынъ , семилѣтъ. Прислалъ отецъ , «а сынъ его играетъ на кораблѣ , на дрѣвцѣ (палкѣ) вѣдѣщкѣ , рукою за конецъ держитъ , а другою плеткою шибиваетъ , творящаяся (принимающая видъ , словно) яко на конѣ скакаше , якожъ дѣтемъ подобаетъ тако игры творити. И видѣ отца своего плачуща вельми и изнемогающа , и абіе дѣтище отложи игру свою,» выпыталъ у отца причину горести , утѣшилъ его обѣщаніемъ помочь и пословицей , «конь на рати познавается , а милый другъ у бѣды ,» или «а вѣрнъ другъ у бѣды , печали и напасти ,» сказалъ отцу , какъ Сенахерибу Акуру , — «возверан на Господа печаль свою и той ты прещитаешь ,» потомъ опять пустился играть какъ Саломонъ дитею : «и взявъ игру свою , и начать играти;» «и се изглагола (изглаголавъ) сынъ отцу своему , играше на кораблѣ.» Прошли три дня , пошли они вмѣстѣ къ царю , нужно было вывести древнюю , извѣстную намъ чашу : творчество эпическое представляетъ дѣло обманомъ , кражею , подобно чарѣ , спрятанной у Потыка. Мальчикъ попросилъ иить , царь подаетъ «чашу злату меду,» одну , другую , третью , а мальчикъ велитъ ихъ «скрыть въ вѣдра,» подъ тѣмъ предлогомъ , что царскій даръ назадъ не ворочаютъ. Начинаются загадки царя , до трехъ разъ ; каждый разъ , по непрежѣнному закону древняго представленія , ку-

идеть съ сыномъ, угощенные царемъ; возвращаются на корабль и снова приходяща. Царя загадка: «Много ли отъ Востоку и до Западу?» Эту загадку мы уже знаемъ, мачиния съ Акура. Ребенокъ отвѣчаетъ: «Ни мало, ни много. — день съ пощю; сонце вродеть въ кругъ небесный и отъ Востоку и до Западу единымъ днемъ; а ночью единою сонце прондетъ отъ Стѣра: до Юга.» Вторая: «Что днѣмъ десятая часть въ мѣрѣ убываетъ, а пощю днѣмъ десятая часть въ мѣрѣ прибываетъ?» Отвѣтъ: «Днѣмъ десятая часть сонцемъ воды усыхаетъ изъ моря, изъ рѣкъ, изъ озаръ; а ночью десятая часть въ мѣрѣ прибываетъ, занеже сонду зашедиу и не сіюшу.» Передъ третьею загадкою мальчикъ просить ороку, чтобы царь собралъ къ ней весь народъ на пазорище, чтобъ было передъ кѣмъ сказать. Это извѣстный сборъ народа, какой дѣлаетъ Саломонъ у врага передъ наступающей смертію: въ творчествѣ позднѣйшемъ это представляется обманомъ, для достиженія побѣды. Должна послѣдовать такъ называемая, знакомая намъ, «Царская смерть» или «казнь по царскому:» она и совершается въ действительности для стараго царя, врага, для юнаго же героя служить средствомъ побѣды. Царь въ назначенный день повелѣлъ проповѣдникомъ кликати по всему торговлю, и снисеся весь градъ на царевъ дворъ. Царь же сѣда на престолѣ своемъ среди двора своего, держа въ рукѣ своей жезлъ, а въ другой мечъ, хотя главу отѣщи купну, и сыну его, и рабу.» Или: «Проповѣдникомъ по всему граду повелѣлъ вопити, и снисеся весь градъ на царевъ дворъ, мужескій полъ и женскій, малѣи и велицыи, младенцы свои на рукахъ носяще, хотяще видѣти, что сіе чудо будетъ. Царь же сѣде на престолѣ своемъ въ царской одеждѣ, и въ нѣдѣ на главу свою положи, и жезлъ, и скипетръ, и мечъ въ рукѣ своей держа.» Вспомните, какъ по древнимъ языческимъ обрядамъ, въ глазахъ всего народа, среди торжества, всходилъ рабъ со всеми атрибутами царя на престолъ, обращавшійся для него костромъ: такъ долженъ погибнуть этотъ царь, — по представлению позантѣмъ творчества, — злодѣею захватившій власть. Сторона зла должна погибнуть въ «царской смерти», смерти «Царя города», Мелех-народ. Но мы знаемъ, что и юный побѣдитель есть нечто иное, какъ его продолженіе, только въ торжествѣ побѣды: и онъ долженъ войти на тотъ же престолъ и, какъ Геральдъ, прямо съ

костра перешедшей на престолъ небесной славы, также томъ долженъ смѣнить стараго царя. Въ творествѣ эпическомъ и эпическомъ дѣло это представляется обменомъ, по известному намъ закону, какъ бы вѣрствомъ, или загадкою, или судомъ-кризисомъ, в т. п. «И рече дѣтице ко царю: — Ты, царю, великъ еси, сѣдлани на престолахъ своемъ высоцѣ, и азъ есмь отрокъ младъ, стою у престола твоего: и азъ тебѣ спажю, и ты моляшь (моляшь) — «не дослышалъ!» И ты, царю: сѣяди со престола своего, да пусти мя, и азъ стану на престолъ твой, и дамъ ти одѣяніе свое, и жезлъ, и мечъ своими руками, и азъ тебѣ отгадаю. — Царь же, слышавъ отъ отрока, и ста во изступленіи ума своего, и оцѣпелъ на кости вѣро (картина, исходящая изъ самой глубокой древности; имаче жемчужна было представить этой произвольной передачи побѣды, уступленной старымъ началомъ и переданной новому «своими руками» какъ изступленіемъ или бѣшенствомъ: таково было изступленіе, наславшася Діонисомъ на враговъ. Наши слова *изступленіе*, *выйти изъ себя*, в т. п., выражаютъ собою образъ, какъ одно начало уступаетъ мѣсто другому, другое вступаетъ на его мѣсто, одно существо переходить совершенно въ другое: Такъ-то на одной и той же рельефной основѣ сознанія поднимались равныя начала, творческое торжествовало побѣду надъ слѣпымъ и старымъ, духъ вѣнчалъ торжество). И соступи со престола своего, и пусти дѣтице на престолъ, и дасть ему одѣяніе свое царское съ себя, и дасть ему жезлъ и мечъ своими руками: А рече въ себѣ царь: «Азъ его тѣшу, а что ему сѣсти (что ему знать); владому отротати!» Старое начало думаетъ, что все это шутка; но рукою прибавляетъ: «а не вѣдаеть, какъ Богъ даетъ власть комуждо хочеть!» Отрокъ возшелъ на престолъ какъ царь. По двору несся страшный шумъ отъ собравшагося народа, шель говоръ: «И рече дѣтице ко царю: — Повѣди молчати во дворѣ томъ народомъ! — И повѣлъ царь молчати: И бысть тишина велиа.» Минута по истиннѣ торжественная: среди этой глубокой тишины, въ этомъ молчаніи смертномъ, эту ночь свершится побѣда, воскресеніе, перерожденіе жизни, обновленіе вѣры, новое царство. «И возопивъ отрокъ великимъ гласомъ: — Ицаты, ии тироны, и князи, и обире, и вся люде граждани, мужие, ии жены, ии дѣвци! Въ котораго бога хочете вѣровати? — И возопиша вси люде единымъ гласомъ: «Хотимъ вѣровати во Свягую Троицу!» По-

мози намъ!» Дѣтище жь извлекаетъ мечъ свой и отсѣче главу царю, и рече ему: — Се ти моя третьяя отгадка! Не смѣйся, поганой, намъ христіяномъ! — » Дѣйствительно, мы знаемъ, такова и есть послѣдняя разгадка, принесенная творческимъ началомъ. Слова шумъ, снова повелѣніе молчать, и вопросъ о царѣ, и отвѣтъ: «Ты насъ избавилъ отъ лукаваго сего мучителя, ты у насъ и царемъ буди!» Тогда отрокъ воспѣлъ славу Богу, его промыслу и строенію. Слѣдуетъ на реченіе царя. Мы не разъ уже, по поводу Геракла, Таракашки и Ильи, говорили объ этомъ «нареченіи», которое дѣлается обыкновенно лицу предъ вступленіемъ его на особые подвиги: выраженное въ мнѣяхъ и знасть, оно соблюдается и въ обрядахъ, ибо таковы именно нареченія царей, духовныхъ сановниковъ и т. д., обыкновенно съ принятіемъ новаго имени или прозвища. Такъ и здѣсь, до воцаренія побѣдителя, рукописи все время называютъ его просто «дѣтищемъ», «отрокомъ» и т. п., не давая ни одного опредѣленнаго имени. Но въ теченіе подвиговъ имя вырабатывается и опредѣляется: употребляются выраженія—«о мудромъ и о благоразумномъ сынѣ его (Басарги) отрочати, добромудромъ смыслъ; » «о мудрыхъ словесехъ сына его; » «мудрую рѣчь (дѣтища), » «разумному отвѣту его, » «благоразумный отрокъ, премудрый, » и т. п. Потому, когда отрокъ воздалъ славу Богу за побѣду, народъ, въ первый разъ называя его, воскликнулъ: «—О милосердіе владычне! Много лѣтъ, государь нашъ новый, царю Борзо мыслиу! — И дивилася вси его великой мудрости и младости, и рече новыи царь Борзо мыслиъ,» и т. д. Или: «Люде же возопиша великимъ гласомъ:—Многа лѣтъ государю нашему, Борзо мыслиу Дмитреевичю!— » Если же «гласъ народа — гласъ Божій,» то это нареченіе совершенно равняется нареченію Геракла отъ Пифіи Дельфійской. Съ тѣхъ поръ и дагѣ употребляется уже собственное имя побѣдителя: Борзо мыслиъ, Борзо мыслиъ, Добросмыслиъ. Это точь въ точь соответствуетъ извѣстному прозвищу Діониса—*ἀγαθο-δαίμων* (особенно когда въ честь ему за каждымъ столомъ выпивался второй кубокъ): *ἀγαθο-*, добро-, *δαίμων*—духъ, мысль, смыслъ; ниже выводятъ отъ *δαίω*, «разрѣзать» и «раздѣлять,» другіе отъ *δαίμων*, «смысленный, » «смысленный, » kundig, erfahren. Такъ при заключеніи дѣла, совершеннаго божествомъ: но по происхожденію и началу, мы склоняемся видѣть здѣсь *δαίω*—«жечь,» *δαίωμα*—«горѣть,» то есть корень *δα-*,

являющійся въ нашемъ *Даж-богъ*. Это древній богъ, перешедшій съ одной стороны въ ирачнаго «бѣса», какъ представлялся «демонъ» Греку-Христіанину, а съ другой— у древнихъ Влжнновъ въ свѣтлаго ихъ бога: *ἀγαθός*, благой, добрый; *борзо-* передѣлано конечно изъ *добро-*, если не видѣть здѣсь древняго значенія *зимръ*, которое въ старину, а у Южннхъ Славянъ доселѣ, значить «борзого», «быстраго.» — Слѣдующія за симъ обстоятельства сказанія уже не такъ центральны и важны: однако же и здѣсь въ основѣ тѣ же древнѣйшія представленія. 1) Вопарившись, Добромысль велитъ сыскать «патріарха», который былъ заточенъ мучителемъ; вызываютъ его, торжественная встрѣча ему, и т. д. Въ историческомъ примѣненіи къ Царьграду и Юліану, это конечно епископъ, которому Фодоръ Тиронъ явился во снѣ, и возвѣстилъ спасеніе отъ мучителя; мы даже не отвергаемъ, что въ рукописяхъ XVII вѣка могло быть у Русскихъ примѣненіе здѣсь къ Михаилу и Филарету Никитичу; такою же послѣ вызовъ матери и родныхъ царя, встрѣча ннѣ, и т. п.: Но по древнѣйшей основѣ сказанія, патріархъ нумень былъ для новаго образа— вѣнчанія на царство. Здѣсь 2) является знакомый намъ рогъ, въ новомъ, т. е. еще не выданномъ нами, но на самомъ дѣлѣ въ древнѣйшемъ примѣненіи: изъ него помазуютъ побѣдителя (ср. Самуила и Давида). «И постави на немъ (патріархъ на Добромысль) рогъ ижеца древяннаго, и возкипѣ на немъ рогъ, и благослови его патріархъ на царство. И людѣ вси возкликнуша отъ мала и до велика:—Много лѣтъ государю нашему, новому царю, Богомъ вѣнчанному, Борзосмыслу Димитріевичю!—(ср. рогъ на головѣ побѣждавшаго Діониса и т. п.).» 3) За симъ слѣдовала жемальба. Побѣдитель долженъ былъ наследовать жену или дочь побѣжденнаго. «И повелѣ царь привеести Царицу прежняго царя, и рече ей царь:—Есть ли у тебя сынъ или дочь?—И рече Царица: «Нѣсть у меня сына, лише (лишь, только), о царю, дочь осми лѣтъ, красна и мудра велии (Прекрасная и Премудрая Василиса).» Но снѣ «поганья:» царь даетъ имъ сроку обдуматься, хотать ли въ новую вѣру, черезъ семь дней получаетъ согласіе, патріархъ совершаетъ «крещеніе,» потомъ вѣнчаются (ср. Потыка, крестившаго невѣсту или поповлавшаго, и потомъ сочетавшагося бракомъ).—Съ этимъ связано, какъ мы знаемъ, 4) примиреніе съ матерью, сестрами (въ нашихъ сказкахъ Еленюю, Анною), вообще съ родомъ: здѣсь, въ эпосѣ, выражено это вызовомъ ихъ

етъ родины побѣдителя (ср. примиреніе Дмитры съ Олихѣйцами, возведеніе Самелы на небо, и т. п.) 5). Здѣсь же въ послѣдній разъ и въ сколькѣ является отецъ побѣдителя, Басарга: въ времени воцаренія и торжества сымовнаго, онъ советъ устранился и до-
 вольствуется данными ему чиноу « боярина. » Такъ и должно быть, ибо старикъ, послѣ искушеній и страданій, переродился въ сына побѣдителя. — Потомъ 6) должно слѣдовать, мы знаемъ, освобожде-
 ніе узниковъ, изъ пѣны, темницы, пропасти, ада, мрака: здѣсь роль ихъ играютъ засаженыя мучителемъ кувцы съ 330 кораблей. « И приведеннымъ же ризъ бывшимъ предъ царя, и зря на нихъ царь, и удивися: быша убо лица ихъ аки земля, тѣло же ихъ прилежъ къ костемъ ихъ, власы ихъ обростоша до рау, браны ихъ яко стрѣлы по персемъ лежаща, отъ гладу и отъ маготы, и ризы ихъ распадошася. И восилахася царь, на нихъ смотрячи, и учреди (угостилъ) ихъ царь у себя по 3 дни, и радавъ ризъ иже-
 нія ихъ, и отпусти ихъ каждо во свою страну съ миромъ... Не-
 ведѣ же царь отъ темницъ замки снятъ отъ всѣхъ, а сѣдѣщая въ темницахъ, и въ заточенихъ, и во узахъ желѣзникъ, повелѣ царь всѣхъ свободити и милостину имъ дати доволну, и свободи всѣхъ. »
 Иди: « бысть лица ихъ аки земля, а власы ихъ отросаша до пояса, и ризы ихъ падошася, лежаща отъ гаду (лежаща, отъ гладу) и тѣсноты, а голоса ихъ яко пчелиныя, » и проч. (ср. Анура и освобожденныхъ Ильёу, Добрынею). — Отецъ умеръ, сынъ благо-
 получно царствовалъ. 7) « И по преставленіи своемъ приказа (при-
 казалъ, поручилъ, завѣщалъ) царство свое правити брату своему Кирьяку Дмитриевичю, а старшинство приказа дати своему Василью Кудрявому; » что же въ червонѣ имени, Кирьякуе угадетъ Акура или Аквра, сказаніе о коемъ кончается такъ же, а во второмъ Василья Кудрявонкаго, Кудрявонца? — Наконецъ, замѣтимъ, что въ опискѣ, бытшехъ у Караица, повѣсть эта передается отъ лица самого Басарги: восточнымъ Акура (изложенеіе наше сдѣлано по изданію двухъ списковъ въ « Пам. стар. Р. Лтер. » выд. 2). — И такъ, не смотря на то, что это сказаніе уже энцическое, рукописное, отъ лица сложившейся Руся и Кіева, мы видимъ въ немъ тѣ же « омологумена » Фракійскихъ мистерій Басарга, въ многахъ и потому эпическихъ образахъ, мпологумена и — такъ сказать (можемъ себѣ) — это-
 логумена.

3) Между тѣмъ это рукописное сказаніе, вмѣстѣ съ другимъ — «о плѣнномъ Половчанинѣ, » обличенномъ и послѣ спасенномъ отъ образа Николая, равно съ такимъ же помянутымъ сказаніемъ объ Егорѣ, состоятъ въ ближайшей и дословной связи съ тѣми Сказками, которыя привели мы въ «Зам.» къ 4-му выш. Кир. и которыя составляютъ прямой переходъ къ Кіевскимъ былинамъ о Потыкѣ. Последнія же, какъ не разъ отмѣчали мы въ частныхъ сближеніяхъ, суть только переиздѣвка основной, первобытной поэмы о Саломонѣ на Кіевскій ладъ творчества, среди исторической Руси. — За снѣмъ слѣдуютъ, по близости къ той же поэмѣ, какъ давали мы замѣтить, Кіевскія былины о Волгѣ, потомъ Княжескія о Романѣ. Эпизодами сходство оказывается въ былинахъ о Чурилѣ (инзоологическомъ Гермесѣ или Чурѣ; относительно владычя природы), Ильѣ, Добрынѣ, и т. д. По частямъ есть близкія черты и въ Новгородскихъ былинахъ, на примѣръ о Садкѣ, нами также указанныя.

4) Въ былевыхъ Сказкахъ, этихъ остаткахъ Черноморскаго и Придунайскаго эпоса, есть всѣ почти черты и образы, соответствующіе поэмѣ о Саломонѣ: только тамъ иногда въ другихъ, вообще же въ разнообразнѣйшихъ сочетаніяхъ, а лице героя, соответствующаго высшему образу Діониса, носитъ Фракійское имя сего послѣдняго, Эванъ, передѣланное въ Иванъ. Въ особенности мы укажемъ здѣсь тѣ сказки, гдѣ Иванъ, для побѣды надъ притѣснителемъ Царемъ и Царевною, достаетъ рожкѣ, отъ котораго всѣ смѣются и пляшутъ (ср., какъ онъ добываетъ Несмѣяну): героя въ наказаніе зарываютъ даже по плечи въ землю, но и тутъ онъ играетъ на рожкѣ, хохочутъ и пляшутъ окружавшіе, велѣвъ себя прежде для спасенія привязать кто къ деревьямъ, кто къ чему, пляшутъ и съ этими подпорками (ср. въ Кіевскихъ былинахъ свистъ Соловья, отъ котораго беретъ Илья Владиміра и княгню подъ мышку для безопасности). Наконецъ вынуждены освободить Ивана и отдать ему Царевну. Сказаніе это, вытекающее изъ мифовъ о Діонисѣ, дошло до крайней виѣшности образовъ, проникло во всѣ литературы, даже въ «Волшебную флейту.» — Мы здѣсь приведемъ одну Сказку, тѣсно связанную съ поэмю о Саломонѣ, съ прочими Сказками и вмѣстѣ съ Кіевскимъ эпосомъ (Аванас., выш. 6). Это Сказка о Балдакѣ Борисѣевичѣ: сравните выше Балду, вѣснаго веревку на чертей и воспѣтаго Пушкинымъ. «Во славномъ городѣ во

Кіевѣ, у царя у Владиміра собирались князья и боляре, и сильно-могучіе богатыри на почестной пирѣ. Возговорилъ Володиміръ царь таково слово: «Гой есте, мои ребята! собирайтесь, сокопляйтесь за единой столѣ.» Собирались за единой столѣ, въ полѣ сыта наѣдались, въ полѣ итѣя напивались, и возговорилъ Володиміръ царь: «Кто бы сослужилъ мнѣ службу великую: съѣздилъ за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ самому Салтану Турецкому, увести у него коня златогриваго, вышничка багроваго (?), убѣть kota бахаря, самому Салтану Турецкому въ глаза наплевать?» Выбирался доброй молодець Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ. У царя у Владиміра была дочь возлюбленная, возговорить она таково слово: «Гой еси мой батюшко, Володиміръ царь! хоша хвалится Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ, не сослужитъ ему этой службы! Распусти, батюшко, почестной пирѣ; поиди искать по своему граду по царевымъ кабакамъ млада Балдака сына Борисьевича, отъ роду семилѣтняго.» И послушала царь своей дочери, пошела искать млада Балдака сына Борисьевича, и нашла въ кабацкѣ — ешитъ подъ лавкою. Ткнулъ его носкомъ Володиміръ царь; отъ того Балдакъ скочилъ ото сна, какъ ни въ чемъ не бывалъ: «Гой еси, Володиміръ царь! къ чему меня требуешь?» На то отвѣчалъ ему Володиміръ царь:—Прощу тебя на почестной пирѣ. — «Не достоинъ я на почестной пирѣ итти: въ кабакахъ я запиваюсь, подъ ногами валяюсь.» Возговорить ему Володиміръ царь таково слово: — Когда на пирѣ зову, надо итти: есть до тебя нужда великая. — И посылаетъ его младъ Балдакъ сынъ Борисьевичъ въ кабака обратнымъ путемъ въ чердаки царскіе, «а я, да, скоро за тобой буду.» Оставался Балдакъ одинъ въ кабацкѣ, опохмѣлялся тутъ зеленымъ виномъ сколько требовалось, и пошелъ въ царю Владиміру въ чердаки бездокладно; крестъ кладетъ онъ по писанному, поклонъ ведетъ по ученому, поклоняется на всѣ стороны, самому царю въ особину: «Здравствуй, Володиміръ царь! на что меня требовалъ?» Отвѣчаетъ ему Володиміръ царь: — Гой еси, младъ Балдакъ сынъ Борисьевичъ! сослужи мнѣ службу великую: сходи за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ Салтану Турецкому, уведи у него коня златогриваго, вышничка багроваго, убей kota бахаря, самому Салтану Турецкому въ глаза наплюй. Бери съ собой народу—силы сколько надобно, бери золотой назнаи сколько хочется! — И возговорить младъ Балдакъ сынъ Борисьевичъ: «Ужь

ты гои еси, Володимиръ царь! дай миѣ силы только двадцать лѣтъ молодцевъ, а самъ я тридцатой буду (доселѣ это Кіевскій Властий Пьяница или Казимировичъ; отселѣ походъ къ Султану и прочее, какъ о Вольгѣ, о Саломонѣ, Иванѣ).» — Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; отправлялся младъ Балдакъ сынь Борисьевичъ во путь во дорожку къ Салтану Турецкому. Приноровился пріѣхать въ самую полночь. Вошелъ на Салтанской дворъ, увелъ изъ конюшни коня златогриваго, вышника багроваго, схватилъ кота бахаря, разорвалъ его на двое, самому Салтану глаза заплывалъ. А былъ у Салтана Турецкаго любимой садъ — на три версты: всякія древа въ саду понасажены, всякіе цвѣты произвѣдены. Младъ Балдакъ сынь Борисьевичъ приказалъ своимъ товарищамъ, двадцати девяти молодцамъ, весь садъ повалить-вырубить: а самъ досталъ огоньку, да тѣмъ огнемъ выжегъ все на чисто, да поставилъ тридцать бѣлыхъ тонкихъ полотняныхъ шатровъ. По утру равнѣшенько просыпается отъ сна Турецкой Салтанъ: былъ у него первой взглядъ на свой на любимой садъ, и какъ скоро взглянулъ — видать, что всѣ деревья порублены, повызжены, а стоятъ въ саду тридцать бѣлыхъ полотняныхъ шатровъ. «Кто такой наѣхалъ ко миѣ,» — думаетъ онъ про себя, — «царь ли, царевичъ, или король, королевичъ, или сильно-могучій богатырь?» Закричалъ тутъ Салтанъ громкимъ голосомъ своему любимому Пашѣ Турецкому, призываетъ къ себѣ его и возговорить таково слово: «Не благополучно въ царствѣ моемъ! Дождьдался я русскаго виновника (ср. Вольгу) — млада Балдака сына Борисьевича; а теперь наѣхалъ на меня царь ли, царевичъ, или король, королевичъ, или сильно-могучій богатырь, того не вѣдаю и какъ свѣдать не придумаю.» На тотъ совѣтъ выходятъ Салтана Турецкаго вольшья дочь (извѣстная притѣснительница, съ загадками и разгадками, а вѣсть склонная на измѣну и сочетаніе съ юнымъ героемъ) и говоритъ своему отцу: — О чемъ вы совѣтуете, а узмать не можете? Охъ ты батюшка, Турецкой Салтанъ! дай-ка миѣ свое благословеніе да прикажи выбрать во всемъ царствѣ двадцать девять дѣвицъ, чтобы лучше ихъ по красѣ не было, я сама буду тридцатая, я пойду въ тѣ шатры полотняные ночь почевать, и открою вамъ виновнаго. — И на то отецъ согласился, и пошла она къ тѣмъ шатрамъ съ двадцатью девятью дѣвицами: лучше ихъ по красѣ во всемъ царствѣ не было. Выходилъ къ ней младъ Балдакъ сынь Борисьевичъ, взялъ ее за бѣлыя руки и крикнулъ своимъ громкимъ

голосомъ: «Эй, вы, молодцы-товарищи! вы берите красныхъ дѣвицъ по рукамъ, ведите ихъ по своимъ шатрамъ и, что знаете, то и дѣлайте!» Переснажи вѣстѣ одну ночь. На утро воротилась къ Салтану Турецкому его большая дочь, говорить ему: — Гой еси, любезный батюшка! прикажи изъ бѣлыхъ полотняныхъ шатровъ вѣтъ тридцати молодцамъ къ тебѣ въ домъ прійти: я сама укажу виновника. — Въ тотъ часъ посылаетъ Салтанъ Турецкой къ тѣмъ шатрамъ своего любимаго Пашу, чтобы позвалъ къ нему, потребовалъ млада Балдака сына Борисьевича со вѣми его товарищами. Вышли изъ шатровъ тридцать молодцевъ: всѣ на одиныхъ лѣтъ, словно братцы родные, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ. И говорятъ послу таково слово: «Ступай назадъ, а мы за тобой скоро будемъ.» Младъ Балдакъ сынъ Борисьевичъ молвилъ своимъ ребятамъ: «Нѣтъ ли на мнѣ какой значки? осмотрите всего.» И оказалось на немъ: по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѣребрѣ. «Она хитра, а я разѣ того не разумѣю!» сказалъ Балдакъ и сдѣлалъ у всѣхъ своихъ товарищей такую же значку: по колѣнъ у ребятъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѣребрѣ; велѣлъ имъ надѣвать на руки перчатки: «Какъ заѣдемъ къ Салтану въ домъ, безъ приказу моего никто не сымай!» Вотъ пришли они къ Салтану въ домъ: выступаетъ его большая дочь и узнаетъ виновника млада Балдака сына Борисьевича. Говоритъ ей Балдакъ: «Ты по чемъ меня признаешь, по какимъ уликамъ?» Отвѣчаетъ Салтанова большая дочь: — Скинь-ка съ ноги сапогъ да съ руки перчатку: тутъ у меня (тебя?) значка положена — по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѣребрѣ. — «Развѣ у насъ такихъ молодцевъ не бываетъ?» И приказываетъ младъ Балдакъ сынъ Борисьевичъ своимъ ребятамъ: «Скидайте всѣ съ ноги сапогу, съ руки по перчаткѣ!» Какая значка у него, такая и у всѣхъ объявилась — въ покояхъ все осіало. А Салтанъ Турецкой былъ добръ милосливъ, на то дочери своей не повѣровалъ: — Врешь ты! мнѣ однихъ виновникъ надобенъ, а теперь по твоему всѣ тридцать оказались! — Приказалъ Салтанъ Турецкой: — Убирайтесь всѣ вонъ! — Это извѣстная намъ загадка — р а з л и ч и е молодыхъ или дѣвицъ. То же повторяется со второю дочерью: у Балдака золотые волосы, оказавшіяся и у прочихъ подъ шапками. — «Еще пуще запечалился-закручинился Салтанъ Турецкой; выходитъ третья меньшая дочь и хулить двухъ старшихъ сестеръ, а сама у отца напращивается: — Любезной мой батюшка!

прикажи мнѣ выбрать двадцать девять дѣвицъ, чтобъ лучше ихъ во всеи царствѣ не было : я сама буду тридцатая и узнаю тебѣ виновника. — По прошенью своей младшей дочери исполнилъ Салтанъ. Отправилась она къ тѣмъ же шатрамъ ночь почевать. Переночевали ту ночь, и пошли дѣвицы на утро домой. Посылаетъ Салтанъ за добрыми молодцами своего любимаго Пашу. Идетъ посолье къ бѣлымъ полотнянымъ шатрамъ, зазываетъ млада Балдака съ товарища въ палаты къ самому Салтану Турецкому. «Ступай назадъ, а мы за тобой скоро будемъ.» Возговорить млада Балдакъ сынъ Борисевичъ своимъ товарищамъ: «Ну, ребяташки! смотрите, нѣтъ ли на мнѣ какой знѣчки?» Вездѣ высмотрѣли, вездѣ выглядѣли — не могли найти. «Ахъ, братцы, видно я теперь погибъ!» И сталъ млада Балдакъ просить, чтобъ сослужили ему службу послѣднюю, раздавалъ имъ по вострой саблѣ и велѣлъ держать подъ одѣжею: «А какъ знакъ подамъ, руби во все стороны (отсекай почти точь въ точь съ позмою о Саломонѣ)!» Какъ скоро пришли они предъ Салтана Турецкаго, выступила его меньшая дочь, указала на млада Балдака: — Вотъ онъ виновникъ-то! Есть у него подъ пятой золотая звѣзда. — И по тѣмъ рѣчамъ означилась у него подъ пятой золотая звѣзда (это представляется обманомъ: но таковъ именно былъ юный богъ въ блескѣ своей славы). Высылавъ Салтанъ Турецкой изъ своихъ палатъ всехъ двадцать девять молодцевъ, оставлялъ одного виновника млада Балдака сына Борисевича, закричалъ на него громкимъ, зычнымъ голосомъ: — Какъ возьму тебя, на одну ладонь посажу, да другой прихлопну, — только мокренько будетъ! — Отвѣчаетъ ему млада Балдакъ: «Гой еси, Турецкой Салтанъ! Болзисъ тебя цари-царевичи, короли-королевичи и сильно-могучіе богатыри, а я семя лѣтній мальчишка тебя не боюсь: увелъ у тебя коня златогриваго, вышничка багроваго, убилъ kota бахаря, тебѣ, Салтану, въ глаза навлевалъ, а еще порубилъ-повыжегъ твой любимой садъ!» Осерчалъ Салтанъ больше прежняго, приказавъ своимъ служителямъ, чтобъ поставили на площади два столба дубовые, перекладни в кленовую, а на той перекладни три петли спотовили: первую шкловую, другую шкловую, третью лычаную; и давалъ знать по всему городу, чтобы все отъ малаго до великаго собирались на площадь смотрѣть, какъ будутъ казнить русскаго виновника. Самъ Салтанъ Турецкой садился въ легкую повозку, бралъ съ собой любимаго Пашу (это здѣсь посредникъ, ранний Та-

ракашкѣ) и меньшую дочь, чтѣ открыла виновника, а млада Балдака связали-сковали, у ногъ посладили, и поѣхали прямо къ дубовымъ столбамъ. Вотъ дорѣгою завѣлъ млада Балдакъ таковыя рѣчи: «Стану я загадки загадывать, а ты, Салтанъ Турецкой, отгадывай. Добро, конь идетъ: на чтѣ хвостъ волочется?» — Не дуракъ ли ты? — отвѣчалъ Салтанъ; — конь съ хвостомъ и на свѣтъ родился. — Не много проѣхали, говоритъ опять Балдакъ: «Переднія колеса конь вкзетъ, а заднія почто чортъ несетъ?» — Вотъ дуракъ! Наготово (ночти) до смерти съ ума сошелъ, въ словахъ завирается! Мастеръ четыре колеса сдѣлалъ — четыре и катятся. — Пріѣхали на площадь и вышли изъ повозки конь: развязали-расковали, повели на висѣлицу. Млада Балдакъ сынъ Борисевичъ перекрестился, на всѣ стороны поклонился и возговорилъ громкимъ голосомъ: «Гой еси, Турецкой Салтанъ! не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить?» — Говори, чтѣ такое? — «Есть у меня бѣтужишко подареньце, матушкино благословеніе — игральной рожокъ. Прикажи мнѣ при послѣднемъ времени поиграть въ него: себя потѣшить и зась повеселить.» — Играй, играй при послѣднемъ времени! — Млада Балдакъ заигралъ веселую, — у всѣхъ разумъ помутился: заглядѣлись на него, заслушались, позабыли, за чѣмъ пріѣхали; у Салтана языкъ не шевѣлится. Услыхали рожокъ двадцать девять мѣлодцевъ, зашли съ заднихъ рядовъ, и давай вострыми саблями народъ сѣчь. Млада Балдакъ до тѣхъ цоръ игралъ, пока мѣлодцы, его товарищи, не посѣкли весь народъ, пока не дошли они до самой висѣлицы. Тутъ млада Балдакъ сынъ Борисевичъ покниулъ играть и молвилъ Салтану Турецкому послѣднее слово: «Не ты ли дуракъ? обернись-ка назадъ, погляди: мои гуси твою шеницу клюютъ!» Салтанъ Турецкой обернулся — весь народъ побить, на землѣ лежитъ; только и осталось ихъ трое при висѣлицѣ: самъ Салтанъ съ дочерью да любимой Паша. Млада Балдакъ приказалъ своимъ мѣлодцамъ повѣсить Салтана въ петлю шелковую, любимого его Пашу въ цепьковую, а меньшую дочь въ лычаную. Тѣмъ дѣломъ свое окончили и отиравились во славнои городъ Кіевъ къ самому царю Владимиру.» — Послѣ нашего изслѣдованія, нечего уже объяснять черты этой яркой картины. Но замѣчательно, что здѣсь поэма о Саломонѣ, черезъ посредство сказочныхъ приѣмовъ, соединяется уже прочно съ Кіевскими быльями и лицомъ В а с и л я П ѣ я н и ц ы или

Казимировича. Действительно, онъ дьякъ, посолъ, грамотникъ, и т. п., т. е. известный намъ посредникъ, одинаковый съ Акуромъ, Тарашкою, или Тараканчикомъ, «дьячкомъ-выдумщикомъ,» Гермесомъ, въ заключеніи и торжествѣ близкій къ лицу самаго главнаго побѣдителя: только вспомните, что по былинѣмъ онъ выставляетъ въ побѣдители Добрыню, ему передаетъ окончательное торжество. Далѣе онъ Пьянца, преданный «питью забудущему,» Дионисову дару; на него перемесено въ Киевѣ имя Василья, горя известнаго намъ круга оказаній. Однимъ словомъ, со стороны Киева и Владиміра, онъ отвѣчаетъ и противопоставляется лицу нъ лице Батыеву Елтегѣ, Тараканчику, Дьячку-выдумщику, съ которымъ и борется или которому вышибаетъ глазъ (дѣлая его Киклопомъ). На путешествія его ко врагу вмѣстѣ съ Добрынею, гдѣ послѣдній рѣшаетъ задачи и загадки, а потомъ побѣждаетъ, нужно смотрѣть какъ на Киевское продолженіе или развитіе центральной Франійской поэмы о Саломонѣ. Но здѣсь черты отходятъ уже все далѣе и далѣе, передъ нами эпосъ Киевскій, сложившаяся Русь, мѣръ-народъ, исторія, Христіанство. Вести отождествленіе внутри этой области, значило бы злоупотреблять, или забывать ея特殊性, особенность, самостоятельность: она просвѣчиваетъ глубокую старину, но уже нъ новомъ и большею частію обратномъ положеніи.

Теперь остается намъ сдѣлать два главныхъ вывода. 1) При началѣ 2-го отдѣла этой статьи, гдѣ выставили мы передѣлку именъ и образовъ на Русскій народный ладъ или изъ одной эпохи нъ другую, изъ произведенія творческаго въ другое, и т. и., читатели конечно не могли иногда удержаться отъ улыбки. Но сохрани Богъ отъ улыбки сожалѣнія къ народу или наставленія ему, улыбки, свойственной только безцвѣтнымъ лицамъ нашей мнѳографіи. Самыя опіибки этихъ народныхъ пріемовъ, какъ замѣчали мы, нерѣдко еще сильнѣе будятъ въ народѣ творческую силу и, вмѣсто ожиданнаго какого нибудь образа испорченнаго, позднѣйшаго или слабѣйшаго, съ избыткомъ вознаграждаютъ насъ гораздо древнѣйшимъ и существеннѣйшимъ. А помимо опіибокъ, сколько остальныхъ именъ, названій, выраженій, по видимому испорченныя, открыли намъ сторонъ глубочайшихъ, серьезнѣйшихъ! Вы видите перетасовку народныхъ созданій: а перетасовка двухъ-трехъ выводитъ вамъ старшее и высшее, откуда всѣ они истекли; встрѣчаете въ устной передачѣ по видимому искаженіе рукописи: а обазывается, что сама эта рукопись только записываетъ устное сказаніе.

заніе и нерѣдко портить его во сто разъ болѣе, чѣмъ тысячелѣтній перелетъ изъ устъ въ уста; на оборотъ, образъ устнаго творчества, кажется, зашелъ далеко, даже опоздѣлъ, примкнулъ къ обиходной дѣйствительности: а между тѣмъ изъ рукописи, ему отвѣчающей, усматриваете, что онъ вѣренъ сущности и только пошелъ далѣе въ силу законовъ исторіи; мнитесь вамъ, вотъ-вотъ заняли мы у иностранцевъ: а между тѣмъ они у насъ, ибо наше старше и цѣльнѣе; у нихъ сказаніе давно издано: да и наше по моложе, ибо не издано, а живетъ живымъ преданіемъ; передѣлано Греческое слово: потому, выходитъ, что корень его равенъ со Славяно-русскимъ; оно осмыслено на свой ладъ: но оказывается, что осмыслено и Греческое, а доисторическое начало обоямъ равно присуще; то же съ иными, образами, лицами, выраженіями, — какъ будто мы иногда заняли у Грековъ: нѣтъ, они рассказываютъ о томъ, чтѣ было и у насъ; они цвѣтнѣе въ творествѣ, они выспяютъ наши зачатки: за то и мы пополняемъ ихъ своими чертами; нашли мы Византійскую рукопись, близко подходящую къ нашимъ устнымъ или вообще народнымъ сказаніямъ: не смѣшите утверждать, что это занято нами, переведено, унесено, — Византія есть послѣднее звѣно древняго Оракійскаго развитія, на почвѣ Оракійской соединившее и выразившее элементы и Восточные, и Эллинскіе, и Древле-Славянскіе; наконецъ, не рѣдко выставляется что-то несходное съ Христіанствомъ, готова разразиться борьба: усматриваемъ, что это только ступени единаго развитія, тѣ же по источнику образы, хотя и въ обратной постановкѣ, не язычество въ собственномъ смыслѣ, — а народность, не Христіанство въ его абсолютномъ значеніи, а его воспріятіе Народностью; съ другой стороны, Языческое порою крайне сходно съ Христіанскимъ, Христіанское съ Языческимъ: не соблазняйте до отождествленія, ибо часто разстояніе между тѣмъ и другимъ есть разстояніе тысячи лѣтъ развитія, разстояніе зеркала или образа и дѣйствительности, человѣческаго Сознанія и Откровенія, Міра и Божества, исторіи во времени и вѣковой сущности. — И т. д. И т. д.

2) Существеннѣйшее приобрѣтеніе, которое мы выносимъ изъ нашего изслѣдованія, есть различіе слоевъ въ многочисленныхъ слоевъ не только въ самомъ народномъ творествѣ, но и въ предшествующей ему жизни народнаго сознанія. Отъ самыхъ внѣшнихъ, положительно-историческихъ образовъ восходимъ мы къ отдаленнѣйшимъ мнѣмъ, къ представленіямъ сознанія, къ сознанію въ немъ самомъ, въ его

доисторической реальности, и обратно, оттуда ведет нас духъ къ организму, къ плоти и крови, къ самой виѣшней оболочкѣ. Это то самое, по принятому намъ выраженію, **РАЗЛІЧЕНІЕ ВИДОВЪ БЫТІЯ**, которое столь трудно было добывать человѣку съ самаго начала развитія, которое досталось путемъ тяжкихъ подвиговъ, сказалось въ тысячѣ постепенныхъ мифовъ и образовъ эпическихъ. Но это столь же необходимо изслѣдователю нашей области, какъ вездѣ необходима раздѣльность мышленія, въ его раздѣльныхъ моментахъ, ведущихъ къ цѣльности воззрѣнія и сужденія, какъ необходима раздѣльность самого реальнаго сознанія, чтобы дойти къ цѣльности духа. Не скроемъ, какъ это трудно для насъ самихъ, не заблуждаемся касательно того, какъ много и много ошибокъ вкралось вѣроятно на пути нашемъ или вырвалось поверхностныхъ выраженій: но—мы пролагаемъ дорогу, мы водимся непреклоннымъ убѣжденіемъ въ истинѣ, на сколько сознаемъ ее. Потому, съ самаго начала нашихъ «Замѣтокъ,» когда мы только что подводили читателя къ дѣлу, только приготавливали его, мы неуклонно стояли на почвѣ виѣшной исторіи, эпической области, творчества Кіевскаго, и только порою бросали слабый просвѣтъ впередъ или касались легко игры внутреннихъ струнъ, сложившей чудную гармонію нашего устнаго творчества. Мы, не смотря на окружавшіе дикіе крики, не видали мифологіи, отрицали ее: ибо ей не было въ томъ словѣ, на которомъ останавливали мы читателя. Мало по малу перешли мы и къ мифологіи, и, надѣемся, уяснили ей начала въ прииженіи къ Руси не слабѣ другихъ опытовъ. Но и здѣсь, спѣшимъ предупредить, мы не изслѣдовали самой мифологіи вообще или мифологіи Русской: мы только коснулись ее, для объясненія эпическаго творчества. Какъ ни ярки выставленные намъ образы Славяно-русскаго Гермеса и Діониса,—мы смотрѣли только сквозь призму эпоса, по лицамъ его героевъ, по жизни и обстановкѣ ихъ среди области совѣтъ не мифологической: о томъ же самомъ, но въ области мифологіи какъ особаго предмета и науки, многое можно сказать обширнѣе и подробнѣе, многое должно совѣтъ иначе, многое сократить или сѣзуть. Вспомнимъ, на примѣръ, что мы не коснулись Гермеса Черноморскаго, что мы не видали Діониса Малоазіатскаго, въ его отношеніяхъ къ «Матери боговъ» Куветъ, нашей Кувадъ, въ этой, хоть бы Фригійской, формациі, тѣсно связанной съ Фракійскою и перешедшей къ Руси даже до нынѣшняго часа въ «Иванъ-Кувадъ.» Повторяемъ, наше дѣло доселѣ было только —

указать эти слои и их различие: как бы ни горячились наши критики—Пушканы, они съ нашей легкой руки заговорили уже о ростъ народнаго творчества, о потребности сюда направить современное изслѣдованіе; они до того успѣли уже присмотрѣться къ нѣркамъ этого роста, вѣхамъ этого пути, нами разставленнымъ, что сочли ихъ собственною находкою, отъ Старшихъ Богатырей до младшихъ вырождковъ Кіевскаго эпоса, впервые нами названныхъ, впервые сопоставленныхъ съ остатками творчества глубочайшаго, доисторическаго. Такъ, не нашими словами, а невольнымъ призваніемъ этихъ самихъ, новѣйшихъ Пеносевъ, Ликурговъ и Орфеевъ, высказанъ судъ старой наукѣ о нашемъ народномъ творествѣ, наукѣ сдѣлавшейся нынѣ уже старою, дождавшеюся кризиса, обреченною на гибель. Только собственною гибелью, растерзанными мѣтадами, прошедшіе сквозь смерть и самоуничтоженіе, выйдутъ эти quasi-науки и quasi-умы изслѣдователей, доселѣ господствовавшіе, къ началамъ новымя. Желалемъ, чтобы обращеніе ихъ было искренне и сознаваемое, что пришла пора антиквировать ихъ устарѣвшія научныя слабости. Въ самомъ дѣлѣ, что представляла доселѣ эта область, называемая изученіемъ народнаго русскаго творчества — не въ честныхъ труженикахъ или скромныхъ изслѣдователяхъ той-другой частности, всегда достойныхъ и сдѣлавшихъ много дѣльнаго, — а въ громкихъ представителяхъ, толсто-томныхъ сочиненіяхъ и горячихъ журнальныхъ статьяхъ? Въ дѣлѣ языкознанія, это во первыхъ рядъ выписанныхъ у Нѣмцевъ формъ изъ разныхъ языковъ, съ нѣмецкою же обработкой и анатоміей, съ нѣмецкими соображеніями, у нихъ прожитыми наукою, а для насъ какъ голѣбъ и сырой матеріалъ: при этомъ сооставлено и наше слово, но какъ крошка, какъ капля въ море опущенна. Во вторыхъ, какъ изъ нѣмецкой книжки (именно изъ книжки, а не изъ языка нѣмецкаго и не изъ языковъ прочихъ), такъ и изъ нашихъ книжекъ, выписанныя формы, сближенныя—у лучшихъ—по всемъ законамъ современной нѣмецкой науки, но увы—все формы и формы рядышкомъ, до того формальныя, до того оторванныя отъ исторіи своего происхожденія, отъ первобытныхъ стихій своихъ, отъ воззрѣній самаго народа, отъ творческой силы, ихъ творившей, или отъ всякой непрерывной послѣдовательности съ верху до низу, что онѣ ложатся какими-то сдѣвшимися пластами, какъ тѣла неорганическія не прививаются ни къ какому органическому порядку, отъ читающаго взгляда не доходятъ до ума вашего и познанія, терять бѣлую

страницу толстыхъ книгъ однимъ линіями и пребываютъ здѣсь прова-
 ведемъ типографской краской. Съ другой стороны, для разумѣнія
 доисторической эпохи слагавшихся народовъ, для мнѳологіи, для исто-
 ріи языческаго вѣросознанія сдѣлали Нѣмцы громадныя услуги: имъ мы
 одолжены ходомъ изслѣдованія со стороны мнѳологической и, если есть
 онъ, успѣхомъ воззрѣнія. Творенія Шеллинга такъ велики, что стыдно
 при нихъ не прійти каждому изъ насъ Славянъ къ воззрѣнію самобыт-
 ному и народному, не усмотрѣть соответствія открытымъ высшимъ и
 общимъ началамъ въ нашихъ частныхъ видовзмѣненіяхъ, своеобразныхъ
 народности. Къ сожалѣнію, здѣсь философія нѣмецкая далеко опере-
 дила нѣмецкую филологію и послѣдняя не догнала еще первой. Труды
 языковѣдательныя тамъ стоятъ еще подъ влияніемъ старыхъ школъ
 философіи, или даже считаютъ нужнымъ эманципироваться отъ ясныхъ
 воззрѣній, для свою область въ какую-то клетку. Потому, какъ у
 насъ рабски переносятся на родную почву сырыми языковѣдательными
 данными отъ Нѣмцевъ, такъ вмѣстѣ съ ними перенши и тѣ же воз-
 зрѣнія. Но, хоть бы цѣликомъ: нѣтъ, тамъ въ воздухѣ есть уже на-
 чала философскія, философскій складъ мышленія, хотя бы отъ ста-
 рыхъ школъ; у насъ же нѣтъ школъ никакихъ. Отъ того въ трудахъ на-
 шихъ филологовъ, гдѣ по необходимости касаются они мнѳологіи, вы
 видите часто или отставшую старую нѣмецкую школу, или уже не только
 никакой школы, но даже никакого ученія, ни даже азбуки науки.
 И вотъ опять вамъ картина. Въ богатѣйшей обработкѣ Скандинаво-
 Нѣмецкой мнѳологіи изслѣдованія о Римлянахъ и Грекахъ входятъ
 только частію, сколько нужно ученымъ: нельзя же нашимъ фило-
 лого-мнѳологамъ переносить эту часть къ Славянамъ и Руси, —
 мѣло. Такимъ образомъ у нашихъ не является ни Римскаго міра,
 ни Грековъ: нѣтъ Грековъ въ вопросѣ о мнѳологіи! Индія намъ те-
 же не нужна: выписывается изъ Нѣмцевъ лишь по столько, по
 сколько тамъ упомянута; нѣмецкія изданія Индійскаго вѳоса, хотя
 и съ Латинскимъ переводомъ, читать долго: довольно ограничиться
 выписками изъ глоссарія Боппа. У Нѣмцевъ, въ изслѣдованія объ
 ихъ мнѳологіи, конечно на первомъ планѣ своя родная, богатая па-
 мятниками, а памятники разработаны, кропотливныя изысканія вскрыли
 міръ ея представленій до самыхъ мелочей, и притомъ есть даже со-
 чиненія популярныя: все это переводится на Русскій языкъ, не цѣ-
 ликомъ. — нѣтъ, тогда бы послѣ не осталось ничего дѣлать. — а мы
 видѣ выписокъ и собственныхъ соображеній. Проходятъ передъ на-
 шими глазами Одны, Торы, Локи, Квасыры, Мидгарды, Сягурды

и т. д., и т. д.: въ видѣ мелкаго карлика благосклонно подводится къ нимъ Славянскій миръ и Русь. Дѣйствительно, кое въ чемъ указано иногда и подлинное сходство: да что же мы изъ того выигрываемъ? Если усы благороднаго короля Италиіи сходны съ наполеоновскими и отчасти даже русскими, движется ли отъ того далѣе исторія? Всѣ тамошніе мнѳологическіе образы достаточно ли ясны сами по себѣ, чтобы объяснить ими наши? Не нуждаются ли они сами въ мнѳологіи классической? Не Гриммъ ли уяснилъ природу своего Одина только изслѣдованіемъ о Полюфемѣ? Наши ученые этого не допытываются: вокругъ громадныхъ образовъ, перерисованныхъ черезъ стекло съ нѣмецкой страницы, располагаются группы нашихъ пяти-десяти пѣсень изъ памятниковъ народныхъ, дюжина данныхъ изъ житейниковъ и пластами тысяча формъ сложившагося языка. Замѣшана довольно густая и объемистая масса: оказывается и у насъ, что шагъ, то мнѳологія, всюду мнѳологическій періодъ, при томъ отождествляемый съ эпическимъ. Мнѳологія богатѣйшая. Но, всматриваясь, вы видите слѣпки чужихъ формъ или многозначительную шелуху формъ собственныхъ. А съ другой стороны стихія, огонь, свѣтъ, воздухъ, вода, вѣтеръ, дымъ, звукъ, царь, и т. д. Вы однако радуетесь: это миръ чистыхъ стихій или близокъ къ стихійному, быть можетъ попали на доисторическую или отчасти историческую стихійность Славянской природы? Увы: въ сихъ изслѣдованіяхъ огонь и свѣтъ нашихъ праотцевъ оказывается тѣмъ же, что у насъ при свѣчкѣ; воздухъ тотъ же, что въ Москвѣ; вода Москворѣцкая, вѣтеръ съ Воробьевыхъ горъ, дымъ отъ сигары, звукъ концерта, и притомъ болѣе похожаго на Турецкій, царь отъ кабинетнаго труженика, утирающаго поту за Русскую землю. Природа, внѣшняя въ современномъ смыслѣ, о боготворяется: какъ у гоецовъ, какъ у тѣхъ массъ, изверженныхъ изъ исторіи народовъ, шамановъ, поклонниковъ, напивающихся на колесо записочки съ молитвами и вертящихъ колесо для умиловленія грома и бури. Сознаніе ученаго, разорванное между внѣшнею формою и стихіями безъ образа, дѣлается театромъ дуализма, борьбы, тѣмъ болѣе ужасной и грозной, что ей ничего не соответствуетъ въ дѣйствительности народа, ни въ его исторіи, ни до исторіи; борьба злыхъ и добрыхъ началъ, Иранская борьба, перешедшая въ Скандинаво-Нѣмецкую, прочитанную въ книжкѣ, оглашается вдохновенною пѣснью Эдды, уже не древней, не новой, а цвѣтшей. Борьба изъ сознанія переносится въ Русскую книгу: здѣсь она оказывается

борьбою Русскаго язычества съ Христіанствомъ. Трудно сказать, на какой сторонѣ успѣхъ, на какой потеря: результатомъ выходятъ народное двоевѣріе. Памятники народные задавлены Христіанствомъ: въ житейникахъ разсказывается о Перуѣ и Чудѣ-Юдѣ. Мифологическая катастрофа, безцѣльно и безграницно продолжающаяся доселѣ, обставлена печальною картиною тяжкаго положенія древне-русской женщины, представителями борьбы — невѣжественными и грубыми боярами, невѣжественнымъ духовенствомъ, простодушными—но глухими дѣтьми—крестьянами, лицами дѣйствительными, не успѣвающимъ однако вынести изъ борьбы, при которой присутствуютъ они зрителями, благотѣльныхъ вліяній добраго начала. Вопросы о томъ, какова связь съ древними народами, было ли чему бороться съ Христіанствомъ при выходѣ Русскаго человѣка къ исторіи, а если и была борьба, то не шла ли она противъ формъ, приносимыхъ къ намъ съ чужи и выработанныхъ чужимъ язычествомъ, не было ли внутренней связи народныхъ представлений съ представленіями, положенными въ основу Византійскихъ сказаній, и каково было народное воззрѣніе на все это дѣло, и какова потребность народнаго воззрѣнія въ самой наукѣ, — всѣ эти и подобные вопросы не поднимаются на страницахъ, отданныхъ такъ называемому эпическому періоду. Печальная картина. Уважая степень потраченного на все это трудолюбія, равняющуюся развѣ только одной ограниченности дѣятелей, всякой обязанъ антиквировать эти зады изродной всеобразной русской науки, во имя науки подлинной и современной, какъ бы ни сердвились старцы съ высоты каедръ или ученыхъ степеней, какъ бы ни старались защитить ихъ юные кандидаты-Пуляканы, кандидатствующие въ старцы и совершающіе узаконенный «ambitus» похвалою «превосходнымъ, глубокимъ и замѣчательнымъ изслѣдованіямъ» старцевъ.

Въ слѣдующемъ послѣ сего изысканія, въ доступной—по возможности—для большинства читателей формѣ, мы пройдемъ путь филологической, соответствующій прежнимъ «Замѣткамъ» и здѣсь же вскроемъ важное вліяніе на наше народное творчество еще одного яркаго мифологическаго образа.

3.

По плану намъ бы слѣдовало теперь дополнить прежнее изложеніе **Былъ е в ы х ъ С к л а з о к ъ** вновь изданными данными: но, такъ какъ

на днях мы получили отъ П. Н. Рыбникова еще продолженіе Былинъ, потому заканчивать обзоръ нельзя и уже при III-й Части помѣстимъ мы общанный Указатель и снова разсмотримъ подробно подвиги нашего Ивана. Изданіе г. Аѳанасьева съ каждымъ выпускомъ приобретаетъ все болѣе и болѣе значеніе, все сильнѣе и еяльнѣе возбуждаетъ интересъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ начались сказки, собранныя В. И. Далемъ. Выпускъ VI-й, о которомъ мы еще не говорили съ читателями, не только подтверждаетъ сказанное нами въ прежнихъ «Замѣткахъ», но раскрываетъ дѣло еще далѣе, объясняетъ его еще неожиданнѣе, вводитъ въ дѣлю и огромную область самобытнаго творчества. Предоставляя себѣ впередъ обстоятельныя подробности, замѣтимъ здѣсь между прочимъ, что въ концѣ Выпуска помѣщены Сказки тѣ именно, которыя возсоздавалъ бессмертный Пушкинъ, такъ что, кромѣ самостоятельнаго интереса, онѣ проливаютъ значительный свѣтъ на творчество поэта. Если по рабскому отношенію къ литературѣ иностранной и тамошнему просвѣщенію, а съ другой по мелочности таланта, ощущающаго наслажденіе рыться въ выдохшейся сферѣ бездушной публики, большая часть современныхъ писателей-художниковъ доселѣ не хотѣтъ еще знать порядкомъ произведеній народныхъ и не находятъ въ себѣ силъ воспроизводить тѣ драгоценныя перлы, которые даются общеніемъ съ народомъ, а въ изданныхъ нынѣ дивныхъ образахъ готовить въ будущемъ перерожденіе нашей литературѣ: то тѣмъ величавѣе поднимается надо всѣмъ этимъ колоссальное творчество поэта, далеко здѣсь опередившаго настоящихъ современниковъ. Невольно вспоминаемъ его заветное желаніе:

Увижу ль, о друзья, народъ не угнѣтенный
И рабство падшее по манію царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Одна половина желанія уже исполнилась. Еще нужнѣе свобода духа отъ рабства въ просвѣщеніи: а этого желать должно всего прежде отъ нашихъ ученыхъ и художниковъ; это ихъ уже дѣло, въ которомъ стыдно ожидать государственной помощи. Дай Богъ!

П. Б.

1862 года,
Мая 13.

Перечень пѣсенъ и прочихъ сказаній II-й части по мѣсту и лицамъ, гдѣ, у кого и къмъ онѣ записаны или собраны.

1. Переданныя Собирателю Н. В. Овручевымъ, записанныя а) въ Саминскомъ приходѣ, Вытегорскаго уѣзда: №№ 8, 9; б) Песчанской волости, Пудожскаго уѣзда: № 36; в) Вытегорскаго погоста, Спасоматкозерскаго прихода: № 48.

2. Записанныя по порученію Собирателя г. Лысановымъ а) въ Кижской волости: №№ 16, 20, 55; б) въ Свиногубской волости: № 17; в) въ Филимоновской волости Пудожскаго уѣзда, отъ Андрея Сорокина: см. ниже.

3. Доставленныя Собирателю А. А. Шкалинымъ, изъ Лоденопольскаго уѣзда: №№ 25, 26.

4. Кижской волости пѣсня записанная отъ крестьянина Григорья Васильева крестьяниномъ изъ Стѣнной Губы, деревни Конды, Андреемъ Ивановымъ Соколовымъ: № 37.

5. Отъ г. Прозоровскаго, Олонецкой губерніи: № 39.

6. Изъ Вукошискаго (позднѣйшаго) сборника: №№ 56, 57, 58.

7. Записанныя самимъ Собирателемъ, Пудожскаго уѣзда, Филимоновской волости, отъ Сумозерскаго крестьянина Андрея Сорокина: №№ 7, 19, 30, 31, 34, 53, 62, 63; изъ нихъ нѣкоторыя черезъ г. Лысанова: см. въ текстѣ.

8. Того же уѣзда, Бережнодубровскаго погоста, деревни Кузне-

цовой, отъ калки Латышова, записанныя (отселъ всѣ) с л и м и ъ
С о б и р а т е л е м ъ: №№ 5, 23, 28, 51.

9. Того же уѣзда, Купецкой волости, деревни Мелентьевской,
записано на Шувгѣ, отъ слѣпаго Ивана: № 10.

10. Того же уѣзда, Шальской волости, отъ лодочника: № 43.

11. Петрозаводскаго уѣзда, въ Кижской волости, отъ крестьянина
Терентія Іевлева: №№ 1, 12, 32.

12. Той же волости, деревни Боярщины, отъ крестьянина Щеголен-
кова: №№ 21, 49, 59; отъ его племянницы: №№ 14, 52.

13. Той же волости, деревни Середки: № 50.

14. Той же волости, деревни Курганицъ, отъ крестьянина Петра
Иванова Корнилова: №№ 60, 61, 64, 65.

15. Того же уѣзда, Сѣнногубской волости, деревни Логмасы, отъ
слѣпаго крестьянина Козьмы Романова: №№ 18, 22, 42, 54.

16. Того же уѣзда, погостъ Деревянской: № 47.

17. Того же уѣзда: № 40.

18. Каргопольскаго уѣзда, изъ деревни Красныя Ляги, отъ старика
калки: №№ 2, 3, 4, 6, 11, 13, 15, 29, 33.

19. Того же уѣзда, Тихвиноборскій погостъ: № 24; здѣсь же,
отъ Кенозерскаго цѣловальника изъ Пудожскаго уѣзда: № 35.

20. Изъ Кенозера: № 27.

21. Черниговскія Слободы: №№ 44, 45.

22. Пермской губерніи, Екатеринбургскаго уѣзда: №№ 38, 41, 46.

NB. Противъ этого, исправленнаго позднѣе, Перечня въ са-
момъ текстѣ есть нѣкоторыя ошибки, отмѣченныя въ « Погрѣш-
ностяхъ. »—*Изд.*

СССЛXVII

ПЕРЕЧЕНЬ ОПЕЧАТОКЪ, ОШИБОКЪ, ПРОПУСКОВЪ ВЪ I-Й ЧАСТИ И ДОПОЛНЕНІЯ КЪ НЕЙ *):

- Стр. 2, стихъ 42: *малыхъ горносталюшекъ.*
- 18 — — 42: *убѣгли все звѣри въ темны лѣса.*
- 19 — — 49: *кобылка у ратая соловая,*
- — — — 61: *Далѣ чель, Волга, ѣдешь, куда путь держишь*
- — — — 70: *А недавно я былъ въ городъ, третьёво-дни;*
- 20 *послѣ стиха 105 пропущено: изъ омышковъ земельки повытряхнуть.*
- 23 — — 45: *Какъ улетѣла та сошка къ подоблачью;*
- 24 — — 65: *Тая сила вся по рѣченькѣ подвоялася,*
- — — — 86: *Да одва ѣдетъ, одва гонитъ,*
- 49 — — 170: *Приотшатался, приомалтался **),*
- 56 — — 63: *«Что ты, собака, на корткѣ потыкаешься!»*
- 66 — — 29: *Стоять богатыри, пораздумались.»*
- 72 *Примѣч. къ 242 стиху: И Ванька Удовкинъ, т. е. Вдовинъ сынъ.*
- 76 — — 51: — *Ахъ ты, шишира, б.... деревенская!*
- 84 — — 120: — *А батюшка; не знаю, кто е. —*
- 91 *Примѣч. къ 71 стиху: распастался отъ ласъ—поясъ.*
- 92 — — 115: — *По многу ли пьеть зелена вина? —*
- 95 *Примѣч. къ 5 стиху: Заркѣ — отъ зор, зр, отсюда заритъся.*
- 103 *Примѣч. къ 238 стиху: шеломя, холмъ, гора, ср. Слово о полку Игор.*
- 104 *Примѣч. къ 277 стиху: пересядетъ—надорвется.*
- 120 — — 1: *Пораслачетъся, порастужитъся Добрынюшка Никитиничъ*
- — *Послѣ 8 стиха прибавить: «Красою во Осниа Прекраснаго,*
- — *Послѣ 18: — Первой посолъ Илья Муромецъ отъ города отъ Кіева,*
- — *А другой посолъ—Добрынюшка Никитиничъ;*
- 121 — — 32: — *У насъ купятся во Пучай рѣки во рубашечкахъ. —*

*) Составленъ Собирателемъ уже по выходѣ I-й Части: см. «Переписку.» — *Изд.*

***) Объясненіе Издателей послѣ этой поправки уже не идетъ. — *Изд.*

- — — — 40: И другую струечку быструю переплыла.
У него былъ взятъ малый п'яровкя,
- — — — 44: — Изподъ западнѣя сторонѣшки иде шумъ
великъ!—
- 181 — — 104:—Скажи, скажи, Дунай, не утай собою,
— 263 — — 87: Около носовъ-носѣвъ янцомъ покати,
— — — — 89: Воробышко летить, перепурхиваетъ.
— 338: Послѣ 87 стиха въ разнорѣчїи прибавляется:
Самъ говоритъ таковы слова:
— — Бытто матушка по головкѣ подрочиваетъ,
— — Бытто матушка по головкѣ поглаживаеги!—
- 345 — 33, 34: Обучился Василій всякихъ хит-
ростей — мудростей,
Разныхъ наукъ воинскихъ и рыцарскихъ,
— — Послѣ 45 стиха разнорѣчїе добавляетъ:
Поставить къ дверямъ добра молодца
И ударить вязомъ черленымъ:
Который устоитъ на ногахъ отъ удара Васильева,
Тотъ его дружина хоробрая.
- 460 Примѣч. Въ Февралѣ 1861 г. Кузьма Романовъ у меня
въ Петрозаводскѣ пѣлъ эту былинку и послѣ стиха 153-го припоинилъ:
« « Пусти его въ палату бѣлокаменну
« « Не вѣкъ вѣковать, не ночь почевать,
« « Единъ разъ хлѣба-соли откушати.»»
Эти же слова повторяются и послѣ 156 стиха.
- 471 — — 4: Похотѣлося дородню-добрѣ молодцу
— 480 — — 33: «Такъ осмѣются люди добрые
— — — — 40: Прошла-пролегла дорожка мнѣ царевъ кабакъ
— — — — 53: Не послушалъ наказа отца-матернѣя;
— 482 — — 94:—Не послушался наказа отца матернѣя! —
— 487 — — 61:—Дологъ хвостъ, да не наступитъ *),
— 488: Пропущено послѣ 13 стиха: « Скрозь хлѣбночю точину
пропускаетъ,
— XXV: Вмѣсто « Полученныя отъ П. О. Б.» должно быть:
« Полученныя отъ П. О. Б.»
21 Апрѣля 1861 г., Петрозаводскъ, Павелъ Рыбниковъ.

*) Такъ по догадкѣ и было исправлено Издателю. — Изд.

- Стр. 345, передъ № 64:
 (Кижская волость). — — (Кижская волость, деревни
 • Курганиць).
- Стр. 351, послѣ пѣсни:
 Собирателя). — — — Собирателя, отъ Петра Ива-
 нова Корнилова, ср. выше).
- Стр. XI, строка 11 сверху:
 настоятели — — — — настоятели
- СХХIV, строка 19 сверху:
 Первооємъ — — — — Первооємъ
- СХL, строка 17 сверху:
 внутреннюю, — — — — внутреннюю,
- СХLII, строка 20 снизу:
 въ высокое дерево, скрыло — — въ высокое дерево, дерево
 скрыло
- СХLVIИ и ниже:
 Мелькарта, Мелькартъ, — — Мелкарта, Мелкартъ,
 и т. п. — — — — и т. п.
- СLIII, строка 20 снизу:
 Кентовровъ — — — — Кентавровъ
- СLIV, строка 17, 18:
 освободилъ городъ отъ Грековъ, освободилъ городъ отъ
 враговъ,
- СLXXIII, строка 1 сверху:
 находить — — — — находить
- —, строка 7 снизу:
- Доинисъ — — — — Дионисъ
- СХС, строка 5 сверху:
 Саломиевъ — — — — Саломоцевъ
- ССVI, строка 8 снизу:
 обличенный, — — — — обличенный,
- ССХХIV, строка 9 снизу:
 помъщается — — — — помъщается

- ССХХХV, строка 1 снизу:
Гриммъ въ простонародной — Гриммъ, въ простонародной
- ССXL, строка 14 снизу:
Давыдъ — — — — Давидъ
- ССLXXXIII, строка 2 снизу:
шлв. — — — — шло.

ВАЖНАЯ О ПЕЧАТКА. Издатель и сочинитель статьи, цитируя страницы и приводя выписки изъ « Исторіи Нѣмецкаго языка » Я. Гримма, но въ то же время занимаясь изученіемъ другой его книги, « Нѣмецкой Миеологіи, » нима сей последней перенесъ на первую. Потому —

Видѣно:

Слѣдуетъ исправить:

- Стр. СХСV, строка 15 и 16 снизу:
« Нѣмецкой Миеологіи. » — « Исторіи Нѣмецкаго языка. »
- СХСVI, строка 11 снизу:
« Нѣм. Мие. » — — — « Ист. Нѣм. яз. »
- СХСVIII, строка 10 сверху:
въ Нѣмецкой Миеологіи, — въ Исторіи Нѣмецкаго языка.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-И ЧАСТИ.

	СТРАНИЦЫ.
Отъ Издателя	I
Пѣсни.— I. Миклушка Селяниновичъ: 1	1
ВРЕМЯ ВЛАДИМИРОВО. БОГАТЫРИ КІЕВСКІЕ.	
✓ Илья Муромецъ. Воспитаніе: 2	2 — 5
✓ Онъ же и Черняговъ. Соловей-разбойникъ. Прїѣздъ въ Кіевъ: 3	5 — 10
✓ Добрыня и Маршкка: 4	10 — 12
Онъ же и бѣтва съ Невѣжею: 5	13, 14
✓ То же. Купанье въ рѣкѣ. Жена вышла за другаго: 6.	14 — 20
То же. Жена за другаго: 7	21 — 33
Онъ же и Сила невѣрная: 8	33 — 36
Онъ же и Смерть: 9	36, 37
Василій Игнатьевичъ: 10, 11.	37 — 44
Дунай Ивановичъ: 12.	44 — 51
Иванъ Годиновичъ: 13, 14.	52 — 58
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ: 15, 16, 17	59 — 87
✓ Онъ же и Сорокъ каликъ со каликою: 18.	87 — 92
Ставръ Годиновичъ и Василіса Миклушна: 19, 20, 21.	93 — 119
Хотень Блудовичъ: 22.	120 — 123
✓ Чурило Пленковичъ: 23, 24.	123 — 127
Онъ же и Шаркъ-великанъ: 25.	128 — 130
Онъ же и Дюкъ Степановичъ: 26	130 — 135
Дюкъ Степановичъ: 27, 28, 29, 30	135 — 184
✓ Соловей Будимировичъ: 31.	184 — 194

II. Новгородъ.

✓ Василій Буслаевичъ: 32.	197 — 201
Смерть его: 33.	201 — 208

III. Москва.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ: 34.	211 — 220
Кастрюкъ: 35, 36, 37.	221 — 229
Ермакъ Тимобевичъ: 38.	230 — 232
Отчего на Руси завелась изытна: 39	232 — 236
Царь Алексій Михайловичъ. Земскій Соборъ: 40.	236 — 238
Стенька Разинъ: 41.	239, 240
Царь Петръ. Объ удаломъ добромъ молодцѣ и казнѣ сорокъ тысячей: 42.	241 — 243
О царѣ Петрѣ: 43.	243, 244
Графъ Румянцевъ: 44.	244, 245
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ: 45	245, 246

IV. Былныя, Старыя, Побывальщныя: Княжескія, Молодецкія, Безъимяныя.

Михайло князь: 46, 47.	249 — 255
Оника Воинъ: 48	255 — 258
О добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой: 49, 50.	259 — 267
О Дворянинѣ Безсчастномъ молодцѣ: 51	267 — 270
О царѣ Саламанѣ, царицѣ Саламаніи и Препрасномъ царѣ Васильѣ Окульевичѣ: 52, 53.	277 — 303
О царѣ Саламанѣ: 54.	303 — 305
О немъ же и Купцѣ Темномъ: 55.	305 — 308
О Старцѣ: 56, 57.	308, 309
Бой: 58.	309, 310
Каково птицажъ жить на Руси: 59.	310 — 314

Приложенія (до II-й Части *).

*) Печатанная здѣсь предпосылка должна быть вышю: см. текстъ. — Изд.

	СТРАНИЦЫ.
✓ Оратай (Микула): 60.	317
Настасья Микуличпа на Соколѣ кораблѣ: 61.	317, 318
✓ Илья Муромецъ. О трехъ поѣздкахъ его: 62.	318 — 322
✓ То же, и Сора съ Владиміромъ: 63.	323 — 345
Илья и Сокольничекъ: 64:	345 — 351
Василій Пьяница: 65.	352 — 354.

Извлеченіе изъ писемъ П. Н. Рыбникова по
поводу изданія его Сборника. . . I — XVIII

Замѣтка, Петра Безсонова. . . . . XIX—CCGLXIV

Перечень пѣсень и прочихъ сказаній II-й Части
по мѣсту и лицамъ, гдѣ, у кого и къмъ онѣ заши-
саны или собраны. . . . . CCCLXV—CCCLXVI

Перечень опечатокъ, ошибѣкъ, пропусковъ въ
I-й Части и дополненія къ ней. CCCLXVII—CCCLXVIII

Погрѣшности во II-й Части. . . CCCLXIX—CCCLXXI.

Лед. Ин-т им. А. Н. Герцена
IV БИБЛ. ПУНКТ
СТАВЛЕВ. ЯЗЫК. А. . . . .

